XVIII ВЕК

31

XVIII ВЕК

СБОРНИК

31

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII ВЕК

СБОРНИК

31

Альянс-Архео
Москва — Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
В 76

В 76 **XVIII век.** Сборник 31 / Отв. ред.: Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024. — 496 с.

ISBN 978-5-98874-219-7

Ответственные редакторы:
Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев

Ответственный секретарь
А. О. Дёмин

Редакционная коллегия:
Н. Ю. Алексеева, А. Ю. Веселова, П. Р. Заборов, К. Ю. Лаппо-Данилевский, М. А. Федотова

Рецензенты:
П. Р. Заборов, Н. П. Морозова

© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке группы компаний «Алкор Био» в лице ее президента Д. Г. Полынцева

ISBN 978-5-98874-219-7

© Коллектив авторов, 2024
© Российская академия наук, 2024
© ИП Новикова О. Л., 2024

ОТ РЕДАКЦИИ

31-й выпуск, как и предыдущие сборники академической серии «XVIII век», подготовлен Отделом по изучению русской литературы XVIII века Пушкинского Дома (Института русской литературы) РАН. Кроме сотрудников Отдела, в сборнике приняли участие исследователи других научных учреждений из Петербурга, Великого Новгорода и Новосибирска, а также зарубежные ученые.

Книга содержит статьи, представляющие развитие отечественной словесности на протяжении всего столетия: от самых первых его десятилетий до самых последних, неразрывно связанных уже с литературой XIX века. Предметом исследований стало творчество как наиболее значительных писателей XVIII века: А. П. Сумароков, Ф. А. Эмин, Н. И. Новиков, Н. А. Львов, А. Т. Болотов, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, так и менее известных: С. С. Волчков, И. И. Виноградов, Я. И. Басин, а также авторов анонимных произведений и переводов.

С разных сторон освещена рукописная литературная традиция начала века. В статье Н. В. Каревой и Л. А. Курышевой подробно прослежена история русских переложений французской галантной сказки М. К. д'Онуа, получивших распространение в России под названием «Гистория о русском принце Адолфе». Н. В. Салоников и К. В. Суториус тщательно изучили архивные документы, связанные с эпистолярной деятельностью новгородского митрополита Иова за 1700–1715 гг., что позволило существенно расширить представление о круге его общения, интересах и общественной позиции, а также выявить характерные особенности русской эпистолографии того времени.

Статьи М. К. Брагоне и Е. Д. Кукушкиной, взаимно дополняя друг друга, дают представление о развитии жанра басни в России, о творческом восприятии классических басен Эзопа через европейское посредство. Новые материалы, выявленные сотрудниками Отдела в связи с подготовкой академического собрания сочинений Сумарокова, стали

предметом специального исследования в статьях Е. Д. Кукушкиной и А. Ю. Соловьева, посвященных драматургии писателя. Свой вклад в изучение сюжетов русской литературы и ее международных связей вносят статьи Р. Бодэна о турецкой теме в творчестве Ф. А. Эмина и А. Варды, анализирующей русские обработки темы об английском путешественнике и индианке. Проблема взаимосвязи литературных и документально-литературных жанров исследуется А. Ю. Веселовой на примере творчества А. Т. Болотова в контексте традиции рукописной и печатной книги. Статьи И. Клейна представляют собой опыт анализа отдельных произведений Г. Р. Державина (ода «На смерть князя Мещерского» и ода «На мир 1807 года») в широком историко-культурном контексте. В работе К. Ю. Лаппо-Данилевского, посвященной львовско-державинскому кружку, содержится целый ряд уточнений, выявляется роль каждого из участников этого дружеского объединения, способствовавшего творческой деятельности каждого из них. Другая статья К. Ю. Лаппо-Данилевского представляет обстоятельный очерк биографии и литературной деятельности И. И. Виноградова и анализ его «Послания к И. И. Дмитриеву», до сих пор не привлекавшего внимания исследователей, но содержащего немало деталей, характеризующих литературную полемику конца XVIII — начала XIX столетия. Проблема идейной и художественной преемственности затрагивается в статье Н. Д. Кочетковой «Н. И. Новиков в жизни и творчестве Карамзина». Особое место в сборнике занимает статья М. Шрубы о литераторе и художнике-рисовальщике Я. И. Басине и его книге «Национальные изображения промышленников, снятые с натуры в Санктпетербурге» (1799). Исследователь тщательно собрал все факты биографии этого малоизвестного автора и всесторонне охарактеризовал его книгу, приложив содержащиеся в ней иллюстрации, изображающие уличных торговцев и разносчиков и воспроизведенные в издании.

Традиционный для серии раздел «Публикаций» содержит русский перевод первого оперного либретто, созданного для российского музыкального театра: «Селевк» (1744) Дж. Бонекки, подготовленный к премьере и содержащий стихотворные вставки, авторство которых некоторые исследователи приписывают А. П. Сумарокову; и «Из истории изучения русской литературы XVIII в. в 1920-х гг. (Статья Т. М. Глаголевой о Феофане Прокоповиче и А. Кантемире)» С. И. Николаева.

Сборник адресован специалистам из разных областей: филологам, историкам, этнографам, а также всем читателям, интересующимся становлением отечественной культуры.

СТАТЬИ

Л. А. КУРЫШЕВА, Н. В. КАРЕВА

«ГИСТОРИЯ О ПРИНЦЕ АДОЛФЕ»: РАННЯЯ РУССКАЯ ВЕРСИЯ ГАЛАНТНОЙ СКАЗКИ М. К. Д'ОНУА*

Первой литературной сказкой во Франции считается «L'Île de la Félicité» М.-К. д'Онуа (*M.-C. d'Aulnoy*, 1651–1705).[1] Писательница, поместила ее в качестве вставной истории в свой роман «Histoire d'Hipolite, comte de Douglas» (Paris, 1690). Первоначально текст не имел отдельного названия, при этом была обозначена жанровая спецификация этого типа повествований, вошедших в моду в последующие десятилетия, — «сказка, подобная фейным» («un conte approchant de ceux des Fées»). В дальнейшем сказка обрела самостоятельную популярность, причем как во Франции, так и за ее пределами,[2] и получила наимено-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42016. The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-42016. Гистория о принце Адолфе / Подгот. Л. А. Курышевой // Курышева Л. А., Карева Н. В., Федюкин И. И., Соломеин А. Ю. Культурный импорт «политичных обхождений»: Русско-европейские контакты и переводная беллетристика в Петровскую эпоху. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022. С. 351–394.

[1] *Storer M. E.* La mode des contes de fées (1685–1700). Un épisode littéraire de la fin du XVIIe siècle. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1928. P. 28; *Defrance A.* Les contes de fées et les nouvelles de Madame d'Aulnoy (1690–1698). L'imaginaire feminin à rebours de la tradition. Genève: Librairie Droz, 1998. P. 12; *Robert R.* Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe à la fin du XVIIIe siècle. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1982. P. 8; *Jasmin N.* Naissance du conte féminin. Mots et merveilles: les contes de fées de Mme d'Aulnoy, 1690–1698. Paris: H. Champion, 2002. P. 15.

[2] О распространении, изданиях и литературной судьбе «L'Île de la Félicité» и других сказок д'Онуа в Европе см.: *Storer M. E.* La mode des contes de fées... P. 261–263;

© Л. А. Курышева, Н. В. Карева, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-5-27

вание, которым мы пользуемся сегодня.[3] Русский читатель познакомился с ее содержанием в первой половине XVIII в. через рукописную книгу. В отечественной традиции за ней закрепилось название «Гистории о принце Адолфе» (с некоторыми вариациями).[4] Довольно быстро «Гистория» попала в русский лубок, а в конце XVIII — начале XIX в. из печати вышло несколько ее переводов и переложений.

Начало изучению русских «версий» сказки было положено А. Н. Веселовским.[5] Он соотнес французский оригинал с русским списком «Гистории о принце Адолфе» (РГБ. Ф. 310. № 912) и лубочной сказкой. Веселовского интересовал в первую очередь вопрос о возникновении лубка. Он пришел к выводу, что лубочная книга была создана в результате сокращения неизвестного списка, который отличался от имеющегося в его распоряжении. Его работа содержит немало ценных наблюдений над особенностями перевода и возникшими в ходе рукописного бытования переосмыслениями.

Следующим этапом стало исследование С. Ф. Елеонского.[6] Он выявил русские печатные пересказы и переделки французской сказки, доказал связь двух печатных сказок с лубочной версией («Сказка об ост-

---

Alzati V. Les contes de Mme d'Aulnoy et leur fortune en Europe (France; Italie; Grande-Bretagne; Allemagne) 1752–1935: Thèse de doctorat de l'Université Paris-Saclay, préparée à l'Université de Saint-Quentin en Yvelines. 2018; *Palmer M. D.* Madame d'Aulnoy in England: Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland <...> for the degree of Doctor of Philosophy. 1969. P. 130–137.

[3] Название «L'Île de la Félicité» появилось при публикации сокращенной версии сказки в антологии: Voyages imaginaires, songes, visions et romans cabalistiques. Ornés de figures. T. 27. Amsterdam; Paris: rue et hôtel Serpente, 1788. P. 24–50.

[4] Приведем их: «Гистория о славном принце Одолфе» (ГИМ, коллекция Е. В. Барсова); «Гистория о принце Одолфе и о Острове Вечного Веселия и о пренцесе Красоты и веселия» (РГБ, коллекция В. М. Ундольского); «Гистория о принце Адолфе и о Острове Вечнаго Веселия» (БАН, Основное собрание); «История» (ГЛМ. Музейное собрание); «Гистория о принце Адолфе Лампландинском и о Острове Вечнаго Веселия» (РНБ, собрание П. П. Вяземского); «История о принце Одолфе Лампландийском и о Острове Вечнаго Веселия» (ГИМ, Музейское собрание); в списке ГИМ, коллекция И. Е. Забелина текст без заглавия и начала).

[5] *Веселовский А. Н.* Из истории русской переводной повести XVIII в. Mme d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite и лубочная сказка о принце Адольфе // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. 43. № 2. СПб., 1888. С. 1–25.

[6] *Елеонский С. Ф.* Старинные переводные повести в русских народных пересказах: 1. Сказочная повесть об острове вечного веселья // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 44. Вып. 8: Русская литература. С. 3–19.

рове всегдашнего веселия» (1787); «Сказка об Остромоносе-королевиче» (1795)), а также независимое от лубка и рукописной традиции происхождение «Сказки о Медорсусане» В. А. Лёвшина (1787). Кроме того, он констатировал точное следование французскому оригиналу в переводе П. Синицына (1801). В единичных случаях исследователем были привлечены списки из собраний В. М. Ундольского (РГБ. Ф. 310. № 912) и П. П. Вяземского (РНБ. Вяз. Q. 200). Возникновение рукописного перевода сказки д'Онуа и его появление в виде лубочного рассказа С. Ф. Елеонский датировал первой четвертью XVIII в.

Наконец, еще одна работа была посвящена анализу русских переводов и переложений французской сказки.[7] В ней рассматривались некоторые смысловые смещения относительно французского оригинала. Это было сделано через анализ русских переводов стихотворных вставок, являющихся своеобразным ключом к философскому содержанию сказки. Материалом послужил один рукописный список (БАН. 19.2.38), переложение Лёвшина и перевод Синицына. Был сформулирован вывод о том, что тема развития и угасания любовного чувства, важная для французского оригинала, оказалась не вполне востребованной в русских переводах и переложениях. В рукописном переводе, а затем в печатных переложении и переводе конца XVIII — начала XIX в. центральной стала мысль о краткости земного существования человека.

Таким образом, на сегодняшний день назрела необходимость воссоздания полной картины рукописного бытования «Гистории о принце Адолфе» (и верификации выводов наших предшественников) через привлечение всех имеющихся списков. Кроме того, мы предполагаем уйти от оценки степени соответствия рукописного перевода оригиналу и сосредоточиться на содержательных изменениях, которые происходят вследствие смены контекста и «импортирования культурного достояния» (И. Клейн).[8]

В настоящее время известно 7 списков «Гистории о принце Адолфе», самые ранние из которых датируются серединой XVIII в.[9] Списки рас-

---

[7] *Курышева Л. А.* Сказка мадам д'Онуа об Острове Блаженства в русской рукописной и печатной традиции XVIII в. // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия: Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 160–170.

[8] *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 198.

[9] Шесть списков относятся к 1750–1760 гг. (ГИМ, Заб. 536, далее — *З*; ГИМ, Барс. 2358, далее — *Б*; РГБ. Ф. 310. № 912, далее — *У*; РНБ. Вяз. Q. 200, далее — *П*;

пределяются по трем редакциям — Полной, Краткой и Лубочной.[10] В Краткой редакции и сделанной на ее основе Лубочной произошло сокращение некоторых эпизодов, при этом все сюжетные линии сказки были сохранены.

В данной статье свою задачу мы видим в том, чтобы за общими чертами и частными особенностями русских списков «Гистории о принце Адолфе» проследить процесс освоения нового литературного жанра и его адаптацию к существующей в России традиции словесности, в данном случае — к традиции рукописной беллетристики. Нас будут интересовать следующие вопросы: как переводятся «говорящие» имена сказки; в какой мере в русском варианте сохранено смешение реальных и сказочных локусов; как понимаются литературные и культурные аллюзии сказки д'Онуа; наконец, какие новые содержательные акценты возникают в русском варианте сказки, представленном в русских списках. Существенное внимание будет уделено лексическим особенностям списков в сопоставлении с французским оригиналом, исследованию семантических сдвигов.

Несколько слов об особенностях материала. Мы пользуемся понятием «перевод», однако отдаем себе отчет в том, что это некоторая умозрительная конструкция, которая выводится из совокупности чтений имеющихся списков. Соответственно, отсутствие каких-либо фрагментов или содержательные искажения оригинала могут быть интерпретированы двояко. Их можно возвести к архетипу списков (и, соответственно, отнести к текстовым стратегиям или ошибкам переводчика) или же трактовать как переосмысления, обусловленные способом бытования рукописной литературы — через переписчиков. Последние часто становились вольными или невольными редакторами текстов и, соответственно, внесли свой вклад в создание русского варианта сказки.

ГЛМ. Ф. 439. Оп. 1. № 224, далее — *О*, БАН. 19.2.38, далее — *А*), один — концом XVIII в. (ГИМ. Муз. 516, далее — *М*). Рукописи, содержащие Гисторию о принце Адолфе, были выявлены и впервые описаны: *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888. С. 2–3; *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. С. 159; Рукописная картотека Н. К. Никольского (НИОР БАН); *Панченко А. М.* Скоморошина о чернеце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 89.

[10] В группу Полной редакции входят списки *Б, А, У, О;* к Краткой редакции относятся *З, П*; Лубочную версию содержит *М.*

В дальнейшем изложении, под «Сказкой» мы будем подразумевать французский оригинал, под «Гисторией» — русские списки и русский перевод в целом.

* * *

Условность мира сказки, ее аллегорический характер, мадам д'Онуа подчеркивает «географией» происходящих в ней событий. К иносказательному названию острова, главного места действия сказки, — *l'Île de la Félicité* — и его русскому переводу мы обратимся несколько позже. Остановим внимание сейчас на «экзотичности» страны происхождения главного героя, принца Адолфа — России. Французская сказка начинается небольшим наукообразным пассажем об этой стране. Упоминается ее холодный климат, описывается природа и занятия местных жителей — последние забавляются, в основном, охотой на белых медведей. Потом рассказ переходит к характеристике владетеля этих земель — принца Адолфа, являющего собой образец всяческих добродетелей.[11] Упоминание России французской писательницей было связано, по всей видимости, с определенной популярностью «русской темы» в Европе в это время.[12] Россия оставалась для европейского читателя экзотической, далекой страной. Соответственно, ее введение в фантастический мир сказки было жестом литературной игры, в котором сочетались специфика жанра (условность места действия) и дань актуальным темам внелитературной реальности.

Русский переводчик сделал Адолфа принцем «Лампландии».[13] И, соответственно, «Гистория» начинается с описания местоположения, кли-

---

[11] Об источниках представлений о России в сказке д'Онуа, о ее последующем влиянии на французские художественные и документальные тексты XVIII — первой половины XIX вв. см.: *Stroev A.* Le conte merveilleux et l'image de la Russie // Le conte merveilleux au XVIIIe siècle (Actes du colloque. Grenoble, 21–23 septembre 2000). Éditions Kimé, 2002. P. 251–262. О введении научного дискурса в салонную женскую культуру: *Голубков А. В.* Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 97–104.

[12] В упоминании о войне русского принца Адолфа с московитами в сказке д'Онуа А. Ф. Строев видит отклик на начало самостоятельного правления Петра I, в 1689 г. сместившем регентшу царевну Софью (см.: *Stroev A.* Le conte merveilleux... P. 253–254).

[13] Впервые отмечено: *Веселовский А. Н.* Из истории русской переводной повести... С. 4–5. См. также: *Люстров М. Ю.* Лапландско-мальтийская война и королевская игра «копием». Текстуальные трансформации в русских переводных повестях XVII–XVIII вв. // Летняя школа по русской литературе. Т. 16. № 1–2. С. 14.

мата и далее всего, что следует во французской сказке, вплоть до войны Адолфа с «московитами» (*les Moscovites*), но — в отношении Лапландии. Дополнением в русском переводе становится указание местоположения Лапландии, находящейся возле «Ледяного моря», то есть, Северного Ледовитого океана:[14] «Близ полунощных стран к Ледяному морю там лежащая часть Лампланди есть холодное государство» (*Б*); ср. в оригинале: «La Russie est un pays froid...» (P. 89).[15] При этом в списках имеются разночтения: в *Б, У, О, М* Лапландия описана как северная страна («близ полунощных стран» — *Б*, «полуношной страны» — *О, М*), а в *А, П* — как южная («близь полуденной страны» — *А*). В списке Лубочной реакции (как и в русском лубке) появляется неожиданное пояснение, придающее географическому наименованию сказочно-фантастический колорит некоего небесного тела: «Бысть полуношной страны к Леденому морю там лежащая часть Лампландии, *планиды небесной*, есть холодное государство...» (*М*).

Кроме упоминания Лапландии и Ледяного моря в начале «Гистории», русские списки не содержат никаких других указаний на географические реалии. Между тем, в сказке д'Онуа имеются еще две точки: на пути к острову принцессы Блаженства принц и Зефир останавливаются отдохнуть на вершинах Кавказа и Афона («sur ces formidables monts du *Caucase* et d'*Athos*». P. 99).[16] В «Гистории» наименования гор не сохранены: в списках Полной редакции принц и Зефир отдыхают на «*многих превысочаиших горах*, которые им в пути попадались» (*У, Б, О*; «*превысоких горах*» — *А*); списки Краткой редакции не содержат этого эпизода (в *М* Лубочной редакции текст утрачен).

---

[14] См. в «Земноводного круга кратком описании» И. Гибнера (1719): «Река Обь <...> течет в северу в Ледяное или Мерзлое море» (цит. по: Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984—... Вып. 11. Крепость-Льняной. С. 141).

[15] Здесь и далее французская сказка цитируется по изданию: *L'Île de la Felicité* de Mme d'Aulnoy: Le premier conte de fées littéraire français du roman *Histoire d'Hypolite, comte du Duglas* // Merveilles & contes. Vol. 10. № 1 (May 1996). P. 87–116. Эта журнальная публикация точно воспроизводит издание сказки 1690 г. (в современной орфографии).

[16] Как отмечает М. А. Гистер, упоминаемые в сказке Кавказ и Афон играют роль ассоциативно нагруженных топонимов, «с которыми связано множество мифов и легенд, при этом достаточно близких к России и далеких от Центральной Европы» (см.: *Гистер М. А.* Примечания // Мадам д'Онуа. Кабинет фей / Изд. подгот. М. А. Гистер. М.: Ладомир; Наука, 2015. С. 932).

Возлюбленная Адолфа носит говорящее имя — *принцесса Блаженство* (la princesse Félicité). Ее царство — *l'Île de la Félicité* — волшебный остров, в названии которого соединились и указание на имя владетельницы, и обозначение наивысшего счастья.[17] По данным Словаря Французской академии 1694 г., *félicité* означает «блаженство» (*béatitude*) и «совершенное счастье» (*bonheur parfait*).[18] Подобранные русским переводчиком эквиваленты в достаточной мере отражают эти смыслы.[19] В русских списках героиня названа принцессой Красоты и Веселия,[20] ее царство — Островом Вечного Веселья. Использование родительного падежа принадлежности — принцесса Красоты и Веселия (ср. *la princesse Félicité*) — подчеркивает аллегорический статус имени героини. Красота и Веселье — это совершенные качества, ею воплощаемые, над которыми она властвует как богиня.

Исследователями уже не раз отмечалось, что сказка мадам д'Онуа соткана из общеевропейских литературных и культурных аллюзий. Сам сюжет входит в контекст богатой литературной и живописной традиции изображения путешествия к Острову любви. После публикации в 1499 г. романа «Гипноэротомахия Полифила» и выхода его французского перевода тема паломничества в страну неги и блаженства стала чрезвычайно популярна во Франции. В XVII в. — это и картины Э. Лесюэра, и страна Нежности в романе «Клелия» (1654–1660) М. де Скюдери, и роман П. Тальмана «Путешествие на Остров Любви» (1663).[21]

---

[17] В современном издании сказок мадам д'Онуа, подготовленном М. А. Гистер, для передачи этих смыслов были выбраны сочетания «Остров Отрады» и «принцесса Отрада» (*Мадам д'Онуа.* Кабинет фей... С. 795–806).

[18] Le Dictionnaire de l'Académie Française / Dédié au Roy. Paris: Jean Baptiste Coignard, 1694. Tome 1: A–L. P. 443.

[19] Ср. «веселье» в значении «наслаждение, удовольствие» (см.: Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–... Вып. 3: Век-Воздувать. С. 66).

[20] Красоты и Веселия — *У, А, З, П*, Красоты и Вечнаго Веселия — *Б.*

[21] Перевод романа П. Тальмана, выполненный В. К. Тредиаковским («Езда в Остров Любви», 1730), сыграл большую роль в русском литературном процессе; из обширной библиографии ограничимся указанием на некоторые работы: *Лотман Ю. М.* «Езда в остров Любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 222–230; *Топоров В. Н.* У истоков русского поэтического перевода («Езда в остров Любви» Тредиаковского и «Le voyage de l'isle d'Amour» Талемана) // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: XVIII — начало XIX в. С. 589–635; *Гречаная Е. П.* У истоков русской литературы на французском языке: В. К. Тредиаковский // Гречаная Е. П.

На рубеже XVII–XVIII вв. путешествие на остров блаженства стало частым сюжетом живописных полотен, литературных произведений, оперных либретто.[22]

Важную роль в волшебном мире сказки д'Онуа играют античные образы и мотивы.[23] Собственно сказочные события начинаются с того момента, когда, заблудившись на охоте, русский принц Адолф попадает в жилище повелителя ветров Эола (*Eole*). В русских списках его имя передано либо как «Оол» (Полная редакция), либо как «Аол» (Краткая редакция, Лубочная редакция); везде сохранено указание на то, что он бог и отец ветров. В «Сказке» первым в пещеру входит Западный ветер, он раздувает огонь. Затем с Эолом туда входят другие дети-ветры, в том числе несколько Аквилонов и Борей: «...feu qui fut allumé en un moment car le vent Ouest qui venait d'entrer souffla dessus. Il était à peine arrivé que le Nord-Est et plusieurs Aquilons se rendirent dans la caverne. Eole ne tarda pas; Borée, Est, Sud-Ouest et Nord le suivaient» (P. 92–93).[24] В списках «Гистории» огонь раздувает не Западный ветер, а сам Оол (Аол). При этом в одном из списков Полной редакции при описании того, как Оол подходит раздуть огонь, мы встречаем вместо «Оол» — «дух» (*Б*).

Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX века). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 26–78; *Сазонова Л. И.* Освоение языка куртуазности и науки галантного поведения (Carte du Tendre) // Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 197–248; *Fedyukin I.* Lost in Translation: Trediakovskii's «Journey to the Island of Love» and Its Courtly Context // Slavonic and East European Review. № 97 (4). 2019. P. 601–628.

[22] *Drouin S.* Pèlerinages pour Cythère au siècle des Lumières: Anthologie de textes. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2013. P. 12.

[23] *Robert R.* Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe à la fin du XVIIIe siècle. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1982. P. 172; *Francillon R.* Les Fées au chevet du roman // Saggi et Ricerche di letteratura francese. Vol. 22. 1983. P. 83–87; *Defrance A.* Les contes de fées... P. 97–98; *Gevrey F.* Saturne libertin. La peur du temps dans les contes du XVIIIe siècle // Travaux de littérature. Les Grands Peurs: 1. Diables, fléaux, etc. / Dir. scient. Bertaud M. Genève: Librairie Droz, 2003. P. 389–393; *Stadman A.* D'Aulnoy's *Histoire d'Hypolite comte de Douglas* (1690): A Fairy-Tale Manifesto // Marvels & Tales. Vol. 19. № 1 (2005). P. 32–53.

[24] Во французской поэзии *aquilons* во мн. ч. — холодные ветра (Le Dictionnaire de l'Académie Française... T. 1. P. 48); *Aquilon* в ед. ч. — бог северного ветра, синоним *Borée* (См.: *Carpentier L. J. M.* Le Gradus Français, ou Dictionnaire de la langue poétique / 2ème éd. Paris: A. Johanneau, 1825. T. 1. P. 233).

В «Гистории» при перечислении вошедших в пещеру ветров их античные имена не сохранены.[25] Оставлены лишь наименования по сторонам света, а сам перечень ветров сокращен: «...Оол подшел и раздул оной огнь. Потом за ним последовали дети ево ветры — восточный, северный, западный и многие другие такожде в пещеру вошли» (*У*; близкий текст — *А, О, Б*). В рукописях «Гистории», относящихся к Краткой редакции, на каком-то этапе переписчик делает добавление — «восточной, северной, западной, *южной*, и многие другие такожде в пещеру вошли» (*З, П*); список Лубочной редакции — *М* воспроизводит только четыре названных ветра. Позже приходит и Зефир.[26] Он становится участником дальнейших сказочных событий.

Принц остается ночевать в пещере ветров, утро следующего дня в жилище ветров ознаменовано появлением Авроры в перламутровой колеснице: «A peine *l'Aurore* commençait-elle de paraître dans son char de nacre de perles...» (P. 97). В списках «Гистории» она представлена не антропонимом, а перифразой — «утренняя заря»: «Как скоро *утренняя зоря* стала показыватца в своей перловой колеснице...» (*Б*; близко к тексту — *У, О, А, З, П*; в *М* фрагмент утрачен). Переводчик «Гистории», таким образом, не сохраняет традиционное для европейской литературы имя Авроры, а использует описательный оборот, возможно потому, что имя «Аврора» еще не вошло в широкое употребление.[27]

Еще один бог — бог любви Амур (*Amour*) — упоминается в «Сказке» несколько раз. Описание восседающей на троне принцессы содержит указание на то, что вокруг нее кружатся маленькие амуры (petits amours).[28]

---

[25] В русском языке *Аквилон* (*Аквило*) и *Борей* (*Бореас*) фиксируются с первой четверти XVIII в., нередко выступая как синонимы. См., напр., в «Земноводного круга кратком описании» (1719): «Норд винд, от полунощи приходит, по латине бореас, или аквило» (цит. по: Словарь русского языка XVIII века... Вып. 2. Безпристрастный-Вейэр. С. 109). Кроме того, так же, как и во французском, *Аквилоны* во мн. ч. — это северные, холодные ветра, спутники Борея. Ср. у Стефана Яворского: «от севера полунощный шумит Борей, и быстрые свищут Аквилоны» (см.: Проповеди блаженной памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского. Т. 2. М.: Синодальная тип., 1804. С. 143).

[26] В античной мифологии Зефир — западный ветер, однако во французской поэзии XVII–XVIII вв. он мог означать любой приятный и нежный ветер, вне зависимости от его направления (*Carpentier L. J. M.* Le Gradus Français, ou Dictionnaire de la langue poétique... T. 2. P. 1153).

[27] Имя богини утренней зари фиксируется только с 1720-х гг., причем сначала как *Аурора* (см.: Словарь русского языка XVIII века... Вып. 1: А–Безпристрастие. С. 17–18).

[28] Возможно, это описание в сказке д'Онуа было вдохновлено картиной Н. Пуссена «Триумф Флоры» (ок. 1627).

В русском переводе имя бога любви передается как «Купида» (в одном из упоминаний «бог Купида» — *У, А*; ср. фр.: «c'était un dieu et l'Amour même». P. 98), а маленькие амуры, соответственно, как «купиды».[29] Вошедший в пещеру Зефир сравнивается с Амуром; в садах принцессы блаженства принц видит статую бога любви; наконец, перенесение принца на волшебный остров строится как аллюзия на другой полет — путешествие по воздуху Амура и Психеи.[30] Этот эпизод рассмотрим подробнее.

Зефир собирается перенести принца на волшебный остров и поясняет ему, что он отнесет его так, как когда-то отнес Психею по приказу Амура в построенный для нее дворец.[31] В русских списках нет упоминания о Психее, хотя не исключено, что какое-то указание имелось в архетипе «Гистории» (первом списке перевода), поскольку в *Б* там, где должно быть имя «Психея» имеется загадочное чтение «*землещая*» (в других списках Полной редакции *У* и *А* ему соответствует «*и еще я*»; в списках Краткой редакции данный эпизод выпущен; фрагмент утрачен в *М*).

«l'Île de la Félicité»	**«Гистория»**
Je vais vous enlever, seigneur, lui dit-il, comme j'enlevai *Psyché* par l'ordre de l'amour, lorsque je la portai dans ce beau palais qu'il lui avaît bati (P. 98).	Я хочу вас пронесть, мои государь, — сказал он ему, — как я пронес *землещая* по приказу Купиду, котораго я принес в те приятные ему приуготовленные палаты, которые вы увидите (*Б*; в *О* близкий текст).

[29] В списках «Гистории» имя *Купида* изменяется преимущественно по мужскому роду; в списке *Б* сначала — по мужскому роду, затем переписчик сбивается на склонение по женскому: «Купида, хотя кажется бутто бессилен и мал, однако силнеишая и крепчаишая всех других». По данным «Словаря русского языка XVIII века», *Купида* (ж. р.) со значением «любовь» и «Афродита» фиксируется начиная с конца XVII в. *Купида* (*м. р.*) «Словарь» не дает, однако *Купид* и *Купидо* в значении «бога любви» и «амурчика-путти» появляются в источниках первой трети XVIII в. (см.: Словарь русского языка XVIII века... Вып. 11: Крепость-Льняной. С. 77).

[30] О реминисценциях из мифа о Психее и Купидоне в творчестве д'Онуа см., в частности: *Defrance A.* Les contes de fées... P. 88; *Гистер М. А.* Мари-Катрин д'Онуа и литературная сказка: у истоков жанра // Мадам д'Онуа Кабинет фей / Изд. подгот. М. А. Гистер. М.: Ладомир; Наука, 2015. С. 850; *Гистер М. А.* Примечания... С. 880, 932.

[31] А. Стэдмен обращает внимание на то, что в сказке д'Онуа происходит своеобразное «переворачивание» сюжета Лукиана и Лафонтена: Зефир несет не Психею в дом Амура, женщину к ее возлюбленному, а наоборот, — переносит мужчину в волшебное женское царство (см.: *Stadman A.* D'Aulnoy's *Histoire d'Hypolite*... P. 36).

«Гистория»

Я хочу вас пронесть, мои государь, — сказал он ему, — как я пронес *и еще я* по приказу Купиды, котораго я принес в те прекрасные, ему приуготовленные палаты, которые вы увидите (*А*; в *У* близкий текст).

«Островной» мир противопоставлен у д'Онуа миру людей, так называемых «смертных» (фр. *mortels*). С употреблением этого слова связано несколько эпизодов сказки. Наиболее интересен первый из них: встретив Адольфа, старуха говорит ему, что он первый из смертных, которого она видит в этих местах: «Vous êtes le premier *mortel*, lui dit-elle, que j'ai vu en ces lieux» (P. 92). В списках Полной редакции французское «mortel» передано с помощью лексемы «мертвый»: «Вы есть первы *из мертвых*, котораго я вижу в сих местах...» (*А*; близкий текст — *Б*; «из мертвых» нет в *У*; «из смертных» в *О*).[32] Непривычный современному читателю эквивалент, подобранный русским писцом, тем не менее, соответствовал практике богослужебных текстов. В них прилагательное *мертвый* нередко употреблялось в значении «смертный», «подверженный смерти».[33] Однако в дальнейшей истории русского текста, в списках Краткой редакции и списке Лубочной редакции *М*, в соответствующем эпизоде мы читаем «из мертвых воскрес». Появление трафаретного сочетания свидетельствует или об ошибке запоминания в ходе переписывания, или о переосмыслении, возникшем из столкновения двух значений («подверженный смерти» и «умерший») и актуализации для переписчика второго из них. Как следствие, списки Краткой редакции в этом эпизоде удаляются от содержания французского оригинала. Обессмысливается и обращенная к принцу реплика старухи: «Вы и есть первой *из мертвых воскрес*, котораго я вижу в сих местах» (*З*; близкий вариант — *П, М*). В остальных эпизодах «Гистории» упоминанию «смертных» во французском источнике соответствует обобщенное указание на то, что речь идет о людях вообще.

---

[32] В свое время на эту особенность именно лубочного текста обратил внимание А. Н. Веселовский (в рукописи «Гистории», которой он пользовался, — *У* — этого слова нет) (см.: *Веселовский А. Н.* Из истории русской переводной повести... С. 6).

[33] *Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. С. 175.

Мы видим, что пропуски в русском переводе античных аллюзий или их неполная представленность не наносят ущерба содержательной стороне сказки, только обедняют ее включенность в литературный европейский контекст. То же происходит с другими общекультурными и литературными реминисценциями, такими как источник и Вечной молодости или мотив любви ветерка Зефира к розе, которые мы рассмотрим далее.

Пребывая в царстве Блаженства, принц и принцесса остаются юными, потому что пьют воду из источника вечной молодости («fontaine de Jouvence»). Этот образ, связанный с античными и средневековыми легендами, в XVII в. прочно вошел в поэтический словарь галантной культуры. Достаточно упомянуть о том, что выпуск журнала «Mercure galant», опубликованный за год до появления сказки д'Онуа, содержал стихотворение «La fontaine de Jouvence».[34] В русских списках французскому «fontaine de Jouvence» соответствует метафорический эквивалент — «чистый источник»:[35]

«l'Île de la Félicité»	**«Гистория»**
…leur jeunesse n'était point altérée par le cours des ans. C'était dans ce lieu délicieux que l'on bouvait à longs traits de *l'eau de la fontaine de Jouvence* (P. 105–106).	Младость же их течением лет не изчезала. И в сем же месте они *водою чистаго источника* прохлаждались… (*А*; близкий текст в *О* и *У*; фрагмент отсутствует в *Б*; в списках Краткой и Лубочной редакциях упоминания о «чистом источнике» нет).

Что же касается истории любви Зефира к розе — мотива, характерного для французской литературы XVII в.,[36] — то в списках Полной ре-

[34] Mercure galant, dédié à Monsieur le Dauphin. Mars 1689 (Première partie). Lyon: chez Thomas Amaulry, rue Mercière, 1689. P. 108–114.

[35] Впервые прокомментировано С. Ф. Елеонским, который предположил, что «переводчик рукописи не почувствовал поэтической метафоры и понял ее в прямом смысле» (см.: *Елеонский С. Ф.* Старинные переводные повести… С. 6).

[36] Ср., напр., у М. Де Скюдери: «L'eau qui caresse le rivage, / La rose qui s'ouvre au zéphir, / Le vent qui rit sous le feuillage, / Tout dit qu'aimer est un plaisir» (см.: Femmes-Poètes de la France: Anthologie / Par H. Blanvalet. Genève: Librairie allemande de J. Kessmann, 1856. P. 24). Кроме того, в поэтических текстах Зефир часто предстает как возлюбленный или супруг богини Флоры (*Carpentier L. J. M.* Le Gradus Français… T. 2. P. 1154). О мотиве любви Зефира к розе в русской поэзии XVIII века см.: *Матвеев Е. М.* О проекте словаря антропонимов в русской панегирической поэзии // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. СПб., 2020. Вып. 3. С. 102–107.

дакции этот сюжет сохранен («люблю <...> одну розу» — *У, Б, А, О*). При этом в списках Краткой редакции цветок превращается в нимфу Разу («любит одну нимфу оной принцесы именем Разу» — *З, П*; в *М* фрагмент утрачен), а описание перипетий их взаимоотношений, — например, капризная роза может «жалить тернием» опоздавшего любовника и пр. — элиминировано.

Очевидно, переводчик стремился к тому, чтобы в том или ином виде сохранить присутствующие во французской сказке общекультурные отсылки. Однако некоторые культурные аллюзии были своеобразно интерпретированы переводчиком или переписчиками, что породило в русских списках «Гистории» смещение акцентов и изменение смыслов.[37]

Сюжет о любви героя и волшебницы, конфликт их взаимоотношений в сказке восходит к целой череде любовных пар: Одиссей и Калипсо, Руджьер и Альцина («Неистовый Роланд» Л. Ариосто), Ринальд и Армида («Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо). Подобно своим литературным предшественникам, Адолф решает покинуть остров Блаженства. Он выбирает между любовью и славой, и в конце концов решает вернуться на родину. Во французской сказке в обращенной к принцессе речи принца есть прямое сравнение себя с Ринальдом в объятиях Армиды. В русских списках герои поэмы Т. Тассо не упоминаются. На этом месте в списках Полной редакции мы видим усиление темы нереализованной воинской славы. Она раскрывается при помощи ярких образов войны: глаза героя могли бы зреть падение неприятелей, а меч — блистанием устрашать неприятельские армии. В списках Краткой редакции этих рассуждений нет — принц лишь коротко объявляет причину, по которой должен оставить волшебный остров и его хозяйку.

«l'Île de la Félicité»	**«Гистория»**
...mais enfin si j'étais mort à présent, j'aurais peut-être fait de si grandes actions qu'elles auraient éternisé ma mémoire; *je vois avec honte ma vertu sans occupation et mon*	...но, однако ежели б я умер ныне, то бы может быть по смерти своей такую *славу* оставил, которая бы вовеки по мне процветала. Ах, не бес стыда *вижу мою доб-*

[37] Некоторые наблюдения изложены в публикации: *Подгаецкая И. Ю.* Перевод в системе исторической поэтики // Подгаецкая И. Ю. Избранные статьи. М.: ИМЛИ, 2009. С. 229–230; *Курышева Л. А.* Сказка мадам д'Онуа об Острове Блаженства...

«l'Île de la Félicité»	«Гистория»
nom sans éclat. Tel était le *brave Renaud entre les bras de son Armide*; mais *la gloire* l'en arracha (P. 110).	*родетель, упражняемую всуе, глазы помраченные тмою, которые б уже много могли смотреть на неприятелские падени! Мечь свои не вынимал я уже триста лет, которои бы блистанием чрезмерно устрашать мог неприятелскои арми, так же и протчия все принадлежащие орудии в руках у меня давно не бывали!* (*Б*, близкий текст в других списках Полной редакции — *У, А, О*).

В списках Краткой редакции этих рассуждений нет — принц лишь коротко объявляет причину, по которой должен оставить волшебный остров и его хозяйку: «Толко вы, любезнейшая, сами изволите знать и разсудить: как отстал от моего любезного отечества, тому уже триста лет!» (*З*; близкий текст в *П*).

Далее во французской сказке герой упрекает себя за то, что столько времени провел с возлюбленной и ничего не сделал для того, чтобы обессмертить свое имя — войти в число *героев*: «...il se reprochait d'avoir passé tant de temps auprès d'une maîtresse et de n'avoir rien fait qui pût mettre *son nom au rang des héros*» (P. 110). В списках Полной редакции в этом фрагменте на месте французского «héros» мы видим лексему «воин»: «...сам себя обличал, что столь долгое время при любезной пребывал, а ничего достопамятнаго не зделал, чтоб мог быть *в числе воинов*» (*Б*, близко к тексту — *У, О, А*). Этот перевод заслуживает внимания: едва ли русская лексема «герой» была переводчику неизвестна.[38]

Вероятно, это была сознательная замена, повлекшая за собой смещение смыслов. Если в сказке д'Онуа акцент сделан на личной добле-

[38] Грецизм *герой* (преимущественно в формах *ирой* и *иерой*) используется в ряде текстов первой трети XVIII в. См., например: «Политиколепная апофеозис достохвальныя храбрости <...> государя <...> Петра Алексеевича» (М., 1709. С. 169); «Аполлодора грамматика афинейского библиотеки» (М., 1725. С. 409). Лексема вошла и в словари: она зафиксирована в «Лексиконе триязычном» Ф. Поликарпова (М., 1704. С. 137). Подробнее см.: *Биржакова И. Э., Войнова Л. Л., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. С. 224, 354; Словарь русского языка XVIII века... Вып. 18. С. 108.

сти и славе принца, то в «Гистории» усилена тема боевой славы, прославления войны и ратных подвигов.

Среди беллетристических произведений эпохи есть еще один текст, в котором развита тема военных доблестей, пропавших втуне из-за того, что герой долгое время был под властью любовных чар: «Повесть о российском кавалере Александре» (предположительное время создания 1719–1725 гг.). Страстно полюбив Елеонору, Александр заболевает, а оправившись и придя в себя, размышляет следующим образом:

> Безумен аз естмь! Колико дней проводил втуне ради негодной любви женской, и ни с чем возвращуся в дом отца моего. Не знав поля, не видав неприятеля и не слышав оружейного стуку, како приближуся монарху моему, и коим достоинством пожаловать повелит мя. Аз же сам не токмо похвалитися могу, но и приятелю сказать весма зазорно под великим стыдом.[39]

Как мы видим, прославление воинской доблести и побед над неприятелем сходным образом развиты в этих текстах. Хотя в списках Краткой и Лубочной редакций рассмотренные пассажи отсутствуют, однако и там акцентируется необходимость служения государственным интересам: принц в этом эпизоде говорит, что хочет вернуться, прежде всего, потому что он, как монарх, беспокоится о своем отечестве.

Особого внимания заслуживает сцена первой встречи принца и принцессы. Эпизод этот показался нам интересным, так как при его передаче в русских списках «Гистории», очевидно, проявилось неполное понимание подтекста, присутствующего во французской сказке.

Впервые видя мужчину на своем острове, принцесса сначала принимает Адолфа за Феникса (*Phénix*) и обращается к нему с речью, в которой в наивно-прециозной манере сетует на то, что эта столь дивная, совершенная птица — единственная в свете. Если бы не это обстоятельство, подобные птицы могли бы украсить вольеры ее острова. Во всех списках «Гистории» имя мифической птицы передано как «Финикс» (за исключением *Б*, в котором соответствующий фрагмент был утрачен), а шутливо-иронический пассаж об украшении подобными существами садов острова выпущен. Остановимся на вопросе о том, какое же содержание стоит за сравнением Адолфа с фениксом в «Сказке» и «Гистории». Сопоставим:

---

[39] Повесть о российском кавалере Александре // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л.: Наука, 1965. С. 221.

«l'Île de la Félicité»

Beau Phénix <...> (car je ne pense pas que vous soyez autre, puisque *vous êtes si parfait*, et que rien ne vous ressemble dans mon Île), je suis fort sensible au plaisir de vous voir; c'est grand dommage vous soyez unique sur la terre: *plusieurs oiseaux tels que vous rempliraient de belles volières* (P. 106–107).

«Гистория»

Прекрасныи Финикс, я не думаю, иному кому быть опричь вас, понеже вы столь *совершенны в премудрости*, что никто вам в моем острове уподобится не может. Очень доволно радуюсь, что вас вижу (*А*; близкий вариант — *О*, *У*, в *Б* выпадение большого фрагмента).

Прекрасны Финикс, я не думаю иному кому быть опричь вас, *понеже вы очень премудры*, что никто опричь вас в моем острове не находитца, и радуюсь, что я вас вижу (*П*, близкий вариант — *З*, *М*).

Как мы видим, в приведенном французском фрагменте не проясняется, в чем состоит «совершенство» Феникса, однако выводится из контекста. Для принцессы Адолф это первый мужчина, которого она видит в своей жизни. Несколькими строками выше описано, как принцесса, увидев Адолфа у своих ног и выслушав его страстное признание, сразу чувствует к нему любовь. Она предполагает, что таким прекрасным, единственным и неповторимым в мире может быть только Феникс, столь прославленный и редкий: «elle n'avait jusqu'alors rien trouvé de plus aimable à ses yeux que cette créature, qu'elle croyait être unique dans le monde; cette pensée lui persuada que ce pouvait être le Phénix, tant vanté et si rare» (P. 106). Выскажем версию, что на интертекстуальном уровне упоминание Феникса у д'Онуа связано с богатой литературной традицией, согласно которой мифическая птица, ее самосожжение и возрождение, выступают в качестве символа любовной страсти. Феникс присутствовал в средневековых французских любовных бестиариях;[40] в трактатах по алхимии рассматривался как связанное с планетой Меркурий животное, символизирующее соединение противоположностей,[41]

---

[40] Bestiaires d'Amours. BNF. Manuscrits français. 1951. Fol. 13 (URL: http://expositions.bnf.fr/bestiaire/grand/b2_20.htm, дата обращения 05.04.2021).

[41] См.: *Perfetti A.* Aristotélisme et alchimie dans l'anonyme *Trilogio della transmutatione de' metalli* // Alchimie et philosophie à la Renaissance: Actes du Colloque International de Tours (4–7 décembre 1991) réunis / Sous la direction de J.-Cl. Margolin et S. Matton. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1993. P. 232; *Баттистини М.* Астрология, магия, алхимия в произведениях изобразительного искусства. М., 2007. С. 110–111.

а в литературе эпохи Возрождения использовался как аллегория любовного чувства между мужчиной и женщиной.[42] Образ Феникса, символизирующего любовную страсть, проясняет подтекст встречи принца и принцессы. Оба предстают сразу ослепленными, пронзенными любовным чувством.

При этом во всех русских списках тема «совершенства» Феникса раскрыта в другом ракурсе — как совершенство в «премудрости». Через это слово переводчик передает крайнюю степень удивления принцессы. И как нам кажется, на русское прочтение «совершенства» Феникса оказала влияние традиция символического толкования мифической птицы в славянских бестиариях. В таких популярных в России произведениях, как «Толковая Палея», «Физиолог», азбуковники, образ Феникса связан с кругом понятий божественной премудрости и благодати.[43] Упомянем еще о нескольких характерных чертах представлений о фениксе, на которые мог отозваться русский читатель; они не только восходят к книжным представлениям, но и связаны с народной культурой.

Во-первых, это красота и великолепное оперение. Во-вторых, его антропоморфная внешность. Например, в одном из источников он описан с венцом на голове и в царских сапогах; как предполагает О. В. Белова, такие описания могли возникнуть под влиянием лубочных изображений «райских птиц» Сирина и Алконоста. В-третьих, отождествление с Алконостом привносит мотив очарования его пением и голосом.[44] Напомним, что в «Сказке» и в «Гистории» Адолф неожиданно является перед глазами принцессы, решительно падает перед ней на колени и признается в любви: «Великая пренцеса, я прошол всю Вселенную, чтоб вашу блистателною красоту видеть удостоился. При том же ревность имею в сердцы и пред вами предлагаю» (*У*, близкий вариант — *А, О, З, П, М*, выпадение этого фрагмента в *Б*).

---

[42] Именно в таком качестве он фигурирует в сонетах Петрарки (См.: *Петрарка Ф.* Лирика / Вступ. статья, сост. и примеч. Н. Томашевского. М.: Худ. лит., 1980. С. 124, 214), а также в английской придворной поэзии елизаветинской эпохи (см.: *Bruckmuller-Genlot D.* Peinture et civilisation britanniques. Culture et représentation. Paris: Editions Ophrys, 1999. P. 52).

[43] О символическом значении образа Феникса в славянских бестиариях см.: *Белова О. В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. С. 254–258.

[44] *Белова О. В.* Славянский бестиарий... С. 53–54, 256.

И последняя черта феникса, на которой мы бы хотели остановиться отдельно, поскольку она находит подкрепление в текстах Краткой редакции, — сопровождающее его «благоухание», «благовоние», ароматы ливанского кедра.[45] Во французской сказке для проникновения на остров Зефир дарит принцу волшебный плащ, который делает человека невидимым, если надеть его зеленой стороной наружу. В русских списках Краткой редакции у епанчи появляется еще одно волшебное свойство — распространять благоухание: «Да еще имею я епанчу, которую вам подарю: когда вы на себя наденете зеленою стараною, то вы будите невидимы, а коли оборотите белой стараной, то от вас всяким благовонным духом нести» (*З*, близкий вариант в *П*, фрагмент утрачен в *М*). В дальнейшем ходе действия «Гистории» второе свойство епанчи никак не задействовано. Однако надо признать, что сам образ надушенной одежды коррелирует не только с любовной тематикой и описанием волшебного райского места, но и, возможно, с характерными для древнерусской книжности представлениями о фениксе, за которого сначала был принят Адолф.

«Премудрость» в «Гистории» оказывается качеством, свойственным не только принцу, но и принцессе. У д'Онуа властительница царства Блаженства, обладает особыми, волшебными знаниями. Это природная острота разума (*pénétration naturelle*), всеобъемлющее знание (*la princesse est universelle*) и волшебные способности (*l'esprit de féerie*).

В русских списках тема «премудрости» принцессы усилена. Так, во французской сказке Адолф встревожен тем, что не знает языка принцессы, а она не говорит на его языке. На что Зефир успокаивает его, отвечая, что принцесса знает все, и они быстро поймут друг друга: «la princesse est universelle, et je suis persuadé que vous parlerez bientôt un même langage» (P. 99). В списках «Гистории» Зефир в этом эпизоде ссылается именно на *премудрость* принцессы: «Принцеса *все языки чрез* данную ей от богов *премудрость* знает» (*Б*; близкий вариант — *У, О, А*; ср. вариант Краткой редакции: «принцеса *все языки* знает *и* данную от богов *премудрость*» — *З, П*; фрагмент утрачен в *М*).

То же самое мы видим и в другом эпизоде. У д'Онуа принцесса, впервые увидев принца, несмотря на свою природную живость, на ка-

[45] *Белова О. В.* Славянский бестиарий... С. 254–255.

кое-то время немеет и замирает: «Elle avait *beaucoup de vivacité*; cependant elle demeura muette et interdite» (P. 106). В списках «Гистории» ее состояние описано со ссылкой на остроту ума: «Хотя пренцеса имела *великую остроту*, однако ж, увидев ево, задумалась» (*У*, близкий текст — *А, О, З, П, М*; фрагмент отсутствует в *Б*).

В «Сказке», принцесса, несмотря на все свои дарования при встрече с Адольфом принимает на себя роль ученицы. Принц же, соответственно, — роль наставника. Принцесса быстро всё постигает, и природная острота разума («pénétration») бежит впереди того, что он только собирается ей поведать.[46] В русских списках в соответствующем эпизоде не сохранено описание их взаимодействия как учителя и ученицы, а возникает, скорее, тема судьбы и Божественного провидения — получая от Адолфа некие знания, принцесса удивляется «сему премудрому происку». Ср.:

«l'Île de la Félicité»

Il ne voulut pas cependant qu'une personne pour laquelle il sentait déjà une si violente passion restât dans une ignorance qui faisait quelque sorte de tort à son esprit; *il prit soin de l'instruire* de tout ce qu'il fallait qu'elle sût, et jamais *écolière n'a été plutôt en état de faire des leçons* sur ce qu'elle venait d'apprendre: *sa pénétration naturelle allait au devant de ce que le prince pouvait lui dire*; elle l'aima plus qu'elle-même, et il l'aima plus que lui-même (P. 107).

«Гистория»

Не хотел он, чтоб она ево не знала, сказал ей, что он не Финикс, но принц есть от полуденнои страны, называемыи Адолф. *Тогда она, слышав о незнаемом, удивилась сему премудрому происку.* По многим разговорам объявил он свою любовь еи, к которои она противности своеи нимало не показала.

(*А*, близкий вариант — *У, О, П, З*; в *Б* выпадение фрагмента).

В заключение мы коснемся вопроса о том, как передана в «Гистории» сказочная категория волшебства. Во французском тексте остров характеризуется как «заколдованное место» (*lieu enchanté*). В русских списках Полной редакции оно передано с помощью лексем *заволхованное*, *заволхвованное*: «...и внезапу сей желаемой много остров в виду

[46] См. одно из значений *pénétration* — «быстрота ума», «способность проникнуть в суть вещей» (Le Dictionnaire de l'Académie Française / 4ème édition. Paris: chez la Veuve de Bernard Brunet, 1762. T. 2. P.341). Как указывает Н. Жасмен, в этом фрагменте содержится намек на популярный сюжет о любовных отношениях, возникающих между наставником и ученицей (см.: *Jasmin N.* Naissance du conte féminin. Mots et merveilles, les contes de fées de Madame d'Aulnoy. Paris: Champion, 2002. P. 140).

показался. Красота оная вложила принцу в мысли, что то есть заволхованное место» (*Б*, близкий вариант — *У, О, А*; в списках Краткой редакции этот фрагмент ограничен констатацией того, что спутники видят остров; фрагмент утрачен в *М*).

В сказке несколько раз упомянуты феи и связанные с ними магические способности. Прекрасный дворец обставлен мебелью, которая сделана руками фей, причем самых галантных: «les meubles y étaient *faits de la main des fées*, et même des plus galantes» (P. 100). Французским феям и фейному волшебству в русских списках соответствуют лексемы с компонентом *бог*.[47] В одном из списков «Гистории» феи переданы как «богини» (во мн. ч.): «а протчие уборы принуждали смотреть силою на себя, бутто бы *руками богинь устроены* были» (*Б*, близко — *О*), в других списках — «руками богини» (в ед. ч.) (*А*) и «руками богов» (во мн. ч. — *У З П*, фрагмент утрачен в *М*).

Дворец принцессы удивляет великолепием и совершенством. В сказке указывается, что все искусства участвовали в его строительстве: «Il semblait que tous les arts avaient concouru avec un égal succès à la magnificence et à la perfection de cet édifice» (P. 102). В списках Полной редакции «Гистории» в описании дворцовой архитектуры употреблено выражение «хитрости богов»: «Думал, что совершенно все *хитрости богов* вспомоществовали оным мастерам делать сии палаты» (*А*, близко к тексту — *У, О, Б*; в Краткой редакции это предложение отсутствует; фрагмент утрачен в *М*).

Дарованные богами волшебные способности позволяют принцессе предвидеть будущее: «...*par l'esprit de féerie* que les dieux m'ont donné, je prévois que si vous négligez mon conseil...» (P. 112). В двух списках Полной редакции «Гистории» понятие волшебной способности («l'esprit de féerie») передано при помощи выражения «божественный дух»: «понеже *божественным духом*, поданным мне от богов, предвижу,

---

[47] По данным Картотеки «Словаря русского языка XVIII века», слово «фея» появляется в русском языке только в 1760-е гг. До этого для обозначения фей использовалась самая разнообразная лексика. Например, в рукописном переводе сказки «Красавица и зверь», датируемом 1758 г., Х. Г. Демидова использует лексемы «волшебница» и «добрая волшебница» для передачи фр. «fée» и «bonne fée» (см.: Повесть о Лабеле и Звере: Электронное издание перевода Х. Г. Демидовой (1758) / Подгот. Л. А. Курышевой и А. М. Лаврентьевым = La Belle et la Bête. Edition numérique de la traduction russe par Kh. G. Demidova (1758) / Édité par L. Kurysheva et A. Lavrentiev. URL: https://txm-ihrim.huma-num.fr (корпус LABELLE), дата обращения 25.04.2021).

что ежели вы мои слова оставите...» (*У*; близкий текст — *Б, О*; нет в *А, З, П, М*).

На основании приведенных примеров, мы можем заключить, что ни боги в значении языческих божеств, ни волшебство места не вызвали трудностей при переводе сказки и при переписывании «Гистории». А такой сказочный персонаж, как фея, был совершенно новым и вызвал трудности в подборе эквивалента. Для того чтобы передать статус героини переводчик и переписчики использовали дериваты с корнем *бог.* Возможно, выбор этих эквивалентов был мотивирован фонетическим созвучием французского *fée* и греческого *θεά* («богиня»).[48]

Таким образом, русский перевод французской сказки, насколько он реконструируем по имеющимся у нас спискам, не удалился от оригинала. В то же время ряд пропусков и переосмыслений позволяют связать их с «системой координат» русской культурной ситуации и литературной традицией.

В русском варианте сказки о принце Адолфе не сохранились аллюзии на истории Купидона и Психеи, Ринальда и Армиды. Элементы поэтического языка европейской литературы — Аквилоны, Борей, Аврора, источник молодости — в списках Гистории были переданы при помощи нейтральных эквивалентов. К ним же относится намеченная пунктиром линия любви ветра и розы, преобразовавшаяся в списках Краткой редакции в любовь Зефира к нимфе Разе. Подтекст сравнения Адолфа с мифической птицей фениксом, образ которой во французской сказке связан с темой любовной страсти, в русских списках раскрыт через упоминание совершенства в премудрости. В целом, в Гистории заметно усиление темы «премудрости»: она привнесена в характеристики принцессы и принца.

Сказочная география Гистории остается в пределах условных локусов. Это не противоречит появлению Лапландии на месте России французского оригинала. Такой прием — начало повествования в «реальной» географической точке и затем перенесение событий в фантастическую географию — известен, например, по повести о Василии Кориотском. Все остальные контексты с реальными географическими наименованиями (Кавказ, Афон), литературная игра с которыми характерна для французского оригинала, в «Гистории» были сняты. Это

[48] Авторы благодарят А. О. Дёмина за эту идею.

соответствует общим направлениям русской беллетристики Нового времени — «отнесение действия к дальним землям и странам» или откровенно фантастическая география.[49]

Русская беллетристика допетровской эпохи не знала волшебства как безоценочной жанровой категории: сказочная фантастика проявлялось в двух ипостасях — либо как проявление дьявольского коварства, либо как божественное вмешательство, чудо.[50] В «Гистории о принце Адолфе» оно не получает никакой оценки в отношении принадлежности к силам добра или зла, однако при переводе понятия «волшебной силы» (*l'esprit de féerie*) переводчиком был подобран эквивалент «божественный дух». Это все говорит об определенном этапе освоения в России жанра литературной сказки.

В русском варианте жанр обозначен как «гистория». Как известно, впервые он фиксируется в повестях, относимых к Петровскому времени.[51] Во всех наименованиях произведения, в соответствии с традицией, вперед вынесено имя главного героя «Гистории»: «Гистория о славном принце Одолфе» (*Б*); «Гистория о принце Одолфе и о Острове Вечного веселия и о пренцесе Красоты и веселия» (*У*); «Гистория о принце Адолфе Лампландинском и о Острове Вечнаго веселия» (*П*) и т. п. Отметим эпитет «славный» в именовании принца в списке *Б*. По духу он соответствует беллетристической традиции привлечения внимания читателя к произведению через «похваление» деяний героя в заглавии. В качестве примера приведем названия нескольких популярных произведений: «История и повесть о *славном* короле Гвидоне и сыне его храбром витязе Бове-королевиче» (1734 г., РГБ. Ф. 810. № 927); «Повесть изрядная о *славном* рыцаре о богатыре Петре Златых Ключах и о прекрасной королеве Магилене» (сер. XVIII в., РГАДА. Ф. 187. Оп. 1. № 177), «История изрядная, полезна и вельми дивна

---

[49] См.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. С. 141–142.

[50] *Чалкова Т. Ф.* О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 108–109; *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени... С. 143–146; *Курышева Л. А.* О новонайденной Повести о некоем царе и о дщери его // XVIII в. М.; СПб., 2017. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII в. С. 257.

[51] См.: Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984–... Вып. 9: Из–Каста. С. 159–160.

о преславном кесаре Оттоне и о супруге его цесареве Алунде...» (1718 г., ГИМ. Собр. Уварова. № 619/448). Появление эпитета «славный» в заглавии «Гистории», определенно, настраивало на повествование о военных подвигах и приключениях, что отнюдь не было центральной темой ее содержания. Такие разноуровневые явления, как привнесение мотива «премудрости» и ранее отмеченное нашими предшественниками перенесение акцента с любовной темы во французской сказке на тему власти времени в «Гистории» могут быть объяснены тенденцией к сохранению дидактического элемента в русской беллетристике, продолжающей традиции повествовательной литературы допетровской эпохи. Возможно, это не было осознанной работой переводчика или переписчика. Однако мы всё-таки усматриваем в этом, как и в появлении эпитета «славный», власть инерции существующего литературного канона, в который встраивается новый жанр — литературная галантная сказка.

Н. В. САЛОНИКОВ, К. В. СУТОРИУС

ПЕРЕПИСКА НОВГОРОДСКОГО МИТРОПОЛИТА ИОВА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Переписка митрополита Иова — это большой комплекс эпистолярных памятников, включающий около 1300 писем, отправленных как от имени самого митрополита различным корреспондентам, так и адресованных ему. Будучи не только важным историческим источником, но и замечательным образцом русской эпистолографии конца XVII — начала XVIII в., она привлекала внимание исследователей уже с середины XIX столетия. Издание отдельных писем и их фрагментов предпринималось неоднократно. Одной из первых была публикация письма от 17 декабря 1700 г., адресованного князю Никите Ивановичу Репнину, о действиях на случай осады Новгорода шведами.[1] Переписка митрополита Иова — самый ранний источник по истории Новгородской архиерейской школы. Семь писем, в которых затрагивается тема школы, опубликовал в 1857 г. И. К. Куприянов.[2] Письма эти, по словам публи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

[1] Преосвященного Новгородского митрополита Иова наставление воеводе на случай осады Новгорода от шведов, данное в 1700 году, декабря 17 // Литературная газета. 1842. № 7. С. 149–150.

[2] *Куприянов И.* Материалы для истории училищ в России // Журнал для воспитания. 1857. Т. 2. № 7. С. 61–74.

© Н. В. Салоников, К. В. Суториус, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-28-62

катора, находились «в трех огромных фолиантах» с корреспонденцией митрополита Иова в Новгородской Софийской библиотеке. В 1860 г. архимандрит Макарий (Миролюбов) опубликовал также хранившиеся в библиотеке Софийского собора письма к митрополиту Иову членов царствующего дома и князя А. Д. Меншикова.[3] В следующем году И. А. Чистович опубликовал в «Страннике» подборку фрагментов из разных писем самого Иова, находившихся, по-видимому, в тех же трех сборниках, которыми пользовался И. Куприянов.[4] Спустя 150 лет Е. В. Анисимов переиздал подборки Макария (Миролюбова) и И. Чистовича, дополнив их некоторыми материалами из архива СПб ИИ РАН и РГАДА.[5] Это оказалась самая большая по объему публикация переписки митрополита Иова, которая включала переиздание, пожалуй, всех опубликованных ранее писем владыки. В следующем году вышла публикация Г. К. Маркиной о небольшой коллекции писем, адресованных митрополиту Иову и хранящейся в ОПИ НГОМЗ.[6] Специальных работ, использующих переписку митрополита Иова в качестве источника, крайне мало. Следует отметить лишь статью И. А. Вознесенской, которая посвящена обзору писем владыки как источника по истории Новгородской архиерейской школы.[7]

Несмотря на исследовательский интерес к переписке митрополита Иова, она до сих пор остается почти совершенно неизученной ни с источниковедческой, ни с текстологической точки зрения, а без этого едва ли возможно использование этого памятника как исторического источника. К тому же в последнее время были обнаружены и отчасти опублико-

---

[3] *Макарий, архим.* Письма русских государей, великих князей и других особ к новгородским архиереям, хранящиеся в новгородском Софийском соборе // Чтения Императорского московского общества истории и древностей Российских. 1860. Кн. 3. Отд. 5 Смесь. С. 123–148.

[4] *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль. С. 61–145.

[5] «Москва и Новград едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. / Сост., вступ. ст., коммент. Е. В. Анисимова. Великий Новгород, 2009.

[6] *Маркина Г. К.* Письма митрополиту Иову // Чело. 2010. № 1 (46). С. 14–17.

[7] *Вознесенская И. А.* История Новгородской школы в письмах митрополита Иова // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 72–76.

ваны неизвестные ранее письма Иова. Поэтому мы считаем необходимым вновь обратиться к этому замечательному памятнику, чтобы рассмотреть источниковедческие и текстологические проблемы, возникающие в связи с его изучением.

Источники

В настоящее время нам известно пять больших сборников с перепиской митрополита Иова. Три из них хранятся в Софийском собрании (Ф. 728) ОР РНБ: № 1425 (рукопись формата «в лист», насчитывающая 310 л.), № 1426 (рукопись формата «в лист», насчитывающая 393 л.) и № 1427 (рукопись формата «в лист», насчитывающая 288 л.). Рукопись № 1425 содержит письма Иова и некоторых лиц из его окружения, в том числе братьев Лихудов, за 1700–1710 гг.; рукопись № 1426 содержит письма за 1711–1713 гг.; рукопись № 1427 содержит по большей части письма без обозначения даты. Макарий (Миролюбов) и И. Чистович сделали свои публикации на основе этих сборников.[8] Указать точное количество писем, содержащихся в этих рукописях, затруднительно вследствие того, что нередко письма одного содержания отправлялись разным адресатам лишь с небольшими изменениями или дополнениями, так что приводится полностью текст письма только одному адресату, а далее указываются дополнения / изменения, которые были в других письмах. В этой связи возникает вопрос, рассматривать ли все совпадающие по тексту и направленные разным адресатам письма как отдельные, или как варианты одного письма. С учетом этой неопределенности в рукописи №1425 можно насчитать как минимум 270 писем, в рукописи № 1426 — около 380 писем, в рукописи № 1427 — около 250 писем.

Обращает на себя внимание то, что в Софийском собрании нет сборника с письмами митрополита за 1714–1715 гг. Если такой сборник существовал, то, по-видимому, еще до 1846 г., он был изъят из этого собрания, поскольку в ноябре этого года «переписка митрополита Иова, переплетенная в три тома в лист и значившаяся по прежнему каталогу Софийской библиотеки под № 62, 63, и 64, препровождена Новгород-

[8] На рукописях № 1425, 1426 и 1427 основана статья И. А. Вознесенской. Однако Е. В. Анисимов о них не упоминает.

скому викарному епископу».[9] Однако в РГАДА в фонде Духовного ведомства удалось обнаружить сборник (рукопись формата «в лист», насчитывающая 139 л.),[10] в котором содержится переписка митрополита Иова за 1715 г. Часть писем в этом сборнике написана теми же почерками, что и в рукописях из Софийского собрания. Более того, письма в этом сборнике сопровождаются аннотациями, которые написаны теми же почерками, что и в софийских рукописях. Эти общие особенности дают основание предположить, что сборник из РГАДА представляет один из томов собрания писем митрополита Иова, которое хранится в Софийском собрании ОР РНБ. В дальнейшем три сборника, хранящиеся в Софийском собрании, а также сборник, обнаруженный в РГАДА, мы будем для краткости именовать «софийскими сборниками».

Сборник за 1715 г. включает около 170 писем. В исследовании П. Пекарского, которое послужило одним из источников для статьи Е. М. Прилежаева, встречаются цитаты из письма митрополита Иова кабинет-секретарю А. В. Макарову 1715 г., где говорится о том, что Иоанникий Лихуд находится «при совершенной старости».[11] Письмо такого содержания есть в выявленном нами в РГАДА сборнике с корреспонденцией митрополита, однако П. Пекарский ссылается не на этот сборник, а на часть дела РГАДА, в котором содержатся «Отписки Новгородского митрополита Иова о разных епархии его делах».[12] Остается неизвестным пока местонахождение сборника с письмами за 1714 г.

Пятая известная нам большая рукопись, содержащая переписку митрополита Иова, хранится в ОР ГИМ Барс. 505 (рукопись формата в лист, насчитывающая 207 л.). В рукописи имеется двойная фолиация: старая, рукописная, коричневыми чернилами, и новая, печатная, черными чернилами. Отличие между номерами старыми и новыми от начала к концу сборника растет и доходит до 50 единиц. Это может говорить о том, что первоначально количество листов в сборнике было больше. Письма сопровождаются аннотациями, которые сделаны теми же по-

---

[9] *Маркина Г. К.* Письма митрополиту Иову… С. 15.

[10] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31.

[11] *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 218; *Прилежаев Е. М.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 340.

[12] РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение). Оп. 3. Д. 24. Л. 175–187.

черками, что и в сборниках Софийского собрания. Соответственно, можно предположить, что сборник Барс. 505 был составлен тогда же и там же. В XIX в. сборник стал жертвой коллекционеров. Из него были изъяты письма Димитрия Ростовского с его собственноручными подписями. Одно из них, за декабрь 1708 г., в настоящее время находится в ОР РГБ. Ф. 138 (Костромское собр.), № 317; листы сохранили старые номера 92–93, которые соответствуют пропущенным номерам старой фолиации в сборнике Барс. 505, где после л. 91 идет л. 94, а в новой фолиации указаны л. 71 и 72. Другое письмо, которое находилось между л. 199 и 200 по новой фолиации, оказалось в ОР РНБ. Ф. 775 (собрание Титова), № 1301; здесь имеется аннотация, написанная одним из почерков, которыми сделаны аннотации в сборниках писем митрополита Иова из Софийского собрания.

В настоящем виде сборник Барс. 505 содержит около 200 писем, адресованных митрополиту Иову, а также писем отправленных им самим. Многие из них имеют датировки, которые охватывают время с 1699 по 1715 г. У части писем дата не указана, однако по содержанию их можно датировать еще более ранним временем. Так, на л. 93 об. и 184–185 об. содержатся письма, адресованные Иову еще в бытность его архимандритом Троице-Сергиевой лавры (1694–1697). Более того, письмо на л. 98 адресовано Иову, когда он еще был архимандритом Высокопетровского монастыря (1690–1694).[13] Отчасти письма в сборнике Барс. 505 совпадают с письмами из Софийского собрания, но многие из них в Софийском собрании отсутствуют. В отличие от сборников из Софийского собрания, где писем, адресованных митрополиту Иову, очень мало,[14] в сборнике ГИМ таких писем гораздо больше. Часть из них — автографы отправителей,[15] или автографы — это подписи к письмам.[16] Отдельные письма сохранили остатки печатей.

---

[13] В сборнике содержится еще письмо, адресованное Иову, когда он был в сане архимандрита, однако без указания монастыря (ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 147–147 об.)

[14] *Вознесенская И. А.* История Новгородской школы в письмах митрополита Иова… С. 74.

[15] Например, письмо Стефана Яворского 2 мая 1712 г. с поздравлением на Пасху (Л. 31 по новой фолиации), или письмо Кариона Истомина 15 января 1703 г. (Л. 60–60 об.), или письмо Федора Поликарпова 19 декабря 1706 г. с благодарностью за присланную рыбу (Л. 62–62 об.), или письмо Николая Семенова-Головина о присылке в Новгород книг, датируемое мартом 1710 г. (Л. 67–68 об.).

[16] Например, письмо Стефана Яворского 26 января 1708 г. об Иоанникии Лихуде (Л. 162–163), причем текст письма написан рукой Федора Поликарпова.

Некоторые из входящих в сборник Барс. 505 писем, которые были отправлены от имени митрополита Иова, содержат его подписи,[17] или его собственноручную правку.[18] Можно предположить, что рукопись Барс. 505 представляет какую-то часть архива Новгородской кафедры или личного архива митрополита.

В начале XIX в. с рукописи Барс. 505 был сделан список, который в настоящее время хранится в ОР РНБ. Ф. 522 (собрание Новгородской духовной семинарии), № 133 (рукопись формата в лист на голубой бумаге, насчитывающая 294 л.). Вся рукопись скопирована одним почерком (почерк крупный, с большими межстрочными интервалами). В конце Л. 294 имеется запись, сделанная рукой архиепископа Антония (Знаменского): «Сия переписка списана мною с рукописи, где есть кое-какие и подлинные, ежели не ошибаюсь, имеющейся в ростовском Яковлевском монастыре, около 1808 года. Архиепископ Антоний Знаменской». Почерк этой заметки и почерк переписчика рукописи не совпадают. В списке № 133 находятся на соответствующих местах письма Димитрия Ростовского, а также имеются некоторые другие письма, которых в рукописи Барс. 505 в настоящее время нет,[19] откуда можно заключить, что в начале XIX в. рукопись Барс. 505 включала больше писем, а затем они оттуда были или изъяты коллекционерами или выпали. Заметка в конце рукописи № 133 должна означать, что рукопись Барс. 505 находилась в начале XIX в. в Ростове в Спасо-Яковлевском монастыре. Пока, однако, остается непонятным, как, когда и почему часть новгородского кафедрального архива оказалась в Ростове.

Переписчик списка № 133 не везде разобрался с языком начала XVIII в. Так, в письме Софрония Лихуда 14 января 1708 г. в рукописи Барс. 505 (Л. 167) читаются слова: «Но и прежде в **тойжде день** иануариа уже третие лето **есть**». В списке же № 133 (Л. 227) текст читается так: «Но и прежде в **той рожден** иануариа уже третие лето **есмь**».

---

[17] Например, письмо Стефану Яворскому о книге «Знамения кончины века» (Л. 85–85 об.).

[18] Например, письмо Я. Н. Римского-Корсакова Меншикову без указанной даты о новом доме (Л. 50–51).

[19] Например, письмо Стефана Яворского, датируемое июнем 1706 г. (список № 133. Л. 162), или письмо митрополита Иова имеретинскому царевичу Александру Арчиловичу (Список № 133. Л. 261). В последнем случае в рукописи Барс. 505 по старой фолиации после л. 241 идет л. 243, а по новой идут подряд л. 191 и 192.

Переписчик копировал из рукописи Барс. 505 не только текст самих писем, но и аннотации к ним, сделанные, как мы предполагаем, канцеляристами Новгородского архиерейского дома. Однако в некоторых случаях аннотации в списке № 133 оказываются помещенными не перед текстом письма, а в тексте самого письма после указания, от кого и кому оно направлено.[20] Это было связано с тем, что в рукописи Барс. 505 аннотации соответствующих писем были помещены на полях, а переписчик внес их в текст.

Кроме указанных больших сборников известны еще несколько небольших коллекций с перепиской митрополита Иова. Первая из них содержится в сборнике ОР РНБ из фонда «Новое собрание рукописной книги».[21] Это — рукопись подготовленной в 1853 г., судя по делопроизводственной помете, но не осуществленной публикации 11 писем митрополита Иова и его корреспондентов. Р. Г. Игнатьев, готовивший эту публикацию, в предисловии пишет о своих источниках: «Подлинная переписка митрополита Иова в трех книгах в ½ листа хранилась в библиотеке Софийского собора, а ныне Александро-Невской лавры; с копии одной из них, хранящейся в Софийской библиотеке, извлекаем некоторые места из переписки этого знаменитого представителя Петра Великого». Протографом для Игнатьева послужила рукописи № 133. Материал Игнатьева не был принят к публикации, и Е. В. Анисимов называет странной резолюцию о том, что материал Игнатьева переписан «совершенно без мысли и без всякого толку, поэтому нельзя одобрить к печатанию».[22] Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что рукопись Игнатьева содержит большое количество ошибок, возникших по причине того, что текст источника был неправильно прочитан. Это можно рассматривать как вескую причину отказа в публикации. Е. В. Анисимов в своем издании писем Иова опирается на список Игнатьева и все его ошибки воспроизводит.[23]

---

[20] Например, аннотация к письму Софрония Лихуда митрополиту Иову 14 января 1708 г. (ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 167; ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 227).

[21] ОР РНБ. Ф. 905. Оп. 1 (F). № 22. Л. 186–202 (пагинация по карандашной нумерации в правом верхнем углу).

[22] *Анисимов Е. В.* Митрополит Иов, Петр Великий и Новгород // «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 24.

[23] Так, в тексте письма Димитрия Ростовского митрополиту Иову 10 декабря 1706 г. читается: «Смиренный Ростовский Димитрий о Господе радоватися. Благодарение за писание и соболезнование в скорбех и радование о школах» («Москва и Новград едина

Второй сборник хранится в ОР РНБ в собрании И. А. Шляпкина.[24] Рукопись озаглавлена «Письма Иова митрополита Новгородского. Список рукою И. П. Сахарова с пояснительными пометами И. А. Шляпкина». Здесь содержатся три письма, протографом для которых послужила, по-видимому, рукопись № 1425. Этот небольшой сборник также был использован Е. В. Анисимовым.

Третий сборник — небольшая группа писем (18 единиц), адресованных митрополиту Иову, которая хранится в ОПИ НГОМЗ; бóльшая часть ее была опубликована Макарием (Миролюбовым).[25] Кроме того, отдельные письма митрополита обнаружены в РГАДА[26] и архиве СПбИИ РАН.[27]

Источниковедческие проблемы изучения переписки митрополита Иова

В указанных четырех сборниках переписки митрополита Иова из Софийского собрания ОР РНБ и РГАДА в тексте писем имеется большое количество помет и исправлений, сделанных рукой самого Иова. Некоторые письма написаны полностью его рукой: например, письмо Якову Ивановичу Лобанову-Ростовскому от 23 марта 1707 г.,[28] письмо архи-

---

держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. Великий Новгород, 2009. С. 72). Можно понять этот текст так, что слова «Благодарение за писание и соболезнование в скорбех и радование о школах» — это продолжение пожеланий после слова «радоватися». В том же месте находятся эти слова и в списке Игнатьева (Л. 190 об.). Там же они находятся, только с небольшим отступом вправо, и в протографе для списка Игнатьева, списке № 133 (Л. 276 об.). В рукописи же ОР РНБ. Ф. 775. № 1301, которая была вычленена из сборника Барс. 505, эти слова представляют аннотацию, написанную почерком, отличным от основного почерка письма, и находятся на поле справа.

[24] ОР РНБ. Ф. 865. № 122.

[25] *Маркина Г. К.* Письма митрополиту Иову… С. 14–17.

[26] РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение). Оп. 3. Д. 5. Л. 575 об.–576 об. Опубликовано: Великий Новгород в эпоху петровских преобразований: конец XVII — начало XVIII в.: Сб. документов / Сост. Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, Н. Ю. Болотина. Великий Новгород, 2007. С. 118–121.

[27] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Опубл.: «Москва и Новград едина держава Божия»… С. 75–79. № 49–52; Архив СПбИИ РАН. Ф. 171 (Новгородский Софийский архиерейский дом). № 659.

[28] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 71 об.

мандриту Соловецкого монастыря Фирсу от 25 мая 1707 г.,[29] письмо царевичу Алексею Петровичу от 27 декабря 1707 г.[30] В связи с этим возникают два связанных друг с другом вопроса: во-первых, каково происхождение самих сборников, во-вторых, какова природа помет и исправлений в тексте писем.

По первому вопросу можно выдвинуть два предположения: или эти сборники были собраны — по крайней мере, собирать переписку митрополита начали — еще при жизни самого Иова, или они были собраны уже после его смерти. Первое предположение кажется более вероятным, поскольку нечто похожее можно найти и среди рукописей с произведениями митрополита Димитрия Ростовского, судя по публикации его писем, выполненной М. А. Федотовой. Это — так называемый «Эпистоляр», небольшая по объему рукопись (12 л.) из собрания ГИМ (Синод. собр. № 81), фотокопия которой помещена в издании Федотовой.[31] В указанной рукописи содержатся письма митрополита Димитрия и краткие записи о разных современных ему событиях (типа дневника). Как предполагает М. А. Федотова, текст посланий писан почерками разных писцов под диктовку митрополита, но заголовки трех писем, а также в двух письмах указание дат внесены рукою самого Димитрия.[32] Это означает, что в рукописи № 81 содержатся если и не черновики, то во всяком случае списки писем. Соответственно, можно предположить, что или митрополит целенаправленно собирал свои письма, поскольку они уже для самих его современников представляли интерес, также точно как и его проповеди,[33] или же черновики или тексты писем хранились в канцелярии архиерея, подобно тому, как это практиковалось впоследствии в работе канцелярии св. Синода.

Кроме того, софийские сборники с корреспонденцией митрополита Иова носят следы редакторской работы: почти все письма имеют аннотации, которые написаны двумя почерками; обозначим их литерами J^1 и J^2. Этими же почерками написан текст некоторых писем. Аннотации отдельных писем скорее указывают на типы писем, чем отражают их

---

[29] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 77.

[30] Там же. Л. 100.

[31] *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: Исследования и тексты. М., 2005. Рис. 1–24.

[32] Там же. С. 26.

[33] Там же. С. 54.

содержание. Например, аннотация к письму царевне Наталье Алексеевне, которое датируется октябрем 1706 г.,[34] написана двумя почерками: одним — «Буде долго не писано к кому за скорбию», другим — «Изъявление от скорбей облегчение и училищ устроения».

Работа над собиранием писем Иова продолжалась, по-видимому, и в 1740-х гг. В пользу такого предположения может говорить то, что в софийских рукописях в некоторых местах подклеены листы, написанные почерками, которые встречаются в делопроизводственных документах Новгородского архиерейского дома 1740-х гг.:

Места в рукописях	Условные обозначения почерков
ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 72–76 об.	N^1
ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 142–143	N^2
ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 144–145, 148 и 165	N^3
ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 55, 133 об.	N^4
ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 182	N^5

Аннотации писем, написанных почерками 1740-х гг., написаны не так, как в остальных случаях, почерками канцеляристов начала XVIII в.: J^1 и J^2, а тем же почерком, что и сами письма. Это может означать, что в протографе соответствующих писем эти аннотации уже были. Таким образом, софийские сборники дополнялись копиями писем.

Что же касается вопроса о том, какой текст содержат указанные четыре рукописи, то можно заметить, что часть писем представляет собой очевидные списки, поскольку они или прямо так озаглавлены; например, письмо Я. Н. Римского-Корсакова к митрополиту Иову от 28 июля 1709 г.,[35] письмо иеромонаха Иова Я. Н. Римскому-Корсакову от 17 июня 1713 г.,[36] или представляют фрагменты отправленных писем с указанием, к кому и когда они были отправлены. Другая часть писем представляет собой, на первый взгляд, черновики. Во-первых, это письма, написанные собственноручно Иовом, во-вторых, — письма, содержащие его собственноручную правку, в-третьих, — письма с исправлениями переписчиков, сделанными, возможно, по указанию Иова. Как

[34] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 58–59.

[35] Там же. № 1425. Л. 177–178 об.

[36] Там же. № 1426. Л. 320.

на черновики на эти письма смотрели: И. Куприянов,[37] И. Чистович[38] и опиравшийся на него Е. М. Прилежаев,[39] а также И. А. Вознесенская.[40]

Однако более вероятный, как нам кажется, ответ на оба поставленных вопроса, — как о характере самого собрания, так и о редакции текста, который это собрание представляет, — может дать сборник Барс. 505. Если сравнить текст одних и тех же писем в этом сборнике и в сборниках из Софийского собрания, то можно заметить, что изменения, которые были внесены в текст писем из Софийского собрания переписчиками, и даже собственноручная правка самого митрополита Иова не находят отражения в письмах из сборника Барс. 505. Следовательно, мы не можем думать, что протографом для писем из этого сборника были списки писем из Софийского собрания. Однако мы можем предположить, что протографом для писем из сборника Барс. 505 послужили или подлинники писем, отправленных митрополитом Иовом, или копии с этих подлинников. Примером, который наводит нас на такое предположение, может послужить письмо митрополита Иова И. А. Мусину-Пушкину за декабрь 1707 г. Оно известно нам в списках: 1) ОР ГИМ, Барс. 505. Л. 17 об.;[41] 2) ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 93; 3) ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 28.

В сборнике Барс. 505 в начале письма мы читаем: «Иов смиренный митрополит и проч.[42] молитву, благословение **и аще что** благое и спасительное вседушно молит». В рукописи № 1425 вместо выделенных слов «и аще что» написано «и ино», в рукописи № 1427 первоначально было написано «и аще что», но затем вычеркнуто и сверху надписано «и ино». Далее в тексте письма в сборнике Барс. 505 читаем слова: «Сего убо ради посылаем **сего и нашего казначея**». В рукописи № 1425 последние слова этой фразы читаются «сего с нашим казначеем».

---

[37] *Куприянов И.* Материалы для истории училищ в России… С. 63.

[38] *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов… С. 74.

[39] *Прилежаев Е. М.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху… С. 332, примеч.

[40] *Вознесенская И. А.* История Новгородской школы в письмах митрополита Иова… С. 72.

[41] Также ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 25–25 об. и л. 18 (последовательность листов при переплете нарушена).

[42] В списках 1425 и 1427 вместо «и проч.» читается «святейшия митрополии Великаго Нова града и Великих Лук».

Однако после слова «сего» первоначально было написано «с господином архимандритом Феодосием Хутынским», а затем вычеркнуто. В рукописи же № 1427, так же как в сборнике Барс. 505, первоначально было написано: «сего и нашего казначея», однако затем рукой митрополита Иова надписано над строкой: «с господином архимандритом Феодосием Хутынским», а слова «нашего казначея» исправлены — «нашим казначеем».

Приведенные примеры говорят о том, что текст писем митрополита Иова в сборнике Барс. 505 представляет более раннюю редакцию, чем текст писем из Софийского собрания. Соответственно, на основании того, что письма в сборнике Барс. 505 не отражают правку митрополита, которая имеется в письмах из Софийского собрания, мы можем предположить, что протографом для них послужили списки писем, где был представлен тот текст, который получили адресаты митрополита Иова. Тексты же писем из Софийского собрания (с правкой или без нее) представляют, возможно, текст более поздней редакции, обстоятельства возникновения которой нам пока остаются не вполне понятными.

Письма в сборнике Барс. 505, так же как и письма из Софийского собрания, имеют аннотации. В них часто не указывается ни от кого, ни кому было отправлено письмо и не всегда указывается содержание письма. Такие аннотации скорее указывают на типы писем, например, аннотация к письму Федора Поликарпова митрополиту Иову от 24 января 1708 г.: «К печалному лишения ради некоего человека утешение».[43] Здесь можно было бы возразить, что, поскольку главным действующим лицом переписки воспринимался в данном сборнике митрополит Иов, то и в аннотациях он подразумевался по умолчанию. Однако в других случаях даже с этой точки зрения фигура митрополита Иова в аннотациях не появляется, например аннотация к письму Федора Поликарпова митрополиту Иову 10 мая 1706 г.:[44] «К высокому лицу униженное благодарение за писание и прошение о милости ко учителем странным и древним сущим». Возможно, такая «безликость» аннотаций означает только то, что письма собирались не как памятники переписки какого-то

---

[43] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 200–200 об. (Списки: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 278–279; Ф. 905. Оп. 1 (F). № 22. Л. 192).

[44] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 117–117 об. Автограф Федора Поликарпова (Список: ОР РНБ. Ф. 522. Д. 133. Л. 147–149).

определенного лица, а как образцы писем на определенную тему вообще, как это делалось в письмовниках.

Сравнение тех писем, которые имеются одновременно в софийских сборниках и в сборнике Барс. 505, показывает, что в некоторых случаях аннотации в обоих сборниках совпадают или очень близки. Например, аннотации к письму митрополита Иова Стефану Яворскому, которое надо, видимо, датировать декабрем 1707 г., в софийском сборнике имеет вид: «Рязанскому о явлении милости к посланным прошение и о Рождестве поздравление»,[45] а в сборнике Барс. 505: «Прошение о явлении милости к посланным и поздравление о Рождестве».[46] Здесь, как видно, изменен только порядок слов.

Соответственно, объяснить как происхождение самих писем из Софийского собрания, так и имеющейся в них правки, кажется, можно тем, что письма митрополита Иова собирались, а владыка редактировал письма уже отправленные. В канцелярии митрополита, по-видимому, оставались копии отправляемых им писем, и то, что на первый взгляд может показаться черновиками, представляет собой копии, хотя и с авторской, но позднейшей правкой.[47] Это вполне укладывается в делопроизводственную практику того времени, когда копии исходящих документов оставались в канцелярии Новгородского архиерейского дома. В пользу этого предположения говорят делопроизводственные записи, оставшиеся на письмах. Так, в конце некоторых писем указано, когда и каким образом они отправлены. Например, в конце письма Я. Н. Римскому-Корсакову от 16 октября 1710 г.[48] читается: «Отпущено то вышеписанное писмо и с цыдулками с Василем Козминым сыном Подчертковым 1710 октября в 16 д.». Также в конце письма Ф. С. Манукову от 1 апреля 1713 г.[49] указано: «Те вышеписанные два писма вицегубернаторово и лантрихтерово отданы Михайлу Лукину сыну Челищеву. И к стряпчему Михайлу Денисову о всем вышеписанном для ведома писано ж и отписка из розряду послана при тех же

---

[45] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 92.

[46] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 18 (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 18).

[47] О. В. Панченко так и называет сборники писем митрополита Иова из Софийского собрания «копийными книгами» (*Панченко О. В.* О чудовском иеродьяконе Иове, авторе книги «Сад спасения» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 401–403).

[48] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 293 об.–302 об.

[49] Там же. № 1426. Л. 296 об.

писмах». В софийских сборниках также встречаются записи об отправке в дар от митрополита Иова волховских сигов и яблок. Так, например, в рукописи № 1426 содержатся сведения о том, кому и сколько было отправлено рыбы в подарок,[50] такие же сведения об отправке рыбы разным лицам содержатся в сборнике за 1715 г. из РГАДА.[51] Такого рода перечни, скорее, относятся к делопроизводственным документам архиерейской канцелярии, чем к эпистолярному наследию митрополита Иова. Соответственно, сборники из Софийского собрания и РГАДА выполняли также и канцелярскую функцию, а их составитель рассматривал все документы, направленные от имени митрополита, как часть его переписки.

Благодаря тому, что письма митрополита Иова из Софийского собрания содержат позднейшую редакторскую правку, отчасти сделанную почерком самого митрополита, мы можем не только предполагать, что письма из сборника Барс. 505, в которых этой правки нет, представляют ту редакцию текста, которую получили адресаты, а, следовательно, говорить о том, что митрополит писал своему адресату, но также и судить о том, что он хотел, чтобы читатель его писем думал, что он писал. Это, в свою очередь, не может не привести в затруднение издателя писем митрополита: какой текст положить в основу издания, тот ли, который, по-видимому, был отправлен, или текст с последующей авторской правкой. Возникает и вопрос еще такого рода: для чего митрополит Иов правил свои письма? Может быть, он думал об их издании? Впрочем, митрополит мог править уже отправленные письма, поскольку повторно отправлял их другим адресатам. Однако эти предположения требуют дополнительных обоснований.

Текстологические проблемы изучения переписки митрополита Иова

Теперь рассмотрим некоторые вопросы, которые возникают в связи с письмами митрополита Иова как источником. Прежде всего, — это вопрос авторства. В письмах митрополита Иова автор их предстает перед адресатом/читателем как человек широко образованный. В зави-

[50] Там же. Л. 377–379 об., 387–388 об.

[51] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 102–103 об., 139 об.

симости от адресата в письмах используется разный набор образов и аллюзий. Наряду с вполне ожидаемыми от архиерея библейскими образами и цитатами мы встречаем в письмах митрополита Иова, в частности, в письмах к царю, упоминания и Аристотеля с Платоном, и Филиппа Македонского с его сыном, и Цезаря с Ганнибалом. Так, например, в письме к Петру от 20 ноября 1706 г. приводится ссылка на авторитет Аристотеля: «По Аристотелю же глаголется бытство со словом истинным по благим человеческим и злым искусное».[52] В недатированном письме к Петру ситуация обращения митрополита Иова к царю сравнивается со встречей Демосфена и Филиппа Македонского: «Демосфен, оный великий философ, пресловутая река речеточества, хотяй похвалити некогда Филиппа, царя Македонскаго, и дерзнув пред ним, устрашився абие, пребысть безгласен».[53] В начале письма к царю, которое датируется 1706 г., говорится о том, что два выдающихся полководца древности Юлий Цезарь и Ганнибал не достигли бы своей славы, если бы им не пришлось преодолевать трудностей во время своих военных походов: «Кия похвалы славы же и возвышения Кесарь стяжал бы, аще бы удобно и безструдно на временов брань нанесе, или кое славное слышание Аннибал себе присогромади, понеже нашед на Италию чрез Алписки горы, кроме ли праха и лома и кроме ли заклания своих воинов сие сотвори».[54] Здесь, возможно, вместо слова «временов» должно читаться «ерманов», т. е. германцев. В этом же письме далее упоминается Александр Македонский «телом воистинну мал»,[55] а еще ниже делается ссылка на авторитет Платона: «Царство мудрости по Платону сопряжется».[56]

При этом об образовании митрополита Иова достоверно ничего не известно,[57] в связи с чем возникает вопрос: писал ли Иов полностью

---

[52] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 575. Опубл.: Великий Новгород в эпоху Петровских преобразований… С. 119.

[53] *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов… С. 119; «Москва и Новград едина держава Божия»… С. 141. № 134.

[54] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 39 (Список: ОР РНБ. Ф. 522. Д. 133. Л. 40 об.).

[55] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 39 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. Д. 133. Л. 41 об.).

[56] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 39 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. Д. 133. Л. 42 об.).

[57] В настоящее время мы имеем мало надежных сведений о биографии митрополита Иова до того, как он оказался в братии Троице-Сергиева монастыря. И. Яхонтов рассказывает историю о встрече Иова, который был тогда иеродиаконом Троицкого монастыря, с будущим иеродиаконом Дамаскиным, который впоследствии вступил

сам отправляемые от его имени письма или в работе над ними принимал участие еще кто-либо в качестве помощника или секретаря, и если да, то в какой степени. В письмах митрополита, хоть и редко, однако встречаются фразы на латинском языке. Например, в упомянутом

в полемику с Гавриилом Домецким. Дамаскин по дороге из Москвы зашел в Троицкий монастырь и получил от Иова «осьмуху хлеба и полрыбы семги» (*Яхонтов И.* Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб., 1883. С. 3). По-видимому, рассказ об этой встрече содержится в первом из трех писем Дамаскина митрополиту Иову, которые находились в одной рукописи с сочинением Дамаскина «Сто пять ответов» на книгу Домецкого «Опровержение».

Сведения о месте рождения митрополита Иова, которые можно встретить в литературе, носят легендарный характер. И. Доброзраков в том же журнале «Странник», где И. Чистович издал свою подборку писем митрополита Иова, опубликовал в том же 1861 г. небольшое сообщение, что старожилы в селе Катунки Нижегородской губернии рассказывают предание о том, как пономарь Воздвиженской церкви из этого села по имени Борис отправился в Великий Новгород просить материальной помощи у митрополита Иова, который был якобы его родным дядей. Иов написал рекомендательное письмо нижегородскому архиерею, благодаря чему Борис стал священником (*Доброзраков И.* Нечто к дополнению биографии Новгородского митр. Иова // Странник. 1861. Октябрь. С. 155–157. Эта статья перепечатана: *Рябов А. Н.* Иов, митр. Новгородский, уроженец с. Катунки Нижегородской обл. Нижний Новгород, 2008. С. 20–21). Заканчивается сообщение о родине Иова словами: «утверждают некоторые, что он с малых лет ходил по монастырям и, достигши Сергиевой лавры, там остановился и занялся науками, потом же поступил в монашество».

В литературе распространено мнение, что Иов принял монашество в Троице-Сергиевом монастыре (*Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 301). Однако в описании Соловецкого монастыря, которое составил архимандрит монастыря Досифей, в приложении опубликован документ, озаглавленный: «Духовное завещание Новгородского митрополита Иова, постриженника соловецкого, скончавшегося в Новегороде 1716 года февраля 3 дня, присланное при жизни его в монастырь Соловецкий к священноархимандриту Фирсу, келарю Сергию, казначею Варсонофию и ко всей братии» (*Досифей (Немчинов)*. Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 3. С. 257–263). В публикации не указано, относятся ли слова «постриженника соловецкого» к тексту самого завещания, или это часть аннотации, которая была дана документу самим Досифеем. Однако само обстоятельство, что завещание было адресовано Соловецкому архимандриту, косвенным образом может свидетельствовать в пользу того, что будущий митрополит Иов здесь принял монашеский постриг (*Анисимов Е. В.* Митрополит Иов, Петр Великий и Новгород // «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 8, примеч. 4). Это предположение, как кажется, не противоречит тому, что Иов был в числе братии Троице-Сергиева монастыря, поскольку он мог перебраться сюда после принятия монашества.

письме к царю Петру I от 20 ноября 1706 г.: «глаголют философи, яко ad exemplum regis totus componitur orbis».[58] В некоторых случаях даты указаны по-русски, но написаны латиницей. Так, в конце письма М. П. Апраксину от 17 ноября 1706 г. указано: «Лета от рождества спасителя Христа 1706 Novembris dne 17».[59] В некоторых случая слово «аминь» написано латиницей: amin; например, в конце написанного рукой самого митрополита письма Я. И. Лобанову-Ростовскому, датируемого сентябрем 1706 г.;[60] в конце письма Стефану (Яворскому) 1708 г.;[61] в конце письма Я. Н. Римскому-Корсакову 23 февраля 1710 г.[62] Знал ли митрополит Иов латынь и, если знал, то где он ее учил, или эти фразы были подобраны для него кем-то другим? Если познания в области литературы и истории можно приобрести «начетничеством», а ловкость в риторическом искусстве достичь путем подражания признанным образцам прозы, то изучить язык таким путем представляется затруднительным. Фраз на греческом языке в письмах митрополита Иова мы не встретили. С чем это было связано, с тем ли, что греческий был не столь употребителен, как латынь, или с тем, что адресаты митрополита этого языка не знали, или с тем, что сам Иов не знал его?

Однако в сборнике Барс. 505 мы, кажется, находим внешнее свидетельство образованности митрополита Иова, если только это свидетельство не представляет собой лишь риторическую амплификацию. Здесь в упомянутом выше письме Иову, еще когда он был архимандритом Высоко-Петровского монастыря, неизвестный корреспондент пишет: «Ведят тебе, ей ведят тебе мнози от человек добродетелей быти жилище и покаяния проповедника, ибо множайших наставляя от тьмы ко свету Христову, от прелестнаго пути на путь истины возводиши, яко и мнози притекают к тебе послушати слово душеполезное и поучение покаяния и сие явленно убо в пречестней твоей обители».[63] Если здесь нет обычного преувеличения, с которым тот, кто стоит ниже на социальной лестнице, обращался к тому, кто стоит выше него, то это должно означать, что будущий митрополит Иов был не только адми-

[58] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 576.
[59] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 50–51.
[60] Там же. Л. 49 об.
[61] Там же. Л. 104 об.
[62] Там же. Л. 214 об.
[63] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 121 (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 127 об.).

нистратором, но и обладал достаточными знаниями и умениями, чтобы произносить проповеди, и что проповеди его привлекали немало слушателей.

И. Чистович предположил, что многие из поздравлений, адресованных митрополитом Иовом царю, «принадлежат перу Лихудов».[64] В пользу такого предположения может говорить следующее обстоятельство. В рукописи № 1425 имеется письмо от 20 июня 1706 г. братьев Лихудов к патриаршему ризничему Филарету[65] и письмо от 26 июня 1706 г. митрополита Иова к архимандриту Троице-Сергеева монастыря Сильвестру.[66] Тексты этих писем местами очень близки друг другу. Например:

Письмо Лихудов ризничему Филарету (Л. 44)	**Письмо митрополита Иова архимандриту Сильвестру (Л. 46)**
<...> Два любезная твоя писания получихом, возлюбленне брате: едино убо в честней обители во святых отца нашего чудотворца Ипатиа в последния убо дни исхождения нашего оттуду, другое же в Великом Нове граде. И первому убо не возписахом тогда святыни твоей за суетения ради отуду нашего исхождения, по второму же паки отсюду попечения ради приуготовления и уставления новыя зде школы, обаче чрез писание великаго господина к твоей честности нашего ради прощения нечто назнаменася изявляющее еже к твоей святыни наше благодарное же и долг. Ныне, слава блаженному промыслу самопремудрости Бога, вся право и богоугодно преходят со успехом немалым, учеником укрепляемым мудростию и благодатию во славу трисолнечнаго Света и непреходимую память таковаго воистинну великаго светилника великаго господина нашего <...> Иова митрополита Великаго Нова града и Великих Лук Авраамския души.	<...> Два любезная твоя писания в маие и июнии получих, возлюбленный брате, и о скончании уставщика Савватия известихомся: да помянет его Господь Бог во царствии своем! По тем же писаниям не отозвахомся ко твоей святыни частаго ради болезнования, овоже суетения и попечения деля о уготовлении и установлении новых зде школ. Слава блаженному промыслу самопремудрости Бога! Вся у нас ныне право и богоугодно преходят и со успехом немалым, из разных чинов учеником укрепляемым мудростию и благодатию, во славу трисолнечнаго Света и в вечное Церкви спасение.

[64] *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов... С. 73.

[65] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 44–45.

[66] Там же. Л. 46–46 об.

Если даты, которые указаны в рукописи № 1425, верны, то письмо Лихудов предшествовало письму митрополита Иова, и естественным кажется допустить, что более позднее письмо митрополита находится в некоторой зависимости от более раннего письма Лихудов. Однако и митрополит, и Лихуды могли писать независимо друг от друга, а близость текстов могла быть обусловлена общностью источников, которыми они пользовались, потому что как митрополит, так и Лихуды могли пользоваться руководствами по эпистолографии и сборниками с образцами писем по разным поводам (письмовниками). Кроме того, нам известно несколько десятков писем, отправленных от имени митрополита Иова, которые были написаны до прибытия Лихудов в Новгород, и письма эти, кажется, не уступают в своей искусности письмам, написанным после прибытия Лихудов. Соответственно, если в написании этих писем участвовал кто-то другой помимо митрополита, то это были не Лихуды. Подобного рода примеры провоцируют трудный вопрос об авторстве писем, которые были отправлены от имени митрополита.

Почерк митрополита Иова можно рассматривать как свидетельство того, что процесс письма для него был привычным. Не многие иерархи великороссийского происхождения начала XVIII в. столь каллиграфично, аккуратно, уверенно и бегло ставили свои подписи под документами (место, где поставлена подпись митрополита в сборниках из Софийского собрания, нередко разлиновано, а в тех случаях, когда митрополит пишет о том, что он кланяется, слова по барочному наклоняются слева направо вниз), не говоря уже о том, что далеко не многие обладали достаточной подготовкой, чтобы править язык и стиль посланий, как это делал Иов. Е. В. Анисимов обратил внимание на то, что почерк Иова твердый и уверенный, и расценил это как свидетельство характера митрополита.[67] Однако если такая связь и была, то в случае митрополита Иова она, вполне вероятно, не была закономерна, поскольку твердость и уверенность письма связаны не с характером человека, а с приобретенными им навыками.

Еще одной особенностью почерка митрополита Иова было то, что начертание некоторых букв, а также написание многих буквенных со-

[67] «Сохранившиеся автографы митрополита свидетельствуют как о вкоренившейся привычке часто и привычно ясно выражать свои мысли на бумаге, так и о руке (а следовательно, характере) — твердой, уверенной» (см.: *Анисимов Е. В.* Митрополит Иов, Петр Великий и Новгород // «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 9).

четаний без отрыва руки отличают его от почерков великорусских книжников и канцеляристов конца XVII в. Однако его почерк не похож и на южнорусскую (украинскую) скоропись. Возникает вопрос, где будущий митрополит Иов приобрел навыки письма? Учитывая же, как кажется, неплохую его риторическую подготовку и, возможно, знание латыни, неизбежно возникает и вопрос о том, где он получил свое образование?

Рукописи из Софийского собрания показывают еще одну интересную особенность: в некоторых случаях одно письмо отправлялось разным адресатам. Здесь можно выделить несколько вариантов. В одном случае текст писем, по-видимому, совпадал полностью, и тогда приводилось полностью только письмо, отправленное одному адресату, а затем указывалось, кому еще письмо такого же содержания было отправлено. Например, сверху над текстом письма Иосифу, митрополиту Псковскому, от 3 января 1710 г.,[68] рукой митрополита Иова написана формула, с которой следует обращаться к светским лицам: «Мирским людием: Изящнейшему господину о Христе же сыну моему». Затем идет текст письма, написанный рукою канцеляриста, а после текста указано: «Рязанскому, Казанскому, Крутицкому, Нижегородскому, генваря 30». После письма дьяку Михаилу Алексеевичу Волкову от 17 июля 1710 г.[69] на обороте листа указано: «Таковы ж писания писаны и к нижеписанным того ж числа и рыбы посылка к ним означена ниже сего», — а ниже приведен список семи адресатов. По поводу этих писем возникает следующая трудность: с одной стороны, считать ли такое письмо за одно или за несколько, ведь в архиве каждого из адресатов хранилось только ему отправленное письмо; с другой стороны, если же эти письма рассматривать как одно письмо, то кого считать его адресатом, того ли, кто указан в качестве адресата в полном тексте письма или всех адресатов из списка?

В другом случае текст такого отправленного разным лицам письма несколько отличался в зависимости от адресата, и тогда после полного текста, отправленного одному адресату, указывались отличия, которые были в письмах, отправленных другим. Отличия эти, однако, могли быть указаны в виде интерлинеарных помет, которые при чтении легко принять не за разные варианты, а за окончательную авторскую правку.

---

[68] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 200.

[69] Там же. Л. 266.

Следующий пример может проиллюстрировать возникающие здесь трудности. В издании фрагментов из писем митрополита Иова, подготовленном И. Чистовичем, имеется письмо к И. А. Мусину-Пушкину.[70] Это же письмо без изменений перепечатано в сборнике, который подготовил Е. В. Анисимов,[71] где письмо датировано «до декабря 1707 г.» В софийских сборниках, которыми пользовался И. Чистович при подготовке своей публикации, такое письмо к Мусину-Пушкину не находится, однако в рукописи № 1427 имеется письмо с текстом, идентичным тому, который был издан Чистовичем.[72] Но письмо это адресовано Анисиму Яковлевичу Щукину. В этом послании есть позднейшая правка, сделанная между строк почерком митрополита Иова, и над словами «Анисиму Яковлевичу» надписано «Иоанну Алексиевичу». Видимо, эта собственноручная правка Иова послужила основанием для И. Чистовича опубликовать рассматриваемое письмо как адресованное Мусину-Пушкину. Та часть письма, которую он издал, в рукописи № 1427 не имеет правки, однако в начале письма есть еще несколько разночтений (отличия выделены курсивом):

Текст первоначальный без правки Иова	**Текст с учетом правки Иова**
Честнейшему и разумнейшему господину мне же о Христе сыну любезному и благодетелю благоутробнейшему *Анисиму Яковлевичу* <...>	*Великолепнейшему и многоразумнейшему царскаго пресветлейшаго величества болярину* мне же о Христе сыну любезному и благодетелю благоутробнейшему *Иоанну Алексиевичу* <...>
Любезное твое писание *чрез Тарасиева сына* получих прияти, за что по премногу благодарен есмь твоему изяществу.	Любезное твое писание *и присланную книжицу чрез почту* получих прияти, за что по премногу благодарен есмь твоему изяществу.

По содержанию письмо это, как будет показано ниже, надо, видимо, датировать 1706 г. Этот пример также показывает, что И. Чистович при подготовке своего издания фрагментов из писем митрополита Иова включал позднейшую правку в текст писем, рассматривая письма с правкой в качестве черновиков, и публиковал этот текст как окончательную редакцию без оговорок.

---

[70] *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов... С. 133–134.

[71] «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 59. № 29.

[72] ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 215–215 об.

В третьем случае текст отправленных разным адресатам писем хотя и был очень близок и почти совпадал, однако письма приводятся полностью. Примером может послужить серия писем, отправленных в декабре 1707 г., в которых содержалось поздравление с наступающим Рождеством и говорилось о том, что с разрешения царя один из учителей Новгородской архиерейской школы, Софроний Лихуд, был отправлен митрополитом Иовом в Москву за оборудованием типографии, которой руководил некогда Симеон Полоцкий. Таких писем семь: царю Петру,[73] Ф. М. Апраксину,[74] царевичу Алексею Петровичу,[75] Стефану Яворскому,[76] А. И. Иванову,[77] И. А. Мусину-Пушкину[78] и М. П. Апраксину.[79]

В основе текста, который приводится ниже, лежит текст из сборника Барс. 505. В аппарате указаны отличия этого текста и чтений из софийских сборников. При этом используются следующие сокращения: S — софийский сборник, B — сборник Барс. 505. Если в софийских сборниках письмо имеется в двух списках, то они обозначаются номером в верхнем регистре: S^5 — сборник № 1425, S^7 — сборник № 1427.

Иногда письма такого рода хронологически были отделены друг от друга промежутком в несколько месяцев. Так, упомянутое выше письмо митрополита Иова к архимандриту Троице-Сергеевой лавры Сильвестру датировано 26 июня 1706 г., а очень близкое ему по тексту письмо к М. П. Апраксину датировано 17 ноября 1706 г.[80] Этим пись-

---

[73] По нашему предположению, это письмо в рукописной традиции существует в двух редакциях. Первая представлена списками ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 16. Обозначается 505а (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 15–16). Вторая представлена списками ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 87–87 об. ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 15–15 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 13 об.–14 об.).

[74] ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 29–29 об.; ОР ГИМ, Барс. 505. Л. 16 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 16–17).

[75] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 91; ОР ГИМ, Барс. 505. Л. 18 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 19–20).

[76] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 92; ОР ГИМ, Барс. 505. Л. 18 (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 18–19).

[77] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 95; ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 20 (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 20 об.–21 об.).

[78] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 93; № 1427. Л. 28; ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 17 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 25–25 об., 18).

[79] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 94; ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 17 (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 17–17 об.).

[80] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 50–51.

Царю Петру	Ф. М. Апраксину	Царевичу Алексею	Стефану (Яворскому)	А. И. Иванову	И. А. Мусину-Пушкину	М. П. Апраксину
<...> По имянному твоему указу, великий государь, ради лексикона Епифаниевскаго и печати Симеона Полоцкаго и для станов,[1] послах к Москве Софрониа, учителя Лихудиева, с казначеем[2] Дому Софии Божии. Молю убо царское твое величество, яко да укажеши реченный лексикон с Печатнаго двора на время и некия книги к сему нашему делу яже нуждны будут, и печать[3], и станы, отдати Софронию учителю и казначею нашему общия ради пользы святыя нашея Церкве и ко	<...> Великий государь[4] пожаловал мне на время лексикон Епифаньевской с Печатнаго двора и иныя книги, яже суть нуждныя к делу, печать, станки, мастеров и в споможения превода справщика Николаа Семенова. Того ради дела указал отпустити к Москве учителя Софрониа. И се послах его[5] с нашим казначеем к Москве. Молю твое изящество яко да сих светлым лицем и радостным помаанием представиши Великому государю, и да поспособствуеши им,	<...> По милости великаго государя благороднейший великий княже[6] многих ради нуждних общия ради пользы святыя нашея Церкве и ко славе сего славнаго[7] великаго царства бысть[8] указ имянной отпустити к Москве Софрония иеромонаха и учителя Лихудиева[9] и нашего казначеа. Сего убо ради посылах сих. Молю же твое тишайшество светлым лицем и веселым оком сих прияти. Солнечное бо присутствие веселит и оживляет вся чувственная и безчувственная, колми	<...> По милости[10] великаго государя еже ко иеромонахом и учителем Лихудиевым Иоанникию и Софронию излиянной в сия дни зело милосердно и доблственно бысть[11] и указ имянной отпустити к Москве учителя Софрония многих ради дел нуждних общия ради ползы святыя нашея Церкве и ко славе сего святейшаго великаго царства. Сего убо ради посылаем его[12] и нашего казначея. Молим же и твое преосвященство прияти сих по обычному твоему человеколюбию	<...> Ныне же по милости великого государя еже ко иеромонахом и учителем Лихудиевым Иоанникию и Софронию излиянной зело милосердно и доблественно состоялся указ имянной отпустити учителя Софрониа к Москве многих ради дел нуждних общия ради ползы святыя нашея Церкве и ко славе сего святейшаго царства. Сего убо ради послахом сего и нашего казначея. Молим же твою пречестность прияти сих со всяким милосердием светлым лицем и веселым	<...> По милости великаго государя ко иеромонахом и учителем Лихудиевым Иоанникию и Софронию излившейся в сия дни зело милосердно и доблственно состоялся указ имянной отпустити учителя Софрония к Москве ради многих дел нуждних общия ради ползы святыя нашея Церкве и ко славе сего святейшаго великаго царства. Сего убо ради посылаем сего и нашего казначея.[13] Молим же твое велелепие[14] да приимеши сих со всяким милосердием и да поспо-	<...> По милости великаго государя состоялся имянной указ отпустити к Москве иеромонаха учителя Софрониа Лихудиева ради нуждных дел общия ради ползы святыя нашея Церкве и ко славе святейшаго сего великаго царства. И се посылаю его[15] с нашим казначеем и аще что востребуют от твоего велелепия или слова или дела молю ради моего прошения, яко да получат тое. Аз же о сем должен буду бога молити о благом твоем состоянии и о всем твоем

славе святейшаго твоего царства, великий государь. <...>	по обычной своей доблести, о предреченных, о нихже ради напамятования писах Великому государю и о ином коем либо, егоже востребуют. <...>	паче веселое око тишайшества твоего преемника сущаго великаго солнца всего святейшаго царства. Тем же и желаю и молю. <...>	и благому произволению светлым лицем и веселым оком и да воспособствуеши о всем, еже востребуют. Аз же о сем буду и ныне и всегда должен твоему преосвященству. <...>	оком яко да возпособствуеши еже востребуют. Аз же о сем и ныне и всегда буду должен многоблагоутробнаго бога молити о твоем благом состоянии и о всем благословенном твоем доме. <...>	собствуеши[16] светлым и веселым оком о всем, егоже востребуют. Аз же о сем и ныне и всегда буду должен многоблагоутробнаго Бога молити о благом твоем состоянии и о всем благословенном твоем доме <...>[17]	благословенном доме. <...>

[1] *В списке 505* ради лексикона... для станов *исправлено вместо* о лексиконе Епифаниевском о печати Симеона Полоцкаго о станах о мастерах печатнаго дела и о справщике Николае Семенове в споможение сущым у мене ныне преводчиком. *В списке 505а* о лексиконе Епифаньевском о печати о станках о мастерах... преводчиком; у мене ныне *исправлено вместо* ныне у мене.

[2] *В списке 505* с казначеем *исправлено вместо* со архимандритом Хутынским и с казначеем.

[3] *В списке 505* и печать *исправлено вместо* и Николая Семенова печать же и мастеров печатнаго дела. *В списке 505а* и Николая Семенова печать же и мастеров печатнаго дела.

[4] *В списке 1427* великий государь *исправлено Иовом на* великий государь в Санкт-Питербурхе, по доношению вашему и мне самоличне присутствующу в Нове граде.

[5] *В списке 1427 исправлено Иовом на* его с господином архимандритом Феодосием Хутынским и.

[6] *В ркп. 1425* великаго государя... княже *исправлено Иовом на* отца твоего господскаго благочестивейшаго нашего монарха и великаго государя царя.

[7] *В ркп. 1425 исправлено Иовом на* славнаго всероссийскаго.

[8] *В ркп. 505 надписано* состоялся; *в ркп. 1425 в тексте* состоялся; *в ркп. 133 в тексте* состоялся бысть.

[9] *В ркп. 1425 исправлено Иовом на* Лихудиева и с ним Феодосия архимандрита Хутынскаго.

[10] *В ркп. 1425 исправлено Иовом на* милости велицей.

[11] *В ркп. 505 надписано* состоялся; *в ркп. 1425 в тексте* состоялся; *в ркп. 133 в тексте* состоялся бысть.

[12] *В ркп. 1425 исправлено Иовом на* его и с ним честнаго архимандрита господина Феодосия Хутынскаго.

[13] *В ркп. 1427* и нашего казначея *исправлено Иовом на* с господином архимандритом Феодосием Хутынским и нашим казначеем; *в ркп. 1425* с господином архимандритом Феодосием Хутынским и нашим казначеем *исправлено на* с нашим казначеем.

[14] *В ркп. 1427 над* твое велелепие *надписано Иовом* твою милость.

[15] *В ркп. 1425* его с господином архимандритом Феодосием Хутынским и.

[16] *В ркп. 1427 исправлено Иовом на* способствуеши; *в ркп. 1425 в тексте* способствуеши; *в ркп. 505 исправлено вместо* подаси руку помощи.

[17] В конце письма в рук. № 1425 другим почерком приписано: «Таково же и княжу Матфею Петровичу».

мам очень близки по тексту еще несколько писем того же года, но без точной датировки: упомянутые письма к Анисиму Яковлевичу Щукину и И. А. Мусину-Пушкину,[81] а также письмо Н. М. Зотову.[82]

Среди писем, отправленных от имени митрополита Иова, мы находим самые разные виды эпистолярной литературы. Одни содержат просьбу, другие — благодарность,[83] поздравление,[84] утешение,[85] похвалу, поучение. Особенности этих видов писем сказываются и на письмах митрополита. Кто бы ни был их действительным автором — сам митрополит или кто-то из его окружения — он был хорошо знаком с принятым эпистолярным этикетом. Хотя некоторые из писем по своему содержанию представляют собой доношения (отписки) различным представителям светской власти, однако в известных нам сборниках почти отсутствуют делопроизводственные документы, составленные по принятому формуляру, например, ставленнические грамоты или указы (грамоты).[86]

Важной частью некоторых писем были «цыдулки». Тема, которой была посвящена «цыдулка», отличалась от темы самого письма. Это было как бы письмо в письме. Хотя «цыдулки» выполняли те же функции, что и собственно письма, за исключением, пожалуй, коммуникативной: в них не было этикетных формул приветствия и прощания.

---

[81] ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 215–215 об.

[82] Там же. Л. 62. Е. В. Анисимов датирует это письмо 1707 г. («Москва и Новград едина держава Божия»... С. 61. № 33).

[83] Например, благодарность Стефану Яворскому за помощь в рукоположении викарного епископа (ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 163. Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 222 об.–223 об.).

[84] Например, поздравление по случаю бракосочетания Алексею Петровичу (ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Л. 146–147) и по тому же поводу поздравление А. Д. Меншикову (ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 42–43), поздравление о назначении адмиралом Ф. М. Апраксину (ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 52–52 об. Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 59 об.–61), вышеупомянутые поздравления с Рождеством 1707 г., поздравления на Пасху за разные годы.

[85] Например, по случаю смерти сына письмо грузинскому царю Арчилу (ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Л. 156), по случаю смерти жены Петру Матвеевичу (ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Л. 231), по случаю смерти сына А. Д. Меншикову (ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 208. Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 286 об.–287).

[86] В сборнике, который подготовил Е. В. Анисимов, опубликованы в качестве приложения указы митрополита Иова за 1708–1714 гг., находящиеся в архиве СПбИИ РАН (Колл. 115. Оп. 1. Д. 69), направленные архимандриту Тихвинского монастыря Павлу (см.: «Москва и Новград едина держава Божия». С. 153–196).

По причине своей преимущественно информативной функции «цыдулки» оказываются важным историческим источником.

Письма, адресованные митрополиту Иову, надо рассматривать как неотъемлемую часть его переписки. Хотя эти письма на равном основании могут рассматриваться как эпистолярное наследие их авторов, однако, когда мы фокусируем наше внимание на их адресате, то они входят в круг и в контекст переписки митрополита Иова, потому что с одной стороны эти письма были ответами на письма митрополита, с другой они были основанием для его ответов. Так, видимо, смотрели на эти письма и составители как сборников из Софийского собрания, так и сборника Барс. 505. Все сборники — в меньшей степени софийские, в большей степени Барс. 505 — включают письма не только отправленные от имени митрополита Иова, но и письма, ему адресованные.

Более того, сборники включают также письма, ни отправителем, ни получателем которых не был сам митрополит. Большинство такого рода писем относится к корреспонденции братьев Лихудов. Сведения о них приведены в следующей таблице:

Кого и кому письмо	Дата	Где находится
братьев Лихудов эконому[87]	февраль 1706 г.	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 90–90 об.[88]
братьев Лихудов патриаршему ризничему Филарету	20 июня 1706 г.	ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 44–45.
Иоанникия Лихуда Ф. М. Апраксину о своем сыне Анастасии	сентябрь 1706 г.	ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 64–65. ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 155–155 об.[89]
Иоанникия Лихуда Федору Поликарпову	28 февраль 1710 г.	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 103–103 об.[90]
Федора Поликарпова Иоанникию Лихуду	не датировано	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 116–116 об.[91]
Софрония Лихуда казначею Феодосию	11 июля 1710г.	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 169.[92]

[87] Установить имя эконома не удалось.

[88] Список: ОР РНБ. Ф. 522. №. 133. Л. 110.

[89] Там же. Л. 211.

[90] Там же. Л. 129.

[91] Там же. Л. 145.

[92] Там же. Л. 231–232.

Кого и кому письмо	Дата	Где находится
Софрония Лихуда архимандриту Аркадию	11 июля 1710 г.	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 170–170 об.[93]
Иоанникия Лихуда Казанскому митрополиту Тихону	май 1710 г.	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 66.[94]
Иоанникия Лихуда Феофилакту Лопатинскому	1710 г.	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 197–198 об.[95]
Иоанникия Лихуда Савве Владиславичу-Рагузинскому	не датировано	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 119–119 об.[96]
Анастасия Дарды Иоанникию Лихуду	не датировано	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 121–121 об.[97]
Анастасия Дарды Лихудам	не датировано	ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 106.[98]

Также в сборники включены несколько писем иеромонаха Иова, с которым митрополит Иов был хорошо знаком: письмо иеромонаха Иова к царям Иоанну V и Петру I, написанное не позднее 1696 г.,[99] письмо иеромонаха Иова к Я. Н. Римскому-Корсакову от 17 июня 1713 г.,[100] письмо иеродиакона Иова казначею Новгородского архиерейского дома.[101]

Как Лихуды, так и иеромонах Иов, будучи давними знакомыми митрополита, являлись также учителями Новгородской архиерейской школы, которую митрополит завел в 1706 г. Включение их писем в сборники с корреспонденцией митрополита Иова, возможно, указывает на то, что составитель сборников, — сам митрополит, или кто-либо другой, — смотрел на архиерейскую школу как на одно из важнейших начинаний митрополита, а связанные с этим начинанием люди были особенно близки митрополиту и важны для него. Подтверждением такого предположения может служить то, что в сборник Барс. 505 с корреспонденцией митрополита включено несколько писем, адресованных

---

[93] Там же. Л. 232–233.

[94] Там же. Л. 77 об.

[95] Там же. Л. 273–275 об.

[96] Там же. Л. 150 об.

[97] Там же. Л. 155.

[98] Там же. Л. 132.

[99] ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 254 об.; ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 192–192 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. №. 133. Л. 263).

[100] ОР РНБ. Соф. собр. № 1426. Л. 320.

[101] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 193 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. №. 133. Л. 267).

ему учениками архиерейской школы: Дмитрием Федоровым,[102] Дмитрием Федоровым и Василием Михайловым,[103] а также три письма учеников без указания даты и имени отправителя.[104]

Имеющиеся в нашем распоряжении сборники с корреспонденцией митрополита Иова позволяют также лучше рассмотреть характер отношений Новгородского митрополита с некоторыми его современниками. Так, Е. В. Анисимов в комментарии к письму, вернее — к «цыдулке» при письме Иова от 16 октября 1710 г. Я. Н. Римскому-Корсакову, — пишет, что для Иова преподаватели Московской Славяно-греко-латинской академии Стефан Прибылович и Феофилакт Лопатинский, «выходцы из киево-могилянского круга церковной учености, кажутся не во всем истинными православными, но скрытыми проводниками „латинства“ — католицизма». Здесь же чуть ниже об отношениях Новгородского митрополита и Стефана Яворского сказано, что «Иов не принадлежал к числу почитателей этого бывшего префекта Киевской академии», и что «иерархи обменивались формальными и редкими посланиями».[105] Это якобы подтверждается письмом Иова к Стефану Яворскому от 7 апреля 1711 г., которое прокомментировано так: «Послание это является ярким примером владения Иовом искусством цветисто и высокопарно выражаться, утаивая свои истинные мысли и чувства к Стефану, которые на самом деле не были ни дружескими, ни теплыми».[106]

Такая интерпретация отношений митрополита Иова с представителями «киевской учености» вполне согласуется с подходом, который изложен в предисловии к изданию, и заключается в том, что в России на рубеже XVII–XVIII вв. существовали две культурные тенденции, «партии». Представители одной были сторонниками развития русской культуры в русле греко-православных культурных традиций (грекофилы), а представители другой (латинствующие) были сторонниками привнесения в русскую культуру элементов культуры западноевро-

---

[102] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 88–88 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 106 об.–107 об.).

[103] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 89 (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 107 об.–109 об.).

[104] ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 94 об.–95 об. (Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 116 об.–117, 117 об.–118 и 118–119).

[105] «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 223, примеч. к № 58.

[106] Там же. С. 225, примеч. к № 64.

пейской, которая по своей религиозной составляющей была католической или протестантской.[107] В рамках такого подхода обычно внимание обращалось на отличие и размежевание представителей той и другой группы, а взаимоотношения их описывались в терминах противостояния и конфликта. Однако новейшие исследования показывают, что существовала диффузия двух этих тенденций, и в трудах даже тех деятелей отечественной культуры, которые традиционно рассматривались как представители восточного направления, было немало элементов западноевропейской культурной традиции. Яркий пример тому — братья Лихуды.[108]

Известные нам письма митрополита Иова не дают оснований считать, что он относился с подозрением к тем, кто получил образование в Киевской академии. Даже в том фрагменте письма Иова к Я. Н. Римскому-Корсакову 16 октября 1710 г., который комментирует Е. В. Анисимов, о Стефане Прибыловиче сказано: «Благоволи на слово позвати его, мудр есть человек и богослова себе нарицает множае паче, неже иныя некия. Егда же услышиши, сам весьма уразумееши, каковы суть богословы являются, учащияся в киевских новых афинейских школах. Изряднаго из них быти познах Лопатинскаго, яко муж кроток есть и смирен во всяцем своем состоянии, паче же во страсе Божии».[109] Подозрение в неправославии Прибыловича можно увидеть в этих словах, только если фразу «каковы суть богословы» рассматривать как иронию. Однако непонятно, что может послужить основанием для этого.[110]

---

[107] *Анисимов Е. В.* Митрополит Иов, Петр Великий и Новгород // «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 9–10, 15.

[108] *Зайцев Д. А.* Киево-Могилянская школа в ее влиянии на русскую религиозно-философскую мысль второй половины XVII в.: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. С. 21; *Крылов А. О.* Московские знакомые митрополита Димитрия Ростовского и «киевская ученость»: восприятие западной образованности великорусской церковной элитой на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. С. 87; *Лемешев К. Н.* Латинский источник риторики Софрония Лихуда // Русская литература. 2015. № 3. С. 45–60; *Суториус К. В.* Преподавание братьями Лихудами философии в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1692–1694 годах по материалам рукописных источников // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2017. Вып. 20. С. 368–372, 380–383.

[109] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 302 об. *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов... С. 88–90; «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 84–86.

[110] М. Н. Сменцовский также приводит слова о богословах «учащияся в киевских новых афинейских школах» только тогда, когда пишет о том, что взгляды митрополита

Феофилакту Лопатинскому митрополит, возможно, даже старался оказывать покровительство. Так, в письме царевичу Алексею Петровичу 13 сентября 1713 г. митрополит, говоря о Феофилакте, просит «егда либо нечто воспотребует <...> руку помощи ему даровати» в его полезном труде к «защищению святыя Христовы Церкви в наших православнейших догматах».[111] При этом Феофилакт Лопатинский учился не только в Киево-Могилянском коллегиуме, но и затем во Львовском коллегиуме иезуитов.[112]

Также мы не видим никакой подозрительности в отношении митрополита Иова к выпускникам и преподавателям Киево-Могилянской академии в письме Я. Н. Римскому-Корсакову от 23 февраля 1710 г. Здесь митрополит, в частности, пишет о том, что он с радостью примет в свою епархию Феофана (Прокоповича): «Понеже обещал его светлейшество прислати ко мне онаго киевскаго учителя, по реклу господина Прокоповича, о нем же твоя милость чрез писание возвестил ми еси, яко весма человек есть учителный и состояния изряднаго, и многих языков искусный сказатель, и толкователь изрядный. Его же за толикое искуство и доброе в православии состояние аз от души прияти желателен есмь и в определенный оный монастырь молитвословне по законом Божиим и по его княжему повелению готовейший ко произведению имам быти».[113]

Иова на «киевскую ученость» изменились не в лучшую сторону после его конфликта с Гавриилом Домецким, а также что митрополит имел «весьма невысокое мнение о характере киевского образования» (*Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 339, 347). Однако эти высказывания были, по-видимому, мотивированы сложившимися в то время историографическими концепциями.

[111] *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов... С. 114; «Москва и Новград едина держава Божия»... С. 124.

[112] Также в лестных словах отзывается о Феофилакте Лопатинском Иоанникий Лихуд в письме ему, датируемом, вероятно, 1710 г. Он обращается к Феофилакту со словами «словеснейший, сладчайший мои Феофилакт», а ниже пишет: «Благоговею чистое твое и православное усердие и бодрость в православных догматах» (ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 197. Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 273 об.–274.). Впрочем это может быть, конечно, лишь обычным проявлением льстивого и заискивающего поведения, которое очень нередко встречается у греко́в того времени.

[113] ОР РНБ. Соф. собр. № 1425. Л. 214. Мы приводим текст в редакции более ранней. Этот фрагмент письма в позднейшей редакции опубликован И. Чистовичем и Е. В. Анисимовым (*Чистович И.* Новгородский митрополит Иов... С. 86–87; «Москва и Новград едина держава Божия». С. 81–83).

Что же касается отношений митрополита Иова с Рязанским митрополитом Стефаном Яворским, то, во-первых, три фрагмента из писем Иова Стефану, опубликованные И. Чистовичем и переизданные Е. В. Анисимовым, едва ли могут служить достаточным основанием для суждения о том, что «иерархи обменивались формальными и редкими посланиями». В известных нам сборниках с корреспонденцией митрополита Иова насчитывается около 25 писем митрополита Иова Стефану Яворскому и как минимум 17 писем Стефана Яворского митрополиту Иову (письма Яворского находятся только в сборнике Барс. 505). Эти письма охватывают время с 1703 по 1715 г. и количество их за разные годы оказывается разным. Для суждения о том, редко ли обменивались посланиями два иерарха или нет, необходим какой-то критерий, например, сравнение с тем, как часто переписывался митрополит Иов с другими архиереями. Такого рода подсчеты показывают, что больше всего, кроме писем Стефану Яворскому, в известных нам сборниках имеется писем, адресованных Сильвестру Холмскому и в бытность его архимандритом, и когда он стал Нижегородским митрополитом: тоже около 25. Однако в сборниках нет писем, отправленных от имени Сильвестра митрополиту Иову. Писем Казанскому митрополиту Тихону Воинову насчитывается только 9 и еще 5 направленных от Тихона митрополиту Иову. Писем, адресованных каждому в отдельности другим архиереям, находится еще меньше. Таким образом, мы видим, что Стефан Яворский был одним из главных корреспондентов митрополита Иова среди архиереев. Надо, однако, учитывать, что вполне возможно нам известна не вся переписка Иова с иерархами Русской православной церкви.

Среди писем митрополита Иова имеются также письма, адресованные другим архиереям украинского происхождения, воспитанникам Киево-Могилянского коллегиума: Иоанну Максимовичу, когда тот был еще Черниговским епископом,[114] и когда стал Тобольским митрополитом;[115] Киевскому митрополиту Иоасафу Кроковскому,[116] Ростовскому митрополиту Димитрию Туптало[117] и письма Димитрия митрополиту

[114] ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 81.

[115] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 33.

[116] Там же. Л. 41.

[117] ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 85. Полную публикацию письма см.: *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского... С. 246–247. В комментарии указан лист дела 290.

Иову;[118] а также письмо митрополита Иова внуку Димитрия Ростовского,[119] письмо митрополита Иова Черниговскому епископу Антонию Стаховскому.[120]

Письма митрополита Иова, адресованные коллегам-епископам, — и Стефан Яворский не был исключением, — написаны тоном до такой степени приветливым и доброжелательным, полным искреннего уважения и братской любви, что трудно поверить, будто Новгородский митрополит в переписке с митрополитом Рязанским утаивал «свои истинные мысли и чувства к Стефану, которые на самом деле не были ни дружескими, ни теплыми».[121] Если это действительно было так, то возникает вопрос, можем ли мы вообще на основании писем митрополита Иова говорить о том, что он испытывал дружеские и теплые чувства к кому-либо из своих корреспондентов-епископов, или все его любезности были только частью барочного эпистолярного этикета. С другой стороны, если бы митрополит Иов утаивал свои мысли только в письмах Стефану Яворскому, который занимал первое место в тогдашней иерархии, а в письмах к другим иерархам был искренен и откровенен, то мы вынуждены были бы признать Новгородского митрополита лицемером. Однако его переписка с представителями светской элиты свидетельствует в пользу того, что разная степень торжественности, пафоса и азианского красноречия в письмах была прямо пропорциональна социальному положению адресата, и говорит о том, что митрополит был

---

[118] Последнюю публикацию этих трех писем см.: *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского... С. 144–150. Первое письмо здесь издано по списку: Архив СПбИИ РАН. Колл. 13. Оп. 1. № 69. Л. 59–59 об. Автограф второго письма издатель обнаружила в ОР РГБ. Ф. 138 (Костромское собр.). № 317. Автограф третьего письма — в ОР РНБ. Собр. Титова. № 1301. Как мы выяснили эти два письма входили в сборник ОР ГИМ. Барс. 505, где находились соответственно между л. 71–72 и 199–200 по современной печатной фолиации (Списки: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 88–89 об. и 276 об.–280). Издатель упоминает еще один список этих двух писем: Ростовский музей-заповедник, № 828. Л. 222–224.

[119] ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 191.

[120] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 40 об.

[121] На упомянутое, «исполненное дружеских чувств» письмо митрополита Иова Стефану (Яворскому) от 7 апреля 1711 г., фрагмент которого опубликован у И. Чистовича и переиздан в сборнике Е. В. Анисимова, ссылается также В. М. Живов как на свидетельство того, что Стефану (Яворскому) «удалось преодолеть недоверие к себе со стороны местного духовенства» (см.: *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 129).

хорошо знаком с этикетом барочной риторики. Кроме того, корреспонденция митрополита Иова велика и разнообразна и у него было достаточно поводов обнаружить свое истинное отношение к Рязанскому митрополиту. Однако мы не находим свидетельств того, чтобы митрополит Иов намекал на свою неприязнь по отношению к нему. В то же время мы можем указать свидетельства того, что митрополит был искренен в своих чувствах и не стеснялся в выражениях по отношению к людям, которые ему были неприятны. Так, в письме 29 марта 1709 г. троицкому архимандриту Сильвестру он называет Гавриила Домецкого: «Господин, злых начинаний изобретатель и весьма древний (не во лжу речеся) лютый коварник чернец Домецкий».[122] Также откровенно митрополит пишет в письме И. А. Мусину-Пушкину 20 сентября 1715 г. об иеромонахе Иове: «Называет себе быти богослов, но весма вредослов <...> Его же нрав и обычай, поступки и заговорки безделныя, и высокоумие безумное не невесть и ваше господское благородство».[123]

Таким образом, комплекс писем митрополита Иова — это одно из наиболее крупных и хорошо сохранившихся собраний корреспонденции российских иерархов Петровского времени. Оно включает около 1300 писем. Датированные письма охватывают время от 1699 до 1715 г., несколько недатированных писем относятся к 1690-м гг. Большая часть — это письма, отправленные от имени митрополита, однако есть и некоторое количество писем, адресованных ему. Обнаруженные письма позволяют не только анализировать самые разные стороны пастырской деятельности одного из наиболее влиятельных иерархов Русской православной Церкви начала XVIII в., но и дают богатейший материал для исследования русской эпистолярной культуры.

Собранные нами материалы показывают, что комплекс известных писем митрополита Иова, представленный тремя сборниками из Со-

---

[122] *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов... С. 85; «Москва и Новград едина держава Божия». С. 74. Похожим образом митрополит отзывается о Домецком в письме троицкому архимандриту 17 сентября 1708 г. (*Чистович И.* Новгородский митрополит Иов... С. 83; «Москва и Новград едина держава Божия». С. 69).

[123] РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 119. При этом в личном письме, датируемом временем не ранее 1707 г., к тогда еще иеродьякону Иову митрополит просит посетить его: «еже сподобити мя, грешника, равноангелное лице твое видети и беседу богоглаголивых уст твоих слышати» (ОР РНБ. Соф. собр. № 1427. Л. 143; ОР ГИМ. Барс. 505. Л. 133. Список: ОР РНБ. Ф. 522. № 133. Л. 175–176).

фийского собрания ОР РНБ, — два с письмами за 1699–1713 гг. и один с письмами без указания даты, — следует дополнить сборником писем митрополита за 1715 г., который хранится в РГАДА. Таким образом, мы можем предполагать, что существовало собрание писем в пяти томах, из которых в настоящее время известны тома 1–2 и 4–5.

К этим сборникам примыкает сборник из собрания ГИМ и сделанная с него в начале XIX в. копия из собрания Новгородской семинарии. Этот сборник содержит немало писем, адресованных самому митрополиту Иову, которые дают возможность не только увидеть, чем были мотивированы письма самого митрополита, но также более широко рассмотреть его деятельность. Он дает также основание утверждать, что содержащаяся в софийских сборниках собственноручная правка митрополита была сделана уже после того, как письма были отправлены. Соответственно, исправленная редакция текста, которая представлена в софийских сборниках и положена в основу большой подборки фрагментов из писем Иова, опубликованной в 1861 г. И. Чистовичем, возможно, отличается от текста писем, полученных адресатами митрополита Иова. Текстологический анализ софийских сборников и примыкающего к ним сборника РГАДА наводят также на мысль, что они представляют собой нечто вроде журнала исходящей корреспонденции, материалы которого митрополит впоследствии подвергал правке.

Состав как софийских сборников, так и сборника Барс. 505, позволяет судить о близости и значимости для митрополита тех или иных людей на основании того, что в сборники включены их письма, адресованные не только митрополиту, но и другим лицам. На основании этого критерия мы можем предполагать, что такими значимыми для митрополита Иова людьми были прежде всего братья Лихуды.

Наконец, собранные нами материалы позволяют пересмотреть складывающийся в историографии взгляд на взаимоотношения двух влиятельнейших иерархов начала XVIII в.: Новгородского митрополита Иова и митрополита Рязанского Стефана Яворского. С одной стороны, из числа российских архиереев Рязанский митрополит оказывается одним из главных корреспондентов митрополита Новгородского. С другой стороны, — в известной нам корреспонденции двух архиереев мы видим, как и в переписке митрополита Иова с другими иерархами, выражение братской любви и взаимоуважения, которые не дают повода подозревать митрополита в лицемерии, что, впрочем, могло быть обусловлено не его личной симпатией, а принятыми нормами эпистолярного этикета.

М. К. БРАГОНЕ

ЭЗОП В РОССИИ XVIII ВЕКА НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕРЕВОДОМ С. С. ВОЛЧКОВА (1747)

Среди немногих авторов античности, переведенных в России в XVII в., Эзоп, безусловно, занимает особое место из-за популярности, которой он пользовался. Доказательством этому служат рукописные переводы его басен и басен эзоповской традиции, осуществленные Федором Гозвинским, Петром Кашинским и Андреем Виниусом.[1] К ним добавляется перевод семнадцати басен, включенных в пособие «Краткое и полезное руководение во аритметыку», которое Илья Копиевский издал в Амстердаме в 1699 г.[2]

Популярность басен Эзопа укрепилась в XVIII в., когда появились новые версии, первая из которых — «Эсоповы притчи», изданные в Москве в 1712 г. и переизданные в Санкт-Петербурге в 1717 г.[3] «Эсоповы притчи» являются переизданием с изменениями «Притч Эссопо-

[1] Текст и анализ переводов Федора Гозвинского, Петра Кашинского и Андрея Виниуса см.: *Тарковский Р. Б.*, *Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005.

[2] Описание пособия см.: *Быкова Т. А.*, *Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689 — январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 279–281. № 5 (Приложение I).

[3] Описание двух изданий «Эсоповых притч» см.: *Быкова Т. А.*, *Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 128–130, 206, № 58, 229.

© М. К. Брагоне, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-63-85

вых», опубликованных в Амстердаме в 1700 г. Ильей Копиевским и содержащих сорок басен.[4]

Перевод Ильи Копиевского 1700 г. и его переиздание 1712 г., появившиеся в Петровскую эпоху, представляют важный этап в восприятии Эзопа в России, которое в данном случае осуществилось через посредство голландского издания на греческом и латинском языках. Как было установлено, для перевода Копиевский использовал книгу «Fabulae Aesopi graece et latine», опубликованную в Амстердаме в 1672 г. с гравюрами и предназначенную для школьного употребления,[5] заменив греческий текст славянским переводом латинской версии и сохранив гравюры голландского издания.

Переиздание 1712 г. содержит славянский перевод и гравюры, наряду с которыми находится жизнеописание Эзопа, отсутствующее у Копиевского. Перевод характеризуется изменениями на грамматическом и лексическом уровнях по сравнению с текстом амстердамского издания Копиевского 1700 г.[6]

Популярность переиздания 1712 г., вновь опубликованного в 1717 г., в основном ограничивалась первой половиной XVIII в., затем появился новый перевод Эзопа, пользовавшийся прочным и продолжительным успехом во второй половине XVIII и в XIX в. Речь идет о переводе Сергея Волчкова, изданном в 1747 г. в Санкт-Петербурге и озаглавленном «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа», который является предметом наших наблюдений.[7]

---

[4] Описание «Притч Эссоповых» см.: *Быкова Т. А.*, *Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей… С. 286–288, № 12 (Приложение I).

[5] См.: Там же. С. 286. Следует заметить, что кроме амстердамского издания 1672 г., указанного в каталоге, издания басен Эзопа на греческом и латинском с гравюрами для школьного употребления, насколько мы знаем, вышли также в 1660 г. в Амстердаме, в 1685 г. в Утрехте, в 1694 г. в Роттердаме.

[6] Оба перевода характеризуются дословной передачей исходного текста. Об изменениях см.: *Крюк Е.* Переиздание «Притч Эссопа» Ильи Копиевского в 1712 году // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav) 16 / Hrsg.: S. Ulrich, E. Kislova, E. Kubicka. München; Berlin; Washington (D. C.), 2013. S. 122–126 (Die Welt der Slaven. Sammelbände = Сборники, 49).

[7] Титульный лист гласит: «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа вновь изданные, а на российский язык переведены в Санкт-Петербурге канцелярии Академии Наук секретарем Сергеем Волчковым. Печатаны в Санкт-Петербурге при Академии Наук 1747 года». Издание содержит также «Езопово житие». Перевод Волчкова был переиздан в 1760, 1766, 1783, 1791, 1810, 1815 гг. Новый перевод Эзопа,

Сергей Саввич Волчков (1707–1773) служил переводчиком при Коллегии иностранных дел, секретарем русского посольства в Берлине и Академии наук и директором Сенатской типографии. Как известно, ему принадлежат, среди прочего, переводы с французского и немецкого языков сочинений нравоучительно-воспитательного и духовно-нравственного характера: «Придворный человек» Б. Грасиан-и-Моралеса (1741), «Совершенное воспитание детей» Ж. Б. М. де Бельгарда (1747), «О спокойстве и удовольствии человеческом» И. А. Гофмана (1762–1763), «Христианская школа» Ж. Э. Рока (1770) и др.[8] К ним можно причислить перевод басен Эзопа из сборника «Fables of Aesop and Other Eminent Mythologists with Morals and Reflections» (Лондон, 1692), принадлежащего английскому памфлетисту, журналисту и цензору Р. Летранжу (Roger L'Estrange, 1616–1704),[9] сторонникy Стюартов во время Реставрации.

подготовленный Д. П. Тростиным, появился в 1792 г. (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3: Р–Я. С. 422–423. № 8547–8552). Об издании перевода Волчкова 1766 г. см. примеч. 19.

[8] О биографии Волчкова см.: *Черняев П. Н.* Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II. Воронеж, 1906. С. 58–64; *Биржакова Е. Э.* Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 173–174; *Попкова Н. А.* Сергей Саввич Волчков — переводчик XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Самара, 2007. Вып. 13. С. 473–481. См. также: URL: https://krp.dhi-moskau.org/ru/interpreter/volchkov (дата обращения: 15.10.2021) и URL: http://ekislova.ru/18thcentury/pesonalia/volchkov (дата обращения: 15.10.2021). О переводческой деятельности Волчкова см.: *Кошелева О.* Мирское счастье или христианское благочестие? (Наставления юношеству западных моралистов в переводах Сергея Волчкова сер. XVIII столетия) // Ретроспективная информация: образы и реальность: Сб. статей / Отв. ред.: О. И. Тогоева, И. Н. Данилевский. М., 2013. С. 227–243; *Самарин А. Ю.* Творчество академического переводчика С. С. Волчкова: самооценка и мнения современников // Институт истории и естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция 2018: Сб. ст. / Ред.: А. В. Андреев, С. С. Демидов. М., 2018. С. 153–156; *Евстифеева Р. А.* Адъективные сочетания с лексемой «человек» в «Придворном человеке» Сергея Волчкова (1741) и их соответствия во французском и испанском оригиналах // II Международная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур»: Материалы конференции: Краков. Польша 17–21 декабря 2015 г. М., 2015. С. 141–149; *Evstifeeva R.* Лексикология и переводоведение: лексика интеллектуальных качеств человека в *Вояжировом лексиконе* С. С. Волчкова (1755?–1764) // L'analisi linguistica e letteraria. Anno 28 (2020). № 2. P. 73–84.

[9] Современнная транслитерация его имени предполагала бы форму: Роджер Лестрэндж, однако в российской научной и справочной литературе утвердилась форма: Роже Летранж. О Р. Летранже см., напр.: L'Estrange, Sir Roger // Dictionary of National

Сборник представляет, с одной стороны, воспитательный текст, в соответствии с традицией использования басен Эзопа как дидактического материала, а, с другой, — набор рассуждений нравоучительного и религиозного характера, маскирующих острые замечания и критические мнения, связанные с общественной и политической деятельностью самого Летранжа.[10] Сборник является его «политическим, социальным и философским завещанием», которое представлено посредством эзоповской басни.[11]

Оставляя пока в стороне вопрос об особенностях перевода Волчкова и об исходном тексте, который он использовал (немецкий перевод английского оригинала), уместно остановиться на сборнике Летранжа, выделяющемся особой трактовкой басен Эзопа и интерпретацией их функции, которая, через перевод Волчкова, переходит в Россию.

Сборник Летранжа вышел в Лондоне в 1692 г. и сразу стал пользоваться успехом, как доказывает количество его переизданий.[12] В 1714 г. в Амстердаме был опубликован французский перевод («Les fables d'Ésope, et de plusieurs autres excellens mythologistes, accompagnées du sens moral et des réflexions de Monsieur le Chevalier Lestrange») и в том же году в Лейпциге вышел немецкий перевод («Esopi Fabeln

---

Biography / Ed. S. Lee. New York, 1885. Vol. 33: Leighton-Lluelyn. P. 118–128; *Kitchin G.* Sir Roger L'Estrange: A Contribution to the History of the Press in the Seventeenth Century. London, 1913.

[10] Об этом см., напр.: *Patterson A.* Fables of Power. Aesopian Writing and Political History. Durham; London, 1991. P. 139–146; *Lewis J. E.* The English Fable. Aesop and Literary Culture, 1651–1740. Cambridge, 1996. P. 24–26, 44–45; *Keymer T.* Pamela's Fables: Aesopian writing and political implication in Samuel Richardson and Sir Roger L'Estrange // Sillages critiques. 2001. №. 2. С. 43–60 (URL: https://doi.org/10.4000/sillagescritiques.3855, последнее обращение: 15.10.2021); *Cottegnies L.* The Art of Schooling Mankind: The Uses of the Fable in Roger L'Estrange's *Aesop's* Fables (1692) // Roger L'Estrange and the Making of Restoration Culture / Ed.: Dunan-Page A., Lynch B. London; New York, 2007. P. 131–148.

[11] «His fables should be considered <...> as the meaningful choice of a form in which he couched his political, social and philosophical testament» (см.: *Cottegnies L.* The Art of Schooling Mankind... P. 133).

[12] М. Плессов перечисляет издания 1694, 1699, 1704, 1708, 1714 и 1724 гг. Второе издание 1694 г. дополнено баснями Федра, Авиана и Камерария, третье (1699) новой частью, озаглавленной «Fables and storyes moralized» и лишенной размышлений (см.: *Plessow M.* Geschichte der Fabeldichtung in England bis zu John Gay (1726). Berlin, 1906. S. 77–78).

mit Herrn Roger l'Estrange Lehren und Anmerckungen aus dem Englischen übersetzt»).

Кроме предисловия и жизнеописания Эзопа (The Life of Aesop), сборник Летранжа содержит 500 басен, принадлежащих Эзопу, Федру и таким баснописцам, как Адриан ван Баарланд, Флавий Авиан, Лоренцо Астемио (Бевилаква) и Поджо Браччолини. После текста каждой басни, за редким исключением, помещены краткая мораль (The Moral) и размышление (Reflexion), часто оказывающиеся пространнее самой басни, которая, сведенная к минимуму, служит Летранжу предлогом, чтобы изложить свои соображения. Приведем краткий пример:

FAB. CXXV
Jupiter and a Bee

A *bee* made *Jupiter* a present of a pot of hony, which was so kindly taken, that he bad her ask what she would, and it should be granted her. The *bee* desired, that where-ever she should set her sting, it might be mortal. *Jupiter* was loth to leave mankind at the mercy of a little spiteful insect, and so bad her have a care how she killed any body; for what person soever she attacqued, if she left her sting behind her, it should cost her her life.

THE MORAL:
Spiteful prayers are no better than curses in a disguise, and the granting of them turns commonly to the mischief of the petitioner.

REFLEXION:
Cruelty and revenge are directly contrary to the very nature of the Divine Goodness, and the mischief that is designed for other people returns commonly upon the head of the author.

How many men are there in the world, that put up as malicious prayers in christian assemblyes to the true God, as the *bee* does to *Jupiter* here in the fable! And prayers too against their very patrons and masters; their benefactors that entertain, feed, and protect them. Will Heaven heare these prayers, shall we think, (or curses rather) and not punish them? This *bee* did not pray for a power to kill, without a previous disposition and design, to put that venemous power in execution. She had mischief in her heart allready, and only wanted some destructive faculty, answerable to her will: And so prayed to *Jupiter*, as men do in many cases to the *Jehovah*, for the blessing of an ability to commit murder (117).[13]

[13] Цит. по изд. 1692 г. Для цитат из сборника Летранжа, из его немецкого перевода и из перевода Волчкова дается только указание страницы. Курсив в цитате из Летранжа в оригинале.

Пер.:

Басня 125
Юпитер и пчела

Пчела поднесла в дар *Юпитеру* горшок меда, тот принял его столь благосклонно, что позволил ей просить, чего она пожелает, и то ей даровано будет. *Пчела* пожелала, дабы, куда она жало свое ни вонзила, то да будет оно смертоносно. *Юпитер*, оставить человечество на милость злосердому насекомому не склонный, велел ей следить за тем, кого она разить станет; ибо на какого человека ни нападет она, а если жало свое после себя оставит, это ей жизни стоить будет.

Мораль
Злонамеренные моления не лучше сокрытых проклятий, а исполнение их ко вреду просителя бывает.

Размышление
Жестокость и мщение прямо естеству Божией благости противны, а вред, другим людям уготовляемый, обыкновенно на главу его зачинателя обращается.

Сколь много людей в свете есть, кои в христинских собраниях воссылают злобные молитвы Богу истинному, яко *пчела Юпитеру* в басне сей! И прошения также против их собственных хозяев и покровителей, благодетелей их, кои поддерживают их, кормят и защищают. Неужели, помыслим мы, Небо внимать станет сии молитвы (а скорее, проклятия) и не казнить их? Эта *пчела* не без предварительного расположения и замысла к убийству просила ядовитую свою силу в действие привести. Имела она уже вред в сердце своем, и лишь губительной способности искала, ее желанию отвечающей: а потому просила *Юпитера*, как во многих случаях люди просят *Иегову*, благословить способность совершать убийства.

Учитывая сокращение текста басен и морали в пользу более обширных размышлений, критика склонна преуменьшать роль сборника Летранжа как чтения, предназначенного для детей, несмотря на его рассуждения на эту тему в предисловии: (напр.: «<…> I suppose, that the delight and genius of children, lies much toward the hearing, learning, and telling of little stories; so this consideration holds forth to us a kind of natural direction to begin our approaches upon that quarter, toward the initiating of them into some sort of sense, and understanding of their duty» (P. [1v]–[2r]); *Пер.*: Я предполагаю, что удовольствие и расположение детей больше склоняются к слушанию, учению и рассказыванию коротких историй. Подобное соображение указывает нам своего рода естественное направление, чтобы поступить в это направление и приобщить их к восприятию и пониманию их обязанностей), и, наоборот, выявить его

функцию как чтения, скрывающего мнения и воззрения Летранжа в размышлениях.[14]

Таким образом, переводя сборник Летранжа, Волчков знакомит русских читателей с версией басен Эзопа, отличающейся от предыдущих; в ней повествование басни уходит на задний план и уступает место нравственным, философским и даже политическим размышлениям, одновременно представляя «усиленно морализирующий и христианизированный образ Эзопа».[15]

Сосредоточимся теперь на сопоставлении перевода Волчкова с исходным текстом, с которого он был изготовлен. Как мы уже сказали, в 1714 г. вышли французский и немецкий переводы сборника Летранжа. В отличие от информации, представленной в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века», которая указывает на французский перевод как исходный текст, исследователями было установлено, что для своей работы Волчков использовал немецкую версию сборника.[16] Данный вывод подтверждается сравнением содержаний немецкого, французского и русского переводов сборника (см.: Приложение). Французский перевод содержит 111 басен, немецкий 201 и русский 188. Немецкое издание приводит перевод только части сборника Летранжа, озаглавленной «The Fables of Aesop» и содержащей 201 басню, соблюдая порядок, в котором появляются басни. Французское издание, наоборот, приводит перевод 111 басен, группируя их в другом порядке. Русский перевод, в свою очередь, соблюдает порядок басен немецкой версии, опуская тринадцать басен.

---

[14] Исследовательница Л. Коттеньес считает, что ввиду отсутствия иллюстраций и непривлекательного для детей оформления тома, вряд ли сборник Летранжа мог действительно служить чтением для детей (*Cottegnies L.* The Art of Schooling Mankind... P. 137, 141).

[15] «...ein stark moralisierter und christianisierter Äsop nach Rußland kommt» (см.: *Imendörffer H.* Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Wiesbaden, 1998. T. 1. S. 108). См. также: *Серман И. З.* Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973. С. 191.

[16] *Адрианова-Перетц В. П.* Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // Известия АН СССР. Отделение русского языка и словесности. 1929. Т. 2. Кн. 2. С. 381; *Николаев С. И.* «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой / Под ред.: Н. Ю. Алексеевой, А. А. Костина. М.; СПб., 2013. С. 15. Титульный лист немецкого издания следующий: Esopi Fabeln mit Herrn Roger L'Estrange Lehren und Anmerckungen aus dem Englischen übersetzt. Leipzig bei Thomas Fritschen, 1714.

Теперь обратим внимание на перевод Волчкова и выделим несколько его особенностей, которые позволяют определить стратегию, предпринятую переводчиком, для представления русскому читателю столь своеобразного сборника Эзоповых басен.

В первую очередь надо сказать, что труд Волчкова в целом характеризуется не дословной и не равномерной передачей немецкого текста. Такой подход конкретизируется, например, в сокращенной или упрощенной передаче текста предисловия, басен и размышлений или в свободном пересказе их содержания. К русскому переводу прибавляются дополнительные уточнения и толкования слов и заимствований, понимание которых, видимо, по мнению Волчкова, могло представить трудности. По этому поводу интересно заметить, что, кроме толкований заимствований, как, например, «фанфарон» («Возможно ли <…> таких, сей Езоповой мухе подобных фанфаронов [хвастунов] слушать?», 160), в переводе встречаются толкования таких русских слов, как «аист» («<…> а другие авторы пишут, будто аиста [белая птица, у которой красные ноги и красный нос] царем к ним послал», 122) и «мелузга» («<…> кроме великого кряжа и мелузги [снятки и другая самая мелкая рыба], ничего не выняли», 334).[17]

Эти приемы, использованные Волчковым в переводе сборника Летранжа, заставляют предположить, что текст вообще предназначался для русских читателей разного уровня образования. Для них переводчик считал нужным сделать повествование басен и, особенно, нравственные и философские рассуждения в размышлениях более понятными, объясняя их, добавляя в них уточнения, толкуя заимствования и даже русские слова.

Для того чтобы иметь конкретное представление о переводе Волчкова, приведем два отрывка из предисловия и более пространный отрывок из басни «Лошадь и осел», которые включают упомянутые особенности.

---

[17] Приводим еще несколько примеров толкований заимствований, которые встречаются в переводе: «апробовать» («<…> тому обое апробовать [отведать] надобно», 96), «регент» («Лягушки нового своего регента [правитель] впервые от роду увидя, так испугались <…>», 120), «пароль» («На пароль [вера, слово, честное обещание] выпущенный пленник <…>», 203). См. также примеч. 22. В цитатах из перевода Волчкова курсив и квадратные скобки в оригинале. Многоточие в угловых скобках указывает на выпуск отдельных фраз в цитате.

Первая цитата приводит перевод начала предисловия, который в основном является достаточно близким к немецкому оригиналу. В нем выделяется в квадратных скобках толкование заимствований «оригинал» и «копия», т. е. «подлинник» и «список», и устраняется упоминания о гуманисте-иезуите Франсуа Вавассере (François Vavasseur, 1605–1681) и его сочинении *De ludicra dictione* (1658), которое, видимо, казалось неуместным:

Vorrede	**Предисловие издателя книги**
Wir haben des Esopus Historie so offt und auf so vielerlei Weise zugerichtet gekriegt, dass viel Arbeit würde verlohren sein, wenn man bei einer so ungewissen Sage viel Muthmassungen häuffen wolte. Die Scribenten sind bei nahe in allen Umständen von ihm untereinander uneinig, und sonderlich, was die Gültigkeit der meisten unter seinem Namen in der Welt bekanten Schrifften anbelangt. Denn seine Historie, so biss auf unsre Zeiten gekommen ist, steckt so voller Dunckelheit und Zweiffel, dass es nicht möglich ist, zu unterscheiden, was man vor Original oder Copei halten solle, und zu sagen, welche Fabeln von Esopus sein oder nicht, welche er selbst verfertigt, oder welche untergeschoben worden; zugeschweigen, dass in der Zeitrechnung seines Lebens, wie uns solches Maximus Planudes und andre beschrieben, so viel wiedereinander lauffende Dinge zu finden sind, welche kein Mensch vergleichen wird. Der Jesuit Vavassor gedenckt in seinem Tractat De ludicra dictione, vier oder fünff grosse Fehler von dieser Art. Planudes, sagt er, setzt den Esopus nach Babylon, zur Zeit des Lycerus, dergleichen Regenten man daselbst von Nabonassars des ersten babylonischen Königs Zeiten an, biss auf Alexander den Grossen nicht gehöret hatte ([2r]–[2v]).	Езопова история уже неоднократно, и разными образы на свет выходила; и для того много об ней распространять за излишество признавается. Авторы, или писатели, почти во всех обстоятельствах о Езопе, между собою несогласны, а особливо в том, что до правды едва не всех под его именем изданных писаний касается: а до наших времен дошедшая история о Езопе так темна и сумнительна, что оригинала [подлинника] с копиею [список] узнать, и заверо́ятно утвердить нельзя, которые басни сам Езоп сочинял, и которые после его от других выдуманы. От Максима Планудия, и от других ученых людей изданное счисление того времени, в котором Езоп жил, такою неизвестностью наполнено, что никому его разобрать и собразить невозможно. Планудий завел Езопа в Вавилон при державе Лицера, а такого именем владетеля, после Навуходоносора первого Царя, до Александра великого и в Вавилоне не бывало (1).

Особый интерес представляет другой пункт перевода предисловия, содержащий, по сравнению с немецким оригиналом, уточнение и дополнительный фрагмент текста:

Die Fabeln, so wie sie hie zusammen gelesen, werden in allen unsern Schulen gelehret, aber so, wie man die Elstern, und Papageien unterrichtet, die die Worte aussprechen, ohne das Geringste davon zu verstehen (b_{5v}–b_{6r}).

Хотя сим фабулам [басни] почти во всех немецких школах детей учат; однако они по малолетству своему как сорока Якова твердят; попугаи, кто пришол, кричат, скворцы каши просят, и на сие подобие одни только слова говорят, или наизусть вытверживают; а силы и нравоучения басни ничего не знают (11).

Как видно, в переводе появляется выражение «во всех немецких школах», соответствующее «in allen unsern Schulen», которое служит, вероятно, для устранения недоразумений и уточнения, что речь идет не о русских школах. Перевод содержит также русскую народную поговорку «как сорóка Якова твердят» и выражение «скворцы каши просят»,[18] отсутствующие в оригинале. Их функция, наверно, состоит в усилении смысла немецкого текста, который приспособляется к русскому читателю. Заимствованное слово «фабула» снабжается толкованием «басня».

Что касается перевода басен, можно сказать, что структура оригинала, состоящая из текста басни, морали и размышления (в немецкой версии: «Lehre», «Anmerckung»; у Волчкова: «учение», «примечание»), сохранена.[19]

Следующая цитата приводит часть басни «Лошадь и осел» («Ein Pferd und ein Esel»), морали и размышления. Текст и мораль басни намного короче, чем размышление, которое значительно расширяет поле рассуждений, широко развивая темы религиозного и нравственного ха-

[18] Полная форма поговорки: «Затвердил, что сорока Якова, одно про всякого» (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1: (А–З). С. 647). Перевод Волчкова характеризуется использованием пословиц и поговорок, см. напр.: «Учение. Сия великодушная птица исполнила старую пословицу: Добрый тот человек кто поит да кормит, а и тот не худ, кто хлеб соль помнит» (323, Басня 102, Человек и орел) для передачи «Lehre. Die Personen und die Eigenschafften können wohl unter einander gemischt und verstellet werden; allein die Natur ist gleich dem Quecksilber, welches sich nimmermehr wird figiren lassen» (279, Die CVII Fabel. Ein Adler und ein Mann). Полная форма пословицы: «Спаси Бог того, кто поит да кормит, а вдвое того, кто хлеб-соль помнит» (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2: (И–О). С. 165).

[19] Издание 1766 г. перевода Волчкова, предназначенное для детского чтения, опубликовано без примечаний (Сводный каталог русской книги гражданской печати... Т. 3. С. 423. № 8852).

рактера. Подобная диспропорция текста басни, морали и размышления, как мы знаем, является характерной чертой сборника Летранжа. В особенности, что касается этой басни, была подчеркнута связь с темами, свойственными стоицизму.[20]

Басня рассказывает о диалоге между боевым конем и бедным ослом под тяжким бременем поклажи. Конь высокомерно относится к ослу, но скоро его судьба меняется к худшему и он принужден выполнять тяжелую и унизительную работу. Осел, сначала желавший находиться на месте коня, в конце констатирует, как быстро изменилась судьба коня:

Die XXXVIII Fabel
Ein Pferd und ein Esel

Vor alters, da noch die Pferde Griechisch und Lateinisch redeten, und die Esel Syllogismos machten, erhub sich einmal auf der Strasse ein Streit zwischen einem hochmüthigen wohl ausgefütterten Pferde, das in vollem Lauff auf dem Wege daher rannte, und einen armen Esel, der unter einer schweren Last sachte fort Schlich, und mit jenem in einerlei Gleise gekommen war. Wie hält es nun, sagte das Pferd, siehest du nicht aus diesem gestickten Wapen, und aus diesem Geschirr, wem ich angehöre, und weist du nicht, dass, wenn ich meinen Herrn auf meinem Rücken habe, die gantze Wohlfahrt des Landes auf meinen Schultern ruhe? Geschwind packe dich aus dem Wege, du sclavisches unverschämtes Thier, oder ich will dich sonst zu Tothe treten. Der Esel marschirte alsbald auf die Seite, fiel aber bei sich selbst auf diese neidische Gedancken: Was wolte ich nicht drum geben, wenn ich mit dieser glückseligen Creatur tauschen könte! <...> es sich endlich wenig Tage hernach begab, dass er eben dieses Pferd in einem gemeinen Mistkarren ziehen, und schwere Arbeit verrichten sahe. Ei, wie sieht es denn nun aus, mein Freund, sagte der Esel zu ihm <...> Von nichts, als von dem Wechsel des Kriegs, antwortete das Pferd <...> ward ich geschossen, gehauen und lahm

Басня 37
Лошадь и осел

Как в старые годы лошади Халдейским языком говаривали, а ослы умели загадки отгадывать, то в те поры сделалась на улице ссора у гордой под богатым убором лошади с бедным под великою тягостью насилу бредущим ослом, которого сия бешеная лошадь что есть мочи задними копытами ударила, и на всем бегу с дороги в канал и со всем его вьюком столкнувши, сказала: «<...> Ведаешь ли, глупа животина, что я в лице господина моего все благополучие государства на плечах моих ношу?». А потом от осла прочь поскакала. Глупый осел насилу из грязи выполз и, пришедши домой, над ржаною соломою стоя, сам в себе подумал: «Я бы левое себе ухо отрезать дал, ежели бы моим бедным состоянием на житье сего счастливого коня променяться мог». А как осел на другой или на третий год после того увидел, что на той же лошади навоз возят, а она насилу ноги волочет, то осел, остановясь, ее спросил: «<...> Что тебе, друг мой, сделалось <...>?». Усталая лошадь, вздохнувши, отвечала: «От военной перемены братец <...> меня трожды ранили, и два раза порубили <...> да и в коляску не гожусь. В такой то печальной перемене счастья, теперь ты меня видишь» (167, 168–169).

[20] *Cottegnies L.* The Art of Schooling Mankind... C. 146–147.

gemacht, und nunmehro hast du hier die klägliche Veränderung meines Glücks vor Augen (146–147).

Lehre

In dieser Fabel wird uns die Thorheit und das Schicksal des Hochmuths und der Vermessenheit gezeigt <...> (147).

Anmerckung

Aus dem, was in der Fabel gesagt worden, können wir schliessen, dass die Menschen den äuserlichen Pracht und Schein der Grossen in der Welt nimmermehr beneiden würden, wenn sie nur entweder die Sorgen und die Gefährlichkeiten, welche sich dabei befinden, oder die Glückseligkeiten der Ruhe und der Sicherheit, die in einem mittelmässigen Zustande anzutreffen, in Betrachtung zögen. Kein Mensch ist wahrhafftig glückselig, welcher sich nicht eine jede Stunde seines Lebens zu dem allerärgsten, das ihm begegnen kan, gefast hält. <...> Wofern es vergönnet ist, eine christliche Lehre aus einer heidnischen Fabel zu ziehen, was war es wohl anders, als Stolz und Vermessenheit, welche zu erst den Lucifer aus dem Himmel, und hernach den Adam aus dem Paradiess brachte? Ihr werdet Gott gleich sein, war die Versuchung; eine unordentliche und hochmüthige Begierde nach eingebildeter Ehre war die Sünde, und ein so wohl zeitlicher als ewiger Fluch war die Bestrafung, so darauf erfolgte. Wenn nun aber die Reitzungen eines unersättlichen Ehrgeitzes bei den Engeln selbst in ihrer Heiligkeit, und bei dem Menschen in dem Stande der Unschuld so viel vermocht haben, wie sorgfältig sollen nicht wir uns in Acht nehmen, die wir Kinder des Ungehorsams sind, und den Saamen dieses tödtlichen Giffts in unsern Adern mit uns auf die Welt bringen? <...> Dieses ist mit wenigen, der Grund eines tugendhafften Lebens, und um den Namen eines guten Philosophi, eines guten Christen und eines ehrlichen Mannes zu erlangen, wird nicht mehr erfordert, als dass man recht

Учение

Сия басня кажет нам обыкновенную бесчастную долю гордости, безумия, и забиячества <...> (170).

Примечание

Ни один бы человек на свете внешней славы и великолепию богатых отнюдь не позавидовал, ежели б только рассудил, каким попечениям, суетам, опасностям, зависти, и тайным угрызениам знатные подвержены; а сам бы в практике узнал, как благополучен и спокоен тот человек в совести своей, который в посредственном чине с честным и безбедным пропитанием живет. Тому подлинно благополучным быть нельзя, кто ко всяким случиться могущим злополучиям заранее и на всякий час не готовится. <...>. Я уповаю, что позволено будет из языческой басни христианским нравоучением представить, каким образом одна только гордость Люцифера с неба во ад сверьгла, а Адама из рая выгнала. Главное Праотцам нашим в Едеме предложенное искушение, состояло в сих словах: *Подобны будете Богу.* Чрезмерное и гордое желание мнимой, то есть ложной чести самый тот грех был, за которым временное и вечное проклятие в должное наказание воспоследовало. Но когда уже поощрении [или, простою речью, поджигании] ненасытного честолюбия, у самых Ангелов в святости их, а у человека в непорядочном состоянии его столько силы и действа имели, то какой крайней бережливости от сего Антонова огня, всем Адамовым потомкам [а особливо нам, христианам] иметь должно, ведая, что они, будучи чада гнева и непокоривости, с семенем сего смертельного яда на свет родятся. <...> К получению имени доброго философа, сущего христианина, и честного человека, больше того не на-

dencke und recht thue: Denn Wissen und Thun ist der kurtze Begriff unsrer gantzen Pflicht <...>. Das eintzige Mittel glückselig zu sein, ist, wenn man sich dem, was nicht zu ändern stehet, gedultig unterwirfft; denn es kan kein Mensch, eigentlich zu reden, elend genennet werden, welcher nur sich selbst nicht entstehet. Dieses ist ohnfehlbar gewiss, dass mancher lustiger Schuflicker ein frölicher Hertz in seiner Werckstatt, als sein Fürst in seinem Pallast, besitzet (147, 148, 150, 158).

добно, как прямо думать и право делать, ибо в знании и в деле вся сила человеческой должности состоит. <...> Единый и лучший способ благополучия и спокойства есть сие, дабы то человеку терпеливно нести, чего переменить нельзя и нечем. <...>. А пока человек своею долею и состоянием доволен, до тех пор и счастлив, по сему сапожник и портной в теплой избе за своею работою, гораздо счастливее Амана во всей его славе и в богатстве (170, 171, 173, 181–182).

В переводе басни и соответствующего размышления обнаруживаем характерные черты, которые мы уже определили (свободный подход к оригиналу, присутствие объяснений и уточнений, толкование заимствований) и которые должны сделать текст более понятным русскому читателю. Этому служит, например, в конце цитаты замена выражения «in seiner Werckstatt» (в своей мастерской) более близким к русской реальности «в теплой избе».

В переводе текста басни привлекает особое внимание передача выражения «Griechisch und Lateinisch» «Халдейским языком». Почему Волчков считал нужным ввести такую замену и устранить греческий и латинский в пользу халдейского языка? Можно предположить, что такая замена, снимая ссылку на античность, отражает намерение переводчика включить повествование басни в контекст, связанный с Библией и библейскими персонажами и событиями, которые упоминаются в разных пунктах размышления (в приведенной цитате, встречаем, например, Адама, Люцифера, Амана). Устранением ссылки на античность и установкой на упрощение и использование понятных слов объясняется также замена «Syllogismos» «загадкой», которая устраняет акцент на способности осла философствовать, в отличие от коней, которые умели говорить на латыни и греческом.

В переводе размышления выделяется упоминание Антонова огня («то какой крайней бережливости от сего Антонова огня, всем Адамовым потомкам [а особливо нам, христианам] иметь должно»),[21] без со-

[21] В «Словаре Академии Российской» дается следующее определение Антонова огня: «Болезнь в некоторой части тела, происходящая от распаления и делающая оную омертвелою» (Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1: От А до Г. Стб. 37).

ответствия в оригинале, указывающее на тяжелую болезнь, вызывающую омертвение больной части тела и, в данном случае, обозначающую ядовитый и смертный грех непокорности и гордыни. Выразительное уподобление смертного греха Антонову огню передает более понятным способом и ближе к реальности религиозное размышление Летранжа.

Переводческая манера Волчкова была строго осуждена современными учеными и литераторами, которые в его переводах обнаружили много погрешностей, в том числе свободный подход к оригинальным текстам.[22] Мы тоже отметили эту черту. Несмотря на все это, можно не сомневаться, что перевод Волчкова Эзоповых басен, осуществленный на основе немецкой версии сборника Летранжа, представляет ценный источник для изучения судьбы эзоповского наследия в России, в том числе своеобразного толкования басен, предложенного Р. Летранжем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Езоповы басни (СПб., 1747)	Esopi Fabeln (Лейпциг, 1714)	Les fables d'Esope (Амстердам, 1714)
Предисловие издателя книги. Езопово житие	Vorrede. Das Leben Esopi	Préface[23]. La vie d'Esope
1. Петух и алмаз.	I. Ein Hahn und ein Demant.	I. Du coq et de la pierre précieuse.
2. Петух с кошкою.	II. Eine Katze und ein Hahn.	II. Du chat et du coq.
3. Волк с ягненком.	III. Ein Wolff und ein Lamm.	III. Du loup et de l'agneau.
4. Лягушка и мыш.	IV. Ein Frosch und eine Mauss.	IV. Du lion et des taureaux.
5. Лев и медведь.	V. Ein Löwe und ein Bär.	V. Le renard et la grenouille.
6. Собака и стень.	VI. Ein Hund und ein Schatten.	VI. De l'âne et du mâtin.
7. Лев со зверьми на ловле.	VII. Ein Löwe mit andern Thieren auf der Jagd.	VII. De l'alouette et de ses petits.

«Словарь русского языка XVIII века» приводит значение «гангрена» (см.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1: А–Безпристрастие. С. 75).

[22] *Самарин А. Ю.* Творчество академического переводчика С. С. Волчкова... С. 153.

[23] Предисловию предшествует посвятительное послание «À Monsieur Pierre Testas et à Madame son épouse» (*Пер.*: «Г-ну Пьеру Теста и г-же супруге его»).

8. Волк с журавлем.	VIII. Ein Wolff und ein Kranich.	VIII. Du cerf et des bœufs.
9. Мужик и змея.	IX. Ein Bauersmann und eine Schlange.	IX. Le chien et le coq.
10. Лев и осел.	X. Ein Löwe und ein Esel.	X. Du renard et du loup.
11. Городская и полевая мышь.	XI. Eine Stadtmauss und eine Feldmauss.	XI. Des loups et des brebis.
12. Орел и раковина.	XII. Ein Adler und eine Muschel.	XII. De l'aigle et du renard.
13. Ворон и лисица.	XIII. Ein Fuchs und ein Rabe.	XIII. D'un loup sous la peau d'une brebis.
14. Старый лев.	XIV. Ein alter Löwe.	XIV. D'un chasseur et d'un pigeon.
15. Осел и постельная собака.	XV. Ein Esel und ein kleiner Hund.	XV. Le loup et la truie.
16. Лев с мышью.	XVI. Ein Löwe und eine Mauss.	XVI. De l'âne et du cheval.
17. Хворый коршун с матерью.	XVII. Ein krancker Geier und seine Mutter.	XVII. Du loup, du bouc et de l'agneau.
18. Ласточка с другими птицами.	XVIII. Eine Schwalbe und andre Vogel.	XVIII. Des colombes et du faucon.
19. Лягушки просят себе царя.	XIX. Die Frösche erwehlen einen König.	XIX. Le rat de ville et le rat de village.
20. Ястреб, сокол, и голуби.	XX. Der Geier, der Falcke und die Tauben.	XX. De l'hirondelle et des autres oiseaux.
21. Вор и собака.	XXI. Ein Hund und ein Dieb.	XXI. Du castor.
22. Волк и свинья.	XXII. Ein Wolff und eine Saue.	XXII. Du renard et du chat.
23. Гора в родинах.	XXIII. Ein Berg in Kindesnöthen.	XXIII. Le chat et les souris.
24. Осел, и неблагодарный господин.	XXIV. Ein Esel und ein undanckbarer Herr.	XXIV. Du lion et de quelques autres animaux qui vont à la chasse ensemble.
25. Старая собака, и хозяин ее.	XXV. Ein alter Hund und sein Herr.	XXV. D'un lion et d'un rat.
26. Осел, обезьяна, и крот.	XXVI. Ein Esel, ein Affe und ein Maulwurff.	XXVI. Du chien avec un carcan au cou.
27. Зайцы с лягушками.	XXVII. Die Hasen und die Frösche.	XXVII. De la grenouille et du bœuf.
28. Волк, козленок, и старая коза.	XXVIII. Ein Wolff, ein jung Böcklein und eine alte Ziege.	XXVIII. Du renard et du lion malade.
29. Собака, овца, и волк.	XXIX. Ein Hund, ein Schaf und ein Wolff.	XXIX. D'un singe et d'un renard.
30. Крестьянин и змея.	XXX. Ein Bauersmann und eine Schlange.	XXX. D'un lion et d'un rat.

31. Лисица и журавль.	XXXI. Ein Fuchs und ein Storch.	XXXI. Du chien envieux et du bœuf.
32. Галка в чужом перье.	*XXXII. Ein Fuchs und ein geschnitzes Bild.*[24]	XXXII. L'autruche, les oiseaux et les animaux terrestres.
33. Муравей с мухою.	XXXIII. Eine Dole mit geborgten Federn.	XXXIII. La chauve-souris et la belette.
34. Бык и лягушка.	XXXIV. Eine Ameise und eine Fliege.	XXXIV. Le combat des oiseaux et des animaux terrestres.
35. Осел с волком.	XXXV. Ein Frosch und ein Ochse.	XXXV. Du tigre et du renard.
36. Лошадь со львом.	XXXVI. Ein Esel und ein Wolff.	XXVI. De la lionne et du renard.
37. Лошадь и осел.	XXXVII. Ein Pferd und ein Löwe.	XXXVII. Du chêne et du roseau.
38. Летучая мыш и горностай.	XXXVIII. Ein Pferd und ein Esel.	XXXVIII. Du rat et de la grenouille.
39. Летучая мыш, птицы, и звери.	XXXIX. Eine Fledermauss und ein Wiesel.	XXXIX. D'un lion et d'un ours.
40. Строфокамил с птицами и зверьми.	XL. Eine Fledermauss, die Vögel und die Thiere.	XL. Des grenouilles et de leur roi.
41. Волк и лисица.	XLI. Ein Strauss, die Vogel und die Thiere.	XLI. La maîtresse et les servantes.
42. Пьющий олень.	XLII. Ein Wolf und ein Fuchs.	XLII. Le soleil et le vent.
43. Змея с пилою.	XLIII. Ein Hirsch welcher trincket.	XLIII. De la corneille et de la cruche.
44. Союз у волков с овцами.	XLIV. Eine Schlange und eine Feile.	XLIV. De la couleuvre et du hérisson.
45. Лес и топор.	XLV. Ein Bund zwischen den Wölffen und den Schafen.	XLV. Des lièvres et des grenouilles.
46. Мужик и клин.	XLVI. Eine Art und ein Wald.	XLVI. De l'âne, du singe et de la taupe.
47. Орел с стрелою.	XLVII. Ein Bauer und ein Keil.	XLVII. D'un loup et d'un renard.
48. Дрозд птичьим клеем поиман.	XLVIII. Der Adler und der Pfeil.	XLVIII. Du chien et de la brebis.
49. Тело и члены.	XLIX. Ein Krammetsvogel, welcher mit Vogelleim gefangen wird.	XLIX. Du paon et de la grue.
50. Обезьяна с лисицею.	L. Der Leib und die Glieder.	L. Du serpent et de la lime.
51. Жаворонок с детьми.	LI. Ein Affe und ein Fuchs.	LI. L'âne, le lion et le coq.
52. Олень с быками.	LII. Eine Lerche und ihre Jungen.	LII. Le geai paré de plumes de paons.

[24] Курсивом выделены заглавия басен, отсутствующих в переводе Волчкова.

53. Больной лев, и лисица.	LIII. Ein Hirsch und die Ochsen.	LIII. De la mouche et de la fourmi.
54. Лисица с горностаем.	LIV. Ein Fuchs und ein krancker Löwe.	LIV. De la fourmi et de la cigale.
55. Кабан с лошадью.	LV. Ein Fuchs und ein Wiesel.	LV. Le laboureur et le serpent.
56. Лошадь с оленем.	LVI. Ein wild Schwein und ein Pferd.	LVI. Du bœuf et de la génisse.
57. Два малых, и повар.	LVII. Ein Hirsch und ein Pferd.	LVII. Hercule et le charretier.
58. Волк, ягненок, и коза.	LVIII. Zwei Jünglinge und ein Koch.	LVIII. Du ventre et des autres membres.
59. Венера с кошкою.	*LIX. Ein Hund und ein Fleischer.*	LIX. Du cheval et du lion.
60. Отец с сыновьями.	LX. Ein Wolff, ein Lamm und eine Ziege.	LX. Du laboureur et de la cigogne.
61. Навьюченный осел, с лошадью.	LXI. Eine Katze und die Venus.	LXI. Du renard et du leopard.
62. Суконный валяльщик, и угольник.	LXII. Ein Vater und seine Söhne.	LXII. Du berger qui donnait de fausses allarmes.
63. Ластовица с дроздом.	LXIII. Ein beladener Esel und ein Pferd.	LXIII. Le renard et le bouc.
64. Стрелок с голубем.	LXIV. Ein Köhler und ein Walcker.	LXIV. Le père et ses enfans.
65. Полоненый трубач.	LXV. Ein Krammetsvogel und eine Schwalbe.	LXV. Le faon et le cerf.
66. Волк, и собака.	LXVI. Ein Vogelschütz und eine Taube.	LXVI. D'un vieux chien et de son maître.
67. Перьвый верьблюд на свете.	LXVII. Ein Trompeter, welcher gefangen ward.	LXVII. Jupiter et le chameau.
68. Лисица со львом.	LXVIII. Ein Hund und ein Wolff.	LXVIII. Junon et le paon.
69. Лисица с орлом.	*LXIX. Ein Pachter und seine Hunde.*	LXIX. Du renard sans queue.
70. Аист с мужиком.	LXX. Ein Cameel, welches zum ersten Mal gesehen wird.	LXX. Du corbeau et du renard.
71. Детина с ложным криком.	LXXI. Ein Fuchs und ein Löwe.	LXXI. Du paysan et de l'épervier.
72. Орел и галка.	LXXII. Ein Adler und ein Fuchs.	LXXII. De la nourrice et du loup.
73. Собака на сене.	LXXIII. Ein Bauersmann und ein Storch.	LXXIII. Du lièvre et de la tortue.
74. Ворона с овцою.	LXXIV. Ein Junge und falsche Lärmen.	LXXIV. De Venus et d'une chatte.
75. Верблюд просит рог.	LXXV. Ein Adler und eine Dole.	LXXV. De l'âne sous la peau d'un lion.

76. Заяц с лисицою, бьютчелом Юпитеру.	LXXVI. Ein Hund in einer Krippe.	LXXVI. L'accouchement de la montagne.
77. Юнона с павлином.	LXXVII. Ein Schaaf und eine Krähe.	LXXVII. Du satyre et du paysan.
78. Пересаженное древо.	LXXVIII. Ein Cameel, welches um Hörner bittet.	LXXVIII. Du milan malade et de sa mère.
79. Лисица с козою.	LXXIX. Ein Fuchs und ein Hase kommen zu dem Jupiter.	LXXIX. D'un rossignol et d'un épervier.
80. Рябец с петухами.	LXXX. Ein Pfau und die Juno.	LXXX. Des oies et des grues.
81. По свету бродивший хвастун.	*LXXXI. Ein alt Wiesel und Mäuse.*	LXXXI. Du chien et de son ombre.
82. Обманщик спрашивает Оракула[25].	LXXXII. Ein alter Baum, welcher fortgepflantzt worden.	LXXXII. De l'âne et du chien.
83. Баба с жирною курицою.	LXXXIII. Ein Fuchs und eine Ziege.	LXXXIII. Du loup et de la grue.
84. От собаки укушеный человек.	LXXXIV. Hähne und ein Rebhun.	LXXXIV. D'un pêcheur et d'un petit poisson.
85. Гонимой бобр.	LXXXV. Ein gereiseter Prahler.	LXXXV. De l'avare et de l'envieux.
86. Морская рыба с дельфином.	LXXXVI. Ein Betrüger, welcher zu dem Oraculo gehet.	LXXXVI. De deux pots flottans sur l'eau.
87. Два неприятеля на море.	LXXXVII. Eine Frau und eine fette Henne.	LXXXVII. Du renard et de la cigogne.
88. Предсказатель.	LXXXVIII. Ein Mensch, welcher von einem Hunde gebissen worden.	LXXXVIII. De l'ours et des mouches à miel.
89. Ворожея.	LXXXIX. Ein gejagter Bieber.	LXXXIX. De deux amis et d'un ours.
90. Астроном и прохожий.	XC. Ein Thonfisch und ein Meerschwein.	XC. Du trompette fait prisonnier.
91. Доктор с больным.	XCI. Zwei Feinde, welche mit einander auf der See sind.	XCI. Des coqs et de la perdrix.
92. Птицелов и скворец.	XCII. Ein Wahrsager.	XCII. De l'oiseleur et de la perdrix.
93. Меркурий и путешествующий.	XCIII. Eine Wahrsagerin.	XCIII. De l'aigle et de la corneille.
94. Детина с матерью.	XCIV. Ein Sternseher und ein Wandersmann.	XCIV. Du lion, de l'âne et du renard.
95. Овчар пошел в купечество.	XCV. Ein Doctor und sein Patient.	XCV. Du renard et des raisins.
96. Старик со львом.	XCVI. Ein Vogelsteller und eine Amsel.	XCVI. Du cerf et du cheval.

[25] После «Оракула» следует объяснение: «[Идол, который вопрошающим о будущих вещах ответы дает]» (281).

97. Лисица без хвоста.	XCVII. Mercurius und ein Reisender.	XCVII. Le jeune homme et l'hirondelle.
98. Лисица с терновым кустом.	XCVIII. Ein Knabe und seine Mutter.	XCVIII. Du paysan et de son oie.
99. Лисица с крокодилом.	XCIX. Ein Schäffer wird ein Kauffmann.	XCIX. Du loup et du chien.
100. Лисица и охотники.	C. Ein alter Mann und ein Löwe.	C. Du bûcheron et de la forêt.
101. На обед званая собака.	CI. Ein Fuchs, welcher seinen Schwantz eingebüst.	CI. Du lion cassé de vieillesse.
102. Человек и орел.	CII. Ein Fuchs und ein Brombeer strauch.	CII. De l'âne chargé et du cheval.
103. Отец с сыновьями.	CIII. Ein Fuchs und ein Crocodil.	CIII. La mort et le vieillard.
104. Рыбак с дудкою.	CIV. Ein Fuchs und die Jäger.	CIV. Du sanglier et de l'âne.
105. Счастливый рыбак.	*CV. Ein Mann und ein höltzerner Götze.*	CV. Le thon et le daufin.
106. Великие обещании.	CVI. Ein Hund, welcher zu einer Abendmahlzeit eingeladen wird.	CVI. Du paon et de la pie.
107. Обманутые рыбаки.	CVII. Ein Adler und ein Mann.	CVII. De l'homme et du lion.
108. Смерть с стариком.	CVIII. Ein Vater und dessen Söhne.	CVIII. Du cerf buvant dans un ruisseau.
109. Доктор с больною бабою.	CIX. Ein Fischer und seine Pfeiffe.	CIX. De la fourmi et du pigeon.
110. Кошка с мышами.	CX. Eines Fischers gutes Glück.	CX. Du lion amoureux.
111. Обезьяна с лисицою.	CXI. Grosse Zusagen.	CXI. De l'aigle et de la tortue.
112. Осел самохвал.	CXII. Die betrogene Fischer.	
113. Собака с волком.	CXIII. Der Tod und ein alter Mann.	
114. Лев с быком.	CXIV. Ein Doctor und ein Patient mit bösen Augen.	
115. Любовью ослепленный лев.	CXV.[26] Eine Katze und die Mäuse.	
116. Лисица со львицою.	CXVI. Ein Affe und ein Fuchs.	
117. Два петуха дерутся.	*CXVII. Ein Schmid und sein Hund.*	
118. Молодой олень с отцом своим.	CXVIII. Ein prahlender Maulesel.	

[26] В изд. ошибочно: XCV.

119. Юпитер с пчелою.	CXIX. Ein Hund und ein Wolff.
120. Осы в меду.	CXX. Ein Löwe und ein Ochse.
121. Малой с ластовицою.	CXXI. Ein verliebter Löwe.
122. Меркурий с плотником.	CXXII. Eine Löwin und ein Fuchs.
123. Лисица с виноградною кистью.	CXXIII. Zwei kämpffende Hähne.
124. Волк со львом.	CXXIV. Ein Hirschkalb und ein Hirsch.
125. Мальчик и змея.	CXXV. Jupiter und eine Biene.
126. Рябчик с птицеловом.	CXXVI. Wespen in einem Honig topffe.
127. Заяц с черепахою.	CXXVII. Ein junger Pursche und eine Schwalbe.
128. Яблоки с шевяками.	CXXVIII. Mercurius und ein Zimmermann.
129. Персик с яблоком, и терновник.	CXXIX. Ein Fuchs und Weintrauben.
130. Хомяк с матерью.	CXXX. Ein Wolff und ein Löwe.
131. Осы, куропатки, и садовник.	CXXXI. Ein Knabe und eine Schlange.
132. Юпитер и змея.	CXXXII. Ein Vogelsteller und Rebhun.
133.Человек с блохою.	CXXXIII. Ein Hase und eine Schildkröte.
134. Муж с двумя женами.	CXXXIV. Rechte Äpffel und Pferde äpffel.
135. Две лягушки без воды.	CXXXV. Eine Pfirsche, ein Apffel und eine Brombeere.
136. Собака с петухом в дороге.	CXXXVI. Ein Maulwurff und dessen Mutter.
137. Летучая мышь, терновый куст, и ворон.	CXXXVII. Wespen, Rebhüner und ein Weingärtner.
138. Жаворонок под сетью.	CXXXVIII. Jupiter und eine Schlange.
139. Мельник деньги свои в землю закопал.	CXXXIX. Ein Floh und ein Mensch.
140. Кривой олень.	*CXL. Ein Floh und Hercules.*
141. Олень со львом.	CXLI. Ein Mann und zwei Weiber.
142. Коза с виноградным деревом.	CXLII. Zwei Frösche, welche kein Wasser haben.

143. Лев, осел, и петух.	CXLIII. Ein Hund und ein Hahn, welche mit einander reisen.
144. Садовник и собака его.	CXLIV. Eine Fledermauss, ein Brombeerstrauch und ein Wasserrabe.
145. Боров с кобелем.	CXLV. Eine Lerche in einem Netz.
146. Змея и рак.	CXLVI. Ein Müller, welcher sein Geld vergräbt.
147. Овчар с волчонком.	CXLVII. Ein Hirsch mit einem Auge.
148. Лев, волк, и лисица.	CXLVIII. Ein Hirsch und ein Löwe.
149. Жена с пьяным мужем.	CXLIX. Eine Ziege und ein Weinstock.
150. Лебедь и гусь.	CL. Ein Esel, ein Löwe und ein Hahn.
151. Ворон с лебедем.	CLI. Ein Gärtner und dessen Hund.
152. Ласточка с вороною.	CLII. Eine Saue und ein Hund.
153. Летучая мышь с соловьем.	*CLIII. Eine Saue und eine Hündin.*
154. Двое проезжих, и мешок денег.	CLIV. Eine Schlange und ein Krebs.
155. Две в соседстве живущие лягушки.	CLV. Ein Schäfer und ein junger Wolff.
156. Пчельник.	CLVI. Ein Löwe, ein Fuchs und ein Wolff.
157. Въ мутной воде рыбу ловить.	CLVII. Ein Weib und ein trunckener Mann.
158. Дельфин с обезьяною.	CLVIII. Ein Schwan und eine Ganss.
159. Меркурий с резчиком.	*CLIX. Das Waschen eines Mohren.*
160. Меркурий с Тирезием.	CLX. Ein Rabe und ein Schwan.
161. Борзая собака с дворовою.	CLXI. Eine Schwalbe und eine Krähe.
162. Бессчастная женитьба.	CLXII. Eine Nachtigall und eine Fledermauss.
163. Волк с козленком.	*CLXIII. Ein Knabe und Seemuscheln.*
164. Лисица и рак.	CLXIV. Zwei Reisende, und ein Beutel mit Gelde.

165. Певец.	CLXV. Zwei Frösche, welche nahe bei einander leben.
166. Воры петуха украли.	CLXVI. Einer der Bienen hat.
167. Ворона с вороном.	*CLXVII. Ein Eissvogel.*
168. Змея с вороном.	CLXVIII. Das Fischen in trüben Wassern.
169. Галка с голубми.	CLXIX. Ein Affe und eine Meerschwein.
170. Галка с ногавкою.	CLXX. Mercurius und ein Bildhauer.
171. Юпитер и обман.	CLXXI. Mercurius und Tiresias.
172. Юпитер и стыдливость.	CLXXII. Ein Jagthund und ein Hausshund.
173. Юпитерова свадьба.	CLXXIII. Eine unglückliche Heirath.
174. Волк с овцою.	CLXXIV. Ein Wolff und ein Böcklein.
175. Зайцы, лисицы, и орлы.	CLXXV. Ein Fuchs und ein Krebs.
176. Муравей был прежь сего мужик.	CLXXVI. Ein Sänger.
177. Проезжие у моря.	CLXXVII. Diebe, welche einen Hahn stehlen.
178. Ослы перед Юпитером.	CLXXVIII. Eine Krähe und eine Rabe.
179. Осел с лягушками.	*CLXXIX. Eine Krähe und ein Hund.*
180. Шелудивый осел с вороном.	CLXXX. Ein Rabe und eine Schlange.
181. Лев, осел, и лисица.	CLXXXI. Eine Dole und Tauben.
182. Ластовица с курицою.	CLXXXII. Eine Dole, welche einen Faden an ihrem Fusse hat.
183. Голубь с картиною.	CLXXXIII. Jupiter und der Betrug.
184. Голубка с вороною.	CLXXXIV. Jupiter und die Schamhaffrigkeit.
185. Мать с двумя дочерьми.	CLXXXV. Jupiters Hochzeittag.
186. Овчар с овцами.	CLXXXVI. Ein Wolff und ein Schaaf.
187. Юпитер с пастухом.	CLXXXVII. Die Hasen, die Füchse und die Adler.

188. Комар вызывает льва на поединок.

CLXXXVIII. Eine Ameiss, welche zuvor ein Mensch gewesen.
CLXXXIX. Reisende, welche bei dem Ufer des Meers gehen.
CXC. Ein wilder Esel und ein Zahmer.
CXCI. Die Esel kommen zu dem Jupiter.
CXCII. Ein Esel und die Frösche.
CXCIII. Ein räudichter Esel und ein Rabe.
CXCIV. Ein Löwe, ein Esel, und ein Fuchs.
CXCV. Eine Henne und eine Schwalbe.
CXCVI. Eine Taube und ein Gemählde.
CXCVII. Eine Taube und eine Krähe.
CXCVIII. Eine Frau und ihre zwei Töchter.
CXCIX. Ein Schäfer und seine Schaafe.
CC. Jupiter und ein Hirte.
CCI. Eine Mücke fordert einen Löwen heraus.

Е. Д. КУКУШКИНА

БАСНИ РОЖЕ ЛЕТРАНЖА В РУССКИХ СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ

В конце I — начале II в., когда основоположники латинской басни Федр и греческой — Бабрий переложили басни Эзопа стихами и издали их, сложился основной эзоповский цикл, и басня оформилась как литературный жанр. С тех пор на протяжении веков басни переводились с языка на язык, их сюжеты многократно пересказывались, а сам жанр менял свое обличие.

Роже Летранж (Роджер Л'Эстрейндж, Roger L'Estrange, 1616–1704), английский писатель, журналист, политический деятель, расширил корпус эзоповских басен до пятисот. Книга Летранжа, опубликованная в 1692 г. в Англии, выдержала до 1720 г. восемь изданий. Второй ее том был напечатан в 1699 г. В 1747 г. она была переведена на русский язык С. С. Волчковым (1707–1773) и издана в типографии Академии наук.[1] В Россию книга Летранжа попала не через амстердамское ее издание 1714 г., указанное в «Сводном каталоге русской книги XVIII века»,[2] а бла-

---

[1] Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа / вновь изданныя, а на российской язык переведены в Санктпетербурге канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. Печатаны в Санктпетербурге при Академии наук 1747 года. Далее ссылки на это издание по его репринтному воспроизведению (М., 2017) даются в тексте статьи с пометой «Летранж» и указанием страниц.

[2] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3. № 8548.

© Е. Д. Кукушкина, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-86-108

годаря немецкому переводу-посреднику.[3] Предположение, что Волчков переводил книгу Летранжа с немецкого языка, было высказано В. П. Адриановой-Перетц на основании того, что в «Предисловии» к ней составителя речь идет о «немецких школах», а в тексте одной из басен осталось непереведенным немецкое слово браутс-камера.[4] Позже это предположение было поддержано другими исследователями.[5]

Косвенным доказательством использования немецкого посредника могло также служить пребывание Волчкова в Берлине в 1730–1735 г. в должности секретаря русского посольства. За годы работы переводчиком, в затем директором Сенатской типографии (1759–1773) С. С. Волчков перевел более двадцати книг с немецкого и французского языков. Его словарный труд «Новый лексикон на французском, немецком, латинском и российских языках» (1755–1764. Ч. 1–2), предназначенный для путешественников, пользовался популярностью до начала XIX в.[6]

На протяжении XVIII в. книга Летранжа в переводе Волчкова многократно перепечатывалась в России. После первого издания 1747 г. — в 1760, 1783, 1791 гг. и дважды в XIX в. (1810, 1815). Причем начальный тираж 1200 экземпляров при втором тиснении в 1760 г. удвоился. В «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» в феврале и марте 1776 г.[7] сообщалось о выходе в 1775 г. третьего издания. Объявление сопровождалось краткой аннотацией: «Книга весьма известная приятным и остроумным нравоучением». В числе разыскиваемых изданий «Сводного каталога русской книги XVIII века гражданской печати» издание 1775 г. упоминается как четвертое, а третьим названо еще одно — 1762 г. Таким образом, книга Летранжа в XVIII в. выдержала

---

[3] Esopi Fabeln / Mit Herrn Roger L'Estrange Lehren und Anmerckungen aus dem englischen übersetzt. Leipzig, 1714.

[4] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // Известия ОРЯС АН СССР. Л., 1929. Т. 2. Кн. 3. С. 381.

[5] См.: *Imendörffer H.* Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert: Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden in Kommission. 1998. Teil 1. S. 108–109; *Николаев С. И.* «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 14–15; *Брагоне М. К.* Эзоп в России XVIII века: Несколько наблюдений над переводом С. С. Волчкова // См.: Наст. изд. С. 63–85.

[6] *Биржакова Е. Э.* Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 173–174.

[7] 1776. Февраль. С. 8; 1776. Март. С. 11.

в России шесть изданий. В 1766 г. по предложению инспектора академической гимназии Л. И. Бакмейстера она была отредактирована академическим переводчиком И. С. Барковым и издана «для детского употребления» с сокращенными нравоучениями и без примечаний, «рассеивающих внимание учеников».[8]

Летранж включил в свою книгу переводы и переложения басен Федра (20 г. до н. э. — ок. 50 г. н. э.), Бабрия (Бабриаса, II в.), Афтония Антиохийского (кон. III — нач. IV в.), Авиана (кон. IV — нач. V в.), И. Н. Камерария (1500–1574), П. Невелета (р. 1554 г.), Ж. Бодуэна (А. де Бандоля, 1590–1650), Ж. де Лафонтена (1621–1695) «и из других книг лучшее». При этом он отметил, что «до наших времен дошедшая история о Езопе так темна и сумнительна, что оригинала со списком узнать и за вероятно утвердить нельзя, которые басни сам Езоп сочинял, и которые после его от других выдуманы» (Летранж: 1, 10). Русский переводчик Волчков выбрал из перевода Летранжа, содержащего 201 басню, 188 басен по своему вкусу. В основном следуя очередности Летранжа, он опускает тринадцать басен.[9]

На Руси были знакомы с жанром басни и с более чем 350 эзоповскими сюжетами благодаря переводам Ф. Козвинского с греческого языка (1607), А. А Виниуса — с немецкого (1674) и П. Кашинского — с польского (1675).[10] Рукописные сборники басен служили материалом для чтения в петровское время и переписывались до второй половины XVIII в., несмотря на появление печатных изданий. Так, «Зрелище жития человеческого» А. Виниуса в 1712 г. было идеологически отредактировано и напечатано в Московской синодальной типографии. В 1712 г. в Москве и в 1717 г. в Санкт-Петербурге были изданы и продавались в книжных лавках «Эссоповы притчи», переведенные И. Копиевским с амстердамского издания 1700 г.[11] С переводом Волчкова

---

[8] См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати... Т. 3: Р–Я. С. 423. № 8552.

[9] *Imendörffer H.* Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert S. 109.

[10] *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005. С. 7–11; *Коренева М. Ю., Михайлова И. М.* К вопросу о европейских источниках «Зрелища жития человеческого» (1674) // Скандинавская филология. 2016. (Т. 14). Вып. 1. С. 81–91.

[11] *Крюк Е.* Переиздания «Эссоповых притч» Ильи Копиевского как отражение языковой политики Петра I // Петр Великий и Европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния. 1689–1727: Коллективная монография. Париж; СПб., 2020. С. 623–629.

в русскую литературу влились новые басенные сюжеты, в том числе в переложениях западноевропейских авторов. Отличительной чертой переложений Летранжа стала сдержанная, зачастую лишенная подробностей манера их изложения. Летранж, в отличие от его предшественников-переводчиков, отказался от стихотворной формы подлинников и вернул басням сжатый эзоповский стиль повествования, который нарушается лишь в нескольких баснях. Другой отличительной чертой книги стала ее дидактичность. Каждая басня, а иногда сюжеты нескольких басен, сопровождаются не только сформулированной «Моралью» (переводчик называет ее «Учением»), но и пространным «Примечанием», в котором поучительный вывод из сюжета разъясняется читателю с использованием примеров из истории, мифологии, церковных преданий. Зачастую «Примечание» существенно превосходит басню по объему. Летранж пишет об искушении, грехе, о Христе, божественном провидении, Божием попечении и наказании. Житейские правила поведения человека в обществе интерпретируются им с точки зрения христианской морали. В 1701 г. Джеймс Гордон (1665–1746), епископ Абердинский, опубликовал «Примечания к изданию Эзоповых басен сера Роджера Л'Эстранжа» отдельной книгой. Таким образом, на русском языке был «представлен не только сильно морализированный, но и христианизированный Эзоп».[12] Объясняя структуру книги, предназначенную для преподавателей и воспитателей детей, издатель писал в «Предисловии»:

> Хотя сим фабулам басни почти во всех немецких школах детей учат, однако они по малолетству своему <...> одни только слова говорят или наизусть вытверживают, а силы и нравоучения басни ничего не знают. Учители им на всякой день по целой фабуле вместо уроку задают, а о том ни мало не пекутся, дабы мальчику ясно истолковать к какой нравоучительной пользе сила и содержание той басни клонится, которую младенец, на память вытвердив, перед ним сказывает. Детям надобно прежде всего то сказать, что делать, потом указать, как делать, а затем уже основательным представлением и своим добрым примером к тому их приучать, чтоб они все показанное им с охотою и без принуждения делали. А ежели при воспитании от правого пути на один шаг удалиться, то от сего во всю человеческую жизнь кроме стыда и беспокойства ничего доброго не будет (Летранж: 11–12).

---

[12] См.: *Imendërffer H. S.* Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert. S. 111.

Басня, возникшая как особый жанр светской литературы, отличный от религиозной притчи, долго оставалась ей близка. Книга Летранжа прекрасно подходила для дидактической практики.

Еще со времен рубежа классической и эллинской эпох, когда возникли первые сборники басен (самый ранний из них был составлен около 300 г. до н. э.) и сложился тип школы в три ступени: начальная, грамматическая и риторическая, басня стала незаменима в учебном процессе. Выделив прямое значение морали, ученикам предлагали сочинить на нее басню. Такие упражнения «имели целью подготовить ученика к использованию басни как одного из средств аргументации в публичной речи».[13] Таким образом, басня в книге Летранжа отчасти возвращалась к функции, которую имела в пору своего возникновения — служить примером в аргументации, но с некоторой разницей: пример у Летранжа предварял аргументацию, сформулированную в примечаниях, и басня предназначалась не для публичных выступлений, а имела образовательное и воспитательное значение.

Традиция сочинять басни на уроках риторики была продолжена и в России. Книга Летранжа служила пособием для обучения в русских духовных семинариях. Как установила А. С. Силина, тринадцать басенных сюжетов из различных источников, в том числе из книги Летранжа, переложенные сапфической строфой, содержатся в рукописном сборнике, составленном в 1763–1764 г. Гавриилом Софрониевичем Шутовым (1743–1807), учеником, а затем преподавателем (1764–1768) Вятской духовной семинарии. Переложения басен содержит также ученическая тетрадь семинариста Агафона Свешникова, составленная в конце 1760-х — начале 1770-х гг.[14] Овладение жанром басни входило в программу Славяно-греко-латинской академии в годы учебы в ней Ломоносова. Сохранился отзыв «Pulchre» («Отлично») учителя поэтики Ф. Кветницкого на рукописном листе с текстом стихотворения Ломоносова «Стихи на туясок».[15] Его сюжет восходит к басне Эзопа,[16] с которой Ломоносов мог познакомиться в переводе Ф. Гозвинского и ко-

---

[13] *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. О поэтах. М., 2018. С. 215, 241.

[14] *Силина А. С.* Стихотворные опыты Вятских семинаристов середины XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 50–51, 58–59.

[15] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 8. С. 7.

[16] *Тарковский Р. Б.* Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 83–84.

торая затем неоднократно перелагалась другими баснописцами, в том числе Летранжем.

Перевод Волчкова постепенно вытеснял более ранние русские переводы Эзопа и получил популярность в различных слоях общества. Разделение краткого сюжета и морали в баснях облегчало возможность для сочинения их свободных переложений. Однако Сумароков оказался едва ли не единственным русским баснописцем, перелагавшим басни из сборника Летранжа. В. К. Тредиаковский, поместивший в первый том своих «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (СПб., 1752. Т. 1–2) пятьдесят одну стихотворную басню под заголовком «Несколько Эзоповых басенок», избрал для своих переложений басни из книги видного немецкого ученого, гуманиста, профессора Лейпцигского университета И. Камерария. В этом, по-видимому, проявилось его желание «противопоставить свои басни и русской силлабической басенной традиции, и французской классицистической». В отличие от старых переводов, Тредиаковский исключал из текста басен Камерария мораль и аллегории, оставив в них только голую фабулу. В традиции гуманистической басни Тредиаковский понимал ее как жанр низкий, простонародный и стремился к созданию «стихов простых, без затей», не претендующих на изящество.[17]

Статья К. А. Заусцинского «Басни Сумарокова»[18] впервые указывала источники, которыми пользовался Сумароков при переводах басен или переложении их на русский язык. Позже эти наблюдения были дополнены другими исследователями. Из 360 стихотворений, написанных Сумароковым в жанре басни,[19] почти четвертая часть восходят к сочинениям Лафонтена. О его творчестве Сумароков с одобрением писал еще в 1748 г. в «Эпистоле о стихотворстве», за несколько лет до того, как сам обратился к басенному творчеству. Около трети басен являются собственными сочинениями Сумарокова, хотя возможно, некоторые из них опираются на заимствованные сюжеты, пока не выявленные.

---

[17] *Алексеева Н. Ю.* Комментарии // Василий Тредиаковский. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009. С. 571–572.

[18] *Заусцинский К. А.* Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 3–5. С. 1–126.

[19] Около двадцати стихотворных текстов, включенных Н. И. Новиковым в Ч. 7. (Притчи) «Полного собрания всех сочинений...» А. П. Сумарокова (М., 1781), написаны в других жанрах.

Сюжеты шести басен Сумарокова восходят к сочинениям Х. Ф. Геллерта («Кокушка», «Медведь танцовщик», «Хвастун», «Рецепт», «Мздоимец», «Конь и Осел»), одна («Посол Осел») — к Франсуа де Кальеру (François de Callières, 1645–1717), одна («Ружье») к Имберу (Бартелеми Эмбер, Barthélémy Imbert, 1747–1790). Г. А. Гуковский в статье «Библиографические заметки к „Полному собранию сочинений Сумарокова“» указал на варианты трех притч Сумарокова, обнаруженных им у Э. Бурсо (Edme Boursault, 1638–1701) («Старик и Осел», «Осел дерзновенный», «Лисица и Виноград»), на басню Ф. Барба (1723–1792) «Любовь» и на сказку Лафонтена («Волосок»).[20]

С сюжетами из сборника Летранжа в переводе Волчкова, по мнению Заусцинского, в различной степени схожи семнадцать басен Сумарокова. Однако широкая распространенность эзоповских сюжетов, их многочисленные переложения не позволяют во многих случаях проследить и более или менее убедительно установить последовательность их изменений и зависимость одних басенных текстов от других. Так, три басни Сумарокова о человеке, пожалевшем замерзшую змею и попытавшемся согреть ее на груди: «Прохожий и змея»,[21] «Змея согретая»[22] и «Змея и мужик», восходящие к эзоповскому тексту, близки к басням «Замерзшая змея и крестьянин» Федра (с моралью: кто помогает злым, потом раскается) и Бабрия.[23] Этот сюжет был известен на Руси также в прозаическом переводе П. Кашинского (1675). На источники сюжета указывает сам Сумароков в басне «Змея и мужик»: «Змея ползла <...>, / Но зляй ее мороз... / Замерз червяк: мороз был это русский, / Не греческий и не французский <...> / Пусть Федр о том писал, Делафонтен, Эзоп — / Застыл у червяка и хвост, и лоб...».[24] В своем

---

[20] *Гуковский Г. А.* Материалы к изучению Сумарокова // XVIII век. 1948. С. 857–869. Статья включена в серийный сборник, не вышедший из-за ареста Г. А. Гуковского. Корректура сборника из библиотеки П. Н. Беркова хранится в библиотеке Белорусской АН, ее ксерокопия — в Отделе русской литературы XVIII века ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ссылки даются по ксерокопии.

[21] Ежемесячные сочинения. 1756. Янв. С. 6. Подпись: [*А. С.*].

[22] См.: *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 7. С. 196.

[23] Античная басня / Пер. с греч. и лат., сост., предисл. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1991. С. 307, 400. Далее ссылки на это издание даются в тексте с пометой «Античная басня» и указанием страниц.

[24] Змея и мужик // И то и сьо. 1769. Февраль. Шестая неделя. Анонимно, без загл. С. [6–7] (ненум.).

переложении Сумароков свел басенную мораль к лаконичному выводу: «Не согревай змеи», в котором уточнил смысловые акценты: слово «змея» означает не только название вида пресмыкающегося, но и характеристику человека, которого следует опасаться. Те же баснописцы: Федр, Бабрий, Виниус, а также Тредиаковский (раньше Сумарокова), переложили эзоповский сюжет о собаке, которая позарилась на отражавшийся в воде кусок мяса и потеряла тот, что она держала в зубах. У Летранжа эта басня носит название «Собака и стень» (Летранж: 75). Басни Сумарокова «Ворона и Лисица», «Осел и хозяин», «Кошка», «Обещание» и другие имеют больше сходства с баснями Лафонтена, чем Летранжа.

Е. Имендёрфер внесла коррективы в наблюдения Заусцинского и сократила количество басен, заимствованных Сумароковым из сборника Летранжа до двенадцати: «Петух с кошкою», «Лисица с терновым кустом», «Красильщик и угольщик», «Баба с жирною курицею», «Двое проезжих и мешок денег», «Кривой олень», «Осы в меду», «Лев, осёл и петух», «Волк с козленком», «Предсказатель», «Птицелов и скворец», «Овчар с волчонком».[25] По-видимому, Сумароков пользовался в своей работе переводом Волчкова. Это могло быть первое издание 1747 г. или одно из изданий 1760-х гг., так как большая часть переложений Сумароков из Летранжа приходится на период 1756–1769 гг. Маловероятно, что у него под рукой был немецкий перевод с английского языка. Такого перевода в Библиотеке Академии наук не было, по крайней мере, до 1742 г., о чем свидетельствует «Камерный каталог» БАН 1741–1742 г.,[26] в котором перечислены все литературные сочинения, хранившиеся к тому времени в библиотеке. В числе двадцати двух книг, которые Сумароков брал в Библиотеке Академии наук в конце 1740-х гг. и в 1755 г. никаких сборников басен нет.[27] Не было немецкого перевода книги Летранжа и в библиотеке Первого кадетского корпуса, которая хранится в РНБ.

Отношение Сумарокова к басням, которые он перелагал, удивительно точно характеризует его беспокойную самолюбивую личность. Он дополняет или сокращает сюжеты, по-своему их интерпретирует,

---

[25] *Imendërffer H. S.* Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert. S. 340.

[26] Bibliothecae imperialis Petropolitanae: [в 4 ч.]. St. Petersbsburg, 1741–1742.

[27] *Левитт М.* Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 43–59.

вводит в них приметы реальной жизни, подчиняет сатирическим задачам. Лишь немногие басни из сборника Летранжа не претерпели под его пером заметных изменений.

Басня Летранжа «Лев, Осел и Петух» (Летранж: 413–416) на эзоповский сюжет «Осел, Петух и Лев» (Античная басня: 108) в переложении Сумарокова получила название «Высокомерной Осел». Ее сюжет опирается на древнегреческий миф о паническом страхе, который испытывает лев, услышав крик петуха. Летранж рассказывает, что Лев, увидев на лугу Осла, «проглотить его хотел», но услышал голос петуха и, «испужавшись, назад бросился», а Осел побежал за ним «в такой глупой надежде, будто Лев его испужался». Когда голос Петуха стал не слышен, «Лев, оборотясь, обеими лапами Осла схватил и в мелкие куски» изодрал. Сумароков избравший для своих басен особый стихотворный размер — гибкий и подвижный разностопный ямб, напоминающий разговорную речь, лаконично излагает сюжет басни, а завершает ее тремя динамичными стихами: «Насел / На Льва Осел / И на зубах у Льва висел».[28]

Притча Сумарокова «Кошка и Петух»[29] стала переложением басни из сборника Летранжа «Петух с кошкою» на сюжет Эзопа «Кошка и петух» с моралью: «Когда дурной человек решит сделать зло, то он поступит по-своему, не под благовидным предлогом, так в открытую» (Античная басня: 16). Под названием «О коте и петеле» она стала известна на Руси в обработке Виниуса, которая отличается от эзоповского варианта. На упрек кота, что петух, «окаянный многоженец и любодей», еще и «в ночи вопиеши и человеком опочивати не даси», петух оправдывает себя не тем, что будит их на работу (как у Эзопа), а своей природой: «не един он сие творит, но яко же естество ему подаде, тако и творяше».[30] Летранж в басне «Петух с кошкою» (Летранж: 66–67) пересказал эзоповскую басню близко к тексту, используя, как и Эзоп, прямую речь персонажей. «Учение» к ней он объединил с «Учением» к басне «Волк с ягненком», имеющей схожую мораль. В пространном «Примечании» к двум басням он, в частности, пишет: «Свирепство гордых еще так бесстыдно, что они людям невозможные бремена на-

---

[28] Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1769. Кн. 3. С. 34–35.

[29] Ежемесячные сочинения. 1756. Янв. С. 63. Подпись: А. С.

[30] *Виниус А. А.* «Зрелище жития человеческого» // Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси… С. 340.

лагают и нелепую на них лгут» (Летранж: 70). Сумароков сохраняет диалог персонажей, при этом его третий стих, пронизанный скрытой иронией: «Старалась правый суд явить ему она» (кошка. — *Е. К.*), усиливает сатирический смысл басни, не нуждающейся в сформулированной морали.

Более откровенно элементы сатиры Сумароков использует в басне «Лисица и терновный куст»,[31] которая является переложением басни из книги Летранжа «Лисица с терновым кустом» на сюжет Эзопа «Лиса и терновник». Лисица бранит терновник за то, что она уколола о него лапы. «Лишь неразумные просят помощи у тех, кому от природы свойственнее приносить вред», — учит Эзоп (Античная басня: 90). Ему вторит Летранж: «Тот очень не умен, кто в нужде или в беде своей у злых людей помощи ищет» (Летрнаж: 315–316). Сумароков акцентирует внимание читателей на характере лисицы. У Эзопа лисица ухватилась за терновник, оступившись. В переложении Летранжа она пряталась от собак. У Сумарокова лисица, которая «науку воровства всю знает наизусть», потянулась за плодами терновника. Сумароков русифицирует сюжет, применяет неожиданные аналогии и подобия: сходство между повадками лисицы и поведением мошенников-подьячих: «Лисице ягоды прелестны на сучках, / И делает она в терновник лапой хватки, / Подобно как писец примается за взятки…». Терновный куст он уподобляет сатире: «мотивы подьяческого стяжательства вводятся в качестве приемов метафорического уподобления, даже не вытекая непосредственно из сюжета притчи».[32]

Интересные последовательные семантические изменения произошли с вариантами басни Эзопа «Волк и козленок» (Античная басня: 112), в которой козленок, оказавшись в смертельной опасности, проявляет хитрость и просит волка сыграть на дудке, чтобы дать ему возможность поплясать и не погибнуть бесславно. Музыка привлекает собак. Убегая, волк говорит: «Так мне и надо. Нечего мне, мяснику, притворяться музыкантом». Мораль басни учит не упускать удобный случай: «Когда люди берутся за что-нибудь не вовремя, упускают и то, что у них в руках». В переложении Летранжа «Волк с козленком» (Летранж: 458–460) волк, «бедный, изодранный» собаками, «лежачи при смерти», также

---

[31] Праздное время, в пользу употребленное. 1760. 18 нояб. С. 320–321. Подпись: *С.*

[32] *Стенник Ю. В.* Русская сатира XVIII века. Л., 1985. С. 62.

сожалеет, что принялся «не за свое дело и ремесло». «Учение» к басне одобряет находчивость козленка: «Ежели хитрого обманщика похвалить, то и самой простак обмануть его может», а в «Примечании» говорится о Божией милости и Провидении, приходящих «одному на помощь, а другому на посрамление». Сумароков добавил в свое переложение басни «Волк и Козленок» психологизм и некоторую меру правдоподобия в отношении животных. Его козленок плачет и дрожит от страха. Он прощается с рощицами, лугами и цветами, а волк заставляет его плясать. В четырех заключительных стихах Сумароков расширяет значение басенной морали, перенося ее в социальную плоскость, и выражает свое отношение к ней: «Волк инако запел, / А именно в зубах собачьих захрипел. / О, если б так всегда стесненный свобождался, / А утеснитель так по-волчью награждался!».[33]

Переосмыслена Сумароковым также басня Летранжа «Птицелов и Скворец» (Летранж: 299–301), восходящая к эзоповскому сюжету «Птицелов и жаворонок» (Античная басня: 139). Летранж рассказывает, что Птицелов, расставивший сети, солгал жаворонку, что строит город, и обманом заманил его под сеть. В «Учении» говорится об опасной доверчивости любопытного человека, который «в чужие дела мешается». Сумароков в четырех начальных стихах басни «Птичник и Сворец», как и Эзоп в сформулированной морали, придает басенной аллегории расширительный социальный смысл и говорит о необходимых нормах общественного устройства: «Чтоб город был народен, / Потребно, чтоб народ был весел и свободен, / Дабы блаженство в нем с довольствием текло / И к жительству людей стремительно влекло».[34]

В некоторых случаях слегка измененная характеристика персонажа меняет смысл басенного сюжета. Так произошло с басней Летранжа «Баба с жирною курицею» (Летранж: 283–285) на сюжет Эзопа «Женщина и курица» (Античная басня: 101), в которой перекормленная и потому разжиревшая курица, вопреки ожиданиям хозяйки, перестала нестись. Летранж начинает басню словами: «У добренькой старушки была такая курица…». Сумароков в басне «Перекормленная курица» объясняет скрытую причину произошедшего: «Старуха некая разбогатеть хотела…».[35]

---

[33] Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 7–8.

[34] Там же. С. 58–59.

[35] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. Ч. 7. С. 254.

Не нарушая сюжета перелагаемой басни, Сумароков иногда наделяет ее другими персонажами и меняет обстоятельства действия. На сюжет Летранжа «Кривой олень» (Летранж: 407–410), восходящий к басне Эзопа «Олень» (Античная басня: 106), он пишет басню «Кривая Лисица». В баснях-предшественниках действие происходит на берегу моря. Оленя, потерявшего зрение на один глаз и остерегавшегося охотников и собак с берега, убивают люди, подплывшие на лодке. У Сумарокова Лисица пьет воду из реки, а смерть она принимает от стрелы рыбака. Летранж в «Учении» к басне убеждает читателя: «Человеку при всяких в жизни своей случаях и всегда себя остерегать надобно»; Сумароков в первых шести стихах спорит с Летранжем: «Хотя и должны мы всегда себя беречь, / Но можно ли во всем себя предостеречь? / Кто скажет „можно“, / Так это ложно: / Нельзя никак. / Я смело говорю, что это так», а затем создает в басне иллюзию устного рассказа, импровизации, используя в своих комических рассуждениях прием «авторского незнания»: «Лисица… была замужняя она, или девица, / Про то / Не сказывал никто. / Могла вдруг девка быть, и баба, и вдовица, / А попросту вдова. / Лишь только сказано, была она крива…».[36]

Перелагая басни, Сумароков в некоторых случаях опускает второстепенные детали сюжета, сохраняя лишь его ядро, а вместо моральной сентенции указывает на тех людей, которых имеет в виду под изображенными персонажами. Так произошло с той басней Эзопа, которую пересказал в стихах Ломоносов, и с ее вариантом — басней Летранжа «Осы в меду». В ней говорится: «В непокрытую кринку меду налетело великое множество ос и шершней, которые, там сидя, так обожрались, что из патоки выдраться не могли, но принуждены были до тех пор сидеть, как хозяйка пришла и, ложкою снявши всех их, передавила» (Летранж: 364–365). В «Учении» и «Примечании» читателя предупреждают об опасности укоренения привычек к «непорядочным веселиям и забавам» и «светским сластям». Сумароков в басне «Шершни» делает своими персонажами самых крупных и опасных для человека летающих насекомых. Басня вместе с моралью, напоминающей пословицу, состоит из восьми стихов: «Шершни на патоку напали / И патоку поколупали. / Застала их хозяйка тут. / И тварь, которая алкала, / Хозяйка всю перещелкала. / Не долог был хозяйский суд. / Хозяйка — истина, а выкулупки — взятки, / Шершни подьячие, которы к деньгам падки».[37]

---

[36] Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 1. С. 18–19.

[37] Там же. С. 55.

Эта притча, написанная в 1762 г. и осуждающая ненавистных Сумарокову подьячих, является, по мнению исследователей, откликом на указ императрицы Екатерины II о запрещении государственным чиновникам под угрозой уголовного наказания брать взятки.[38]

Притчи Сумарокова «Угольщик» и «Красильщик и угольщик» восходят к басне Летранжа «Суконный валяльщик и угольник» (Летранж: 239), которая объединена у него «Учением» и «Примечанием» с басней «Ластовица с дроздом» и советует читателям во всех житейских союзах: в братстве, женитьбе, в дружбе, в купеческих занятиях знать склонность тех людей, с кем «дело иметь случится». Ласточка — птица летняя, она не может дружить с зимней птицей дроздом, а валяльщик не может пустить к себе жить угольщика, который начисто отделанную работу валяльщика «опять вымарает». У Сумарокова традиционная басенная последовательность между повествованием и вытекающим из него нравоучением нарушена, изменена и семантика текста. Его притча служит моральным назиданием об опасности злословия: «Когда худа родня, такие же соседы / Такие же друзья, такие же беседы, / И чистые сердца чернятся иногда. / Не сообщайтеся с плутами никогда! / Где угольщик живет, там черные собаки / И белые в дому все цветом одинаки».[39] Басня «Красильщик и угольщик» стала вторым, несколько расширенным ее вариантом. Она начинается с морали о необходимости избегать знакомства с плохими людьми, которая подтверждается кратким изложением сюжета: «Красильщику был угольщик сосед / Красильщика карает: / Запудрил у него весь дом / И, вьяся, пудра та столпом, / Все краски у него марает».[40]

Столь же лаконично Сумароков перелагает басню Летранжа «Предсказатель» (Летранж: 291–292) на сюжет Эзопа «Гадатель» (Античная басня: 130). Летранж расширил эзоповский сюжет до небольшого рассказа о случае, произошедшем «в некотором городе», где жил предсказатель «на колдуна похожий». Он «трудные вопросы решил и многие вещи наперед угадывал, а для такого промыслу часто по деревням на торги и на ярмонки ездил». Когда «некто, подошедши к нему, сказал, что воры дом его покрали», тот «благим матом домой побежал» и,

---

[38] *Степанов В. П., Степанов Н. Л.* Примечания // Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 541. (Библиотека поэта. Большая серия).

[39] *Сумароков А. П.* Притчи. СПб., 1762. Кн. 2. С. 66.

[40] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. Ч. 7. С. 201–202.

«не доходя до двора», увидел насмешника, который сказал ему: «Что ты другим людям счастие угадываешь, а о себе ничего не знаешь?». Эту басню с двумя другими: «Ворожея» и «Астроном и прохожий» Летранж объединил «Учением», в котором говорится: «Главная сила предсказания в том состоит, чтоб предсказателю — крайнему глупцу и безстыдному вралю, а вопрошающему его — суеверному и лехкомышленному вероимцу быть». Сумароков в короткой притче «Астролог», близкой к анекдоту, дает возможность читателям самостоятельно сделать вывод: «Премудрый Астролог / В беседе возвещал, что он предвидеть мог / Лет за пять ранее, что с кем когда случится / И что ни приключится. / Вбежал его слуга и это говорит: / „Ступай, ступай скорей домой, твой дом горит“».[41]

Переложением басни Летранжа «Овчар с Волчонком» (Летранж: 422–424) стала притча Сумарокова «Волчонок собакою». Она интересна тем, что автор, не используя прямой речи персонажей, имитирует ее. Сначала звучит голос автора, лаконично описавшего ситуацию: «Волчонка взял пастух и вырастил его у стада своего», потом возникает голос наивного пастуха: «Волчок Овцам добра желает / И на Волков по-песью лает <…> / Волчонок наш Волчок <…> Теперь он брат Овец, / Как вырастет совсем, так будет им отец». Его сменяют размышления Сумарокова, который набрасывает покров тайны на финал. Автор ведет разговор с читателем, не утверждая, что ситуация разрешится печальным исходом, но предполагая его: «Однако в деле колком / Не прямо ведом мне предбудущий их рок. / Так трудно прорекать, да я ж и не пророк, / Но молвлю наугад: Волк, чаю, будет Волком, / А подлинно сказать, конечно, не могу, / А ежели скажу, так, может быть, солгу». В «Примечании» к басне Летранж пишет, что «хотя злые склонности чем-нибудь во время утеснены или притворством скрыты будут, только худая природа ни добрым воспитанием, ни полезными увещании не переменится». Комментируя это утверждение, Сумароков в пятом и шестом стихах объясняет природу временного притворства волчонка: «Тому причина та, что стал он верный раб. / Причина верности: Волчок гораздо слаб». У басен Летранжа и Сумарокова разные финалы. Овчар Летранжа, увидев, что волк потащил барашка к лесу, догнал его «у самой рощи» и «на высокое дерево повесил». Персонаж Сумарокова

[41] Там же. С. 251.

плачет, а автор осуждает его: «Поплачь, дурак, а впредки из Волков не делай ты собак».[42]

Басня Сумарокова «Два прохожие», по-видимому, восходит к сюжету Эзопа «Путники» (Античная басня: 103–104), а не к басне Летранжа под названием «Двое проезжих и мешок денег», как полагает Е. Имендёрфер. Сюжет Эзопа и его переложение Летранжем различаются существенными деталями. Летранж рассказывает, что два человека ехали на телеге. Один из них, «нечто поднявши», другому сказал: «Я, брат, мешок с деньгами нашел». Товарищ ему ответил: «Не говори: я нашел, да скажи, что мы нашли, для того, что нас двое и всякую находку должны делить пополам. Только что он сие слово выговорил, <…> в стороне сделался от набегающих людей великой крик: „Воры, воры, лови, лови“. Находчик мешка, испужавшись, товарищу своему сказал: „Куда нам, братец, деваться? Пропали мы с тобой!“ „Что, брат ты это врешь“ — отвечал товарищ. Не говори: „Мы пропали“, да скажи: „Я пропал“. Когда <…> ты всем мешком один завладел, так пускай же тебя, поимавши, одного и повесят, а я с тобой для компании на виселицу не хочу» (Летранж: 437–439). «Учение» басни учит житейскому правилу: «В договоры и обязательства вступающие должны зло и добро вместе нести и всякие случаи поровну делить», а «Примечание» рассказывает о разном поведении в такой ситуации честного человека и человека лукавого. В переводах Гозвинского («О двою путешественницех») и Кашинского («О дву путешественницах») находкой становится секира, а в переложении Кашинского «О двух товарыщах» спор идет о коне.[43] В «Зрелище» Виниуса этот сюжет отсутствует. В басне Сумарокова, как и у Эзопа, причиной ссоры стал топор, ее персонажами были путники, шедшие по дороге, а виселица, как наказание, не упоминается. Русифицируя эзоповский сюжет, Сумароков превращает его в поучительный эпизод из деревенской жизни. Крестьяне узнают топор по приметам, обвиняют прохожего в воровстве: «С дубьем бегут со всех дворов / И все кричат: „Топор деревни этой, / Таков и эдаков приметой“. / По всей о топоре в деревне шум; / Крестьяне завсегда в таких случаях дружны. / Хозяин топора в то время всем был кум, / Все стали кумовья, и куму все услужны. / А бабы все кумы». Мораль

[42] Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 13–14.

[43] *Тарковский Р. Б. Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси… С. 236, 283, 412–413.

басни кратко формулирует второй мужик: «И слов и так, и сяк, мой друг, не изгибай. / Один нашел топор, один и погибай».[44]

Позволим себе несколько расширить список басен Сумарокова, опиравшихся на сюжеты из книги Летранжа. Сочинения Сумарокова в басенном жанре прочными нитями были связаны с его творчеством в других жанрах, а книга Летранжа подсказывала ему мотивы и сюжеты для реализации своих мыслей и чувств. В основе басни Летранжа «Собака на сене» (Летранж: 263–264) о собаке, не допускающей лошадей до овса и сена, в которых сама она не нуждается, лежал широко распространенный средневековый латинской сюжет из Ульмского издания 1476 г. «Завистливая собака» (Античная басня: 256). В «Зрелище жития человеческого» Виниуса есть переложение этого сюжета под названием «О воле и псе». Собака не дает волу насытиться ему уготованным сеном: «Иди от мене, сие бо сено аще мы и не ямы, обаче постеля моя есть».[45] К этому сюжету восходят старинная русская поговорка «Сам не ям и другим не дам» и фразеологизмы: «Ни себе, ни людям», «Собака на сене». Работа Сумарокова над притчей «Ненадобное сено» велась, по-видимому, в ту пору, когда он писал комедию «Лихоимец» (1768), третью комедию о скупом человеке, одержимом страстью к деньгам после «Приданого обманом» (1756) и «Опекуна» (1764). Сюжет в переложении Летранжа послужил для Сумарокова основой для резкого сатирического высказывания. Его притча представляет собой характеристику гротескного образа центральных персонажей уже написанных комедий и содержит черты следующего сатирического образа — «изморщенного» старика Кащея из «Лихоимца». Сюжет басни, кратко изложенный в шести стихах, предваряется и завершается гневными страстными репликами против скупых людей: «Презрителен и гнусен / Ненасытимый человек, / Который в весь свой век / Лишь деньги собирать искусен, / И кто своих питает так людей, / Как кормит живодер на одрань лошадей, / Богатством ни себе довольства не являя, / Ниже его другим на нужды уделяя». И далее, после краткого изложения басенного сюжета: «Скупой! / Вот образ твой. Всех больше страсти сей подвластны старички <...> / Иссохшие во злобе, / И почитай уже лежащие во гробе, / Изморщенные, как сверчки, / Или

[44] Притчи Александра Сумарокова. Кн. 1. С. 42–43.

[45] *Виниус А. А.* «Зрелище жития человеческого». С. 315.

согнившие сморчки. / Такому псу желают люди смерти, / И чтоб его скорей отселе взяли черти».[46]

В отличие от тех переложений, которые Сумароков превращает в бытовую сценку с диалогами, в некоторых случаях он опускает диалоги оригинала, сохраняет их только в финале и придает им значение басенной морали. Из трех притч Сумарокова под названием «Конь и Осел» самая ранняя, опубликованная в 1756 г. в «Ежемесячных сочинениях», является, как нам представляется, переложением басни Летранжа «Лошадь и Осел» (Летранж: 167–182). Басня о судьбе спесивого коня имеет большую историю. Она стала известна на Руси в прозаическом переводе П. Кашинского «Книга глаголемая Притчи Езопа Францского» (1675),[47] Ее сюжет под названием «Конь и Осел» восходит и к басне Федра, и к басне Бабрия, но разными составляющими его мотивами. Федр в большей степени описывает надменность и высокомерие коня, а Бабрий — зависть, которую испытывает к нему осел.[48] А. А. Виниус объединил эти мотивы в басне «О Коне и Осле».[49] Оба мотива присутствуют и в басне Летранжа. Но, в отличие от лаконичных басен предшественников и обычно кратких переложений самого Летранжа, этот сюжет в его изложении представляет собой живую занимательную сценку. Басня относит описанные в ней события к «старым годам», когда «лошади халдейским языком говаривали». По мнению М. К. Брагоне, этим выражением переводчик С. С. Волчков заменил упоминание латинского и греческого языка у Летранжа, желая устранить «ссылку на античность» и «включить повествование в контекст, связанный с Библией и библейскими персонажами», о которых говорится в пространном примечании к басне.[50]

Летранж описывает, как лошадь в богатом серебряном уборе, догнав навьюченного осла, назвала его «гнусной скотиной», ударила копытами, объявила, что в лице своего господина «все благополучие государства»

---

[46] Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 40–41.

[47] *Тарковский Р. Б.* Переводчик Эзопа Петр Кашинский: (Из истории древнерусского перевода) // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 46. С. 134, 152.

[48] *Федр, Бабрий.* Басни / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М., 1962. С. 77, 154 (Сер.: Лит. памятники).

[49] *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси… С. 347.

[50] *Брагоне М. К.* Эзоп в России XVIII века: Несколько наблюдений над переводом С. С. Волчкова… С. 75.

на себе носит, а потом столкнула в канаву. Размышляя дома «над ржаною соломою», Осел готов был пожертвовать своим ухом, лишь бы поменяться участью с лошадью. Но «на другой или на третий год» он увидел, что на лошади, сильно исхудавшей, возят навоз. Получив ранения на войне, она стала калекою и теперь не годится даже для упряжки в коляску. «В такой-то печальной перемене счастья ты меня видишь», — сказала она. Текст басни, занимающий в книге Летранжа три страницы, снабжен пространным примечанием на девяти с половиной страницах. Летранж осуждает гордость Коня и завистливость Осла: «Гордость и зависть такие две жестокие страсти, которые между всем родом человеческим наибольшее зло и вред с беспокойством, а в сердцах наших сильнейшее движение причиняют» (Летранж: 172). Он пересказывает ветхозаветное предание о Мардохее, обладавшем «некрадимым сокровищем доброй своей совести» и Амане, страдавшем «болезнью гордости», которую «ничем утолить невозможно», а заканчивает свои размышления описанием разных причин гордости, которым подвержены люди: «Одних гордость состоит в естве и питье; другие гордятся склонностью подлого народа; третьи гордятся красотою своего лица и тела с богатым платьем и убранством; четвертые красноречием и великодушием хвастают, а ни ума, ни храбрости не имеют; пятые лгут, будто львов и медведей дюжинами побивают, а как сильнейшие на них нападут, то в землю кланяются и за ноги хватают. Все сие уподобление касается до Езоповой гордой лошади. Что до ословой зависти принадлежит, то она двойное безумие» (Летранж: 180–181). Смысл и стиль этих рассуждений Летранжа едва уловимо проявились через несколько лет в монологе о гордости одного из персонажей комедии Сумарокова «Нарцисс» (1768–1769): «Недостойный богач величается богатством, высокопарный — великолепием, петеметр и петиметрка — щегольством, а Нарцисс — красотою: кто на чем сойдет с ума, тот тем и дурачится».[51] Бабрий в своих баснях рисовал картину мира, где царит несправедливость и сильные гнетут слабых. Он призывал людей довольствоваться своей скромной долей, не посягая на большее.[52] В том же ключе завершает свой комментарий Летранж: «Единый и лучший способ благополучия и спокойства есть сие, дабы то человеку терпеливо нести, чего

[51] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех соч. М., 1787. Ч. 5. С. 210.

[52] *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. О поэтах. М., 2018. С. 280.

переменить нельзя <...>. А пока человек своей долею и состоянием доволен, до тех пор и счастлив. По сему сапожник и портной в теплой избе за своею работою гораздо счастливее Амана во всей его славе и богатстве» (Летранж: 181–182). Сумарокову была чужда философия смирения. Его басня построена на контрасте. Мотив зависти в ней отсутствует, а напряжение предстоящего конфликта создается в первых же стихах. «Конь гордый на пути украшен серебром, / Как рыцарь некакий, встречается с Ослом» (заметим, что серебряные украшения коня упоминаются только Летранжем и Сумароковым). В басне нет ни одной лишней детали, за исключением того, что Конь требует уступить ему дорогу, хотя он ее «не откупил» — намек на практику введения откупной системы взимания поборов с населения. Следующая встреча персонажей происходит, когда их участи уже переменились. Мораль басни вытекает из самого сюжета и акцентируется в последней реплике персонажа. Для усиления контраста Сумароков использует редко употребляемый глагол «мерзить» — испытывать омерзение, отвращение «Где, — спрашивал Осел, — ты ныне спесь девал? / Я помню, как на нас на бедных ты плевал». / «Ах, — он ответствовал. — Как я мерзил тобою, / И вижу ныне то вседневно над собою».[53]

Тема изменчивости судьбы, внезапной перемены участи была одной из самых распространенных в эзоповских баснях. Притча Сумарокова «Орел» стала одним из ее вариантов, хотя отчасти сохранила и иное, изначальное толкование сюжета, к которому она восходит. Самое раннее упоминание сюжета об орле, который был убит стрелой с прикрепленными к ней орлиными перьями, было в трагедии Эсхила (V в. до н. э.) «Мирмидоняне», сохранившейся в отрывках. Птица обвиняет людей в использовании ее перьев против нее самой и утверждает, что люди научились этой жестокости в общении друг с другом. Сюжет получил широкое распространение у баснописцев и художников разных времен и народов. Он был включен в книгу эмблем Гийома де Ла Перрьера (1544) «Le théatre des bons engins» — «Театр изящных приспособлений». Птица, высматривающая зайца, и охотник, метившийся в нее, были изображены в книге эмблем «Devises et emblèmes» Даниэля де ла Фейля (1691). Версия басни «Лучник и Орел» со ссылкой на Эзопа была напечатана в книге «Басни Эзопа и Бабриуса» в стихотворном

[53] Ежемесячные сочинения. 1756. Янв. С. 64. Подпись: А. С.

переводе Дж. Б. Роуза (Дувр, 1870. P. 87). Гозвинский в переложении «О орле» и Кашинский в басне «О орле пострелившему» по-своему истолковали сюжетную ситуацию: Орел, пронзенный стрелой насквозь, увидев ушко стрелы, в окружении своих перьев «пред очима его стояше», воскликнул: «От своего перия сам умираю!».[54] Басни, опирающиеся на этот сюжет, имели различные толкования: от латинской пословицы «Sagitta interdum resiliens percutit dirigentem» («Иногда стрела возвращается к выпустившему ее») до осуждения гордыни, осознания вины в собственной смерти и невозможности полагаться на свои силы, до обвинения людей в том, что одни становятся оружием против других, как у Лафонтена в басне «L'oiseau blessé d'une flèche» («Птица, раненая стрелой»). Басня Лафонтена в различных изданиях была иллюстрирована гравюрами Е. Ламберта, Ж.-Б. Угри, Ф. Шово, Г. Доре, К. Жиродо и других художников.

В книге Летранжа басня «Орел со стрелою» (Летранж: 199–200) объединена «Учением» и «Примечанием» с другими баснями («Лес и топор», «Мужик и клин» и «Дрозд птичьим клеем поиман») одной моралью: «Человеку в несчастии то горестнее всего, ежели от безумия своего пропадает, или сам своей беде причиною сделается»: «Орел, сидячи на пне, хотел зайца поймать, а между тем самого его стрелою ранили...». В «Примечании» говорится о необходимой предосторожности в поступках, о предусмотрительности и опасных следствиях от исполнения безрассудного обещания, что больше касается басни «Лес и топор»: Лес щедро позволил Плотнику взять у него не одно, а два топорища, а потом пожалел об этом. В басне Сумарокова повествовательная часть превалирует над моралью. Он не упоминает о хищных намерениях птицы, а описывает ее мощный и свободный полет и чувства, которые она испытала, когда этот полет неожиданно прервался: «Орел летит, / И воздух весь под ним, колебляся, свистит. / Он тучи попирает / И к солнцу свой полет отважно простирает, / И всю подсолнечну оттоле озирает. / Он выронил перо в полете из крыла, / И стало копейцо от этого стрела. / Стрелок Орла подметил, / И в самых облаках стрелой Орла осетил. / Падет Орел, и пад, сии слова вещал, / Когда он томный дух из тела испущал: / „С тоской мой боль умножен, / Что прежде был, летя, я толь не осторожен, / Дал сам из крыл моих

[54] *Тарковский Р. Б. Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси... С. 247, 293.

оружье на себя. / О ты, перо мое, кончаюсь от тебя!“».[55] Обращение к сфере чувств придавало лиризм басенному сюжету. В то же время, некоторые сюжеты из книги Летранжа Сумароков перелагал, не внося в них заметных изменений. Это касается коротких басен: «Стрелок и Змея» (у Летранжа — «Стрелок с голубем») «Два крадуна» (у Летранжа — «Два малых и повар»), «Свинья и Волк» (у Летранжа — «Волк и свинья»), «Судно в море» (у Летранжа — «Два неприятеля на море»).

В своей басенной практике Сумароков трижды использовал композиционный прием Летранжа, объединявшего одной моралью схожие басенные сюжеты. Сумароков применил его в баснях собственного сочинения и делал это по-своему. Басня получала два названия и один сюжет перетекал в другой. Рассказ о расхрабрившейся мышке, которая заявила, что не боится кошки, но, увидев ее, испугалась («Мышь и кошка»)[56] Сумароков завершает словами: «Коль эта притча не сладка, / Лишь только для того, что очень коротка, / Во вкус нельзя войти всего мне света, / Подоле эта: Боярин был, боярыня была…» Дальше следует текст притчи «Боярин и боярыня», напоминающий эпизод из комедии Сумарокова «Пустая ссора» (1757): Боярин хочет с помощью слуги воспротивиться своей властной и вздорной жене, но с позором бежит от нее. Сюжетную пару составляют также притчи «Лекарский слуга» и «Криводогадливые собаки».[57] Они связаны словами: «Другая басенка». Басни «Кораблекрушение» и «Осада Византии»[58] объединены только общим смыслом, вытекающим из их сюжета: в критической ситуации нужно принимать разумное решение. Другие русские баснописцы этот прием не использовали.

Переложив восемнадцать сюжетов из книги Летранжа, Сумароков расширил свой басенный репертуар, а в тех случаях, когда обращался к их сюжетам вторично, по-иному раскрывал их выразительные возможности. При этом он часто расширял узкие рамки заимствованного повествования и менял его смысл, наполнял басни актуальными для него сатирическими высказываниями. Это еще раз подтверждает наблюдение В. П. Степанова, что Сумароков «постоянно жил в мире идей

---

[55] Притчи Александра Сумарокова. Кн. 3. С. 51–52.

[56] Там же. Кн. 1. С. 34.

[57] Там же. Кн. 3. С. 44–45.

[58] Там же. С. 45–46.

и образов собственного творчества».[59] Но уже в 1760-е гг. басенное творчество Сумарокова имело не только последователей, но и противников. На смену его сатирическим притчам пришли басни просветительские, в стиле спокойного рассудительного повествования с отчетливой моралистической направленностью.

Некоторые сюжеты из сборника Летранжа обрели новую жизнь в русской рукописной литературе 1770–1780-х гг. в среде крестьян, мещан, посадских людей, купцов, мелких чиновников, младших воинских чинов, став основой для девятнадцати стихотворных жартов.[60] «Забавные» «увеселительные» жарты писались ритмической рифмованной прозой — тоническим стихом, популярным среди сказочников и раешников. Сочинителей жартов привлекала в баснях не мораль, а «забавные положения, которые можно было приспособить к излюбленной для данного слоя читателей форме — рифмованной веселой новелле».[61] Четыре их сюжета отличались от басен-оригиналов («Рыбак с дудкою», «Юпитер с пастухом», «Малой с ласточкой», «Овчар пошел в купечество») лишь настолько, насколько этого потребовала рифма. В восьми случаях автор жарт продолжает басенный сюжет, придавая ему повествовательный характер, иногда давая тексту новое название. Басня «Венера с кошкою» переложена в жарт «О молодом человеке», басня «Предсказатель» — в жарт «О вещуне», басня «Детина с ложным криком» — в жарт «О малом безумном». К басням Летранжа и названиями и сюжетами близки жарты «О пьянице», «О старом с женами», «О докторе с больным», «О хвастуне», «О старике и смерти» (Адрианова-Перетц: 385–387). Некоторые жарты, сохраняя основу басенных сюжетов, сильно отличаются от них. Жарт «О шуте с лгуном» восходит к басне «Орел и Галка», в которой посрамляется галка, захотевшая подражать орлу. В жарте высмеивается лгун, рассказавший историю о необыкновенных, якобы виденных им, галках. Сюжет Эзопа «Лев и крестьянин» перелагали Бабрий, П. Кашинский, Лафонтен. На этот сюжет из книги Летранжа «Любовью ослепленный Лев» был сочинен жарт, персонажем которого вместо Льва стал дворянин. Отец девушки, крестьянин,

---

[59] *Степанов В. П.* Комментарии // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 186.

[60] *Адрианова-Перетц В. П.* Басни Эзопа в русской юмористической литературе... С. 377.

[61] Там же. С. 399–400.

отказывает сватающемуся к его дочери дворянину, ссылаясь на неравенство невесты и жениха, а затем испытывает его разгадыванием загадок («О дворянине с девкою»).[62] В жарте на сюжет басни «Осел и постельная собака» произошла замена осла дворовым человеком. Ярким бытовым образом ворожейки заменен Меркурий (басня Летранжа «Меркурий и путешествующий») в жарте «О обманщике». К многочисленным народным анекдотам о столкновении представителей двух национальностей близок жарт «О двух товарищах» (басня «Двое проезжих и мешок денег»), персонажами которого стали русский и цыган. Таким образом, басни в переложении Р. Летранжа в 1760–1780-е гг. оказались востребованы представителями различных слоев русского общества. Их переложения служили образовательным, нравоучительным, сатирическим и увеселительным целям.

---

[62] Подробнее см.: *Архангельская А. В.* Люди и звери в баснях и фацециях: параллели, трансформации и метаморфозы // Риторика бестиарности: Сб. статей. М., 2014. С. 9–15.

Е. Д. КУКУШКИНА

ЦЕНЗУРНАЯ, АВТОРСКАЯ И РЕЖИССЕРСКАЯ ПРАВКА ТЕАТРАЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ А. П. СУМАРОКОВА

Рано сформировавшееся у Сумарокова стремление к творческой независимости и самолюбие, как черта характера, проявились не только в отрицании следования литературным авторитетам,[1] но и в резком неприятии любого вмешательства в тексты его сочинений. При этом его личное представление о неприкосновенности интеллектуальной собственности не имело в то время никаких правовых оснований. Цензура возникла в России задолго до появления авторского права — частной привилегии, предоставляемой создателю произведения.

Литературная деятельность Сумарокова началась в пору правления императрицы Елизаветы Петровны, когда существенно оживилась издательская деятельность Академии наук, которую в 1746 г. возглавил граф К. Г. Разумовский. 27 января 1748 г. в Академической канцелярии он объявил об указе императрицы «стараться при Академии переводить и печатать на русском языке книги гражданские различного содержания, в которых бы польза и забава соединены были с пристойным к светскому житию нравоучением».[2] Переводчикам была обещана плата в виде

---

[1] Ср.: «Я <...> без проводника проходил <...>. Русским языком и чистотою склада ни стихов, ни прозы, не должен я никому, кроме себя...» (см.: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 9. С. 277–278).

[2] *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. 1700–1863. М., 2011. С. 14.

© Е. Д. Кукушкина, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-109-127

ста печатных экземпляров книги. Это были первые факты формирования представлений о литературной собственности и вознаграждении за писательский труд в России, которые на протяжении XVIII в. претерпели много испытаний и изменений.

Все издания печатались под цензурным надзором Академии наук, за исключением «Санкт-Петербургских ведомостей», которые указом от 18 марта 1742 г. были подчинены цензуре Сенатской конторы. Правила и порядок цензуры всегда зависели от усмотрения лиц, возглавлявших Академию. Обязанности цензора исполняли то специально назначенные лица, то академики или академические переводчики. В задачу цензора входило просмотреть, чтобы в книге не было ничего, противоречащего «законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося».[3] Однако цензоры, сами не чуждые литературного творчества, превращали цензурные заключения в критические отзывы. Они высказывали свое мнение о достоинствах и недостатках книг, обращали внимание на авторский слог. Конфликты Сумарокова в 1740–1750-е гг. с В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым по этому поводу подробно изложены в книге М. С. Гринберга и Б. А. Успенского «Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов» (М., 2001).

28 октября 1747 г. Сумароков писал К. Г. Разумовскому:

> Я намерен издать сочиненную мною трагедию «Хорев» в свет. А понеже, милостивый государь, исполнение моего желания зависит от особы вашей, — того ради приношу оную вашему сиятельству для рассмотрения и, ежели она напечатания достойна, то прошу, милостивый государь, приказать ее напечатать за мои деньги литерами, называемыми корпус, с прокладыванием лубочков, в большую октаву, числом 1200 экземпляров, с таким определением, чтоб и впредь против воли моей сей моей трагедии других эдиций в Академии не печатать <...> Еще прошу, сиятельнейший граф, ежели будет на то ваше соизволение, приказать употребить к тому бумагу такую, какую я потребую, а деньги с меня взыскать, хотя до печатания, хотя после печатания...[4]

Свидетельства конфликтных ситуаций в связи с публикацией трагедии Сумарокова «Хорев» не получили документального подтверждения или, возможно, не сохранились, но они отчетливо отозвались не-

---

[3] *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. СПб., 1913. С. 2.

[4] *Сумароков А. П.* Письма / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 68.

сколько позже в репликах персонажей его комедии «Чудовищи», где высмеивался В. К. Тредиаковский, и в «Эпистоле о стихотворстве» (1748), содержащей нелестные намеки на Тредиаковского и Ломоносова.

В начале октября 1748 г. Сумароков подал в Канцелярию Академии наук, осуществляющую цензурный надзор, свою новую трагедию «Гамлет». Работая над ней, он пользовался, по мнению М. П. Алексеева, прозаическим переводом-пересказом пьесы Шекспира, выполненным в 1745 г. Лапласом (P.-A. de La Place) и опубликованным во втором томе его «Английского театра».[5] Отношения в русских писательских кругах к этому времени были уже заметно обострены. Об этом свидетельствуют исключительные требования Канцелярии к профессорам Тредиаковскому и Ломоносову освидетельствовать пьесу в кратчайшие сроки и при этом не вмешиваться в авторский «штиль». Тредиаковскому отпускалось для этого 24 часа, после чего он должен был передать пьесу Ломоносову. По-видимому, столь строгие условия работы рецензентов объяснялись также покровительством графа К. Г. Разумовского, брата А. Г. Разумовского, адъютантом которого служил Сумароков.[6]

Рецензия Ломоносова, в которой говорилось, что в пьесе нет ничего предосудительного, носила формальный характер. Тредиаковский, в отличие от него, сделал множество замечаний. По его мнению, необходимые элементы трагедии — ужас и жалость, — хотя и присутствуют в «Гамлете», но не выдержаны до конца. Он отметил неровности стиля, местами сниженного до «площадного», не подходящего для трагедии, «негладкие и темные» стихи. Эти замечания не могли понравиться Сумарокову. Но более всего его возмутили поправки и подчеркивания Тредиаковского, сделанные карандашом на полях рукописи, а также покровительственный тон рецензии, предлагавшей «показать автору некоторое снисходительство». Сумароков стер все карандашные пометы Тредиаковского, но поскольку они просматривались на бумаге, сделал на титульном листе надпись: «Подчертки карандашом не значат ничего».[7]

---

[5] *Алексеев М. П.* Первое знакомство с Шекспиром в России // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 24.

[6] *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов. М., 2001. С. 14.

[7] Там же. С. 14–15.

Тем не менее, уже через шесть дней после подачи Сумароковым трагедии на рецензию она была принята к изданию, а 3 декабря напечатана. Однако сценическая жизнь трагедии «Гамлет» оказалась весьма сложной и непродолжительной. Трагедия, по мысли Сумарокова, должна была оправдать дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла Елизавета Петровна. Представленная в начале 1750 г. (точная дата не установлена), она снова репетировалась 15 ноября, по-видимому, по требованию Сумарокова, недовольного исполнителями, 9 февраля 1752 г. трагедию играла труппа актеров-ярославцев, обучающихся в Шляхетном корпусе, дважды она представлялась осенью 1757 г. (9 октября и 6 ноября) в «Оперном доме», и один раз 22 января 1758 г. на придворном театре. В Москве трагедия была представлена только один раз, 1 октября 1760 г.[8] После 1762 г. пьеса уже не могла быть представлена из-за возможности увидеть в ней сходство между путчем Клавдия и дворцовым переворотом Екатерины II. Аналогии между Гамлетом и цесаревичем Павлом легко прочитывались не только в России. В 1782 г. в Вене актер И. Ф. И. Брокман (1745–1812) отказался исполнять роль Гамлета в трагедии Шекспира, заявив, что в театре окажутся «два Гамлета», так как в ложе придворного театра присутствовал Павел Петрович. Представление было отменено, а актер награжден за предусмотрительность.[9]

Резко отрицательные отзывы на «Эпистолы» Сумарокова, в «Предуведомлении» Тредиаковского к переводу «Аргениды» Барклая, завершенного в 1749 г., касались не только литературной стороны, но и личности Сумарокова. Они во многом определили содержание и художественные приемы комедии Сумарокова «Тресотиниус», написанной в начале 1750 г. с намерением высмеять Тредиаковского.

Еще до первого представления, состоявшегося 24 февраля 1750 г., комедия Сумарокова распространялась в списках. Тредиаковский, располагавший одним из них, в «Письме от приятеля к приятелю»[10] обвинил Сумарокова в кощунстве. Реплика персонажа пьесы Оронта: «Однако душа его будет прискорбна, ежели того ему напечатать не позволят»,

---

[8] *Ельницкая Т. М.* Репертуар драматических трупп // История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1: От истоков до конца XVIII века. С. 443.

[9] *Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901. С. 159.

[10] Подробнее об этом см.: *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского… С. 21–26, 44–57.

по замыслу автора комедии намекала на болезненное отношение Тредиаковского к публикации его стихов.[11] Это был перифраз слов Христа (Мф 26: 38): «Прискорбна есть душа моя до смерти». По-видимому, Сумароков счел разумным исключить сомнительную реплику из текста пьесы. В нескольких списках 1750-х гг. эти слова сохранились, но в печатном издании они отсутствуют.[12] Защищаясь от нападок Сумарокова, которыми была наполнена комедия, Тредиаковский обратил внимание на ее несоответствие драматическим образцам и подражательность всего литературного творчества Сумарокова, указывая на зависимость «Тресотиниуса» от комедии Л. Гольберга, «Гамлета» — от трагедии Шекспира, а «Эпистолы» — от поэмы Буало. Сумароков отверг эти критические замечания в статье «Ответ на критику», написанной в июне-июле 1750 г.,[13] и продолжил дискредитацию Тредиаковского в комедии «Чудовищи» (1750), изобразив своего литературного соперника, как и в «Тресотиниусе», неудачливым женихом-педантом.

Комедии Сумарокова были представлены при дворе императрицы Елизаветы Петровны учащимися Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Они подорвали репутацию Тредиаковского и во многом определили его дальнейшую судьбу.

Хотя в 1760 г. шляхетский корпус получил право печатать в своей типографии любую гражданскую книгу, просмотренную Конференцией корпуса,[14] а не Академической канцелярией, Сумароков не делал попыток напечатать свои комедии. «Тресотиниус» и «Чудовищи» впервые были опубликованы Н. И. Новиковым в 1781 г. в «Полном собрании всех сочинений» А. П. Сумарокова, оставшись в истории фактами острой литературной полемики 1740–1750-х гг.

Цензурные замечания, повлекшие за собой серьезные конфликты, заставляли Сумарокова впредь напоминать рецензентам о неприкосновенности текстов своих сочинений. Готовясь издавать свой журнал «Трудолюбивая пчела», он писал в Канцелярию Академии наук 14 декабря 1758 г.:

---

[11] Там же. С. 31.

[12] См.: *Николаев С. И.* Комментарии к комедии «Тресотиниус» // Полное собрание сочинений А. П. Сумарокова. Комедии (готовится к печати).

[13] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений... М., 1787. Ч. 10. С. 103–105.

[14] *Шамрай Д. Д.* Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 301.

> Вознамерился я издавать журнал для услуги народной. Того ради покорно прошу, чтобы повелено было в Академической типографии оный мой журнал без остановки на чистой бумаге в осьмуху печатать по двенадцать сот экземпляров, а деньги с меня по прошествии всякой трети взыскивать. Что же касается до рассмотрения изданий, нет ли в оных чего противного, сие могут просматривать, ежели благоволено будет, те люди, которые просматривают академические журнальные издания, моих изданий слогу не касаяся.[15]

Академическая канцелярия в лице И.-К. Тауберта и М. В. Ломоносова отказалась рассматривать журнал, найдя для этого формальный предлог. Они сослались на то, что Сумароков задолжал Академической типографии за прежде напечатанные сочинения и на свою занятость: «члены канцелярии, имея по должности своей довольно других дел, в рассмотрение его пьес вступать не могут. А ежели, паче чаяния, в оных усмотрена будет после какая противность, в таком случае кто будет в ответе?».[16] Пытался помешать выходу журнала и фактор Академической типографии Розе, ссылаясь на большое количество незаконченной работы и неисправность печатных станков.[17] Однако К. Г. Разумовский своей волей разрешил издание «Трудолюбивой пчелы». Цензура журнала была поручена академику по кафедре астрономии Н. И. Попову. В распоряжении, данном ему, говорилось о необходимости просматривать материалы журнала и «ежели во оных усмотрит что противного, напоминать о том издателю». В тот же день к распоряжению Попову было сделано существенное уточнение: «...если усмотрено будет Вами что противное в деле, а не в слоге, то напоминать о том господину издателю; в прочем же подписывать на поле, что оные пиэсы читаны Вами и притом означа день получения и отсылки и отдавать для набора в типографию без всякого задержания».[18] Однако вскоре Сумароков потребовал другого цензора, ссылаясь на пьянство Попова, так как «что он подчеркивал, то ясно доказывает о его, во время просматривания, состоянии». Причем он обратился не только с доношением в Канцелярию Академии наук, но и к императрице Елизавете Петровне. По ее указу математики С. К. Котельников и С. Я. Румов-

---

[15] Письма русских писателей. Л., 1980. С. 84–85.

[16] *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры... С. 27.

[17] *Шамрай Д. Д., Берков П. Н.* К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 400.

[18] Там же. С. 400–401.

ский, сменившие Попова, вопреки их неудовольствию, вынуждены были «опасаяся ссоры и от того худых последствий <...> многие вещи без поправки пропускать, ибо его высокородие отнюдь не хочет ничего в оных сочинениях допустить поправить». Появившиеся в журнале статьи, направленные против Ломоносова, и попытка Сумарокова опубликовать «Слово похвальное о государе императоре Петре Великом» с нападками на «суеверов» — духовенство и с противопоставлением правления Петра I правлению Елизаветы Петровны, заставили Ломоносова вмешаться в процесс публикации. Последовали жалобы, как Ломоносова, так и Сумарокова И. И. Шувалову, и выпуск журнала прекратился.[19]

В первый же год своего правления Екатерина II распорядилась печатать все сочинения Сумарокова в типографии Академии наук за казенный счет. Однако он едва не лишился этой привилегии, опубликовав в сентябре 1764 г. без одобрения императрицы «Оду королю польскому Станиславу Августу, новоизбранному Пиясту». В оде увидели намек на возможность династического брака Екатерины II и Станислава Понятовского. Почти весь тираж оды (300 экз.) был уничтожен. В своем оправдательном письме императрице Сумароков писал: «Ода не выйдет из моих рук. Два экземпляра безвозвратно потеряны, но два экземпляра не произведут никакого впечатления в публике; впрочем, во всем этом сочинении и нет ничего, что могло бы внушить какое-то подозрение разумным людям. Выражение „Да укрепятся в них союзы“ никоим образом не может неприятно поразить чей-либо слух, не имея иного значения, кроме того, что я желаю союза двум славянским народам...».[20]

1760-е гг. оказались весьма продуктивными для драматургического творчества Сумарокова. Им были написаны новые пьесы и внесены коррективы в старые. Существенно отредактированы и сокращены тексты трагедий «Хорев» и «Синав и Трувор».[21] Была подвергнута редактуре комедия «Приданое обманом» (1756), еще не печатавшаяся. Сумароков опустил в ней эпизод, в котором отрицательный персонаж

---

[19] *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры... С. 28–30.

[20] Письма русских писателей XVIII века... С. 99, 197 (Письмо Сумарокова после 1 февраля 1765 г.).

[21] Об исправлениях, внесенных Сумароковым, см.: *Стенник Ю. В.* Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 247–257 (XVIII век. Сб. 6).

Салидар ставил под сомнение пользу от открытия Кадетского корпуса. Исключен фрагмент, высмеивающий появившиеся в русском театре «слезные драмы», так как к этому времени эпизоды в духе сентиментальной литературы проникли в его собственные комедии. Кардинальные изменения коснулись финала этой пьесы. Скупец Салидар, поневоле подписавший распоряжение о приданом для дочери, в первом варианте комедии произносил гневные слова о тех, кто выдумал приданое, и желал «дурным девкам» «не видать мужей, как ушей своих». Личные обстоятельства и переживания Сумарокова, который стал беспокоиться о судьбе своей дочери, заставили его изменить реплику Салидара, хотя это противоречило характеру персонажа. В новом варианте комедии он произносил слова сочувствия «прекрасным дочерям небогатых отцов», которые засиживаются в девках. При подаче пьесы на цензуру в Конференцию Академии наук 12 января 1769 г. Сумароков указал, что пьеса в старой редакции играна уже несколько лет. Этого упоминания оказалось достаточно, чтобы получить цензурное одобрение. В том же году комедия была напечатана.[22]

Летом 1768 г. Сумароков, написал трагедию «Вышеслав» и комедии «Лихоимец», «Ядовитый», «Три брата совместники». Цензурная судьба этих пьес складывалась по-разному. Прочтя трагедию перед И. П. Елагиным, назначенным в 1766 г. на должность главного директора театров, Сумароков передал ему пьесы для более подробного ознакомления. В августе Елагин возвратил пьесы автору, сделав в весьма деликатных выражениях ряд замечаний, без учета которых, по его мнению, их нельзя отдать на театр. В трагедии он отметил отдельные слова и выражения из третьего явления пятого действия, которые «весьма нежному слуху противны»: «сластолюбну радость» и «А он во пламени <…> не прикасайся ей!».[23]

В комедии «Лихоимец» Елагин заметил «много острых слов на счет посвященных церкви и веры вещей». Как видно, Сумароков не учел урока, полученного после представления комедии «Опекун» (1764), когда слова, произносимые со сцены, воспринимались зрителями как

---

[22] *Кукушкина Е. Д.* Комедии А. П. Сумарокова «Чудовищи» и «Приданое обманом»: редакции текстов // Вестник РФФИ: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 114–115.

[23] Письма русских писателей XVIII века… С. 202 (Письмо И. П. Елагина от 7 августа 1766 г.).

кощунственные. Персонаж пьесы с говорящим именем Чужехват оправдывал «волей Божьей» кражи своих слуг и собственное плутовство. «Кощунствовать своим Опекуном стремился...» отметил Г. Р. Державин в своей пародии на эпитафию Сумарокова.[24] Пьеса «Опекун» получила известность, в 1765 г. была дважды напечатана: в Типографии Кадетского корпуса и при Академии наук. Елагин, отвечавший теперь за политику театра и знавший характер Сумарокова, вынужден был прибегнуть к объяснению: «Я знаю, что Ваше превосходительство изволите сказать, что все сии слова говорит порок осмеиваемый. Но не все зрители будут знать, кто говорит, а будут слышать, что они на театре говорены <...> Впрочем, передаю все на вашу волю с должным почтением».[25]

Почувствовав себя оскорбленным, Сумароков обратился с жалобой к Екатерине II. Он вменял в вину Елагину, что тот продержал пьесы у себя более месяца, что он рассуждает о них, «не имея довольного знания во французском языке, и никакого в поэзии». Ссылаясь на мнение своих друзей Г. В. Козицкого и Н. Н. Мотониса, а также тверского и кашинского архиерея Гавриила (Шапошникова), которые не нашли в пьесах ничего «противу закона и обрядов», а также «ни тени малейшего Священному писанию непочтения», Сумароков заявлял, что никогда не покорится Елагину, так как не хочет быть «жертвоприношением его высокомерию».[26]

Получив жалобу Сумарокова, Екатерина II прочла рукописи «Вышеслава» и «Лихоимца» и составила свои замечания, иронично озаглавив их «Примечании безграмотной на подчерненные места комедии Лихоимец».[27] Императрица согласилась с требованиями Елагина, которые касались трагедии «Вышеслав», заметив, что произносить отмеченные им слова при публике «благопристойность дозволить не может». В «Лихоимце» ее возмутила реплика, произносимая в первом явлении Дорантом: «И лучше мне быть в закуте господином, нежели

---

[24] См.: *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 247–248.

[25] Письма русских писателей XVIII века... С. 202–203 (Письмо И. П. Елагина от 7 августа 1766 г.).

[26] Там же. С. 110–111 (Письмо А. П. Сумарокова от 15 августа 1768 г.).

[27] Собственноручные записки Екатерины II на комедию Сумарокова «Лихоимец» // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10. С. 274–275.

в соборной церкви туфлями Вселенского Патриарха». Она предостерегла автора: «Не лучше ли шутку другую вздумать, а о соборной церкви и вселенских патриархах на театре с презрением не упоминать. Не равно сыщутся в партере и такие, которые сочинителю сие в кощунство причтут». Не понравилось Екатерине также упоминание Комиссии о сочинении Нового уложения в эпизоде, когда персонажи комедии сетовали на излишнее употребление бумаги ябедниками и стихотворцами и говорили о возникающей от этого необходимости все мануфактуры превратить в бумажные. Персонаж комедии восклицал: «О ежели бы кто из депутатов об этом при сочинении Нового уложения предложил комиссии!». Екатерина предложила свой вариант: «Не можно ли вместо сих слов сказать: „О ежели бы кто о сем проект подал!“». Вместо слов «Уж я с вами до второго Христова не увижуся пришествия» Екатерина II советовала написать: «Уж я с вами по смерть не увижуся». Со всеми поправками Сумароков вынужден был согласиться. В окончательном варианте пьесы Дорант произносил: «И лучше мне быти в закуте господином, нежели в королевском доме истопником». Сумароковым была также исключена из текста пьесы какая-то реплика, отмеченная императрицей как «не у места сказанная» и могущая вызвать опасные для автора последствия: «Ябедники скажут, что по указам сочинителя допросить должно, кого он именно в сих словах разумеет».[28]

8 сентября 1768 г. Сумароков писал директору Академии наук графу В. Г. Орлову: «Комедию я нижайше прошу ваше сиятельство приказать напечатать; а реценсии, кажется, больше никакой не надобно, ибо она была уже ради рассмотрения у высочайшей особы и по отметкам отставлено, что было благоволено к отмене».[29] 30 сентября пьеса была напечатана.[30] По свидетельству «Драматического словаря» (1787) она «представлена была много раз на Российских театрах».[31]

Трагедия «Вышеслав» с поправками Сумарокова, учитывающими цензурные замечания, была подана в Комиссию Академии наук для

---

[28] Исторические бумаги XVIII века / Публ. М. Н. Лонгинова // Русская беседа. 1860. Кн. 2. Отд. 2. С. 236–237. Также см.: *Шамрай Д. Д.* К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 191–192.

[29] *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II: На основании документов архива Конференции Императорской Академии наук. СПб., 1914. С. 96.

[30] Там же. С. 111.

[31] Драматический словарь. М., 1787. С. 72.

получения разрешения на публикацию уже после первого ее представления. 10 октября 1768 г. Сумароков писал в своем прошении:

> <...> прошу Комиссии приказать оного моего сочинения напечатать двести экземпляров <...> Да и апробация Комиссии излишна, ибо монархиня, весь двор и вся публика сие мое сочинение апробовало; да и на театр отдано от е. в., быв прежде и у директора театра в рассмотрении. А справка, как объявлено мне от его сиятельства, не надобна; ибо апробации весь свет свидетель, и что торжественно апробовано, в том нет сумнения в печати. Я уповаю на немедленную резолюцию. Ежели все мои предложения тщетны, а его сиятельству не достает времени сию трагедию просмотрети, так то по приказу его сиятельства всяк исполнить может: нет ли чего в оной драме в противность указам. Но я ручаюся, ссылаяся на весь двор и на всю публику, что в трагедии сей ничего противного указам нет.[32]

Тираж трагедии был получен Сумароковым уже через двенадцать дней.

Комедия «Ядовитый» была подана Сумароковым в Комиссию после просмотра ее И. П. Елагиным. К этому времени актеры уже разучивали роли. Ее печатание также не заняло много времени.[33]

В начале 1769 г., собираясь переехать в Москву, Сумароков обратился с письмом к графу Г. Г. Орлову. Он просил его покровительства для улучшения своего материального положения, беспокоился о будущем взрослой дочери и в доказательство своих неустанных трудов на Парнасе приложил к письму роспись:

> <...> сколько я в нынешний один год учинил нового плода: «Хорев» исправлен и издан со многими отменами; «Синав» также. И стали они втрое лучше прежнего. «Семира» также; «Ярополк» также, — которые и в печати не были; и стали лучше. Старые эклоги все переделаны, новые сочинены. Элегии все переделаны. Оды все поправлены, духовные стихотворения иные исправлены, иные сочинены. Комедия «Приданое» исправлена и издана. «Пустынник» исправлен и напечатан. «Вышеслав», «Лихоимец», «Ядовитый», «Три брата», «Нарцисс» — сочинены и напечатаны...[34]

Сумароков не упоминает о своей деятельности как постановщика спектаклей. Руководивший кадетским театром, а в 1756 г. возглавивший первый придворный российский театр как его директор, Сумароков

---

[32] Письма русских писателей XVIII века... С. 114

[33] Там же. С. 115, 204.

[34] Там же. С. 117 (Письмо А. П. Сумарокова от 25 января 1769 г.).

занимался постановкой пьес: учил актеров играть, следил за соблюдением ими мизансцен и следованием авторским ремаркам. Вмешательство посторонних лиц в этот процесс, как и в текст его пьес, он воспринимал как личное оскорбление. Так случилось в январе 1770 г., когда граф П. С. Салтыков приказал представить на Московском театре трагедию «Синав и Трувор», хотя актеры еще недостаточно выучили роли. Через несколько дней после неудачного спектакля Сумароков писал Екатерине, описывая непорядки в организации Московского театра:

> Вообразите, государыня, возможно ли при таких всегдашних хлопотах поощрять себя к театральным сочинениям, когда пиесы мои, тщательно сочиненные, всемирно безобразятся <...> Ни покойная императрица, ни в.<ваше> в.<еличество> моих драм, как монарха власть ни велика, никогда без особливой милости представлять не повелевали <...> Не прикажите, государыня, моих пиес, игранных только пред очами двора, представляти противу всех театральных учреждений в Москве, обезображивая меня <...> Не должно ли мне несмысленных актеров поучить: и в Петербурге без моего показания мои драмы никогда играны не бывали <...> Пиесы театральные не ради чтения сочиняются; так много славы погибает тогда, когда они мерзко играются.[35]

Режиссура, возникшая в России в XVIII в. во многом усилиями Сумарокова, развивалась и совершенствовалась на протяжении всего столетия, окончательно сформировавшись в современном понимании этого термина лишь во второй половине XIX века. Пьесы Сумарокова продолжали составлять существенную часть репертуара русского театра и при его жизни, и после смерти. Немногие сохранившиеся сценические экземпляры комедий позволяют увидеть, как адаптировали их к новым историко-культурным обстоятельствам лица, взявшие на себя функцию режиссера-постановщика.

В Санкт-Петербургской театральной библиотеке (СПб ГТБ) хранится рукописный экземпляр ранней редакции комедии «Ссора у мужа с женою» (Шифр 1.19.2.37. № 7230), позже получившей название «Пустая ссора», с большим количеством помет и исправлений текста. Бумага рукописи с плохо просматриваемой филигранью «Pro Patria GR» датируется в широком интервале 1740–1829 гг. П. Н. Берков считал, что комедия была написана в 1750 г.[36] По предположению В. Н. Все-

---

[35] Письма русских писателей XVIII века... С. 162–163 (Письмо А. П. Сумарокова 31 января 1773 г.)

[36] *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 29–30.

володского-Гернгросса, она впервые была представлена 24 октября 1750 г.[37] Однако надпись, сделанная на титульном листе рукописи, по-видимому, И. А. Дмитревским, приводит иную датировку: «В первой раз представлена на Придворном театре 1757 года генваря ... дня». Вторая цифра «7» в дате постановки была прочитана исследователями как «1». Список был переплетен, как и другие рукописи из библиотеки Российского театра, по просьбе И. А. Дмитревского в 1784–1785 г.

Время внесения поправок в рукопись уточняется по перечню актеров, назначенных к участию в спектакле. Их имена вписаны в список действующих лиц пьесы. Большинство из них первоначально обучались театральному искусству в Московском Воспитательном доме, но в 1779 г. были отправлены в Петербург, где сначала вошли в труппу Вольного Российского театра, то есть публичного городского театра, доступного для любого зрителя, купившего билет. Ее собрал антрепренер немецкой труппы К. П. Книппер. Роль Оронта, мужа-простофили, который во всем подчиняется властной жене, была поручена А. М. Крутицкому. Обычно он исполнял роли стариков в трагедиях и комедиях. Его жену Салмину играла Н. И. Драницына, их дочь Деламиду — К. Ф. Логинова, Дюфизу — Д. А. Демидова. В 1783 г. театр Книппера был взят «в казну» и все эти актеры перешли в труппу Русского придворного театра. Н. Суслов, назначенный на роль Фатюя, предвосхитившего появление персонажа фонвизинского «Недоросля», обучался в архитектурном классе Академии художеств, исполняя также обязанности музыканта в танцевальном классе. В придворную труппу он был принят в 1780 г. учеником, а в основной состав вошел в 1783 г. Раньше других актеров, с 1774 г., в придворной труппе числился Никита Марков, занимавший амплуа любовников и петиметров. С 1782 г. входил в актерский состав Семен Замиров (роль Кимара, слуги). Таким образом, труппа в том составе, который указан в списке исполнителей, сложилась лишь в 1783 г. и поправки в первоначальный текст пьесы для подготовки ее к представлению на сцене были внесены не ранее этого времени. Известно, что в 1782–1783 г. И. А. Дмитревский сменил на некоторое время К. Книппера в руководстве Вольным российским театром, а в августе 1783 был назначен инспектором Российской труппы. С того времени обязанности инспектора выполняли, сменяя друг друга,

---

[37] *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театр в России при императрице Елисавете Петровне. СПб., 2003. С. 197.

Дмитревский и И. Я. Соколов. По-видимому, правка текста пьесы сделана тем из них, кто готовил ее для сцены в 1784 г.[38] Текст ранней редакции комедии по рукописи Театральной библиотеки был издан Берковым,[39] а в новой авторской редакции опубликован Н. И. Новиковым в «Полном собрании всех сочинений <...> А. П. Сумарокова» в 1781 г.

Рукопись, хранящаяся в Театральной библиотеке, позволяет увидеть два уровня правки, которой подвергся текст комедии: авторскую редактуру, в результате которой пьеса «Ссора у мужа с женой» была существенно сокращена и впоследствии получила название «Пустая ссора», и правку режиссера-постановщика, сделанную в первой редакции комедии через 27 лет после ее написания.

Первая редакции пьесы включала на пять явлений больше, а также еще одно действующее лицо — Дюфизу. Этот персонаж — такая же кокетка, как и Деламида. Эпизоды с ними развивали и варьировали тему высмеивания петиметров, начатую Сумароковым в комедии «Чудовищи». Девушки придумывают новые модные «прожекты»: «...чтоб только в одном ухе серьга была <...> чтоб одна щека была нарумянена, а другая нет <...>, чтоб одна половина головы была напудрена...». Они осуждают свою знакомую за ее манеру просто одеваться и за то, что она, имея хороший голос, поет русские песни: «Мы слов по двадцати по-французски знаем, да и мы этого не делаем, а она по-французски очень хорошо умеет, а русские песни поет». Петиметр Дюлиж убегает со сцены, узнав о продаже модных товаров: красных каблуков, башмаков в красной коже, книг, красной, синей и «песошной бумаги». Первая редакция включала его монолог о Фатюе, сопернике на руку Деламиды, который не следует моде: «На что эдакие люди рождаются? Какая от них народу польза? Не умеет ни одеться, ни молвить, как должно галантому, ни шпаги пониже спустить, ни о дамских говорить уборах, да думает еще, что это и не надобно». Служанка Финетта, следуя авторской ремарке, «особливо», исподтишка смеется над ними. Эти сцены усиливали комизм пьесы, но нарушали динамику действия и уводили от основной ее темы — спора мужа и жены о женихе для дочери.

---

[38] Об участии актеров в спектакле 1784 г. см.: *Старикова Л. М.* Театр и зрелища российских столиц в XVIII веке. М., 2018. С. 422, 469–470, 473, 494–495, 499, 501, 553.

[39] *Сумароков А. П.* Ссора у мужа с женою // Русская комедия и комическая опера XVIII века / Ред. текста и вступ. ст. П. Н. Беркова. М; Л., 1950. С. 67–84.

Правка, внесенная в текст пьесы в 1780-е гг., касалась некоторых деталей моды и слов, к тому времени, по-видимому, вышедших из употребления, как например, *вершники* (верховые слуги, сопровождающие карету), *ливрея* по отношению к дворовым людям. В диалоге Деламиды и Дюфизы зачеркнуто несколько рассуждений о «варварском» русском языке и «варварском» обычае употреблять обращения «сударь» и «сударыня» и добавлена реплика: «Ах, какая прекрасная инвенция!» Кроме того, устранены некоторые просторечия: *куды, туды, робенка, сперьва*. Характерно уточнение к эпизоду, в котором упоминалась девушка, поющая русские песни. К этим словам в рукописи сделана приписка: «да еще из русских опер». Как отметил в комментариях к тексту пьесы Берков, «первая русская опера „Цефал и Прокрис“ была написана Сумароковым в 1755 г.».[40]

Почему для представления на сцене был выбран не второй авторский вариант комедии, к тому времени уже опубликованный, а первый ее вариант? По-видимому, пьеса, изображающая перебранки и ссоры супругов, доходящие до рукоприкладства и напоминающая эпизоды русских площадных представлений, в 1780-е гг., в пору заметного развития русской драматургии и появления комедий Д. И. Фонвизина, представлялась устаревшей и не могла, по мнению постановщика, заинтересовать зрителей придворного театра. В то же время страстное желание подчиняться капризам моды по-прежнему руководило жизнью большой части дворянского общества, несмотря на то, что щеголи и щеголихи постоянно высмеивались в сатирических журналах.

К 1780-м гг. относится также правка в печатном тексте комедии Сумарокова «Лихоимец». В библиотеке Академии наук хранится текст комедии в издании 1768 г. (Инв. № 23636 д) с существенными пометами, сделанными коричневыми чернилами. На них впервые обратила внимание М. Б. Рабинович.[41] Правка текста носит различный характер: от замены одного слова другим до вычеркивания нескольких реплик или замены целого абзаца.

Зачеркнут почти весь монолог Доранта (Д. 1, Явл. 1), отмеченный в рецензии Екатерины II. В ней Сумароков осуждал ябедников, которые

---

[40] Там же. С. 682.

[41] *Рабинович М. Б.* Сценический вариант комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец» // Театр и драматургия: Труды гос. ин-та театра, музыки и кинематографии. Л., 1959. С. 419–426.

«людей разоряют», обвинял «худых стихотворцев» в безграмотности и сетовал на излишнее употребление ими бумаги, которое может привести к тому, что «все наши мануфактуры в бумажные преобратятся». Вместо этих слов вписан текст, осуждающий ябедников «как разорителей людских». Упоминание «худых стихотворцев» было элементом литературной полемики Сумарокова и вне контекста того времени потеряло свое значение. От реплики слуги Пасквина, выражающего удивление, зачем созданы сверчки и тараканы, никакой пользы не приносящие, от которых «только мерзость», а также черти, ябедники и лихоимцы (Д. 1, Явл. 4), сохранилось только упоминание ябедников и лихоимцев. Как заметила Рабинович, вычеркнутые слова ставили под сомнение мудрость творца вселенной. Исключена из текста также кощунственная реплика Кащея: «И ежели в царствии небесном денег не будет, так какое это нам, добрым людям, воздаяние» (Д. 2, Явл. 6).[42] Существенно сокращена реплика Исабеллы (Д. 2, Явл. 1), начинающаяся словами: «Каковы наши чувствия и мысли, таковы и слова», в которой была сформулирована связь речевой характеристики человека с его характером, а также слова Доранта о приятных суетах, наполняющих жизнь (Д. 2, Явл. 3). Такие рассуждения замедляли развитие действия. Для сохранения динамичности сюжета сокращен эпизод, в котором упоминался внесюжетный персонаж комедии Колчулай и его неблаговидные поступки. В пору создания комедии у него был, очевидно, реальный прототип, со временем его упоминание потеряло смысл. Из комедии полностью вычеркнут монолог Леандра, в котором он рассуждал о необходимости жестокого наказания для Кащея и Колчулая: «Давно вас повесить надо...» (Д. 2, Явл. 8). Грубая сумароковская критика общественных нравов не вписывалась в изменившийся стиль отечественных комедий. В тексте найден более подходящий вариант для реплик Исабеллы, намеревающейся примирить дядю и своего любовника. Вместо зачеркнутых слов «подсижу» и «угомоню» вписано слово «уговорю», которые больше соответствуют характеру героини, девушки благородной и хорошо воспитанной.

Несколько существенных исправлений текста касаются внешности Кащея. Работая над комедией, Сумароков руководствовался представ-

---

[42] *Рабинович М. Б.* Сценический вариант комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец». С. 422.

лением о том образе персонажа, который сложился в фольклоре. Кащей не только чрезвычайно жаден, он обладает еще и характерным обликом. В комедии неоднократно отмечается его худоба и неприятная внешность: «...и клопы не так мерзки». Кащей называет себя «старым и безобразным человеком». Слуга Пасквин говорит о нем: «Вы уже как скелет совсем иссохли». Все характеристики внешности персонажа в тексте комедии вычеркнуты, так как мешали ее сценическому воплощению.

В перечень действующих лиц пьесы вписаны в сокращенном виде имена исполнителей: «Сак., Ива., Мар., Петр., Мих., Ш.», что позволяет составить представление об актерском ансамбле, назначенном для представления комедии. Роль Кащея должен был играть И. Я. Соколов, обладавший ярким сатирическим талантом. В молодости он участвовал в любительских спектаклях театра Московского университета, а с 1759 г. состоял в труппе Петербургского придворного театра, часто играя роли старых отцов. Также в Москве начала свою сценическую карьеру Е. Ф. Иванова, которой была поручена роль Исабеллы, племянницы Кащея. Никогда не учившаяся театральному искусству, она обладала природными артистическими способностями и была приглашена на Петербургскую придворную сцену в 1773 г. В течение трех десятилетий Иванова сохраняла за собой место первой актрисы. С 1774 г. состоял в труппе Придворного театра Н. Марков, игравший в комедиях петиметров или любовников, а в «Лихоимце» назначенный на роль Доранта. На три года позже вошел в труппу И. Петров (роль Леандра). Заметную роль в пьесах XVIII в. играли слуги, часто ведущие интригу. Роль Клары, служанки, предназначалась А. М. Михайловой, состоявшей в придворной труппе еще с 1762 г. и в молодости игравшей любовниц. Роль Пасквина, слуги Доранта, порученная Я. Д. Шумскому, свидетельствует, какое значение придавал этому персонажу режиссер-постановщик. Шумский имел громадный актерский опыт, в молодости он участвовал в любительских спектаклях Ярославского театра под руководством Ф. Г. Волкова. Обладая самобытным комизмом и даром импровизации, Шумский с 1767 и до 1785 г. оставался самым ярким комическим актером русской придворной сцены.[43]

---

[43] *Старикова Л. М.* Театр и зрелища российских столиц... С. 479–480, 501, 504–505, 550–551, 567–568.

Изучив почерк, которым сделаны исправления в тексте комедии, и опираясь на мнение Беркова, Рабинович пришла к выводу, что они сделаны рукой Дмитревского. Труднее установить, когда исправления были внесены в текст и состоялось ли представление комедии с этим актерским составом. Следует согласиться с автором статьи, что начальной датой отсчета можно считать год, когда в театральном коллективе оказались все перечисленные актеры. Эта дата приходится на 1777 г., когда в труппу был зачислен Иван Петров,[44] а не год зачисления Ивановой, как считала Рабинович, ошибочно указав 1774.[45] Актриса Иванова была принята в труппу в 1773 г.[46] Дмитревский не мог сокращать текст пьесы при жизни Сумарокова, то есть до 1777 г., за счет тех реплик персонажей, которые имели для автора принципиальное значение. Даты возможных постановок «Лихоимца» в этой редакции, которые приводит автор статьи по «Хронике русского театра» И. С. Носова[47] (1768 и 1783), не подтверждаются Репертуарной сводкой, помещенной в «Истории русского драматического театра». В ней указаны представления «Лихоимца», состоявшиеся в 1769 г. в Петербурге и Москве, спектакли Вольного театра 20 и 31 января 1781 г., а также одно представление комедии 17 апреля 1782 г.[48] Но актерский состав труппы не соответствует перечню исполнителей «Лихоимца». После реорганизации всей системы придворных театров, осуществленной Екатериной II в 1783 г., был создан Российский театр во главе с Дмитревским, который получил должность инспектора. Его труппа, включающая всех актеров, указанных в списке действующих лиц, сложилась к 1786 г. Очевидно, к этому времени и следует отнести работу Дмитревского над текстом комедии Сумарокова «Лихоимец». Состоялся ли спектакль в этой адаптированной редакции пьесы, пока не установлено.

Пьесы первого русского драматурга Сумарокова некоторое время продолжали сценическую жизнь благодаря Дмитревскому, который ку-

---

[44] *Старикова Л. М.* Театр и зрелища российских столиц… С. 501.

[45] *Рабинович М. Б.* Сценический вариант комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец». С. 424.

[46] *Старикова Л. М.* Театр и зрелища российских столиц… С. 479.

[47] О недостоверности сведений «Хроники…» см.: *Старикова Л. М.* «Хроника русского театра» И. С. Носова и «История русского театра» И. А. Дмитревского // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 248–258.

[48] *Ельницкая Т. М.* Репертуар драматических трупп. С. 450.

рировал драматические спектакли и русские комические оперы с 1780 г. В 1791 г. он получил от «Директора над зрелищами и музыкою» Н. Б. Юсупова патент, в тексте которого впервые в истории русского театра значилась официально учрежденная должность «режиссер».[49] Комедии Сумарокова периодически ставились до конца 1810-х гг. в провинциальных любительских театрах силами местных дворян и чиновников. Сведения об их сценической интерпретации очень скудны.

---

[49] История русской музыки: в 10 т. М., 1985. Т. 3: XVIII век. Ч. 2. С. 287.

Р. БОДЭН

ТУРЕЦКАЯ ТЕМА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. А. ЭМИНА

Введение

Отношения между литературой, государственной идеологией и политической властью в России XVIII в. стали предметом возрастающего интереса со стороны исследователей за последние двадцать лет. В новейших исследованиях обращается внимание на то, что значительная часть русских литературных произведений XVIII в. создавалась в рамках придворной культуры как ответ на более или менее эксплицитный запрос сверху.[1] Кроме того, сочинения, написанные, на первый взгляд, не для придворного потребления, тоже выполняли политические задачи, в том числе в поддержку дипломатических начинаний России.[2]

Во многих этих текстах, в частности в панегирической поэзии классицизма, восхвалялась мощь недавно возникшей Российской империи. Это особенно ярко проявилось в высоком жанре оды, который систематически использовался со времен царствования Анны Иоанновны и вплоть до царствования Екатерины II для воспевания географической обширности России и ее военного потенциала.

---

[1] См.: *Ospovat K.* Terror and Pity. Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia. Boston, 2016.

[2] На эту тему, см. неопубликованную диссертацию К. Шапен: *Chapin C.* « Le journal est un théâtre ouvert »: les débats sur le théâtre dans la presse russe des Lumières et leur contexte européen. Paris, 2015.

© Р. Бодэн, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-128-152

Поэты прославляли русские военные победы, среди которых немалое место принадлежало победам над турками в ходе имперского проекта экспансии на юг, предпринятого при Петре I, продолженного при Анне Иоанновне и завершенного завоеванием Крыма при Екатерине II.

Примечательно, что рост новой русской литературы совпал с ростом этих завоеваний на юге. Как отметила В. Ю. Проскурина, «Ода на взятие Хотина» М. В. Ломоносова являлась одновременно и первой программной одой русского классицизма и опытом поэтического воспевания первой большой победы россиян над Оттоманской Портой.[3]

Это взаимодействие между литературой и политикой достигло пика в конце века, во время русско-турецких войн эпохи царствования Екатерины II,[4] в том числе в так называемом «греческом проекте». А. Л. Зорин показал, что этот проект был в значительной степени обязан литературному конструкту, возникшему в переписке императрицы с Вольтером, и развитому впоследствии в творчестве русских поэтов-классицистов в годы первой Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.[5]

Зорин отметил, что переводная литература тоже использовалась для легитимации южной политики императрицы: перевод Гомера, осуществленный П. Е. Екимовым во время Русско-турецкой войны, являлся проектом культурного усвоения, сопровождающим вполне конкретный план территориального включения.[6]

Помимо оригинальной и переводной поэзии драматургия тоже использовалась для оправдания внешней политики императрицы, которая и сама выступала в качестве автора. Как показала Л. Доннелс О'Маллэй, в опере «Начальное управление Олега», написанной Екатериной II как подражание Шекспиру в 1786 г., но поставленной только осенью 1790 г., содержались намеки на шедшую в это время вторую Русско-турецкую войну и на греческий проект императрицы.[7]

---

[3] *Проскурина В.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 150.

[4] На эту тему см.: *Vacheva A.* The Russo-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia // Power and Influence in South-Eastern Europe 16th–19th Century. Zürich, 2013. P. 319–326; *Клейн И.* Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века // Slověne. 2018. № 1. С. 174–210.

[5] *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 59.

[6] Там же. С. 42.

[7] *O'Malley L. D.* The Dramatic works of Catherine the Great: Theatre and politics in eighteenth-century Russia. Aldershot, 2006. P. 149.

В отличие от поэзии, художественная проза, тогда не столь еще разработанная, еще мало использовалась для комментирования военных событий и территориальной экспансии империи. Тому были разные причины. Главным образом, речь идет о символической слабости прозы в художественной системе классицизма и о традиционном доминировании в романе любовной тематики. И то и другое лишали жанра романа легитимности, необходимой для обсуждения и воспевания такого серьезного дела, как территориальное расширение России. В результате художественная русская проза XVIII в практически не развила турецкой темы. Исключением из этого правила явился роман Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда», опубликованный в 1763 г.

Первой задачей настоящего исследования будет анализ турецкой темы в названном романе Эмина. Турецкий дискурс Эмина выражался, однако, не только в литературном творчестве писателя, но также в его публичном поведении в первые годы пребывания в России, когда он хотел представить себя в петербургском обществе турком. Рассматривая поэтому и романный дискурс Эмина и его личностные стратегии, постараемся объяснить, зачем Эмин обратился к этой теме, а также выяснить, в какой степени культурный и политический контекст способствовали ее развитию, какие формы принял этот дискурс, а также какие успехи он принес писателю на первом этапе его литературной карьеры.

Когда началась русско-турецкая война в 1768 г., Эмину пришлось отказаться от роли турка. Поменяв поведенческую роль, он поменял и дискурс об Оттоманской Порте. Это видно при сопоставлении трактовки османского мира в романе «Непостоянная фортуна» и в «Кратком описании древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», трактате, опубликованном писателем в 1769 г. Изучение эволюции образа Порты под пером Эмина за период 1763–1769 гг., в том числе под влиянием русских од, написанных по случаю Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., является второй задачей, которую ставит перед собой данное исследование.

Отказавшись от роли турка, Эмин, однако, не полностью отказался от турецкой идентичности, а скорее пробовал использовать ее в несколько ином ключе. Об изменении этой стратегии Эмина в конце 1760-х гг. свидетельствует эволюция повествовательной позиции автора и его отношения к литературным жанрам от «Непостоянной Фортуны» к «Крат-

кому описанию древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты». Изучение этой эволюции и соответствующего изменения социального статуса Эмина, является третьей и последней задачей данного исследования.

Анализ эволюции творчества и поведения Эмина позволит выявить присутствие в жизни и деятельности писателя тройной перемены: перемены идентичности; перемены дискурса и перемены социального статуса. Последовательное рассмотрение этих перемен определяет структуру исследования. В связи с этим исследование старается пролить свет на вопросы более общего характера, связанные с историей территориальной экспансии России при Екатерине II и ее дискурсивной легитимацией.

От члена османской элиты к янычару, или Перемена идентичности Эмина

Чтобы понять, как и зачем Эмин развивал дискурс об османском мире, важно, прежде всего, обратиться к его биографии. О ней Н. М. Карамзин писал: «Самый любопытнейший из романов г. Эмина есть собственная жизнь его».[8] Эта биография, изучавшаяся с конца XVIII в. сначала издателями Эмина, а потом историками литературы, крайне своеобразна.

Как известно, Магомет Эмин, известный в России под именем Федора, родился в Константинополе. Дед его был польский офицер, перешедший из австрийской службы на турецкую. Его отец, Гуссейн-бек, вырос в доме боснийского бея, затем стал губернатором Лепанто и женился на матери будущего писателя, христианской невольнице, известной в Османской империи под именем Рукье Ладен.

Выучив дома латынь, польский и итальянский языки, Эмин отправился в Венецию, после чего уехал на Лесбос, куда был сослан его попавший в опалу отец. Бежав с Лесбоса с сыном, Гуссейн-бек нашел убежище у своего друга, алжирского бея, который назначил его главнокомандующим своей армии во время Алжиро-тунисской войны. Видимо, сам Эмин отличился в том военном походе.

---

[8] *Карамзин Н. М.* Пантеон российских авторов // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 171.

Гуссейн-бек скончался от ран, Эмин покинул Алжир и отправился в Константинополь, где поклялся матери принять христианство. Затем он уплыл на борту шведского торгового корабля сначала в Смирну, а оттуда в Гибралтар, но на его корабль напали пираты, захватили его в плен и увезли в Марокко.

Бежав из плена, Эмин попал в португальскую факторию Марзагам, откуда уплыл в Лиссабон. В Лиссабоне он приобщился к догматам католичества, изучил английский и португальский языки. Испросив паспорт у местного посланника для путешествия во Францию, он внезапно передумал и уплыл в Англию, где представился русскому послу А. М. Голицыну, принял православие и отправился в Петербург, куда прибыл весной 1761 г. и где начал делать карьеру на службе России.[9]

Эта необычная траектория, тщательно реконструированная Е. Б. Бешенковским и В. П. Степановым, известна по разным версиям, сообщенным в первую очередь самим Эминым. Первая изложена в списке, составленном писателем при поступлении на русскую службу.[10] Вторая содержится в устных рассказах Эмина в петербургском обществе, начиная с 1761 г.[11] Третью встречаем в романе «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда», который автор, в новой для русской литературы манере, представил в предисловии как автобиографическое произведение.[12]

Устная и письменная биография представляла Эмина турком. В 1763 г. такая идентичность должна была обеспечить успех писателя. Как отметил В. П. Степанов, Эмин намеревался вызвать интерес русской публики рассказом о своих удивительных приключениях. Можно добавить, однако, что экзотичность его идентичности должна была также сыграть роль в этой социальной стратегии.[13] Правда, как отметил А. Н. Спащанский, частые конфликты между Россией и Оттоманской Портой с начала XVIII в. мешали восприятию в России моды, столь сильной во Франции и в Австрии, так называемой «тюркери».[14] Однако утверж-

---

[9] *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 444–445.

[10] *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 198–201.

[11] *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 446.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 445–446.

[14] *Спащанский А. Н.* «Турецкий стиль» в русском искусстве второй половины XVIII века (URL: http://history-gatchina.ru/article/turkey.htm (дата обращения: 15.03.2021).

дать, что интерес к этой когда-то опасной, а затем привлекательной культурной экзотике, не получил никакого распространения в России, кажется преувеличением.[15] Отсутствие конфликтов с Оттоманской Портой во время царствования Елизаветы Петровны и в первые годы правления Екатерины II, так же как и сильное культурное влияние Франции на русскую элиту, привели к частичному распространению «тюркери» и в России.

В составленный Н. А. Копаневым список книг на французском языке, доступных в московской книжной лавке Академии наук с 1749 по 1760 г., входит ряд произведений художественной прозы в турецком вкусе, в том числе сочинения К. Годар д'Окура, Н. Мальбранша или Дж. П. Марана.[16]

Равным образом, составленный В. В. Сиповским список прозаических произведений, переведенных на русский язык в 1750–1760-е гг., содержит больше десяти сочинений, относящихся к жанру «восточной повести», действие которых разворачивается в одной из стран, входящих в состав Османской империи. Среди них «Тысяча и одна ночь» и «Серальские сказки» М. А. Фока (обе книги опубликованы в 1768 г.).[17]

«Тюркери» присутствовала и на русской сцене, для которой в 1767 г. П. С. Свистунов, один из наиболее активных участников кадетского

---

[15] См. недавнюю переоценку восприятия этой моды в России в книге: Ориентализм. Турецкий стиль в России 1760–1840-е / Сост.: О. Соснина, А. Валькович. М., 2017. О «тюркери» как культурном и политическом явлении в целом, см.: *Avcioglu N.* Turquerie and the politics of representation, 1728–1876. Farnham, 2011; *Haydn W.* Turquerie: an eighteenth-century European fantasy. London, 2014.

[16] *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории / Под ред. С. П. Луппова. Л., 1986. С. 135, 148, 149. Об интересе русских читателей к «Турецкому шпиону» Дж. П. Марана свидетельствует его упоминание в «Записках» Екатерины II. Выражаю благодарность А. Вачевой за эту информацию. Согласно Д. Баджену, «Турецкий шпион» интересовал и Эмина. См.: *Budgen D.* Fedor Emin and the Beginnings of the Russian Novel // Russian Literature in the Age of Catherine the Great. Oxford, 1976. P. 73.

[17] *Сиповский В. В.* Из истории русского романа и повести: Материалы по библиографии, истории и теории русского романа. СПб., 1903. Ч. 1: XVIII век. С. 17–18. Об успехе жанра «восточной» повести в русской литературе XVIII века см. также: *Кубачева В. Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 295–315; об успехе «Тысячи и одной ночи» в России, см. также: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 179–182 (Автор раздела Ю. Д. Левин).

театра, перевел и опубликовал пьесу Ж.-Б. Колле де Мессина 1747 г. «Паша Смирнский».[18] На петербургских сценах была поставлена и комическая опера Ш. С. Фавара «Солиман Второй, или Три султанши», сыгранная при жизни Эмина трижды в 1765 и 1766 гг., в том числе перед великим князем.[19] Ставились также трагедии Вольтера «Заира», игранная на придворном театре в январе 1763 г. и в сентябре 1764, и «Магомет» — в августе 1765.[20]

Разумеется, обличение фанатизма в трагедии «Магомет» создавало крайне негативный образ Пророка, но второстепенные действующие лица (Зопир, Сеид или Пальмира), так же как и персонаж «Заиры» Оросман, представляли и положительные образы турок.

Наконец, «тюркери» присутствовала и в других придворных практиках. Как отметила К. Бордериу, хотя политический контекст мешал петербургскому успеху парижского платья «в турецком вкусе», турецкая одежда иногда использовалась в маскарадах, а «турецкий квадриль» относился к числу танцев, регулярно танцуемых при дворе.[21]

Таким образом, Восток в умиротворенном варианте «тюркери» и в Петербурге теперь, скорее, изумлял, нежели устрашал. Большое, — но не устрашающее, — впечатление произвело, например, прибытие в Петербург в 1758 г. Османа Эфенди, посланника султана Мустафы Хана. Его пребывание стало предметом детального описания в «Прибавлениях» к нескольким выпускам «Санктпетербургских ведомостей», за апрель, июль и август.[22] В «Прибавлениях» русский читатель мог

---

[18] *Заборов П. Р.* Свистунов Петр Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 102.

[19] См.: *Mooser R.-A.* L'opéra comique français en Russie au XVIIIe siècle. Genève; Monaco, 1954. P. 45; *Evstratov A.* Les spectacles francophones à la cour de Russie (1743–1796). L'invention d'une société. Oxford, 2016. P. 318.

[20] *Mooser R.-A.* L'opéra comique français… P. 38, 60, 95; *Evstratov A.* Les spectacles francophones… P. 313, 320. Согласно Р.-А. Моозеру, «Заира» также ставилась в частных театрах и в Смольном институте в середине 1770-х гг., то есть после периода, о котором пойдет речь в данном исследовании, включающего литературную деятельность Эмина и русско-турецкую войну 1768–1774 гг. См.: *Mooser R.-A.* L'opéra comique français… P. 60, 95.

[21] *Бордериу К.* Платье императрицы: Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016. С. 38.

[22] Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1758, № 31 (17 апреля 1758), 53 (3 июня 1758), 66 (18 августа 1758).

узнать о взаимных угощениях чаем, кофе и мороженым, устроенных турецкими и русскими дипломатами.[23]

Итак, мирный контекст и русское франкофильство позволяли Эмину представлять себя турком, что он делал, как упоминает В. П. Степанов, ценой больших долгов,[24] необходимых для обеспечения образа жизни, соответствовавшего представлениям современников о том, как положено жить сыну лепантского губернатора.[25]

Стараясь вызывать к себе интерес петербургского общества, Эмин должен был сохранять возможность свободно общаться с ним, в отличие от Османа Эфенди, для которого доступ в городское пространство был ограничен, о чем свидетельствует отведенное ему русскими властями место жительства на Васильевском острове.[26] Поэтому инсценировка «турецкой» экзотики Эмина, как в его романе, так и в его устных рассказах, должна была соединяться с инсценировкой благонадежности, необходимой для интеграции, как социальной, так и профессиональной.

Доказательством этой благонадежности стал его рассказ об отношении к христианству. По документам, собранным Е. Б. Бешенковским, известно, что Эмин представлял себя сыном христианской невольницы, которой он поклялся принять христианство.[27] Этот рассказ делал его отчасти потомком христиан, тем более, что его дед был поляком. В связи с этим, из общеизвестных турецких черт его публичная идентичность сохраняла только модную экзотику, избавленную от негативных коннотаций, связанных с исламом. Таким образом, Эмин воплощал тип «доброго турка», близкого к героям некоторых из вышеупомянутых произведений из модной французской литературы. Он напоминал Заиру, героиню, воспитанную в Оттоманской Порте, но рожденную от христианских родителей, или Зопира, доброго отца из трагедии «Магомет», шейха Мекки, но врага интригана Магомета и проведенной им исламизации.

Вторая стратегия доказательства лояльности Эмина заключалась в разработке важной для россиян темы: преимущество православия

---

[23] Там же. 1758, № 53, 66.

[24] *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 446.

[25] *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина... С. 193.

[26] Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1758, № 31.

[27] *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина... С. 200.

над католичеством. В прошении о зачислении на русскую службу Эмин рассказывал о том, как он изучал католичество в Лиссабоне, перед тем как принял православие по прибытии в Лондон.[28] Уже чисто хронологическое изложение фактов в этом рассказе вызывало мысль о превосходстве православия. Вскоре этот намек получил подтверждение в художественной прозе Эмина. Его роман «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» изображает иезуитов-мошенников[29] и откровенно критикует политику Рима (Ч. 2. С. 219–225). Вместе с тем, герой романа Мирамонд находит образец мудрого человека в своем друге Феридате, турке, принявшем православие (Ч. 2. С. 329), добродетель которого побуждает Мирамонда к подобному поступку (Ч. 3. С. 38). Эмин, чья история жизни близка биографии Феридата,[30] очень тонко описывает, как возрастает привлекательность православия в глазах Мирамонда. Этот аспект его романа напоминает жанр повести о принятии христианства. Явный интерес Эмина к этому мотиву и к поискам религиозного спасения стал позже главным в его последней литературной стратегии: его превращении в духовного писателя, чьи религиозные размышления, собранные под названием «Путь к спасению, или Разные набожные размышления...» (1780), обеспечили посмертный успех писателя в XIX в.[31]

Начало Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. заставило Эмина изменить автобиографию, разработанную в устных анекдотах и в романе 1763 г. После многолетних рассказов о себе как о члене социальной элиты Османской империи Эмин использовал «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», чтобы представить себя бывшим янычаром.[32] Это изменение в его автобиографии до сих пор рассматривалось двояко. С одной стороны, — с точки зрения вопроса о достоверности его автобиографии.[33] В этом отношении

---

[28] *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 444–445.

[29] *Эмин Ф. А.* Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. СПб., 1763. Ч. 2. С. 232–239; Ч. 3. С. 342–343. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием части и страниц.

[30] *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 446.

[31] Там же. С. 450.

[32] *Эмин Ф. А.* Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты. СПб., 1769. С. 47. Об этом см. также: *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 445.

[33] *Гуковский Г. А.* Эмин // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. Ч. 2. С. 256; *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 445.

исследователи как бы шли по стопам литературных врагов Эмина, начиная с М. Д. Чулкова, для которого главное заключалось не в том, чтобы установить правду о жизни писателя, а в том, чтобы обвинить его во лжи и дискредитировать в глазах публики.[34] С другой стороны, это изменение в автобиографии Эмина объяснялось его попытками доказать свою лояльность российский власти. Историки литературы подчеркивали, что в контексте возникшего конфликта между Оттоманской Портой и Российской империей, статус янычара, реальный или узурпированный, должен был сделать Эмина менее подозрительным в глазах русских властей. Действительно, этот статус мог служить доказательством христианского происхождения Эмина, ибо в то время писалось, что янычар, часто происходивших из христианских народов Порты, не заставляли принимать ислам.[35]

Однако такое упоминание подчеркивало и то, что Эмин служил в турецком войске, а это не могло ему помочь избавиться от подозрений, тем более, что в литературе того времени янычар представляли большей частью развратными наемниками, чуждыми всякому понятию политической лояльности.[36]

Вероятно, у этого изменения идентичности была другая мотивация. Возможно, что оно планировалось Эминым как элемент издательской стратегии, предназначенной для обеспечения успеха публикации «Краткого описания». В статье из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, посвященной янычарам, говорилось, что некоторые члены этого корпуса отличались высоким уровнем образования, так как они выходили из корпуса так называемых азокогланов.[37] Представляя себя бывшим янычаром, Эмин подчеркивал не только свое христианское происхождение. Он также показывал свою принадлежность к другой элите Османской империи, в этот раз интеллектуальной, изображал эксперта, знающего Порту изнутри. С этой точки зрения, можно утверждать, что перемена идентичности служила литературной стратегии, сопровождавшей переход писателя от жанра романа к жанру трактата.

---

[34] О враждебных отношениях Чулкова и Эмина см.: *Garrard J.* Mixail Čulkov: An Introduction to his Prose and Verse. The Hague; Paris, 1970. P. 70–73.

[35] Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de Lettres / Nouvelle éd. Genève, 1778. T. 18. P. 58.

[36] Ibid.

[37] Ibid. P. 59.

От романа к трактату, или Перемена жанрового дискурса Эмина

Как отметил И. З. Серман, первый роман Эмина пользовался большим успехом,[38] о котором свидетельствуют два его переиздания 1781 и 1792 гг., а также нападки со стороны литературных противников.[39]

Серман объяснял успех Эмина двояко: с одной стороны, его обеспечила экзотика приключений Мирамонда, о чем шла речь в первой части данного исследования. С другой стороны, успеху способствовало решение писателя представить приключения Мирамонда и Феридата как реальные,[40] согласно традиционной стратегии легитимации романа, изученной Ж. Меем в его знаменитом исследовании «Дилемма романа».[41]

Акцент на реальности изложенных событий, предназначенный для легитимации жанра, также служил процессу идентификации читателя с персонажами вымысла. Именно этот аспект вызывал опасения идеологических врагов романа, в том числе из приверженцев классицизма, как в западной Европе, так и в России. В своей статье «О чтении книг» (1760) М. М. Херасков осуждал усвоение читателями языка романов с помощью цитат.[42] Согласно Хераскову, говорить, как герои романов, означало испытывать то, что они испытывали. Это приводило к идентификации с ними, способной иметь пагубные последствия для читателей, что подтвердилось тридцать лет спустя волной самоубийств, порожденных литературой сентиментализма.[43]

---

[38] *Серман И. З.* Становление и развитие романа в русской литературе XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX веков. М.; Л., 1959. С. 88. См. также: *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 185.

[39] Высмеивая Эмина в своей ирои-комической поэме «Плачевное падение стихотворцев», Чулков, тем не менее, признавал успех романов своего литературного врага: «Сперва читателей, он много удивил» (см.: Ирои-комическая поэма / Ред. и примеч. Б. Томашевского, вступ. ст. В. А. Десницкого. Л., 1933. С. 229).

[40] *Серман И. З.* Становление и развитие романа в русской литературе XVIII века... С. 88–89.

[41] *May G.* Le dilemme du roman au XVIIIe siècle. Paris, 1963.

[42] *Херасков М. М.* О чтении книг (Цит. по: *Сиповский В. В.* Из истории русского романа и повести... С. 234). Об этом также см.: *Бодэн Р.* Нормативная критика и романное чтение в России середины XVIII века // Reading in Russia. Practices of reading and literary communication 1760–1930. Milan, 2014. P. 54–56.

[43] О бытовом вертеризме в русской культуре XVIII в. см.: *Фрааньe М. Г.* Прощальные письма М. В. Сушкова (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 147–167.

В случае Эмина этот привычный процесс идентификации читателя с героями читаемого романа был еще более проблематичным, так как он предполагал идентификацию с героями-турками, которых роман украшал самыми замечательными человеческими качествами. Правда, турецкий Восток, описанный в «Непостоянной Фортуне», представлен как пространство жестокости и обмана, где изобилуют изнасилования, убийства, месть и обезглавливание (Ч. 1. С. 21). Вместе с тем, главные герои — Феридат и особенно Мирамонд, во всех отношениях образцовы, несмотря на то, что они сохраняют многие отличительные черты врагов русских читателей.

Мирамонд и Феридат, соответственно, сын министра султана и сын константинопольского полковника, оба получили прекрасное образование (Ч. 1. С. 1–8; Ч. 2. С. 118). К тому же, в отличие от Феридата, который проходит сложный и мучительный жизненный путь до духовного спасения, принесенного принятием православия, Мирамонд с самого начала одарен образцовыми человеческими качествами. Он отличается редкой храбростью и спасает многих женщин от мужского насилия (Ч. 1. С. 65), при этом оставаясь неизменно верным своей возлюбленной Зюмбюле, иногда ценой собственной свободы. Он также всегда верен своему государю и подчиняет любовь гражданскому долгу (Ч. 1. С. 197). Он отличается снисходительностью и пониманием по отношению к врагам, например, в эпизоде, когда он освобождает город Ракунов (Ч. 1. С. 257), или когда спасает от нападения врагов Белилю, которая прежде велела его заточить в темницу (Ч. 2. С. 15–20). Эти моральные качества иногда проявляются и в других турках, как показывает эпизод, где посол Порты в Лондоне, друг покойного отца Мирамонда, помогает герою уехать в Египет, где тот надеется найти счастье (Ч. 1. С. 98). У Мирамонда, однако, положительные качества особенно ярки, так что подавляющее большинство женских персонажей романа влюбляются в молодого человека, от Зюмбюлы, его беспорочной возлюбленной (Ч. 1. С. 145–146), до Белили, которая любит его ревнивой и пагубной страстью (Ч. 1. С. 269), включая кроткую Агату (Ч. 3. С. 90–91), которая в итоге оказывается его сестрой, так же как Пальмира оказывается сестрой Сеида в трагедии Вольтера «Магомет».

Таким образом, Эмин хотел, чтобы читателей его романа соблазнял образ прекрасного молодого турка. Похоже, цель его была достигнута, и роман вызывал сочувствие читателей, в том числе читательниц, ко-

торые, подобно Параше из пушкинского «Домика в Коломне », читали «сочиненья Эмина».[44]

Литературная стратегия романиста, однако, радикально изменилась с началом русско-турецкой войны. С публикацией «Краткого описания», Эмин перешел от жанра романа, стремящегося соблазнить читателей, вызывая в них сочувствие к героям и легкое эротическое возбуждение, к тексту дидактического характера, стремящемуся вызвать в них патриотизм и моральное осуждение врага.

Сочинение, которое Эмин представлял как трактат историко-географического характера, было текстом-гибридом, разные стороны которого объединял его дидактизм. Здесь сосуществовали два пласта: нейтральное описание научного типа и панегирический дискурс оды, как показывает фраза из посвящения: «Но прежде, нежели приступлю ко описанию славы Российского оружия, означу прежнее счастие и храбрость турецкого владения, чтобы оное сделать хотя несколько достойным такой победительницы...».[45]

Обещанное описание занимает 60 из 83 страниц «Краткого описания». Оно дополняется в конце книги восемнадцатью страницами восхваления величия Екатерины и ее царствования, в параллель шестистрочному стихотворному эпиграфу, помещенному перед посвятительным письмом, взятым из одического дискурса.[46]

В описательной части сочинения Эмина говорится о происхождении турок и их языка (5–7); о географии Оттоманской Порты (7–9); о характере турок (9–10); о Коране и истории Магомета (10–25); об иерархической организации разных социальных групп, составлявших турецкое общество, в том числе придворных, военных и членов духовенства (25–40 и 46–50); о финансовых ресурсах Порты (40–43); о ее военном потенциале (43–46); о турецком театре, балете и музыке (50–51); о янычарах (54–55), о воспитании султанов (56–57); о паломничестве в Мекку (57–62); о причинах запрета на алкоголь у мусульман (62); о религиозных расколах внутри ислама (62); о символике коронования султана

---

[44] *Пушкин А. С.* Домик в Коломне // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1950. Т. 4: Поэмы, сказки. С. 32.

[45] *Эмин Ф. А.* Краткое описание... С. [3–4] (без нумерации).

[46] О происхождении этих стихов и их использовании Эминым, см.: *Ди Сальво М.* Латинские стихи Эмина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. СПб., 2018. С. 110–117.

и его коронационной одежды (63); о политических принципах мусульман (64) и об истории территориальной экспансии турок (64–65). Остальные восемнадцать страниц посвящены осуждению Оттоманской Порты за ее легковерие, из-за которого она последовала худым советам своих французских друзей и вмешалась в дела Польши (68).[47] В этой части «Краткого описания» Эмин призывает Оттоманскую Порту признаться в своей вине и снискать милость Екатерины (76).

И в той и в другой части текста дискурс об Османской империи в «Кратком описании», сильно отличается от дискурса, разрабатываемого в «Непостоянной фортуне».

Во-первых, в «Кратком Описании» ислам подвергается резкой критике путем многочисленных рассказов о мошенничестве и жестокости Магомета, напоминающих об образе Пророка в знаменитой трагедии Вольтера. В «Непостоянной фортуне», напротив, ислам не критиковался, а лицемерие ассоциировалось с одними иезуитами (Ч. 1. С. 68–69; Ч. 2. С. 225, 231–239; Ч. 3. С. 340–342).

Во-вторых, Османская империя изображена в «Кратком Описании» как пространство невежества. В этом отношении описание Эмина напоминает высказывания греческого прелата Евгения Булгариса, приглашенного Екатериной II в Россию и опубликовавшего в 1770 г. критическую статью «Рассуждение на действительно критическое состояние Оттоманской Порты».[48] Между тем, как было сказано выше, в «Непостоянной фортуне» описывалось, с каким уважением османская элита относилась к вопросу образования. Это проявилось в решении отца Мирамонда отправить сына в Венецию для получения дополнительного образования (Ч. 1. С. 2).

В-третьих, Оттоманская Порта в «Кратком описании» стала пространством насилия. В трактате Эмина изображены частые проявления военной жестокости и многочисленные картины обезглавливания. Разумеется, насилие широко присутствовало и в «Непостоянной фортуне», однако, в романе оно было представлено как следствие непо-

---

[47] Активная роль Франции в происхождении конфликта осуждается еще на с. 73 и 76.

[48] Перевод этого сочинения с французского языка на русский был осуществлен А. Кругликовым и опубликован в 1780 г. Также см.: *Таки В.* Царь и султан. Османская империя глазами россиян… С. 181. Описание Османской империи как царства невежества было одним из центральных мотивов «греческого проекта». См.: *Клейн И.* Торжествующая Россия… С. 193.

стоянства человеческого удела, а не как характерная черта турецкой культуры.

Наконец, в «Кратком описании» полностью исчез один из аспектов, который, по словам Э. Саида, делал Восток привлекательным в глазах европейцев: эротизм.[49] Если в «Непостоянной фортуне» Эмин прельщал читателя описанием полуобнаженного тела Белили, случайно увиденного Мирамондом (Ч. 1. С. 264), то в «Кратком описании» упоминаются лишь тела мужчин-турок, изнеженные в гареме и потому достойные презрения читателей. Замена женского тела как предмета желания изнеженным мужским телом как предметом презрения сопровождается здесь перестановкой акцента с ожидания неги на моральное падение, последовавшее за удовольствием.[50] Такая перестановка характерна для перехода от жанра романа к жанру исторического очерка.

Вместе с эротизмом исчезло упоминание сексуального насилия, широко представленного в «Непостоянной фортуне». Вместо запретного удовольствия, доставляемого читателю намеками на изнасилование, «Краткое описание» предлагало краткий перечень жестокостей, царящих внутри турецкой армии.

Как видно, описание османского мира под пером Эмина радикально изменилось в 1769 г. В соответствии с дидактическим замыслом исторического очерка, этот мир стал полностью негативным. В романе Эмин изображал положительных персонажей в неприятном окружении — молодых турок Мирамонда и Феридата, привлекаемых православием, или бея христианского происхождения Османа, забывшего на время свою веру и снова обретшего ее в конце (Ч. 3. С. 340). В противоположность этому, «Краткое описание» представляло турок как единообразную группу, целиком негативную и наказанную победой русских войск за прегрешения.

---

[49] *Said E.* Orientalism. New-York, 1978. P. 207.

[50] Как правило, в «Кратком описании» Оттоманская Порта ассоциируется с женским началом, а Россия — с мужским; как отметил Саид, подобная ассоциация вполне характерна для дискурса западного ориентализма. Ср. в «Кратком описании» следующее обращение Эмина к Порте: «Тщетное о невозможном моление, *женственные обещания*, излишние жертвоприношения геройским душам не внятны» (70). Россия, напротив, ассоциируется у Эмина с мужским началом, так же как ее государыня в одах 1768–1774 гг. ассоциируется с мужественной фигурой Паллады. Об этом свидетельствует, например, противопоставление, проведенное Эминым, между (женским) «пустым воображением» Порты (70) и (мужским) «рассудком» России (74).

Эта единообразная группа метафорически представлена Портой, к которой Эмин обращается в последней части «Краткого описания» во втором лице единственного числа.[51] чтобы сделать ей нравоучение и призвать ее просить прощения у русской императрицы.

Эта перемена жанра заменила заложенное в романе сочувствие дидактизмом оды, многие характеристики которой присутствуют в тексте «Краткого описания». Помимо стихов из паратекста и использования в самом тексте трактата стилистических архаизмов («назвати» (67)) и постоянных эпитетов («надменный турок», «гордая Порта» (70–71)), можно отметить присутствие в «Кратком описании» элементов, характерных для панегирической поэзии эпохи русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Во-первых, речь идет о сравнении русских с римлянами,[52] присутствующем в переписке самой императрицы с Вольтером и в ее письмах П. А. Румянцеву,[53] а также в оде В. П. Петрова «Поэма на победы Российскаго воинства» (1771)[54] и в пьесе П. С. Потемкина «Россы в архипелаге» (1772).[55]

Во-вторых, речь идет о разоблачении роли Франции в происхождении конфликта,[56] что упоминалось также В. П. Петровым в «Оде на победы российского флота» (1770)[57] и в эпической поэме М. М. Хераскова «Чесмесский бой» (1771).[58]

В-третьих, речь идет о мотиве милосердия Екатерины, на которое Эмин призывает турок надеяться, при условии, что они откажутся от своей гордыни,[59] и который присутствует также в пьесе П. С. По-

---

[51] *Эмин Ф. А.* Краткое описание… С. 66–70.

[52] Там же. С. 77–80. Об этом, см.: *Ди Сальво М.* Латинские стихи Эмина…

[53] *Проскурина В.* Мифы империи… С. 165.

[54] Там же. С. 166, 174–176.

[55] Там же. С. 166.

[56] *Эмин Ф. А.* Краткое описание… С. 68, 73, 76.

[57] *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла… С. 47; *Проскурина В.* Мифы империи… С. 172.

[58] *Проскурина В.* Мифы империи… С. 172.

[59] *Эмин Ф. А.* Краткое описание… С. 76. Мотив пагубной гордости турок тоже характерен для военных од времен русско-турецких войн. См.: *Vacheva A.* The Russo-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry… P. 323; *Клейн И.* Торжествующая Россия… С. 184.

темкина[60] и у В. И. Майкова в «Оде е. и. в. Екатерине Второй на взятие Бендер...» (1770).[61]

Речь идет, наконец, об использовании имперской картины географии России, представленной метонимически ее реками, как в одах Ломоносова.[62] В стихотворном послании, помещенном в начале текста, как и в конце прозаической части, Эмин повторяет обещание будущего господства России над Тигром и Евфратом.[63]

Как справедливо отметил Е. Б. Бешенковский, этот переход от дискурса романа к дискурсу оды служил стратегии проявления благонадежности Эмина.[64] Однако за ним скрывалось и другое: третья и последняя перемена, относящаяся к личному статусу Эмина.

От авантюриста к эксперту, или Перемена социального статуса Эмина

Причина, побудившая Эмина превратить свои устные рассказы в роман, связана с отсутствием перспектив карьерного роста, с которым он быстро столкнулся на службе в Коллегии иностранных дел. Это отсутствие перспектив было следствием окружавших его подозрений, которые побудили канцлера М. И. Воронцова поручить русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову проверить правдоподобность рассказов Эмина о своем прошлом. Расследование не подтвердило сведения Эмина о его биографии, но и не смогло доказать, что они были ложны.[65] Разделяя недоверие Воронцова, А. С. Строганов постарался перевести Эмина на службу в Академию наук или в Московский университет, однако эти попытки не удались из-за несогласия самого Эмина.[66]

---

[60] *Проскурина В.* Мифы империи... С. 166.

[61] Там же. С. 172–173.

[62] О значении рек для изображения имперского величия в русской поэзии, начиная с XVIII в., см.: *Ратников К. В.* Русские реки: поэзия и политика. Идеологический компонент гидронимных образов в лирике от Ломоносова до Тютчева // Вестник Челябинского университета. 2004. Сер. 2. № 1 (15). С. 57.

[63] *Эмин Ф. А.* Краткое описание... С. 2, 82.

[64] *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина... С. 196.

[65] *Рак В. Д.* Ф. А. Эмин и его журнал «Адская почта» // Эмин Ф. Адская почта. СПб., 2013. С. 9.

[66] *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 446.

Не имея возможности сделать карьеру чиновника, Эмин все больше входил в долги ради сохранения статуса (настоящего или вымышленного).[67] Ему помогло только заступничество императрицы, выплатившей долги писателя, по-видимому, по просьбе братьев Г. Г. и А. Г. Орловых, которым Эмин посвятил «Непостоянную фортуну» (1763) и «Нравоучительные басни» (1764).[68] Таким образом, первый роман Эмина принес ему успех не только потому, что понравился публике; он также послужил ему в рамках придворной стратегии. Своими посвящениями Орловым писатель добился покровительства влиятельного придворного клана и получил с его помощью должность переводчика при Кабинете императрицы.[69] Этот первый успех, однако, был неполным. Хотя Эмину удалось сблизиться с властью, он оставался на низкой должности, которая не соответствовала ни его амбициям, ни тому реальному или фиктивному статусу, которым он старался изумить петербургскую публику.

Суть проблемы состояла в том, что социальная стратегия Эмина была неуклюжей с самого начала. Как объясняет А. Строев, иностранцы, приезжавшие в Россию искать счастья, обычно выбирали между двумя стратегиями: восхищать публику, в надежде привлечь внимание императрицы, или служить.[70] Если они выбирали первый вариант, то намеки на личную связь с Востоком были мощным орудием в любой попытке вызвать восхищение. Характерно, что в изученных А. Строевым биографиях нескольких авантюристов османский элемент занимает видное место. Княжна Тараканова, например, якобы говорила по-турецки и по-арабски, а Степан Занович представлял себя князем Албанским.[71] К тому же, у этих авантюристов была сложная биография, напоминающая жизнь Мирамонда и Феридата. Как справедливо отметил А. Топорков, особенно характерен в этом отношении Иван Тревогин.[72] Очевидно, что Эмин мог бы пойти по классическому пути авантюриста, желающего восхитить публику.

---

[67] *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина... С. 193.

[68] *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович... С. 447–448.

[69] Там же. С. 448.

[70] *Строев А.* «Те, кто поправляет фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 310.

[71] Там же. С. 298, 300.

[72] Там же. С. 306.

Но Эмин, видимо, был своеобразным авантюристом. Поняв, что он страдает от двойного дефицита, — как финансового, так и социального капитала, он решил и восхищать, и служить, не понимая, что эти стратегии были несовместимы, так как поведенческая роль турка, предназначенная для восхищения публики, мешала карьерному росту на государственной службе, где в нем могли подозревать возможного шпиона.

Литературный успех не помог. Конечно, он улучшил финансовое положение Эмина и компенсировал его профессиональные неудачи, но только усилил подозрения, окружавшие писателя. Действительно, если «тюркери» «Непостоянной фортуны» подчеркивала новшество романа Эмина, указывая на его связь с современной литературной модой, в том числе из Франции, она также напоминала начальникам Эмина о его сомнительном прошлом.

Когда политическая ситуация изменилась, Эмин поменял не только идентичность, о чем шла речь в первой части данного исследования, и жанрово-дискурсивную модель, о чем шла речь во второй части, но также и стратегию социального продвижения. Отказываясь от намерения восхитить публику, он сосредоточился на намерении ей служить. Эта очередная перемена видна в посвящении «Краткого описания». В нем Эмин писал, что он решил удовлетворить просьбу анонимного адресата написать «о состоянии гордого Турка <...> для удовольствия народного».[73] Это высказывание выполняет двойную функцию: во-первых, подчеркивает, что единственное желание писателя — послужить публике; во-вторых, наводит читателя на мысль о том, что анонимный адресат признает его знания о турецких делах, от которых его долго осторожно отстраняли в Коллегии.[74]

Правда, желание Эмина считаться экспертом было не ново. «Непостоянная фортуна» уже изобиловала сведениями разного характера. В романе Эмин описывал разные народы, например, курдов (Ч. 2. С. 175–176), города, от Каира до Лиссабона, включая Алжир, Рим (Ч. 2. С. 225), Флоренцию (Ч. 2. С. 226–230) или Ливорно (Ч. 3. С. 121–124); политические структуры разных стран, от Мальты (Ч. I. С. 14–15) до Речи Посполитой (Ч. 2. С. 285–287); политическую ситуацию разных стран, от Марокко (Ч. 1. С. 38–39) до Испании (Ч. 1. С. 55–57), или их эконо-

[73] *Эмин Ф. А.* Краткое описание... С. [3].

[74] *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина... С. 193.

мическую ситуацию, например, Египта (Ч. 1. С. 111–116).[75] В «Непостоянной фортуне» Эмин также сообщал свое мнение о роли России и Франции в турецко-балканских войнах (Ч. 3. С. 158). Его устремление, однако, сталкивалось с отсутствием уважения, от которого страдал жанр романа в литературной системе, еще находившейся в условиях господства жанров классицизма.

В «Кратком описании» это устремление больше не вытеснял ни жанр, ни связанный с ним вымысел. Теперь текст Эмина давал общую картину состояния Порты, делая акцент на ее географии, религии и на социальной структуре населения. Этот последний аспект кажется наиболее интересным из всех. В изложении фактов текст Эмина отличался от остальной научной литературы, опубликованной в России в годы первой русско-турецкой войны царствования Екатерины II. Сведения «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» показывают, что в XVIII в. в России было опубликовано 27 сочинений об Османской империи. Среди этих 27 книг четыре были опубликованы до 1768 г., три во время войны 1768–1774 гг. и двадцать в последней трети века, включая одиннадцать в годы войны 1787–1791 гг.[76]

Все три книги, опубликованные в годы войны 1768–1774, вышли в 1769 г., то есть через несколько месяцев после начала конфликта, вспыхнувшего осенью 1768 г.[77] Помимо сочинения Эмина, это, во-первых, перевод произведения В. М. Коронелли 1686 г. «Записки историографические о Мореи, покоренной оружием венецианским, о царстве Негропонтском и о прочих близ лежащих местах»,[78] в которых давалось описание Пелопоннеса, и, во-вторых, выполненный С. С. Башиловым набор статей о Порте, взятых из «Энциклопедии» и опубликованных в России под названием «Статьи из Енциклопедии, принад-

---

[75] Об источниках информации Эмина на эти темы, в том числе о его использовании информацией, взятой из произведений Траяно Боккалини см.: *Рак В. Д.* Итальянские впечатления Феридата. (Об одном источнике романа Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда») // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 80–103.

[76] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1963–1967. Далее: СК с указанием номера библиографического описания.

[77] *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 332.

[78] *Коронелли В. М.* Записки историографические о Мореи, покоренной оружием венецианским, о царстве Негропонтском и о прочих близ лежащих местах... / Перевел с италианского языка Яков Княжнин. СПб., 1769. См.: СК № 3147.

лежащие к Турции».[79] Первый из этих двух текстов касался истории и географии одного из театров операций текущей войны, другой сообщал разные сведения об Османской империи в целом, точно так же, как и «Краткое описание». Следовательно, сочинение Эмина соперничало именно со сборником Башилова. Доказать преимущество своей книги Эмину было непросто, поскольку статьи из «Энциклопедии», выбранные Башиловым, были написаны Л. Жокуром, Н. Лангле-Дюфренуа, Д. Дидро и Г. Леблоном, то есть авторитетными интеллектуалами, с которыми безвестному Эмину было трудно конкурировать.[80]

Для достижения своей цели Эмин прибег к трем дискурсивным стратегиям. Первая заключалась в том, чтобы предложить, вместо текста французского происхождения, всего лишь переведенного на русский, текст оригинальный, написанный специально для русских читателей, в том числе, вероятно, для участников военного похода. Один из наиболее замечательных аспектов «Краткого описания» заключается в том, что Эмин строит свое описание социальной организации турецкого общества на постоянном сопоставлении с российской табелью о рангах:

> Тефтердар Паша и Нышанджи Паша; одного из которых можно счесть, как будто за генерал-кригс-комисара, а другаго за виц-канцлера…[81]
>
> Буюк Чаушь можно сказать, что имеет ранг генерал-майора; а те два бригадерские. Чины их военные…[82]

Вторая дискурсивная стратегия Эмина заключалась в его решении называть турецкие реалии, используя транскрипцию, основанную больше на произношении турецких терминов, чем на транскрипции письменных слов:

> Хотя у нас обыкновенно называют везырей визирами, однако оное слово и все нижеозначенные на их языке имена я описываю согласно с их произношением.[83]

---

[79] Статьи из Енциклопедии, принадлежащие к Турции / Перевел Семен Башилов. СПб., 1769. Т. 1–2. См.: СК № 6843.

[80] Об авторах статей о Турции, переведенных Башиловым, см.: СК № 6843. О скептицизме современников относительно серьезности работ Эмина, в том числе его исторических трудов, начиная с его «Российской истории», опубликованной в 1767–1769 гг., см.: *Степанов В. П.* Эмин Федор Александрович… С. 449; *Garrard J.* Mixail Čulkov… P. 72.

[81] *Эмин Ф. А.* Краткое описание… С. 28.

[82] Там же. С. 34.

[83] Там же. С. 26, примеч. **.

Возможно, это решение было результатом того, что Эмин знал устную турецкую речь лучше, чем ее письменный вариант, в полном незнании которого его упрекнул А. Шлецер, давая этим аргументы критикам писателя, которые в нем видели только фантазера.[84] Так или иначе, в «Кратком описании» Эмин превратил эту возможную слабость в преимущество, подводя к мысли о том, что знание и, соответственно, узнавание чинов Османской империи при устном общении было важнее, чем знание их письменной формы, вследствие чего его сочинение было нужнее, чем набор статей из «Энциклопедии».[85] Таким образом, он подчеркивал, что обращался к публике, имеющей прямую нужду в сообщаемой им информации, в том числе к военным, находившимся в прямом контакте с турецким врагом. Вместо теоретических знаний, предложенных статьями из «Энциклопедии», Эмин предлагал практичные сведения, полезные не филологам или историкам, а военным или дипломатам, использующим табель о рангах и ее турецкий эквивалент, предложенный «Кратким описанием», для общения с врагом во время конфликта.

Подчеркивая преимущества устного практического знания над знанием письменным и теоретическим, Эмин использовал свою последнюю дискурсивную стратегию: упоминание личного опыта. На протяжении всего «Краткого описания» Эмин беспрестанно напоминает, что он жил в Османской империи и что он там служил, в том числе, как было уже отмечено, в качестве янычара.[86] Этим он подчеркивал свою полезность для русских читателей, в том числе военных, опыт которых он якобы когда-то разделял в качестве янычара. К тому же, Эмин ловко усиливал эту стратегию упоминаниями о том, что его знание Оттоманской Порты, хотя и основывалось на личном опыте, было

---

[84] *Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина... С. 189.

[85] *Эмин Ф. А.* Краткое описание... С. 53, примеч. *.

[86] Использование писателем аргумента личного опыта для подкрепления легитимности его текста напоминает литературную стратегию, использованную Дмитрием Кантемиром в его трактате об истории Оттоманской империи «Historia incrementorum atque decrementorum aulae othomaniae». Об этом см.: *Leezenberg M.* The Oriental Origins of Orientalism: The Case of Dmitrie Cantemir // The Making of the Humanities. Amsterdam, 2012. Vol. 2. P. 253. Не исключено, что Эмин позаимствовал информацию об Оттоманской империи из книги старшего Кантемира, которая пользовалась широкой популярностью и была переведена на несколько европейских языков в 1740-е гг.

ограничено во времени, на что указывает многократное использование в тексте оборота «в мою бытность»:

> В мою в Сарае, городе в Боснии лежащем, *бытность*...[87]
> В *бытность* мою в Константинополе...[88]

Слово «бытность» в XVIII в. уже означало «пребывание».[89] Его использование вместо слова «жизнь» завершало превращение Эмина из османского подданного, которым он себя изображал в своих устных рассказах и в первом романе, в своего рода путешественника, просто побывавшего в османском мире. Отсюда до его превращения в лояльного русского подданного оставался всего один шаг, и его Эмин смело совершил в одической части «Краткого описания», поэтический энтузиазм которого служил мерилом патриотизма автора, соответственно явлению, отмеченному В. Проскуриной по поводу поэзии Ломоносова.[90] Переходя на восемнадцати последних страницах трактата от нейтрального тона описания к тону возрастающего энтузиазма, Эмин декларативно заменял свою прежнюю идентичность новой, идентифицируя себя с Россией посредством использования личного и притяжательного местоимения первого лица множественного числа:

> Где только, гордая Порта! Янычари твои, с *нашими* воинами ни встретятся...[91]
> Естьли Рим имел своих героев, между которыми Дециев за добродетельнейших считает, то и *мы* в сих Дециях недостатка не терпим.[92]
> Но *наш* Деций Фабию Кунктатору последовавший...[93]
> Все сии опыты и рассуждения отворили *нашему* предводителю путь к славе и удачам.[94]

Это постепенное возрастание энтузиазма приводит в клаузуле текста к торжественному использованию слова «Отечество» и к выражению

---

[87] *Эмин Ф. А.* Краткое описание... С. 39.
[88] Там же. С. 47.
[89] Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2: «Безпристрастный — Вейэр». С. 185.
[90] *Проскурина В.* Мифы империи... С. 150.
[91] *Эмин Ф. А.* Краткое описание... С. 71.
[92] Там же. С. 77.
[93] Там же. С. 80.
[94] Там же. С. 81.

досады писателя от мысли, что он может ему служить лишь пером.[95] За этой риторической фигурой скрывалась, однако, настоящая социальная стратегия Эмина: стремление показать, что он может служить России в качестве эксперта по османским делам.

Заключение

Данное исследование ставило целью показать, что эволюция Эмина в 1760-е гг. была тройной: она касалась его личной идентичности, его дискурса о Порте — а также жанра, в котором он его выражал — и его собственного социального статуса. Когда изменился политический контекст, писатель из романного турка попробовал стать экспертом по османским делам, и эта перемена не совсем соответствует принятым до сих пор представлениям о его эволюции. Изображая себя в «Кратком описании» бывшим янычаром, Эмин не совсем отказывался от своей турецкой идентичности в пользу христианской, как принято считать в посвященных писателю трудах. Ведь он еще по прибытии в Россию заявил, что у него мать христианка и что он был неравнодушен к православию. К тому же, переход от идентичности «сына лепантского губернатора» к идентичности «янычара» не смягчал опасные коннотации, связанные с прошлой принадлежностью к османской армии. Таким образом, избранная Эминым стратегия заключалась не в сглаживании турецкой темы, но в наполнении ее новым смыслом с целью предложить экспертизу военным и / или дипломатам в момент начала конфликта. В связи с этим «Краткое описание» являлось не просто данью лояльности, как принято считать, а еще и очередной стратегией перепрофилирования. Из подозрительного шпиона Эмин старался стать настоящим информатором, из театрального турка — экспертом по турецким делам. Эта перемена, очевидная при сопоставлении турецкого дискурса Эмина в «Непостоянной фортуне» и в «Кратком описании», не прошла, однако, без сопутствующего ущерба. Отказавшись от амбивалентности, свойственной дискурсу жанра романа, в пользу монологизма, присущего как научному тексту, так и одическому жанру, Эмин значительно упростил картину османского мира, разработанную в его первом романе. Это упрощение сочеталось с усвоением дискурса европейского

[95] Там же. С. 83.

ориентализма с его выявленным Э. Саидом предвзятым убеждением о моральном превосходстве Европы над Востоком[96] и его стереотипными презрительными представлениями о турках.[97]

---

[96] *Said E.* Orientalism... P. 3.

[97] Список негативных черт, характеризующих турок в западноевропейской опере XVIII в., составленный Л. Б. Балкисом, соответствует описанию турок в трактате Эмина. Эти черты включают: дикость, невежество, чувственность, безрассудство и продажность (см.: *Balkis L. B.* Defining the Turk: Construction of Meaning in Operatic Orientalism // International Review of the Aesthetics and Sociology of Music. 2010. Vol. 41. № 2. P. 185–193).

А. Ю. СОЛОВЬЕВ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К ТРАГЕДИИ А. П. СУМАРОКОВА «ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ»

В исследованиях трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец» давно стало общим местом, что образ действий Самозванца загадочен и требует изучения драматургической логики, заставляющей его совершать те или иные поступки. В равной степени он требует исторического комментария.

Конфликт трагедии строился вокруг того, что Димитрий — злодей. Однако в сценическое время им совершается только одно безусловное злодеяние (если не считать таковым самоубийство в последней строке, венчающее его преступный путь) — попытка насильно жениться на Ксении и связанные с этим действия (заключение под стражу ее жениха Георгия и отца — Шуйского). Остальное мы узнаем из реплик персонажей, это внесценические события, относящиеся к прошлому и уже им известные. Вероятно, первым зрителям трагедии не было известно о герое пьесы столько, сколько самому Сумарокову в 1770 г. Однако он мог рассчитывать на то, что они воспримут образ Димитрия именно в том ключе, который был нужен автору.

Экспозиция трагедии отличает ее и от предшествующей драматургии Сумарокова, и от трагедий, послуживших ему образцами: например, от «Ричарда III» У. Шекспира, на которого, как справедливо считается (М. П. Алексеев и др. исследователи), Сумароков ориентировался. У Шекспира тиран все свои злодеяния совершает во время действия пьесы. Напоминающий Самозванца исторический злодей Нерон Ж. Ра-

© А. Ю. Соловьев, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-153-173

сина, герой трагедии «Британик» (сходство пьес отмечали Г. А. Гуковский, А. Фельдберг, Н. А. Гуськов),[1] еще только готовится к известной нам роли тирана: драматург особо оговаривал в предисловии к изданию пьесы, что хочет показать его становление. В каком-то смысле ближе всего к самозванцу Ирод из «Рождественской драмы» Димитрия Ростовского: злодейская натура библейского царя, конечно, была прекрасно известна зрителям, к тому же она проявлялась в ходе сценического действия. Нравственная характеристика персонажей ранней русской драматургии, в отличие от героев Шекспира и Расина, задана тем, что известно помимо сюжета пьесы, их путь заранее определен. Поэтому можно говорить о влиянии на «Димитрия Самозванца» пьес школьного театра.[2]

И все же этим влиянием не ограничивается ее своеобразие, по сравнению с ориентированными на классицистическую трагедию ранними представителями сумароковского трагедийного творчества. Тема подлинной русской истории, которой в пору создания «Димитрия...» Сумароков был, кажется, увлечен более, чем когда-либо (и прежде всего XVII в.), в полный рост заявляет о себе в этом произведении.

Тексты, окружающие трагедию в отдельном издании, говорят о том, что Сумароков решал среди прочих задачу создания образа Самозванца с точки зрения исторической достоверности. Объяснение Сумарокова к опубликованному им портрету Лжедмитрия замечательно не только тем, что автор обращает внимание читателей на редкость гравюры и курьезность ее содержания: *подлинный* портрет *ложного* Димитрия. Сумароков указывает на особенности внешнего облика Лжедмитрия, которые позволяли современникам принимать его за чудесно спасшегося царевича Димитрия. Эти приметы для писателя — исторические детали, а Самозванец — историческая фигура. Использование портрета заглавного действующего лица — возможно, уникальный случай для

---

[1] См.: *Гуковский Г. А.* Расин в России / Пер. с фр. и примеч. А. О. Дёмина // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 434–480; *Фельдберг А.* Трагедия Сумарокова как риторический текст: Дис. на соискание ученой степени magister artium по русской литературе. Тарту, 1996; *Гуськов Н. А.* Жанровое своеобразие драматургии писателей сумароковской школы // Язгулямский сборник. СПб., 1997. 2: Язык. Литература. С. 79–88.

[2] Первым развернуто написал об этом И. Клейн: *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 165–166.

русских пьес в XVIII в., а место, выбранное для него в композиции издания трагедии (портрет с примечанием помещен перед текстом), задает общий тон: речь пойдет о реальных событиях, а не о вымысле.

В самой трагедии верность исторической правде, как ее понимал автор, тоже должна была проявиться.

Говоря о том, что знал Сумароков о Лжедмитрии, мы не можем обойти свидетельств самого писателя. Прежде всего это «Краткая московская летопись», опубликованная им в 1774 г. В главке «Димитрий Самозванец» (самом пространном из приведенных им персональных описаний правителей Москвы) Сумароков отмечал значение характерных черт внешности Самозванца, указанных им и в примечании к портрету: «<...> я во извинение моего отечества сие предлагаю. Как не поверить было возможно, что сей самозванец не подлинный Димитрий? Имел он крест и печать точно данные царевичу: приметы на лице и на теле были точные, как у царевича: одна рука короче, как у царевича: мать его признала и любила, а он ее почитал». Другое место позволяет опереться на него как на подтверждение дидактического задания пьесы: «<...> хотя и все почитали его подлинным Димитрием, но государем, недостойным престола <...>».[3] Ср. в реплике Пармена: «Димитрий ты иль нет, сие народу равно».[4]

Точных сведений о времени написания «Краткой московской летописи» нет, и утверждать, что во время подготовки трагедии (1769–1770 гг.) Сумарокову были известны те же источники, нельзя. Как мы знаем из писем к Г. Ф. Миллеру,[5] ставшему в конце 1760-х гг. главой

---

[3] *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе <...>. М., 1781. Ч. 6. С. 175–176.

[4] *Сумароков А. П.* Избр. произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 432 (Библиотека поэта. Большая сер.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Сумароков 1957, с указанием номера страницы.

[5] Письма А. П. Сумарокова / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 103, 108, 118–120, 145. Впервые опубликовано П. Н. Берковым (с ответами Миллера) по фотокопиям М. А. Арзумановой: *Берков П. Н.* Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру (1767–1769) и четыре записки последнего к Сумарокову // XVIII век. Л., 1962. Сб. 5. С. 376–382. Берков утверждал, что как «исторические работы Сумарокова выросли главным образом из чтений архивных материалов, выдававшихся и доставлявшихся ему Миллером, по тогдашним порядкам, на дом», так и его «литературные замыслы» «связаны были с чтением архивных материалов, присылавшихся ему и даже копировавшихся для него» (см.: Там же. С. 378).

московского архива Коллегии иностранных дел, обращение к каким-то архивным документам в этот период было, но трудно установить, к каким именно и для работы ли над трагедией. Лжедмитрий упоминается в письме от 21 октября 1767 г. (просьба прислать «Ряду, бывшую во время ложного Димитрия»),[6] но больше всего вопросов вызывает следующий фрагмент из письма от 17 апреля 1769 г.: «Найдите для меня что-либо более достойное примечания и чтобы это было из времени царствования Михаила Федоровича. А если это будет еще старее, тем лучше».[7] Миллер мог подсказать опубликованные или широко распространенные в списках источники, а с чем-то Сумароков мог познакомиться в его бумагах.[8]

Именно к фигуре Миллера и его сведениям мы и обратимся прежде всего. Из того, что Миллер и другие академические историки опубликовали до написания трагедии Сумарокова, конкретно об эпохе Лжедмитрия мы почти ничего не найдем. В 1767 г., когда Сумароков просил списать Ряду времен Димитрия, вышла первая часть «Русской летописи по Никонову списку». В 1768 г. Миллер начал издавать вторую редакцию «Истории российской» В. Н. Татищева (она доведена только до времени Федора Иоанновича). Однако бумаги Татищева, отложившиеся в т. н. портфелях Миллера (ныне РГАДА. Ф. 199), содержат записи Татищева о Самозванце, а также грамоты патриарха Игнатия и самого Лжедмитрия о восшествии его на престол.[9] В распоряжении Сумарокова было достаточно материалов для формирования общего взгляда

---

[6] Письма А. П. Сумарокова... С. 108.

[7] Там же. С. 121 (оригинал по-немецки).

[8] М. А. Салмина обнаруживает знакомство Сумарокова с «выписками из материалов летописного характера» уже в сочинении «О перьвоначалии и созидании Москвы» (1759), связывая это с доступностью ему архива Академии наук (см.: *Салмина М. А.* Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 15. С. 381–382).

[9] РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Портфель 133. Ч. 1. № 6, 9. Опубл.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 201–207. Там же находилась и грамота Шуйского о ложном Димитрии, а также письма, найденные после смерти Лжедмитрия, «о злых его делах и намерениях» (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Портфель 133. Ч. 1. № 16, 17; опубл.: Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 2. С. 308–313). С. Л. Пештич утверждал, что Миллеру должны были быть известны татищевские рукописи продолжения «Истории Российской» (см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 219).

на состояние самодержавия и облик людей, стремившихся к власти в эпоху Смуты.

В 1761 г. Миллер опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» статью «Опыт новейшей истории о России». В ней в частности говорилось:

> Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки; то не токмо похвальные дела производят сие действие; но и рассказывание о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и бесчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравоучении и политике. Человеку сродно взирать на доброе дело, выключая самых чрезвычайных, яко на обыкновенное, без великого восторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается.[10]

Задачи истории в этой трактовке не противоречат задачам трагедии, по Сумарокову: «<...> чрез действо ум тронýть», хорошая трагедия, как «Меропа» Вольтера, может иногда и «без любви» тронуть «всех сердца» (Сумароков 1957; 119, 121).

В той же статье Миллер отмечал, что из материалов по истории Смуты «еще ничего <...> в печать не произведено, но все хранится в библиотеках и кабинетах».[11] Основной источник этого рода — «Летопись о мятежах и о разорении Московского государства».[12] Раньше уже высказывалось предположение, что Сумароков был знаком с «Летописью...» до опубликования ее М. М. Щербатовым (1771).[13]

Это возможно, но требует уточнений. Лишь в 1770 г. Щербатов получил разрешение пользоваться московским архивом Коллегии иностранных дел, где, по-видимому, и прочел «Летопись...». Сумароков же зимой-весной 1770 г. закончил первый вариант трагедии. Так что

---

[10] См.: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Январь. С. 6 (вся работа была опубликована в номерах с января по апрель).

[11] Там же. Январь. С. 8.

[12] Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году / Собрано из древних тех времен описаниев; изд. М. М. Щербатовым. СПб., 1771; 2-е изд.: М., 1788.

[13] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 172.

знакомство с этим документом должно было состояться до Щербатова, при посредничестве Миллера, опиравшегося на «Летопись...» в «Опыте...».[14] Остается открытым вопрос, видел ли Сумароков саму рукопись или только знал ее содержание со слов Миллера.

«Летопись...» была создана в середине XVII в. и отражает официальный взгляд на историю Смуты. Именно «в это время формируется новая идея о русском самодержце как верховном покровителе всего православия, начинается исправление церковных книг и обрядов», а следовательно, и взгляд на историю тоже отражает эту идею, в этом же духе трактуется политика России в отношении Речи Посполитой.[15]

Приведем ряд отрывков, в которых, на наш взгляд, могло иметь место обращение Сумарокова к этому источнику.

В словах Пармена (Д. 1; Явл. 1), впервые сообщающих о злодействах Димитрия, содержатся подробности, имеющие под собой реальную основу:

> Ты много варварства и зверства сотворил:
> Ты мучишь подданных, Россию разорил,
> Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
> Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не винных,
> Против отечества неутолим твой жар,
> Прекрасный стал сей град темницею бояр.
> Отечества сыны все счастьем одинаки,
> И здравие твое брегут одни поляки.
>
> (*Сумароков 1957; 427–428*)

По сведениям «Летописи...» в более позднем изложении М. М. Щербатова, члены около семидесяти семей, связанных узами родства с Годуновым, были отправлены в ссылку, заключены в монастыре или убиты, а их имения были «употреблены в дачу награждений пришедшим с ним

---

[14] В части, касающейся периода между смертью Ивана Грозного и царствованием Бориса Годунова, почти до конца которого «Опыт...» Миллера был доведен в публикации 1761 г., когда был получен запрет на продолжение (см.: *Каменский А. Б.* Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 391). Однако очевидно, что и дальнейшие события должны были быть прекрасно известны Миллеру по «Летописи...».

[15] *Ляпин Д. А.* «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии Российского государства середины XVII в. // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 168.

полякам, что уже и тогда некоторое огорчение произвело в народе».[16] Сама же «Летопись...» передает события отчасти красочнее, но чуть менее информативно: «По том дойдено под Орел, и кои стояху за правду, не хотяще на диявольскую лесть прельститися, ему оклеветани быша, а прочих повелено переимати и разослать по темницам, Ивана ж Годунова послаша в тюрьму в Путимль (так! — *А. С.*), а иных по иным городам разослав, он Гришка нача думать, како бы ему послати к Москве»; «Годуновых же и Сабуровых и Вельяминовых переимав, всех раздаша за приставы, домы же их все разграбиша миром, не токмо животы пограбили, но и хоромы разломаша, и в селех их и в поместьях и в вотчинах также пограбиша»; «<...> всех же Годуновых и Сабуровых и Вельяминовых с Москвы послаша по тюрьмам в понизовые города и в Сибирские, единого ж от них Семена Годунова сослаша в Переславль Залесской со князем Юрьем Приимковым Ростовским, и там его удавиша»; «Он же Расстрига, сшед с коня, пойде по храмом, и нача петь молебная, а латыня литва сидяху и трубяху в трубы и бияху в бубны. От Лобного ж места пойде во град в Царские хоромы и нача пировати. Людие ж московские многие его, окаянного, опознаху и плакахуся о своем согрешении, и не можаху, что и сделати, окроме рыдания и слез».[17]

Отрывок из монолога Ксении (Д. 2; Явл. 1) содержит несколько мотивов, кажущихся на первый взгляд риторическим нагромождением обвинений Димитрия, но становящихся ясными при обращении к «Летописи...»:

> Изверже́т еретик толпой своих рабов
> Тела святых мужей, ругаясь, из гробов.
> В России имена их вечно сокрушатся,
> И домы божии в Москве опустошатся.
> (*Сумароков 1957; 439*)

На наш взгляд, здесь отразились такие события, как низложение патриарха Иова с престола и его молитва, в которой тот называет Лжедмитрия еретиком, а также перезахоронение тела Бориса Годунова (из Архан-

---

[16] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен / Соч. князь Михайлом Щербатовым. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2: Царствования Лжедимитрия и Василья Иоанновича Шуйского. С. 11.

[17] Летопись о многих мятежах... С. 89, 90–91, 93, 95.

гельского собора в Варсонофьевский монастырь вместе с телами жены и сына), — все находящиеся в изложении «Летописи...».[18] О реакции Самозванца там говорится так: «Он же, окаянный, рад бысть».[19] Хотя на роль «святого мужа» царь Борис не годится, но «Летопись...» фиксирует сам мотив, использованный Сумароковым в пророчестве Ксении. Что касается опустошения храмов, то «Летопись...» приводит такую характеристику деяний Самозванца: «Он же, окаянный, и наипаче ярящеся на православных християн, многих поимав, разными пытками пыташе. <...> Он же рассылаше по темницам...».[20]

С именем патриарха Игнатия в трагедии связано не так много, он упоминается всего дважды, но одно из этих упоминаний указывает на принципиальное сходство с «Летописью...».

Георгий (Д. 3; Явл. 3) характеризует его так:

> Еще духовные духовну власть имеют,
> Еще Игнатию противостати смеют
> И бодрствуют еще противу ересей,
> Которы, папствуя, нам сеет пастырь сей.
> (*Сумароков 1957; 448*)

Здесь довольно точно отразились сведения из биографии Игнатия, указанные в «Летописи...», его изначальная приверженность ереси, назначение патриархом в обход духовных властей: «<...> Расстрига начат думати, како бы изобрать на престол Патриаршеский такого ж окаянного, каков и сам. От Папежския бо веры боятеся взяти вскоре; и взя из Рязани Архиепископа Игнатия <...> Царь бо Борис, не познав в нем, окаянном, ереси, посла его на Рязань...».[21] Щербатов высказывается определеннее: «<...> понеже не безызвестны были самозванцу и внутренние расположения сего архиепискупа в рассуждении веры, и он видел в нем точно такого поборника своих намерений, какого он желал, то не по избранию духовенства, но по собственной своей власти, июня 23 числа патриархом его наименовал».[22] Упоминаемые Георгием

---

[18] Летопись о многих мятежах... 2-е изд. С. 92–94.

[19] Там же. С. 94. Здесь и далее пунктуация источников приближена к современной.

[20] Там же. С. 97.

[21] Там же. С. 95.

[22] *Щербатов М. М.* История Российская... С. 21.

Галицким духовные смеют противостоять патриарху и в силу его воззрений, и потому, что он не был ими надлежащим образом избран.[23]

Начальник стражи (Д. 4; Явл. 2) сообщает о бегстве патриарха:

Игнатий-патриарх во ересях дрожал,
И се, лукавый муж из града убежал.
(*Сумароков 1957; 457*)

По сведениям «Летописи...», Игнатий был низложен уже после воцарения Василия Шуйского, и здесь Сумароков с ними расходится.[24]

Главное нарушение Димитрием своих царских обязанностей, вменяемое ему в трагедии, — это обещание папе Клименту перевести Россию в католичество:

Пармен
Восточной церкви здесь закон совсем падет,
Под иго папское царь русский нас ведет.

Димитрий
В законе Климент мя присягой обязал,
А польский мне народ услуги показал.
(*Сумароков 1957; 428*).

«Летопись...» говорит об этом договоре так: «...он, окаянный Гришка, им даде на том обещание, что с ними (поляками. — *А. С.*) быти в одной еретической вере».[25] В трагедии же о поляках говорится очень общо, а задание перевести Россию в католичество приписывается отношениям с Климентом, поляки лишь исполнители.[26]

Действие трагедии застает Димитрия в тот момент, когда народ уже «смущается» его злодеяниями (которые, вероятно, до этого покорно переносил), а сам он усугубляет свое положение планами женитьбы на дочери Шуйского Ксении (имя ее, конечно, подсказано именем дочери Годунова: у исторического Шуйского детей, переживших младенческий возраст, не было).

---

[23] Подробнее дискуссию об избрании Игнатия см.: *Ульяновский В. И.* «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб., 2021. С. 145–146.

[24] Летопись о многих мятежах... С. 103.

[25] Там же. С. 79.

[26] Такое обещание действительно было дано, см.: *Бильбасов В.* Письмо Лжедмитрия Клименту VIII // Русская старина. 1898. № 5. С. 307–309.

В «Истории Российской» Щербатов излагает историю насилия над Ксенией Годуновой, неизвестную опубликованному варианту «Летописи...», по списку ее, полученному от князя М. Н. Волконского.[27] Неизвестно, по какому источнику эту историю узнавал Сумароков, но она должна была быть ему известна.[28]

В «Летописи...» женитьба Лжедмитрия непосредственно предшествует главке «О убиении Расстригине» (но там это свадьба с Мариной Мнишек, не названной в тексте по имени, фигурирующей там как дочь сандомирского воеводы). Эта событийная последовательность повторяется в пьесе Сумарокова, хотя, конечно, данная сюжетная сцепка (притязания тирана на чужую невесту — восстание против него) типична для трагедий и, в частности, для трагедий самого Сумарокова.

Подчеркивается в «Летописи...» роль Шуйского в низложении Лжедмитрия: «Боярин князь Василий Иванович Шуйской с братьею начаша помышляти, чтоб православная Християнская вера до конца не разорилась».[29] По приказу Самозванца заговорщиков сажают в тюрьму, и только заступничество царицы Марфы спасает жизнь Шуйского. Но он вновь вынашивает замысел освободить Россию от Димитрия, в соответствии с единодушным желанием московских жителей «чтоб и досталь православная Християнская вера разорена не была. На него ж Расстригу больше всех яряшеся, той же князь Василий Иванович Шуйской с братьею собрався, прииде на него того ж месяца маия в четвертый-надесять день».[30]

Роль Шуйского в «Летописи...» и в трагедии Сумарокова обнаруживает сходство с еще одним возможным источником — «Повестью, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» (1606 г.; название в части списков: «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови нового страстотерпца благоверного царевича Дмитрея Угличского») — произве-

---

[27] *Щербатов М. М.* История Российская... С. 24.

[28] Возможно, по «Ядру российской истории», до публикации ее Миллером в 1770 году известной по спискам. Отметим, что в «Кратком московском летописце» Сумароков упоминает насилие, учиненное Лжедмитрием над Ксенией Годуновой.

[29] Летопись о многих мятежах... С. 96.

[30] Там же. С. 100. У Щербатова ошибка: «...чтоб и досталь православная Християнская вера разорена не была, *на* него ж Расстригу больше всех яряшеся. *Той* же князь Василий Иванович Шуйской...» (курсив мой. — *А. С.*). Сердечно благодарю К. Н. Лемешева за это указание и ряд ценных советов.

дением эпохи Смутного времени. Рассматривавшие его связь с «Димитрием Самозванцем» исследователи считали, что Сумароков не только заимствовал из «Повести...» сведения, но также следовал источнику в трактовке образов. Противопоставление Шуйского, с одной стороны, и Годунова и Лжедмитрия, — с другой, сопровождается там религиозно-нравственными оценками: последние два — искушенные дьяволом преступники (убийца и вероотступник соответственно), Шуйский же — добрый христианин и патриот, награждаемый Богом.[31]

Шуйский в трагедии — один из основных двигателей сюжета. Мы можем заключить из его действий и реплик других персонажей, что он искусный политик, способный и влиять на монарха, и поднять восстание против него, — но разработка этого характера все же не слишком зависела от трактовки его образа в исторических источниках.

В сравнении с современной событиям «Повестью...» «Летопись...» представляется более вероятным источником сведений Сумарокова об эпохе Самозванца. Хотя «Повесть...» и предлагает религиозно-нравственную трактовку событий, в ней главным грешником оказывается Борис Годунов. Народ же принимает Димитрия как наказание неправедному царю Борису: «Людие же рустии приняша размышления во сердцых своих и полагаху на щедроты Божия, мневше тому в правду быти <...>. А про Бориса добре ведают, яко неправдою восхити царство и подсече древо благоплодия, еже есть правоверного царя нашего Феодора, и много бесчисленно пролил неповинныя християнския крови, доступаючи того великого государства. И с радостию ожидаху его (Самозванца. — *А. С.*), и никто же ста братися противу его...».[32] В трагедии народу дается политическая, а не династическая или религиозная мотивировка суждений о Димитрии:

> Когда б не царствовал в России ты злонравно,
> Димитрий ты, иль нет, сие народу равно
> (Пармен; Д. 1; Явл. 3);
>
> Коль был бы подданным ты счастьем и отрадой,
> Народ бы твоего престола был оградой
> (Пармен; Д. 2; Явл. 6);

---

[31] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 172–174; Русская литература — век XVIII. Трагедия / Сост., подгот. текстов и коммент. П. Е. Бухаркина, Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной и др.; отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 1991. С. 696 (коммент. Ю. В. Стенника).

[32] Русская историческая библиотека. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 158.

Благополучна нам монаршеска держава,
Когда не бременна народу царска слава.
(Георгий; Д. 3; Явл. 5).
(*Сумароков 1957; 432, 443, 451*)

На вопросе о том, что означало на общественно-политическом языке эпохи — и самого автора — понятие «народ», мы здесь подробно останавливаться не будем; если отбросить дидактические аллюзии на современность, которым уделено внимание нашими предшественниками, очевидно, что под народом в этих репликах понимаются жители Москвы. Подчеркнем, что в трагедии Сумарокова ему отведена роль политической силы. Такого же взгляда придерживается и «Летопись...», сообщая о народных настроениях (используются обозначения «людие рустии», «людие московского государства»), от которых зависела судьба монархов.

Возможно, «Повесть...» и помогла Сумарокову в оценке Димитрия как Божьего орудия мщения. Отметим, однако, что таковым называет себя только сам Самозванец, окружающие же его персонажи не оценивают его деяния как наказание стране за грехи Смуты. Сама Смута не поминается ими, имя Годунова встречается лишь дважды, Иван Грозный назван один раз, причем о том и другом говорится в одной и той же реплике Шуйского (Д. 1; Явл. 4):

Ты наш монарх и сын монарха Иоанна:
В Соборной церкви нам глава твоя венчанна.
Тираном был у нас злонравный Годунов:
Ты грозен, праведен: отец твой был таков.
(*Сумароков 1957; 433*)

Намного чаще в качестве злодеев упоминаются паписты и поляки.

Подытожим. Персонажи пьесы Сумарокова называют и осуждают прегрешения Димитрия (кроме, собственно, самозванства) на протяжении всего действия. Причем многое в описании этих прегрешений опирается на источники, которые в конце 1760-х гг. были известны только избранной ученой публике.

Выявление всех источников не входит в задачи настоящей статьи, это задача академического комментария к трагедии. Мы показали конкретные переклички и убедились, что, независимо от того, каков был реальный источник (или источники) Сумарокова, для историзма трагедии принципиально важно, что именно вероотступничество Димит-

рия — основание его греховности. Внимание к конфессиональному конфликту между Самозванцем и его подданными было общим местом всех возможных источников сведений Сумарокова о Лжедмитрии. Поэтому видеть в сосредоточении сюжета трагедии вокруг этой проблематики след только их влияния неправильно, это нужно вынести за скобки. С одной стороны, выявляя конкретные заимствования, нужно обращать внимание на детали, которые не относятся к этому конфликту, а с другой стороны, говоря об оппозиции «православные — католики» применительно к «Димитрию Самозванцу», — искать связанный с нею современный политический контекст, важный при дворе и для среды, к которой было обращено творчество Сумарокова.

Вернемся здесь к материалам, которыми Сумароков сопроводил публикацию текста трагедии — «историческое примечание» о портрете Самозванца, статья о «слезной драме» и письмо Вольтера. Политическое назначение трагедии было не общим, а конкретным и было связано с тем, какому реальному кругу зрителей и читателей она предназначена. Неудача предполагавшейся постановки в Москве после скандала с генерал-губернатором графом П. С. Салтыковым подвигла Сумарокова не только хлопотать о передаче «Димитрия...» на петербургскую сцену, но и усилила в его издании «антимосковскую» направленность обращения к публике. С Москвой ассоциировалось «повреждение нравов», отсутствие вкуса, «подьяческий» уровень аудитории — Петербург же и двор выступали как хранители высокой традиции. Сумароков получил поддержку и от Вольтера — корреспондента Екатерины II, и от Фальконе (снабдившего его портретом Лжедмитрия для издания), и от петербургских покровителей (возможно, Г. В. Козицкого или Орловых), благодаря чему состоялась постановка на придворной сцене, зафиксированная в первом издании трагедии. Этот элемент был усилен в опубликованном тексте, но до этого не вовсе отсутствовал, что ясно из истории создания: после неудачи с «Вышеславом» Сумароков остро нуждался в произведении, которое будет понято при дворе, будет уместно там и вернет утраченные, по его мнению, позиции. Это не должно было быть достигнуто только за счет совершенства пьесы: был необходим «правильный» сюжет. Меньше всего мы хотели бы представить Сумарокова писателем, продающим вдохновенье. Но он не мог не думать как об осуществлении постановки и публикации новой трагедии, так и о том, что́, кроме славы и коммерческого успеха, она может ему принести. В письмах, отправлявшихся в Петербург — самой императрице,

Козицкому, Орлову, — он отчитывался о ходе работы над текстом трагедии, а значит, придавал ей официальное значение. Таким образом, контекст политических событий, важных для придворной жизни конца 1760-х — начала 1770-х гг., необходимо учитывать при анализе творческого замысла Сумарокова.

Здесь оговорим, что другая политическая тема, обладавшая реальной актуальностью во время написания трагедии (как и на протяжении всего XVIII в., а по крайней мере, в период драматургической активности Сумарокова), — тема легитимности монаршей власти нами не рассматривается. По этому вопросу существует обширная литература.[33]

Между тем обращение к эпохе Смутного времени в аспекте религиозной проблематики имеет четкий ориентир в событиях конца 1760-х гг., важный для российского двора. Речь идет о событиях, предшествовавших первому разделу Речи Посполитой, — о борьбе Барской конфедерации с русской партией при польском короле, Станиславе II Августе Понятовском, вылившейся в военный конфликт, ставший, в свою очередь, основным поводом к русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Этот очевидный политический контекст (на котором, кажется, именно в силу очевидности, подробно не останавливались) необходимо конкретизировать.[34]

Основной пункт напряжения в польском вопросе конца 1760-х гг. — это политические права конфессиональных групп в Речи Посполитой: православных, католиков и униатов. Русское правительство через сво-

---

[33] Вопрос затрагивался Г. А. Гуковским, особенно Ю. В. Стенником (см.: *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л., 1981. С. 69–71), из работ последнего времени назовем: *Levitt M. C.* Sumarokov's Russianized «Hamlet»: Texts and Contexts // Levitt M. C. Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts. Boston, 2009. P. 76–102; *Ospovat K.* The (Dis)empowered People: Kingship, Revolt and the Origins of Russian Tragic Drama // Acta Slavica Estonica VI. Tartu, 2014. P. 38–58 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; XIV: Russian National Myth in Transition) (здесь о «Гамлете», но концепции и многие выводы авторов приложимы и к «Димитрию Самозванцу»); *Morris M. A.* Writing the Time of Troubles: False Dmitry in Russian Literature. Academic Studies Press. [Boston], 2018. P. 26–39.

[34] О польском вопросе в период царствования Екатерины II см.: История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) / Институт российской истории РАН. М., 1998. С. 168–197 (сер.: История внешней политики России); *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2004; *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М., 2002.

его посла князя Н. В. Репнина и лояльного к Екатерине II короля проводило в своих интересах политику восстановления политических прав диссидентов — православного населения восточных областей Польши. Вмешательство Екатерины во внутренние дела государства и пророссийская политика правительства вызвали недовольство, а потом открытый протест части шляхты, объединившейся в вооруженный союз — Барскую конфедерацию. Противостояние вылилось в конце концов в интервенцию и первый раздел Польши. Сумароков, через Н. И. Панина неплохо ориентировавшийся во внешнеполитической ситуации,[35] стремившийся утвердить свои позиции при дворе и последовательно приурочивавший постановки своих пьес к императорским дням, вряд ли случайно обратился к эпохе наиболее острого (и в военном, и в конфессиональном смысле) противостояния России и Польши в предшествовавшей истории отношений двух стран.

Трактовка, которую мы предлагаем в качестве аллюзионного плана пьесы, сводится к следующему. Католикам не важно, каков правитель (в России или Польше), главное, чтобы он принадлежал к их партии. Православные же надеются, что монарх будет «отцом народа». Папа Римский и сам самозваный наместник Бога на земле, и поддерживает таких же бессовестных самозванцев. (Более того, судя по описанию Димитрия, папе еще и свойствен грех гордыни: «отцом отцов» его должны признать подопечные ему христиане). Католичество в «Димитрии Самозванце» предстает экспансионистской религией, равнодушной к судьбам народов. В контексте русско-польских отношений того времени эти оценки получали злободневное звучание.

На Сейме 1767 г. после выступления папского нунция с призывом поддерживать незыблемость католической веры «присутствовавшие стали говорить, что пожертвуют жизнью, но не допустят ущерба католической вере и своим правам».[36] Это — согласно официальному диариушу Сейма, а, согласно донесениям Н. В. Репнина Н. И. Панину, нунций собирался сорвать Сейм.[37] Укажем также на небольшую, но любопытную деталь. В решении Сейма от 21 февраля 1768 г., утвердившем по-

---

[35] См.: *Алексеева Н. Ю.* Значение дружбы с Н. И. Паниным для творчества А. П. Сумарокова // XVIII век. СПб., 2017. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века. С. 60–80.

[36] *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой... С. 609.

[37] Там же. С. 609–610.

становление его специальной комиссии, говорилось о «предоставлении православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавлении их от юрисдикции католических судов», комиссия «уравняла в гражданских правах представителей всех конфессий».[38] Загадочные отсылки к протестантам в отповеди Пармена тирану («Сложила Англия, Голландия то бремя, / И пол-Германии» (Сумароков 1957; 428))[39] проясняются в этом контексте: в Польше речь шла и о православных, и о протестантских диссидентах.

Говоря о связи русско-польских отношений и «Димитрия Самозванца», нужно иметь в виду несколько уточняющих обстоятельств.

Во-первых, политика русского правительства в Польше не содержала элементов критики католичества или противостояния ему, а риторика официальных выступлений зиждилась на поддержке единоверцев.

Во-вторых, близость к официальной русской позиции по польскому вопросу Сумароков проявлял в своем творчестве и раньше. Так, Н. Ю. Алексеева отмечает качественное отличие произведений 1760-х гг. от предшествующих:

> Вместо беспомощных журнальных од 1750-х годов из-под его пера начинают выходить оды, наполненные реальным политическим содержанием. Он все чаще освещает события, о которых другие поэты не говорят, и напротив, может обойти молчанием то, что воспевает полк одописцев. Новому видению событий Сумароков был обязан, по-видимому, Панину. Как, если не его влиянием, можно объяснить, например, появление в сентябре 1764 года оды Сумарокова только что выбранному польскому королю Станиславу Понятовскому, избрание которого было результатом долгой и кропотливой дипломатической работы Панина, первой его крупной победой на посту главы иностранной коллегии. Едва ли он внушил Сумарокову мысль обратиться к новому королю с одой, но несомненно, что своим пониманием важности этого события и восприятием его как торжества России поэт был обязан дипломату.[40]

---

[38] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II… С. 118.

[39] И. Клейн называет пафос защиты православия в трагедии соответствующим политике правительства в 1760-х гг., особо отмечая, что Екатерина II противопоставляла себя «чересчур симпатизировавшему Пруссии и протестантизму» Петру III (см.: *Клейн И.* Любовь и политика в трагедиях Сумарокова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 372–373). Открыто выраженная симпатия к протестантам в словах Пармена вступает в конфликт с этим предполагаемым прозелитизмом.

[40] *Алексеева Н. Ю.* Значение дружбы с Н. И. Паниным… С. 76.

Далее исследовательница отмечает информированность Сумарокова, позволившую ему выступить с одой «На восшествие на престол 1768 года 28 июня», в которой говорилось о будущей русско-турецкой войне задолго до ее объявления; о планах могло быть известно только узкому кругу лиц, связанных с верхушкой дипломатического ведомства (Никита Панин). Но этой информированности приходит конец, когда Сумароков переезжает в Москву в январе 1769 г.: с этого времени он «опаздывает со своими одами».[41] Полагаем, что с польскими делами была та же ситуация, что и с архипелагскими, и Сумароков был в курсе последних событий только до 1769 г. По-видимому, его сведения о диссидентском вопросе остановились на упомянутом решении Сейма 1768 г. Вероятно, Сумароков не знал и того, с какими инструкциями был отправлен в Польшу новый русский посол, М. Н. Волконский (близкий к Орлову и Бестужеву, оппонентам дипломатической линии Панина). Между тем, с началом Русско-турецкой войны (объявленной осенью 1768 г.; боевые действия начались в 1769 г.) был не только заменен посол, но и сдвинулись приоритеты русской политики в Польше.[42]

В-третьих, к моменту, когда Сумароков завершил трагедию, внешнеполитические обстоятельства сильно изменились. Именно в 1770 г. русские войска одержали громкие победы над турками при Ларге и Кагуле, русский флот уничтожил османский флот при Чесме. Известия с фронтов об этих успехах затмили польский вопрос настолько, что различия между позициями в нем перестали быть существенными, а сам фон потерял актуальность. Это заметно, в частности, по реакции Сумарокова. Лето 1770 г. он проводит в деревне, после болезни; «к творческой работе он вернулся только осенью. В сентябре у него возник замысел драмы о победах русского флота в Морее, похищенный, как он жаловался позднее, П. С. Потемкиным для пьесы „Россы в Архипелаге“».[43] 23 сентября 1770 г. Сумароков посылает Екатерине II и Г. В. Козицкому оду на победы русского оружия, а о трагедии уже ничего не сообщает. Придворная судьба «Димитрия...» была туманна, и только поездка в Петербург осенью-зимой 1770–1771 гг. определила ее перспективы.

---

[41] Там же. С. 77–78.

[42] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II... С. 121–123.

[43] *Степанов В. П.* Сумароков Александр Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 196–197.

Не возьмемся утверждать, что польский вопрос стал причиной написания трагедии или что в замысел Сумарокова входило отражение его перипетий, но как фон для трагедии он очевиден и необходим.

Итак, в исторических сочинениях XVIII в. Самозванец предстает как ставленник папского престола и польской короны. Заострение религиозной проблематики в сравнении с политической у Сумарокова должно было происходить как под влиянием источников определенной направленности, так и под влиянием традиции школьной драматургии, а также в связи с актуальными событиями русско-польских отношений.

Современники же могли увидеть совсем другие связи с реальностью, которые создатель образа Самозванца не мог предугадать.

Парадоксально, но именно эта — впервые в его драматургии — подлинная историческая фигура стала одной из причин непростой театральной судьбы трагедии. В. П. Степанов отмечал, что она «попала на сцену только после подавления восстания Пугачева, когда уже перестала ощущаться ее прямая аллюзиозность».[44] Пугачевское восстание, которое названо Степановым в качестве причины отсутствия постановок «Димитрия Самозванца» на общественной сцене, все-таки началось значительно позже, чем трагедия была написана, поставлена на придворном театре и опубликована. Но нельзя не отметить, что в произведении Сумарокова оказалось заложено то, что спровоцировало актуализацию параллели — история возмездия несправедливому социальному порядку, обернувшаяся катастрофой.

> Самозванец, — пишет современный исследователь об историософском потенциале фигуры Лжедмитрия I, — представляет собой фигуру, с максимальной полнотой скрывающую / раскрывающую диалектику власти, интериоризирующую столкновение «Я» и «Другого». С одной стороны, он является тем опасным «Другим», уничтожая которого власть утверждает свой авторитет, но, с другой, — он сам персонифицирует собой место власти, поскольку через его тело непосредственно проходит граница между собственным «Я» и чужим авторитетом, который он пытается перехватить, объявляя себя носителем этой обжигающей и опасной (опасной уже для собственного «Я») властной харизмы. Функционирование его субъективности — это живая драма, театр власти

---

[44] *Степанов В. П.* Сумароков Александр Петрович. С. 196. Правда, это не могло относиться к контракту с Бельмонти, заключенному 29 марта 1771 г., т. е. уже после петербургского придворного спектакля, и содержавшему запрет на постановки «Димитрия…» в Москве (см.: Там же. С. 197).

одного актера», <...> наиболее яркая манифестация абсолютной власти именно в самозванце <...> представляющий «наиболее яркую манифестацию абсолютной власти».[45]

С другой стороны, самозванец бросает «вызов власти, позволяющий структурироваться социальному недовольству и сам являющийся ответом на назревающий социальный кризис. Возглавляемая самозванцем война состоит не столько в том, чтобы перейти из одного статуса в другой <...>, сколько в том, чтобы через ролевое присвоение самого высокого статуса в империи вернуть различным социальным группам их изначальный, родовой, доимперский статус, „идеализированное автономное прошлое“».[46]

Для Сумарокова это могло быть как бы оборотной стороной интереса к «золотому веку», в целом характерного для его творчества («Сон. Счастливое общество» (1759), первоначальный вариант «Хора ко превратному свету» (1762–1763), переложение 83 псалма (1773–1774) и т. д.),[47] своего рода исследованием антиутопии, в которую грозит превратиться реальность под воздействием искаженного представления об идеале.[48] Полагаем, что он видел потенциал развития сюжета о Димитрии именно в этом русле.

Историзм Сумарокова не был историзмом ученого или автора археологического романа (зарождавшегося трудами Ж.-Ж. Бартелеми как

---

[45] *Калинин И. А.* «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался». Самозванцы и диалектика Империи: Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 555.

[46] Там же. С. 554.

[47] См., напр.: *Baer S. L.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991; *Алексеева Н. Ю.* Переложение-переосмысление А. П. Сумароковым 83 псалма // Аониды: Сб. ст. в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013. С. 17–23; *Кочеткова Н. Д.* А. П. Сумароков и масонство // Русская литература. 2022. № 1. С. 30.

[48] Каким бы анахронистичным ни был этот термин применительно к литературе XVIII в., круг проблем, связанных с антиутопией, был известен русской культуре через сатирические произведения, а роман, считающийся одним из провозвестников жанра, «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, вызывал интерес в России в 1760–1770-е гг., в том числе в круге лиц, близких Сумарокову (Козицкий, Панины, Новиков и др.), см. об этом: *Левин Ю. Д.* Раннее восприятие творчества Джонатана Свифта // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 103–133. Не забудем и о сумароковском переводе «Микромегаса» Вольтера (см.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер, XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 14–17).

раз в эти годы), но историзмом драматурга (кажется, именно с этой позиции он сообщает Миллеру о том, что не нужно публиковать исторические документы полностью).[49] Опираясь на источники, имея в виду как актуальные политические события, так и устойчивые образы и идеи, он был больше всего близок Шекспиру. Однако высказывание Сумарокова о его переделке «Гамлета» («Гамлет мой <...> на Шекеспирову трагедию едва, едва походит»)[50] неожиданно оказалось пророческим по отношению к «Димитрию Самозванцу».

В трагедию было вложено много труда (ср. «изодрать намерен» в письме к Г. В. Козицкому от 25 февраля 1770 г.),[51] и все-таки она не «покажет России Шекспира» (как было объявлено в том же письме). Ограничиться простым переложением «Ричарда III» Сумароков не мог. Историзм как свойство самой трагедии, связывающее ее с Шекспиром, в какой-то степени стал и причиной неудачи в «творческом состязании»[52] с ним.

Шекспир опирался на хроники, целый ряд его пьес получили такое жанровое название.[53] Сумароков также использовал исторический материал в «Димитрии...», изменив лишь немногие факты (Ксения у него дочь не Годунова, а Шуйского; в пьесе фигурируют вымышленные лица: никогда не существовал наперсник Димитрия Пармен, как и возлюбленный Самозванцевой жертвы князь Георгий Галицкий, хотя северо-восточный город Галич и упоминается в рассказах о Смутном времени; и т. п.). Шекспир создал характер Ричарда III, а Сумароков вслед за ним создал *характер* Димитрия, о котором ничего известно не было. Кон-

---

[49] Они «должны быть совсем по-иному подготовлены, если им предстоит увидеть свет; ведь в рукописях *много бесполезного*, очень часты однообразные записи и *утомительные повторения*» (см.: Письма А. П. Сумарокова... С. 120; курсив мой. — *А. С.*). В оригинале по-немецки: «viele unnütze Sachen» и «ennuyantes répétitions» (*Берков П. Н.* Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру... С. 380).

[50] *Сумароков А. П.* Ответ на критику // Сумароков А. П. Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова; при участии А. Малеина, П. Беркова и Г. Гуковского. Л., 1935. С. 363 (Сер.: Библиотека поэта).

[51] Письма А. П. Сумарокова. С. 133.

[52] *Клейн И.* Сумароков и Ржевский. «Димитрий Самозванец» и «Подложный Смердий» // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 389.

[53] О шекспировском подтексте «династической» серии поздних трагедий Сумарокова см.: *Веселова А. Ю.* Об исторической основе поздних трагедий А. П. Сумарокова // Словесность и история. 2022. № 1. С. 119–120.

фликт, как и у Шекспира, приобретает всеобъемлющий план благодаря раскрытию образа Самозванца. Он мог остаться просто функцией в сюжете — тираном, мучающим влюбленных и политических врагов, — а стал угрожающе символическим обобщением грешной человеческой жизни. Масштаб конфликта, вовлечение неба и ада, конечно, должны было сильно воздействовать на чувства зрителей, но это шло вразрез с театральными привычками и тенденциями эпохи и в какой-то мере разрушало аллюзии на современную политику. По сути, Сумароков представил архаический, а не преромантический язык и мир (с которыми связан виток интереса к Шекспиру, вплоть до его культа у романтиков). Поэтому новые поколения русских писателей раскрывали исторический потенциал этого сюжета заново, без ориентации на Сумарокова.[54]

---

[54] Ср. отказ рассматривать «Димитрия Самозванца» как предшественника «Бориса Годунова» в академическом комментарии: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 611 (коммент. Л. М. Лотман).

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД БИОГРАФИЕЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЗИЦИЕЙ И. И. ВИНОГРАДОВА

Иван Иванович Виноградов (1765–1801), плодовитый переводчик и поэт второй половины XVIII в. стал, пожалуй, одним из первых русских литераторов-разночинцев, сделавших гонорары основным источником своих доходов. Этим профессионально-коммерческим подходом объясняется его тяготение к объемным предприятиям, в силу чего среди подготовленных им изданий находим весьма различные по характеру книги, переведенные им с четырех языков (древнегреческого, латыни, немецкого и французского): сборник «драгоценных нравоучений» греческих философов «Златые остатки древности» (1783; ч. 1–2);[1] «Храм всеобщего баснословия» Ф. А. Помея (1785; ч. 1–3; 2-е изд.: 1808); собрание известий и анекдотов о жизни и творчестве Вольтера Ш. Палиссо де Монтенуа (1786); поэму Вольтера «Естественный закон» (1787); стихотворения Сапфо «с присовокуплением песней переведенных из Анакреонта» (1792);[2] «Созерцание природы» Ш. Бонне (1792–1796; кн. 1–4;

[1] При составлении этого сборника Виноградов привлек несколько источников, ибо, согласно его указанию, перевод первой части осуществлялся с «еллиногреческого языка», а второй — с французского.

[2] При этом Виноградов пользовался популярной антологией французского литератора Мутонне де Клерфона (Julien-Jacques Moutonnet de Clairfons, 1740–1813), первое издание которой вышло в 1773 г.: Anacreon, Sapho, Bion et Moschus, traduction nouvelle en prose, suivie de la Veillée des Fêtes de Vénus et d'un choix de pèfces de differents auteurs. Par M. M*** C***. Paris, 1773. О готовившемся расширенном переиздании

© К. Ю. Лаппо-Данилевский, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-174-192

2-е изд.: 1804); «Всеобщее нравоучение», приписанное Виноградовым некому господину (sic!) Жанли (1796);[3] книгу об Иисусе Христе для детей Э. Г. Альбрехта (1799; 2-е изд.: 1808); «Священную историю Ветхого и Нового завета» (1799–1800, ч. 1–3; 2-е изд.: 1802);[4] «Смешные повести забавного Скаррона» (1801; ч. 1–3).

Виноградов считал вполне допустимым выпускать под своим именем переводы, выполненные другими литераторами, если он их отредактировал: так, «Страсти молодого Вертера» Гете (1796; 2-е изд.: 1816) были в действительности переведены Ф. А. Галченковым[5] и лишь «выправлены» Виноградовым (при этом большинство неточностей не было устранено[6]). Сходным было обращение Виноградова с «Эмилем»

книги 1792 г. см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Неосуществленное издание книги И. И. Виноградова «Анакреон и Сафо с присовокуплением всенощных и других стихотворений» // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 1. С. 3–15.

[3] Всеобщее нравоучение, служащее к наставлению обоего пола и всякого состояния людей / Сочинение г. Жанли; переведено с французского. СПб., 1796. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (М., 1962. Т. 1: А–И. С. 341–342. № 2210) эта книга приписана известной французской писательнице Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графине де Жанлис (1746–1830), что неверно. Во французской литературе о писательнице и в библиографиях ее сочинений подобная книга не фигурирует (ср., напр.: Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale. Paris, 1914. T. 58: Gaulthier de Rumilly-Genthe. Col. 1103–1143). Источником данного перевода послужил «Катехизис морали» («Catéchisme de morale») неизвестного автора, впервые анонимно опубликованный в Брюсселе в 1783 г. Имя Жанлис появляется два года спустя на титульном листе дрезденского переиздания книги, видимо, для того, чтобы повысить потенциал ее продаж: Catéchisme de morale, spécialité à l'usage de la jeunesse; contenant les devoirs de l'homme et du citoyen, de quelque religion et de quelque nation qu'il soit / Par madame la comtesse de Genlis. Dresde: Walther, 1785. Выражаю признательность В. И. Симанкову за помощь в установлении источника перевода.

[4] Как было установлено в ходе работы над «Сводным каталогом русской книги. 1801–1825» это перевод многократно переиздававшейся книги, составленной Н. Фонтеном и И.-Л. Леместром де Саси (франц. название: «L'histoire du Vieux et du Nouveau Testament: avec des explications édifiantes, tirées des saints SS. PP. pour regler les mœurs dans toute sorte de conditions, dédiée á monseigneur le dauphin»; 1-е изд.: 1670). Выражаю признательность покойной И. Ю. Фоменко за это сообщение.

[5] [*Гете И. В.*] Страсти молодого Вертера / Пер. с нем. [Ф. Галченковым]. СПб., 1781 (2-е изд.: 1794).

[6] «Сопоставление обоих переводов обнаруживает, что Виноградов не переводил заново с оригинала, а ограничился сравнительно незначительной стилистической правкой и модернизацией русского текста Галченкова, повторив все его ошибки и неточности» (*Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 36).

Ж.-Ж. Руссо — в основу первой части положен отредактированный перевод П. И. Страхова; вторую часть составила неоконченная повесть Руссо «Эмиль и Софи, или Одинокие», переведенная самим Виноградовым.[7] Литератор обильно черпал материал из иноязычных источников также при составлении «Библиотеки забавного и естественного волшебства» (1792) и «Самоучителя немецкого языка, или Верного и легкого способа самоучкою научиться по-немецки правильно говорить и разуметь писателей на оном языке» (1800).[8]

Обратимся к биографии Виноградова. Наиболее подробно на настоящий момент она изложена в статье М. П. Лепехина в «Словаре русских писателей XVIII века». Все же благодаря произведенным мною разысканиям стали возможны и существенные уточнения, и дополнения к ней. Здесь в начальных абзацах, помимо прочего, читаем:

> **ВИНОГРАДОВ** Иван Иванович [1765, Петербург — 1801, там же]. Сын священника. Образование получил в Александро-Невской дух. семинарии, откуда в 1783 был зачислен в Петербургское гл. нар. уч-ще. Там В<иноградов>, будучи одним из лучших студентов, пристрастился к вину и за совершение ряда проступков был отдан в солдаты в Семеновский полк, где сразу же получил чин сержанта. В 1796, вконец расстроив свое здоровье, вышел в отставку с чином подпрапорщика. По указанию *Евгения Болховитинова*, «кончил жизнь бедственным образом как жертва своего идола». «Когда несчастная страсть не терзала его, что иногда продолжалось довольно долго», В<иноградов> «был весьма трудолюбив и оказал отечественной словесности значительные услуги».[9]

Начнем с того, что в двухтомном «Словаре русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» митрополита Евгения Болховитинова (1845), к которому дана отсылка в *СРП*,

---

[7] Емилий и София, или Благовоспитанные любовники: с приобщением повести Уединенники, служащей продолжением Емилия и Софии / Из сочинений Ж.-Ж. Руссо; пер. И. В. [И. И. Виноградова]. СПб., 1799–1800. Ч. 1–[2]. Подробнее: *Златопольская А. А.* Жан-Жак Руссо в России XVIII — первой четверти XIX века. (Библиографический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) // Петербург на философской карте мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 211–212.

[8] «Самоучитель» Виноградова неоднократно использовался позднее для подготовки пособий по изучению немецкого языка (Сводный каталог русской книги: 1801–1825. М., 2013. Т. 3. С. 203–204, 216; № 5738–5740, 5792).

[9] *Лепехин М. П.* Виноградов Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 153 (далее это издание цитируется в тексте статьи как *СРП* с указанием страницы).

статья о Виноградове отсутствует,[10] а данная цитата почерпнута из статьи Д. И. Языкова в томе X «Энциклопедического лексикона» (1837), так называемого «Лексикона Плюшара». Однако прежде чем бросить взгляд на краткую биографию Виноградова в этом издании, стоит обратить внимание на мемуарный очерк «Черты из жизни русских дворян в конце XVIII в.». Он упомянут в *СРП* как анонимный, а в действительности принадлежит перу московского литератора Михаила Николаевича Макарова (1789–1847), соиздателя «Журнала для милых» (1804) и «Журнала драматического» (1811). «Черты из жизни русских дворян в конце XVIII в.» были напечатаны в июне того же 1837 г., на несколько месяцев раньше тома X «Энциклопедического лексикона», который был дозволен цензурой к печати, судя по обороту его титула, 6 ноября 1837 г.

Так как в очерке Макарова Виноградову посвящен сравнительно небольшой пассаж, также востребованный в *СРП*, имеет смысл процитировать его полностью:

> Наша домашняя библиотека расставлена была на пяти или шести висячих полочках, на которых издали можно было видеть «Смешные повести забавного Скаррона» с описанием его жизни и всех сочинений, переведенные с французского И. Виноградовым. Этот Виноградов, как мне рассказывал дядя, был из духовного звания, хорошо учился и попал в солдаты. Но как грамотные люди всегда были в милости у начальства, то и его скоро отличили, произвели в капралы и далее. Иван Виноградов не остался в долгу: ему обязаны мы за перевод «Священной истории ветхого и нового Завета», «Созерцаний природы» Боннета и многих других книг самых полезных. В мое время, говорил дядя, служивший в гвардии, мы все у него учились; он был наш грамотник: его знал Дмитриев, Шишков, Хвостов, Долгоруков. По нем начально познакомился Карамзин с Боннетом и проч., и проч. Как жаль, что мы об этом достопамятном Виноградове, учителе многих екатерининских гвардейских сержантов так мало знаем![11]

---

[10] Небольшая информация о Виноградове имеется в лишь дополнениях к «Словарю писателей духовного чина», отредактированному и дополненному И. М. Снегиревым, но и там данные цитаты не содержатся (см.: Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением / Изд. И. Снегирева. М., 1838. Т. 1. С. 193–194). Сведения о Виноградове в данном издании вторичны по отношению к тому, что было о нем опубликовано в 1837 г. (об этом далее).

[11] [*Макаров М. Н.*] Черты из жизни русских дворян в конце XVIII в. // Московский наблюдатель. 1837. Ч. 11. С. 140. О происхождении Виноградова из семьи священника

Репутация Макарова в литературных кругах как «вруна» (П. А. Вяземский), как «враля и лжеца» (И. П. Сахаров),[12] побуждает отнестись к этому пассажу не без предубеждения. Все же при крайней скудости сведений о Виноградове пренебречь им невозможно, тем более что Макаров указывает на своего дядю как на источник сведений. По предположению А. М. Пескова и И. З. Сурат, имелся в виду Дмитрий Владимирович Писарев,[13] в 1788–1797 гг. капитан лейб-гвардии Семеновского полка,[14] родной брат матери Макарова Аграфены Владимировны, урожденной Писаревой (1762–1793).[15] Указания на знакомство с А. С. Шишковым и Д. И. Хвостовым проверить невозможно, и они вызывают определенные сомнения, ибо Виноградов тяготел по своим симпатиям к лагерю карамзинистов (об этом ниже).[16]

Благодаря двум рукописным спискам лейб-гвардии Семеновского полка 1796 г., хранящимся в Научной библиотеке Государственного Эрмитажа, я могу наконец указать дату начала военной службы Виноградова: 1789 г.; произведен же в сержанты он был 5 октября 1793 г.[17]

современники, судя по всему, были неплохо информированы; это обстоятельство обыгрывается в эпиграмме Д. В. Горчакова, написанной в связи с выходом в свет прозаического перевода поэмы Вольтера «Естественный закон» (1787): «Не попусту Волтер монахов ненавидел, / Недаром лил на них ток гнева своего, / Он в жизни, верно, то с досадою предвидел, / Что их воспитанник переведет его (см.: Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1959. С. 165).

[12] См. подробнее: *Степанов В. П.* Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели: 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 470.

[13] *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. <Фрагменты> // Дмитриев И. И. Сочинения / Сост. и коммент. А. М. Пескова и И. З. Сурат; вступ. статья А. М. Пескова. М., 1986. С. 477, 543.

[14] Д. В. Писарев был в 1788 г. произведен из сержантов в прапорщики, в 1796 в капитаны, в 1797 уволен в отставку (*Дирин П. П.* История Л.-Гв. Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. С. 136; разд. паг.; приложения).

[15] Имеются сведения о ее захоронении в московском Спасо-Андрониковом монастыре (см.: Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2: (К–П). С. 210). О ней также с указанием неверного отчества Васильевна: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга: в 2 т. / 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1. С. 346.

[16] В *СРП*, помимо Дмитриева, Шишкова, Хвостова и Долгорукова, в число знакомых Виноградова включен Карамзин, что сложно принять, ибо Карамзин проживал в Петербурге с начала 1781 по февраль 1782 г., во время действительной службы в Преображенском полку, т. е. до появления в столице Виноградова.

[17] В Научной библиотеке Государственного Эрмитажа сохранились две «Табели о числе людей лейб-гвардии Семеновского полка 1796 года», содержащие идентичную

Таким образом упоминание Макаровым знакомства Виноградова с И. М. Долгоруковым отнюдь не безосновательно: Долгоруков в 1782 году был переведен в Семеновский полк, из которого 1 января 1790 года вышел в отставку с чином бригадира.

О своей службе здесь Долгоруков писал и в «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни», и в «Капище моего сердца», оставив яркие характеристики графа Николая Ивановича Салтыкова (1736–1816), полком командовавшего, а также живо обрисовав его подчиненных.[18] Не оставил Долгоруков своим вниманием и Ивана Петровича Ляпунова — «секретаря гвардии Семеновского полку, фактотума всех его дел».[19] Именно о Ляпунове, который помог ему преодолеть последствия «продолжительной и мучительной болезни», писал и Виноградов в предисловии ко второй книге своего перевода Бонне с необычайной теплотой:

> Одобрением для перевода «Созерцания природы», побуждением к трудам и вспоможением как советами, так и пособиями для сего нужными одолжен я Ивану Петровичу Ляпунову. Его благодетельною рукою доставлена мне всякая помощь и все выгодности для упражнения моего: им будучи всем снабжен, обеспечен, успокоен и к жизни — не у одной жизни — воззван я бы был самый неблагодарный человек, если бы пред публикою умолчал о том, кто главною есть причиною существования на нашем языке сего творения.[20]

Эти проникнутые личными интонациями строки контрастируют с сугубо этикетными краткими «усерднейшими приношениями» Сал-

---

информацию о Виноградове (Шифр: Р.К.10.4.48 и Р.К.10.4.49; инвентарные номера: 73855 и 110116). Сердечно благодарю А. М. Феофанова за указание на эти документы.

[18] *Долгоруков И. М.* 1) Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... / Изд. подгот.: Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин. СПб., 2004. Т. 1. С. 94–96 и далее; 2) Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Изд. подгот. В. И. Коровин. М., 1997. С. 239–241.

[19] *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... Т. 1. С. 180. Н. В. Кузнецова и М. О. Мельцын так очерчивают карьеру Ляпунова, зачисленного в полк в 1770 г.: «1780 г. прапорщик л.-гв. Семеновского полка, с 1781 г. подпоручик при исправлении должности комиссара, затем секретарь полка, с 1787 г. капитан л.-гв. Семеновского полка, с 1795 г. полковник армии» (см.: *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... Т. 2. С. 659; ср.: *Дирин П. П.* История Л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. С. 113; разд. паг.; приложения).

[20] [*Бонне Ш.*] Созерцание природы, / сочинения г. Боннета <...> с последнего издания, исправленного и многими примечаниями и объяснениями самим сочинителем снабженного, перевел Иван Виноградов; иждивением Ивана Сытина. Во граде св. Петра, 1793. Кн. 2. С. [9].

тыкову, открывающими и первую, и вторую книгу «Созерцания природы». Впрочем, во второй книге находим и поэтическое посвящение Салтыкову, в зачине которого упомянуто, что Екатерина II поручила ему воспитание внуков, великих князей Александра и Константина:

Меж теми важными, обширными делами,
Монархиней тебе которы вручены,
Меж неусыпными, бесценными трудами,
Потомки вспомянуть что в радости должны,
Ты Созерцателю позволь предстать Природы;
Позволь, чтоб добрый сей и кроткий Философ
В том, некогда кого благословят народы,
Во Менторе младых князей нашел покров.[21]

Но вернемся к процитированному выше пассажу из очерка «Черты из жизни русских дворян в конце XVIII в.», ибо он вызвал возмущенную реакцию И. И. Дмитриева как раз именно в связи с тем, что Макаров писал в связи с переводом Виноградова из Бонне. Дмитриев, в начале XIX в. ставший хранителем преданий о предшествовавшей литературной эпохе, был еще в детстве записан в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1774 г. он начал обучение в полковой школе и прослужил здесь (впрочем, не раз отлучаясь подолгу домой) до декабря 1796 г., когда вышел в отставку в чине полковника. Не вызывает поэтому сомнений, что в 1790-е гг. Дмитриев был неплохо знаком с Виноградовым. И, как известно, куда ближе он знал Карамзина, о чьих литературных предприятиях был осведомлен намного лучше. М. П. Погодин навещал Дмитриева накануне его смерти, и у них зашла речь о пассаже в очерке Макарова, о чем узнаем из письма Погодина к М. А. Дмитриеву от 13 октября 1837 г., который так передал реплику И. И. Дмитриева:

«Что это пишет Макаров о Виноградове, будто Виноградов познакомил Карамзина с сочинением... этого... швейцарского философа...» — «Боннета?» — «Да, Боннета. Виноградов жил сначала в Москве и отличался, разумеется, между своими сверстниками, но был такого дурного поведения, что его наконец отправили служить в полк, в Петербург. Там Козодавлев заставил его присесть за Боннета, которого Карамзин гораздо прежде переводил с Петровым, а после и познакомился с ним лично. Как можно писать так наобум! Надо справляться, спрашивать».[22]

---

[21] [*Бонне Ш.*] Созерцание природы... Кн. 2. С. [7].

[22] [*Дмитриев И. И.*] Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева: в 3 ч. / [Предисл. М. А. Дмитриева; примеч. М. Н. Лонгинова].

Если упоминание Козодавлева в данном контексте не вызывает доверия (как уже показано выше, «присесть за Боннета» Виноградова побудили Салтыков и Ляпунов), то в отношении Карамзина Дмитриев совершенно прав — тот действительно переводил Бонне раньше Виноградова. В 1789 г. в «Детском чтении для сердца и разума» было напечатано два обширных отрывка из «Созерцания природы».[23] Через несколько месяцев, уже в начале 1790 г. Карамзину удалось встретиться с Бонне лично,[24] и эту встречу он описал в «Письмах русского путешественника», указав, впрочем, несколько более раннюю дату своего первого посещения (1 декабря 1789). Еще одна неточность литературного патриарха легко объяснима давностью событий: Дмитриев указал, что Карамзин переводил Бонне вместе с А. А. Петровым, в действительности его сотрудником по этому предприятию был А. А. Плещеев, как явствует из письма Карамзина к Бонне от 21 января 1790 г. (в «Письмах русского путешественника» приведен его текст с указанием 22 января и без раскрытия имени Плещеева).[25] Некоторая раздраженность Дмитриева при обсуждении данного сюжета, как кажется, объясняется также тем, что Карамзин, о чем его другу, конечно же, было известно, не очень высоко ставил перевод Виноградова. Об этом можно заключить из следующего пассажа в письме Карамзина к А. В. Колмакову от 15 января 1793 г.: «Я вместе с вами жалею, что петербургский перевод „Рассматривания натуры“ не совсем достоин подлинника. Может быть, через несколько месяцев выйдет в Москве другой перевод сей полезной книги».[26]

При этом весьма ценным и достоверным следует признать указание Дмитриева о том, что «Виноградов жил сначала в Москве»; оно

М., 1866. С. 303. См. также: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти / Вторым тиснением с значительными добавлениями по рукописи автора. М., 1869. С. 154.

[23] *Кафанова О. Б.* Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800 гг.) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 322–323; *Канунова Ф. З., Кафанова О. Б.* Карамзин и Жуковский. (Восприятие «Созерцания природы» Ш. Бонне) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 187–202.

[24] *Gellerman S.* Karamzine à Geneve. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe // Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von: M. Bankowski, P. Brang, C. Coehrke, R. Kemball. Basel; Frankfurt am Main, 1991. S. 76.

[25] Ibid. S. 81–82.

[26] *Карамзин Н. М.* Из неизданных писем / Публ. В. Э. Вацуро // Русская литература. 1991. № 4. С. 90.

подтверждается тем, что первые крупные переводы Виноградова вышли в свет именно там — «Златые остатки древности, содержащие древних греческих философов драгоценные нравоучения» (1783; ч. 1–2) и «Храм всеобщего баснословия» Ф. А. Помея (1783). Указание *СРП* о том, что Виноградов получил образование в Александро-Невской духовной семинарии, вызывает поэтому большие сомнения (никаких документальных тому подтверждений не имеется). Исходя из вышеизложенного, наиболее вероятным представляется, что Виноградов до своего появления в Петербурге обучался в московской Славяно-греко-латинской академии, чем и объясняется его прекрасная лингвистическая подготовка. Подтверждение этому предположению удалось найти, обратившись к сборнику, выпущенному академией в 1782 г. ко дню тезоименитства ее ректора, архиепископа Платона (Лёвшина). Здесь за подписями «Филос<офии> студ<ент> Иван Виноградов» и «Студ<ент> богосл<овия> Иван Виноградов» помещены идиллия «Феб» и сонет «С течением времен проходят наши дни...». Обоим произведениям трудно отказать в определенных художественных достоинствах. Так, бóльшую часть идиллии «Феб» составляет диалог двух пастухов о благодетельных дарах Солнца. Следуя увещеваниям своего друга Дафниса, Палемон наконец обращает к Фебу следующее славословие:

К нам за толикие, Феб, милости, твои,
Я сделаю, тебе обеты днесь сии:
В дар ветви принесу олив тебе зеленых
И юниц я пролью млеко, тобой спасенных;
Пчел новых посвящу тебе я первый мед,
И все, что огород мне лучшего дает,
Все принесу тебе; ты все мне подаваешь,
Растишь и теплотой ты зреть повелеваешь.
Потом из лилий то венками украшу,
Сказав, почтения се в знак я приношу,
Тебе, о Феб златый! всем благотворно око:
Не сей мал дар прими, почтение глубоко.[27]

[27] Святейшего правительствующего синода члену, великому господину преосвященнейшему Платону, архиепископу Московскому и Калужскому, и Святотроицкия Сергиевы лавры священно-архимандриту, Московской академии полному директору и протектору, в день тезоименитства его высокопреосвященства ноября 18 дня, 1782 усерднейшее поздравление благоговейно приносит Московская академия. М., [1782]. С. 16.

Шестистопным ямбом написан и сонет, восхваляющий архиепископа Платона:

С течением времен проходят наши дни,
И юность с старостью суть вместе сопряженны;
Богатства временны; но кто же суть почтенны?
Честь вечную дают мужам дела одни.

Когда на оные мы, о Платон! воззрим
И славу дел твоих с летами уровняем;
Великое меж тем несходство обретаем,
В летах стареешься, в делах цветешь, как крин.[28]

Но что ж седина есть? Есть мудрость человеком,
И жизнь от дела славна, и есть должайшим веком,
От дел, которые весь почитает свет,

И коих поместить нет сил в толь кратки строки.
Столь суть дела твои и громки, и высоки,
Что ослабеет ум и мысль конец берет![29]

Появление Виноградова в Петербурге состоялось, скорее всего, в связи с открытием в 1783 г. Главного народного училища в Петербурге и первоначально соединенной с ней учительской семинарии. Возможно, он был вытребован сюда в числе первых двадцати учащихся Славяно-греко-латинской академии,[30] но, скорее, несколько позже, ибо стихи и переводы Виноградова появлялись с 1786 по 1788 г. в журнале «Растущий виноград», издававшемся при Главном народном училище с 1785 г. Тогда же он начинает искать себе высоких покровителей, как можно заключить по именам адресатов его панегирических произведений — это А. П. Ермолов, как раз тогда, в 1786 г., находившийся «в случае», П. В. Завадовский, возглавлявший в 1782–1799 г. Комиссию об учреждении народных училищ, и, конечно же, императрица Екатерина II.[31] Одический жанр оказывается наиболее востребованным в ори-

---

[28] В издании явная опечатка: крик.

[29] Там же. С. 17.

[30] Этот первый призыв составили в общей сложности еще 36 человек — учащиеся Александро-Невской семинарии (16), семинарий Смоленской (10) и Калужской (10). Пять студентов Московского университета, присланных И. И. Шуваловым, были забракованы, ибо их знания оказали хуже, чем у семинаристов (см.: *Толстой Д. А.* Городские училища в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1886. С. 38).

[31] Виноградов поначалу пользовался благорасположением администрации Главного народного училища: так, в 1785 г. ему было поручено написание оды, предназначенной

гинальном творчестве Виноградова этих лет — достаточно упомянуть, что из одиннадцати его поэтических произведений, увидевших свет во второй половине 1780-х гг. на страницах периодических изданий, восемь составили именно оды (большей частью торжественные). В них неукоснительно выдерживались четырехстопные ямбы и схема рифмовки в строфах ababccdeed.[32] Позднее в одах, изданных отдельно, он славословил великого князя Александра Павловича (1796) и воспел вступление на престол Павла I (1796).[33]

В 1837 г., вскоре после того, как И. И. Дмитриев скончался, вышел очередной том «Энциклопедического Лексикона» Плюшара, содержавший статью историка и переводчика Дмитрия Ивановича Языкова (1773–1845), который также, по всей видимости, знал Виноградова лично. Языков, с детства записанный в лейб-гвардии Семеновский полк, проходил в нем действительную службу с 1783 по 1797 г.[34] Приведу биографическую часть этой статьи, имеющей, таким образом, значение первоисточника (в ней находятся пассажи, приписанные в *СРП* Евгению Болховитинову):

для поднесения императрице в день ее визита в это заведение: [*Виноградов И. И.*] Ода поднесенная е. и. в. Екатерине Великой от Главного народного училища Города Святого Петра в день всевысочайшего посещения 1785 года генваря 21. СПб., [1785]. Имя автора в брошюре не указано; оно установлено составителями «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» по экземпляру Библиотеки Российской академии наук.

[32] В данном контексте интереса заслуживает следующее стихотворение, где весьма поверхностно имитируется античная пиндарическая триада. При этом десятистрочные строфа, антистрофа и «эподос», написанные четырехстопным ямбом, имеют идентичное расположение рифм (ababccdeed): [*Виноградов И. И.*] Пиндарическая ода его превосходительству Петру Вас. Заводовскому, коему изъявляется усерднейшее поздравление о получении его Превосходительством ордена св. Александра Невского // Растущий виноград. 1786. Март. С. 43–44 (подп.: «Студент Иван Виноградов»). Для истории твердых форм небезынтересен панегирический «Сонет П. В. Завадовскому на случай пожалования ему ордена св. Владимира» (Растущий виноград. 1786. Авг. С. 26–27; подп.: «С.<тудент> Иван Виноградов») с катренами на две рифмы (рисунок рифмовки: AbAb AbAb ccD eDe).

[33] В обеих этих одах автором указан «лейб-гвардии Семеновского полку подпрапорщик Виноградов».

[34] Учитывая его многолетнее знакомство с Дмитриевым, можно с большой долей уверенности говорить о том, что Языков в ходе своей работы над статьей о Виноградове «справлялся, спрашивал» у Дмитриева (ср.: Письма 1803–1836 годов И. И. Дмитриева к Д. И. Языкову / Сообщено А. Ф. Бычковым // Русский архив. 1868. Вып. 7. Стб. 1081–1102).

Виноградов Иван Иванович, сын священника, обучался сначала в духовном училище и по хорошим способностям был взят в учительскую семинарию, при первоначальном ее учреждении. Заведение это, замененное впоследствии Педагогическим институтом, было основано для образования учителей в народные школы. Виноградов был одним из отличнейших студентов, очень основательно знал греческий и латинский языки, разумел французский и немецкий и имел склонность к поэзии. «Растущий виноград», журнал издававшийся воспитанниками семинарии, был первым его поприщем в словесности. К несчастию, страсть к дарам Вакха так сильно им овладела, что тогдашнее главное начальство семинарии принуждено было, несмотря на все его хорошие способности, отдать в военную службу. Он был помещен в лейб-гвардии Семеновский полк, где наконец заслужил чин сержанта; в исходе 1796 года уволен из полка и в 1800 или 1801 г. кончил жизнь бедственным образом как жертва своего идола. Когда несчастная страсть не терзала его, что иногда продолжалось довольно долго, Виноградов был весьма трудолюбив и оказал отечественной словесности значительные услуги <...>.[35]

Как видим, Языков подтверждает высказанное выше соображение о том, что Виноградов обучался в учительской семинарии, он также указывает на знание литератором четырех языков, которое вполне «просматривается» в результатах его переводческой деятельности. Здесь же была впервые указана приблизительная дата смерти Виноградова.[36]

Сведения из мемуара М. Н. Макарова «Черты из жизни русских дворян в конце XVIII в.» и из статьи Д. И. Языкова ложатся в основу всех справочных изданий XIX — начала XX в. («Справочный словарь» Геннади, «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»),[37] а Венгеров попросту перепечатывает их обе, сопроводив кратким вводным замечанием и уничижительным выводом: «Как стихотворец трудолюбивый,

---

[35] Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т. 10: ВЕС–ВКУ. С. 308–309. Как явствует из указания на обороте титула, том был разрешен к печати 6 ноября 1837 г.

[36] 1765 г. как дата рождения Виноградова был впервые указан В. П. Степановым в словнике будущего «Словаря русских писателей XVIII века», но, по характеру этого издания, к сожалению, без обоснования; как дата смерти здесь фигурирует 1801 г. (см.: Словарь русских писателей XVIII века. Принципы составления. Образцы статей. Словник / Сост. В. П. Степанов. Л., 1975. С. 39). В самом «Словаре русских писателей XVIII века» эти данные повторены, а Петербург указан и как место рождения, и как место смерти Виноградова. Как уже показано выше, первое вызывает немалые сомнения.

[37] Справочный словарь о русских писателях и ученых умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г.: [в 3 т.] / Сост. Григорий Геннади. Берлин; М., 1876. С. 155; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. М., 1892. Т. 6. С. 470.

при всем своем пристрастии к „дарам Бахуса", Виноградов ничего интересного собою не представлял».[38] Во всех этих изданиях указана та же самая приблизительная дата смерти, что и у Языкова.

К сожалению, один довольно интересный поэтический текст Виноградова выпадал из поля зрения исследователей, как в XIX, так и в XX в. — а именно, его послание И. И. Дмитриеву. Оно заслуживает внимания как декларация карамзинистских симпатий поэта и было напечатано посмертно, в 1808 г. в «Драматическом вестнике».[39] Кто его доставил в редакцию журнала, издававшегося А. А. Шаховским, остается только догадываться; во всяком случае, не Дмитриев, здесь не печатавшийся и не друживший близко с кругом авторов этого органа.

Послание «К И. И. Дмитриеву» — полиметрическое произведение, бóльшую часть (стихи 1–39, 48–73, 85–96) которого составляют вольные ямбы, но есть пассажи, написанные четырехстопным дактилем (стихи 41–47), частично зарифмованным тактовиком (стихи 74–84),[40] а одна строка (стих 40) — амфибрахическая. При этом порой неясно, вызваны ли некоторые нарушения метра волей автора, его недосмотром, дефектами рукописи, с которой набирали текст, или же небрежностью набора. Так, например, во втором стихе зачина ямб нарушен:

Повествователь милый и прелестный,
Любимец Граций, Эратин друг любезный!
Волшебным ты своим пером,
Как будто дух какий жезлом,
Печаль в веселье превращаешь
И лица пасмурны улыбкой оттеняешь.[41]

---

[38] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1897. Т. 5. С. 250. Тот же очерк перепечатан слово в слово в кн.: Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов... / Изд. под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897. Вып. 6: Мелкие поэты 18 века, дополнения и библиографические примечания: Окончание. С. 69–71.

[39] [*Виноградов И. И.*] К И. И. Дмитриеву // Драматический вестник. 1808. Ч. 2. № 37. С. 85–88. В примеч. на с. 85 читаем: «Сии стихи писаны покойным переводчиком „Созерцания природы"».

[40] В соответствии с определением М. Л. Гаспарова под тактовиком понимается тонический стих, в котором междуиктовый объем не превышает трех слогов (см. подробнее: *Гаспаров М. Л.* 1) Современный русский стих: метрика и ритмика. М., 1974. С. 30, 294–371; 2) Русский стих начала XX века в комментариях / 2-е изд. М., 2001. С. 146–156).

[41] [*Виноградов И. И.*] К И. И. Дмитриеву // Драматический вестник. 1808. Ч. 2. № 37. С. 85.

Ямбический комплиментарный пассаж, обращенный Дмитриеву, сменяют четырехстопные трехсложники (амфибрахий и семь дактилей, стих 40 и 41–47), чем подчеркивается введение новой темы. На авансцену выступает некто Бурнов — громогласный бездарный литератор:

Читая песенки твои любезны,
Какой-то слышу голос я прелестный,
Кой, отзываяся в ушах моих,
Переливается в сердце мне из них.
Твоими песнями и сказками прельщенный,
Сказал я: Дмитриев блаженный!
Злой зависти к тебе не прикоснется яд;
Хариты от него тебя хранят.
Венок твой, из лилей, из роз сплетенный,
Тебе Анакреонтом подаренный,
Не зависть, а одну любовь родит…
Но… вдруг основания хижины тут потряслися,
Греки, римляне из шкапа падут
На бок чернильница, перья взвилися,
Немцы, французы все с полок бегут;
Бедный Петрарка под столик забился,
Стерн путешествовать на печь пустился.
Уж не волшебник, не дух ли какой
Шествует в мой философский покой?
Не бойтесь! — Бурнов то валит:
Шумлив, как барабан, но смирный он пиит.
Сколь оды громкостью его взнесенны,
Показывают то змеи, из них склеены.
И в скорости потом, двуличен, двуобут,
Идет вдруг полгерой, полшут:
С утра к обеду сей трагедию поставит,
А, пообедав, к ней комедию прибавит;
Меж им и Лопецом[42] различие в чем, вот:
Что тот ввек написал, то сей поставит в год.
Потом еще идет пиит по роду,
Кой стихотворческу свою природу
Возможет доказать колен за двести:
Его и тетушки, и деды, и дядья
Все были рифмянна житья-бытья.
И ежели сказать по чести
И не в осужденье,
То он живое есть стопосложенье.

[42] По-видимому, о Лопе де Веге (1562–1635) в качестве образцового драматурга.

Безделки взяв, Бурнов взглянул, вскричал: безделки!
Что тут? Ага! — Стихотворенья мелки! —
Читай, читай! рек Лопец и умолк. —
Но что ж открылось им? *Чужой*, к несчастью, *толк*.
И Бурнов громким гласом,
Им внемлющим, стихи читать стал контрбасом![43]

Текстуальные совпадения с известной эпиграммой Николая Михайловича Шатрова (1765 или 1767–1841) на выход в свет «Моих безделок» Н. М. Карамзина (1794),[44] позволяют утверждать, что Виноградов метил в первую очередь именно в Шатрова, создавая образ поэта-графомана Бурнова.[45] Приведу в связи с этим следующий отрывок из мемуаров М. А. Дмитриева, поведавшего об этом литературном столкновении:

> При выходе в свет книжки Карамзина «Мои безделки» (1794) Н. М. Шатров приветствовал молодого автора следующей эпиграммой, которая тогда была всем известна:
>
> Собрав свои творенья мелки,
> Русак немецкий написал:
> «Мои безделки».
> А ум, увидя их, сказал:
> «Ни слова! Диво!
> Лишь надпись справедлива!»
>
> Он не заметил, что это были безделки только для Карамзина; но что в этих безделках скрывалось преобразование языка и открывалось уже избранным того времени. Иван Иванович Дмитриев возразил на эпиграмму следующими стихами:
>
> А я, хоть и не ум, но тож скажу два слова:
> Коль будет разум наш во образе Шатрова,
> Избави боже нас от разума такого![46]

---

[43] [*Виноградов И. И.*] К И. И. Дмитриеву // Драматический вестник. 1808. Ч. 2. № 37. С. 86–87. В тексте сохранен курсив первой публикации.

[44] Ср. у Виноградова: «стихотворенья мелки!»; у Шатрова: «творенья мелки». И там и там сходна и суть насмешки: употребление слова «безделки» в его прямом значении и разрушение сентиментально-иронических коннотаций.

[45] Отмечу и парономастическую близость фамилий Шатров / Бурнов, и то, что в послании Виноградова ударение колеблется — то это Бурно́в, то Бу́рнов.

[46] *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти / Вторым тиснением с значительными добавлениями по рукописи автора. М., 1869. С. 227. Несколько иной текст

Все же Бурнов — образ несомненно собирательный, ибо он, как видно из строк, предшествующих упоминанию «Моих безделок», — и одописец, и драматург, что заставляет вспомнить Николая Петровича Николева (1758–1815), к окружению которого принадлежал Шатров и к творчеству которого пренебрежительно относились и Карамзин, и Дмитриев. Эту обобщенность характера Бурнова подтверждает и упоминание ниже сатиры Дмитриева «Чужой толк», направленной против одописцев-эпигонов 1790-х гг. (весьма характерно критическое упоминание в ней журналов А. И. Клушина и И. А. Крылова «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), враждебных Карамзину и поддерживавших Николева).[47]

Но вернемся к посланию Виноградова, который, вводя тему неких *одарей* (словечко для иронического обозначения бездарных одописателей, видимо, изобретенное им),[48] опять меняет метр. На этот раз на смену вольному ямбу приходит народный тонический стих (строки 74–84), который затем вновь сменяется вольными ямбами:

В стих из стиха идя, он все равно читал,
Пока на одарей наш Бурнов не попал.
Не черна туча разливалася,
Не сильна гроза подымался, 75

эпиграммы, описывая тот же эпизод, приводит Г. П. Каменев в письме С. А. Москотильникову от октября 1799 г.: «Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова, / Нас, боже, упаси от разума такого» (см.: *Второв Н. И.* Гаврила Петрович Каменев (посвящается другу его С. А. Москотильникову) // Вчера и сегодня: литературный сборник, / Составленный гр. В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. СПб., 1845. Кн. 1. С. 52).

[47] Лишь в одном из этих журналов было опубликовано два стихотворения Николева, одно из них ода, в которой философские размышления завершаются славословием Екатерине II: [*Николев Н. П.*]. Ода: Суета Славы мира // Санкт-Петербургский Меркурий. 1793. Ч. 3. Авг. С. 81–91 (с указанием: «Прислана из Москвы»; подп.: Н. Н.). В нач. 1790-х гг. торжественные оды Николева многократно выходили отдельными изданиями, а также публиковались в журнале «Новые ежемесячные сочинения».

[48] Слово «одарь» в данном специфическом значении в словарях не зафиксировано. Прихотливое сочетание греческого корня с русским суффиксом «-арь» должно было подчеркнуть ремесленный характер одопроизводства (ср.: бочкарь, ложкарь, скобарь и проч.). Выражаю признательность С. В. Лесникову и Г. А. Молькову за обмен мнениями в связи со значением данной лексемы и ее употреблением. При этом, как уже отмечалось выше, сам Виноградов и в 1780-е, и в 1790-е гг. отнюдь не чуждался написания од, преследовавших сугубо прагматические цели.

Не буйны ветры возвивалися,
Не сине море всколебалося,
Как разгневался Бурнов жестоко
На писателя против лириков,
Тех ли лириков балалаешных.
Призывает он в помощь трагика,
Заклинает того предками,
Чтоб отмстить ему прямо вражески,
Разругав его сочинения. —
Потом пииты тут в совете положили
И утвердили:
Чтоб мысли одному для сатиры искать,
Другому б рифмы прибирать,
А у последнего, чтоб стопы не стояли,
И с тем покой мой опростали.[49]

Из этого довольно сумбурного пассажа можно почерпнуть лишь то, что Бурнов (а также, возможно, и его прототип) вступил в какой-то конфликт с собственным окружением — с «балалаечными лириками», обладающими грубым простонародным вкусом. И. Клейн справедливо писал о том, что «балалайка» в литературе была одним из синонимов «гудка», смычкового инструмента, связывавшегося с поэзией «либо скверной, либо вульгарной»,[50] что в данном контексте приводит на память николевских «Русских солдат. Гудошную песню на случай взятия Очакова. Декабря 6 дня 1788 года» (1789). Почти не поддаются дешифровке намеки финального шестистишия, где вновь выражено восхищение поэзией Дмитриева — Виноградов пишет о какой-то «невинной вине» и причиненных хлопотах, о том, что литературные противники (т. е., со всей очевидностью, упомянутые выше «балалаечные лирики») не долго будут единодушны и все равно между собой вскоре перессорятся:

Твоими песнями пленяясь
И сказочками восхищаясь,
Я стал хлопот тебе невинною виной,
Но уверяю, что стихи их не сольются:
Не в первой предприемлют труд такой;
Но кончат тем, что в кровь передерутся.

---

[49] *Виноградов И. И.* К И. И. Дмитриеву // Драматический вестник. 1808. Ч. 2. № 37. С. 87–88.

[50] *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 229, 233.

Упоминание «Моих безделок» Карамзина (1794) и «Чужого толка» (1794) Дмитриева позволяет датировать послание Виноградова годом их напечатания, т. е. 1794, а также напрямую связать его со столкновениями на русском Парнасе, вызванными их публикацией. Послание Виноградова, по ценностной шкале ориентированное на «Чужой толк», конечно, несопоставимо по своим художественным достоинствам с этим тщательно отделанным шедевром Дмитриева. При этом нельзя не сказать в защиту послания, что оно изначально не предназначалось к напечатанию, в силу чего автор вполне осознанно позволял себе неоднократные смены метров, а порой и отказывался от рифмовки (в целом более чем свободной), избрав в качестве главного стилистического регистра спонтанную разговорную речь. Достигаемая тем самым повышенная экспрессивность должна была в первую очередь выразить чувства дружеской поддержки, симпатии и единодушия.[51] Какими были в действительности отношения Виноградова и Дмитриева, сложно судить по этому посланию, в котором попович трудной судьбы обращается к молодому благополучному дворянину на «ты» и как к ровне. При этом сказывались общие интересы, сходные художественные вкусы и условность литературной коммуникации. В реальности же не могла не давать знать о себе разница в возрасте (Дмитриев был старше Виноградова на пять лет), в чине, да и в общественном положении. В своем порыве и в выражении прокарамзинских симпатий Виноградов был, на мой взгляд, искренен и бескорыстен, ибо он вряд ли стремился печататься в журналах Карамзина, за которыми сочувственно следил. В это время Виноградов был уже недвусмысленно ориентирован на объемные переводческие предприятия, которые могли принести ему ощутимый доход.

Послание «К И. И. Дмитриеву» — судя по всему, единственное сочинение Виноградова, появившееся посмертно в периодике начала XIX в. Составители авторитетного справочника «Сводный каталог сериальных изданий России»,[52] правда, атрибутируют ему еще одно сти-

---

[51] Послание Виноградова оказывается типологически сходным с рядом посланий Н. А. Львова, создаваемым в 1790-е гг., что находит отражение в близости их поэтики (при этом сложно себе представить, чтобы Виноградов мог быть знаком с какими-то неопубликованными посланиями Львова). См. подробнее: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Поэтика дружеских посланий Н. А. Львова // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 183–222.

[52] Сводный каталог сериальных изданий России. СПб., 1997. Т. 1: Журналы: (А–В). С. 334. № 08434.

хотворение, «Песнь африканца невольника», напечатанное в 1815 г. в «Вестнике Европы».[53] Скорее всего, оно принадлежит другому Ивану Виноградову, публиковавшему в 1811–1814 г. переводы с французского и немецкого в журнале «Друг юношества». Отчество его неизвестно, но по подписи к одному из переводов из Ж. Б. Массийона можно заключить о том, что он в тот момент был студентом Славяно-греко-латинской академии.[54] Он же издал в 1812 г. перевод книжки Шарля Луи Севеленжа (1767–1831),[55] французского писателя, известность которому принес многократно переиздававшийся перевод «Страданий молодого Вертера» Гете. По-видимому, братом этого Ивана Виноградова был Михаил Виноградов, начавший печататься в том же «Друге юношества» чуть позже; он также поместил одно патриотическое стихотворение в 1814 г. в «Политическом журнале».[56]

Подведем некоторые итоги. Сведения о жизни И. И. Виноградова крайне скудны и смутны; они базируются на том, что сохранила память двух литераторов, знавших его лично, — И. И. Дмитриева и Д. И. Языкова; некоторые подробности по семейным преданиям донес до нас и М. Н. Макаров. Все же критический анализ этой информации и возможных аберраций позволяет утверждать, что Виноградов родился не в Петербурге, а в каком-то другом месте; образование же получил поначалу в московской Славяно-греко-латинской академии, что подтверждают его стихотворения в сборнике на тезоименитство архиепископа Платона (Лёвшина) 18 ноября дня 1782 г. Затем (видимо, с 1785 г.) Виноградов обучался в учительской семинарии, соединенной с Главным народным училищем в Петербурге. Послание Виноградова «К И. И. Дмитриеву», странным образом выпавшее из поля зрения исследователей и позволяющее судить о его прокарамзинских симпатиях, добавляет несколько ярких черт к портрету этого литератора-разночинца и его вовлеченности в борьбу на русском Парнасе в 1790-е гг.

---

[53] *Виноградов И.* Песнь африканца невольника («Простите, берега родные...») // Вестник Европы. 1815. Ч. 80. № 5/6. С. 36–38.

[54] [*Массийон Ж. Б.*] Зрелище света / (из Массильена); пер. с франц. М<осковской> а<кадемии> студ<ент> Иван Виноградов // Друг юношества. 1813. Июль. С. 92–100.

[55] [*Севеленж Ш. Л.*] Новейшие нравственно-исторические повести г-на Севелинга / Пер. с франц. Иван Виноградов. М., 1812.

[56] Сводный каталог сериальных изданий России. СПб., 1997. Т. 4: Журналы: (Н–П). С. 384. № 36176.

А. ВАРДА

ДВЕ РУССКИЕ ОБРАБОТКИ СЮЖЕТА ОБ АНГЛИЙСКОМ ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ И ИНДИАНКЕ

Уже с начала существования древнерусской письменности подражание часто было основой творческой деятельности.[1] Писатели не подписывали своих произведений, так как не относились к ним как к своей собственности, а чужие тексты использовали без всяких ограничений, связанных с их принадлежностью конкретному писателю.[2] Подход к практике подражания изменился в какой-то мере лишь в конце XVII в., когда на Руси появились писатели, учившиеся в Польше или на Украине, на новых, еще не известных русской литературе образцах. В своей практике они ушли от предыдущего пассивного подражания образцам, пытаясь соревноваться с ними, с целью создать более совершенное произведение.[3] Однако и в дальнейшем авторы не называли использованного источника, так как не воспринимали произведение в категориях авторской собственности.

---

[1] Писатели древнерусской эпохи знакомились с принципами теории подражания через византийскую литературу. См.: *Otwinowska B.* Imitacja // Problemy literatury staropolskiej. Wrocław, 1973. Ser. 1. S. 381–458; *Fulińska A.* Naśladowanie i twórczość. Renesansowe teorie imitacji, emulacji i przekładu. Wrocław, 2000; Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения / Ред.: Л. В. Евдокимова, А. Д. Михайлов. М., 2002; *Николаев С. И.* Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3–19.

[2] См.: *Warda A.* Od imitacji do plagiatu // Slavia Orientalis. 2005. № 4. S. 515.

[3] См.: *Николаев С. И.* Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996.

© А. Варда, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-193-206

Новый взгляд на практику подражания и модификация ее правил возникли в XVIII в. На это повлияли все более интенсивные связи России с Западной Европой, ее литературой и теоретическими трудами по словесности как античных, так и западноевропейских авторов. Все чаще на тему подражания стали высказываться также русские писатели.[4] Многие из них стали понимать, что суть подражания состоит в умелом сочетании копирования и создавания, традиции и инновации. Некоторым из них также стало ясно, что грань между творческим использованием художественного образца и пассивным использованием чужого произведения непостоянна и ее легко перейти. Такой новый взгляд на имитацию означал, что писатели стали замечать плагиат, возникавший в результате неправильно понятой имитации, и публично осуждать допустивших его писателей, называя их действия воровством.

Источником вдохновения для многих русских авторов XVIII в. была западноевропейская литература, которую они часто читали в оригинале. Таким образом, западноевропейские произведения часто имели свои русские варианты еще до того, как их переводы были опубликованы в России.

Одним из западноевропейских сюжетов, который пользовался популярностью в России второй половины XVIII в., была история английского путешественника и индианки. История распространения этого сюжета в Европе стала предметом интереса многих исследователей. Его судьбу на русской почве впервые тщательно изучил Ю. Д. Левин.[5] Кратко повторим основные сведения об этом сюжете. Он появился впервые в книге Р. Лигона[6] «Правдивая и точная история острова Бар-

---

[4] См.: *Warda A.* Od imitacji do plagiatu... S. 516–521.

[5] См.: *Левин Ю. Д.* Инкл и Ярико в России // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова. С. 236–246; То же: *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С. 257–266.

[6] Ричард Лигон (ок. 1585–1662) — британский писатель, который потерял состояние как роялист во время английской гражданской войны (1642–1651), 4 июня 1647 г. уехал на Барбадос в погоне за богатством в Новом Свете, как и многие его соотечественники. На Барбадосе он приобрел половину сахарной плантации, после двух лет проживания на острове заболел и вернулся в Англию в 1650 г. Вскоре кредиторы добились его тюремного заключения. Существуют противоречивые сообщения о том, был ли его рассказ задуман в тюрьме как способ расплатиться с кредиторами и обрести свободу или до его заключения в тюрьму по настоянию солсберийского епископа Брайана Дуппы (см.: The Literatures of Colonial America: an Anthology / Ed. by S. Castillo and A. Schweitzer. Malden; Oxford, 2001. P. 205–213).

бадос» («True and Exact History of the Island of Barbados»), опубликованной в Лондоне в 1657, а затем в 1673 г. В свое повествование он ввел небольшой (около двадцати строк) рассказ о встреченной там красивой рабыне-индианке, носящей имя Ярико. Она спасла английского юношу, скрывавшегося в лесу после того, как отряд колонизаторов, в котором он находился, был разгромлен индейцами. Девушка спрятала его в пещере и кормила, пока их не забрал с острова английский корабль, который плыл к Барбадосу. Там юноша забыл о ее помощи и доброте и продал в рабство.

Рассказ Лигона спустя пятьдесят лет переработал Р. Стиль и опубликовал в одиннадцатом номере журнала «Зритель» за 1711 г. Расширенный почти в четыре раза текст об истории Ярико и английского юноши по имени Инкл излагает светская дама Ариетта, которая доказывает в споре с собеседником превосходство женщин над мужчинами.

«Зритель», который пользовался в то время большой популярностью, переиздавался и переводился на многие европейские языки, поэтому история Инкла и Ярико стала широко известна. Ее обработки появились как в Англии, так и в других европейских странах.[7] Например, в Германии появилось около двадцати подражаний, три из которых стали самыми значащими (поэмы Х. Ф. Геллерта и И. Я. Бодмера, а также прозаическое продолжение к поэме Бодмера, созданное С. Геснером).

Самой популярной французской переработкой была одноактная стихотворная комедия «Молодая индианка» («La jeune indienne», 1764) С.-Р. Н. Шамфора, которая вдохновила английского драматурга Дж. Колмана-младшего к сочинению песы «Инкл и Ярико» (1787).

История об Инкле и Ярико появилась на русском языке впервые в 1762 г. как перевод из английского «Зрителя» в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». При этом, как замечает Ю. Д. Левин, перевод делался не с оригинала, а с немецкого перевода, предположительно В. Я. Лебедевым.[8]

Следующий русский перевод из «Зрителя» появился полтора года спустя под заглавием «История о некотором купце» в журнале «Доброе намерение» и был осуществлен скорее всего М. Пермским.[9] Переводчик расширил рассказ Стиля и придал ему более эмоциональный характер.

---

[7] *Левин Ю. Д.* Инкл и Ярико в России... С. 237.

[8] Там же. С. 238.

[9] Там же.

Последний перевод публикации из «Зрителя» был сделан через полвека А. Ф. Кропотовым с французского перевода и опубликован в журнале «Демокрит» под заглавием «Инкл и Ярико». В последней трети XVIII в. с этой историей русские читатели знакомились главным образом через западноевропейские переработки.[10]

Первый перевод поэмы Геллерта на русский был осуществлен в 1780 г., следующие — в 1802 и 1803 гг., а в конце 1830-х гг. в московском журнале «Галатея» была опубликована повесть анонимного автора — «Ярико».[11] Прозаический перевод французской комедии «Молодая индианка» Шамфора появился в 1774 г. и был сделан с немецкого языка.[12] Упоминания о ней появились в начале XIX в., а в 1821 г. был издан ее стихотворный перевод.[13]

Русские переработки, основанные на сюжете об англичанине и молодой индианке, появились в последнее десятилетие XVIII в., и именно они станут предметом внимания в данной статье. Первая из них — это повесть Ивана Новикова «О купецком сыне и о американской девушке», помещенная во второй части его сборника «Похождение Ивана гостиного сына и другие повести и сказки» (1786), вторая принадлежит Н. С. Смирнову и озаглавлена «Зара» (1795).[14]

Скорее всего, оба эти текста восходят к французской обработке текста Лигона, созданной французским историком и философом Г.-Т.-Ф. Рейналем (Guillaume-Thomas-François Raynal, 1713–1796). Она вошла в пятую часть его произведения «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, сочиненная Аббатом Рейналем» (1770)[15] («L'Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes») и носит название «Бесчеловечие одного Англичанина против Индиянки, его благодетельницы»).[16] Следует отметить, что книга Рейналя была

---

[10] *Левин Ю. Д.* Инкл и Ярико в России... С. 240.

[11] Там же. С. 242.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 243.

[14] Левин упоминает еще об одной русской переработке А. В. Лоцмана — «Негр, или Возвращенная свобода» (1827).

[15] Это произведение известно под сокращенным заглавием: «История обеих Индий».

[16] Русский перевод произведения Рейналя вышел в 1808 г. Цитируем его по второму изданию 1834 г.: «Англичане, вышедшие на берега матерой земли, для похищения там невольников, были открыты караибами, кои служили корыстию в их набегах. Сии дикие устремились на неприятельское войско, кое они умертвили или обратили в бегство.

осуждена парижским парламентом в 1781 г. за безбожие и опасные идеи, — такие как право людей на восстание или отказ от налогообложения. Было приказано сжечь ее в общественных местах, а в 1774 г. римско-католическая церковь поместила ее в список запрещенных книг. Несмотря на эти ограничения, или, возможно, благодаря им, «История» стала чрезвычайно популярной, о чем свидетельствуют тридцать ее изданий 1772–1789 гг. Широкая популярность книги, однако, не защитила ее автора от эмиграции, к которой он был вынужден прибегнуть в 1781 г. Именно тогда он посетил Россию, где был хорошо принят Екатериной II. Во Францию Рейналь вернулся в 1790 г. В России неполный перевод «Истории» был впервые опубликован в 1805–1811 гг. Второе, полное, издание вышло в 1834–1835 гг. Однако еще до его перевода на русский французский подлинник был известен в России.[17]

Отголоски знакомства русских авторов с произведением Рейналя можно найти именно во второй части сборника рассказов, повестей, сказок, фацеций и других прозаических произведений Ивана Новикова, изданного в 1786 г. под названием «Похождение Ивана гостиного сына и другие повести и сказки».[18] Среди двадцати девяти произведений этого сборника шестнадцатый текст, озаглавленный «О купецком сыне и о американской девушке», явно отсылает к упомянутому выше сюжету об англичанине и индийской девушке. Сборник был издан довольно большим для того времени тиражом в 800 экземпляров и уже в первые десятилетия XIX в. стал библиографической редкостью, что, несомненно, доказывает его популярность среди читателей того времени.

Десять лет спустя другой русский писатель, Н. С. Смирнов, написал сентиментальный рассказ под названием «Зара» (1795), основанный на том же сюжете Рейналя. В ходе дальнейшего обсуждения мы

Один молодой человек, долговременно преследованный, бросился в лес. Некоторая встретившаяся с ним индиянка спасла его жизнь, кормила тайно, и спустя несколько времени, проводила на берег моря. Его товарищи, стоявшие там на якоре в ожидании заблудивших, отправили лодку для взятия его. Избавительница его захотела ехать с ним на корабль. По прибытии их в Барбадос, сей изверг продал ту, которая спасла его жизнь...» (см.: Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, / сочиненная Аббатом Рейналем. СПб., 1834. Ч. 5. С. 244).

[17] См.: *Левин Ю. Д.* Инкл и Ярико в России... С. 244.

[18] См.: *Warda A.* «Przypadki Iwana, syna kupieckiego» Iwana Nowikowa. Analiza monograficzna na tle kultury literackiej rosyjskiego Oświecenia. Łódź, 1996.

более подробно рассмотрим оба эти русские произведения, чтобы сопоставить их с французским вариантом и рассмотреть способ их переноса на русскую почву.

Иван Новиков, автор первой переработки упомянутого выше сюжета, не называет ни источника своего произведения «О купецком сыне и о американской девушке», основанного на фрагменте текста Рейналя, ни источников других текстов, входящих в его сборник, хотя многие из них имеют западноевропейские прототипы.[19] Однако он довольно точно характеризует в названиях обеих частей сборника, а также в заголовке, помещенном перед оглавлением, содержащиеся в нем произведения — рассказы и сказки. Название текста Ивана Новикова, основанного на сюжете Рейналя «О купецком сыне и американской девушке», как и подавляющее большинство произведений, входящих в обе части сборника, начинается в манере, характерной для жанра повести, а именно с предлога «о», после которого в предложном падеже кратко сообщается читателю, что или кто будет героем произведения. Таким образом, читатель узнает из названия, что оба главных героя — молодые люди. О юноше мы узнаем также его социальное положение, а о девушке — ее национальность. Стоит при этом упомянуть, что именно купеческие сыновья часто были главными героями многих русских художественных произведений XVIII в.

Объем произведения Новикова оказывается намного шире текста Рейналя за счет введения в него целого ряда деталей, касающихся как персонажей, так и описываемых событий. Кроме того, произведение сочинено Новиковым по схеме авантюрно-приключенческой повести. В результате его повесть стала интересной с точки зрения содержания и благодаря этому увлекательной для читателя. Вероятно, именно с этой целью Новиков отказался от описания британской экспансии на американский континент, открывавшей текст Рейналя, и перешел непосредственно к индивидуальной иллюстрации этого явления. Таким образом, уже в первом предложении русского произведения мы узнаем, что главный герой — это двадцатилетний сын купца, который вместе с товарищами отправился в Америку, чтобы приумножить свой капи-

---

[19] *Warda A.* «Przypadki Iwana, syna kupieckiego» Iwana Nowikowa… S. 80–81; *Рак В. Д.* Материалы к изучению сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки» // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 122–154; То же: *Рак В. Д.* Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008. С. 473–525.

тал. Мотив путешествия или экспедиции с определенной целью был, как известно, одним из определяющих факторов приключенческого романа. Сразу после этого рассказчик сообщает читателям о старом отце героя, который прекрасно разбирался в купеческих делах, но был очень жаден и всячески стремился разбогатеть, чему он, кстати, выучил и своего сына. После этого важного для дальнейшего развития действия отступления, возвращаемся к основной сюжетной линии, связанной с путешествием купеческого сына. Оно было неожиданно прервано морской бурей, во время которой корабль затонул, а торговцы были вынуждены спастись на одном из островов недалеко от берегов Америки. Там большая часть из них была убита коренными жителями острова, а остальные попали к ним в плен. Уцелел только сын купца, который перед лицом опасной для него ситуации плачет и сетует, подобно героям сентиментальных произведений:

> <...> обливаяся слезами и воздыхая вопиял: о вышнее могущество! Какому я несчастью себя подвергнул! Где я теперь и куда пойду? Возвращусь ли я на корабль; но там уже никого нет; здесь ли останусь, то или диким зверям буду пищею, или, изнурен предвидимым гладом, бедственно лишусь жизни. О прелестный прибыток! О суетное желание к приобретению тленного богатства.[20]

Как у Рейналя, и у Новикова, главный герой убегает от туземцев в лес, где жизнь ему спасает молодая американка. У Рейналя мы не находим никаких сведений об их отношениях и подробностей, связанных с их жизнью на острове. Новиков подробно описывает, каким образом девушка добивалась расположения иностранца, как проявляла к нему свои чувства: приносила ему драгоценные камни, шкуры животных, провожала к различным уголкам острова, нежно смотрела на него, трогала его волосы, кормила его плодами, давала пить родниковую воду и пр. Русский автор называет также относительно точное время пребывания сына купца на острове — несколько месяцев, в отличие от оригинала, где мы читаем, что герой оставался на острове неопределенное время.

Расхождения между обоими произведениями заметны также в описании способа побега с острова. Так, у Рейналя сообщается, что спасительница купеческого сына отвела его на берег моря, где на корабле

---

[20] *Новиков И.* Похождения Ивана, гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1786. Ч. 2. С. 80–81.

ждали его товарищи по путешествию. В произведении Новикова мы читаем, что сын купца обещал девушке отвезти ее к себе домой, где она будет жить в роскоши. Девушка, как и героини сентиментальных произведений, реагирует на это предложение волнением и слезами. Однако у Новикова герои не могут выбраться с острова. Подходящая ситуация возникает совершенно случайно, когда они увидели корабль, плывший к острову Барбадос. Их горячая слезная просьба убедила капитана корабля сжалиться над ними и увезти их с острова. Однако, прибыв в отчий дом, купецкий сын вновь стал таким же жадным и расчетливым, каким был до морской экспедиции, и, желая восполнить убытки, понесенные во время неудачного плавания, решил продать американку. Услышав о том, какая судьба ее ждет, она, подобно многим несчастным героиням сентиментальных историй (эпитетом «несчастная» называет ее рассказчик), плачет, бросается к нему с объятиями, просит пощады и, наконец, сообщает, что скоро родит ему ребенка. Однако расчет и жадность молодого человека делают его равнодушным к мольбам девушки, и ее беременность становится для него поводом потребовать за нее двойную плату.

Текст Рейналя заканчивается сообщением о продаже девушки, а произведение Новикова имеет продолжение, написанное в стиле приключенческой повести с характерными для этого жанра неожиданными событиями (в данном случае это находка пропавшей много лет назад дочери). Рассказчик акцентирует внимание на новом владельце девушки — капитане корабля, который купил ее у купеческого сына. Этот человек добр, но задумчив и чем-то подавлен. Он пытается узнать у девушки, откуда она и какая связь была между нею и ее бывшим хозяином. С этого момента девушка перенимает функцию повествователя и рассказывает капитану свою историю (вспомним, что прием включения историй героев, рассказывающих свое прошлое от первого лица, в собственное повествование произведения, которое ведется от третьего лица, часто использовался в приключенческих и авантюрных повестях). Из рассказа девушки мы узнаем, что она родом из Испании, из хорошей семьи, и восемь лет назад родители взяли ее с собой в Марокко. Однако на обратном пути случился шторм, во время которого их корабль затонул, а сама она оказалась на берегу острова. Там ее нашла старушка и воспитывала шесть лет, до своей смерти. С тех пор девушке пришлось жить в чужом и опасном месте. Из ее рассказа мы узнаем, что полгода назад она нашла на острове потерпевшего кораблекруше-

ние человека, которого спасла и полюбила. Он, в свою очередь, пообещал взять ее в жены, а вместо этого продал ее в рабство вместе с еще не рожденным ребенком. Драматизм повествования усиливается в конце: она тянется за ножом, чтобы покончить с собой. Капитан корабля, внимательнее присмотревшийся к девушке, спасает ее, из глаз его текут «реки слез». Это неожиданное поведение связано с тем, что он узнал в девушке свою дочь, потерянную много лет тому назад. После ее потери он хотел залечить свое горе, участвуя в опасных морских экспедициях. Выясняется, что девушку зовут Антонина, и что с момента ее исчезновения прошло десять лет. Описание реакции отца, нашедшего пропавшую дочь, напоминает поведение героев сентиментальных повестей: общая растерянность, дрожащий голос, восклицательные предложения, часто заканчивающиеся междометием «ах!», выражающим и внезапное удивление, и скорбь, и одновременно радость по поводу встречи. Произведение заканчивается, так как и другие авантюрные и приключенческие истории, наказанием отрицательного героя, купеческого сына (ср., например, анонимную «Историю о Василии Кориотском»), которого бросают в море на съедение хищным рыбам. Несмотря на заступничество Антонины, капитан и его помощники совершают подобный поступок. Англичанина с привязанным на шею камнем бросают в море, и он быстро исчезает в его глубинах, чтобы, — как добавляет рассказчик, — искать в них свое богатство. Что касается положительных героев, то, согласно традиции авантюрных и приключенческих историй, все заканчивается благополучно: отец плывет домой вместе с найденной дочерью.

Следующий русский рассказ, который явно соотносится с текстом Рейналя, был сочинен, как упомянуто выше, писателем-крепостным Н. С. Смирновым под заглавием «Зара». Произведение было опубликовано в журнале В. С. Подшивалова «Приятное и полезное препровождение времени» (1795. Ч. 5. С. 357–361) и подписано «Даур. Номох.».[21] Будучи сыном дворового человека, управлявшего имениями князей Голицыных, он получил хорошее домашнее образование, а затем приватно посещал Московский университет. В 1785 г. он бежал за границу, но был схвачен и приговорен к повешению. Благодаря Ека-

[21] «Даурец Номохон» — литературный псевдоним крепостного писателя Н. С. Смирнова.

терине II приговор был заменен отдачей в солдаты и ссылкой в Сибирь. Свои первые литературные произведения Смирнов печатал в журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», следующие — в журнале «Приятное и полезное препровождение времени».[22]

Н. С. Смирнов, в отличие от Ивана Новикова, в комментарии к своему рассказу называет источник «Зары»:

> Это ни сочинение, ни перевод. Я читал «Историю обоих Индий» и нашел в ней анекдот тот, в шести или семи строках замыкавшийся. Он столько поразил меня, что я, закрывши книгу, написал его по-русски, но ничего не заимствуя от Реналя, кроме основы. Думаю, не поставят мне в грех, что я героям происшествия сего дал имена.[23]

Однако, учитывая, что произведение И. Новикова было опубликовано за девять лет до публикации рассказа Смирнова и входило, как и другие тексты, в сборник этого автора, пользовавшегося популярностью в то время, не исключено, что оно было известно и Смирнову. В пользу этого соображения говорит тот факт, что отдельные фрагменты его произведения демонстрируют явное сходство с рассказом Новикова, хотя общая сюжетная структура «Зары» заимствована у Рейналя. Таким образом, в случае произведения Смирнова мы можем иметь дело с явлением полиимитации, когда автор использует две или больше переработок данного сюжета.[24] Не исключено, что Смирнов не хотел признаться в использовании текста русского писателя, опасаясь обвинения в литературной краже. С другой стороны, его указание на работу Рейналя в качестве прототипа (известного в России в то время только в оригинале и, следовательно, не столь популярного, как произведение Новикова) в некоторой степени защищало Смирнова от подобных обвинений. Следует при этом отметить, что его «Зара» как минимум в два раза короче рассказа Новикова.

Смирнов дает своему произведению название, которое по своей форме (антропоним) отсылает к названиям других сентиментальных повестей, где часто в названии упоминается имя главной героини. Экзо-

---

[22] См.: *Альтшуллер М. Г.* Крепостной поэт и переводчик Николай Смирнов // Французский ежегодник. 1967. М., 1968. С. 260–265; *Костин А. А., Павлов В. А.* Смирнов Николай Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я). С. 139–140.

[23] Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. № 23. С. 357.

[24] *Warda A.* Od imitacji do plagiatu… S. 522.

тически звучащее имя Зара происходит из арабского языка и означает «золото». Произведению предшествует эпиграф, часто встречающийся в сентиментальной прозе, который в данном случае является цитатой из Книги Иова: «И у мене сердце есть, якоже и у вас» (Иов 12: 3), который является его главной идеей и в то же время связан с чувствительным и эмоциональным характером сентиментальной литературы.

Интересно, что введение к повествованию как у Смирнова, так и у Новикова, носит специфический, индивидуальный характер, отличающийся от краткого и общего, которое представлено в прототипе. Оба они связаны с главным, отрицательным героем — английским колонизатором. Рассказчик не упоминает здесь (как повествователь Рейналя) о колонизационной деятельности англичан, но сразу же знакомит читателей с отрицательным главным героем — расчетливым, бездушным молодым англичанином Струмсоном, которого он представляет как бесславное исключение среди граждан его просвещенной и законопослушной нации. Однако дальнейшее повествование, предшествующее повествованию о захвате рабов английскими колонизаторами и их действиях на Барбадосе, а также порицания в адрес Струмсона (например, мы читаем, что герой выжил, потому что удача часто благоприятствует плохим людям), и колонизаторов (европейские грабители), свидетельствует о том, что первоначальная похвала английской нации имела явно иронический характер. Следует при этом отметить, что рассказчик не скрывает своего положительного отношения к коренному народу и его представительнице — Заре, которую, следуя примеру других сентиментальных писателей, называет чувствительной. При этом на протяжении всего произведения четко отражено противопоставление «природа — цивилизация», которое, как известно, является одним из основных детерминант сентиментального мировоззрения.[25]

В тексте Рейналя нет сведений о самой индианке и ее родственниках. Авторы обеих переработок развивают эту тему следующим образом: у Новикова, как помним, у девочки были любящие родители, а потом за ней ухаживала пожилая женщина, а в произведении Смирнова Зара — любимая дочь главы семейства караибской деревни.

---

[25] *Mucha B.* Rosyjscy pisarze pańszczyźniani // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Littararia Rossica. Łódź, 1999. № 1. S. 33–34; *Dąbrowska M.* Rosyjska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2003. S. 121–122.

В рейналевском прототипе мы также не находим никаких дополнительных сведений о пребывании молодого человека на острове и его отношениях с девушкой. С другой стороны, в обоих русских произведениях мы читаем о том, как девушка заботилась об англичанине (кормила, утешала, уделяла ему время и, наконец, влюбилась в него страстной любовью, которую он безжалостно использовал). В то же время рассказчик в произведении Смирнова противопоставляет девушку с чистым сердцем избалованному цивилизацией, лицемерному юноше и сравнивает его с тигром, жаждущим ее крови, а также сочувствует ее несчастьям. Девушка полностью посвящает себя лживому англичанину, которого любит больше отца, и, плача и вздыхая, признается ему в любви.

Подспорьем для побега с острова является плывущий неподалеку корабль с англичанами, на которых собираются напасть родственники беременной Зары. Однако девушка хочет сообщить экипажу корабля о нападении и вместе с англичанином покинуть остров. В произведении Смирнова идея побега целиком принадлежит Заре, которая более предприимчива, чем Струмсон.

Прежде, чем поведать о дальнейшей судьбе девушки, автор выражает свое крайнее возмущение по поводу того, что скоро произойдет и что он, как всезнающий рассказчик, уже знает. Струмсон сразу после посадки на корабль продает свою спасительницу таким же, как он, безжалостным англичанам, не обращающим внимания на отчаяние рыдающей девушки. На этом заканчивается произведение Смирнова, который, так же как и Рейналь, не раскрывает перед читателем дальнейшей судьбы проданной девушки и ее мучителя.

Заслуживает внимания следующее за текстом Смирнова послесловие редактора журнала Подшивалова, который пишет: «<...> не унижая отечественного произведения, сия же самая история есть в англинском Спектаторе и в творениях бессмертного Геллерта, под именем *Инкла и Ярико*». Тем самым он указывал на другие, ему известные переработки этого сюжета.

Подводя итоги сопоставления сюжета Рейналя с его двумя русскими переработками, возникшими в последние десятилетия XVIII в., мы пришли к выводу, что произведение Ивана Новикова было создано им в стиле авантюрно-приключенческой повести. Сюда были введены приемы, типичные для приключенческих сюжетов: завоевательная экспедиция, затопление корабля, безвыходная ситуация, неожиданное спа-

сение потерпевшего кораблекрушение, предательство спасенного по отношению к своему спасителю, неожиданное нахождение пропавшего без вести много лет назад персонажа, наказание виновных, счастливое возвращение на родину. В то же время произведение Новикова отличается динамичным действием, любовными перипетиями (рождение чувства, любовь героев, предательство одного из них), а также неожиданными поворотами действия, типичными для приключенческой литературы, которая, будучи рассчитанной на массового читателя, ожидающего интересного и увлекательного по содержанию чтения, использовала приемы, свойственные жанрам популярной литературы. В своем произведении Новиков использует также и определенные приемы, характерные для поэтики сентиментальной повести, касающиеся в основном эмоционального поведения его героев.

В свою очередь, Смирнов, в противовес авантюрно-приключенческой концепции произведения Новикова, сочиняет свою переработку в соответствии с принципами поэтики сентиментальной повести. Как Зара, так и рассказчик, — это чувствительные персонажи, очень эмоциональные, реагирующие слезами и отчаянием на различные ситуации в своей собственной жизни или, как в случае повествователя, жизни своего героя. Элементы сентиментальной поэтики проявились также в языке героев (восклицания, выражающие обычно их негативные эмоциональные состояния) и типичном для сентиментальных повестей сюжете произведения Смирнова с его пессимистическим финалом (автор не дал своей героине шанса исправить свою судьбу, как это сделал Новиков). У Смирнова мы наблюдаем четкое деление персонажей на хороших и плохих и открытое выражение симпатии со стороны повествователя к положительным героям, выраженное оценочными эпитетами. Поэтому читатель с самого начала произведения знает, какой персонаж окажется отрицательным, и его характер не будет развиваться в положительном направлении.

Таким образом, мы видим, что у обоих русских авторов были разные концепции, которыми они руководствовались при переработке одного и того же сюжета, хотя эпоха, в которой они жили, и литературные конвенции, известные обоим авторам, повлияли на то, что у них можно найти общие решения (например, элементы сентиментальной поэтики). При этом полностью невозможно исключить знакомство Смирнова с текстом Новикова, также основанном на рассказе Рейналя. Однако каждый автор показал оригинальность своей адаптации и по-

следовательность в переработке прототипа под выбранную жанровую схему. Таким образом, адаптировав иноязычный оригинал для русского читателя, оба автора обеспечили ему интересное чтение и в то же время способствовали обогащению репертуара русской художественной литературы.

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

ТВОРЧЕСТВО А. Т. БОЛОТОВА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ РУКОПИСНОЙ И ПЕЧАТНОЙ КНИГИ

1 января 1792 г. Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) получил известие о том, что его двоюродный брат и сосед по родовому имению Дворяниново в Тульской губернии, Михаил Матвеевич Болотов, находится при смерти. А. Т. Болотов, который тогда состоял на службе управляющим императорской Богородицкой волостью в той же Тульской губернии, отправился в Дворяниново. Днем он сидел у постели умирающего, а по вечерам перебирал собственную библиотеку. В одной из рукописей, составляющих своего рода «конвой» к основному тексту болотовских воспоминаний, мемуарист так объяснил эту работу:

> За несколько времени пред сим предприял сын мой на себя труд переписать и регулировать всю мою библиотеку, которая от бывших двух пожаров гораздо порасстроилась. И как находящиеся в Богородицке книги были уже все переписаны и остались только те, кои находились у меня в деревне, то собирались мы уже давно книги все велеть из деревни перевезть для переписывания в Богородицк. И <…> чтоб приумножить количество книг положили мы, чтоб мне, будучи дома, на досуге перебрать и все старинные там бумаги и тетради, содержащие в себе разные мои сочинения и переводы, и посмотреть, не годятся ли которые для переплета и составления из них книг.[1]

[1] Описание жизни Андрея Болотова, сочиненное самим им для своих потомков. Продолжение. 1791 год // ОР РНБ. Ф. 608 (Собр. Помяловского). Оп. 2. № 88-VI. 46 лл.

© А. Ю. Веселова, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-207-227

Таким образом, мы видим, что в состав своей библиотеки Болотов на равных включал как печатные книги, так и рукописи, причем не только списки изданий, но и собственные сочинения. Это отразилось и на их оформлении. В личных фондах Болотова в разных архивохранилищах в общей сложности находится около 300 единиц хранения, написанных рукой самого Болотова. Это списки произведений отдельных авторов, переводы, сборники самого разного назначения и содержания, а также комплекты отпусков писем и собственные сочинения, включая мемуары. Подавляющее большинство из них переплетены, иногда даже в кожу с тисненым золотом названием на обложке и корешке (это означает, что они стояли на книжных полках), имеют титульный лист, пагинацию, часто оглавление, иногда ляссе и окрашенный обрез, хотя бы минимальное художественное оформление (виньетки, заставки, обрамленные колонтитулы) или даже полноценные иллюстрации. Обычно на них есть помета «Из книг АБ» (или «АТБ») с номером, отсылающим к каталогу домашней библиотеки. Немногие неоформленные единицы в составе болотовских архивов представляют собой обычно незаконченные или плохо сохранившиеся разрозненные тетрадки, чаще всего поздние.

Внутреннее оформление рукописной книги Болотов обычно делал сам, а переплетать отдавал мастеру. Многие из его ранних рукописей были переплетены, когда он был переводчиком в канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии в Кёнигсберге в годы Семилетней войны (1758 — нач. 1762), и потом в период недолгой службы в Петербурге (1762). Остальные он чаще всего переплетал в книжных лавках в Москве. Первые болотовские рукописи, созданные в Кёнигсберге, обычно имеют распространенный книжный формат in quarto.[2] Возможно, на выбор размера повлияли те книги, которые Болотов в это время покупал или брал в кёнигсбергских библиотеках. Но в дальней-

[2] См., напр.: Собрание принадлежащих до новой штатской и военной истории вещей. Польша. 1758 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2136 (Q. 370). 120 л.; Приключения милорда Кингстона, самим им описанные, а переведенные А. Б. Кёнигсберг. 1760 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП) № 2138 (Q. 372). 127 лл.; Различные нравоучительные сочинения, переведенные из разных книг А. Б. 1763 // ОР РНБ. Ф. 89. № 58. 136 л.; Крузий Христиан Август. Нравоучение, или Наставление как жить благоразумно. Пер. с немецк. яз. // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2093 (Q. 328). 37 л.; Письма А. Т. Болотова к разным лицам: зятю А. Ф. Травину, сестре М. Т. Травиной, дяде и др. Окт.-нояб. 1760 // ОР РНБ. Ф. 89. № 110. 85 л.

шем, начиная с середины 1760-х гг., все чаще появляются рукописи в 1/8 листа. Со временем этот формат становится практически единственным и так прочно ассоциируется с рукописями Болотова, что оба издательства, напечатавшие болотовские записки в 1930-х гг., то есть «Academia» и «Молодая гвардия», выбрали для печати именно его.[3]

Такой карманный формат диктовал число листов, обычно их в болотовских рукописях около 200, так как книгу бóльшего объема неудобно держать в руках и носить с собой. Поэтому крупные сочинения он делил на части и в переплет отдавал тоже по частям, причем нередко до завершения всего текста, когда появлялась оказия, то есть поездка в Москву. Так, рассказывая о своем томительном пребывании в деревне в Епифанском уезде, где он ожидал решения о новом назначении, Болотов пишет: «...находя приятнейшее упражнение в письме, <...> начал писать четвертую часть экономических своих записок под титулом „Плоды праздного времени“, которых первые три части переплели мне в последнюю мою в Москве бытность прекрасно и так, что красота самого сего переплета возбуждала во мне желание продолжать сию книгу и тем паче, что первые три части многим полюбились».[4] Как видно из приведенной цитаты, не закончив четвертой части задуманного сочинения, он уже не только переплел первые три, но и давал их кому-то читать.

Как с печатной, так и с рукописной книгой Болотов познакомился в семье. У его отца, полковника Архангелогородского пехотного полка Тимофея Петровича Болотова, с собою на службе были две печатные книги: «Жизнь Александра Македонского» Курция Руфа[5] и «Описание

---

[3] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Обраб. текста и примеч. Н. Кравцова и А. Морозова. М.; Л., 1930; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. / Вступ. статья С. Н. Ронского, коммент. П. Л. Жаткина. М.; Л., 1931. Переиздание последней публикации в том же формате вышло в 1993 г.

[4] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1870–1873. Т. 1–4 (Русская старина: Приложение: Записки Андрея Тимофеевича Болотова). Т. 3. Стб. 169. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома римской цифрой и номера страницы — арабской.

[5] Сочинение латинского писателя I в. Квинта Курция Руфа (Quintus Curtius Rufus) «История Александра Великого Македонского» (Historiae Alexandri Magni Macedonis) несколько раз было переведено на русский язык. Скорее всего, Болотов читал издание

жития и дел принца Эвгения Савойского»,[6] и две рукописи, «Лифляндская история»[7] и «Лифляндская экономия».[8] Все это были переводы, причем рукописные были выполнены самим Тимофеем Петровичем. Еще в детстве, в годы обучения, у Болотова начала складываться своя библиотека, состоявшая вначале преимущественно из учебных книг.[9] Эту библиотеку он по мере сил пополнял. Свой первый рукописный роман под названием «Епаменонд и Целериана»[10] Болотов получил в подарок во время обучения в частном пансионе в Петербурге в 1749 г. (I: 182). Первой переписанной им самим книгой был русский перевод «Похождений Телемака» Ф. Фенелона,[11] который он скопировал в 1753 г.

1750 г.: Квинта Курция история о Александре Великом царе македонском / С дополнениями Фрейнсгейма и примечаниями переведена с латинского языка вторично Степаном Крашенинниковым Академии наук профессором. СПб., 1750. Т. 1–2.

[6] Описание жития и дел принца Эвгения Савойского и генералиссимуса над армиями его римского цесарского величества и всея империи <...>. СПб., 1740 (выборочный перевод анонимно изданной книги: Des grossen Feld-Herrns Eugenii Hertzogs von Savoyen und Käyserlichen General-Leutenants Helden-Thaten. Nürnberg, 1736).

[7] Вероятно, перевод сочинения лифляндского пастора С. Губертуса: Stratagema oeconomicum, oder Ackerstudent, Denen jungen ungeübten Ackerleuten in Lieffland zum nöhtigen Unterricht vermittelst vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellet <...> von Salomone Guberto <...>: 3 Aufl. Riga, 1688 («Экономическая стратагема, или Изучающий земледелие, в изложении для необходимого обучения молодых неопытных земледельцев в Лифляндии посредством многолетних наблюдений и с приведением мнений знатных философов»).

[8] Вероятно, перевод сочинения эстляндского пастора Х. Кельха «История Лифляндии»: Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs- und Friedensgeschichte Esth- Lief- und Lettlandes <...> biss auffs 1690. Jahr <...> von Christiano Kelchen <...> Revall, 1695.

[9] *Глаголева О. Е.* 1) Библиотека А. Т. Болотова // Книга в России XVI — середины XIX вв.: Книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С. 79–95; 2) А. Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 140–158; 3) Тульская книжная старина. Тула, 1992. С. 69–85.

[10] Очевидно, этот перевод существовал только в списках. Один из них сохранился в справочной библиотеке Государственного архива Свердловской обл.: История о Епаменонде и Целериане, которая содержит в себе шестнадцать книг и разделена на два тома. Переведена с французского языка на российский 1741 году в Санкт-Петербурге (см.: *Дергачева-Скоп Е. И.* Рукописные книги в хранилищах Свердловска // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 338–343).

[11] Похождение Телемака, сына Улиссова / Сочинено г-ном Фенелоном, учителем детей короля французского, бывшим потом архиепископом Камбрейским, и князем Римския империи. [Пер. А. Ф. Хрущева]. СПб., 1747. Ч. 1–2. (Ориг.: *Fénelon F.* Les Aventures de Télémaque <...>. Paris, 1699).

в деревне, где оказался один после смерти родителей: «Не имея ничего лучшего, списал я целого „Телемака“ с печатного, которую книгу удалось мне негде достать. Я велел ее переплесть, и переплет был хотя самый скверный, в досках, и по манеру церковных книг с застежками, однако я не мог ею довольно налюбоваться, и книга сия была мне так мила, что я взял ее с собою, когда поехал на службу, но, к сожалению моему, пропала она у меня с некоторыми другими книгами» (I: 234). Тремя годами ранее юный Болотов уже пытался читать «Телемака» в пансионе на уроках французского, но ему не хватало владения языком, поэтому он обратился к русскому переводу. Книга произвела на него сильнейшее впечатление: «<...> мне она так полюбилась, что у меня старинные брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались беспрерывно в голове, к чему много помогали и картинки, в книге находившиеся» (I: 108). Возможно, это также было его первое знакомство с книжной иллюстрацией.

В 1753 году, в возрасте 14 лет, Болотов уже чувствовал вкус к самому процессу переписывания книг, что отметил позднее в мемуарах: «С самого малолетства имел я уже к тому некоторую охоту и всегда, бывало, что-нибудь марал и списывал, а тогда склонность сия возросла уже до знатного градуса и сделала меня на весь мой век охотником до писания. Я находил как-то особливое удовольствие в сей работе, и она была мне не только не трудна, но еще увеселительна» (I: 234).

Болотовский «Телемак» не дошел до нас, но сохранилась другая книга, тогда же списанная. Это курс геометрии и фортификации, который Болотов взял у дяди, брата отца.[12] М. П. Болотов, к тому времени уже генерал, в молодости учился у Абрама Ганнибала, и у него сохранились тетради, представлявшие собой перевод фрагментов из книг французского математика Ж. Озанама, по которым Ганнибал преподавал геометрию.[13] Болотов рассказывает о своем знакомстве с этими тетрадями тоже восторженно: «Я вострепетал, увидев оные, и до тех пор не дал отдыха дяде моему, покуда не отдал он мне их для списания и счерчения <...>. Я написал и начертил книги, которые и поныне еще

---

[12] Приемы циркуля и линейки. 1753 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2131 (Q. 365). 161 л. с илл.

[13] *Ozanam J.* 1) La Géométrie pratique. Paris, 1684; 2) Traité de fortification, contenant les methodes anciennes et modernes pour la construction et la deffense des places. Paris, 1694.

у меня целы, и украсил их возможнейшими, хотя совсем излишними и такими украшениями, которые изъявляют очевидно тогдашний мой ребяческий и весьма еще неосновательный вкус» (I: 233–234). По этим тетрадям Болотов готовился к экзаменам в полку и брал экземпляр с собой на службу, о чем свидетельствует помета «из книг подпоручика Болотова».

Таким образом, очевидно, что на раннем этапе составления библиотеки, то есть с конца 1740-х до 1760-х гг., основной причиной, заставлявший Болотова обращаться к созданию рукописных книг, был дефицит печатных, на который он жаловался в мемуарах: «...куда жаль, что у нас в России было тогда еще так мало русских книг, что в домах нигде не было не только библиотек, но ни малейших собраний, а у французских учителей того меньше. Литература у нас тогда только что начиналась, следовательно, не можно было мне, будучи ребенком, нигде получить книг для читания» (I: 108). Поэтому заметную долю среди созданных им в этот период рукописных книг составляли переводы. Имея в определенный период, то есть в годы службы в Восточной Пруссии, доступ к иностранной литературе и владея языками, Болотов в конце 1750-х и в 1760-е гг. перевел немало книг и даже журналов, желая иметь то или иное издание в своей библиотеке и делиться ею с товарищами.[14] Впрочем, практика обмена, существовавшая в том числе и в полковой жизни, нередко приводила к потерям: в частности, Болотов весьма сожалел об утраченном им первом опыте перевода с французского, названия которой он даже не помнил (I: 112).

Среди ранних болотовских рукописей многие сохранились: это переводы из немецкой периодики, описывавшей ход текущей войны (опыт, признанный самим переводчиком неудачным, так как материал не заинтересовал его полковых товарищей),[15] а также романы[16] и фи-

---

[14] Переводы сочинений различных авторов, преимущественно из периодических изданий. 1760 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 6.2. 319 л. См. также примеч.: 2, 15, 16, 17, 18.

[15] Собрание принадлежащих до новой штатской и военной истории вещей. Польша. 1758 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2136 (Q. 370). 120 л.

[16] Перевод повести Ш. Ж. де ла Морльера «Милорд Станлей, или Добродетельный преступник». Писарская копия. 1759 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 5.4–5.5. Т. 1. 78 л., Т. 2. 94 л.; Приключения милорда Кингстона, самим им описанные, а переведенные А. Б. Кёнигсберг. 1760 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2138 (Q. 372). 127 л.

лософские сочинения,[17] интерес к которым побудил Болотова посещать лекции по философии в Кёнигсбергском университете. До нас дошел также перевод одной из частей курса философии Х. А. Крузиуса, а именно «Телематологии», и натурфилософское сочинение И. Г. Зульцера.[18] Особый интерес из этого периода представляет рукопись 1768 г. под названием «Краткая история Польского Королевства, собранная из разных авторов» из собрания РНБ.[19] Это переводное и компилятивное сочинение, поводом к написанию которого очевидно послужили текущие польские события и война с конфедератами. На титуле этой, тоже оформленной и переплетенной рукописной книги, есть помета: «Польская история, сочиненная Андреем Болотовым, а переписывана набело слугою его Васильем Артамоновым». Такая помета свидетельствует о том, что Болотов держал грамотных крепостных и использовал их для чернового переписывания рукописей (поверх этой «набело» переписанной рукописи есть болотовская правка красными чернилами).

Чаще всего Болотов и писал, и переписывал книги сам: в его хорошо сохранившемся архиве почти не встречается другая рука. Тем не менее, уже в 1770-е гг. он специально обучал крестьянских детей грамоте для своих целей. Так, закончив в 1773 г. перевод «Китайской истории» Й. Нейгофа[20] и подготовив ее для переписывания набело, он намеревался «комиссию сию возложить на одного из <...> мальчиков, писцов, хотя писали они не очень еще хорошо и исправно» (III: 117), но потом передумал и переписал сам, так как торопился.

---

[17] Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях, записанных в Кёнигсберге 1761 // НИОР БАН. Ф. 69. № 22. 287 л.; Различные нравоучительные сочинения, переведенные из разных книг А. Б. 1763 // ОР РНБ. Ф. 89. № 58. 136 л.

[18] Крузий Христиан Август. Нравоучение или наставление как жить благоразумно. Пер. с немецк. яз. // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2093 (Q. 328). 37 л. Нравоучительные рассуждения о делах естества, сочиненные господином Зулцером, а с немецкого на российский язык переведены А. Б. 1762 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2152 (Q. 385). 82 л.

[19] Краткая история Польского Королевства, собранная из разных авторов. 1768 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2190 (Q. 423). 71 л.

[20] Сочинение голландского путешественника Й. Нейгофа (голл. Joan Nieuhof, нем. Johan Nieuhoff), на немецком языке выходило трижды (1666, 1669, 1675) под заглавием «Die Gesandtschaft der Niederländischen Ostindienkompanie an den großen Tartarischen Khan, den gegenwärtigen Kaiser von China».

Другим обстоятельством, мотивировавшим Болотова к переводу иностранных источников и созданию рукописных книг, была цензура. Со времен своего участия в Семилетней войне Болотов проявлял большой интерес к внешней политике и истории других государств и неоднократно сетовал на нехватку материала на русском языке и на умолчания в русской прессе. Так, ожидая летом 1793 г. новостей из революционной Франции, он записал: «Российские „Московские ведомости“ были в сей раз, по обыкновению своему, совсем пусты и не содержали в себе никаких интересных известий. Большая часть оных была наполнена известием о приходящих кораблях и именами оставшихся у нас французов, о которых нам всего неважнее знать: известиев иностранных и без того сообщаемо было мало, а как сии господа присоединились, то стало и того еще меньше».[21] Сам он по возможности выписывал иностранные газеты и переведенные из них обширные фрагменты составили альманах под названием «Богородицкий вестник»,[22] очевидно, пользовавшийся большим успехом в кругу его друзей и родственников. Иногда Болотову удавалось купить книги, оценка событий в которых не совпадала с официальной позицией российской власти. Например, тем же летом 1793 г. он перевел книгу о Французской революции К. Гиртаннера, вышедшую на немецком языке в Берлине в 1791 г. (IV: 1110, 1111, 1117).[23] Этот перевод имел хождение в высших кругах тульского губернского общества. В частности, ее читал тульский наместник Е. П. Кашкин, «ученый и в немецкой литературе очень сведущий человек» (IV: 1138), который, в свою очередь, уже в марте 1794 г. снабдил Болотова неким «революционным альманахом». Кашкин также выписывал журнал И. фон Архенгольца (J. W. Archenholz) «Минерва», и они вместе читали его вслух (IV: 1149, 1164).[24]

Кроме того, Болотов собирал так называемые «листки, носившиеся в народе», среди которых попадались и списки самых разных печатных сочинений, и явно неподцензурные произведения, например, перевод

---

[21] Богородицкий вестник, или Обозрительная история происшествий во всем свете в 1793 г. Ч. 1 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.8. Л. 20.

[22] Богородицкий вестник, или Обозрительная история происшествий во всем свете в 1793 г. // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.8–1.9. Ч. 1. 172 л.; Ч. 2. 207 л.

[23] *Girtanner Chr., Buchholz F.* Historische Nachrichten und politische Betrachtungen über die französische Revolution. Berlin, 1791–1804. 17 Bände.

[24] Minerva: Ein Journal historischen und politischen Inhalts (1792–1858).

письма Ф. П. Пикте (Pictet, 1728–1798) к Вольтеру о екатерининском перевороте, анонимно опубликованного в ноябре 1762 г. в «Journal encyclopédique» как корреспонденция из России, и просто сатирические стишки, в основном анонимные. Болотов оформил и переплел 30 таких сборников под заглавием «Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов».[25] Об их популярности свидетельствует письмо внука Болотова, Михаила Павловича, к издателю болотовских записок М. И. Семевскому: «Если можно о чем пожалеть, то это о пропавших 4 томах его „Магазина достопамятных событий", которые кто-то зачитал еще при жизни его, и он об них всегда с соболезнованием вспоминал».[26] О том, как происходил сбор материалов для «Магазина», Болотов очень живописно рассказал в письме сыну от 12 мая 1801 г. В гости к Болотову проездом неожиданно нагрянул его старый друг и сослуживец И. Т. Балабин. «Наконец притащили <нрзб> в беседку и его шкатулку, и ну-ка он достает оттуда разные стихотворения, каких я еще не видал и не читывал <...>. А я сам в себе думаю и смышляю о том, как бы все это и все сии прекрасные вещицы у него списать. Зову-кричу Сережку, одну пиесу в руки ему, другую Петрушке, две Катерине, а последнюю Сергею. Все должны были в сей день писать и все сделаться моими секретарями».[27] Катерина — это двадцатитрехлетняя дочь Болотова, а остальные — грамотные крепостные.

Наконец, все свои собственные сочинения, начиная с самых ранних опытов, Болотов тоже оформлял как печатные книги, независимо от того, собирался он их публиковать или нет. Нередко распространение этих книг выходило далеко за рамки ближнего круга. В 1773 г. Болотов, столкнувшийся с тем, что пропагандируемая им философия Крузия тяжело осваивается теми, кто в принципе не владеет философским языком (даже в переводе), начал писать ее вольное изложение,

---

[25] Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе. Ч. 1–2, 4–7, 17–20, 22–28, 30. 1796–1812, 1813–1815 // ОР РНБ. Ф. 89. № 78–95; То же. Ч. 8–15. 1812–1813 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 2.1–2.8. Подробнее об этих сборниках см.: *Веселова А. Ю.* Сатира в сборниках А. Т. Болотова «Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов» // XVIII век. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени. СПб., 2020. С. 269–304.

[26] *Болотов М. П.* Записки (2) Семевскому Михаилу Ивановичу о А. Т. Болотове // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 40. Л. 2.

[27] Письма А. Т. Болотова сыну П. А. Болотову // ОР РНБ. Ф. 89. № 106. Л. 5 об.–6.

впоследствии напечатанное под заглавием «Путеводитель к истинному человеческому счастию». Вскоре Болотов оказался в доме харьковского губернатора Е. А. Щербинина, одной из деревень которого он управлял. Там у него зашел разговор с незнакомым ему ранее сыном Щербинина, молодым человеком, по выражению Болотова, «зараженным вольтеризмом». Болотову удалось не только увлечь своими идеями молодого и очевидно неплохо образованного вольтерьянца, но и вручить ему первую часть своего труда, уже переписанную набело. Через некоторое время он получил от младшего Щербинина письмо с благодарностью и просьбой «дать ему списать» остальные части, когда они будут закончены. (III: 164–165).

Таким образом, мы видим, что в условиях книжного дефицита практика обмена и распространения рукописных книг, наряду с печатными, не только существовала, но и позволяла налаживать некоторые социальные связи, которые не могли возникнуть другим путем. Болотов был активным участником этого процесса и, конечно, не единственным. В его мемуарах нередко упоминаются люди, с которыми он специально знакомился, узнав, что они любители чтения и письма. Например, оказавшись в 1772 г. в городе Алексине, он заехал к некому незнакомому ему и весьма пожилому местному дворянину А. А. Змееву, о котором был наслышан как об «охотнике писать» (III: 49). Со своим другом и соседом И. Г. Полонским Болотов также сошелся именно на любви к рукописным книгам. «Книг имел он у себя нарочитое собрание, — пишет Болотов о Полонском, — а что всего удивительнее, то великое множество из них, писанных его рукою. Будучи смолоду великим писакою, любил он как-то в особливости упражняться в писании и не скучивал списывать целые превеликие книги, — и я нашел у него собрание наилучших в тогдашнее время романов, списанных сим образом его рукою и переплетенных порядочно» (II: 605). Можно предположить, что уже в 1770-е гг., по мере развития книжного рынка, переписывание книг постепенно становится своего рода хобби или творчеством и предметом коллекционирования, объединявшим людей по интересам.

Итак, свидетельства самого Болотова, а также дошедшие до нас отдельные воспоминания о нем потомков показывают, что в обиходе он обращался со своими рукописями как с книгами. Все это в равной мере относится и к самому известному произведению Болотова, то есть к мемуарам. Так, сообщая сыну о завершении очередной части своих записок в декабре 1789 г., Болотов называет их книгами: «Книжки бу-

дут прекрасные! Настасья[28] только и говорит, что не только-де нам, но и иным любопытны!» (IV: 696). О популярности болотовских мемуаров в довольно широком кругу его читателей вспоминал внук автора, Михаил Павлович:

> Дед мой обладал замечательной памятью до последних лет жизни, все его рассказы о прошлом вообще и о бывшем с ним передавались с большим юмором, при этом часто случалось, что коснувшись какого-нибудь предмета, он приносил томик своих последних записок, т. е. из текущего столетия, и прочитывал сам описанное о том прежде или отдавал кому-нибудь для прочтения на дом. В особенности в двадцатых годах пользовались его расположением некоторые из соседей (личности весьма образованные), например, С. П. Бобрищев-Пушкин, М. И. Золотухин и Н. А. Кругликов, которые чрезвычайно любили старичка, и он давал им поочередно читать все свои записки и сочинения.[29]

Сын упомянутого Н. А. Кругликова, С. Н. Кругликов, в письме к Семевскому утверждал, что «часть этих записок, написанная рукою Андрея Тимофеевича», подаренная когда-то автором его отцу, хранится у них в семье.[30] Судьба этих частей, к сожалению, неизвестна.

Семья Болотова тоже относилась к этим запискам как к открытому источнику, доступному не только близкому кругу, но и внешнему читателю. Так, еще при жизни Болотова, его невестка М. Ф. Болотова спрятала, а потом и уничтожила пять частей мемуаров (около 1000 л.), описывавших сватовство к ней сына Андрея Тимофеевича, Павла, и последовавшие свадьбу и многочисленные родственные визиты. По всей видимости, это отсутствующие сейчас части воспоминаний с тридцатой по тридцать четвертую, от которых никаких следов не осталось.[31] Информацию об этом мы встречаем в письме Павла Болотова жене, в котором он довольно язвительно пишет: «Меня удивило очень услышать, что и ты ничего не знаешь о ненаходимых батюшкою 5 тома [х] истории его жизни. Стало это я видел сон, и очень живой <...> что ты пришла будто в кабинет, когда я сидел там, <...> и говоришь, чтоб

---

[28] Дочь А. Т. Болотова Анастасия Андреевна, в замужестве Воронцова-Вельяминова.

[29] *Болотов М. П.* Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г. // Русская старина. 1873. Т. 8. Ноябрь. С. 748–749.

[30] С. Н. Кругликов (сосед) о Болотовых // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 46. Л. 1 об.

[31] Подробнее о составе болотовских мемуаров и сохранившихся рукописях см.: *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова // Русская литература. 2020. № 1. С. 65–75.

не допустить <...> читать <...> о нашей женитьбе, то лучше бы эти части вынуть из сундучка его <...> и сказать, что оне остались у нас <...>». Далее Павел Андреевич сетует, что по вине жены оказался в глазах отца «истребителем при жизни его трудов его».[32] Те же сведения в письме Семевскому подтверждает и внук Болотова. По его словам, матушке «не желалось, чтобы некоторые семейные обстоятельства, касающиеся ее родных и знакомых, когда-либо известны были посторонним».[33]

Таким образом, воспоминания Болотова, воспринимались им самим и его ближайшим окружением в ряду книг, которые могут оказаться в руках неограниченного числа читателей. Круг этих читателей расширялся постепенно. Очевидно, что когда Болотов начинал писать свои воспоминания, то есть в конце 1770 — начале 1780-х гг., он адресовался только близким. От этого времени до нас дошла вторая часть, хранящаяся в ОПИ ГИМ.[34] Она носит название «Приключения Андрея Болотова» и акцент в ней сделан на событиях, участником которых Болотов был, поэтому ровно половину всей рукописи (со 132 л.) занимает описание Апраксинского похода 1757 г., а значительную его часть (50 листов) — Гросс-Егерсдорфского сражения с планами. Возможно также, что эта часть выросла из устных рассказов молодого помещика о службе немногочисленным тогда деревенским знакомым и родне.

В конце 1780-х гг. Болотов повторно приступил к написанию мемуаров, переделав, в том числе, и сохранившиеся части. К тому времени дети его достигли возраста, в котором адресация к ним, зафиксированная в новом заглавии «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», уже могла быть актуальной. Учитывая, что Болотов распространял по знакомым другие свои сочинения, мемуары, по-видимому, постепенно тоже обретали своего читателя за пределами семьи. Именно к этому времени относится цитированная выше фраза о том, что эти книжки «не только нам, но и иным любопытны!».

---

[32] *Козлов С. А.* Русская провинция в дневниках Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006. С. 41.

[33] Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 40. Л. 1 об.

[34] Приключения Андрея Болотова с 1752 по 1758 год, описанные сами им. Ч. 2. Б. д. // ОПИ ГИМ. Ф. 349. № 2. 264 л.

Выйдя в отставку в 1797 г. и вернувшись в свою деревню, Болотов, видимо, осознал, что круг его читателей, в том числе умножившийся за счет браков детей, весьма расширился. Вероятно, опасения, что мемуары могут быть «зачитаны», как это случилось с некоторыми другими рукописями, подтолкнули Болотова к идее их дублирования. Болотов и раньше создавал дубликаты, несколько его ранних рукописей, например «Опыт нравоучительным сочинениям» и «Памятная книжка» сохранились в двух экземплярах.[35] Более того, он иногда специально переписывал свои книги в подарок.[36] В РГАЛИ хранится очень интересный экземпляр — рукописный сборник стихов Болотова на случай, переписанный им для дочери Анастасии в подарок на именины.[37] На нем 5 владельческих надписей, все они принадлежат потомкам Болотова, которым сборник переходил по наследству.

Выполненные с 1800 г. Болотовым копии мемуаров, особенно первые, оформлены намного лучше оригиналов: кожаный переплет, цветной обрез, чище и четче почерк. Именно в копиях была реализована давняя идея иллюстрирования записок, весьма нетривиальная и, кажется, более не встречающаяся в русской мемуаристике того времени. Болотов рисовал миниатюры тушью в начале и в конце каждого письма, а сын его даже сделал две цветные картинки для первой части. Впрочем, замысел этот не было доведен до конца, и после пятой части рисунки попадаются очень редко. В итоге Болотов продублировал в общей сложности первые двадцать три части из написанных сорока и зани-

---

[35] Опыт нравоучительным сочинениям. 1764 // НИОР БАН. Ф. 69. № 13. 65 л.; Опыт нравоучительным сочинениям. 1764 // ОР РНБ. Ф. 89. № 167. 65 л.; Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях, записанных в Кенигсберге 1761 // НИОР БАН. Ф. 69. № 22. 287 л.; Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных. 1761 // ОР РНБ. Ф. 89. № 55. 204 л.

[36] См., например, стихи в подарок «одной особе», переписанные с заменой местоимений и прилагательных мужского рода женским: Некоторые назидательные чувствования в стихах от женского лица // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 16. 60 л. Первоначальный, «мужской» вариант: Чувствования и вздохи ко Творцу // НИОР БАН. Ф. 69. № 17. 120 л.

[37] Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских. Стихотворения. 1817 г. // РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. № 56. 158 л. Публ.: Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских <...> / Публ. Е. Бронниковой // Российский архив. М., 1992. Т. 2–3. С. 469–539.

мался этим, параллельно с созданием следующих частей, до 1811 г.[38] Потом, видимо, возобладало стремление успеть больше написать, чем переписать. И хотя нам неизвестно о его намерениях издать мемуары, мы не можем исключать, что мысли о возможной будущей, даже посмертной публикации у Болотова были, и он чувствовал, как меняются времена. Надо сказать, что потомки довольно быстро поняли настоящую ценность болотовского наследия — первая публикация фрагментов записок состоялась уже через пять лет после смерти автора.[39]

Говоря об отношении Болотова к практике создания рукописной книги, необходимо упомянуть о нескольких заметках в его сборнике «82-й год моей жизни». В статье «Об охоте моей к писанию и о моих сочинениях, переводах и прочих писаниях»,[40] упомянув, что за свою жизнь (точнее за 81 год) он «измарал <...> несколько десятков стоп» бумаги (то есть несколько десятков тысяч листов),[41] Болотов перечисляет в хронологической последовательности «все написанное». Перечисление начинается с тех первых книг, которые Болотов переписал в начале 1750-х гг., и о которых уже шла речь выше. Далее подряд идет очень подробное перечисление вперемешку копий чужих произведений, переводов и собственных сочинений разного рода, а также их дублетов. Очевидно, что здесь для Болотова важно не содержание произведения, и даже не его авторство, а лишь тот факт, что оно вышло из-под его пера. Такое отношение очень хорошо коррелирует с его рассказами о других таких же любителях «писания», то есть процесса письма. Сам Болотов явно выделял этот вид деятельности как самостоятельную форму времяпрепровождения, в этом отношении не делая разницы между сочинительством, переводами и переписыванием. Это была одна из его любимых форм досуга и избавления от скуки. В мемуарах он как-то заметил: «я всегда отдыхаю, когда пишу» (II: 159).

---

[38] Подробнее см.: *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* 1) О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова...; 2) Мемуары А. Т. Болотова: история создания // Русская литература. 2020. № 3. С. 165–182.

[39] Сын Отечества. 1839. Т. 8. № 4. С. 61–69; Т. 9. № 5. С. 1–58.

[40] Краткие записки о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни, могущие служить для сочинения истории сего времени, и некоторые общие замечания, касающиеся до моей жизни и характера. Ч. 1. 1819 // ОР РНБ. Ф. 89. № 53. Л. 67 об.–76.

[41] Там же. Л. 64.

Об интенсивности его работы в области письма и сочинительства можно судить по его собственным описаниям типичного для него режима дня. Так, в заметке «О том, как я провождал осеннее время 1819 года и особливо октября»[42] он сообщает, что в осенне-зимний период время, отведенное для разного рода письма, длилось от шести до восьми часов в день с перерывами. Летом, во время сельскохозяйственных работ, на письмо, конечно, тратилось меньше времени.

Следует отметить, что страсть к писанию не раз причиняла Болотову неприятности. В канцелярии в Кёнигсберге его за это дразнили философом и архиереем, на что он жаловался своему другу в письме.[43] Его сватовство едва не расстроилось, потому что одна соседка убедила невесту Болотова, будто бы он чернокнижник (II: 491–492). Наконец, начальствующие над Болотовым в его управлении Богородицкой волостью не раз пеняли ему на то, то он тратит слишком много времени на писание в ущерб службе (IV: 909).

Но, по всей видимости, письмо действительно было увлечением, если не сказать страстью, Болотова. В том же сборнике находится статья «О том когда, чем и как я обыкновенно писывал».[44] В ней Болотов подробно рассказывает обо всех предпочитаемых им и тщательно отобранных на собственном опыте инструментах: типе бумаги, перьях, чернилах и чернильницах, промокательной бумаге, тераксе, пюпитре для письма собственного изобретения, письменном столе. Очевидно, что и пользование этими канцелярскими принадлежностями, и описание их, доставляет ему удовольствие. Существовал у него и дорожный вариант «письменной сбруи», которую он с такой же любовью описывает в мемуарах, рассказывая об остановках в пути: «Чернильница у меня при боце и весь прибор письменный, чернильницу повешу за рукоятку в коляске, сам сяду, опустя ноги в дверцы, подушки на колени а на них „Китайскую историю“, и начинаю тотчас записывать в журнал свое путешествие, и записав, продолжаю переводить „Китайскую историю“» (III: 77).

Будучи таким страстным любителем письма и активным создателем и распространителем рукописной книги, Болотов в определенный

---

[42] Там же. Л. 57–57 об.

[43] Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761) / Публ. А. Ю. Веселовой (подгот. текста, коммент., вступ. статья) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб, 2013. С. 365.

[44] Краткие записки… Л. 76 об.–82 об.

период своей жизни был весьма печатаемым автором.[45] Среди его опубликованных сочинений три больших перевода,[46] три обширных философских труда (некоторые до 1000 страниц),[47] пьеса,[48] две книги естественнонаучного содержания,[49] не говоря уже о многочисленных публикациях отдельных статей в «Трудах Императорского Вольного экономического общества» и десятилетнем опыте издания собственного журнала.[50]

Первая публикация Болотова состоялась в «Трудах Вольного экономического общества», во втором номере за 1766 г. Некоторое время он оставался в статусе только «экономического писателя», что, впрочем, дало ему возможность получить выгодную должность управляющего императорской волостью и чувствовать удовлетворение, видя «свое

---

[45] См. подробнее: *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* Жизнь и приключения счастливого человека // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1757 / Сост. А. Ю. Веселова, М. П. Милютин. СПб., 2021. Т. 1. Кн. 2. С. 11–96.

[46] Иоанна Мельхиора Гецена рассуждение о начале и конце нынешнего и состоянии будущего мира / Пер. с нем. А. Б. М., 1783; Генриетта, или Гусарское похищение; происшествия, происходившие во время недавно бывшей последней войны у пруссаков с цесарцами / Пер. с нем. А. Б. М., 1782. Ч. 1–3; Жизнь и странные приключения умершего в 1788 г. Карла Эдуарда, претендента Великобритании и французской короны / Пер. с нем. М., 1794.

[47] Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М., 1776–1779. Ч. 1–2; Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного. М., 1784. Ч. 1–3; Чувствования христианина при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу / Сочинения одного россиянина. М., 1781. См. также современное изд.: Детская философия / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 2012.

[48] Несчастные сироты. М., 1781. Современное изд.: *Болотов А. Т.* Избранное / Сост. А. К. Демиховский (статьи, текстология, коммент.). Псков, 1993.

[49] Краткие и на опытности основанные замечания о электрицизме и о способности электрических махин к помоганию от разных болезней. С изображением и описанием наипростейшего рода махин и разных способов, употребляемых при врачевании ими болезней. СПб., 1803.

[50] Сельский житель. 1778–1779; Экономический магазин или собрание всяких экономических известий <...>. 1780–1789. Подробнее см.: *Веселова А. Ю.* Журналы А. Т. Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин»: история издания // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 124–150.

имя напечатанным» (II: 632). Но уже в 1769 г. Болотов предпринимает попытки опубликовать свои сочинения, а именно первую часть «Детской философии», написанной в 1763 г., и переводы из Зульцера[51] и немецкого проповедника И. Иерузалема.[52] К сожалению автора, посредники, один из соседей и московский священник, приходившийся родственником дворяниновскому попу, оказались ненадежны, и дело расстроилось, хотя Болотов даже «натрудил грудь», готовя беловые списки (II: 810). В следующий раз намерение издать собственное сочинение, точнее перевод, отдельной книгой появилось у Болотова в 1773 г., когда он закончил «Китайскую историю». Но, как отмечает сам Болотов в мемуарах, он «не имел еще тогда ни малейшего понятия о всех обстоятельствах, сопряженных с печатанием книг, и о всех бываемых при том разных и многочисленных затруднениях», поэтому книгу ему напечатать не удалось, и он «с прискорбием принужден был поставить свой перевод для вечного отдохновения в библиотеку» (III: 119–120).

Тем не менее, мысль о публикации чего-то большего, чем статьи, уже не оставляла Болотова, и в 1775 г. он наконец через богородицкого лекаря, немца Ф. А. Бентона, свел знакомство с неким Гиппиусом, «живущим в типографии» Московского университета (III: 545). В 1776 г. «Детская философия» была напечатана. «Боже мой! — восклицает мемуарист, — как обрадован я был, увидев в первый раз свое моральное сочинение напечатанное! Не могу и поныне забыть, как прыгал я тогда, как маленький рабенок от радости...» (III: 581).

Уже через три года, в 1778 г. Болотов приступил к изданию своего сельскохозяйственного журнала «Сельский житель» в сотрудничестве с издателем Х. Ридигером, с которым познакомился в 1771 г., когда Ридигер еще только начинал свою карьеру сидельцем в московской книжной лавке (II: 1079). Показательно, что замысел этого журнала появился еще в 1766 г. и сочиненная тогда рукопись первого номера сохранилась.[53] Но пик публикаторской активности Болотова приходится на период его сотрудничества с Н. И. Новиковым: с ним Болотов познакомился

---

[51] См. примеч. 18.

[52] Было напечатано позднее: Безумие идущих против воли Божией и не верующих его провидению <...> // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 1. С. 1–42.

[53] Экономический магазин, или собрание всяких записок, примечаний опытов, касающихся до земледелия и домостроительства и всей экономии. 33 ч. 1766 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 3.5. 110 л.

в 1779 г. Почти сразу они начали издание нового журнала, который, в отличие от предыдущего, продержавшегося год, просуществовал десять лет. За издание журнала «Экономический магазин» Болотов получал от Новикова 500 рублей в год — сумму, почти равную его годовому жалованью в должности управляющего императорской волости (III: 1015). Далее был изданы перевод романа Бевиуса,[54] «Путеводитель к истинному человеческому счастию», пьеса «Нещастные сироты», несколько переводов, эссе и стихи в журналах.[55] Новиков активно искал авторов, а Болотов был готов давать свои сочинения и переводы для печати, так что этот альянс был взаимовыгодным. Сотрудничая с двумя крупнейшими издателями своего времени, Новиковым и Ридигером, Болотов, можно сказать, был в какой-то степени профессионалом своего дела: без гонорара он печатал только статьи в «Трудах Вольного экономического общества», но за них ему неоднократно присуждали грамоты и медали.

Все это означает, что ко второй половине 1770-х гг. Болотов прекрасно представлял себе издательскую кухню, имел в этой области связи и знал, как можно опубликовать книгу. Но подробно и часто с гордостью рассказывая во всех своих биографических текстах о том, что он написал и перевел, Болотов никогда не раскрывал своего имени при публикации, за исключением статей для Вольного экономического общества. При всех сложных отношениях с Вольным экономическим обществом, частых обидах на то, что его сочинения задерживают в печати, что его пытаются эксплуатировать, предлагая трудновыполнимые задачи, Болотов все же очевидно считал свое сотрудничество с Вольным экономическим обществом одновременно и долгом, и честью. В остальных же случаях он обычно ставил только инициалы «А. Т.», а за десять лет издания журнала раскрыл себя лишь в последнем номере, окончательно решив прекратить это предприятие.

---

[54] [*Бевиус А.*] Генриетта, или Гусарское похищение; происшествия, происходившие во время недавно бывшей последней войны у пруссаков с цесарцами / Пер. с нем. А. Б. М., 1782. Ч. 1–3.

[55] В журналах стихи и натурологические эссе Болотова печатались анонимно: Песнь к Вездесущему // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 11. 1796. С. 269–271; Утреннее расположение духа // Там же. Ч. 13. 1797. С. 271–271; Оканчивающаяся зима // Там же. Ч. 13. 1797. С. 289–298; Время созревания плодов // Там же. Ч. 15. 1797. С. 385–398, 401–409. См. также примеч. 47–48.

После ареста Новикова Болотов почти не печатался. Когда университетскую типографию взял в аренду Ридигер, он обрадовался «новой и неожиданной конекции» (IV: 1131), которая вышла у него «с типографщиками» и отдал в печать перевод «Жизни и приключений Эдуарда претендента аглинского», который был опубликован.[56] Но «Ридигер был не то, что Новиков» и вместо обещанного гонорара Болотов получил пятьдесят экземпляров «в натуре», что, как он утверждал, «преграждало <...> путь к печатанию вперед чего-нибудь на чужой кошт» (IV: 1208). После этого у него вышла только книга о лечении электричеством по рекомендации Вольного экономического общества в типографии Академии наук[57] и несколько сельскохозяйственных статей в журналах. При этом он продолжал много писать, переводить, по сути, только начал по-настоящему создавать мемуары, вел свои сборники исторических материалов, сочинял много стихов и т. д. В «Автобиографии» для словаря митрополита Евгения, написанной двумя годами позднее цитированной выше статьи «Об охоте моей к писанию», он составил полноценную, вполне в современном духе, библиографию своих трудов, разделив собственные напечатанные сочинения, переводы и неопубликованное,[58] что свидетельствует о прекрасном владении и этим дискурсом. К последнему разделу он добавил примечание: «Из числа всех сих в манускриптах находящихся сочинений и переводов некоторые могли б быть напечатаны, и, может быть, приобрели б благоволение публики, но остаются в манускриптах, потому что трудившейся над оными по жительству его в отдалении от столицы, не имеет с нынешними типографий содержателями и книгопродавцами никакой связи, и на свой кошт печатать не имеет способа и удобности...».[59] Стоит отметить, что Болотов вполне мог себе позволить печататься на свой кошт, но, по всей видимости, здесь он следовал выработанному им еще в годы военной службы принципу от службы не отбиваться, но и на службу не набиваться (II: 694), то есть охотно откликаться на предложения, но не навязывать свои сочинения издателями самому и не работать даром.

---

[56] См. примеч. 6.

[57] См. примеч. 49.

[58] *Болотов А. Т.* Автобиография // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1757 / Сост. А. Ю. Веселова, М. П. Милютин. СПб., 2021. Т. 1. Кн. 2. С. 108–125.

[59] Там же. С. 126.

В одном из «Магазинов достопамятных бумаг» за 1814 г., составленных Болотовым, приводится анонимное сатирическое стихотворение, рассуждающее о сравнительных преимуществах денег, с одной стороны, и ума и таланта, — с другой. Автор стихотворения с горечью сопоставляет Ломоносова, который

> … с одою в руках в передней скромно ждет,
> Когда его к себе Шувалов позовет.

— с неким безымянным, но богатым дворянином:

> Сей сидя на софе с Куракиным в беседе,
> Советует, где быть в субботу на обеде…[60]

Не утверждая, что Болотов мог равнять себя с Ломоносовым в смысле писательского дарования, все же можно предположить, что у Болотова было представление о своем достоинстве, не позволявшее ему откровенно искать писательского признания. Следует также отметить, что Болотов не писал беллетристических сочинений, а только переводил. Из-под его пера выходили экономические, философские, исторические сочинения и даже стихи, но единственная зафиксированная им самим попытка написать «русский роман» не увенчалась успехом.[61] Высоко ценя литературу и получая от нее истинное наслаждение и как читатель, и как автор, он отдавал себе отчет в ограниченности своего таланта, который не может и не должен претендовать на всеобщее одобрение. Как он написал в предисловии к переводу Зульцера 1762 г., «<…> и понеже намерение мое ни в чем ином состояло, как в желании услужить моим ближним, то и ласкаюсь сего моего первого труда благосклонным приятием».[62] В случае же с публикацией за гонорар, посредником между ним и читателем выступал издатель, который брал на себя ответственность за качество напечатанного. Об этой ответственности издателя Болотов много пишет в своем сборнике критических статей о романах 1790 г.[63]

---

[60] *Веселова А. Ю.* Сатира в сборниках А. Т. Болотова «Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов»… С. 302.

[61] «<…> начал было сочинять роман русский, но не окончил» (см.: Краткие записки о значительнейших происшествиях… Ч. 1. Л. 72).

[62] См.: Нравоучительные рассуждения о делах естества, сочиненные господином Зулцером… Л. 1 об.

[63] См.: Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 14.

Свойственная Болотову ритуализация письма и анонимность большинства его сочинений позволяет сопоставить его писательскую позицию с предшествующим, допетровским, отношением к книге и писательскому труду.[64] В то же время очевидно, что его понимание писательского труда не было сакрализующим, он воспринимал его как служение людям, а не Богу.[65] Наконец, создавая рукописные книги, он сделал их по образцу печатных, и обращался с ними соответственно. В итоге, одновременное сосуществование в рамках двух традиций, в которых Болотов чувствовал себя одинаково свободно: старой, постепенно маргинализирующейся традиции рукописной книги, и в еще продолжавшей свое формирование культуре традиции печатной гражданской книги, было для Болотова органично и позволяло пользоваться преимуществами обеих. Оставаясь автором «для немногих» не в смысле элитарности, а в смысле своего круга, он позволял себе выходить за пределы этого круга только беря в посредники издателя, легитимизирующего его право предлагать свои творения публике.

Очевидно, что он был не единственным представителем такого переходного типа писателя, но дошедшие до нас многочисленные рукописные материалы и его собственная рефлексия позволяют именно в его случае делать такие выводы. Как это часто бывает, творчество Болотова оказывается удобным примером, на котором можно проиллюстрировать тот или иной аспект существования русской литературной культуры XVIII — начала XIX в.

---

[64] См.: *Буланин Д. М.* Предисловие // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1: (XV — первая половина XIV в.). С. 6.

[65] О сакральном отношении к процессу письма см.: *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 319–339.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ЛЬВОВСКО-ДЕРЖАВИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК (УЧАСТНИКИ, ХРОНОЛОГИЯ)

Светлой памяти Ханса Роте

В научной литературе широко и не без оснований используется понятие «львовско-державинский кружок» (или же «львовско-державинский литературный кружок»).[1] Термин этот также часто варьируется: одни предпочитают говорить о «львовском кружке»,[2] «кружке

[1] *Боброва Л. Е.* К вопросу о месте И. И. Хемницера в львовско-державинском литературном кружке // Сб. статей Барнаульского пед. ин-та. 1958. Вып. 3. С. 332–340; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Львовско-державинский кружок // Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1: А–М. С. 567–568; *Веселова А. Ю.* Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 206–218; *Федосеева Т. В.* Поэты львовско-державинского кружка о народной песне // Гавриил Державин в зеркале эпох и культур / Под ред. О. О. Несмеловой, А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань, 2016. С. 57–64. В данной и последующих сносках приведены названия статей, в которых различные обозначения кружка фигурируют лишь в названиях работ, в силу чего приведенные примеры никоим образом не претендуют на то, чтобы продемонстрировать полноту или же частотность употребления термина; см. также библиографические указания по ходу изложения.

[2] *Западов В. А.* «Львовский кружок» и Г. Р. Державин // 22 Герценовские чтения: Филол. науки. Л., 1968. С. 83–85; *Сионова С. А.* Г. Р. Державин и «львовский кружок» // Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: Материалы Юбилейной международной конференции 14–16 сент. 1993 г. / Отв. ред. Л. Н. Полякова. Тамбов, 1993. С. 85–87; *Ларкович Д. В.* Г. Р. Державин и художественная культура его

© К. Ю. Лаппо-Данилевский, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-228-264

Львова»[3] или же о «львовском содружестве»,[4] другие — о «державинско-львовском кружке»,[5] «державинском окружении»,[6] «круге друзей-поэтов»[7] и проч. При этом границы собственно литературного взаимодействия нередко раздвигаются, в число участников кружка включаются художники и музыканты, он рассматривается как «пристанище художникам всякого рода».[8] Эта неустойчивость термина, как и его различное содержательное наполнение, побуждают более подробно рассмотреть в данной статье историю и состав этого творческого объединения, оставляя пока в стороне тему взаимовлияния его участников и воздерживаясь от анализа их эстетических воззрений. Следует отметить, что те из предшественников, кто исследовал собственно литературную проблематику в связи с историей львовско-державинского кружка, опирались главным образом на факты, собранные в свое время Я. К. Гротом и опубликованные в подготовленных им «Сочинениях Державина». К их восьмому тому, содержащему монографию Грота «Жизнь Державина», имеет смысл обратиться здесь.[9] Оговорюсь, что Грот термина «львовско-державинский кружок» не употреблял, говоря просто о кружке или литературном кружке.[10]

В главе третьей своей книги «Поэтическое перерождение. Литературные связи» (название говорит само за себя), опираясь на известное

времени: формирование индивидуального авторского сознания: монография. Екатеринбург, 2011. С. 13–14.

[3] *Шумейко Ю. Е.* Кружок Львова (малоизвестная страница русской культуры XVIII в.) // Анналы: Научно-публицистический альманах. Донецк, 1990. Вып. 1. С. 24–30; *Глумов А. Н.* Н. А. Львов. М., 1980. С. 5, 32 и далее. Ср. примеч. 8.

[4] *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: дом А. Н. Оленина. Л., 1983. С. 22–29 (глава «Львовское содружество»).

[5] *Bennett S. S.* The Derzhavin-L'vov Circle: A Literary Society in Eighteenth-Century Russia. Berlin, 2011.

[6] *Китина А. Д.* Литературное окружение Державина // Известия Воронежского пед. ин-та. 1948. Т. 10. Вып. 3. С. 29–47.

[7] *Серман И. З.* Державин в кругу друзей-поэтов // Гаврила Державин, 1743–1816 / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфилд, 1995. С. 318–329.

[8] *Ропацкая Л.* «Пристанище художникам всякого рода». О кружке Н. А. Львова // Советская музыка. 1980. № 2. С. 94–100.

[9] [*Державин Г. Р.*] Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1864–1883. Т. 1–9. Ссылки на данное издание даются далее в тексте статьи с указанием тома римской цифрой, а страниц — арабской.

[10] Не употребляет этого термина и Г. А. Гуковский, ведя речь о «блестящем кружке», который составили четыре поэта (см.: *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 197).

автобиографическое признание Державина (о нем подробнее далее), Грот указывает, что 1779 г. стал переломным для творчества поэта в связи с произошедшим обсуждением оды «Успокоенное неверие», в котором приняли участие Львов, Хемницер и Капнист.[11] Не имея возможности точно указать время знакомства Державина с этими литераторами, Грот подчеркивает, что тот «попал в литературный кружок, который и по положению в свете, и по образованию принадлежавших к нему писателей имел право считаться избранным» (VIII: 186). В связи с имеющимся в «Объяснениях на сочинения Державина» указанием на то, что обсуждение оды «Успокоенное неверие» произошло в доме А. С. Хвостова при его активном участии (III: 598), Грот справедливо замечает, что этот литератор в дальнейшей жизни кружка участия не принимал, вскоре рассорившись с Львовым и Хемницером. Указав ряд отправных точек и сосредоточившись в монографии на фигуре Державина, Грот не прослеживает истории кружка, не пытается проанализировать изменения в его составе и охарактеризовать важнейшие совместные предприятия его участников как предприятия кружковые. Именно этой задаче посвящена настоящая статья.

Состав львовско-державинского кружка

Малая удовлетворительность сделанных до сих пор наблюдений о составе и времени формирования львовско-державинского литературного кружка коренится, на мой взгляд, в двух обстоятельствах: в скудости информации о контактах его участников в 1770-е гг. и в том, что

---

[11] Здесь не обойти вниманием беллетризированную биографию Державина, написанную Ходасевичем. Опираясь по большей части на фактические данные Грота, Ходасевич кое-что примысливает: так, он пишет о безответной любви Хемницера к М. А. Дьяковой, невесте Н. А. Львова. Историю эту повторяют в своих книгах столь известные биографы Львова, как А. Н. Глумов и Н. И. Никулина, хотя она и рассыпается в прах при сопоставлении с фактами. В результате центром кружка оказываются две семейных пары, Державины и Капнисты, о которых в галантной манере сообщается: «Две молодые четы коротко сблизились, и это повело к тому, что вскоре вокруг Державиных образовался целый кружок» (см.: *Ходасевич В. Ф.* Державин. Париж, 1931. С. 105). Т. е. к ним присоединились Львов, его невеста и Хемницер: «Семеро друзей сходились часто. Три прелестные женщины и четыре поэта связаны были любовью, дружбой, беседами об искусствах. Екатерина Яковлевна рисовала силуэты или занималась рукоделием» (Там же. С. 106).

вопрос об истории этого творческого объединения в значительной мере подменялся суждениями о первых возможных знакомствах литераторов, входивших в него. При этом не подлежит сомнению, что наиболее ранние творческие контакты связали Львова с Хемницером.[12] Убедительное тому свидетельство — акростих-посвящение Львову (по вертикали левого края читается: «Николаи Львов»). Он открывает перевод «Письма Барнвеля к Труману из темницы» К.-Ж. Дора,[13] опубликованный Хемницером в Петербурге в 1774 г. Отмечая «нелестную дружбу», связавшую его со Львовым, Хемницер подчеркивает в акростихе литературную искушенность своего друга («знанье правое») и просит о критической оценке предпринятого труда. В этом комплиментарном тексте запечатлено именно то, что неизменно подчеркивалось апологетами Львова и что столь ценилось в нем друзьями: качества знатока, критика, ценителя, вдохновителя.[14]

Сближение Капниста с Львовым и Хемницером и установление между ними тесных творческих отношений происходит, по всей видимости, позже, чем полагало большинство предшественников, — а именно в первой половине 1778 г. На эту мысль наводят следующие обстоятельства: Капнист вышел в отставку 10 июля 1775 г., покинув лейб-гвардии Преображенский полк в звании подпоручика гвардии «за болезнию», и с той поры хотя и живал подолгу в Петербурге, но и часто отлучался из северной столицы. Хемницер с сентября 1776 по октябрь 1777 г. находился за границей, сопровождая М. Ф. Соймонова в поездке

---

[12] Литературные интересы способствовали теснейшим творческим контактам двух поэтов, неизменно обсуждавшим в последующие годы произведения друг друга. Ср., например, перевод оды Сапфо, набросанный 23 марта 1778 г. Львовым и переделанный им 26 марта с учетом правки Хемницера (ИРЛИ, № 16470. Л. 38–39). С формированием львовско-державинского кружка в этих практиках начинают принимать участие и другие его члены.

[13] *Дора К.-Ж.* Письмо Барнвеля к Труману из темницы: героида / Перевел с французского Иван Хемницер. СПб., 1774. С. 5.

[14] В более раннем акростихе Н. П. Осипова, озаглавленном «Соннет» (1771; по вертикали читается: «Николаю Львову»), говорится о тех же качествах (см.: *Кокорев А. В.* «Труды разумных общников» (рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86. Вып. 7. С. 7). Стоит отметить, что хотя Львов во время своего обучения в кадетской роте лейб-гвардии Измайловского полка стал инициатором возникновения литературного кружка, издававшего журнал «Труды разумных общников» в марте-июле 1771 г., преемственности между этим объединением и львовско-державинским кружком не было.

по Западной Европе; с октября 1776 по май 1777 г. Львов также долго отсутствовал в Петербурге, совершая курьерскую поездку в Лондон, Мадрид и Париж от Коллегии иностранных дел. Все это делает маловероятными их более ранние интенсивные контакты с Капнистом. Косвенным доводом в пользу того, что близкие творческие контакты Львова и Хемницера с Капнистом установились уже в 1778 г., нужно признать указания в письмах М. Н. Муравьева отцу о его знакомстве с Капнистом через Львова в начале июля 1778 г.[15] Либо во второй половине 1778 г., либо даже в начале следующего 1779 г. к Львову, Хемницеру и Капнисту примкнул А. С. Хвостов, вскоре написавший вполне дружелюбное шуточное послание «Три портрета», обращенное к ним (текст его не сохранился). Эпиграмма Львова «Краской каждого своею...»,[16] сочиненная в ответ на послание Хвостова, датирована 10 февраля 1779 г., тем же днем помечен и его экспромт Капнисту «Ты, Капнист, меня просил...».[17] Оба стихотворения находятся в львовской «Путевой тетради № 1».[18] Временем возникновения львовско-державинского кружка следует признать весну 1779 г. по двум причинам.

Во-первых, именно тогда, с вступлением в кружок Державина, завершилось формирование его состава. Об этом имеется недвусмысленное заявление самого поэта в автобиографической записке «Нечто о Державине» (1805). В полном виде она была опубликована Е. Н. Кононко в 1972 г., и стоит пожалеть, что это важнейшее признание обычно цитируется в неточной передаче Я. К. Грота (VI, 443). Приведу его так, как оно звучит у автора:

---

[15] Цитаты из этих писем см. далее в примеч. 50.

[16] *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С. 91. Далее издание цитируется в тексте как ИС с указанием номера страницы.

[17] В искаженном виде эпиграмма была сообщена по памяти А. П. Кожевниковым Я. К. Гроту, опубликовавшему ее: III, 414 (ср.: ИС, 96). Об этом стихотворном диалоге Гроту неоднократно повествовал и Д. Н. Блудов, но мог вспомнить лишь последнюю львовскую строку (III, 414).

[18] РО ИРЛИ. № 16470. Л. 42, 60 об. (ИС 91, 96). Ср. также французские стихи «Pour mettre au bas d'un bouquet dessiné qui represente une Rose peinte avec une fleur nommée „n'oublie donc pas“» (*пер.:* Чтобы поместить внизу рисованного букета, который изображает раскрашенную розу с цветком, называемым «незабудка») в той же тетради на л. 79 с подписью «В. К.», свидетельствующей об авторстве Капниста.

> <...> но из всех сих произведений своих [т. е. написанных до 1779 г. — *К. Л.-Д.*] автор не одобряет, потому, как выше явствует, что он хотел подражать г-ну Ломоносову, но как талант его не был с ним внушаем одинаковым Гением, то, хотев парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов свойственного единственно российскому Пиндару велелепия и пышности. А для того с 1779 г. избрал он совсем особой путь, будучи предводим наставлениями г-на Бате и советами друзей своих, а после по жене и родственников — Николая Александровича Львова, Василья Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера, подражая наиболее Горацию. Но как он и на них не уверялся, то от себя ничего в свет не издавал, а мало-помалу под неизвестным именем посылал в периодические издания «Санкт-Петербургского вестника», которого издатель г-н Брайко, печатая, сообщал ему известия, что публика творения его одобряет.[19]

Ода «Успокоенное неверие» стала первым совместно обсужденным стихотворением Державина;[20] вскоре она появилась без подписи в июньской книжке «Академических известий» за 1779 г.[21] Следовательно, сближение литераторов произошло, скорее всего, весной того же года. Поражает высокая степень неуверенности Державина в своем таланте, который даже после одобрения друзьями его стихов не публиковал их под собственным именем. Заслуга посредничества между поэтом и редакцией «Санкт-Петербургского вестника», думается, принадлежала в первую очередь Львову, знавшему Брайко по Коллегии иностранных дел, а Княжнина по домашнему театру в доме своего родственника П. В. Бакунина Меньшого; он же, думается, доставлял Державину ободрительные «известия» от редакторов журнала об успехе у публики и всячески содействовал известности дарования Державина в литературных кругах.

---

[19] *Кононко Е. Н.* Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 84. Еще Я. К. Грот отметил ошибку памяти Державина — ода «Успокоенное неверие» была напечатана в «Академических известиях» (см. примеч. 20). Эта аберрация весьма показательна, ибо именно с «Санкт-Петербургским вестником» участники кружка исключительно тесно сотрудничали в 1779 и 1780 гг.

[20] Факт дружеского обсуждения этого стихотворения отмечен Державиным в пояснениях к собственным стихам (IX, 233; III, 598; ср. анализ Гротом этих комментариев поэта: I, 69–70).

[21] [*Державин Г. Р.*] Успокоенное неверие // Академические известия. 1779. Ч. 2. Июнь. С. 182–186 (без подп.). На четыре месяца раньше здесь же была анонимно опубликована державинская «Песнь Екатерине Великой» («Увеселяя всюды взоры...») (Там же. 1779. Ч. 1. Февр. С. 174–176).

Второй причиной, почему именно 1779 г. следует принять точкой отсчета, является то, что этот год отмечен первыми коллективными выступлениями участников кружка. Хотя «Басни и сказки» Хемницера, готовились, по всей видимости, еще до присоединения к кружку Державина, включение в книгу в разделе «Чужие басни» двух произведений Львова подчеркивало как раз кружковый характер предприятия. О том же свидетельствует и эпиграмма на выход книги («По языку и мыслям я узнала...»), написанная Львовым от лица его будущей жены М. А. Дьяковой на посвященную ей книгу Хемницера (об этом подробнее далее). Помимо упомянутой выше публикации совместно обсужденной оды Державина «Успокоенное неверие» в «Академических известиях», следует отметить активное участие всех четырех поэтов в 1779–1781 гг. в «Санкт-Петербургском вестнике».

Этому журналу, издававшемуся Г. Л. Брайко при ближайшем участии В. Ф. Арндта и Я. Б. Княжнина,[22] следует уделить здесь некоторое внимание с точки зрения литературных приоритетов, в нем отразившихся, ибо этот печатный орган сыграл исключительно важную роль в формировании львовско-державинского кружка, став первой трибуной его участников. Весьма показательно, что в первом номере журнала во «Фрагментах, или Мыслях, взятых из разных авторов (вместо предисловия)»,[23] следовавших непосредственно за предуведомлением издателей, Сумароков цитировался наряду с такими авторами, как Ф. Д. Туссен-Лувертюр, Э. Юнг, папа римский Климент XIV, Т. Тассо и К. М. Виланд.

Еще бóльшую приверженность сумароковским традициям в литературе демонстрировала апологетическая «Сокращенная повесть о жизни

---

[22] Вопрос об издателях журнала был окончательно прояснен в статье: *Мартынов И. Ф.* Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 230–236. Исследователь опирается на обнаруженное им письмо Б. Ф. Арндта к Г.-Ф. Миллеру от 9 октября 1778 г., в котором тот просит принять Брайко в члены Вольного Российского собрания при Московском университете и сообщает, что Г. Л. Брайко был главным редактором «Санкт-Петербургского вестника», а также что его ближайшими сотрудниками при этом были Я. Б. Княжнин и сам Арндт (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 23–24. Ср.: *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 79). Также и М. Н. Муравьев «безоговорочно» называет Княжнина одним из издателей «Санкт-Петербургского вестника» в письмах родным (см.: *Кулакова Л. И.* Новиков в письмах Муравьева // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 20).

[23] Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. Янв. С. 9–15. Далее ссылки на этот журнал даются после аббревиатуры «СВ».

и писаниях господина статского советника и Святыя Анны кавалера Александра Петровича Сумарокова», анонимно напечатанная в том же первом номере журнала (СВ. 1778. Ч. 1. Янв. С. 39–49; без подп.). Ее автором, по моему убеждению, следует признать Я. Б. Княжнина, зятя незадолго до того времени скончавшегося Сумарокова, ибо этот текст обнаруживает прекрасное знание биографии литературного патриарха и взвешенное, дифференцированное мнение о его творчестве. Статья открывается весьма пристрастным и противоречащим фактам утверждением о хронологических приоритетах Сумарокова в лирической поэзии нового типа: «Сей муж, прославившийся и сделавший честь своему отечеству своими бессмертными стихотворениями, открыл еще прежде славного господина Ломоносова истинный путь к российскому Парнасу и показал примеры в разных родах стихотворства» (Там же. С. 39). В то же время для анонимного автора «Сокращенной повести» Сумароков в первую очередь «основатель российского театра», в этой области его заслуги более велики, чем, к примеру, Корнеля во Франции, «почитаемый ибо Корнелий исправил и возвысил своими прекрасными произведениями французские позорища, а г. Сумароков создал и, не имея предшественников, дал вдруг восчувствовать сие наиблистательнейшее и трудное творение разума человеческого, чем Древняя Греция и ныне Франция славятся и в чем Древний Рим великих успехов не имел» (Там же. С. 39–40). Отмечая ученичество Сумарокова у Расина, автор статьи все же вынужден отметить, что слог русского драматурга, хотя и «возвышающийся часто до красоты французского Еврипида», не всегда ровен, что «извинить должно в таком писателе, который первый у нас проложил сей тяжкий путь». Лучшими трагедиями названы «Семира», «Синав и Трувор», «Хорев» и «Димитрий Самозванец»; менее удавшимися объявляются комедии Сумарокова.

В ряде жанров автор статьи отдает пальму первенства Ломоносову: «Оды его торжественные и духовные были бы лучшие, если бы од не писал г. Ломоносов; как и трагедии г. Ломоносова были бы у нас в числе изрядных, если бы г. Сумароков своих не издавал, но оба сии великие мужи были на то произведены, дабы один открыл все великолепие, силу и величие, а другой все приятства, нежности и сладость нашего прекрасного языка» (Там же. С. 41). Элегии, эклоги, сатиры и басни Сумарокова объявляются лучшими в этих жанрах на русском языке, прозаические сочинения — написанными «чистым, внятным и блистательным слогом». В заключение говорится о необходимости

подготовки собрания сочинений Сумарокова с примечаниями, которые отражали бы авторскую их правку, ибо имеются «во оных перемены, которые не всегда удачны».

Ряд положений этого общего мнения о художественном наследии Сумарокова, выраженного во вводной части «Сокращенной повести», варьируется в ее основной части, — биографической. При этом автор статьи обнаруживает знание деталей, которыми мог обладать лишь тот, кто принадлежал к ближайшему родственному кругу умершего писателя — например, о том, что отец поэта Петр Панкратьевич, помимо родного языка, «основательно» знал латинский, какова была девичья фамилия его матери и проч. В то же время он прекрасно осведомлен и о судьбе драматических произведений Сумарокова: обязательно отмечается, какая из пьес была «играна», какая «не напечатана, а играна» и проч., т. е. автор статьи — театрал, присутствовавший на многих постановках, с особым интересом следивший за судьбой произведений Сумарокова на сцене. Все эти соображения позволяют предполагать, что автором «Сокращенной повести» был именно Княжнин, что побуждает меня вкратце охарактеризовать его произведения, напечатанные в «Санкт-Петербургском вестнике». Отмечу, что появлялись они в журнале по большей части анонимно и что ряд из них, вполне возможно, до сих пор не идентифицирован.

Наиболее активным было участие Княжнина в «Санкт-Петербургском вестнике» в первый год его существования, когда здесь были опубликованы: его сказка в стихах «Флор и Лиза» (СВ. 1778. Ч. 1. Февр. С. 110–116; подп.: Я. К**); письмо к издателям журнала с просьбой напечатать «приписание», обращенное к С. Г. Домашневу, и само это стихотворение, являющееся посвящением сановнику княжнинского перевода «Генриады» Вольтера (Там же. Февр. 174–175; без подп.),[24] прозаический перевод идиллий С. Геснера «Палемон» (Там же. Апр. С. 267–271; подп.: Я. К.) и «Весна» (Там же. Май. С. 357–361; подп.: Я. К.), перевод отрывка из «Путешествия в Испанию» П.-О.-К. Бомарше (Там же. 1778. Ч. 2. Июль-Авг. С. 3–26; 83–108; после второй части подп.: Я. К.), притча «Рыбак» (Там же. Окт. С. 272–275; без подп.). По предположению Л. И. Кулаковой и В. А. Западова, Княжниным, воз-

[24] Это стихотворное посвящение почему-то в книгу не вошло: Генрияда: Героическая поема в десяти песнях / Сочинение г. Волтера; преложенная российскими белыми стихами капитаном Яковом Княжниным. СПб., 1777.

можно, были переведены четыре анекдота (Там же. Сент. С. 206–208; без подп.), второй из которых положен в основу его стихотворной сказки «Судья и вор», опубликованной много позднее. После длительного перерыва Княжнин напечатал «Стансы Богу» (Там же. 1780. Ч. 6. Авг. 83–86; без подп.). Нужно иметь в виду, что присутствие его произведений на страницах не исчерпывалось этими публикациями, ибо в «Санкт-Петербургском вестнике» велся отдел рецензий, в заключение которых обычно приводились довольно обширные цитаты из рассматриваемых книжных новинок, чтобы читатель мог составить свое мнение о них по этим образцам. Так было и в рецензиях на переводы Княжнина: «Генриады» Вольтера — белыми стихами (Там же. 1778. Ч. 2. Май. 396–400; подп.: В) и прозаический — поэмы «Избиение младенцев» Джамбаттисты Марино (Там же. 1779. Ч. 4. Ноябрь. 377–381; без подп.). И наконец, нельзя не отметить, что уже во втором номере «Санкт-Петербургского вестника» Е. А. Княжнина, дочь А. П. Сумарокова, опубликовала любовную элегию «Коль должно быть тому, чтоб я тебя узнала...» (СВ. 1778. Ч. 1. Май. С. 376; подп.: К***а. К**а).

«Санкт-Петербургский вестник», по-видимому, быстро обрел известность в литературных кругах столицы, и молодые писатели стали стремиться опубликовать в нем свои произведения. Из поэтов, важных для настоящего сюжета, первым отправил в журнал свои стихотворения М. Н. Муравьев. Три из них вышли в свет уже в февральском номере «Санкт-Петербургского вестника»[25] в сопровождении письма, в котором Муравьев позиционировал себя как начинающий литератор, «осмеливающийся сообщить» «безделицы», напечатание которых «исполнит тщеславие молодого человека» (СВ. 1778. Ч. 1. Февр. С. 175; без подп.). От имени издателей Муравьеву ответил, видимо, Г. Л. Брайко; он поблагодарил «неизвестного автора» «за сообщение его изрядных стихотворений» и пояснил, что были отобраны для публикации «лучшие и исправнейшие других». Не без некоторого менторства он пояснил, что перевод оды XXXVIII Горация отклонен, ибо во второй строфе

[25] [*Муравьев М. Н.*] I. Триолет (перевод с французского) («Мая первого числа...»); II. «Любовник прелести, где я ее найду...»; III. «Ириса! ты в слезах, стыдясь того лишиться...» // СВ. 1778. Ч. 1. Февр. С. 175–176 (без подп.). Триолет является переводом из Жака Раншена, что впервые, было отмечено Р. Лауэром (см.: *Lauer R.* Gedichtform zwischen Schema und Verfall. Sonett, Rondeau, Madrigal, Ballade, Stanze und Triolett in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. München, 1975. S. 372–373).

утрачен смысл подлинника (Там же. С. 175; без подп.).[26] В ноябрьском номере «Санкт-Петербургского вестника» появилось еще одно письмо Муравьева от 30 октября 1778 г., в котором он рекомендовал издателям еще две «безделки», утверждая, что они не способны «произвесть и подозрения гордости (СВ. 1778. Ч. 2. Нояб. С. 402). Этими «безделками» были «Три первые строфы Сафовой оды» и «Желание зимы» (Там же. С. 403–405; без подп.).

Дебют Державина в «Санкт-Петербургском вестнике» состоялся в июньском номере 1778 г.; здесь была напечатана его первая «Песнь Петру Великому» («Россия в славу облеченна...») (СВ. 1778. Ч. 1. Июнь. С. 485–488; без подп.). Вторая «Песнь Петру Великому» («Хотя смерть косу поднимает...») появилась в следующем номере (Там же. Июль. С. 30–31; позже получила название «Монумент Петра Великого»). Обе «песни» были написаны в 1777 г., когда в Петербурге шла работа по изготовлению Медного всадника. Через полгода в журнале было помещено пятнадцать надписей Державина (значительная их часть была сочинена за несколько лет до этого),[27] а также написанная в ноябре 1778 г. «Песенка отсутствующего мужа» (СВ. 1779. Ч. 3. Февр. С. 108–114; без подп.; позднее под названием «Препятствие к свиданию с супругою»).

Обильное присутствие поэтических произведений Державина в «Санкт-Петербургском вестнике» бросается в глаза начиная с августа 1779 г. (т. е. как раз вскоре после возникновения львовско-державинского кружка). Это: «Эпистола Его Высокопревосходительству Ивану

---

[26] По-видимому, Муравьев согласился с суровым отзывом, почему и не печатал этот перевод. Речь идет о стихотворении, начинающемся со строки «Убранство пышное меня не привлекает...» (Горациий; Кн. 1; Ода 38). Оно недавно было опубликовано: *Ивинский А. Д.* М. Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 2. С. 371.

[27] [*Державин Г. Р.*] Собрание разных надписей: 1) На изображение Петра Великого; 2) На статую его; 3) На гроб его; 4) На шествие в Казань Ее Величества в 1767 г.; 5) На маскарад бывший в Казани, где на своих инструментах играли и плясали пред Ее Величеством ногайцы и прочие асиатские народы, в том же году; 6) На Петергоф; 7) На поднесение ее величеству титла Екатерины Великой; 8) На случай разломки московского Кремля, когда автор отъезжал из сего города в 1779 г.; 9) На победы над Турками в новый 1772 г.; 10) Ее Величеству на открытие наместничеств 1775 г.; 11) На изображение Феофана; 12) На Кантемира; 13) На Поповского; 14) На Лосенкова; 15) На Чемесова; 16) На Ломоносова // СВ. 1779. Ч. 3. Февр. С. 108–114 (без подп.).

Ивановичу Шувалову на прибытие его из чужих краев в Санкт-Петербург 1777-го г. сентября 17-го» (СВ. 1779. Ч. 4. Авг. С. 108–114; без подп.); «Ода на смерть К<нязя> М<ещерского> к **** <С. В. Перфильеву>» (Там же. Сент. С. 175–178; без подп.); «Ключ»[28] и «Загадка» (Там же. Окт. С. 267–269, 281; без подп.); «Стихи на рождение в севере порфирородного отрока декабря во второй на десять день, в который солнце начинает возврат свой от зимы на лето» (Там же. Дек. С. 410–414; без подп.).

Столь умножившееся присутствие стихотворений Державина, думается, не в последнюю очередь связано с как раз тогда установившимися неформальными отношениями участников кружка с редакцией «Санкт-Петербургского вестника», которым способствовало знакомство Львова с Княжниным, насчитывавшее уже несколько лет (об этом далее). Здесь следует подчеркнуть, что «Ода на смерть К<нязя> М<ещерского>», «Ключ» и «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» — это те самые шедевры, с которых, по общему мнению, начинается зрелый период державинского творчества, отмеченный наиболее значительными художественными достижениями. Их написание во второй половине 1779 г. — наглядное подтверждение действительно произошедшего незадолго до этого качественного изменения поэзии Державина, связываемого им самим с атмосферой кружка.

В следующем году в «Санкт-Петербургском вестнике» было напечатано еще три стихотворения Державина (из них лишь «Кружка» была написана раньше, еще в 1777 г.), другие сочинены в 1780 г.: «Ода на высочайшее ее императорского величества отсутствие из С.-Петербурга в Белорусские губернии, <...> сочиненная 1780 г. мая 20 дня» (СВ. 1780. Ч. 5. Май. С. 375–379; без подп.); «Ода к соседу моему господину N <М. С. Голикову>» и «Застольная песнь» (Там же. Ч. 6. Авг. С. 108–111, 203–205; без подп.; второе и третье стихотворения позднее названы «К первому соседу» и «Кружка»), «Переложение 81 псалма» (Там же. Нояб. С. 315–316; без подп.; впоследствии переименовано в «Властителям и судиям»). Последнее из стихотворений было вырезано в большей части тиража из-за резкости выражений по адресу

[28] В связи с этим стихотворением, посвященным М. М. Хераскову, укажем, что в 1779 г. в «Санкт-Петербургском вестнике» была помещена обширная благожелательная рецензия на его «Россияду» (СВ. 1779. Ч. 4. Авг. С. 124–145; без подп.).

«земных богов».[29] Это цензурное вмешательство, по всей видимости, привело к тому, что журнал стал хиреть, а затем и прекратился в следующем году. В 1781 г. в «Санкт-Петербургском вестнике» была опубликована лишь одна державинская «Ода на новый год» («Рассекши огненной стезею...») (СВ. 1781. Ч. 7. Янв. С. 3–5; без подп.).

Из всех участников кружка Н. А. Львов был тем, кто и в эти годы, и позднее менее всего был озабочен снисканием литературной известности (не последнюю роль при этом играло, конечно же, его архитектурное призвание). В то же время именно у него были самые прямые связи с издателями «Санкт-Петербургского вестника». Так, из писем Муравьева родным известно, что уже зимой 1778 г. Львов был неплохо знаком с Княжниным: 7 февраля 1778 г. в домашнем театре П. В. Бакунина Меньшого состоялась премьера трагедии Княжнина «Дидона», заглавную роль в которой сыграла М. А. Дьякова, будущая жена Львова.[30] Весьма вероятно, что сам он, неоднократно выступавший на этой домашней сцене в качестве актера, исполнил одну из ролей в спектакле.[31]

Впервые о публикациях Львова в журнале стало известно лишь в 1927 г., когда Б. И. Коплан обнаружил автограф упомянутой выше эпиграммы «По языку и мыслям я узнала...»[32] на выход книги басен Хемницера (СВ. 1779. Ч. 4. Нояб. С. 360; без подп.), написанной Львовым от лица М. А. Дьяковой.[33] В 1974 г. благодаря указанию в дневниках Муравьева Л. И. Кулакова атрибутировала Львову песенку «Цари! вы светом обладайте...» (Там же. 1780. Ч. 6. Август. С. 127; без подп.

---

[29] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 354.

[30] *Муравьев М. Н.* Письма отцу и сестре 1777–1778 гг. / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 348.

[31] Так, Муравьев сообщал отцу 18 декабря 1777 г.: «Я нынешний вечер еду, по приглашению Ник<олая> Ал<ександровича> Львова, в дом Бакунина, где собравшееся общество будут играть комедию и опера-комик. Комедия будет „Игрок“ г. Реньяра, в которой Николай Александрович будет играть отца, а опера-комик называется „Колония“, содержанием своим хотя и не много значащая, но превосходной музыки. Петь будут Марья Алекс<еевна> и Катерина Алексеевна Дьяковы, большой их брат и еще... не знаю» (см.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 328; ср. также С. 330–334). Речь идет о представлении комической оперы А. Саккини и Н.-Э. Фрамери «Колония» и комедии Ж. Ф. Реньяра «Игрок».

[32] В сохранившемся автографе Львова она озаглавлена «Эпиграмма сочинителю басен и сказок NN ноября 26-го»; ИС, 92.

[33] *Коплан Б. И.* К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Известия АН СССР. 1927. № 7–8. С. 722.

музыка к ней была сочинена Д. С. Бортнянским).[34] Весьма правдоподобными представляются атрибуции Львову следующих публикаций на основании их архитектурной тематики: статья «История архитектуры» (СВ. 1779. Ч. 4. Нояб. С. 328–337; без подп.), рецензия на книгу «Новый Виньола, или Начальные гражданской архитектуры наставления» (1777) (Там же. С. 365–367; без подп.).[35] На мой взгляд, Львову принадлежит еще и хвалебная рецензия на перевод М. В. Сушковой романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Инки, или Разрушение Перуанской империи» (СВ. 1780. Ч. 5. Май. С. 134–136; без подп.),[36] ибо Львов сам пытался переводить этот роман (рецензент признается, что роман ему хорошо знаком и что текст Сушковой сверялся им с оригиналом). Заслуживает внимания и мнение Н. Л. Степанова, считавшего Львова и Капниста авторами отклика на первое издание басен Хемницера (СВ. 1780. Ч. 6. Авг. С. 223–227; без подп.).[37] Этот отклик состоит из краткого абзаца, в котором утверждается, что все «сего рода сочинения на нашем языке», кроме принадлежащих «господину С..» (т. е. Сумарокову), по сравнению с помещенными в этой книжке «посредственны». И лишь сочинения рассматриваемого издания изобилуют всем тем, что «достоинство и приятность басень и сказок составляет». В подтверждение приводятся два текста, почерпнутые из книги Хемницера: «Крестьянин с ношею» и «Барон».

В высшей степени ярким был дебют Капниста в «Санкт-Петербургском вестнике»: в июньском номере за 1780 г. была опубликована его «Сатира I» (СВ. 1780. Ч. 5. Июнь. С. 440–447; подп.: К.*), направленная против литераторов-графоманов — в том числе и против Н. П. Николева и его окружения, враждебного Я. Б. Княжнину. Ссору Капниста

---

[34] *Кулакова Л. И.* Творчество Н. А. Львова 1770-х — начала 1780-х гг. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму. Л., 1974. Вып. 1. С. 53.

[35] *Мартынов И. Ф.* Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко. С. 230–231.

[36] [*Мармонтель Ж.-Ф.*] Инки, или Разрушение Перуанской империи / Перевела М. Сушкова. [М.], 1778. Ч. 1–2. О слухах, курсировавших в литературной среде, согласно которым Львов перевел половину этого романа, см. в письме Муравьева от 17 августа 1777 г. (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 277).

[37] Басни и сказки N... N... [И. И. Хемницера]. СПб., [1779]. В книге помещено 39 басен Хемницера и две басни Львова в разделе «Чужие басни». Ср.: *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений... С. 13.

с «рифмокропателями» (выражение Муравьева), развязали следующие строки сатиры:

Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Аполлоном?
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить кастальских чистых вод?
Котельский, Никошев, Вларикин, Флезиновский,
Обвесимов, Храстов, Весевкин, Кампаровский
И все семейство их, не убоясь судов,
Напутав кое-где и прозы, и стихов,
В свет могут их пустить без пошлин, без окладу
Читателям, уму и музам на досаду.
(СВ. 1780. Ч. 5. Июнь. С. 446–447).

Все сколько либо причастные к литературной жизни без труда понимали, что Капнист метил в В. Г. Рубана, Ф. Я. Козельского, Н. П. Николева, И. А. Владыкина, А. Н. Фрязиновского, А. О. Аблесимова, А. С. Хвостова, М. И. Веревкина и Я. И. Кантаровского.[38]

В следующем, августовском номере Капнист поместил оду «Надежда», не тая своего авторства (СВ. 1780. Ч. 6. Авг. С. 95–101; подп.: В. Капнист), и здесь же анонимно републиковал «Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi», впервые вышедшую в свет отдельной брошюрой в 1775 г. (Там же. С. 128–137; без подп.).[39] Последнее стихотворение в «Санкт-Петербургском вестнике», бесспорно принадлежащее Капнисту, — анонимная эпиграмма «На богатого умом стихотворца» («Недавно вздумалось Героду...») (Там же. Окт. С. 290; подп.: *).

Высокая оценка «Сатиры I» и оды «Надежда», как и то, что они прошли через горнило дружеских обсуждений, донесены до нас пись-

[38] Довольно едкое «Письмо к господину К<апнисту>, сочинителю сатиры первой», было вскоре помещено в «Санкт-Петербургском вестнике» (1780. Ч. 6. Сент. С. 234–237; подп.: «Ваш покорный слуга Д.»). На него от имени редакции ответил, по-видимому, Брайко (см.: Там же. С. 238–239). Обзор полемических столкновений, вызванных публикацией сатиры см.: *Степанов В. П.* Из истории литературных полемик XVIII века («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 131–146.

[39] О высокой ее оценке Львовым можно заключить по тому, что он читал ее Муравьеву в начале июля 1779 г. вместе с одой «Надежда». Ср. примеч. 54, 56 и относящийся к нему текст.

мом Державина к Капнисту от 31 декабря 1789 г. (V, 766–769), в котором первый из них выразил крайнее раздражение тем, как Капнист критиковал его оду «Изображение Фелицы» (1789):

> Ежели ты хочешь вперед писать прямо по-русски, то приезжай к твоим друзьям и советуй с ними или оставляй, что напишешь, про твоих земляков; а без того не токмо читать или печатать, любя твою славу, стихов твоих, но и принимать их не будем; ибо кроме од «Надежды» и сатиры, здесь при твоих друзьях написанных, последующие твои сочинения никакого уважения не заслуживают. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то и в самом деле прослывешь парнасским трубочистом, который хотел чистить стихи других, а сам нечистотою своих был замаран. (V, 768).[40]

По басне «Черви» (СВ. 1780. Ч. 5. Сент. С. 202–203; подп.: ***) и по ряду других произведений Хемницера, оставшихся тогда в рукописи (послание к Капнисту, эпиграммы), можно заключить, что «Сатира I» Капниста отразила не только его приоритеты, но ценностные ориентиры его ближайших друзей.[41] По мнению И. Ф. Мартынова, Хемницеру также принадлежит анонимное «Письмо к одному из издателей „Вестника“» (СВ. 1779. Ч. 4. Нояб. С. 356–359; без подп.), в котором выражено восхищение картиной Ж.-Б. Грёза «Отцовское проклятие» (1777), виденной Хемницером в Париже, и содержится апология морализаторства французского художника.[42]

Как видим, участники кружка выступили на страницах «Санкт-Петербургского вестника» в 1779–1780 гг. весьма сплоченно, отстаивая определенные представления о хорошей литературе и демонстрируя собственными произведениями, какой она, по их мнению, должна быть.

---

[40] Высокая кружковая оценка оды «Надежда» донесена до нас и письмом Львова Капнисту от 23 декабря 1789 г. В нем в порыве воодушевления Львов переходит на французский язык и утверждает, что Капнист создан скорее для поэмы, чем для оды, хотя ему и удалось с грацией выразить чувствительный порыв в одах «На надежду» и «На утрату» («un moment de sensibilité, comme dans l'ode „Sur l'Espérance“ ou „Sur la Perte“») (см.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 388). Второе стихотворение позднее получило название «Ода на смерть сына моего»; оно было написано в 1787 г. на смерть первенца Капниста, которого он в честь Державина назвал Гавриилом.

[41] *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Л. Степанова, сост. Л. Е. Бобровой, подгот. текста и примеч. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацуро. М.; Л., 1963. С. 177–180, 217–218.

[42] *Мартынов И. Ф.* Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко. С. 230.

Не последнюю роль играло при сближении с журналом и уважительное отношение молодых поэтов к Сумарокову и его школе.[43] Хотя Державин, примкнувший к кружку последним, ощущал себя поначалу, скорее, продолжателем ломоносовской линии в одической поэзии, но в других лирических жанрах он весьма прилежно учился у Сумарокова, как это показал еще Г. А. Гуковский.[44] Весьма характерна и высокая оценка притч Сумарокова в цитированном выше отклике на публикацию книги басен Хемницера.[45]

Но вернемся к общей хронологии занимающего нас литературного содружества. Если временем возникновения львовско-державинского кружка следует, по-видимому, считать весну 1779 г. (т. е. оно произошло незадолго до публикации оды Державина «Успокоенное неверие» в июньском номере «Академических известий), то прекращение его существования совпадает со смертью Львова (смерть Хемницера в 1784 г. стала тяжелым ударом для кружка, но, как далее я постараюсь показать, не разрушила его). Об этом можно заключить из письма Державина Капнисту от 3 января 1804 г., которое было написано вскоре после кончины Львова и важно, помимо всего прочего, как констатация исключительной творческой близости, связывавшей четырех друзей-поэтов, составлявших ядро кружка:

> Вот, братец, уже двое из стихотворческого круга нашего на том свете. Я говорю о Хемницере и Николае Александровиче. Долго ли нам на сем свете помаячить? (VI, 144).[46]

Здесь, прежде чем перейти собственно к истории львовско-державинского кружка, имеет смысл рассмотреть вопрос принадлежности

---

[43] О значении Сумарокова для участников львовско-державинского кружка см. в кн.: *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 197–198. Ср. также выписку из басни «Соловей и кукушка» Сумарокова в львовской «Путевой тетради № 1» (ИРЛИ. № 16470. Л. 23).

[44] *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII в. Л., 1927. С. 186–191, 195–196, 198–199. Из новейших работ укажем: *Ларкович Д. В.* Становление авторского сознания Г. Р. Державина и сумароковская поэтическая традиция // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 121–129.

[45] Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6. Сент. С. 223. Ср. примеч. 36 и относящийся к нему текст.

[46] Также в стихотворении «Зима» (1805): «Что мне петь? — Ах! где хариты? / И друзей моих уж нет. / Львов, Хемницер в гробе скрыты / За Днепром Капнист живет. / Вельяминов, лир любитель, / Богатырь, певец в кругу, / Беззаботный света житель, / Согнут скорбями в дугу» (II, 528).

к нему М. Н. Муравьева, которого некоторые исследователи (прежде всего, это Л. И. Кулакова и В. А. Западов) склонны включать в число участников этого литературного объединения с самого начала его существования.

М. Н. Муравьев и львовско-державинский кружок

Наиболее детально точку зрения о том, что М. Н. Муравьев сыграл важнейшую роль в формировании и деятельности львовско-державинского кружка сформулировал в 1969 г. В. А. Западов в статье «Державин и Муравьев»,[47] опираясь на письма М. Н. Муравьева, тогда еще неопубликованные. Справедливо полагая, что дружба Львова с Хемницером восходит к началу 1770-х гг., исследователь датирует «присоединение» к ним Муравьева 1773–1774 гг. (впрочем, без какой-либо аргументации). Сближение Державина с кружком исследователь относит к началу 1779 г., оговариваясь, впрочем, что «в 1779–1780 гг. Муравьев бóльшую часть времени провел в Твери» и что тесную дружбу Державина с Муравьевым «вероятней всего отнести к 1781–1782 гг.». Далее Западов приводит ряд биографических подробностей, которые свидетельствуют, скорее, о взаимной человеческой симпатии поэтов, чем о фактах их творческой близости. Отмечу со своей стороны, что известия о публикациях или же вокальном исполнении стихотворений Державина в письмах Муравьева родным следует понимать, скорее, как светские новости, а не кружковые. Значительно более категоричные заявления сделаны в статье В. А. Западова о Муравьеве в «Словаре русских писателей XVIII века», где утверждается, что знакомство Муравьева и сближение его с Н. А. Львовым (а через него с И. И. Хемницером) «явилось началом существования львовского кружка».[48]

Критический анализ данного утверждения предприняла Л. Росси в статье «М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг.».[49] Отметив, что

---

[47] *Западов В. А.* Державин и Муравьев // XVIII век. Л., 1969. Сб. 7. С. 245–253. Сходные заявления в статьях: *Кулакова Л. И.* 1) М. Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 33. Вып. 4. С. 4–42; 2) Муравьев // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. С. 454–461.

[48] *Западов В. А.* Муравьев Михайла Никитич // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 306.

[49] *Росси Л.* М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг.: к характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII в. // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы

среди коллег точка зрения Западова не нашла поддержки, исследовательница детально проследила историю дружбы Муравьева с Львовым на протяжении 1770-х гг., привлекая большое число неопубликованных материалов. Относя первое, по всей видимости, весьма поверхностное знакомство поэтов к 1773, если не к 1772 г.,[50] Л. Росси отмечает и возраставшую интенсивность их дружбы в течение рассматриваемого десятилетия, и ее «семейные истоки». Судя по упоминанию в письмах родным 1776 г., отношение Муравьева к Хемницеру было поначалу весьма отстраненным, но вскоре оно стало «более интимным».[51] Знакомство Муравьева с Капнистом, состоялось, видимо, лишь два года спустя — летом 1778 г.[52]

и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 287–298. Далее со ссылками на архивы приводятся и материалы, выявленные Л. Росси и другими исследователями, и те, на которые указано в моих более ранних публикациях.

[50] Эти даты находим в краткой заметке на обложке одного из дневников Муравьева: РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30; оборот передней обложки. Среди разрозненных заметок в том же дневнике Муравьев отметил под 1776 г.: «Учение итальянского, 1776. Николай Александрович Львов» (Там же. Л. 12), а в «Mes souvenirs» (краткой канве своей жизни 1776–1780 гг.) писал под 1777 г.: «Je coultivai la connoissance de Mr. de Lwoff» (Там же. Л. 7). Ср. опубликованное Росси стихотворение Муравьева «Сегодни я у Львова был в гостях…», написанное, по-видимому, уже в 1778 г. (см.: *Росси Л.* М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг. … С. 292–293). По-видимому, в 1776 или 1777 г. Муравьевым была написана и эпитафия для надгробного памятника отцу Львова, изготовленного в 1777 г.; на нем были также выбиты эпитафии Хемницера и Державина (см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Miscellanea Lvoviana // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 121–124; *Львова А. П.* Арпачевские находки // Николай Львов: прошлое и современность: Материалы научно-практической конференции. 16–17 мая 2005 г.: Сб. статей. СПб., 2005. С. 112–116).

[51] Муравьев указывал в «Mes souvenirs» под 1776 г.: «une connoissance plus intime avec Mr. De Chemnitzer» (РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. 7). В том же 1776 г. Муравьевым был составлен сборник «Новые лирические опыты», оставшийся в рукописи (находится в дневнике поэта: Там же. Л. 3–6). В него включены стихотворения, посвященные Хемницеру («Спокойствия пловец желает, бурю видя…») и Львову («Любовь, узнаешь ли ту лиру…»).

[52] В недатированном письме отцу (видимо, от 3 июля 1778 г.) Муравьев впервые упомянул Капниста: «Вчерась было очень хорошее утро, и мы его препроводили с Николаем Александровичем и Капнистом, молодым человеком, его приятелем, в Летнем саду, где мы завтракали. Там заведен прекрасный кофейный дом» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 51. Л. 76 об.); 10 июля Муравьев сообщал отцу, что к нему пожаловал «поутру г. Капнист» и что он «почитает себе в честь знакомство сего молодого человека» (Там же.

В своей статье Л. Росси указывает на ранее не учтенную запись на внутренней стороне задней обложки того же дневника,[53] которую она интерпретирует как «своеобразный протокол встреч львовского кружка». Как полагает исследовательница, в ней зафиксировано совместное чтение литературных произведений 5 июля 1779 г., в котором участвовали: Львов (произведение не установлено), Капнист («Ода на надежду») и сам Муравьев (перевод восьмой идиллии Н. Ж. Леонара «Буря» и некая «Эпистола», т. е., видимо, «Сожаление младости»). Неясно, читал ли что-либо Хемницер, но у Львова «можно было видеть только что опубликованные „Басни“ И. И. Хемницера, и „потом самого их творца“».[54] Саму запись Росси не приводит, отмечая ее плохую сохранность, в силу чего ряд слов ей разобрать не удалось. Все же несмотря на то, что край листа осыпался и в последней строке у некоторых букв видны лишь их верхние части, данный отрывок поддается почти полному прочтению. Он находится в конце пространной записи, фиксирующей пережитое Муравьевым в течение нескольких дней после возвращения из Москвы 3 июля 1779 г. Приведем его текст:

> Потом виделся с Ник.<олаем> Алекс.<андровичем>, не был столько жив, видел у него басни Ив. Ив. Хемн<ицера>, потом самого их творца. Читал им порознь свою «Низу» и Епистолу. Разговор мой имел <дефект>[55] прекрасного: душа des demi sentiments. Н.<иколай> Ал.<ександрович> читал стихотв<орение> Капн<иста> «Ode sur la paix». Изустно пересказывал «Оду на надежду» его же.[56]

Думается, приведенный текст в некоторых пунктах противоречит его интерпретации, предложенной Л. Росси.

Во-первых, вряд ли речь может вестись о коллективной встрече участников кружка, читке, исправлениях и обсуждении произведений

Л. 50 об.; письмо недавно опубликовано в статье: *Ивинский А. Д.* Из эпистолярного наследия М. Н. Муравьева: письма 1778 г. к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. 2018. № 154 (6). С. 183.

[53] РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30.

[54] *Росси Л.* М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг. … С. 296.

[55] Ввиду дефекта рукописи не читается одно слово (может быть, «немало» или «много»).

[56] РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30. Внутренняя сторона задней обложки. Не совсем ясно, что Муравьев имел в виду под выражением «душа des demi sentiments» (дословно, если перевести его французскую часть: «душа получувств»).

друг друга, т. е. о том, чем как раз в это время в основном и весьма энергично занимались участники львовско-державинского кружка. Как мы видим, Муравьев посетил Львова, к которому затем заглянул Хемницер, а на присутствие Капниста в этот день у Львова ничто не указывает. Сам Муравьев писал, что читал им свои стихи «порознь», судя по всему, для того, чтобы не утомлять Львова повторным прослушиванием. Остается неясным, видел ли Муравьев басни Хемницера еще в рукописи, или уже как книгу — рецензия на нее, как уже указывалось выше, появилась в сентябрьском номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1779 г.

Во-вторых, Львов своих стихов в этот вечер не читал, но прочел два стихотворения Капниста — одно на французском языке и одно на русском. Причем второе наизусть («изустно»). Первое из стихотворений — это «Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet. Anno 1774», вышедшая в свет в 1775 г. отдельной брошюрой и в 1779 г., видимо, перерабатывавшаяся для возможной републикации.[57] В связи с «Одой на надежду» Капниста, неизменно высоко оценивавшейся его друзьями, имеет смысл указать, что она вписана Муравьевым в тот же самый дневник, но, скорее всего, через год, после ее публикации в августовском номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1780 г.[58]

Доброе знакомство Муравьева с Львовым, Хемницером и Капнистом в конце 1770-х гг., как нетрудно заключить из вышеприведенных свидетельств, не перешло в длительное и взаимообогащающее сотрудничество, а Муравьев не стал участником кружка.[59] Причин тут было, думаю, несколько — и ярко выраженные приоритеты группы, и враждебность по отношению к некоторым литераторам (в первую очередь

---

[57] Ода была вновь напечатана через год в «Санкт-Петербургском вестнике» (1780. Ч. 6. Авг. С. 128–137).

[58] РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30. Л. 3 об.–4. Муравьевым тогда же были скопированы еще два стихотворения из того же номера «Санкт-Петербургского вестника»: «Стансы к Богу» («Источник жизни, благ податель…») «неизвестного сочинителя» (в действительности это стихотворение Я. Б. Княжнина) и «Песенка Николая Александровича» («Цари, вы, светом обладайте…»; ИС: 50–51). Они записаны идентичными чернилами (Л. 5 и 16).

[59] Обращает на себя и тот факт, что Державин, за несколько месяцев до 5 июля 1779 г. вошедший в кружок и участвовавший в обсуждениях стихов, Муравьеву еще не известен и в его дневниках этого времени не упомянут.

московским), с которыми Муравьев был дружен, и изначальная полемическая «заряженность», вскоре нашедшая выход в резких выступлениях на страницах периодики («Сатира I» Капниста, басня Хемницера «Черви»). Не последнюю роль играла и болезненная застенчивость Муравьева, терявшегося в обществе его более светских и общительных знакомых.

В данном контексте крайне важна несколько более поздняя дневниковая запись Муравьева, ставшая прямым откликом на выход из печати 19 мая 1783 г. первой части «Собеседника любителей российского слова» и на прочтенную в ней Муравьевым державинскую «Фелицу»: «1783 мая 23. Державин, может быть, первый испытал между нами персифлаж в оде к Фелице: довольно остроумно, довольно счастливо и свободно. „Ода к соседу“ и прочее».[60] Весьма существенно, что эта заметка указывает на отношение Муравьева к львовско-державинскому кружку извне, на его непосвященность в предысторию публикации «Фелицы», неплохо известную нам со слов Державина (как известно, эту оду, написанную в 1782 г., Державин после совещания с Львовым и Капнистом решил «запереть», и она находилась год под спудом).[61] Как нетрудно заметить, знаменитая ода, обсуждавшаяся участниками кружка еще в рукописи, стала знакома Муравьеву лишь после ее напечатания, а характеристика «Фелицы» как персифлажа не имеет аналогов в ее трактовках участниками кружка.

Сказанное выше отнюдь не означает прекращения дружеских отношений Муравьева с участниками кружка к началу 1780-х гг. или позднее; они не прерывались в течение многих лет, то теряя интенсивность, то обретая второе дыхание. Все же, если в 1790-е гг. можно отметить некоторое сближение с Державиным (не в последней степени по обстоятельствам службы), то общение со Львовым, столь важное для Муравьева во второй половине 1770-х гг., никогда уже не было столь тесным. Об этом отчасти свидетельствует и постепенное исчезновение имени Львова из писем Муравьева родным в 1780-е и 1790-е гг.

---

[60] РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30. Л. 39. Неправильное прочтение слова «персифлаж» как «перепутаж» легло в основу ряда позднейших суждений В. А. Западова об эстетике Муравьева и Державина; их ныне невозможно воспринимать всерьез (подробнее см.: *Росси Л.* Что такое «перепутаж?» (Державин, Муравьев и одна литературная легенда) // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 284–286).

[61] Об этом известно из «Объяснений» Державина на его сочинения (III, 601–602).

Основные периоды деятельности львовско-державинского кружка

История львовско-державинского кружка распадается на три периода, различных как по интенсивности совместной творческой деятельности, так и по ее характеру.

Первый период (с весны 1779 по октябрь 1784 г.) — это время наиболее частых собраний и горячих творческих обсуждений стихотворных произведений четырех участников кружка, а также резких полемических выступлений, активного участия поначалу в «Санкт-Петербургском вестнике» (1778–1781), а позднее в «Собеседнике любителей российского слова» (1783–1784).

Обращают на себя внимание различия в возрасте четырех поэтов в момент возникновения кружка, несходство их биографий и происхождения. В конце весны 1779 г. Державину было почти 37 лет, Хемницеру — 34, Львову — 26, Капнисту — 21 год. Державин — рано осиротевший небогатый дворянин, медленно прокладывавший себе путь по военной, а потом по статской служебной лестнице; Хемницер — сын саксонского штаб-лекаря, переехавшего в 1734 г. в Россию и здесь отнюдь не обогатившегося; исполнительность и образованность будущего баснописца снискали ему протекцию М. Ф. Соймонова, его начальника по службе в Берг-коллегии; Львов — молодой многообразно одаренный аристократ, чье стремительное карьерное продвижение было «поддержано» родством с сановниками М. Ф. Соймоновым и П. В. Бакуниным Меньшим. И, наконец, Капнист — по отцу потомок воинственных греков, принадлежащий по матери, урожденной Дуниной-Борковской, к малороссийской знати; выйдя 10 июля 1775 г. в отставку из лейб-гвардии Преображенского полка подпоручиком, Капнист предпочитал жить в Петербурге, а не в поместьях своей семьи под Полтавой.

Более всего четырех друзей сближает весной 1779 г. то, что все они уже в полной мере осознали свое поэтическое призвание и стоят на пороге вступления в литературу. Державин к тому моменту анонимно издал тоненький сборник стихов «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 г.» (1776) и две оды на придворные события (1773 и 1777), а также напечатал без указания авторства две подборки стихов в «Санкт-Петербургском вестнике». Но он все еще не уверен в своих силах, он еще в поисках своего поэтического стиля. Хемницер из всех друзей

пользуется к 1779 г. наибольшей известностью в литературных кругах.[62] В 1770 г. он опубликовал за свой счет две оды, воспевающие успехи русского оружия в войне с турками, а в 1774 — перевод героиды К.-Ж. Дора «Письмо Барнвеля к Труману из темницы», весной 1779 г. он как раз завершает подготовку к печати первого сборника своих басен (вышли в свет, судя по всему, в августе). Для Львова, главенствующий интерес которого к архитектуре уже определился, литература — лишь одно из многочисленных артистических увлечений наряду с театром и музыкой. Владея несколькими иностранными языками, он начитан в разнообразных областях; его авторитет в глазах друзей повышает и то, что, исполняя курьерские поручения от Коллегии иностранных дел, он уже неоднократно побывал в Западной Европе (Дания, немецкие государства, Англия, Испания, Франция), где посещал художественные собрания, присутствовал на театральных представлениях. К 1779 г. он автор мелких неопубликованных стихотворений и переводов; 15 февраля 1778 г. им окончена ранняя версия пьесы «Сильф, или Мечта молодой женщины», работа над которой будет завершена в 1790-е гг.[63] Капнист хотя и опубликовал в 1775 г. отдельной брошюрой оду на заключение Кючук-Кайнарджийского мира на французском языке, но ощущает себя поэтом русским и готовится к первым поэтическим выступлениям на родном языке, его литературные вкусы сформировались, и он не прочь с задором молодости отстаивать их в полемических схватках.

Еще большей сплоченности четырех поэтов, составивших ядро кружка, способствовали возникшие вскоре родственные узы — 8 ноября 1780 г. Львов женился на Марии Алексеевне Дьяковой, а на день позже Кап-

---

[62] О раннем признании Хемницера-литератора можно заключить хотя бы по тому, что в 1772 г. ему, единственному из четырех друзей, была посвящена статья в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. В ней говорится, что он «писал много стихов», но что были «из них напечатаны только две оды». Здесь же упомянуто, что Хемницер сочинил «трагедию „Бланку“ в трех действиях», которая до нас не дошла (см.: Опыт исторического словаря о российских писателях / из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 234–235).

[63] В архиве Державина сохранилось восемь явлений этой ранней редакции: *Львов Н. А.* Сильф, или Мечта молодой женщины: Комедия с песнями в двух действиях // РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Т. 38. Л. 169–183.

нист — на ее сестре Александре.[64] Довольно скоро из кружка вышел А. С. Хвостов, чье ренегатство, нападки на Львова и Фонвизина заклеймил эпиграммами Хемницер.[65] На собраниях кружка нередко присутствовали еще два лица, не чуждые литературных интересов, но в то время стихов не писавшие: это двоюродный брат Львова Федор Петрович Львов (1766–1836)[66] и Петр Лукич Вельяминов (ум. 28 февр. 1805).[67]

В данном контексте заслуживает внимания следующее свидетельство первого из них в его мемуаре о Н. А. Львове, указывающее на присутствие Ф. П. Львова на собраниях кружка (в поэзии он стал пробовать свои силы позднее) — в том числе и при обсуждениях «Фелицы» в 1782 г.:

> Я помню, что Хемницер не отпускал ни единой басни своей в мир, не прося о пропуске оной Николая Александровича, который или снабжал таковым проезжую или отказывал в оном. Я помню, когда прекрасная ода «Фелица», будучи почти первая у нас в России одета легко, заманчиво, приятно и богато, приве-

---

[64] К истории этих браков: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* 1) О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132–144; 2) Miscellanea Lvoviana. С. 116–120; *Дзюбанов С. Д.* «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2008 [Вып. 4]. С. 5–56.

[65] *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений... С. 179, 217–218.

[66] Ф. П. Львов с 1778 по 1783 г. находился главным образом в Петербурге, ибо служил в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1783–1784 г. он отсутствовал в северной столице в связи со службой при дипломатической миссии в Дрездене, а в 1788–1792 г. — в связи с участием в войне с турками. С 1794 по 1801 г. он служил вне Петербурга, впрочем, почасту наезжая туда (подробнее см.: Формулярный список Ф. П. Львова / Предисл., публ. и примеч. Е. Ю. Жаровой // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 328–340).

[67] О литературных и музыкальных талантах Вельяминова можно заключить по цитированному выше стихотворению Державина «Зима» (1805). Об этом чудаке и оригинале, преданном искусству, подробнее см. в комментариях Я. К. Грота (I, 671; II, 528–529), а также в приложении к письму Д. М. Полторацкого к А. П. Полторацкой от 24 июня 1803 г. (РГБ. Ф. 233 (Полторацкие). Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 31–32 об.). Отдельными изданиями были напечатаны два перевода Вельяминова: из Вольтера (1774) и Ж.-П. Флориана (1788). Он автор песни «Ох! вы славные русски кислы щи...», опубликованной в «Карманном песеннике» И. И. Дмитриева (СПб., 1796. Ч. 1. С. 106). Из последних работ укажем: *Дзюбанов С. Д.* «Вельяминов, лир любитель, богатырь, певец в кругу...» (неопубликованные письма друга Г. Р. Державина в контексте его биографии) // Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2017. Вып. 13. С. 58–85.

зена была автором к г-ну Львову на суд с тем, чтобы он чудесною силою вкуса изящное забавное отделил от неприятного смешного <...> (ИС, 366).[68]

Как нетрудно заметить, на начальном этапе существования кружка главным для его участников были *коллективное совершенствование собственных произведений* и *выработка и отстаивание кружковых приоритетов*. Впрочем, вскоре об отказе от полемических выступлений было недвусмысленно заявлено — так, Капнист, в 1783 г. републикуя свою «Сатиру I», исключил из нее нападки на собратьев по литературному цеху. Сочинения четырех поэтов публиковались в это время главным образом на страницах периодических изданий; единственная книга, которую можно рассматривать как определенный итог саморепрезентации кружка на данном этапе, — это уже упоминавшиеся, довольно скромно изданные «Басни и сказки» Хемницера (1779).

Уже на этой первой стадии существования кружка заметен живой интерес его участников к изобразительным искусствам. Он выразился и в написании Хемницером басни «Два семейства» на сюжет эскизов Грёза, виденных им в Париже во время посещения мастерской художника,[69] и в приоритетах львовского «Итальянского дневника» (1781), и в дружеских контактах с художниками, из которых в первую очередь следует упомянуть Д. Г. Левицкого. Как известно, в 1783 г. живописец создал по программе Львова знаменитый «Портрет Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783),[70] который Державин позднее воспел в «Видении мурзы» (опубл. в 1791 г.).

---

[68] Ф. П. Львову принадлежит обширное «примечание издателя» к «Объяснениям на сочинения Державина» о ближайшем круге общения его старшего собрата по перу, во многом дополняющее процитированное высказывание: [*Державин Г. Р.*] Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елисавете Николаевне Львовой, в 1809 г. / Изданные Ф. П. Львовым. СПб., 1834. Ч. 1. С. 25–28.

[69] Подробнее: *Данилевский Р. Ю.* Заметки о темах западноевропейской живописи в русской литературе // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986. С. 269–281.

[70] Как известно, «Портрет Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783) вызвал значительный литературный резонанс. В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» было опубликовано два стихотворения: «Надпись к портрету ее величества императрицы Екатерины II» Е. Р. Дашковой (Ч. 1. С. 14) и «К Д. Г. Левицкому» И. Ф. Богдановича (Ч. 4. С. 31). Письмо Д. Г. Левицкого издателям «Собеседника» (Ч. 6. С. 17–18) стало ответом на стихотворные восхваления портрета. В качестве приложения к нему опубликовано «Описание портрета ее императорского величества» (Ч. 6. С. 18), автором которого является Львов.

Внешние обстоятельства сначала ослабили, а потом и прервали традицию встреч и литературных бесед: переселение Капниста в его украинские вотчины в начале 1780-х гг. после его женитьбы 9 ноября 1780 г. на А. А. Дьяковой;[71] определение Хемницера в июне 1782 г. генеральным консулом в Смирну и его безвременная кончина на чужбине 19 марта 1784 г.; назначение Державина олонецким губернатором и его отъезд из Петербурга в октябре 1784 г.

Второй период существования кружка (с октября 1784 по июль 1789 г.)[72] стал временем ослабления совместной деятельности. Три главных участника кружка, разнесенные в пространстве, поддерживали после смерти Хемницера живой эпистолярный контакт. В письмах находим и обмен мнениями на литературные темы, и информацию о взаимной поддержке, касающейся в том числе и литературных дел. Из немногочисленных совместных предприятий следует отметить публикацию Державиным комической оперы Львова «Ямщики на подставе» в Тамбове в 1787 г. Через какое-то время после возвращения А. Н. Оленина из Германии в 1785 г. происходит его сближение со Львовым; начинаются их совместные занятия гравированием, предваряющие позднейшие издательские предприятия кружка.[73] К середине 1780-х гг. дом на Почтамтской, где Львов обосновался после перехода в 1782 г. в Глав-

---

[71] Важным прецедентом более поздних заочных обсуждений стихов стало письмо Хемницера и Капниста Державину от 5 марта 1781 г. с критическими замечаниями и поправками на его «Оду на новый год». В феврале-марте этого года Хемницер гостил у В. В. Капниста в Обуховке; письмо было впервые опубликовано в кн.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. Приложения. С. 10–20. См. его также: *Капнист В. В.* Собр. соч. / Ред., вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 256–260.

[72] Имеется в виду время службы Державина сначала в Олонце, а затем в Тамбове, до его возвращения в Петербург.

[73] Задумав воспроизведение чертежей А. Палладио, Львов выписал из Франции рукопись, объясняющую гравирование лависом и познакомил с ней Оленина (см.: *Оленин А. Н.* Описание аглицкого и русского способа гравирования лависом или акватинтою // ИИМК РАН. Ф. 7. Ед. хр. 48. Л. 3 об.; *Стояновский Н. И.* Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881. Т. 1. Вып. 1. С. XVII). Один из наиболее ранних совместных опытов Оленина и Львова (если не первый) состоялся 8 ноября 1787 г. Это шаржированный портрет Львова с его автографом: «Рожа нашей рожи, которую другая образина выгравиров[ала], пробуя новой род гравированья... 8 ноября 1787. День знаменитой для гравёра». Подпись впервые опубликована: Подробный словарь русских граверов XVI–XIX веков / Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1895. Т. 2: К–О. Стб. 602; гравюра впервые воспроизведена в кн.: ИС. Л. 3 первого блока иллюстраций.

ное управление почтовых дел, становится одним из центров музыкальной жизни Петербурга, местом хорового исполнения русских народных песен.[74] В раскрепощенной атмосфере этих родственных собраний была начата подготовка «Собрания народных русских песен с их голосами» (1790).[75]

Третий период существования кружка (с июля 1789 по конец 1803 г.) — это время возобновления почти ежедневных встреч Львова и Державина, частых наездов Капниста в Петербург.[76] Женитьба Державина вторым браком на Дарье Алексеевне Дьяковой 31 января 1795 г. еще более сблизила трех поэтов. Их связывают контакты разной меры интенсивности с более молодыми литераторами. Покровительственными и в то же время близко-дружескими, предполагавшими и критику, и наставления, и поэтический диалог, были отношения с двумя более молодыми родственниками-поэтами: с уже упоминавшимся Ф. П. Львовым[77] и с Александром Михайловичем Бакуниным (1768–1854), возвра-

---

[74] О роли львовского дома в музыкальной жизни Петербурга и контактах Львова с музыкантами см.: *Федоровская Л. А.* 1) Композитор Степан Давыдов. Л., 1977. С. 21–29; 2) Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова: (Статья 1) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2005. Вып. 2. С. 104–118; 3) Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова: (Статья 2) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2007. [Вып. 3]. С. 117–134.

[75] Об этом существует любопытное признание Ф. П. Львова: «В 1790 г. член нашей Академии художеств покойный советник Николай Александрович Львов при помощи охотников и родственников, в его доме беспрестанно певших, в числе которых имел честь быть и я, сделал новое собрание песен, которые с наших голосов положил на ноты г. Прач; предисловие при сем издании было написано г. Львовым» (см.: *Львов Ф. П.* О пении в России. СПб., 1794. С. 44–45). Ср. также мемуарное примечание Капниста о посещении Сарти одного из родственных концертов в «Кратком изыскании о гипербореанах» Капниста, при первой публикации статьи в 1815 г., впрочем, опущенное (*Капнист В. В.* Собр. соч. / Ред., вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 184–185).

[76] В эти годы Н. А. Львов сохраняет свою роль главного судьи стихов Державина — так, Я. К. Грот привел в примечаниях к «Сочинениям Державина» пометы Львова на следующих стихотворениях: «На взятие Измаила» (1790; I, 333–361), «Мечта» (1794; I, 588–591), «На Мальтийский орден» (1798; II, 213–221). Думается, однако, что не все исправления подобного рода сохранились и что они имели место куда более часто.

[77] Здесь хотелось бы процитировать следующую заключительную помету на рукописи стихотворения Ф. П. Львова «К лире» («Как луч во тьме блеснет вдали…»), сделанную, видимо, Е. Н. Львовой: «Исправлено Н. А. Львовым и дядей Г. Р. Державиным стих<отворение> Ф. П. Львова, напис<анное> 1790 г.». Здесь же, чуть выше, запись

тившимся в 1790 г. из Италии.[78] Весьма тесным было общение с Александром Васильевичем Храповицким (1749–1801). Он обменялся посланиями с Державиным, а в послании к Капнисту («Ум пылок у тебя, приятен слог и чист...») трунил над Державиным и Львовым как над добрыми знакомыми.[79] Единственное свидетельство близости к львовско-державинскому кружку Ивана Матвеевича Муравьева (в 1801 г. он стал именоваться Муравьевым-Апостолом; 1762–1851)[80] и Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина (1760–1805)[81] — обращенность к ним некоторых произведений Львова.

Особенным было положение И. И. Дмитриева, познакомившегося с Державиным в 1790 г. и вскоре заслужившего особенную доверенность старшего собрата по перу, советовавшегося с ним по поводу своих стихов. Аналогичной, исключительной близости со Львовым и Капнистом у Дмитриева все же не возникло, хотя их дружеские отношения вне сомнений.[82] Именно Дмитриев способствовал симпатиям участ-

---

Ф. П. Львова: «14 мая послано в Москву» (см.: *Львов Ф. П.* 1. Объяснение на оду <Державина> «Бог»; 2. Стихотворение «К лире»: Черновой вариант с поправками Н. А. Львова и Державина // РНБ. Ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя). Ед. хр. 2593). Стихотворение Ф. П. Львова было опубликовано в «Московском журнале» с благожелательными примечаниями Карамзина (1792. Ч. 6. Кн. 3. Июнь. С. 227–234).

[78] Значительный интерес для понимания места Бакунина в кружке представляют поправки Капниста к его стихам (см.: *Коплан Б. И.* Из литературных исканий конца XVIII — начала XIX в. (А. М. Бакунин и В. В. Капнист) // Материалы Общества по изучению Тверского края. 1928. Вып. 6. С. 27–46).

[79] Раут: исторический и литературный сборник. М., 1854. Кн. 3. С. 145. Ср.: I: 495, 541 и далее.

[80] Неплохо документирована лишь позднейшая дружба Муравьева-Апостола с Державиным (см.: VI: 296–298) и В. В. Капнистом (см.: *Громова Т. Н.* Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Капниста // Русская литература. 1974. № 1. С. 110–115).

[81] Его ученая и служебная деятельность подробно описана в книге: *Раскин Н. М.* А. А. Мусин-Пушкин — вице-президент Берг-коллегии, химик и минералог, 1760–1805. Л., 1981. К сожалению, в этой в высшей степени основательной монографии актерские и поэтические увлечения А. А. Мусина-Пушкина даже не упомянуты. О них см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Литературные досуги графа А. А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой. СПб., 2018. С. 194–213.

[82] Об этом Дмитриев писал в воспоминаниях: «Н. А. и Ф. П. Львовы составляли почти ежедневное общество Державина. Здесь же познакомился я с Васильем Васильевичем Капнистом. Он по нескольку месяцев проживал в Петербурге, приезжав из Малороссии, его отчизны, и веселым остроумием, вопреки меланхолическому тону

ников кружка к Карамзину,[83] а также появлению их сочинений в его изданиях и, прежде всего, в «Московском журнале» в 1791–1792 гг.[84] Позднее под наблюдением Карамзина в Москве печаталась первая часть «Сочинений Державина» (1798).

Карамзин, со своей стороны, в высшей степени дорожил мнением державинского окружения;[85] ему было далеко небезразлично, какую

стихов своих, оживлял нашу беседу» (см.: *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 61; также с. 57). Ср. аналогичное указание племянника И. И. Дмитриева, сделанное со слов дяди: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 37. Несколько дальше шел Вяземский в ранней версии предисловия к шестому изданию «Стихотворений» И. И. Дмитриева 1823 г. (этот пассаж в свое время не был опубликован): «Львов (Н. А. — *К. Л.-Д.*), оставивший несколько приятных стихотворений, был один из ободрителей возникающего его дарования. В этом отборном обществе прочел он первый опыт свой в переводе басен Лафонтена, и предсказали ему блестящие успехи в этом роде» (см.: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: жизнь и творчество. Л., 1969. С. 88; ср. цитату из другого списка предисловия в статье: *Кочеткова Н. Д.* «Русский Лафонтен» (к литературной репутации Дмитриева) // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред.: А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова. СПб., 2010. С. 9).

[83] Знакомство Карамзина с Державиным (а вполне возможно и со Львовым) произошло осенью 1790 г., когда Карамзин приезжал в Петербург, чтобы заручиться здесь поддержкой для своих издательских планов (см.: *Погодин М. М.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Т. 1. С. 168). Кружок Н. П. Николева занял враждебную позицию по отношению к Карамзину, на первый поэтический сборник которого «Мои безделки» (1794), браня «немецкого русака», откликнулся эпиграммой Н. М. Шатров.

[84] Так, например, в письме к Дмитриеву от 1 июня 1791 г. Карамзин просил передать благодарность Ф. П. Львову за «Стансы», будучи явно осведомлен и о поэтических занятиях его кузена: «К Гаврилу Романовичу писал; а тебя прошу поблагодарить от меня г. Львова за его стансы, и попросить его, чтобы он и вперед сообщал мне свои сочинения. Скажи, какой это Львов? — Стансы будут напечатаны в июле месяце» (см.: *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 18–19; стихотворение Ф. П. Львова см.: Московский журнал. 1791. Ч. 3. Июль. С. 7–9). Явно о Н. А. Львове шла речь в письме от 17 сентября 1795 г. В нем Карамзин просил проинформировать петербургских литераторов о планах по изданию «Аонид» («...а ты мог бы в Петербурге сказать о том Гавр<иле> Романовичу, Львову, Козодавлеву и проч.» (см.: *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву... С. 61), ибо именно ему передавались слова благодарности в письме от 4 июня 1796 г. за стихи, предоставленные для публикации в первой книге «Аонид»: «Поблагодари от меня Николая Александровича Львова; его пиесы уже напечатаны» (см.: Там же. С. 67)).

[85] Основные свидетельства, документирующие взаимоотношения Державина и Карамзина, приведены в публикации: *Морозова Н. П.* Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин:

позицию занимают эти литераторы по отношению к его собственным недругам. Так, обнаружив в перечне подписчиков «Санкт-Петербургского Меркурия» знакомые имена, он 2 июня 1793 г. не без некоторого волнения писал Дмитриеву:

> Да скажи еще, *к которому сорту* читателей Клушина принадлежат Державин, Львовы, Козодавлев, Капнист? Может быть, я оскорбляю их сим вопросом, но ты не донесешь на меня. Впрочем, в свете бывает много странностей, — поверишь ли ты, например, что Николев до небес превозносит «Меркурия», удивляется знаниям и чувствам Клушина (с которым он недавно познакомился) и говорит, что приключение несчастного М-ва гораздо лучше Вертера? Поверишь ли, что Горчаков с ним соглашается? Но старик Херасков и Нелединской крайне сожалеют, что у нас на Руси можно impunément писать такие нелепости.[86]

Из петербургских журналов, в которых печатались участники львовско-державинского кружка, следует также назвать журнал И. И. Мартынова «Муза» (1796). Знакомство со Львовым этого молодого литератора из духовного звания состоялось, видимо, через Евгения Булгариса, в связи с подготовкой «Стихотворения Анакреона Тийского» (1794).[87] Именно Львов, по всей видимости, способствовал помещению в первом журнале начинающего издателя произведений своих друзей, именитых в литературном мире. Особого внимания заслуживает и литературная мистификация Львова, поместившего в журнале «Муза» не только одно из своих произведений, но и два стихотворения А. М. Бакунина — без ведома автора, в сопровождении собственного краткого предисловия и под псевдонимом «Александр Слепецкой».[88] Тем самым Львов привнес на страницы «Музы» атмосферу домашности, дружеского эзотеризма, внятного лишь участникам львовско-державинского кружка и их родственного окружения.

В первой половине 1790-х гг. в творчестве и Державина, и Львова, и Капниста происходит важнейший тематический сдвиг — а именно обращение к анакреонтике, хотя и Гораций, их прежний кумир, продолжает сохранять для них свое значение. В стихотворениях Анакреонта

Материалы к истории литературных отношений // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2008. Вып. 4. С. 73–100.

[86] *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 37.

[87] Ср.: *Мартынов И. И.* Записки // Заря. 1871. № 6. Приложения. С. 90, 93, 96.

[88] *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Поэт Александр Слепецкой: Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // Литературный факт. 2017. № 3. С. 201–214.

(на деле же это по большей части были произведения его эллинистических подражателей, ему тогда приписывавшиеся) участники кружка видели запечатленными важнейшие черты античного мироощущения. Легкомыслие произведений Анакреонта лишь кажущееся, их изящество — важнейшая школа вкуса, они облагораживают души читателей. Этот взгляд на поэзию наиболее развернуто выражен в предисловии Львова к «Стихотворению Анакреона Тийского», комментированному переводу корпуса античной анакреонтики на русский язык, им подготовленному.[89]

Державин и Капнист не только приветствовали стихами выход «Стихотворения Анакреона Тийского» из печати, но и оставили убедительные свидетельства художественного воздействия книги Львова на их творчество. Так, создавая «Анакреонтические песни»,[90] Державин опирался главным образом на львовские переводы и со свойственной ему смелостью продолжил русификацию Анакреонта, Львовым лишь намеченную. Исследователи не без оснований говорят о важных импульсах, данных «Стихотворением Анакреона Тийского» и анакреонтике Капниста, и его подражаниям Горацию.[91]

Помимо продолжающихся дружеских обсуждений и сотрудничества с периодическими печатными органами, стоит указать и на новую сферу деятельности кружка в 1790-е гг. Это подготовка иллюстрированных книг, при которой в полной мере проявилось стремление друзей к литературно-художественному синтезу, к единству между изобразительными и текстуальными компонентами. В это время совместными силами готовятся к публикации «Басни и сказки И. И. Хемницера» (1799. Ч. 1–3)[92] и «Стихотворения Державина» (работа не была завершена).

---

[89] Стихотворение Анакреона Тийского / Перевел **** **** [Н. А. Львов]. СПб., 1794 (в действительности книга вышла в свет в 1795 г.).

[90] Державин не был доволен первым отдельным изданием «Анакреонтических песней» (СПб., 1804); с дополнениями, но без нарушения общей композиции книги она была перепечатана в третьей части его «Сочинений» (СПб., 1808).

[91] См. раздел оды «Горацианские и анакреонтические» в кн.: Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 165–212.

[92] Инициатором посмертного, наиболее полного собрания басен, был Львов: в принадлежавшем ему экземпляре книги 1779 г. им был набросан проект титульного листа для нового издания с датой «1793» (см.: *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений. С. 297).

Первое из этих изданий содержит целый ряд сигналов, свидетельствующих о его кружковом происхождении. Так, на с. 42 третьей части помещена концовка с изображением урны; здесь над инициалом баснописца расположены литеры, «выдающие» участников издания «Д. Л. К. О.» (т. е. Державин, Львов, Капнист, Оленин) и указывающие на продуманное распределение усилий между ними. Монограммой А. Н. Оленина снабжено большинство гравюр, выполненных им в технике лависа двумя тонами (темно-желтым и черным). Близкое знакомство с умершим выдает вступительная статья «Жизнь сочинителя», написанная, впрочем, не Львовым, как полагают составители «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века»), а Капнистом.[93] Заключить об этом можно из анекдотов о Хемницере, опубликованных Гротом еще в 1873 г.; Львов сообщил их работавшему над статьей Капнисту в ответ на его запрос.[94] Первой женой Державина была, по всей видимости, выполнена заставка с силуэтом Хемницера перед текстом «Жизни сочинителя».[95] Из-за болезни глаз Львов устранился от работы над текстами книги и ее составом, которую взял на себя Капнист (он изменил расположение басен, по неясным причинам отказался от перепечатки пяти из них, по своему усмотрению правил стихи Хемницера).[96] В издании 1799 г. был сохранен и раздел «чужих», т. е. львовских, басен, данных в новой редакции. По первоначальному замыслу в книгу, кажется, должно было войти четверостишие Державина «К силуэту И. И. Хемницера», поясняющее аллегорический фронтиспис.[97]

Идея создания иллюстрированного издания стихов Державина датируется обычно 1792 г., когда началась подготовка так называемого

---

[93] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3. С. 329–330. № 7958.

[94] [*Хемницер И. И.*] Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям / С биогр. статьею и примеч. Я. Грота. СПб., 1873. С. 40–42.

[95] Ср.: V, 607. Известен сходный силуэт Державина 1786 г., хранящийся в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. На его обороте находится стихотворный экспромт Львова (см.: А. С. Пушкин и его современники в портретах: Музей Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 367).

[96] [*Львов Н. А.*] Заметки Львова для биографии Хемницера // [*Хемницер И. И.*] Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям / С биогр. статьею и примеч. Я. Грота. СПб., 1873. С. 42.

[97] «Эзоп лампадой освещал, / А Басня кистию тень с Истины снимала; / Лицом Хемницера внезапно тень та стала, / Котору в баснях он столь живо описал» (III, 492).

«екатерининского» тома с рисунками А. Н. Оленина в красном кожаном переплете, поднесенного Екатерине II в ноябре 1795 г.[98] Думается, в связи с работой над этим так и не опубликованным томом, а также в связи с позднейшим замыслом расширенного аналогичного издания в трех томах активно сочинялись программы иллюстраций, задумывались комментарии. Об этом свидетельствует значительное количество материалов, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.[99] Если в 1790-е гг. работа велась главным образом Державиным, Львовым, Капнистом и Олениным, то в 1800-е гг. к сочинению и исполнению заставок и концовок были привлечены также художники А. Е. Егоров и И. А. Иванов. Итогом этих совместных усилий стали три рукописных тома «Сочинений Державина» в зеленых переплетах; их формирование завершилось около 1805 г.[100] Важные предварительные замечания о текстологии программ и набросков комментариев к стихам Львова сделаны в статье Е. Н. Петровой об иллюстрациях к анакреонтике Державина. Исследовательница подчеркивала, что Львов более подробен в своих замечаниях, что он «не ограничивался только описанием или „расшифровкой" символов и аллегорий», но видел свои задачи более широко: «Именно львовские тексты по-настоящему программны. Помимо пояснений изображений, они рассчитаны на внушение читателю определенных идей просветительского характера».[101]

Исследователи сходятся во мнении, что небольшой трактат Львова «Значение чертежей на заглавных листах и при окончании каждой поэмы», приписанный Гротом некогда А. Н. Оленину,[102] следует рассматривать как манифест иллюстраторской деятельности участников кружка. Подчеркивая, что изограф «не повторяет автора», Львов, предпочитавший иносказательные изображения, указывает на их функцию: художник призван «домолвить карандашом то, что словами стихотворец *не мог*

---

[98] *Державин Г. Р.* Сочинения // РНБ. Ф. 550 (ОСРК). F.XIV.16.

[99] РО ИРЛИ. № 6963–6968.

[100] О размахе предприятия можно заключить по подготовленным трем частям «Рукописных стихотворений Державина с рисунками» (РО ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 1–3).

[101] *Петрова Е. Н.* Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания // *Державин Г. Р.* Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова. М., 1987. С. 388 (Сер.: Лит. памятники).

[102] С рядом неточностей текст опубликован Гротом: I, XXX–XXXI. Наиболее тщательное воспроизведение текста: *Петрова Е. Н.* Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина... С. 388–389.

или *не хотел сказать*, оставляя иногда тонкий смысл или таинственное значение на собственное проницание читателя».[103] Поэт, по мнению Львова, обращается к воображению, а рисовальщик — к зрению, что предполагает в случае иллюстрирования напряжение между вербальными и визуальными элементами и их комплексное воздействие на читателя. Хотя при жизни Державина иллюстрированное издание его лирики, задуманное участниками кружка, не было осуществлено, этот замысел во многом определил позднейшую рецепцию его поэзии. Как известно, Грот использовал созданный в 1790-х — начале 1800-х гг. иллюстративный ряд в «Сочинениях Державина». Издательские опыты по его аутентичному воспроизведению продолжаются.[104]

В заключение отмечу, что интеллектуальная и творческая жизнь львовско-державинского кружка была тесно переплетена с деятельностью *салонов*, существовавших в домах Державина и Львова, а позднее и Оленина.[105] Эти салоны, о жизни которых из-за скудости материалов, ее документирующих, трудно составить полное представление, были, помимо прочего, и важным местом репрезентации отдельных результатов деятельности кружка, находивших здесь родственно-дружеский прием. Здесь, конечно же, можно было рассчитывать и на благодарную аудиторию для литературных сочинений, и для результатов новаторской издательской деятельности, запечатлевшей *стремление к вербально-визуальному синтезу*, а также и для произведений, воплотивших *тенденцию и к синтезу вербально-музыкальному*, выразивше-

---

[103] *Петрова Е. Н.* Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина… С. 388.

[104] Помимо упомянутого издания «Анакреонтических песен» в серии «Литературные памятники», укажу следующую книгу, подготовленную А. А. Левицким, в которой также воспроизводятся иллюстрации из трехтомных рукописных «Сочинений Державина»: *Derzhavin G. R.* Poetic Works: A Bilingual Album / Ed. with Introduction and Commentary by Alexander Levitsky. Providence, 2001.

[105] Из трех упомянутых выше салонов наиболее изучен салон А. Н. Оленина, которому уже в книге в книге Аронсона и Рейсера посвящено немало страниц (см.: *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 273–275 et passim). К слову сказать, львовско-державинский кружок в этом справочнике не упомянут. На с. 43–44 в нем, правда, речь ведется о салоне Державина, основным источником сведений о посетителях которого служат мемуары И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь» (М., 1866); но в завершающем издание «Списке литературных объединений» он не указан, зато здесь находим «Салон Н. А. Львова» 1790-х гг., о котором какая-либо информация в основной части книги отсутствует.

муся в сотрудничестве с рядом композиторов по созданию песен и комических опер.

И наконец, в связи с большим числом лиц, вовлеченных в орбиту деятельности *львовско-державинского кружка*, имеет, на мой взгляд, смысл употребление еще одного термина — *львовско-державинское содружество*. К нему, помимо собственно литераторов, принадлежали мастера иных, несловесных искусств или же попросту творческие личности, в сотрудничество с которыми в разное время вступали участники собственно литературного кружка — композиторы Д. С. Бортнянский, И. Г. Прач, Дж. Сарти, Е. И. Фомин, Н. П. Яхонтов, исполнитель народных песен С. М. Митрофанов, художники Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский, позднее А. Е. Егоров и И. А. Иванов, архитектор А. Л. Менелас и др.

* * *

Подведем наконец некоторые итоги. Термин «львовско-державинский кружок» (как и его вариант «львовско-державинский литературный кружок»), частотно употребляемый в научной литературе, следует признать наиболее удачным из других обозначений этого писательского объединения. Два имени, задействованных в нем, удачно подчеркивают роль Львова как эстетического авторитета, теоретика и вдохновителя кружка, а Державина — как наиболее значительного поэта в нем. Вместе с Капнистом и Хемницером эти двое составляли ядро кружка, формирование которого завершилось весной 1779 г., когда в совместных читках и обсуждениях стихов стал принимать участие Державин.

Более тесное знакомство, связавшее четырех поэтов весной 1779 г. в знаменательный момент их вхождения в литературу, обнаружило, в первую очередь, близость их эстетических установок (впрочем, реализовавшихся в творчестве каждого из них весьма по-разному). В беседах на литературные темы, во время читок и взаимной правки стихов они оттачивали собственные произведения, обретая стиль и уверенность в своих силах. Дальнейший, в сущности, коллективный дебют, состоявшийся вскоре на страницах «Санкт-Петербургского вестника», еще более их сплотил и преисполнил чувством единства, которое неизменно ощутимо в позднейших высказываниях друг о друге и о незабываемой атмосфере поисков и обретений первых лет творческой

дружбы. Этот важный опыт стал залогом длительного творческого взаимодействия поэтов, которое не свели на нет ни отъезды из Петербурга (и порой весьма длительные), ни ранняя, безвременная кончина Хемницера в 1784 г. Лишь со смертью Львова 21 декабря 1803 г. кружок прекратил свое существование.

Рассмотрение по преимуществу «внешней» истории львовско-державинский кружка и его состава, предпринятое в данной статье, не может, на мой взгляд, не способствовать постижению аспектов «внутренних», т. е. более детальному дальнейшему изучению художественных поисков его участников и взаимовлияний. В то же время проделанная работа существенно уточняет и наше представление о значении львовско-державинского кружка для его современников, о его месте и специфике в ряду других русских литературных объединений конца XVIII — начала XIX в.

И. КЛЕЙН

MEMENTO MORI: ОДА ДЕРЖАВИНА «НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО»*

Уже ко старости приходим
И Смерть к нам смотрит чрез забор.

Г. Р. Державин. Приглашение к обеду.[1]

Князь А. И. Мещерский (1730–1779) был представителем столичной знати, который любил давать роскошные обеды; бывал у него и Державин. Мещерский умер скоропостижно 24 апреля 1779 г. в возрасте 49 лет,[2] что послужило поводом для стихотворения Державина (I: 54–56). Однако это стихотворение не является эпикидионом, т. е. традиционным окказиональным стихотворением на смерть человека.[3] Ведь речь

* Благодарю С. И. Николаева за консультацию о теме смерти в русской литературе. А. Эббингхаусу я обязан критическими указаниями. И. Паперно мне помогала при переводе этой статьи.

[1] См.: *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1868. Т. 1. С. 462. Это издание в дальнейшем цитируется с указанием тома и страниц в скобках.

[2] О биографии Мещерского см. коммент. Я. К. Грота (I: 56–57) и следующий веб-сайт: URL: http://lavraspb.ru/ru/nekropol/view/item/id/737/catid/3> (дата обращения: 17.05.2018). Здесь отмечена дата рождения Мещерского 6 июня 1730 г. и снимок его гранитного саркофага на Ковалевском кладбище в Петербурге.

[3] В русской литературе XVIII в. эпикидионы обыкновенно имеют заглавие, как, например, у Державина: «На кончину Великой княжны Ольги Павловны» (1795) или «На кончину графа Орлова» (1796). Такие стихотворения часто публиковались отдельными изданиями, украшенными гравюрами.

© И. Клейн, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-265-279

идет здесь в первую очередь не о покойном Мещерском, а о лирическом субъекте и его страхе смерти. Скорбь о смерти Мещерского выражается только в пятой строфе стихотворения, которое охватывает одиннадцать строф. Совсем отсутствует похвала покойному: не упоминаются ни его заслуги, ни его добродетели. Это отличает стихотворение Державина от эпитафии, которая украшает крышку саркофага Мещерского.[4] Автором этого текста был С. В. Перфильев, к которому Державин обращается в своей оде.[5]

В предлагаемой статье мне хотелось бы показать, что смерть Мещерского побудила Державина писать не традиционное погребальное стихотворение, не эпикидион, а горацианскую оду о смерти и о страхе смерти. Речь пойдет также о литературных связях стихотворения и его интеллектуальном контексте. Завершающий экскурс касается вопроса об «окказиональности» державинской поэзии.

Державин, Юнг и русские масоны

Как установил Я. К. Грот, Державин заимствовал для своей оды на смерть Мещерского целый ряд мотивов и оборотов у других авторов, которые также говорят о смерти (I: 57–59). Кроме Горация, о котором зайдет еще речь, это в первую очередь Э. Юнг с его «Ночными размышлениями».[6] Первые две песни — «Ночи», — поэмы, которая в XVIII в. пользовалась мировой славой, вышли в прозаическом переводе А. М. Кутузова[7] к концу 1770-х гг., то есть во время возникнове-

---

[4] Текст этой довольно длинной эпитафии можно найти на крышке упомянутого выше саркофага (см.: примеч. 2).

[5] В заглавии первого издания 1779 г. имя адресата умалчивается; имя Мещерского называется только в сокращенном виде: «Ода на смерть К. М. к ***». Во втором издании 1783 г. оба имени названы полностью: «К Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть князя Александра Ивановича Мещерского» (I: 57). Последняя версия данного текста, которой пользуюсь я, датируется 1808 г.: «На смерть князя Мещерского». Имя адресата называется здесь только в последней строфе.

[6] The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality (1742–1745).

[7] «Размышления о жизни, смерти и бессмертии» (см.: Утренний свет. 1778. Ч. 4. С. 229–286). Кутузов перевел не с английского оригинала, а с немецкого перевода А. А. Эберта (см.: *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 276 (XVIII век. Сб. 6)). Текст поэмы цитируется в дальнейшем по переводу Кутузова.

ния державинской оды. Можно предположить, что Державин пользовался именно этим переводом.[8] Однако, несмотря на все совпадения между его стихотворением и поэмой Юнга,[9] есть и существенные различия идейного порядка, как мы еще увидим.

Лирический субъект Юнга пробудился в начале первой части от короткого, тяжелого сна и слышит звуки, предвещающие ему скорую смерть: «Я слышу, час биет: Не обманываюсь я: се есть смертный звон скончавшихся моих часов <...> надежды мои и попечение воздымаются со страхом, устремляя свои взоры, чрез узкий брег жизни сея...»; грозит ему «страшная бездна», «страшная вечность».[10] Задумавшись, этот лирический субъект, однако, приходит к выводу, что смерти не следует бояться, что надо, скорее, ее желать: что это в основном не беда, а счастье — спасение от бремени земной жизни, что, конечно, касается не всех, а только праведных, включая лирического субъекта: «<...> единая смерть, единая многосильная смерть в состоянии поднять тяжелый затвор оныя (т. е. жизни. — *И. К.*). Единая она может истребить грубые препоны бренности, и нас <...> учинить свободными <...>».[11] Благодаря смерти человек достигает вечного блаженства в том мире: «Какое изобилие радостей горит там, на златых кистях в полном их сиянии, и в снедь праведным предлагаются!».[12]

Композиция поэмы основана на контрасте: надежда на вечное блаженство в том мире, с одной стороны, обесценение земного мира, — с другой. Последнее занимает много места; Юнг следует в этом отношении столетней христианской традиции.[13] Речь идет о благочестивом *contemptus mundi*, о «презрении мира», которое, конечно, резко противоречит просвещенному оптимизму XVIII в.

---

[8] Еще в 1772 г. вышел другой прозаический перевод в петербургском журнале Хераскова «Вечера» (см.: *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах... С. 270). Этот первый перевод Юнговой поэмы на русский язык принадлежал поэтессе М. В. Сушковой.

[9] Кроме примечаний Грота об этом см.: *Харрис Дж.* Державин и Эдвард Юнг: (К вопросу о влиянии переводов на литературный процесс) // Гаврила Державин. Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения. Нортфильд (Вермонт), 1995. С. 202–223.

[10] См.: Утренний свет. 1778. Ч. 4. С. 231–232.

[11] См.: Там же. С. 235.

[12] Там же.

[13] См.: *Delumeau J.* Le péché et la peur. La culpabilisation en Occident. XIIIe–XVIIIe siècles. Paris, 1983. P. 15–97.

Лирический субъект Юнга пытается в течение длинной, многословной, часто включающей повторы поэмы овладеть своим страхом смерти. Однако не ясно, удается ли это ему; «Ночные размышления» не случайно причисляются к «меланхолическому» течению английского романтизма.[14] Однако Державина гораздо более интересовало отвержение земного существования у Юнга. Такая установка встречается в данное время также у русских масонов и выражается культом «любви к смерти»:[15] смерть освобождает человека от тяжести плоти и переносит его в вечное блаженство. Соответствующее представление о ничтожестве земной жизни, о *vanitas vanitatum*,[16] было во второй половине XVIII в. модной темой у таких авторов, как Сумароков, Ржевский и Херасков.[17]

Сумароков был масоном с 1750-х гг., его сторонники Ржевский и Херасков стали масонами позднее. Первый русский перевод «Ночных размышлений» вышел неслучайно в «Утреннем свете», журнале московских масонов. К масонам примыкал и Кутузов, переводчик Юнговой

---

[14] *Wicker C. V.* Edward Young and the Fear of Death. A Study in Romantic Melancholy. Albuquerque (New Mexico), 1952.

[15] См.: *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., [1917]. С. 197. Он цитирует эту формулу в главе об «Идеологии [русского] масонства» и иллюстрирует ее примерами из масонской литературы; также см.: *Аржанухин С. В.* Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург, 1995. С. 176–178.

[16] См. Екк 1: 2: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета!». Об этом мотиве в русской литературе XVIII в. см.: *Levitsky A.* Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry <...> // Russia and the World of the Eighteenth Century / Ed.: R. Bartlett, A. Cross, K. Rasmussen. Columbus / Ohio 1986. P. 432; *Levitt M. C.* The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia. De Kalb (Illinois). 2011. P. 315; *Алексеева Н. Ю.* Стихотворение А. П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 78–89.

[17] Напр.: А. П. Сумароков «На суету мира» или «На суету человека» (см.: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 1. С. 220–222, 235; см. также: *Морозов А. А.* Судьбы русского классицизма. // Русская литература. 1974. № 1. С. 19; *Алексеева Н. Ю.* Стихотворение А. П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз... С. 78–89). Мы встречаем подобные стихотворения также у А. А. Ржевского: «Рондо» («Не лучше умереть...») (см.: Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 211–212 (Библиотека поэта. Большая сер. Второе изд.)) и М. М. Хераскова: «Суета» (см.: Творения Хераскова, вновь исправленные и дополненные. München; М., 2009. Ч. 7: Разные сочинения. С. 167–168). Другие тексты этого рода приводятся в изд.: *Levitsky A.* Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry...; *Levitt M. C.* The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia... 2011. P. 315.

поэмы; масонами были также покойный Мещерский и его друг Перфильев. Державин сам рассказывает, что они когда-то просили его написать для их ложи две песни на Петра Великого;[18] как он сообщает дальше, вторая песня пользовалась там особенным успехом. Однако Державин торопится добавить, что он «никогда сам в ложах не бывал, хотя сильно желали они (т. е. Мещерский и Перфильев. — *И. К.*) сделать его франк-масоном, но он от них всегда отделывался».[19] На этом фоне можно интерпретировать оду на смерть Мещерского как отрицательную реакцию на культ смерти не только у Юнга, но также у русских масонов.

Страшная Смерть

Смерть предстает у Державина не благодетелем, как у Юнга и масонов, а злым врагом.[20] Поэтому можно рассматривать его оду на смерть Мещерского как отрицание тогдашнего культа смерти. С этой точки зрения смерть Мещерского служила Державину поводом высказаться против этого культа.

В его оде изображается ужас, который охватил лирического субъекта под впечатлением неожиданной смерти Мещерского;[21] возникает картина кошмарной наглядности. Вспомним знаменитую первую строфу:

> Глагол времен! металла звон!
> Твой страшный глас меня смущает;
> Зовет меня, зовет твой стон,[22]

---

[18] Речь идет о стихотворениях «Монумент Петра Великого» и «Петру Великому» (1776) (I: 22–23, 17–19).

[19] Державин, прокомментировал, как известно, свои стихотворения на старости лет «Примечаниями» и «Объяснениями»; мы находим процитированное место в одном из его «Замечаний» (см.: *Кононко Е. Н.* Примечания на сочинения Державина (продолжение) // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 1 (23). С. 88).

[20] См.: *Аптекман М.* Державин и масоны // Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения. Нортфильд (Вермонт), 1995. С. 21–22. Исследовательница справедливо подчеркивает, что «духовной близости» между Державиным и масонами не было, несмотря на многие бытовые контакты (Там же. С. 26).

[21] Из шестой строфы можно заключить, что Мещерский умер при якобы полном здоровье: «Утехи, радость и любовь / Где купно с здравием блистали, / У всех там цепенеет кровь / И дух мятется от печали».

[22] См. коммент. Грота, который отмечает, что слово «стон» означает у Державина здесь, как и в других местах, бой часов (I: 58).

Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами Смерть скрежещет;
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Бой часов напоминает лирическому субъекту с помощью настойчивых повторов о неумолимом течении жизненного времени[23] — «Зовет... зовет..., Зовет...». В первой строке данной строфы угроза смерти подчеркивается рядом ударных гласных; читатель как будто слышит отдельные удары часов: «Глаго̀л времѐн! мета̀лла зво̀н!».[24] Общему эффекту служит и синтаксис: данный стих резко разделяется на два симметричны бессоюзных блока восклицательной интонации.

Центром внимания является в этой оде, как уже сказано, не Мещерский, а лирический субъект. Это подчеркивается в первой строфе упорным употреблением личных и притяжательных местоимений первого лица: это именно лирического субъекта «смущает» бой часов; это ему часы внушают, что жизнь коротка, что это именно он может умереть в каждый момент. Державин прибегает здесь к макаберным образам,[25] распространенным в европейском средневековье и в эпоху барокко, не только европейского, но и русского. Мы находим сходные мотивы также у Симеона Полоцкого, например, в его «Френах» на смерть царицы Марии Ильиничны.[26] Перед нами традиционная риторика *memento mori*.[27] Но есть важное отличие: у Державина ужас смерти не имеет ре-

---

[23] Речь идет здесь, как у Юнга, о бое часов, а не смертного колокола: смерть еще не наступила, а предстоит (см.: Грот (I: 58)).

[24] См. анализ в изд.: *Портнова И. А.* «На смерть князя Мещерского» Г. Р. Державина // Анализ одного стихотворения: межвуз. сб. / Под ред. В. Е. Холшевникова. Л., 1985. С. 82–83.

[25] См.: *Ariès P.* L'homme devant la mort. Paris, 1977. P. 112–125; *Delumeau J.* Le péché et la peur… P. 15–208.

[26] См., напр.: *Симеон Полоцкий.* Рифмологион: Собр. придворно-церемониальных стихов / Подгот. текста, статья и коммент.: Э. Хипписли, Х. Роте и Л. И. Сазоновой. Вена; Кельн; Веймар, 2017. Т. 2. С. 264–265 («Плач Первый», стихи 13–54, о «Смерти несытой и неумолимой»).

[27] См.: *Ingen F. van.* Vanitas und Memento mori in der deutschen Barocklyrik. Groningen, 1966. И. В. Дергачева подчеркивает, что жуткие образы этого типа были распространены только на Западе, что Древняя Русь думала и писала о смерти совсем иначе (см.: *Дергачева И. В.* Русская и европейская танатологические парадигмы XIV–XVII вв. в сравнительном аспекте // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68).

лигиозного характера. Это не ужас грешника перед Страшным судом, а экзистенциальный ужас всякого человека. У Державина ужас смерти является не религиозным, а бытовым явлением.

Риторика смертного ужаса снабжает Державина средствами против культа смерти у Юнга и русских масонов. Главную роль тут играет аллегория смерти, причем Державин не скупится ни на акустические, ни на визуальные эффекты, что также соответствует поэтике барокко. Аллегорическая смерть вооружена у Державина «блещущей косой», которой она «сечет» жизнь человека, «как злак», «скрежеща» при этом «зубами».

Эта риторика продолжается в следующих строфах, местами достигая космических измерений, причем Державин следует коперниканскому представлению о вселенной и теории Фонтенеля о «множестве миров», с которой он мог познакомиться из перевода Кантемира. В третьей строфе мы читаем: «Без жалости все Смерть разит: / И звезды ею сокрушатся, / И солнцы ею потушатся, / И всем мирам она грозит».[28] В шестой строфе мы сталкиваемся с «бледной Смертью», русский перевод *pallida mors* Горация.[29] Мотив универсальной угрозы продолжается в следующей строфе, причем снова встречаем косу. Эмоциональное воздействие углубляется анафорическим повторением глагола; речь идет о смерти, которая: «Глядит на всех <...>/ Глядит на пышных богачей <...> / Глядит на прелесть и красы, / Глядит на разум возвышенный, — / И точит лезвие косы». В начале восьмой строфы смерть

С. 69–73). О близости Державина к барокко, которая заметна также в других стихотворениях, см.: *Давиденкова А.* Державин и барокко // Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения... С. 10–22; *Клейн И.* Чувство природы у Державина: «Водопад» // Дар дружества и муз... С. 180–188.

[28] У Юнга мы читаем: «О смерть! всех вещей великий владетель! Твоя есть власть <...> звезды угашати; и само солнце по твоему только соизволению нас освещает; но и оное свергнешь ты некогда со сферы его» (см.: Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга... СПб., 1799. Ч. 2. С. 238).

[29] См.: Грот (I: 57). Гораций пишет в IV оде I книги: «Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas / Regumque turris <...>» (см.: *Horaz.* Sämtliche Werke. Lateinisch und Deutsch. München, 1957. S. 14), т. е. «Бледная ломится смерть одною и тою же ногою / В лачуги бедных и в царей чертоги <...>» (см.: *Квинт Гораций Флакк.* Оды, эподы, сатиры / Пер. с лат., ред. пер., вступ. статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1970. С. 49). Можно добавить, что смерть предстает великим уравнителем также у Державина (в начале седьмой строфы); это было популярным мотивом европейской традиции (см.: *Ingen F. van.* Vanitas und Memento mori... S. 67–70).

вызывает «трепет естества и страх», причем ломается ритм благодаря позиции слова «Смерть» в начале ямбической строки (спондей): «Смѐрть, трѐпет естествà и стрàх!».

Державин в дальнейшем как бы считает, что традиционный аллегоризм смерти и косы недостаточен для полного изображения смертного ужаса. Поэтому смерть выступает у него и в другом, не менее страшном виде. Во второй строфе она предстает аллегорией «Времени». Это — чудовище с «зияющей пастью» и «роковыми когтями», от которых «никая тварь не убегает». Державин не чуждается барочной крайности: «Монарх и узник — снедь червей». В четвертой строфе смерть выступает как «тать», который «внезапу похищает» жизнь у человека, уничтожая все его иллюзии о своем бессмертии (этой мыслью Державин обязан Юнгу,[30] чью поэму он использует в качестве источника для собственных идей). Взмах косы в дальнейшем уподобляется «громам»; ср. в первой строфе косу, которая «блещет», как «молния». Во второй строфе смерть появляется в еще одном виде — в виде «стихий», «ярость» которых уничтожает не только людей, но также их «гробницы». При всем этом следует учесть, что Державин пишет «Смерть» и «Время» с заглавной буквы: подчеркивается квази-божественное всемогущество обеих страшных сил.

Державин и Гораций

Первые десять строф державинской оды говорят о смерти как вездесущей угрозе. В пятой строфе заходит речь и о покойном Мещерском, к которому лирический субъект грустно обращается как «сыну роскоши, прохлад и нег».[31] В девятой и десятой строфах лирический

---

[30] См. соответствующие места у Юнга, приводимые Гротом (I: 59).

[31] В XIX в. эти слова стали поэтическими формулами, к которым охотно прибегали поэты; ср.: «Апостол неги и прохлад, / Мой добрый Галич, vale» у А. С. Пушкина в стихотворении «Пирующие студенты» (1814) (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л. 1977. Т. 1. С. 53); «Богини неги и прохлады» у К. Н. Батюшкова, в стихотворной эпистоле «Другу» (1815) (*Батюшков К. Н.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 196); «А ты, сын роскоши!» у Тютчева в стихотворении «На Новый 1816 год» (1816) (см.: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 45). В своем комментарий к оде «На смерть Мещерского» Г. А. Гуковский напоминает, что пятая строка шестой строфы вошла в общий язык: «Где стол был яств, там гроб стоит» (см.: *Державин Г. Р.* Стихотворения / Ред. и примеч. Г. А. Гуковского. Л., 1933. С. 455).

субъект оглядывается на свою молодость, которая прошла как «сон, как сладкая мечта».[32] Зная, что и его зрелые годы не бесконечны, он говорит в конце десятой строфы: «Я в дверях вечности стою».

Что имеется в виду под этой «вечностью», известно нам уже из пятой строфы. Имея в виду усопшего, лирический субъект там ведет с самим собой небольшой диалог: «Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем». Это незнание, которым лишний раз выражается ужас смерти, резко противоречит христианскому учению о жизни после смерти, и поэтому вызвало протест русского церковника.[33] Это незнание — странное явление у автора, который прославился не в последнюю очередь своей религиозной поэзией, прежде всего, одой «Бог» (1784). Однако за год до оды о смерти Мещерского Державин написал также свое «Успокоенное неверие» (1778) — первое из его стихотворений, которое пользовалось успехом у читателей. Поэтому можно предположить, что несколько вызывающий языческий оттенок оды на смерть Мещерского носит экспериментальный характер в духе классической древности, который должен был подчеркнуть критическое отстранение Державина от Юнга и масонов.[34]

Этот языческий оттенок заметен также в последней строфе, в которой лирический субъект обращается к Перфильеву, другу усопшего. Заметное здесь успокоение стиля возникает за счет отказа от риторики ужаса, преобладающей в предыдущих строфах: лирический субъект наконец преодолел свой ужас смерти, причем эта новая установка основана не на вере, а на разуме. Державин следует в этом отношении Горацию, которого он процитировал в шестой строфе оборотом «бледна смерть». Гораций имел, как известно, большое значение для его творчества,[35]

---

[32] Такие сравнения принадлежат к традиционной метафорике смерти и *vanitas* (см.: *Ingen F. van.* Vanitas und Memento mori… S. 61–65; *Favre R.* La mort dans la littérature et la pensée françaises au siècle des Lumières. Lyon, 1978. P. 151).

[33] См. коммент. Грота (I: 59).

[34] О склонности раннего Державина к свободомыслию см.: *Klein J.* Державин и религия. Ода «Успокоенное неверие» // Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. Vol. 2 (2014). P. 39–51.

[35] См.: *Пинчук А. Л.* Гораций в творчестве Г. Р. Державина // Уч. зап. Томского гос. ун-та. 24 (Вопросы литературоведения). Томск, 1955. С. 21–86; *Busch W.* Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964.

может быть, больше чем Ломоносов.[36] Связывает его с Державиным также интерес к теме смерти.[37]

Гораций был любимым автором просвещенного XVIII в., в Британии не менее, чем во Франции и Германии.[38] Одна из причин его популярности заключалась в том, что он предлагал читателям не религиозную, а светскую разновидность практической мудрости в поисках жизненного счастья.[39] Так обстояло дело и в случае Державина, как мы еще увидим.

Лирический субъект Горация обращается в IV оде I книги с советом к адресату стихотворения Сестию: при всей радости жизни и в начале весны не следует забыть о собственной смертности. Смысл этого увещевания заключается не в том, чтобы испортить праздничное настроение друга, а чтобы его углубить: радость Сестия должна получить свою полную ценность только в сознании собственной смертности.[40] Оттуда у Горация и знаменитая формула *carpe diem* («пользуйся днем») — в оде XI книги I.[41] В этом заключается смысл и тех строк из державинского «Приглашения к обеду», которые приведены в начале предлагаемой статьи в качестве эпиграфа.

Подражая Горацию, лирический субъект Державина обращается к своему адресату с увещеванием: «Перфильев должен подчиниться закону природы и мириться со своей смертностью: никому не дано жить вечно». Однако лирический субъект Державина увещевает не только Перфильева, но и самого себя. Это — державинский вариант *memento mori*, который обращен против Юнга и русских масонов: Вместо того

---

[36] См.: *Klein J.* «Совсем особый путь»: Державин между Ломоносовым и Горацием // History and Literature in Eighteenth-Century Russia / Ed.: S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Hartley. London, 2013. P. 45–47.

[37] О теме смерти у Горация см., напр.: *Kytzler B.* Horaz. Eine Einführung. Stuttgart, 1996. S. 35–39.

[38] См.: Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden / Hrsg.: H. Krasser, E. A. Schmidt. Tübingen, 1996.

[39] См.: *Menant S.* Horace et les poètes français du XVIIIe siècle // Zeitgenosse Horaz... S. 220–231; Э. А. Шмидт подчеркивает у Горация «крепкую ориентацию на земной мир» (см.: *Schmidt E. A.* Horaz und die Erneuerung der deutschen Lyrik im 18. Jahrhundert // Zeitgenosse Horaz... S. 255).

[40] Интерпретацию этого стихотворения см.: *Syndikus H. P.* Die Lyrik des Horaz. Eine Interpretation der Oden. Darmstadt, 1990. Bd. 1. S. 71–79.

[41] *Гораций Квинт Флакк.* Оды, эподы, сатиры / Пер. с лат., ред., пер., вступ. статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1970. С. 57.

чтобы обесценить человеческую жизнь в духе *vanitas vanitatum*, Державин характеризует ее в горацианском духе как «Небес мгновенный дар» (одиннадцатая строфа).

Однако в отличие от Горация, речь идет у Державина не об усиленном наслаждении жизнью. Выражается у него скорее некая покорность. Руководимый сознанием собственной смертности, человек должен устроить свою жизнь как «спокойную» жизнь: «Устрой ее к себе к покою», что соответствует эпикурейскому принципу душевного спокойствия (*tranquillitas animi*).[42] Нужно, в частности, отказаться от той потребности самоутверждения, о которой шла речь в девятой и десятой строфах, где лирический субъект сетует о потерянной молодости. Теперь, в зрелые годы, остается ему только мучительное честолюбие и жажда славы: «Желанием честей размучен; / Зовет, я слышу, славы шум». Лирический субъект призывает своего адресата не только к душевному спокойствию, но также к «чистоте души», в чем заключается моралистическое осмысление *tranquillitas animi*. А что касается, наконец, неминуемых ударов судьбы, то мы с удивлением читаем в последней строке стихотворения, что следует относиться к ним не только без жалоб, но даже с благодарностью:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою,
Благословляй судеб удар.

Экскурс: Державин и окказиональная поэзия

Державин написал немало окказиональных стихотворений формального типа, среди них и несколько эпикидионов (см. примеч. 3). Однако мы уже знаем, что оду на смерть Мещерского следует интерпретиро-

[42] На тему «спокойствия» у Горация и о его критике честолюбия см.: *Lefèvre E.* Horaz, Dichter im augusteischen Rom. München, 1993. S. 203–205. Идеалу «спокойствия» посвящена у Горация прежде всего обращенная к Гросфу ода XVI книги II.

вать иначе. Ведь Державин написал это стихотворение не «на случай» смерти Мещерского, но лишь «по поводу» этого события, т. е. он реагировал на него сочинением не эпикидиона, а лирико-дидактического стихотворения о смерти и о страхе смерти. Если это «окказиональное» стихотворение, то лишь в этом нецеремониальном смысле.[43]

Несколько иначе обстоит дело со знаменитой одой Державина «Фелица» (1782). Он написал это панегирическое стихотворение в честь Екатерины II не по официальному поводу вроде дня рождения императрицы или годовщины ее восшествия на престол, как было принято. Как нам сообщает одно из его автобиографических «Примечаний», мысль об этой оде пришла ему при чтении «Сказки о царевиче Хлоре», которую императрица сочинила для своего внука Александра Павловича, будущего царя Александра I.[44] Значит, Державин написал это стихотворение по поводу именно этого чтения, в чем и состоит ее «окказиональность». Так он мог оставить в стороне конвенции формальной поэзии «на случай» в пользу произведения, которое существенно отличалось от обыкновенных стихотворений данного типа. Другими словами, в этом стихотворении ему не приходилось ориентироваться на ожидания публики и соответствующего этикета, а писать то, что пришло в голову, создавая тем самым впечатление панегирической спонтанности и искренности. Именно поэтому ода «Фелица» оказалась столь успешной — не только у высочайшего адресата, но также у широкого читателя.[45]

К неформальному поводу этого рода восходит и не менее знаменитая ода Державина «Бог» (1784). Согласно своему «Объяснению», Державин получил «первое вдохновение или мысль к написанию сей оды <...> в 1780 г., быв во дворце у всенощной в Светлое воскресенье».[46] Об оде Державина «Водопад» (1791–1794) известно, что она восходит к путешествию в Карелию, в течение которого Державин открыл для себя водопад Кивач.[47] Это относится, правда, только к первым строфам

---

[43] Об обоих типах окказиональной поэзии см.: *Segebrecht W.* Gelegenheitsgedicht // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft / Hrsg.: K. Weimar et al. Berlin; New York, 1997. Bd. 1. S. 688; *Ingen F. van.* Vanitas und Memento mori... S. 45–47.

[44] Примечания на сочинения Державина / Публ. и коммент. подгот. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып 2 (22). С. 112.

[45] Подробности см.: I: 92.

[46] См.: III: 476.

[47] Коммент. Грота см.: I: 336.

этого стихотворения, в которых описывается водопад. Был еще один повод для сочинения этого текста: смерть Потемкина. Это событие заставило Державина написать стихотворение, которое содержало не только хвалебную, но и критическую оценку Потемкина как государственного и военного деятеля.[48] Этим нарушилась главная норма всякой погребальной поэзии: *de mortuis nisi nil bonum — о мертвых либо хорошо, либо ничего*. Приведем в качестве дальнейшего — и последнего — примера еще поэтическую реакцию Державина на смерть Кутузова в 1813 г. Он написал по этому поводу не одно, а два стихотворения: «На смерть фельдмаршала князя Смоленского» и «Тление и нетление». Первое стихотворение является «правильным» эпикидионом, второе — свободной медитацией, в которой грусть об усопшем герое сочетается с размышлением на религиозные темы.[49]

Правда, не всегда удается найти соответствующую биографическую документацию у Державина. Однако сам факт, что нецеремонные и даже случайные поводы могли играть существенную роль в поэтическом творчестве Державина, заслуживает внимания. Существование таких поводов не должно, впрочем, склонить нас к «биографической интерпретации» державинской поэзии и игнорировать, таким образом, ее эстетическую автономию. Мы говорим здесь не о содержании данных текстов, не об «отражении» какой-то биографической действительности, а только об обстоятельствах их возникновения. Дело просто в том, что стихотворения Державина, среди них и самые значительные, часто восходят к определенным эпизодам его биографии. Это проливает свет не только на творческий процесс у Державина, но также на то, как следует воспринимать его поэзию.

---

[48] Подробнее см.: *Клейн И.* Чувство природы у Державина: «Водопад»...

[49] См. другие окказиональные стихотворения нецеремониального типа. Так, например, «Горелки» (1793). Державин играл в эту детскую игру в Царском Селе вместе с великими князьями — Александром и Константином Павловичами. Это побудило его к поэтической рефлексии о жизни как универсальном соревновании; соответствующее «объяснение» см.: (III, 535). Стихотворение «На ворожбу» (1798) возникло после того, как Державин наблюдал круг дам, которые предавались ворожбе за карточным столом (см.: Примечания на сочинения Державина. Часть II / Публ. подгот. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. Львов, 1975. Вып. 1 (25). С. 114). Назовем еще «Приглашение к обеду». В соответствующем «примечании» мы читаем: «Ода сия писана 1795 года в мае месяце по случаю званых на обед <...> первых вельмож» (Примечания на сочинения Державина (продолжение) / Публ. подгот. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып 1 (23). С. 92).

Стоит сравнить его в этом отношении с таким крупным представителем старшего поколения русской поэзии как А. П. Сумароков. Когда Сумароков писал, например, любовную элегию, это была демонстрация литературного мастерства. Кроме того, Сумароков хотел показать своим читателям, как следует сочинить «правильную», т. е. соответствующую литературным правилам элегию.[50] Наконец, он желал доказать, что «прекрасный наш язык» годится для такой поэтической задачи не менее, чем, например, французский.[51]

Никому из читателей Сумарокова не пришло бы в голову полюбопытствовать о каком-то биографическом поводе данного стихотворения. Однако такой же вопрос был бы вполне уместен в случае Державина. Об этом наглядно свидетельствует его склонность снабжать свои стихотворения «примечаниями» и «объяснениями», часто сводя их к определенным моментам своей биографии. Вслед за Гете можно поэтому сказать: стихотворения Державина не взяты «из воздуха», а имеют свою «почву» и свое «основание» в жизненном опыте автора.[52]

Из всего этого следует, что нужно воспринимать стихотворения Державина как художественную объективацию его жизненного опыта, как поэтическое выражение его многообразного и часто случайного контакта с окружающим миром. В отличие от Сумарокова и других представителей русского классицизма, тематическое богатство державинской лирики имеет биографические корни; стихотворения Держа-

---

[50] Ср. эпистолу «О стихотворстве» (1748) (см.: *Сумароков А. С.* Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 1. С. 336).

[51] В эпистоле «О русском языке» (1748), которую Сумароков опубликовал вместе с эпистолой «О стихотворстве», можно прочесть: «Язык наш сладок, чист и пышен, и богат» (*Сумароков А. С.* Полное собрание всех сочинений... М., 1781. Ч. 1. С. 331). Другими словами: «Прекрасный наш язык способен ко всему», — этим триумфальным утверждением завершается эпистола «О стихотворстве» (Там же. С. 345).

[52] Ср. разговор, который имел И. В. Гёте 18 сентября 1823 г. с И. П. Эккерманном об «окказиональной поэзии» (см.: *Eckermann J. P.* Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Jena, 1908, без пагинации); здесь читаем: «Мир так велик и богат и жизнь так разнообразна, что никогда не будет нехватки поводов. Однако это должны быть окказиональные стихотворения, т. е. действительность должна служить поводом и материалом [для такой поэзии]». До этого было сказано: «Настоящий момент имеет свои права; те мысли и чувства, которые ежедневно навязываются поэту, требуют поэтического выражения». Подробнее о попытке Гете реабилитировать старомодную окказиональную поэзию см.: *Segebrecht W.* Goethes Erneuerung des Gelegenheitsgedichts // Goethe Jahrbuch. Weimar, 1991. Bd. 108. S. 129–136.

вина уже предстают не образчиками определенного жанра, а выражением уникальной поэтической личности и ее жизненного опыта: «Вся поэзия Державина — это, прежде всего, воссоздание в художественном слове личности самого поэта, его неповторимой, конкретной индивидуальности».[53] Эта индивидуальность и находится в центре поэтического мира Державина. Русская поэзия оказалась с ним на пороге следующего — XIX столетия.

---

[53] См. об этом основополагающую работу: *Гуковский Г. А.* Г. Р. Державин // Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1947. С. XXXIII.

И. КЛЕЙН

ДЕРЖАВИН И ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР

14 июня 1807 г. Россия проиграла Франции сражение под Фридландом; почти четыре недели спустя, 9 июля, Александр I и Наполеон ратифицировали договор о мире. Это был конец войны Четвертой коалиции после того, как годом раньше и союзной Пруссии пришлось сложить оружие перед французами при Йене-Ауэрштедте. Когда Державин сочинил свое стихотворение о Тильзитском мире,[1] это был первый раз, когда он, после славных времен Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II, воспевал мир, который завершил проигранную войну.

Как явствует из заглавия его стихотворения, лирический субъект обращается не к царю, как это было принято в таких текстах, а к «Государыням императрицам», то есть к Елизавете Алексеевне, супруге Александра I, и к вдовствующей императрице Марии Федоровне, его матери. Кроме того, стихотворение было опубликовано не в 1807 г., а значительно позже, в 1816.[2] Тогда вышла вторая, более короткая редакция текста, которая отличалась от первой и в других отношениях,[3]

---

[1] *Державин Г. Р.* На мир 1807 года. Государыням императрицам // Державин Г. Р. Сочинения: 2-е академ. изд. / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1869. Т. 2. С. 423–427.

[2] См. коммент. Я. К. Грота: *Державин Г. Р.* Сочинения… Т. 2. С. 428.

[3] Я. К. Грот печатает вторую редакцию; что же касается первой редакции, он ограничивается приведением вариантов (см.: Там же. С. 427–428); о первой редакции см.: *Коровин В. Л.* Как старик Державин лиру передавал (о «младых певцах» и «юном царе» в «Гимне лиро-эпическом») // Новгородский державинский сборник (к 200-летию со дня смерти поэта). Великий Новгород, 2016. С. 90–92.

© И. Клейн, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-280-290

о чем еще пойдет речь. Причиной этого позднего печатания был запрет царя, которому стихотворение не понравилось.[4] Дело в том, что Державин-поэт не ограничился тем, что восхвалял Александра I как царя-примирителя, а высказал также предупреждение, которое можно было понимать как политическую критику. Мы увидим в дальнейшем, что в этом стихотворении выразился широко распространенный тогда кризис политического доверия, который проявился и при дворе. Будет также показано, что этому кризису были посвящены и пять переложений псалмов, написанные Державиным в это же время.

Разговор при дворе

Стихотворение Державина является торжественной одой. Написанное высоким стилем и отличающееся богатством образного языка, оно слагается из 16 строф, каждая из которых состоит из восьми рифмованных стихов, выдержанных четырехстопным ямбом. В первой строфе лирический субъект радуется миру, уподобляя его началу весны, и спрашивает своих царственных адресатов с радостным удивлением, неужели это они, кого следует благодарить за этот мир: «Кому ж по Боге мы священный / Вожжем благодаренья жар? / Не вам ли, божества смиренны, / За сей нам столь бесценный дар?».

Следуя конвенциям панегирической поэзии и культа царского дома, лирический субъект обращается к супруге и к матери Александра как к «смиренным божествам», которым он собирается курить фимиам. Однако при чем здесь прилагательное «смиренным»? Мы еще вернемся к этому вопросу. Во второй строфе продолжается метеорологическая метафорика и называются имена двух императриц, от которых лирический субъект узнал о мире: «По громам бисеры драгия / От радуг как в дождях блестят / Елисавета и Мария, / Так, кинув нам веселый взгляд, / Знать дали, что покой Европы / Восставил Александров меч».

В двух первых строфах стихотворения сказано, что способствовал Тильзитскому миру не только «меч» Александра, но и его супруга и мать. Можно предположить, что это относилось прежде всего к последней: вдовствующая императрица была с самого начала против войны, кото-

[4] Ср. письмо Державина от 26 августа 1815 г. А. Ф. Мерзлякову (см.: *Державин Г. Р.* Сочинения... Т. 2. С. 428).

рая велась Александром как будто в пользу не отечества, а дружественной Пруссии.[5] Однако не ясно, к кому относится в приведенной цитате личное местоимение «нам»? Кому же «кинули» Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна «веселый взгляд», и кто именно и при каких обстоятельствах узнал от них о мире? Трудно представить себе публичное высказывание этого рода со стороны царственных дам. В этом случае следовало бы ожидать и другого сказуемого вроде «провозгласить» или «объявить». Употребляемый здесь глагол «дать знать» больше соответствует ситуации обходительной беседы.

Думается, что эта беседа произошла в рамках застольного общества при дворе, в котором участвовали кроме Державина и другие гости, например его жена Дарья Алексеевна. Вспомним в этой связи, что после увольнения с поста министра юстиции в 1803 г. Державин нередко бывал в гостях у царской семьи,[6] в жизни которой он участвовал окказиональными стихотворениями; ср., например, его оду 1806 г. «На рождение великой княжны Елисаветы Александровны», то есть второй дочери императора.[7] Мы также можем предположить, что вдовствующая императрица, которая была главой царской семьи,[8] играла руководящую роль в таких беседах. Она очень интересовалась политикой и не стеснялась высказывать свои критические мнения;[9] ее невестка Елизавета Алексеевна, супруга Александра, была в этом отношении скромнее.

---

[5] См.: *Almedingen M. E.* The Emperor Alexander I. New York, 1964. P. 97.

[6] См.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 560–562.

[7] См.: *Державин Г. Р.* Сочинения... Т. 2. С. 384–386.

[8] Павел I издал в свое время указ, согласно которому после его смерти императрица Мария Федоровна всегда будет иметь преимущество перед Елизаветой Алексеевной, супругой его сына Александра (см.: *Almedingen M. E.* The Emperor Alexander... P. 52). О доминирующей позиции вдовствующей императрицы при дворе ср. дипломатическое сообщение французского посланника А.-Ж.-М.-Р. Савари (см.: *Vandal A.* La cour de Russie en 1807–1808 // Revue d'histoire diplomatique. 1890. № 4. P. 399–419). О ее литературных вечерах, в которых по всей вероятности участвовал и Державин, см.: *Георгиевский Г. П.* Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского архива // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1914. Т. 91. № 2. С. 18–31.

[9] См.: *Almedingen M. E.* The Emperor Alexander I... P. 79, 83, 96, 101, 105; *Palmer A.* Alexander I: Tsar of War and Peace. London, 1974. P. 64, 116, 138, 148, 151, 157.

Иллюзии

Лирический субъект просит в третьей строфе свою Музу посвятить в дальнейшем свое пение двум темам: сначала должна идти речь о «днях бурливых» (в строфах 4–9), то есть об опасностях войны, а потом о более приятных вещах — о «лаврах и оливах», то есть о русской твердости и о мире (строфы 10–16). В первой части Россия изображена сначала как корабль, который борется со страшной бурей в открытом море (строфа 4), потом как львица, окруженная лесным пожаром (строфа 5). В седьмой строфе Наполеон уподобляется огромной волне, которая неудержимо растет и грозит пожрать Россию. В шестой строфе Россия окружена уже не пожаром, как в пятой, а врагами. Кроме «Галлов» это — «Персы» и «Туркоманы», ведь Россия в 1807 г. воевала не только с Францией, но с 1804 г. вела войну также с Персидской империей, а с 1806 г. — с Османской. В седьмой строфе упоминается Наполеон как «победитель сей кичливый», что намекает на русские поражения 1805 г. под Аустерлицом и 1807 г. под Фридландом.

Вторая часть стихотворения начинается в восьмой строфе: Наполеон «унизил дух Рима и Германии», что относится к коронации Наполеона королем Италии в 1805 г. и к заключенному под его давлением «Рейнскому союзу» отдельных немецких земель по левому берегу Рейна. В дальнейшем говорится о Наполеоне, что он испробовал свои силы и против России, что он «ударил в русскую грудь» (строфа 8). Однако в девятой строфе мы узнаем, что эта «грудь» оказалась «непоколебимой», так что враг понял, что имеет дело со «скалой железной» (строфа 10). Возникает впечатление, как будто Фридландское сражение не было выиграно французами, а исход остался неясным. Это продолжается в десятой строфе: «кичливый победитель» седьмой строфы «познал» теперь «своих тлен сил» и предложил Александру «мирную, зеленую» веть «дружбы». В первой редакции Наполеон называется еще презрительно «Бонапартом», как будто он не император, а простой генерал, который «испросил» «зеленую ветвь» не только «мира», но и «милосердья»:[10] Читатель должен понимать, что проиграл войну не Александр, а Наполеон.

Игнорирование неприятных фактов проявляется также в известном нам уже обороте «Александров меч», который якобы способствовал

[10] *Державин Г. Р.* Сочинения… Т. 2. С. 427.

миру (строфа 2). Царь предстает и здесь непобежденным противником Наполеона: «Вопреки горькой истине Державин изображал французского императора не победителем, заключившим выгодный и почетный мир, а смиренным противником, вынужденным идти на уступки <...>».[11] В пользу этой иллюзии можно было привести как аргумент, что после Фридландского сражения предложение о мире действительно было сделано не Александром, а Наполеоном; русская сторона предложила только перемирие.[12] Кроме того, Наполеон обратился к Александру не как к побежденному врагу, а как к будущему союзнику — побежденная Россия не утратила никакой территории и не была принуждена заплатить огромную компенсацию, как несчастная Пруссия. Ее король Фридрих Вильгельм III присутствовал в Тильзите, но сыграл только второстепенную роль.

С другой стороны, участники переговоров с российской стороны не могли не знать, что Россия находилась после Фридландской битвы в трудном положении.[13] Это поражение, правда, не было катастрофическим, как под Аустерлицем. Однако не было никакой возможности в короткий срок возместить огромные потери русской армии. Продолжая войну, Россия могла рассчитывать только на себя: вооруженные силы прусского союзника были уничтожены, и нечего было надеяться на Великобританию, также союзную; ее помощь могла быть только финансовой. Ничто теперь не мешало Наполеону вторгнуться в западные территории русской империи. Нужно было считаться также и с тем, что в этих областях, которые принадлежали к России только после Третьего польского раздела 1795 г., вспыхнули бы восстания под французским покровительством.

Вопреки мотивам смертельной угрозы, которые доминируют в первой части стихотворения, Державин создает во второй части впечатление, как будто Александр I принял предложение Наполеона о мире

---

[11] *Альтшуллер М.* «Беседа любителей русского слова». У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 12, 65.

[12] См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: 2-е изд. СПб., 1904. Т. 2. С. 171–172; *Lieven D.* Russia against Napoleon. The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009. P. 46–47.

[13] См. здесь и в следующих изданиях: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 176, 178; *Троицкий Н. А.* Александр и Наполеон. М., 1994. С. 146; *Hartley J. M.* Alexander I. London; New York, 1994. P. 75–76; *Rey M.-P.* Alexandre Ier. [Paris], 2009. P. 232; *Lieven D.* Russia against Napoleon... P. 46.

не как побежденный враг, а из любви к человечеству, что позволило поэту воспеть его как миролюбивого правителя. В последней строфе царь предстает будущим благодетелем не только России, но и всего континента: «Падет Европа на колени / Пред тем, кто прекратит борьбу / И ток прольет в ней дней блаженных». Речь идет здесь о роли европейского арбитра, которую Александр действительно смог играть после победы 1812 г; однако после Фридландского сражения и Тильзитского мира это звучало как абсурдная фантазия.

Политическая критика

Искажение фактов является у Державина не только панегирической рутиной, типичной для придворной литературы, а имеет также композиционную цель: оно должно подготовить русскую публику к двенадцатой строфе, где лирический субъект просит своих царственных адресатов предупредить царя о Наполеоне: «Враг примиренный, снесший рану / Не может быть надежный друг». Это сводилось к упреку в политическом легковерии. Упрек был, правда, сформулирован в духе той скромности, на которую намекает в первой строфе оборот о «божествах смиренных», которым Россия как будто обязана миром: при всей политической инициативе оба «божества» остаются такими же лояльными подданными, как и сам автор.

Державин кое-что пропустил во второй редакции стихотворения;[14] однако почему он не пропустил и этого предупреждения о дружбе На-

[14] Речь идет, прежде всего, о двух последних строфах стихотворения, в которых Державин выступает как автобиографический субъект — как постаревший поэт, который грустно вспоминает времена военной славы при Екатерине II и Павле I. Он теперь уже не хочет воспевать Александра I «бранною трубою», то есть писать о его военных успехах в духе Пиндара. Уступая такие восхваления поэтам молодого поколения, Державин желает отныне посвящать свою поэзию миролюбивым склонностям Александра, подражая приятному стилю Катулла. Отвечая на вопрос, почему Державин пропустил это место во второй редакции своего стихотворения, следует учесть, что она увидела свет в 1816 г., то есть после того, как вышел державинский «Гимн лиро-эпический» 1812 г. на победу над Наполеоном. Дело просто в том, что Державин предпочел использовать автобиографический мотив пожилого поэта, который уступает место молодым поэтам, в последней строфе именно этого стихотворения, которое он, вероятно, считал более значительным, чем стихотворение о Тильзитском мире; см. в этой связи первую сноску в: *Коровин В. Л.* Г. Р. Державин и Отечественная война 1812 года:

полеона? Ведь оно уже давно утратило свою актуальность после победы 1812 г. Этот вопрос напрашивается тем более, что Державин затронул своим предупреждением больное место, поскольку Тильзитский договор был договором не только о «мире», но и о «дружбе».[15] Имелась в виду дружба со страной, которой Россия только что проиграла войну и понесла огромные потери. Такая дружба была мыслима только в историческую эпоху кабинетных войн — эпоха, когда война рассматривалась властями как своего рода шахматная игра. Эта эпоха, по-видимому, еще не кончилась в 1807 г. ни для Александра, ни для Наполеона; после народной войны 1812 г. такое стало уже невозможным.

Пусть такая «дружба» принадлежала к стандартному словарю соответствующих договоров — в России смотрели на это дело иначе. Тильзитский договор вызвал здесь всеобщее возмущение.[16] Во время переговоров Александр и Наполеон не жалели энергии для демонстрации дружественных чувств: происходили совместные прогулки верхом, обмен подарками, объятия и взаимное жалование орденов.[17] Это должно было коробить русскую публику, что относится также к отдельным статьям договора. Одно секретное условие предусматривало военный союз не только оборонительного, но и наступательного порядка.[18] Кроме того, Россия обязалась участвовать в наполеоновской континентальной блокаде; таким образом, она вовлеклась в экономическую войну Франции с Великобританией, лишаясь при этом доступа к самому большому рынку для своего экспорта. Этот пункт договора особенно огорчил сельское дворянство — производителей хлеба, а также купцов, про-

---

Опыт истолкования «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 12. № 6. С. 42, 49.

[15] «Il y aura, à compter du jour de l'échange des ratifications du présent traité, paix et amitié parfaite entre S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, et S. M. l'Empereur de toutes les Russies» (см.: URL: https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/traite-de-tilsit-avec-la-russie-7-juillet-1807/ (дата обращения: 24.01.2021)).

[16] См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 207–212; *Almedingen M. E.* The Emperor Alexander I... P. 103; *Palmer A.* Alexander I... P. 147–151; *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон... С. 155–158; *Lieven D.* Russia against Napoleon... P. 60–65; о «реакции России на Тильзитский союз» см. также: *Безотосный В. М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 227–233.

[17] См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 186, 200–202; *Palmer A.* Alexander I... P. 137, 144.

[18] См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 195–196.

дававших дерево, лен, пеньку и смолу, востребованные британским кораблестроением; один автор говорит о «ноже в сердце русской экономики».[19]

К критикам официальной политики принадлежал и Карамзин, хороший приятель Державина и издатель его стихотворений. В «Записке о древней и новой России» 1811 г. он клеймит Тильзитский договор, осуждает экономические последствия блокады, а также сомневается в наполеоновской дружбе: «Пожертвовав союзу Наполеона нравственным достоинством великой империи, можем ли надеяться на искренность его дружбы?».[20]

После Тильзита Россия стала неравным союзником наполеоновской Франции. Ненависть к Наполеону и всему французскому распространилась в народе не менее, чем в дворянстве. Ходили слухи о новом дворцовом перевороте вроде того, в котором Павел I был убит 12 марта 1801 г. Общее отвращение от Тильзитского договора было тем сильнее, что Александр I заставил Святейший синод в 1806 г., перед Фридландской битвой, опубликовать памфлет, в котором Наполеон был разоблачен как смертельный враг православия, как друг евреев и как антихрист.[21] После Тильзитских переговоров публичное чтение этого текста было запрещено.[22]

Антинаполеоновское настроение было заметно также при дворе и даже в царской семье, прежде всего у вдовствующей императрицы.[23] Если царственные дамы действительно «кинули к нам веселый взгляд», когда «дали знать» о мире, они еще не знали подробностей мирного договора. Державин написал свое стихотворение и поднес его Марии Федоровне еще до возвращения Александра из Тильзита 4 июля 1807 г.[24]

---

[19] *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон... С. 153.

[20] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 54.

[21] См. текст в: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 354–357; *Rey M.-P.* Alexandre Ier... P. 230, подчеркивает антисемитизм этого текста. См. также: *Ларкович Д. В.* Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г. Р. Державина // «И вечной памятью двенадцатого года...»: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отеч. войны 1812 г., Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г. / Под общ. ред. Е. Е. Приказчиковой. Екатеринбург, 2013. С. 43–54.

[22] См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 207.

[23] См.: Там же. С. 211; *Palmer A.* Alexander I... P. 148–149.

[24] См. его письмо Мерзлякову: *Державин Г. Р.* Сочинения... Т. 2. С. 428.

(переговоры имели место с 13 по 25 июня). Борьба против этого договора была главной целью той придворной партии, во главе которой стояла вдовствующая императрица.[25] Державин мог надеяться, что именно она согласится с его предупреждением о «дружбе» с Наполеоном;[26] то же самое относится к Карамзину, автору «Записки», который с конца 1809 г. также был близок к царской семье.[27]

Когда Державин опубликовал свое стихотворение в 1816 г., после великой победы 1812 г., предупреждение о дружбе с Наполеоном уже давно утратило свою актуальность. Однако Державин мог сейчас быть уверенным, что, в отличие от Александра I, он тогда, в 1807 г., был прав. В письме Мерзлякову 1815 г., куда он вложил и копию своего стихотворения, Державин говорит о смешанных чувствах, которые он испытывал при сочинении своего стихотворения, но и гордится тем, что мрачные чувства тогда не обманули его. Перед нами пример державинской неуступчивости, хорошо известной читателям его «Записок».[28]

Переложения псалмов

Во второй половине 1807 г., после оды на Тильзитский мир, Державин написал целый ряд религиозных стихотворений — пять переложений разных псалмов.[29] Общей темой этих стихотворений была безус-

---

[25] См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый... С. 211; *Raeff M.* Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. Den Haag, 1957. P. 178–179; *Безотосный В. М.* Россия в наполеоновских войнах... С. 228. Дальнейшей целью этой придворной партии было свержение М. М. Сперанского. Против него полемизировал в своих автобиографических «Записках» и Державин (см.: *Державин Г. Р.* Записки Державина. Cambridge, 1973. С. 801, 807 (репринт издания 1871 г.)).

[26] В следующем году Державин посвятил вдовствующей императрице объемный панегирик «Обитель Добрады» (1808). Она фигурирует здесь как добрая чародейка русских сказок; ее «обитель» — это ее замок в Павловском парке, прелесть которого обстоятельно описывается.

[27] См.: *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Т. 2. С. 58.

[28] См. об этом: *Raeff M.* Introduction: Gavrila Derzhavin and his Zapiski // Державин Г. Р. Записки... P. 1–8. Автор подчеркивает «эго» Державина, его «безграничную уверенность в самом себе», его «удивительно наивное чувство, что его личный прогресс и успех совпадают с принципами правосудия и национального благополучия» (Ibid. P. 3).

[29] 1. «Надежда на Бога» (Пс. 45), 2. «Сетование» (Пс. 101), 3. «Проповедь» (Пс. 91), 4. «Благодарность» (Пс. 137), 5. «Умиление» (Пс. 70) (см.: *Державин Г. Р.* Сочинения...

ловная уверенность в Божием промысле. Это содержание развивается в них не менее абстрактно, чем в соответствующих псалмах. Тексты могли бы быть написанными в любое время, а не только в 1807 г., не теряя при этом своей благочестивой убедительности. Однако своеобразие Державина-поэта заключается не в последнюю очередь в том, что он в своем творчестве вдохновлялся не только такими официальными поводами, как, например, годовщина восшествия императрицы на всероссийский престол. Он своими стихотворениями часто реагирует и на определенные ситуации или события своей собственной, личной жизни.

В отличие от сочинений Ломоносова и Сумарокова, многие из его стихов имеют автобиографический субстрат, о котором он нам часто сообщает в своих автокомментариях: речь идет не о церемониальной, а о личной разновидности окказиональной поэзии. То же самое относится к названным переложениям псалмов, а в особенности к переложению 101 псалма — «Сетование».[30] Можно интерпретировать это стихотворение, как и другие переложения псалмов Державина данного времени, как поэтическую реакцию на Тильзитский договор, — как его попытку справиться с этим историческим событием и его печальными последствиями не только в поэтическом, но и в психологическом плане,[31] обретая утешение благодаря уверенности в Божием промысле.

Стихотворение написано архаически-библейским стилем и состоит из восьми строф, которые слагаются из шести рифмованных стихов, выдержанных трехстопным ямбом. Текст имеет форму молитвы; пер-

---

Т. 2. С. 430–431, 432–433, 433–435, 435–436, 436–437). О псалмическом творчестве Державина см.: *Venditti M.* Il poeta e l'ineffabile. Gavrila Romanovič Deržavin. Le odi spirituali. Napoli, 2010.

[30] См. комментарий Грота: *Державин Г. Р.* Сочинения... Т. 2. С. 433.

[31] Так же обстоит дело с «Величеством Божиим», более ранним переложением 103 псалма (*Державин Г. Р.* Сочинения... Т. 1. С. 166–169). Державин написал это стихотворение в 1789 г., когда он должен был пребывать в Москве после увольнения с поста тамбовского губернатора. Ему тогда пришлось ждать решения суда о тех обвинениях, которые были выдвинуты против него врагами. Отличие этого стихотворения от «Сетования» заключается в том, что Державин волновался тогда не о судьбе отечества, а о собственной судьбе. Ср. в этой связи и оду «На счастие», написанную в том же году; подробнее см.: *Клейн И.* Державин и Фортуна // Клейн И. При Екатерине: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2021. С. 169–182.

вая строфа гласит: «Услышь, Творец, моленье / И вопль моей души; / Сердечно сокрушенье / Вздыхания внуши, / И слез моих от тока / Не отврати лица». В чем именно заключается горе лирического субъекта? Это не говорится. Однако можно и должно было соотносить это горе с актуальной действительностью. Именно так прочел этот текст Александр I, который проецировал его на современное состояние своей империи, восклицая в укор Державину: «Россия не бедствует».[32]

С этой точки зрения седьмая строфа данного стихотворения заслуживает особенного внимания. Лирический субъект жалуется о том, «Что Ты, Создатель неба / На высоту вознес / И вниз меня низвергнул, — / Увял, поблек мой свет». С точки зрения нашей интерпретации выступает здесь как лирический субъект уже не библейский царь Давид, а олицетворенная Россия: она попала в бедственное положение после военных триумфов XVIII в.

Таким же образом можно прочесть и шестую строфу данного стихотворения — как жалобу аллегорической России о потере своего международного престижа: «Друзья здесь уклонялись, / Враги меня теснят, / И те, что мной хвалились, / Клянут меня, бранят / За то, что пища — пепел, / А слезы мне питье». Стихотворение завершается мольбой к Богу: «Воззри же на смиренну / Молитву Ты мою, / И жертву воскуренну / Не уничтожь сию, / Да в роды возвестится / Твое спасенье мне».

Можно добавить, что это стихотворение было опубликовано в следующем 1808 г. отдельным оттиском вместе с переложением 45 псалма «Надежда на Бога». Державин посвятил этот оттиск Марии Федоровне.[33] По-видимому, именно она повелела Сигизмунду Нейкому положить эти стихотворения на музыку[34] (в 1806–1808 г. Нейком состоял дирижером в Петербургской немецкой опере[35]). Державин подтверждает этим посвящением свое согласие с политической позицией вдовствующей императрицы. В свою очередь, эти два стихотворения образуют небольшой цикл на темы «жалоба и утешение», причем в 1808 г. следовало понимать «утешение» не в политическом, а в религиозном смысле. И в этом скрывался элемент политической критики: предметом утешительной надежды является здесь не политика царя, а Божье провидение.

---

[32] См.: *Державин Г. Р.* Записки... С. 828.

[33] См. комментарий Грота: *Державин Г. Р.* Сочинения... Т. 2. С. 431–432.

[34] Там же. С. 433.

[35] См.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб., 1897. Т. 20[a] [40]: Наказной атаман — Неясыти. С. 844.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Н. И. НОВИКОВ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. КАРАМЗИНА

По свидетельству И. И. Дмитриева, в кружке Новикова «началось образование Карамзина, не только авторское, но и нравственное. В доме Новикова он имел случай обращаться в кругу людей степенных, соединенных дружбою и просвещением <...>».[1] В августе 1786 г. Карамзин писал швейцарскому философу И. К. Лафатеру: «... живу в Москве в кругу моих истинных друзей и руководителей».[2] Он просил адресовать ему письма в «дом господина Новикова». В 1787–1789 гг. начинающий писатель принял деятельное участие в журнале Новикова «Детское чтение для сердца и разума», где были опубликованы не только его многочисленные прозаические и стихотворные переводы (произведения С.-Ф. Жанлис, Дж. Томсона, Ш. Бонне, Х. Ф. Вейсе), но и ориги-

---

[1] *Дмитриев И. И.* Сочинения / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 25.

[2] Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 / Подгот. текста Ю. М. Лотмана // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 469. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

Об отношении Карамзина к Лафатеру см.: *Lehmann-Carli G.* Nikolaj Michajlovič Karamzin als «Bruder Ramsay» im Kreise der Moskauer Freimaurer und Aufklärer und seine Affinität zu Johann Caspar Lavater // Antropologische Konzepte in der russischen Kultur und Literatur (18.–19. Jh.) = Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.) / Hrsg.: A. Фаустов, G. Lehmann-Carli. Halle (Saale), 2008. S. 11–52.

© Н. Д. Кочеткова, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-291-307

нальные сочинения, включая повесть «Евгений и Юлия».[3] Новиков, очевидно, ценил молодого и деятельного литератора, чьи публикации нередко занимали целые выпуски журнала. Карамзин, со своей стороны, очень уважительно отозвался о Новикове в письме к Лафатеру от 20 апреля 1787 г., сообщая ему о современной русской литературе: «Четырнадцать лет тому назад господин Новиков прославился своими остроумными сочинениями, но теперь он ничего больше не хочет писать; может быть, потому, что он нашел другой и более верный способ быть полезным своему отечеству» (469). Через десять лет, в 1797 г., в «Письме о русской литературе», написанном для гамбургского журнала «Северный Зритель» («Spectateur du Nord»), Карамзин повторил эту мысль применительно к собственной литературной деятельности: «Я хочу быть полезным моей родине; я хочу быть достойным уважения публики» (456). Если Новиков вышел в отставку в 26 лет в чине поручика, то Карамзин, едва вступив в военную службу, оставил ее уже «на восемнадцатом году» (также в чине поручика),[4] причем против воли родных, «мечтая заниматься только книгами» (465). Ранний выход в отставку, возможный после указа Петра III, не поощрялся при Екатерине II, и поступок Новикова впоследствии послужил одним из отягчающих обстоятельств во время обвинительного процесса против него.

Карамзин исподволь основательно готовился к своему европейскому путешествию, много читал о странах и достопримечательностях, которые собирался увидеть. Но его интересы и планы уже *до отъезда* стали расходиться с задачами, которые представлялись первоочередными для многих его друзей по масонскому кружку. Об этом можно судить по позднейшему свидетельству И. В. Лопухина в его письме к А. М. Кутузову от 3 (17) февраля 1791 г. о том, что Карамзина «никто более не отвращал от пустого и его убыточного вояжу, как Новиков,

---

[3] См.: *Привалова Е. П.* О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. С. 261–265. Как отметил В. И. Симанков, Карамзин оказался единственным сотрудником этого журнала, выступившим и с оригинальными сочинениями (см.: *Симанков В. И.* Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 331). О переводах Карамзина в «Детском чтении» см.: *Кафанова О. Б.* Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб., 2020.

[4] О значении этого примера Новикова для Карамзина см. также: *Клейн И.* Между Аполлоном и Фортуной: Карамзин-писатель в социологической перспективе // Клейн И. При Екатерине: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2021. С. 23.

да и те из его знакомых, кои слывут мартинистами».[5] Однако взаимное уважение и дружеская приязнь между Новиковым и Карамзиным не были нарушены, когда писатель отправился в свое путешествие по Европе. Об этом можно судить, сопоставляя и анализируя следующие факты.

Во время своего пребывания в Англии Карамзин в Лондоне встретился с Семеном Романовичем Воронцовым, русским полномочным министром. В «Письмах русского путешественника» автор писал:

> ...всего чаще обедаю у нашего посла, г. С. Р. В., человека умного, достойного, приветливого <...> Всегда нахожу у него человек пять или шесть, по большей части иностранных министров. Обхождение графа приятно и ласково без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо русскую историю, литературу, и читал мне наизусть лучшие места из од Ломоносова. Такой посол не уронит своего Двора; за то Питт и Гренвиль очень уважают его (337).

Путешественник далее сообщает: «На лето нанимает он прекрасный сельский дом в Ричмонде (верстах в 10 от Лондона), где я также у него был и ночевал» (338). Комментируя этот отрывок, Ю. М. Лотман справедливо отмечал, что для такого приема в доме посла, молодой, неизвестный еще как писатель и человек не чиновный, Карамзин должен был иметь какие-то рекомендательные письма, существенные для Воронцова. Как предполагал исследователь, такие письма могли дать писателю или В. Н. Зиновьев, или А. Р. Воронцов (670). Но с дипломатом Зиновьевым Карамзин лишь один раз полчаса говорил во время встречи на почтовой станции. О контактах Карамзина с А. Р. Воронцовым нет достаточных сведений. Между тем, именно Новиков мог дать такое рекомендательное письмо С. Р. Воронцову, который в 1770–1780-е гг. был деятельным членом ряда масонских лож. Более того, известно, что в 1776 г. и Воронцов, и Новиков были членами одной и той же петербургской Великой английской ложи. В сентябре 1776 г. они оба были намечены для вхождения в Великую Провинциальную ложу.[6] Несмотря на сословную дистанцию (один — граф, генерал-майор, другой — отставной поручик), их, сверстников, многое сближало: интерес к литературе,

---

[5] *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 89.

[6] См.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 959–960.

искреннее стремление содействовать благу своей страны, склонность к филантропии, критическое отношение к царившим при дворе нравам. Масоны декларировали всеобщее братство: «Оставь твои достоинства и знаки любочестия за дверями; и входи к нам с сопутницами токмо твоими добродетелями. Какое бы твое светское звание ни было, уступи в ложах наших добродетельнейшему и просвещеннейшему».[7] Хотя на деле эти требования не часто выполнялись, но, судя по тому приему, который граф Воронцов оказал не знатному и не богатому молодому человеку, ему было чуждо чувство сословного превосходства. Будучи послом, он проявлял постоянную заботу о своих рядовых сотрудниках, о русских студентах, учившихся в Англии, славился своими «добрыми деяниями».[8] К сожалению, о содержании своих бесед с ним Карамзин ничего не сообщил, в отличие от подробного пересказа разговоров с другими известными людьми. Можно, однако, догадываться, что в этих беседах речь шла и о литературе, общественных событиях, политике[9] и, не в последнюю очередь, о масонстве и Новикове, которого хорошо знали оба собеседника. Именно в доме Воронцова по просьбе его восьмилетнего сына (впоследствии известного Михаила Семеновича Воронцова) было написано стихотворение Карамзина «Мишеньке», сопровожденное пометой «1 июня 1790 г. Лондон» и напечатанное в «Московском журнале».[10] Говоря о темах своего творчества, Карамзин писал:

---

[7] *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II / Изд. 2-е, исправ. и расшир. Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999. С. 253.

[8] См.: *Кросс Э. Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб., 1996. С. 42.

[9] Считая Карамзина автором статьи о Петре III, опубликованной в 1797 г. в гамбургском журнале «Spectateur du Nord», Ю. М. Лотман отмечает близость высказанных здесь идей с политической позицией Воронцова (см.: *Лотман Ю. М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг.: (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. С. 124–131). Хотя о дальнейших контактах Воронцова с писателем после его возвращения из путешествия сведений нет, но в собрании русских книг Воронцова из всех журналов конца XVIII столетия был представлен именно «Московский журнал» Карамзина (см.: *Cross A. G.* Count Semen Vorontzov's Library of Russian Books in London // Solanus: International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies. New Series. 1989. Vol. 3. P. 21).

[10] Московский журнал. 1791. Ч. 2. Кн. 1. Апрель. С. 8–11.

Я пел хвалу Никандру,
Когда он беззащитным
Был верною защитой
И добрыми делами
Ни мало не хвалился.[11]

Предположение В. В. Сиповского,[12] повторенное затем Ю. М. Лотманом, о том, что здесь имелся в виду Новиков, вполне основательно. Стихотворение с похвалой Никандру не было напечатано: вероятно, этот текст был утрачен вместе со всеми бумагами Новикова после его ареста. Гипотеза В. В. Сиповского подкрепляется сведениями о совместной с Воронцовым масонской деятельности Новикова в 1770-е гг. В 1777 г., когда они оба стали членами Великой Провинциальной ложи, Новиков начал издание своего журнала «Утренний свет», на доходы от которого были открыты училища для бедных детей и сирот. Этими, как и другими добрыми делами, Новиков (Никандр) действительно не хвалился, но стремился привлечь к ним других людей. Учитывая все эти обстоятельства, можно считать вполне правдоподобной версию, согласно которой именно Новиков дал Карамзину рекомендательное письмо к Воронцову.

Скорее всего, он же или кто-то из его ближайших сподвижников что-то передал Путешественнику для А. М. Кутузова, находившемуся тогда в Берлине по масонским делам. В письме от 20 сентября 1789 г. А. А. Петров, который все лето прожил в деревне у Новикова, писал Карамзину: «Я весьма любопытен знать, виделся ли ты с А. М.», т. е. Кутузовым (509). Вопрос об этой встрече до сих пор вызывает разные предположения. Гипотеза Ю. М. Лотмана о том, что Карамзин все же встретился с Кутузовым в Париже, совершив туда поездку, не упомянутую в «Письмах русского путешественника», была опровергнута С. Геллерман по найденным ею архивным документам.[13] По мнению

---

[11] *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 81. В комментарии к этому стихотворению ошибочно указано, что оно напечатано в тексте «Писем русского путешественника».

[12] *Карамзин Н. М.* Сочинения / Под ред. и с примеч. В. В. Сиповского. Пг., 1917. Т. 1: Стихотворения. С. 411.

[13] *Gellerman S.* Karamzine à Genève: Notes sur quelques documents d'archives concernant les *Letters d'un Voyageur russe* // Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. Bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt am Main, 1991. S. 73–90.

Ю. М. Лотмана, эта якобы состоявшаяся встреча способствовала ухудшению отношений Карамзина с Кутузовым: они превратились «из пламенно дружеских в почти враждебные со стороны Кутузова и прохладные со стороны Карамзина» (540).

В «Письмах» рассказывается, как Путешественник был разочарован, узнав, что «любезный А***», с которым он надеялся встретиться в Берлине, уехал во Франкфурт на Майне: «Вообразите друга вашего, идущего в самых горестных размышлениях по Берлинским улицам, <...> Я сам себе казался жалким сиротою, бедным, нещастным, и единственно оттого, что А*** не хотел меня дождаться в Берлине!» (34). В первоначальных редакциях «Писем» Карамзин писал об этом эпизоде еще подробнее: «Надобно было ему уехать тогда, когда я приехал! И так я мечтал, воображая, как с ним увижусь и что скажу ему! Больно так обманываться!» (405). В этих словах звучит не только разочарование, но и явная обида. 19 июля в Лейпциге Путешественник, все еще надеявшийся на встречу с другом во Франкфурте, получает от него два письма, из которых узнает, что он едет в Париж «на несколько недель». По поводу просьбы Кутузова дождаться его в Мангейме или Страсбурге Карамзин пишет: «...но мне никак нельзя исполнить его желания» (69). Фраза остается не проясненной: ни о каких причинах не сообщается.

Между тем из Франкфурта Путешественник на один день совершает еще одну поездку — в Дармштадт, объясняя это своим желанием увидеть там придворного проповедника Иоганна Августа Штарка (1741–1816), но узнает, что тот серьезно заболел и уехал лечиться «к водам». Это очень важный эпизод в «Письмах», почти не комментировавшийся. Лишь Г. Панофски сообщает подробные сведения о Штарке. Отзывы о нем довольно противоречивы. Профессор восточных языков и теологии, получивший образование в Геттингене, он отличался широкими познаниями и художественным вкусом; с молодых лет увлекся масонством, особенно его мистической стороной. В 1760-е гг., приехав в Петербург, Штарк преподавал в лютеранской Петершуле. Скоро его стали подозревать в симпатиях к католицизму и даже в тайных связях с иезуитами.[14] В 1780-е гг. в Берлине началась бурная кампания по его разоб-

[14] *Panofsky G.* Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010. S. 51–55. Об И. А. Штарке см. также: *Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. По указателю. Исследователь критически оценивал

лачению, он обвинял своих противников в клевете, но безрезультатно. Говоря о поездке Карамзина в Дармштадт, И. Клейн характеризовал этот поступок как «мужественный акт солидарности с несчастным человеком».[15] Однако все это имело и самое непосредственное отношение к Новикову и его сподвижникам. О гонениях на Штарка было хорошо известно в России. К нападавшим на него присоединился некий автор брошюры «Письмо господина Штарковского к своему другу и родственнику господину Штарку в Дармштадте. Москва, 6 августа 1789» («Lettre de mr Starkovsky *.*..*.. à son ami et parent mr Starck à Darmstadt. D. m. d. M. Moscou, 1789»). Не без основания авторство этой брошюры приписывается Екатерине II.[16] Именно по ее повелению были изъяты из продажи книги Штарка в русских переводах. Его книга «Апология масонов» («Apologie der Freimaurerer», Berlin, 1778), была переведена на французский, шведский и датский языки, как указывает Г. Панофски. Исследовательнице, очевидно, остался неизвестным русский перевод: «Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков», осуществленный И. П. Тургеневым, вышедший в 1784 г. в двух разных типографиях, подвергнутый запрещению и изъятый из лавок Новикова в 1786 г. Та же судьба постигла и русский перевод другой книги Штарка — «О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов» («Ueber die alten und neuen Mysterien» (Berlin, 1785). Переводчиком был А. А. Петров, «совоспитанник» и друг Карамзина. Поэтому русский путешественник и принял такое участие в судьбе Штарка, непосредственно связанной с судьбами его самых близких друзей. Писатель, отошедший от масонской деятельности и отказавшийся публиковать мистические сочинения, неизменно сохранял свою привязанность к друзьям, беспокоился о них, понимая уже нависавшую над ними опасность. Он решительно осудил нападки на Штарка после разговора с одним из его берлинских гонителей: «Признаться, сердце мое не может одобрить тона, в котором господа Берлинцы пишут. Где искать терпимости,

---

деятельность Штарка, особенно его увлечение магией, но, говоря о Карамзине, признавал, что «все его сочувствие принадлежит Штарку» (С. 291).

[15] *Клейн И.* «Письма русского путешественника» как документальный источник: [Рец. на названную выше книгу г. Панофски] // Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105). С. 336,

[16] Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1985. Т. 2: H–R. С. 147. № 1725.

если самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?» (38). Ситуация со Штарком — вопрос, который Карамзин мог откровенно обсудить с Кутузовым, и когда стало понятно, что их встреча не состоится, путешественник специально поехал к самому Штарку, не боясь скомпрометировать себя в глазах его преследователей. Здесь его тоже ждала неудача.

Спустя две недели во время своего двухдневного пребывания в Мангейме (3–4 августа 1789) и еще более краткого в Страсбурге (6 августа), Карамзин уже имел достаточно сведений о тех волнениях, которые происходили в это время во Франции. О том, что многое умалчивается путешественником, писал Ю.М. Лотман, а затем Р. Бодэн, специально посвятивший свое монографическое исследование пребыванию Карамзина в Страсбурге.[17] Французский исследователь отмечал, что уже во Франкфурте путешественник узнал о волнениях, связанных с событиями Французской революции. В Страсбурге он стал непосредственным свидетелем этих волнений, и, по мнению Р. Бодэна, из осторожности не стал даже посещать знаменитые достопримечательности города, но описал их, пользуясь другими источниками. В то же время исследователь предположил, что в Страсбурге могла состояться встреча Карамзина с Кутузовым, которая и привела к охлаждению их отношений.[18] Однако нет фактов, подтверждающих это предположение. Необходимо обратить внимание на фразу путешественника в страсбургском письме: «Я надеялся здесь найти письмо от А*, но не нашел» (96). Нет оснований не доверять этим словам. Кутузов предполагал вернуться из Парижа «через несколько недель», а прошло лишь две недели с небольшим, и он мог надеяться, что Карамзин его дождется. Неожиданные революционные события вмешались в их планы. По-видимому, Карамзин все же сумел осмотреть что-то из страсбургских достопримечательностей, хотя это было очень беглое, поверхностное знакомство. Но он ни на один день не задержался в Страсбурге, чтобы дождаться Кутузова и отправился в Швейцарию, где пробыл несколько месяцев. Скорее всего, именно это и стало причиной их размолвки: у каждого из них были причины для обиды. Путешественник, не получивший

[17] *Baudin R.* Nikolai Karamzin à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.

[18] Ibid. P. 125–126.

в Страсбурге, никакой весточки ни от Кутузова, ни от московских друзей, с горечью заметил: «Путешествовать приятно, но расставаться с друзьями больно» (96). Нежелание Карамзина ждать возвращения друга из Парижа в Мангейме или в Страсбурге не могло не огорчить и Кутузова, который чувствовал себя на чужбине одиноким, испытывал немало затруднений материального характера, был взволнован доходившими до него тревожными известиями из России. Очевидно, он возлагал надежды на эту встречу: ведь от путешественника можно было бы больше узнать о московских друзьях и о ситуации в целом, чем из их писем, а также передать на словах то, о чем не мог написать сам. Новиков во время следствия упоминал о «наставлении» Кутузову еще при его отъезде: «Ежели хотя малейшее приметит, что связь нашу орденскую захотят употребить к политическим видам, то чтобы тотчас из Берлина выехал».[19] Новиков упоминал о том, что он и наиболее близкий ему участник кружка С. И. Гамалея «недовольны были, что Кутузов долго живет <за границей> и ожидали возвращения его».[20] Конечно, они надеялись узнать что-то о его обстоятельствах и планах, а также о близко касавшейся их ситуации со Штарком от Карамзина. Встреча не состоялась, это и положило начало взаимному недовольству.

Когда, вернувшись из путешествия, Карамзин приступил в 1791 г. к изданию «Московского журнала», он едва ли общался с Новиковым, у которого в это время очень тяжело болела жена Александра Егоровна. 12 апреля 1791 г. она скончалась. Н. Н. Трубецкой, ее дядя, писал А. М. Кутузову: «...да и сам Николай Иванович так стал слаб и болен, что доктор боится, чтоб и он не последовал скоро за его женою».[21] Вполне естественно, что Новиков, проводивший большую часть этого времени в своей деревне, не мог знакомиться с журналом Карамзина. Но представление об этом издании ему могли дать его ближайшие друзья: Трубецкой, его свойственник, и М. И. Багрянский, его подопечный, которого он «на свой кошт» отправлял учиться за границу и ко-

---

[19] См.: Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н. И. Избр. соч. / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1954. С. 620.

[20] Там же. С. 657.

[21] См.: *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов XVIII-го века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 115.

торый по возвращении в Москву жил в его доме.[22] Масоны были явно задеты тем, что Карамзин заявил об отказе печатать «мистические сочинения», что означало отход от их кружка. В это время уже велась перлюстрация писем масонов, о чем они могли догадываться, судя по той осторожности, с которой они вели переписку. В письмах Трубецкого и Багрянского к Кутузову содержались резко отрицательные отзывы о первых выпусках «Московского журнала» Карамзина, которого обвиняли в отсутствии патриотизма.[23] Можно представить, что критиков раздражало и уверенное светское обхождение, приобретенное молодым писателем, его внимание к своей внешности. Даже Н. И. Плещеева, продолжавшая писать о своей дружеской привязанности к Карамзину, жаловалась Кутузову на то, как огорчило ее письмо от их друга из Парижа от 11 мая. О содержании этого письма можно судить по соответствующему отрывку, включенному в текст парижских «Писем». Здесь описывается времяпрепровождение путешественника, светского человека, посвящающего свое утро заботам парикмахера, который осыпает его волосы пудрой, опрыскивает духами и т. д. По свидетельству Н. Н. Бантыш-Каменского, Карамзин, возвратившись из путешествия, в Петербурге явился в дом Державина «в модном фраке, с шиньоном и гребнем на голове, с лентами на башмаках».[24] Масоны все это восприняли как вызов. У них могло появиться опасение, что их бывший скромный ученик уподобляется теперь персонажу из сатирических журналов Новикова, где высмеивался побывавший за границей щеголь, презирающий все отечественное. В журнале «Трутень» (1769. Лист VI. Июня 2 дня) среди прочих объявлений было следующее: «Молодого российского поросенка, которой ездил по чужим землям для просвещения своего разума и которой, объездив с пользою, воз-

---

[22] См.: *Виноградов В. В.* Неизвестные сочинения Н. М. Карамзина // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 253–263; *Кочеткова Н. Д.* Багрянский Михаил Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 45–47.

[23] Подробнее об этом см.: *Кочеткова Н. Д.* Читательские отклики на публикации Карамзина в России XVIII века // A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven, 2014 / Ed. By E. Waegemans, H. van Koningsbrugge, M. Levitt and M. Ljustrov. Groningen, 2015. P. 11–20.

[24] *Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам, отзывам современников. М., 1866. Ч. 1. С. 168.

вратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».[25] В письме Кутузова к Трубецкому Карамзин был представлен в образе «Попугая Обезьянина» вполне в духе публикаций «Трутня» и «Живописца».[26]

Когда императрица поручила князю А. А. Прозоровскому вести расследование по делу Новикова, Г. А. Потемкин писал ей: «Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в вашу цель, потому что своей собственной не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя вашего величества».[27] Это мудрое предостережение осталось неуслышанным. 22 апреля 1792 г. Новиков был арестован. М. Н. Лонгинов писал: «О деле Новикова говорили между собой тихо, боясь быть замешанными хоть косвенно в соприкосновение с важным преступником, каким мог он казаться, судя по тому, как с ним поступали. Все ожидали с тревогой и нетерпением, чем разыграется это дело, но пугливое безмолвие или притворное равнодушие прикрывали это душевное волнение. Никто не смел поднять голоса». Тем замечательнее было выступление Карамзина, «который давно отстал уже от общества Новикова, но сохранил признательность к первым своим наставникам и покровителям».[28]

Речь идет о стихотворении Карамзина «К Милости», опубликованном в «Московском журнале» уже в мае 1792 г. Хотя по формальным признакам стихотворение не совсем соответствовало одическому жанру (строфы имели не десять, а семь строк, и последняя строка не имела рифмы), но оно было обращено к государыне, и первые строфы содержали лестные для Екатерины II похвалы, звучавшие как традиционный панегирик:

Блажен, блажен, народ живущий
В пространной области твоей!
Блажен певец, тебя поющий
В жару, в огне души своей!

---

[25] Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. статья и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 63.

[26] См.: *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов... С. 70–73.

[27] См.: Русский вестник. 1858. № 15. С. 457.

[28] *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 355.

Но далее поэт переходил к своей главной теме — призыву проявить милость, более того, речь шла об условиях, необходимых для того, чтобы государыня сохраняла доверие и любовь подданных:

Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать
И дети подданные вольны
По мыслям жизнь располагать,
<...>
Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах;
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах, —
Дотоле будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род.[29]

Прежде, чем печатать стихотворение, Карамзин заменил строки, в которых говорилось о праве, «с которым человек рожден». Но это не снимало остроты выступления в защиту осужденного Новикова и его сподвижников. А. А. Прозоровский, который следил за перепиской масонов и затем возглавил следствие по делу Новикова, был среди подписчиков «Московского журнала».[30] Поэтому очень скоро со стихотворением могла познакомиться и императрица, но, судя по дальнейшему ходу дел, предпочла принять его просто как очередной панегирик. Возможно также, что не очень далекий Прозоровский просто не понял смысла стихотворения и не придал ему значения. Между тем, Карамзин осторожно, но настойчиво продолжал развивать тему монаршей милости и в других своих публикациях, на что еще не обращалось внимание исследователей. В том же майском выпуске, почти сразу после стихотворения «К Милости», Карамзин поместил свой перевод с немецкого посредника «Сцен из Саконталы» индийского поэта Калидасы. В одной из сцен мудрый пустынник говорит императору, который гонится за антилопой: «Ваше оружие, цари и герои! должно спасать утесненных, а не губить невинных». Пристыженный владыка отвечает: «Я влагаю в колчан стрелу мою».[31]

---

[29] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 110–111.

[30] См.: Московский журнал. 1791. Ч. 1. [Список подписчиков]. С. 259.

[31] Там же. 1792. Ч. 6. Кн. 2. Май. С. 127. Анализируя этот перевод, О. Б. Кафанова отметила, что Карамзин самостоятельно отбирал сцены. См.: *Кафанова О. Б.* Образ

В следующей седьмой части журнала в августе 1792 г. была напечатана повесть Карамзина «Прекрасная Царевна и счастливый Карла». Рассказывая о доброте Царевны, автор сообщал, что в то время, когда Царь «изрекал приговор наказания», она «смотрела прямо в глаза своему родителю, подымала белую руку свою, простирала ее к судящему — и пасмурное лицо правосудия вдруг освещалось солнцем милости — виновный получал прощение».[32] Этот отрывок непосредственно соотносится со стихотворением «К Милости», что подчеркивается также фразой: «Все сироты в пространной области Царя доброго человека называли ее матерью». Частое в панегириках обращение к императрице как к Матери использовал и Карамзин в своем стихотворении:

Для чад твоих нет большей славы,
Как верность к Матери хранить.[33]

Заступничество Карамзина не помогло Новикову, который был освобожден лишь Павлом I. Его воцарение Карамзин приветствовал одой, написанной в полном соответствии с правилами жанра, но вновь включавшей тему милости, теперь уже не только желаемой, но свершенной:

Едва восшел на светлый трон,
И дверь в темницах отворилась;
Свобода с милостью явилась:
«На троне Павел; ты прощен»
<...>.[34]

Надеждам на дальнейшее гуманное правление нового государя не суждено было осуществиться. Карамзин начал испытывать серьезные затруднения из-за цензуры. В августе 1797 г. он писал И. И. Дмитриеву о нависшей над ним финансовой угрозе: около десяти лет назад он стал одним из поручителей Новикова, когда тот брал кредит из Воспитательного дома. Теперь срочно требовали погасить этот кредит,[35]

«чувствительной» и мудрой Индии в «Московском журнале» Н. М. Карамзина // Карамзин-писатель / Под. ред. Н. Д. Кочетковой, А. Ю. Веселовой, Р. Бодэна. СПб., 2018. С. 175.

[32] Московский журнал. 1792. Ч. 7. Кн. 2. Август. С. 211.

[33] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений... С. 111.

[34] Там же. С. 187.

[35] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / с примеч. и указ. Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866. С. 79.

и речь шла о возможном описании имущества поручителей, но, к счастью, обошлось без таких мер.[36]

Новиков, жил в своем имении полубольной, разоренный, печать о нем молчала. В 1801 г. при вступлении на престол Александра I Карамзин вновь возвращается к важной для него теме, по-новому используя слова и обороты из своего давнего стихотворения «К Милости». Теперь он восхваляет «Екатеринин век златой»:

Граждане мирно засыпали,
И гражданин же был герой.

Когда монаршими устами
Вещала милость к нам одна
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Нередко ею отпускалась.
И власть монаршая казалась
Нам властию любви одной.[37]

Выдавая желаемое за действительное и адресуя эти строки любимому внуку императрицы, поэт выступал как мудрый советчик юного царя, в глазах которого авторитет Екатерины II был очень велик. Вскоре в «Вестнике Европы» Карамзин публикует статью «О книжной торговле и любви ко чтению в России», где не только впервые после многолетнего молчания называет имя Новикова, но подробно говорит о его заслугах, приводит реальные факты: «Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли. Взяв на откуп университетскую типографию, он умножил механические способы книгопечатания, отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески старался приохотить русскую публику ко чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного».[38] Карамзин заговорил в печати о заслугах Новикова в то время, как ближайшие его соратники и друзья, хотя и в разной степени, но пострадавшие от преследований, долго еще хранили молчание, во многом, конечно, объяснимое. И. В. Лопухин даже

---

[36] См.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 156, 170.

[37] Там же. С. 261.

[38] *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 177. О значении этой статьи Карамзина см.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. С. 107–108; *Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985. P. 122–134.

в своих не публиковавшихся при жизни «Записках» пытался объяснить и оправдать действия императрицы. Он писал:

> Я слышал от самого князя Прозоровского, что государыня несколько раз говорила ему: «для чего не арестует он Новикова?» — «Тотчас — если только приказать изволите», — отвечал всегда князь. — «*Нет, надобно прежде найти причину*», — всегда же отзывалась самодержица, предубежденная гневом. Кто ж был Новиков? Содержатель типографии, поручик отставной, которого она считала совершенным злодеем. Такая деликатность заметна была бы и в губернаторе, досадующем в своей губернии на человека подобного состояния.[39]

По свидетельству современника, еще во время деятельности Типографической компании некоторые ее участники давали понять, что «они бояре и генералы, а Новиков поручик».[40]

Новиков на протяжении всей деятельности Карамзина оставался для него другом и примером очень во многом. Конечно, издания Карамзина были не похожи ни на сатирические журналы Новикова 1769–1774 гг., ни на философско-моралистические журналы 1770–1780-х гг. Но в повести Карамзина «Моя исповедь» хорошо различимы любимые темы Новикова, ратовавшего за отечественное образование и воспитание, высмеивавшего поверхностное подражание иноземному. В книготорговой практике Карамзин, несомненно, опирался на опыт своего предшественника, по примеру которого ввел отдел рецензий. Вслед за «Опытом исторического словаря о российских писателях» (1772) Новикова Карамзин создает свой «Пантеон российских авторов» (1802).[41] Интерес к истории, проявившийся у него уже в начале 1790-х гг., в большой степени развивался и затем поддерживался под влиянием «Древней российской вивлиофики» Новикова, которую затем прилежно изучал создатель «Истории государства Российского». Карамзин-историк и Новиков — особая большая тема.

После освобождения из заточения Новиков писал Х. А. Чеботареву: «...обедняли друзьями, за то узнали истинных и мнимых».[42] Одним

---

[39] Записки сенатора И. В. Лопухина. 1859. Лондон: Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 70 (Сер.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева).

[40] *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II... С. 254.

[41] См.: *Петров А. В.* «Опыт исторического словаря о русских писателях» Н. И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина // Русская литература. 2007. № 3. С. 61–76.

[42] Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 160.

из немногих истинных был Карамзин, который вел переписку с Новиковым, прислал ему новое издание своих сочинений и портрет со словами: «Верьте, что люблю вас искренне. Если в портрете моем не находите выражения этой искренности, то он, верно, не похож; я в главном не переменился».[43] В письмах к Карамзину 1816 г. Новиков благодарил за присланные его сочинения, называл его «любезнейшим и сердечным другом».[44] Несмотря на решительные расхождения во взглядах, сохранилось их искреннее взаимное уважение и дружеская привязанность. Прочтя переписку Мелодора и Филалета, Новиков увидел в их спорах разногласия между Карамзиным и А. А. Петровым, который, подобно Филалету, отличался «стоической холодностию» «Философия холодная мне не нравится»,[45] — писал Новиков, явно вставая на сторону Карамзина-Мелодора и не приемля доводов Карамзина-Филалета. С большим вниманием Новиков отнесся и к упоминаемой в письмах Карамзина *меланхолии*. «Я принимал это слово, в сочинениях ваших нередко употребляемое, за обыкновенное выражение приятной задумчивости, но в письме выражено так, как будто вы подвержены сей болезни, что меня крайне опечалило <...>».[46] Рассматривая историю русской меланхолии в XVII–XVIII вв. как систему историко-культурных ценностей, С. И. Николаев отметил, что Карамзин «поэтизировал меланхолию как болезненное состояние», но «в его авторском сознании был силен рационалистический, рассудочный взгляд на творчество».[47] Для избавления от «ипохондрии» Новиков советовал другу чаще читать Новый Завет, который утешал и его самого в тяжелых испытаниях. Карамзин с большим тактом отнесся к словам старого друга, который оставался для него высоким авторитетом в вопросах нравственности, несмотря на различие их духовных устремлений.

Н. С. Тихонравов передает рассказ П. И. Бартенева о якобы состоявшейся встрече Новикова с Карамзиным, навестившим его в Тихвин-

---

[43] *Карамзин Н. М.* Письма к Н. И. Новикову // Русский архив. 1890. Кн. 3. № 11. С. 375. См. также: *Сапченко Л. А.* «Религия выше философии...». (Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Новикову) // Вестник Московского обл. ун-та, 2014. № 1. С. 6 (URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/532 (дата обращения: 18.10.2021)).

[44] Письма Н. И. Новикова... С. 219–225.

[45] Там же. С. 219.

[46] Там же. С. 224.

[47] *Николаев С. И.* Поэтологический контекст «Меланхолии» Н. М. Карамзина // Карамзин-писатель... СПб., 2018. С. 152.

ском. На предложение Новикова посвятить Карамзина в высшие масонские степени для знакомства с главными таинствами, тот ответил вежливым отказом: «Карамзин дружески пожал ему руку и вышел».[48] Даже если этот рассказ не вполне достоверен, он отражает сущность основных расхождений между ними.

В 1818 г. после смерти Новикова в записке, поданной Александру I, Карамзин не только ходатайствовал о помощи детям «усопшего страдальца», но писал о его заслугах и несправедливости заточения: «Его заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ <...>. Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель, по крайней мере, не заслуживал темницы: он был жертвой подозрения извинительного, но несправедливого».[49]

---

[48] *Тихонравов Н. С.* Четыре года из жизни Карамзина // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 274.

[49] *Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 2. С. 233.

МАНФРЕД ШРУБА

ВОКРУГ КНИГИ Я. И. БАСИНА «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННИКОВ» (1799)

1. О Я. И. Басине

Имя Якова Ивановича Басина (1754–1804), третьестепенного литератора и художника-рисовальщика, в «Словаре писателей XVIII века»[1] не отмечено, несмотря на то, что он опубликовал в 1798–1799 гг. целых три книги. Хотя вклад Басина в отечественную словесность, действительно, не слишком велик, его произведения не лишены интереса.

Сведения о Басине довольно скудны. Он фигурирует в целом ряде справочников XIX в. — в словарях писателей И. М. Снегирева,[2] Г. Н. Геннади,[3] С. А. Венгерова,[4] в списке деятелей для «Русского био-

---

[1] Словарь русских писателей XVIII века / Ред. колл.: Н. Д. Кочеткова [и др.]. Л., 1988. Вып. 1: (А–И); СПб., 1999. Вып. 2: (К–П); СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я); СПб., 2020. Вып 4: Указатели.

[2] *Снегирев И.* Словарь рус[с]ких светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением. М., 1838. Т. 1: (А–Г). С. 65.

[3] *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1876. Т. 1: (А–Е). С. 69.

[4] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1891. Т. 2. С. 213; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1: Аарон-Гоголь. С. 178.

© Манфред Шруба, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-308-336

графического словаря».[5] Однако практически вся информация в этих справочниках не только фрагментарна, но отчасти и неверна.

Все, что на сегодня достоверно известно о Басине, опирается на три источника, введенные в научный оборот в начале XX в.:

1) Некролог Басина в еженедельнике «Московский курьер» за 1805 г.,[6] использованный при составлении справки в «Русском биографическом словаре»: «Басин, *Яков*, писатель, род. в 1754, ум. в 1804 г. в Москве, в чине отставного корнета; служил при московском военном губернаторе гр. [И. П.] Салтыкове. В некрологе его сказано, между прочим, что он „замечателен по странному характеру и образу жизни". Басин был и издателем и автором <...>»[7] (указаны две его книги).

2) Статья-анонс Басина в газете «Московские ведомости» 1800 г., где литератор рекламирует свои издания. Заметка обнаружена и опубликована полностью В. Н. Рогожиным в книге материалов по делам московской цензуры.[8] В анонсе сообщается: «Корнет Яков Иванов сын Басин <...> покорно просит <...>, чтоб благоволили для получения оных [книжек] адресоваться в Университетскую книжную лавку, или прямо к нему самому, живущему в Москве, на Моховой, подле Университета, в доме дьячка Егорьевской церкви; книжки ж издания его суть следующие: 1) Картинная коллекция с 20-ю национальными изображениями в ¼ листа, с раскрашениями, в политуре 5 руб., с черными без переплета 150 коп. <...>»; Басин перечисляет и описывает всего семь предлагаемых им к продаже позиций. Под номерами от 1) до 4) перечислены книжные издания; номерами 5) и 6) обозначены наборы гравюр; под номером 7) Басин предлагает некий прибор: «Стекло шлифованное матом, полезное как для учения рисования, так и для копирования с бумаги рисунков и со всякой материи разных узоров».[9] По обнаруженной В. Н. Рогожиным газетной заметке устанавливается не только отчество Якова Басина (Иванович) и его московский адрес, но и авторство по отношению к первой из перечисленных в анонсе книг

---

[5] Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1: (А–Л). С. 40.

[6] *[Б. п.]* Некрологи // Московский курьер: Еженедельное издание. М., 1805. Ч. 1. № 12. С. 192.

[7] Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2: Алексинский — Бестужев-Рюмин. С. 556–557. Печатный источник указан неточно: «Некролог в „Московском Курьере". 1805 г., Ч. 1. № 9» (вместо: № 12). Ср.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2006. Т. 3: Журналы (З–М). С росписью содержания. С. 289. № 28166 (с аннотацией: «О смерти издателей Я. И. Басина и П. Н. Кожина»).

[8] Источник указан там следующим образом: «Московские ведомости. 1800. № 47. С. 1153» (см.: *Рогожин В. Н.* Дела «московской цензуры» в царствование Павла I как новые материалы для русской библиографии и словаря русских писателей. СПб., 1902. Вып. 1: 1797 год. С. 36).

[9] Там же. С. 36–37.

(«Картинная коллекция»). Имеется в виду издание «Национальные изображения промышленников, снятые с натуры в Санктпетербурге», опубликованное в 1799 г. за криптонимной подписью: «Я. Б.». В «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова книга ошибочно приписана Я. И. Благодарову.[10]

3) Третий первоисточник сведений о Басине, обнародованный В. Н. Рогожиным, — архивный: это «черновое предписание Мос.<ковского> Ген.<енерал-> Губернатора Управе благочиния» в деле «По прошению гвардии унтерофицера Алексея Де-Лу[11] о присвоении офицером Басиным принадлежащей ему книги» от 15 мая 1802 г.[12] Согласно архивному документу, податель прошения описывает «неправильное» (так!; вероятно, описка В. Н. Рогожина вместо «неправедное». — *М. Ш.*) присвоение отставным офицером Яковым Басиным принадлежащей просителю и препорученной ему единственно для исправления книги под названием Полевая фортификация». Речь идет об издании: «Полевая фортификация, или Искусство, каким образом строить шанцы и разные укрепления» (М., 1798).[13] В начале книги имеется посвящение графу И. П. Салтыкову, завершающееся словами: «Сочинитель же оной с беспредельным почитанием именует себя вашего сиятельства, милостивейшего государя, всенижайшим слугою. *Иаков Басин*».[14] Именно на основе этого посвящения «Полевая фортификация» фигурирует в справочниках XIX в. как чуть ли не единственная книжная публикация Басина. Между тем, как пишет В. Н. Рогожин, «можно заключить, что Яков Басин воспользовался переводом „Полевой фортификации“, сделанным Алексеем Де-Лу и препорученной им Басину „единственно для исправления“ и издал его под своим именем».[15]

Таким образом, непосредственное отношение к творчеству Я. И. Басина имеют три книги, опубликованные в 1798 и 1799 гг. и отмеченные

---

[10] *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1815. Ч. 3: (Е–Н). С. 184. № 4494; Ср.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии / Ред., примеч., доп. и указатель В. Н. Рогожина. СПб., 1904. Ч. 3. С. 78.

[11] Алексей Де-Лу известен как автор трех стихотворных книг, опубликованных в 1802–1807 гг. (см.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. М., 2000. Т. 1: А–Д. С. 440–441. № 2188–2190).

[12] *Рогожин В. Н.* Дела «московской цензуры»... С. 35–36. В качестве источника документа автором указано: «Архив старых дел Мос.<ковского> Губернс.<кого> Правления, Дела Мос.<ковских> Воен.<ных> Генерал-Губернаторов 1802 г. № 3787» (см.: Там же. С. 35).

[13] См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2: К–П. С. 440. № 5458.

[14] Полевая фортификация, или Искусство, каким образом строить шанцы и разные укрепления. М., 1798. С. [VI].

[15] *Рогожин В. Н.* Дела «московской цензуры»... С. 35.

в «Сводном каталоге русской книги XVIII века»,[16] откуда и заимствуем их библиографические описания:

412. — Национальные изображения промышленников, снятые с натуры в Санктпетербурге / Изд. Я. Б. М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1799. 42 с.; 20 л. илл. 4°.

413. — Правила о рисовании цветов и фруктов к пользе и удовольствию прекраснаго пола / Изд. Я. Б. М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1799. 84 с.; 40 л. илл. 16°.

414. — Способ, как в три часа неумеющий может быть живописцем, или Искусство, каким образом раскрашивать эстампы; с присовокуплением двух особливых правил: 1. Как копировать в точности с оригиналов, и 2. Как выучиться рисовать самому без учителя / Изд. Я. Басиным. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. VI, 38 с.; фронт. (илл.). 12°.

О первом из этих изданий речь пойдет ниже. Остальные две книги, по всей видимости, являются обработками иностранных изданий. Сочинение «Способ, как в три часа...» проходило московскую цензуру со следующим описанием: «Искусство, каким образом раскрашивать эстампы; перевод корнета Басина».[17] Это, скорее всего, компиляция различных западноевропейских самоучителей рисования, причем заглавие заимствовано из издания «Le moyen de devenir peintre en trois heures, et d'exécuter au pinceau les Ouvrages des plus grand Maîtres, sans avoir appris le dessein» (Paris, 1755); данная книга была широко распространена; известны три переиздания (Paris, 1756; Amsterdam, 1766; Amsterdam, 1772) и два различных перевода на немецкий язык (Halle, 1782; Halle, 1795).[18]

Если верить сообщениям самого Басина о собственных произведениях (как оказывается, не вполне достоверным), то ему принадлежит также ряд отдельных гравюр. Так, по-видимому, следует толковать соответствующие пункты записки в «Московских ведомостях»: «5) Раз-

---

[16] См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963. Т. 1: А–И. С. 78. № 412–414.

[17] *Рогожин В. Н.* Дела «московской цензуры»... С. 33.

[18] *Prange Ch. F.* Die Schule der Mahlerey <...> Nebst einem Anhang von der Kunst in drey Stunden ein Mahler zu werden, und die Werke der berühmtesten Meister in Farben zu setzen, ohne die Zeichnungskunst erlernt zu haben / Aus dem Französischen übersetzt. 2. Ausgabe. Halle, 1782; Anweisung in drey Stunden ein Mahler zu werden, und die Werke der größten Meister auszumahlen, ohne Unterricht im Zeichnen gehabt zu haben / Aus dem Französischen übersetzt: 5. Auflage. Halle, 1795.

ные виды в шести штуках на александрийской бумаге, раскрашенные 3 руб., черные 1 руб. 6) Маленькая куриозная картинка, представляющая в одном лице два вида, мужской и женской, раскрашенная 35 коп., черная 15 коп.»[19] Если о «разных видах в шести штуках» ничего нельзя сказать ввиду неопределенности информации, то «маленькая куриозная картинка» воспроизведена на задней стороне издательской папки, вместе с которой продавались «Правила о рисовании цветов и фруктов». Это графическая шутка-перевертыш, заимствованная из иностранного (вероятно, французского) источника.

2. О книге «Национальные изображения промышленников»

Книга Я. И. Басина 1799 г. «Национальные изображения промышленников, снятые с натуры в Санктпетербурге» содержит 20 гравюр. На 18 из них изображены уличные торговцы, предлагающие к продаже различные товары: мясник, блинник, гребенщик, прянишник и т. д., представленные на фоне улиц и площадей Санкт-Петербурга. На последних двух гравюрах представлены ямщики и извозчики на разнотипных дрожках или санях.

За каждой картинкой следует текст длиной в страницу-полторы, в котором подробно описаны не только особенности одежды и предметов промысла данного офени, но и городской фон изображения с указанием более или менее точного петербургского адреса.

Нельзя сказать, чтобы опубликованные в книге офорты представляли собой большие достижения изобразительного искусства. Напротив, это довольно неумелые работы, своей грубостью и наивностью художественного языка тяготеющие к лубку.

Изображенные на гравюрах фигуры и их описания представляют в первую очередь этнографический и социологический интерес, пополняя не слишком богатый запас изображений быта представителей социальных низов России XVIII в.[20]

---

[19] *Рогожин В. Н.* Дела «московской цензуры»... С. 36–37.

[20] В работе, посвященной бытовому жанру, Н. Н. Соломатина констатирует «едва ощутимое в русском искусстве второй половины XVIII века проявление интереса к повседневной жизни» (см.: *Соломатина Н.* Мотивы, стили и манеры в графике о жизни в России второй половины XVIII — начала XX века // Из русской жизни XVIII — начала

Тексты Басина к гравюрам небезынтересны также с лингвистической точки зрения, содержа необычный лексический материал. Следующим образом, например, описаны предметы промысла сбитенщика:

> Деревянные баклаги, в которых носят сбитень, обертывают вокруг войлоком и холстом, чрез что збитень с утра до половины дня в самый крепкий мороз бывает в них довольно горяч. Сбитенщик баклагу сию носит, привесив чрез плечо, правою рукою поддерживает при наливании стакан, а в левой в скоромные дни носит бутылку с молоком, которого он в угодность каждого вливает. Он также носит крендели, на лык навязанные, и булки или колачи в кульке, с боку за поясом, стаканы ж имеет в футляре, сделанном из твердой кожи наподобие солдатской лядунки, который привязывает над кушаком.[21]

3. Источник книги

Запись в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» об издании «Национальные изображения...» снабжена следующим комментарием: «Изображения разносчиков (квасника, зеленщика, сбитенщика и др.) и извозчиков. Прототипом этих иллюстраций являются рисунки Х. Г. Г. Гейслера, посвященные костюмам, нравам и обычаям русских, сделанные им в Санктпетербурге в конце XVIII в. и опубликованные в Лейпциге в 1801–1802 гг. под заглавием: „Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg, dargestellt in Gemählden mit Beschreibungen von Dr. J. G. Gruber und Ch. G. H. Geissler“. По-видимому, русский издатель был знаком с серией рисунков Х. Г. Г. Гейслера до ее опубликования».[22]

Имеется, действительно, некоторое сходство с отдельными иллюстрациями лейпцигского издания начала XIX в. Тем не менее, утверждение в справочнике не выдерживает критики, — начиная с того, что совершенно непонятно, зачем и каким образом немецкий художник, проживавший в 1790-е гг. в Петербурге, мог бы поделиться своими рисунками с мало кому известным москвичом. Сходство естественнее и логичнее объяснить общим источником изображений.

XX века: рисунок, акварель, гравюра, фарфор, скульптура / Русский музей. СПб., 2010. С. 6).

[21] *Я. Б. [Басин Я. И.]* Национальные изображения промышленников, снятые с натуры в Санктпетербурге. М., 1799. С. 7.

[22] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 1: А–И. С. 78. № 412.

И действительно, такой общий источник имеется. Это издание: «Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer, zur Erklärung der darauf abgebildeten Figuren. Heft 1–[3]. St. Petersburg, bei Carl Lissner, 1794. 4°».[23] Заглавие книги переводится следующим образом: «Описание гравюр на меди, изданных под названием: Санкт-Петербургские торговцы вразнос, для объяснения изображенных там фигур». Издание состоит из трех тетрадей; в каждой из них имеется по шесть гравюр и по 14 страниц текста.[24]

Это довольно редкое издание. В «Сводном каталоге книг на иностранных языках» указан лишь экземпляр из Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ, Москва), до сих пор не оцифрованный. В сводном интернет-каталоге worldcat.org имеется указание на экземпляр в Нью-Йоркской публичной библиотете (New York Public Library). В немецком сводном интернет-каталоге (Karlsruher Virtueller Katalog) указан экземпляр в одной из потсдамских библиотек. Некоторое впечатление о данном издании можно получить по иллюстрациям, помещенным в интернете в связи с продажей экземпляра (судя по штампу, из Царско-сельской дворцовой библиотеки) на аукционе от 25 мая 2016 г. в аукционном доме «Литфонд». Примечательно, что книга, оцениваемая в 75 000–80 000 рублей, была продана за 480 000 р. (около 6600 евро).[25]

В репродукциях известны не менее 13 из 18 имеющихся в петербургском издании гравюр.[26] Все эти сюжеты, срисованные во всех подроб-

---

[23] Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984. Т. 1: A–G. С. 118. № 383. Французская часть заглавия: «Déscription des Planches relatives aux Crieurs publics de St. Petersbourg, et Explication des Figures» воспроизведена в другом месте каталога (Там же. С. 216) с отсылкой к записи на немецкое заглавие.

[24] См.: *Комелова Г. Н.* Серия гравюр 1791–1792 гг. работы Х. Г. Гейслера и К. Г. Шенберга с изображением петербургских разносчиков // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1970. Т. 11: Русская культура и искусство. 2. С. 158–165.

[25] URL: https://www.litfund.ru/auction/16/7/ (дата обращения: 12.11.2022).

[26] Две иллюстрации воспроизведены в посвященной Х. Г. Г. Гейслеру монографии (*Wustmann G.* C. G. H. Geißler der Zeichner der Leipziger Völkerschlacht. Leipzig, 1912. S. 6–7). Четыре гравюры изображены в альбоме-библиографии художественного жанра «криков» (*Beall K. F.* Kaufrufe und Straßenhändler: Eine Bibliographie = Cries and Itinerant Trades: A Bibliography. Hamburg, 1975. S. 491). Две гравюры воспроизведены в издании: *Комелова Г.* Сцены русской народной жизни конца XVIII — начала XIX веков. Л., 1961. На указанном выше интернет-сайте аукционного дома представлены, кроме

Ил. 1. Из книги И. Я. Басина «Национальные изображения промышленников» (1799)

Ил. 2. Из книги «Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer» (1794)

ностях, воспроизведены в книге Басина 1799 г., так что о полной зависимости изобразительной части этой книги от издания 1794 г. сомневаться не приходится (см. ил. 1, 2). Что касается двух последних листов в книге Басина с четыремя изображениями дрожек и саней, то и эти иллюстрации не принадлежат русскому компилятору; они скопированы им с гравюр швейцарско-русского художника Ф. И. Гаттенбергера.[27] В репро-

---

трех титульных листов и некоторых других особенностей книги, изображения девяти картинок.

[27] Франц Иванович Гаттенбергер (Хаттенбергер; Jean-François-Xavier Hattenberger, ? — ок. 1820), профессор технологии Женевского университета, керамист, художник; переселился в Россию при Екатерине II; директор Императорского фарфорового завода (до 1806 г.) (см.: Русский биографический словарь. [Т. 4:] Гааг — Гербель. СПб., 1914. С. 270; *Kudrjavceva T. V.* Jean-François-Xavier Hattenberger: Direktor der kaiserlichen Porzellanmanufaktur, Künstler und Technologe // Schweizer in Sankt-Petersburg / [M. I. Lüthi; E. Maeder; E. M. Tarchanova]. SPb., 2003. S. 516–525).

Ил. 3. Из книги И. Я. Басина
«Национальные изображения промышленников» (1799)

дукции известен созданный Гаттенбергером подлинник иллюстрации «Проезжающие на санях господа» (лист XX; см. ил. 3).[28]

Сопоставление текстов в обоих изданиях[29] показывает, что описания изображений в книге Басина являются весьма вольными пересказами немецких или французских текстов в издании 1794 г. Автор русского текста опускает детали, которые считает излишними, добавляя взамен новые. Сопоставим в качестве примера отрывки текстов к картинке «Молошница» («La Laitière», «Das Milchweib»):

> Живущие на предместии С.-Петербурга лежащем за Невою, именуемом Охтою, обыватели упражняются по большой части в столярном ремесле. <…>

---

[28] Воспроизведена в изд.: *Пыляев М. И.* Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887. С. 207 (см. ил. 4).

[29] Благодарю Ф. М. Шульмана за выписки из текста издания 1794 г. по экземпляру ГПИБ.

Ил. 4. Гравюра Ф. И. Гаттенберга (до 1799 г.)

Место, представляемое в сем виде, есть при Вознесенской церкви, которой видна колокольня; близ оной проезжает почталион, имеющий на груди кожаную суму для сохранения писем; повыше его проходит сбитенщик, а по правую сторону проезжает карета на зимнем ходу.[30]

Son costume fait présumer qu'elle est d'Octa, village qui est une continuation de Petersbourg de l'autre côté de la Neva, dont les habitants sont d'origine Finlandoise quoiqu'ils aient embrassé la Religion grecque. <...>

Les environs offrent la vue de l'Eglise de l'Ascension et de son clocher. Devant la cour de l'Eglise passe un postillon porteur de lettres, qui a sur la poitrine un porte feuille de cuir ou l'on tient les lettres à l'abri de la pluie, de la neige et de tout accident. L'uniforme du Bureau des postes est vert avec un revers noir, et la veste et culotte couleur de paille. Il porte un casque orné des armes de l'Empire qui sont la

[30] *[Басин Я. И.]* Национальные изображения промышленников, снятые с натуры в Санктпетербурге / Изд. Я. Б. М., 1799. С. 9.

double Aigle dorée, derrière lequel on voit un porteur de Sbiten occupé à faire remplir son tonneau. On remarque aussi à droite de chemin une voiture qui repose sur des patins dont on se sert communément dans ce pays ou le traînage dure près de six mois. Les domestiques se tiennent selon l'usage sur l'extrémité des patins.

Ihrer Kleidung nach ist sie aus Ochta, einer Art von Vorstadt von St. Petersburg, oder vielmehr einem dicht dabei gelegenen Dorfe jenseits der Newa, dessen Einwohner finnischen Ursprungs sind, ob sie gleich die griechische Religion angenommen haben. <...>

Die Gegend ist bei der Wosnesenischen oder Himmelfahrts Kirche, wovon man hier den Glocken-Thurm findet. Nahe am Kirchhofe fährt ein Briefträger, welcher auf die Brust ein mit Leder wohlvernähtes Futteral hat, worinnen die Briefe vor Regen und Schnee verwahrt bleiben. Die Uniform des Postamts ist grün mit schwarzen Rabatten und paillen Unterkleidern, mit einem Casquet worauf ein vergoldeter Russischer Adler angebracht ist. Hinter denselben gehet ein Speitenschchik, welcher sein Fass füllen lassen will. Auf der rechten Seite in der Straße, sieht man einen Wagen auf Schlittenkufen deren man sich meistens im Winter hier bedient, da der Schnee beinahe 6 Monate lang liegen bleibt. Die Bedienten stehen alsdenn gemeiniglich auf den Kufen.

В первой фразе Басин убрал пассаж о финском происхождении и о православной вере жителей Охты; вместо него он добавил сообщение о том, что «упражняются по большой части в столярном ремесле». Заключительный абзац передает точно содержание иностранных текстов, опуская при этом многочисленные детали.

Краткие сведения об авторах петербургской книги 1794 г. таковы. На первой из гравюр отмечено: «Des<siné> et gr<avé> par Schönberg et Geisler». Иллюстрации, скопированные пять лет спустя Я. И. Басиным, были осуществлены двумя проживавшими в 1790-е гг. в Петербурге немецкими художниками; это Христиан Готхельф Шёнберг (Christian Gotthelf Schönberg 1760–?) и Христиан Готфрид Генрих Гейслер (Christian Gottfried Heinrich Geissler (Geißler, Geisler); 1770–1844).

Х. Г. Г. Гейслер жил в России с сентября 1790 по март 1798 г.;[31] вернувшись в Германию с многочисленными эскизами русских типов и бытовых картинок, он опубликовал в последующие годы в Лейпциге целый ряд изданий о России, украшенных гравюрами на основе сделанных им в России зарисовок.[32] Одним из них была книга с двумя заглавными листами на французском и немецком языках:

---

[31] *Wustmann G.* C. G. H. Geißler... S. 4, 13.

[32] См. неполный и не совсем исправный «Список избранных изданий, посвященных России, с иллюстрациями Х. Г. Г. Гейслера» в статье: *Абайдулова А. Г.* «...Alles liebte

Costumes, mœurs et coûtumes des russes, dessinés à Saint-Petersbourg par Ch. G. H. Geissler, dessinateur, attaché à M. de Pallas, décrit par M. le Dr. J. G. Gruber, et traduits par M. de L..... = Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg, dargestellt in Gemählden mit Beschreibungen von Dr. J. G. Gruber und Ch. G. H. Geissler, Zeichner und Reisegesellschafter des Herrn Staatsraths von Pallas. Leipzig, au Comptoir d'Industrie = im Industrie-Comptoir, [1801–1802][33]. Cahier = Heft 1–[8].

Каждая из восьми тетрадей содержит по пять иллюстраций с их подробным описанием на французском и немецком языках. Таким образом, всего в книге 40 гравюр.

Необходимо прояснить отношение опубликованной в Петербурге книги 1794 г., — непосредственного образца книги Басина 1799 г., — к лейпцигскому изданию 1801–1802 гг., представленному в аннотации к книге Басина в «Сводном каталоге русской книги XVIII века» как ее «прототип».

Н. Н. Соломатина называет петербургский увраж 1794 г. «первым изданием» лейпцигской публикации, ссылаясь при этом на работу Г. Н. Комеловой.[34] Между тем, «Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer» никак нельзя назвать «первым изданием» лейпцигской книги «Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg», поскольку не совпадают ни иллюстрации, ни немецко-французские тексты этих изданий. Если автором описаний

---

damals das Russische»: О немецко-русских разговорниках художника Х. Г. Г. Гейслера 1813 г. // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII — XX века). Биографический аспект. СПб., 2016. Вып. 10. С. 146–147. Часть этих изданий опубликована недавно в переводе на русский язык: *Гейслер Х. Г. Г.* Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков / Вступ. ст. Е. И. Иткиной. М., 2015.

[33] К датировке см.: *Wustmann G.* C. G. H. Geißler... S. 18. В библиографической литературе зачастую указывается 1803, 1804 или 1805 как год выхода книги.

[34] Ср.: «Одним из самых заметных мастеров россики в конце XVIII — начале XIX века, создававшим жанровые произведения, был Х.-Г.-Г. Гейслер. В нескольких гравированных сериях он продолжил линию „костюмно-типажного рода“. Одну из них, изображения петербургских разносчиков (1791–1792), Гейслер исполнил вместе с Шенбергом, затем частично переработал эти материалы для „Sitten, Gebräuche und Kleindung (так!; вместо: Kleidung. — *М. Ш.*) der Russen in St. Petersburg“ (1803). Эта серия любопытна тем, что *первое ее издание* (курсив мой. — *М. Ш.*) было осуществлено не в Европе, а в Петербурге, иностранные художники уже учитывали возникающую и происходящую смену потенциальной аудитории зрителей» (см.: *Соломатина Н.* Мотивы, стили и манеры... С. 7). В конце пассажа имеется ссылка на работу: *Комелова Г. Н.* Серия гравюр 1791–1792 гг. работы Х. Г. Гейслера...

к гравюрам в издании 1794 г. был, по всей вероятнсти, один из художников, Гейслер или Шёнберг, то описания иллюстраций для издания 1801–1802 гг. составил немецкий ученый-лексикограф и публицист И. Г. Грубер (Johann Gottfried Gruber, 1774–1851).

Также иллюстрации в обоих изданиях отличаются друг от друга коренным образом. В издании 1794 г. всего 18 гравюр, на которых разносчики изображены в одиночку на фоне петербургского городского ландшафта с домами, каналами, улицами, площадями, прохожими; лишь на одной из иллюстраций на первом плане имеются представители двух разных профессий. В издании 1801–1802 гг. не только значительно больше иллюстраций (их всего 40), но фигуры на них изображены в большинстве случаев попарно, причем на картинах полностью отсутствует второй план. Фоном служит лишь горизонтальная полоса, условно обозначающая почву, на которой стоят представленные люди.

Немногочисленные совпадения в иллюстрациях сводятся к воспроизведению позитуры отдельных типажей петербургского издания, причем в лейпцигском издании полностью изменена обстановка, в которой они изображены. В обеих книгах встречаются, в частности, зеленщик (Heft 1, № 2; ср.: Pl. 27), сбитенщик (Heft 1, № 3; ср.: Pl. 2), продавец муравленой посуды (Heft 2, № 1; ср.: Pl. 11), мясник (Heft 2, № 3; ср.: Pl. 19) и продавец икры (Heft 3, № 3; ср.: Pl. 8). Пильщик, виднеющийся как покупатель на картине с изображением кисельника в издании 1794 г. (Heft 2, № 6), встречается в издании 1801–1802 гг. как клиент пирожника (Pl. 33).

4. Жанровая принадлежность

Иллюстрации в представленных выше книгах принадлежат к весьма распространенной в западноевропейском искусстве Нового времени категории «жанровых картин», изображающих уличных торговцев и представителей других ремесел и промыслов. В Европе они получили широкое распространение начиная с XVI в. под жанровым обозначением «cris» («cri» — дословно «крик, выкрик»; подразумеваются, конечно же, не самые крики, а издающие их зазывалы).[35] В посвященной данному

[35] См.: *Fournel V.* Les Cris de Paris. Types et physionomies d'autrefois. Paris, 1886; *Steinitz W.* «Les cris de Paris» und die Kaufdarstellung in der Druckgraphik bis 1800. Salzburg, 1971.

жанру специальной библиографии описано около 500 гравированных или литографированных изданий подобного рода.[36] Подчеркнем еще раз, что речь идет не об отдельных иллюстрациях «промышленников», а именно о целых сериях изображений.

Серийность иллюстраций как неотъемлемый признак жанра «зазывал» известна в двух разновидностях. Первый тип изображает представителей отдельных промыслов вместе на одном листе. Данная разновидность в русском искусстве не встречается. Второй тип представляет собой набор гравюр, на каждой из которых изображены отдельно взятые разносчики. Рассматриваемые здесь издания 1794 и 1799 гг. принадлежат ко второму типу.

На каких именно западноевропейских предшественников мог ориентироваться Гейслер, создавая в начале 1790-х гг. иллюстрации, представляющие петербургских уличных торговцев? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим беглый обзор основных серийных изображений разносчиков, опубликованных во Франции, в Италии, в Англии и в Германии до второй половины XVIII в.

Самая старая серия «зазывал» была создана во Франции около 1500 г. (18 ксилографий).[37] В XVII в. серийные изображения разносчиков осуществили во Франции же такие художники как Абрам Босс (Abraham Bosse, 1629–1630; 17 мотивов), братья Анри и Николя Бонар (Henri et Nicolas Bonnart, 1690; не менее 40 мотивов); в XVIII столетии с сериями «Cris de Paris» выступили, в частности, Франсуа Буше (François Boucher, ок. 1736; 12 мотивов), а также Эдме Бушардон и Анна-Клод-Филипп граф де Кейлюс (Edmé Bouchardon, Anne Claude Philippe Conte de Caylus, 1737–1746; 60 мотивов).

Отметим еще одну французскую серию из всего лишь четырех мотивов, которую создал, вероятно, в 1770-е гг. Луи Марен Бонне (Louis Marin Bonnet, 1743–1793). Серия нетипична не только своим маленьким объемом, но еще и тем, что на всех четырех иллюстрациях представ-

---

[36] См.: *Beall K. F.* Kaufrufe und Straßenhändler: Eine Bibliographie = Cries and Itinerant Trades… В данной библиографии описываемые издания распределены по отдельным странам. Каждая запись снабжена буквой, отсылающей к данной стране, и порядковым номером; например: Германия (D 1 — D 54), Англия (E 1 — E 98), Франция (F 1 — F 96), Италия (I 1 — I 41), Нидерланды (N 1 — N 107). В разделе, посвященном России, отмечено 11 изданий (R 1 — R 11).

[37] Серия полностью воспроизведена в книге: *Massin [R.]*. Les cris de la ville. Commerces ambulants et petits métiers de la rue. Paris, 1985. P. 5–22.

лены попарно мужские и женские фигуры, причем мужчины изображены в момент их приставания к женщинам. Названия первых трех — это «Le Crocheteur et la Bouquetière» («Грузчик и цветочница»), «Le Décrotteur et la Marmotte»[38] («Чистильщик обуви и сурок») и «Le Marchand de Tisane et la Laitière» («Сбитенщик и молочница»). Четвертая гравюра, «Le Riboteur et la Poissarde» («Гуляка и торговка рыбою»; см. ил. 5) интересна в контексте истории русской художественной культуры тем, что она послужила непосредственным образцом для левой части двухчастной лубочной картинки, подпись к которой начинается словами: «Яков кучер кухарку обнимает» (см. ил. 6). В каталоге Д. А. Ровинского (№ 121) картинка носит условное название: «Ванюшка и Танюшка и Яков кучер с кухаркой».[39]

В Италии интерес к жанру «зазывал» восходит к концу XVI в., когда Аннибале Карраччи (Annibale Carracci, 1560–1609) выполнил многочисленные рисунки с изображениями уличных торговцев города Болоньи («Le arti di Bologna», 1585–1600). Гравюры, которые сделал на их основе француз Симон Гиллен (Simon Guillain, 1581–1658), были опубликованы в 1646 г. в Риме (80 мотивов); известно переиздание 1740 г. В 1660 г. Джузеппе Мария Мителли (Giuseppe Maria Mitelli, 1634–1718) опубликовал серию гравюр-подражаний Карраччи (40 мотивов). В 1753 г. Гаэтано Дзомпини (Gaetano Zompini, 1700–1778) выпустил книгу «Le arti che vanno per via nella città di Venezia» («Ремесленники, что по улицам Венеции ходят»), в которую вошла серия из 60 гравюр; переиздана в 1785 г.

В Англии серийные изображения разносчиков появляются в середине XVII столетия. Большим успехом пользовались «The Cryes of the City of London Drawn after the Life» («Зазывалы города Лондона, рисованные с натуры»), появившиеся впервые в 1688 г. Насчитывающая вплоть

---

[38] На картинке изображен чистильщик обуви, пристающий к девушке, у которой на шее висит короб, где сидит сурок (надо полагать, «промысел» девушки состоит в показывании зверька за маленькую плату); подпись под картинкой гласит: «A voir l'empressement que temoigne ce Drôle, / La Marmotte n'est pas l'objet qui l'affriole» (Если взглянуть на старания, которые проявляет этот плутишка, / Это не сурок, которым он прельщается). Отметим, что название животного вносит дополнительный эротический смысл в картинку, поскольку слово «marmotte» могло обозначать также «женский половой орган» («sexe de la femme»; *Guiraud P.* Dictionnaire érotique. Paris, 1993. P. 434).

[39] *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 346. № 121. (СОРЯС. Т. 23).

Ил. 5. Луи Марен Бонне. «Гуляка и торговка рыбою» (1770-е гг.)

Ил. 6. Лубок «Яков кучер с кухаркой» (вторая половина XVIII в.)

до 74 сюжетов серия «зазывал», автором которой был Марселлус Ларун (Marcellus Laroon, 1653–1702), копировалась и переиздавалась неоднократно в последующие три или четыре десятилетия. Серию из 12 гравюр с несколько карикатурными изображениями «лондонских зазывал» опубликовал в 1760 г. Пол Сэндби (Paul Sandby, 1725–1809).

В Германии и других немецкоязычных странах в течение XVIII в. появилось несколько серий «зазывал», представляющих разносчиков в различных немецких городах. Серию, состоящую из 28 сюжетов, на которой изображены геттингенские торговцы вразнос, исполнил гравер Георг Даниель Хейман (Georg Daniel Heumann, 1691–1759), опубликовав их в 1744 г. под названием: «Dei (так!; вместо: «Die». — *М. Ш.*) in Göttingen herüm schriende Lühe oder der Göttingische Ausruff» («Люди, которые зазываючи ходят по Геттингену, или Геттингенский зазывала»).[40]

[40] См.: *Heumann G. D.* Der Göttingische Ausruff von 1744 / Neu hrsg. und kommentiert von R. W. Brednich: Zweite verbesserte Aufl. Göttingen, 2021.

Около 1765 г. была опубликована серия из 40 гравюр (художник — Матеус Дейш (Matthäus Deisch, 1724–1789)), изображающих разносчиков в городе Данциге.

Среди немецких предшественников Гейслера особый интерес представляет серия нюрнбергских торговцев вразнос (11 сюжетов), которую осуществил и опубликовал в 1789–1790 гг. в двух тетрадках Амброзиус Габлер (Ambrosius Gabler, 1762–1834) под названием: «Ausruffende Personen in Nürnberg mit den vornehmsten Prospecten der dortigen Hauptstrassen, Märkte, Plätze und öffentlichen Gebäude etc. nebst einer Beschreibung» («Зазывалы в Нюрнберге с лучшими изображениями тамошних основных улиц, рынков, площадей и общественных зданий и т. п. вместе с [их] описанием»).[41]

Данное издание обладает двумя новаторскими чертами, отсутствующими в более ранних сериях «зазывал». Во-первых, разносчики представлены на фоне конкретных и узнаваемых улиц, площадей и зданий, тогда как на известных нам сериях с изображениями разносчиков фон зачастую или полностью отсутствует или только намечен в виде фрагмента городского ландшафта (фасада дома и т. п.) на неизвестной улице или площади. Во-вторых, гравюры А. Габлера в первой из тетрадок (1789) снабжены описанием торговцев и зданий на заднем плане.

Следует подчеркнуть, что оба приема, — как преимущественное изображение разносчиков на фоне конкретных достопримечательностей данного города, так и сопровождение иллюстраций описаниями, — носят уникальный характер, и являются, по всей видимости, нововведениями нюрнбергского художника. В связи с этим, есть основания предполагать, что Гейслер, изобразив в своей книге 1794 г. разносчиков на фоне узнаваемых петербургских мест и снабдив иллюстрации описаниями, заимствовал оба приема именно из нюрнбергского издания.

5. Русские «изображения промышленников»

Книга Гейслера 1794 г. с изображениями петербургских торговцев вразнос, а вслед за ней книга Басина 1799 г., не были первыми опытами жанра «зазывал» с русскими мотивами.

---

[41] URL: https://www.bavarikon.de/object/bav-NSB-OBJ-00000BAV80012284 (дата обращения: 12.11.2022).

Согласно библиографии К. Ф. Биль, первенство принадлежит шведскому художнику Августину Дальстену (Augustin Dahlsteen, 1720 — ок. 1769), опубликовавшему в 1750-е гг. серию из 49 офортов с русскими сюжетами, в том числе 31 фигуру в национальных костюмах и 18 уличных торговцев.

Более известен француз, ученик Ф. Буше, Жан-Батист Лепренс (Jean-Baptiste Le Prince; 1734–1781), приехавший в 1758 г. на четыре года в Россию. Вернувшись во Францию, он в следующие два десятилетия опубликовал на основе сделанных в России зарисовок 160 гравюр с русскими мотивами.[42] В 1760-е гг. Лепренс выпустил также три серии из шести сюжетов каждая с изображениями уличных торговцев.

В течение первой половины XIX в. вслед за книгами Гейслера 1801–1802 гг. (и их продолжения 1805 г.) и, по-видимому, не без его влияния появилось большое количество изданий с изображениями русских розничных торговцев. В 1800–1810-е гг. было опубликовано несколько книг такого рода в западной Европе (в Лондоне и Париже).

Со второй половины 1810-х гг. вплоть до середины 1840-х гг. подобные издания появляются и в России. Наиболее примечательное из них — известный журнал «Волшебный фонарь» 1817–1818 гг. (имеется факсимильное издание 1988 г.). Впрочем, в исследованиях об этом журнале связь с художественным жанром «зазывал» не отмечена.[43]

6. Разносчики и их зазывы в русской литературе XVIII века

Упоминания разносчиков в русской литературе XVIII века встречаются нередко. Но это, как правило, именно упоминания; так, например, М. Д. Чулков описывает протагониста одного из рассказов из «Пересмешника» (1766–1768), плута Балабана: «Обманывал купцов и разнос-

---

[42] См.: *Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 72.

[43] См.: *Осетров Е.* Рождение и жизнь «Волшебного фонаря» // Волшебный фонарь, или Зрелище <...>: Приложение к факсимильному изданию. М., 1988. С. 3–37; *Камалова А. А.* «Волшебный фонарь» как опыт издания журнала нового типа в российской журналистике // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2. С. 136–144; *Головко С. И.* «Волшебный фонарь» как уникальное издание в истории российского книгопечатания // Библиография и книговедение. 2018. № 3 (416). С. 119–127.

чиков, не платил денег своим слугам <...>».[44] Реже встречаются случаи более детальной презентации художественного образа разносчика; еще реже — воспроизведение зазывов торговцев вразнос.

Впервые разносчики (торговцы солью, свечами и подовым хлебом) появляются в «Сатире II. На зависть и гордость дворян злонравных» А. Д. Кантемира (1730), причем приведен зазыв продавца сальных свеч:

Чувствую, сколь знатным всем и стыд и обидно,
Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,
Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас: «Сальные, — крича, — ясно свечи
Горят», кто с подовыми горшком истер плечи, —
Тот, на высоку степень вспрыгнувши, блистает,
А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги.[45]

Эти слова произносит коренной дворянин Евгений, негодующий на вельмож-выдвиженцев из социальных низов. В выражении «кто с подовыми горшком истер плечи» комментатор издания 1956 г. усмотрел намек на А. Д. Меншикова: «В молодости Меншиков, по преданию, торговал подовыми пирогами. В презрительном отзыве Евгения о Меншикове отразилась ненависть родовитого дворянства к „новым“ людям, выдвинувшимся в петровскую эпоху благодаря своим личным заслугам».[46]

Молочница — героиня притчи А. П. Сумарокова «Крынка молока», опубликованной впервые в «Ежемесячных сочинениях» 1755 г.:

Мелинта понесла на рынок молоко:
Хоть крынку головой нести и не легко;
Мелинта о труде своем не размышляет,
Но деньги исчисляет,
Которые она за свой товар возьмет.
И в мысли таковой дорогою идет:
Как это я продам, куплю яиц десяток.
Да выведу цыпляток.[47]

---

[44] *Чулков М. Д.* Пересмешник / Сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. В. П. Степанова. М., 1988. С. 86.

[45] *Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 68–69 (Библиотека поэта. Большая сер.). Благодарю С. И. Николаева за указание на данный текст.

[46] Там же. С. 447.

Сюжет притчи принадлежит к числу бродячих: Молочница размышляет, что за выручку от продажи молока приобретет цыплят, разведет кур, продав их, купит овечку, разведет ягнят. Между тем, спотыкается, роняет крынку и разливает молоко. Произведение Сумарокова это переложение басни Ж. де Лафонтена «La Laitière et le Pot au lait» (кн. VII, притча 9). Как отмечает немецкая исследовательница русской басни XVIII в., известны еще три обработки данной басни Лафонтена: две анонимные — «Кружка» (в «Модном ежемесячном издании», 1779) и «Кувшин с молоком» (в книге «Басни в стихах и прозе, выбранные из лучших писателей», 1788), равно как басня Д. И. Хвостова «Молочница и кувшин с молоком» (1822).[48]

Не лишним будет отметить, что притча Сумарокова использована для текста лубочной картинки середины XVIII в. «Рассеянная молочница».[49] Еще один разносчик, торгующий яйцами, представлен на лубке «Мысли ветреные»;[50] сюжет тот же: в тексте под картинкой изложено прозой, как торговец думает постепенно разбогатеть от продажи яиц, однако роняет свой товар. Вторая из этих двух лубочных картинок представляет собой кальку немецкой народной картинки XVIII века.[51]

Разносчицей является также героиня лубочной картинки второй половины XVIII в. «Добрый молодец купи с меня чепец»,[52] где изображены, как описывает Ровинский, «слева кавалер, из посадских, в круглой шляпе с лентой; <...> Справа франтиха, из мещанок, в чепце с цветами, руки в муфте». Девушка предлагает парню купить чепец. Из разговора в тексте явствует, что речь идет вовсе не о головном уборе: «Голубушка скажи, цена чепцу какая. Она ему отвечала[:] поцалуев с[ ]полдесятка[,] цена недорогая, удалецъ обещаетъ цену[.] лапачка видишъ она со[ ]мной, а[ ]таваръ вашъ с[ ]тобой. лутче не[ ]станем мы торговатца, а будемъ

---

[47] *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений <...>: 2-е изд. М., 1787. Ч. 7. С. 295–296.

[48] *Imendörffer H.* Die Geschichte der russischen Fabel. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Wiesbaden, 1998. S. 1174.

[49] *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки... Кн. 1. С. 266–267. № 80.

[50] Там же. С. 267–268. № 81.

[51] Источник разыскан и опубликован в 1927 г. немецким исследователем Вильгельмом Фрэнгером; см.: *Фрэнгер В.* Немецкие образцы русских лубков XVIII века // Народная картинка XVII — XIX веков: материалы и исследования. СПб., 1998. С. 194.

[52] *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки... Кн. 1. С. 349–350. № 126.

с[ ]тобой забавлятца».[53] Предмет «сделки» чепец в данном контексте уместно рассматривать как метафору женского начала, сродни венку как традиционному атрибуту девичества.

Уличный торговец апельсинами выведен в коротком рассказе «Из Офицерской улицы», опубликованном в журнале «Трутень» Н. И. Новикова (1769). Анекдот о супружеской неверности начинается следующими словами: «Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна, увидела разносчика с апельсинами и приказала его кликнуть. Разносчик пришел. Боярыня десяток апельсинов за полтину сторговала и начала чистить, а между тем, желая над ним пошутить, стала у него спрашивать: женат ли ты?».[54]

Разносчица из эпиграммы Баркова «Торг» продает не апельсины, а лимоны:

Что молвлю, господа, то будет не издевка.
Разносчицей в ряду цитронов была девка,
Молодчик молодой и лакомка тут был,
Задумал их купить и для того спросил:
— Цитронам сим цена, голубушка, какая?
— Копеек только пять, цена недорогая.
<...>[55]

Это довольно точный перевод анонимного французского стихотворения «La Vendeuse de citrons» («Продавщица лимонов»), текст которой встречается в сборнике фривольных эпиграмм «Le Joujou des demoiselles» («Девичья игрушка»), опубликованном впервые в 1753 г.[56]

Разносчик — протагонист комической оперы «Сбитенщик» Я. Б. Княжнина (1783). Произведение открывается своеобразным зазывом — арией сбитенщика Степана:

---

[53] Цитируется не расшифровка Ровинского, где есть неточности (*Ровинский Д. А.* Русские народные картинки... Кн. 1. С. 350), а сама картинка (воспроизведенная Ровинским в атласе к изданию 1881 г., доступном ныне в интернете на сайте https://digitalcollections.nypl.org/), с обозначением наших вторжений в лубочный текст (добавлены знаки препинания и пробелы).

[54] Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 73.

[55] Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992. С. 187. Ср. также другое изд. с разночтениями: *Барков И. С.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Сажина. СПб., 2004. С. 342 (Сер.: Новая библиотека поэта).

[56] См.: *Шруба М.* Русская обсценная эпиграмма XVIII века (переводы с французского) // Russian Literature. 2002. Vol. 52. № 1–3. P. 172–173.

Вот сбитень! вот горячий!
Кто сбитня моего?
Все кушают его:
И воин, и подьячий,
Лакей и скороход,
И весь честнóй народ.
Честные господа!
Пожалуйте сюда.[57]

Как известно, произведение Княжнина пользовалось значительным успехом. В русле этого успеха П. А. Плавильщиков сочинил продолжение, также упомянув разносчика в названии пьесы: «Мельник и сбитенщик — соперники» (1789).

Уличные торговцы неоднократно упоминаются в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) Н. М. Карамзина. В записи «Лион, 9 Марта, 1790» автор сообщает: «На другой день отвели нам две небольшие веселые комнаты, окнами на место de Terreaux перед ратушею, где беспрестанно бывает множество людей, кроме множества торговок, продающих яблоки, апельсины, померанцы и разные безделки».[58] В первой записи русского путешественника, посвященной Лондону, автор делится впечатлениями от города: «везде видите вы маленьких красавиц (в чистых, белых корсетах, с распущенными кудрями, с открытою снежною грудью), которыя держат в руках корзинки, и продают цветы».[59] В первой публикации в альманахе «Аглая» (1794–1795) данная фраза завершалась словами: «и продают цветы, розы и лилии, ясмины и ландыши».[60]

Разносчицей является, наконец, также главная героиня повести Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Девушка подрабатывает, в частности, именно продажей вразнос цветов и ягод:

> Одна Лиза, — которая осталась после отца пятнадцати лет, — одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды — и продавала их в Москве.[61]

---

[57] *Княжнин Я. Б.* Комедии и комические оперы / Изд. подгот. А. Ю. Веселова и Н. А. Гуськов. СПб., 2003. С. 379.

[58] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот.: Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1987 (Сер.: Лит. памятники). С. 198.

[59] Там же. С. 329.

[60] Там же. С. 446.

[61] *Карамзин Н. М.* Сочинения: в 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1. С. 508.

Данный момент отнюдь не безразличен для сюжета повести, поскольку Лиза знакомится с Эрастом именно в качестве разносчицы:

> Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы — и закраснелась. «Ты продаешь их, девушка?» — спросил он с улыбкою. — «Продаю», — отвечала она. — «А что тебе надобно?» — «Пять копеек». — «Это слишком дешево. Вот тебе рубль.[62]

Приведенных примеров достаточно, чтобы продемонстрировать, что образ разносчика встречается в русской литературе XVIII в. на всем ее протяжении, от Кантемира до Карамзина, причем в самых разных жанровых разновидностях. Не только в рассмотренных выше сериях иллюстраций с «зазывалами», но и в литературных произведениях отражается распространенность и повседневность феномена уличной торговли вразнос в прошлые столетия.

В XIX в. образ разносчика распространен весьма широко. Редкое описание городского ландшафта обходится без упоминания торговцев вразнос. Вспомним хотя бы пассаж о герое повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя (1835): «глаза его без всякого участия, без всякой жизни, глядели в окно, обращенное в двор, где грязный водовоз лил воду, мерзнувшую на воздухе, и козлиный голос разносчика дребезжал: *старого платья продать*».[63] Примеры можно бы множить чуть ли не бесконечно. Остановимся на известных строках из пушкинского «Евгения Онегина» (I, 35), где воссоздается картина утреннего Петербурга:

> Встает купец, идет разносчик,
> На биржу тянется извозчик,
> С кувшином охтинка спешит,
> Под ней снег утренний хрустит.[64]

Ю. М. Лотман прокомментировал слово «охтинка» следующим образом: «жительница Охты, окраинного района в Петербурге, зд.[есь]: молочница. Охта была заселена финнами, снабжавшими жителей столицы

---

[62] *Карамзин Н. М.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. С. 508.

[63] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [в 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.], 1938. Т. 3: Повести. С. 28.

[64] *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: роман в стихах / Коммент. Ю. М. Лотмана. М., 1991. С. 31.

молочными продуктами».[65] Образ молочницы из Охты возвращает нас к описанию картинки «Молошница» в книге Я. И. Басина, послужившей поводом для написания настоящей статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список гравированных и литографированных изданий «зазывал» с русскими мотивами

1750–1760

1) *Russische Trachten und Ausrufer in St. Petersburg = Habillemens Moscovites et Crieurs à St. Petersbourg* [Русские национальные костюмы и уличные торговцы в Санкт-Петербурге] / Invent. et faits à l'eau forte par Aug. Dahlsteen à Cassel chez W. C. Mayr, Graveur de la Cour. [ок. 1750–1760].

Художник: Августин Дальстен (Augustin Dahlsteen 1720 — ок. 1769). Серия из 49 мотивов; в том числе национальные костюмы (№ 1–31); разносчики (№ 32–49).

Beall R 1.

1764–1765

2) *Première Suite de Cris et Divers Marchands de Pétersbourg et de Moscou Dessinés d'après Nature* [Первая серия различных уличных торговцев Петербурга и Москвы, рисованных с натуры] / Dédiée à Mr. Chardin, Peintre du Roi Conseiller et Trésorier de son Académie Royale de Peinture et de Sculpture. Par son très humble et très obéissant serviteur et son élève Le Prince. [1764–1765].

Художник: Жан-Батист Лепренс (Jean-Baptiste Le Prince, 1734–1781). Серия из 6 мотивов.

Beall R 2.

1765

3) *2me Suite de Divers Cris de Marchands de Russie* [Вторая серия различных уличных торговцев России] / Dediée à Monsieur Boucher, Premier Peintre du Roy, Recteur et Directeur de son Académie Royale de Peinture et de Sculpture. Par son très humble et très obeissant serviteur et son élève Le Prince. [1765].

Художник: Ж.-Б. Лепренс. Серия из 6 мотивов.

Beall R 3.

---

[65] Там же. С. 376.

1767–1768

4) *IIIe Suite de divers Cris de Marchands de Russie* [Третья серия различных уличных торговцев России]. [1767–1768].

Художник: Ж.-Б. Лепренс. Серия из 6 мотивов.

Beall R 4.

1794

5) *Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer, zur Erklärung der darauf abgebildeten Figuren* [Описание гравюр на меди, изданных под названием: Санкт-Петербургские торговцы вразнос, для объяснения изображенных там фигур] = *Déscription des Planches relatives aux Crieurs publics de St. Pétersbourg, et Explication des Figures* [Описание гравюр с изображением зазывал Санкт-Петербурга и объяснение фигур]. St. Petersburg, bei Carl Lissner, 1794. Heft = Cahier 1–[3].

Художники: Христиан Готфрид Генрих Гейслер (Christian Gottfried Heinrich Geissler (Geißler, Geisler), 1770–1844) и Христиан Готхельф Шёнберг (Christian Gotthelf Schönberg, 1760–?). В каждой из трех тетрадей серия из 6 мотивов с описаниями гравюр.

Beall R 5.

1799

6) *Национальные изображения промышленников, снятые с натуры в Санкт-Петербурге* / Изд. Я. Б. [Я. И. Басиным]. Москва: В Губернской Типографии у А. Решетникова, 1799 года.

Художник: Яков Иванович Басин (1754–1804). Серия из 20 мотивов с описаниями гравюр. Первые 18 гравюр представляют собой копии иллюстраций издания 1794 г.

Beall не учтено.

1801–1802

7) *Costumes, mœurs et coûtumes des russes, dessinés à Saint-Petersbourg par Ch. G. H. Geissler, dessinateur, attaché à M. de Pallas, décrit par M. le Dr. J. G. Gruber, et traduits par M. de L.....* [Костюмы, нравы и обычаи русских, изображенных в Санкт-Петербурге Х. Г. Г. Гейслером, рисовальщиком, служащим при г. де Палласе, описанные г. д-ром И. Г. Грубером, и переведенные г. де Л.....] = *Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen in St. Petersburg, dargestellt in Gemählden mit Beschreibungen von Dr. J. G. Gruber und Ch. G. H. Geissler, Zeichner und Reisegesellschafter des Herrn Staatsraths von Pallas* [Нравы, обычаи и костюмы русских в Санкт-Петербурге, изображенные в картинах с описаниями д-ра И. Г. Грубера и Х. Г. Г. Гейслера, рисовальщика и служащего при г. статском советнике фон Палласе]. Leipzig, au Comptoir d'Industrie = im Industrie-Comptoir, [1801–1802]. Cahier = Heft 1–[8].

Художник: Х. Г. Г. Гейслер. Серия из 40 мотивов с описаниями гравюр.
Beall R 6.

1803–1804

8) *A picturesque representation of the manners, customs, and amusements of the Russians, In one hundred coloured plates; With an accurate explanation of each plate in English and French. In three volumes* [Живописное представление нравов, обычаев и развлечений русских, в ста раскрашенных гравюрах; с точным объяснением каждой гравюры по-английски и по-французски. В трех томах]. By John Augustus Atkinson, and James Walker. London: Printed by W. Bulmer and Co., 1803–1804. Vol. 1–[3].

Художники: Джон Огастес Аткинсон (John Augustus Atkinson, 1775–1830), Джеймс Уокер (James Walker, 1748–1808). Серия из 100 мотивов с их описаниями; примерно на двадцати гравюрах изображены разносчики и представители других промыслов.

Beall не учтено.

1805

9) *Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen aus den niedern Ständen, dargestellt in Gemälden mit Beschreibungen von J. Richter und C. G. H. Geissler. Zweyter Band* [Нравы, обычаи и костюмы русских из низких сословий, изображенные в картинах с описаниями И. Рихтера и Х. Г. Г. Гейслера. Второй том]. Leipzig, im Industrie-Comptoir, [1805]. Abteilung [1]–2.

Художник: Х. Г. Г. Гейслер. Две серии по 14 мотивов с их описаниями; на тринадцати из двадцати восьми гравюр представлены торговцы вразнос.

Beall R 6.

1809

10) *Russian Cries in correct Portraiture from Drawings done on the Spot by G.* (так! — *М. Ш.*) *Orlowski, and now in the Possession of the R[igh]t Hon[oura]ble Lord Kinnaird* [Русские уличные торговцы в точном изображении на основе рисунков, сделанных на месте Г. Орловским, а теперь во владении достопочтенного лорда Киннерда]. London, Published by Edward Orme, Bond-Street, 1809.

Художники: Александр Осипович Орловский (1777–1832), Джеймс Годби (James Godby, 1767–1849), Джон Суэйн (John Swaine, 1775–1860). Серия из 9 мотивов (включая гравированный титульный лист).

Beall R 7.

1817

11) *Mœurs et costumes des russes, Représentés en 50 Planches coloriées, exécutées en lithographie* [Нравы и костюмы русских, представленные в 50 раскра-

шенных иллюстрациях, исполненных в технике литографии] / Par A. G. Houbigant. A Paris, de l'Imprimerie de Firmin Didot, Rue Jacob, № 24, 1817.

Художник: Арман-Гюстав Убиган (Armand-Gustave Houbigant, 1789–1862). Серия из 50 мотивов с их описаниями; зеркальные копии избранных гравюр Дж. О. Аткинсона и Дж. Уокера из издания 1803–1804 гг. На примерно десяти литографиях изображены разносчики и представители других промыслов. Известно также переиздание с выходными данными: Paris; Strasbourg: à la Librairie de Treuttel et Wurtz, 1821.

Beall не учтено.

1817–1818

12) *Волшебный фонарь, или Зрелище С. Петербургских расхожих продавцев, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. Ежемесячное издание на 1817 год = Lanterne magique, ou Galérie de colporteurs, d'artisans et d'autres gens de métier de la classe du peuple à St. Pétersbourg, dont on a représenté les costumes d'après nature et tracé les entretiens dans le langage de leur condition respective. Ouvrage périodique pour l'année 1817 = Lanterna Magica, oder Gallerie St. Petersburgischer Hausirer, Handwerker und sonstiger Gewerbsleute aus der Volksklasse, in gehöriger Nazionaltracht nach der Natur entworfen, und nach ihrem verschiedenen Verhältniss sprechend, dargestellt. Eine Monatsschrift auf das Iahr 1817.* Санктпетербург: В типографии В. Плавильщикова, 1817–1818. № 1–12.

Художник не указан. «Авторами гравюр назывались А. Г. Венецианов, К. А. Зеленцов, П. П. Свиньин, А. Серракаприола».[66] В каждом из двенадцати выпусков журнала от двух до четырех литографированных изображений. Всего 40 мотивов.

Beall не учтено.

1823

13) *Collection de cris et costumes de St. Pétersbourg, Dessinés et coloriés, d'après nature, par divers artistes* [Собрание уличных торговцев и костюмов Санкт-Петербурга, нарисованных и раскрашенных, с натуры различными художниками]. St. Pétersbourg, au Dépot Lithographique, chez Alexandre Pluchart. 1823.

Художники: Павел Александрович Александров (1798–1832), Карл Иванович Кольман (1788–1846). Серия из 16 мотивов.

Beall R 8.

---

[66] Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб.: РНБ, 1997. Т. 1: Журналы (А–В). С. 498.

1826

14) *Album russe, ou Fantaisies dessinées Lithographiquement* [Русский альбом, или Фантазии, нарисованные литографическим способом] / Par C. Lebschée d'après Alexandre Orlowskj. Munic, chez J. M. Hermann, 1826.

Художник: Карл Август Лебшé (Carl August Lebschée, 1800–1877), зеркальные копии литографий А. О. Орловского и К. И. Кольмана. Серия из 12 мотивов.

Beall R 9.

1834

15) *Собрание рисунков, изображающих разносчиков в С. Петербурге = Cris de St. Pétersbourg, Collection de petit dessins à l'usage de la jeunesse, dessinés & coloriés dans l'établissement de Charles Beggrow, Perspective de Nevsky, maison de l'Eglise St. Pierre, le logement № 43, l'entrée par la petite rue des Ecuries*. Печатать позвол[яется]. СПб., 1834. Цензор В. Семенов (13 ноября).

Художник: Карл Петрович Беггров (1799–1875);[67] по другим данным: Василий Семенович Садовников (1800–1879).[68] Серия из 24 мотивов в картонной папке (спереди на папке заглавие как выше; сзади иллюстрация с подписью: «Толкучий рынок. Stchoukin Dwor»).

Beall не учтено.

1845

16) *M[archan]d[s] ambulants de S. Pétersbourg* [Санкт-Петербургские торговцы вразнос].[69] Paris: Imp. Lemercier; [Москва; Санкт-Петербург:] Издание Дациаро, [ок. 1845].[70]

---

[67] Ср. описание аукционного дома: «24 hand-colored lithograph cards, heightened with gum arabic. 12.5×9.5 cm (5×3¾") original green glazed board slipcase with printed paper label on one side and an engraved illustration on the reverse. Custom cloth box» («24 раскрашенные от руки литографированные карточки, скрепленные арабской резинкой. Оригинальный зеленый глянцевый выдвижной футляр размером в 12.5×9.5 см (5×3¾") с печатной бумажной этикеткой с одной стороны и с гравированной иллюстрацией с задней стороны. Изготовленная на заказ тканевая коробка») (URL: https://www.pbagalleries.com/view-auctions/catalog/id/345/lot/106087/Cris-de-St-Petersbourg-Collection-de-petits-dessins-a-l-usage-de-la-jeunesse (дата обращения: 12.11.2022)).

[68] URL: https://www.christies.com/en/lot/lot-5220949 (дата обращения: 12.11.2022).

[69] Издание описано и воспроизведено на сайте собрания эстампов S. P. Lohia Collection: URL: https://www.splrarebooks.com/collection/view/marchands-ambulants-de-st.-petersbourg (дата обращения: 12.11.2022).

[70] Датировка, сообщаемая на вышеуказанном сайте («ca. 1820–30»), неверна. См.: *Camerlengo L.* Un secolo al museo. La raccolta Daziaro tra Ottocento e Novecento // Paesaggi lontani e meravigliosi. Далекие и удивительные пейзажи: L'antica Russia nelle stampe

Художник: Анри Антуан Луар (Henri Antoine Loire, 1821–1898). Серия из 24 мотивов.

Beall R 10.

---

tesine del Museo Puškin di Mosca / A cura di E. Bogatyrev, L. Camerlengo. Trento, 2013. P. 152. Итальянский предприниматель, владелец известных магазинов с эстампами в Москве и Петербурге Иосиф Христофорович Дациаро (Дацияро; Giuseppe Daziaro, 1796 / 1806–1865), приехавший в Россию в 1820-е гг., развил собственную издательскую деятельность около 1840 г., опубликовав вплоть до своей кончины около тысячи литографий и гравюр (см.: *Fietta E.* Un secolo di presenza dei Daziaro in Russia // Ibid. P. 61).

С. И. НИКОЛАЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА В 1920-х гг.

(Статья Т. М. Глаголевой о Феофане Прокоповиче и А. Кантемире)

На рубеже XIX–XX вв. в отечественном литературоведении появились первые ученые, которые сосредоточились на изучении русской литературы XVIII в. Большую роль в воспитании целого ряда исследователей и исследовательниц сыграл В. В. Сиповский. Несколько слушательниц из его семинара увлеклись русской литературой XVIII в., но самый значительный вклад в изучение творчества писателей этого периода, особенно А. Д. Кантемира и М. В. Ломоносова внесла Т. М. Глаголева.[1]

Татьяна Матвеевна Глаголева (1885–1962) после окончания Василеостровской женской гимназии поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы, после окончания которых в 1907 г. была оставлена при кафедре русской литературы, а в 1909 г. была принята преподавателем и вела семинары по истории русской литературы. Большое влияние на нее во время обучения оказали лекции профессора С. Ф. Платонова, но на третьем курсе она перешла в семинар профессора В. В. Сипов-

[1] Выражаю сердечную благодарность А. В. Вострикову, обратившему мое внимание на публикуемый доклад Т. М. Глаголевой, он же сообщил мне целый ряд биографических и библиографических сведений о Т. М. Глаголевой. О его докладе «Татьяна Матвеевна Глаголева-Берхен и ее архив» см.: *Обатнина Е. Р.* XXII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома // Русская литература. 2020. № 2. С. 236.

© С. И. Николаев, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-337-341

ского, став его ученицей и посвятив себя изучению литературы XVIII в., что в то время было, скорее, исключением, чем правилом. При этом Т. М. Глаголева живо интересовалась современной литературой, писала стихи и даже посылала их А. А. Блоку, который ответил ей благожелательно, а вскоре в петербургских журналах было опубликовано несколько ее стихотворений. В 1916 г. Глаголева по личным обстоятельствам уволилась и более нигде не служила. Вместе с семьей, а потом и с мужем она жила в разных городах, в 1922 г. вернулась в Петроград, попыталась вернуться к научной работе, выступила с публикуемым докладом в Обществе любителей древней письменности в 1923 г., но вскоре оставила занятия и переехала с мужем в 1927 г. в Москву.[2]

Литературным наследием А. Кантемира Т. М. Глаголева занялась по совету профессора В. В. Сиповского. Еще будучи слушательницей женских курсов, Глаголева занималась в отделах рукописей Библиотеки Академии наук, в Публичной библиотеке и в Румянцевском музее. После издания сочинений А. Кантемира в 1867–1868 гг. под редакцией П. А. Ефремова Глаголева стала фактически первой исследовательницей, обратившейся к рукописному наследию поэта. Результаты своих текстологических исследований Глаголева публиковала, начиная с 1906 г., в изданиях Академии наук и в журналах «Филологические записки»: «Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира», «К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира. Влияние Буало и Лабрюйера», «Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века». Вклад Глаголевой в изучение наследия Кантемира значителен, и ее разыскания не потеряли своего значения до сегодняшнего дня, что и было отмечено в издании «Собрание стихотворений» Кантемира (1956).[3] Достаточно сказать, что ею обнаружены и впервые опубликованы переводы сатир Н. Буало, сатира «На Зоила», стихотворение «О жизни спокойной», эпиграммы и сделан целый ряд уточнений к другим произведениям.

Публикуемый доклад Т. М. Глаголевой, прочитанный ею в 1923 г. в Обществе любителей древней письменности, посвящен творческим

---

[2] См.: Русская интеллигенция: Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб., 2002. Т. 1: А–Л. С. 303–304; *Соболев А. Л., Тименчик Р. Д.* Венеция в русской поэзии. 1888–1972: опыт антологии. М., 2019. С. 608–611.

[3] См.: *Кантемир А.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 432. Ср.: *Берков П. Н.* Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века. С. 154–155.

связям Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира. В самом начале Глаголева отмечает, что эта проблема уже была предварительно рассмотрена И. А. Чистовичем и П. О. Морозовым, однако сами сопоставления произведений обоих авторов, по мнению докладчицы, были не вполне корректны по своим текстологическим подходам, что и дает ей основание для нового сравнительного исследования. Глаголева тщательно сопоставляет произведения Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира, учитывая разнообразные биографические этапы жизни обоих авторов, и только в результате своих оригинальных сравнений текстов приходит к заключению, подтверждающему высказанную ранее в общих словах мысль, что «без Феофана Прокоповича русская литература не имела бы в лице Кантемира сатирика-реалиста, сатирика-бытовика». Следует отметить, что и в наше время творческим связям Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира посвящен ряд работ.[4] При этом некоторые стихотворения первой трети XVIII в. приписывались как Феофану, так и Кантемиру, что еще раз говорит об общности их творческих интересов и поисков.[5] Таким образом, публикуемый доклад Глаголевой, который она в 1950-х гг. переделала в статью, не теряет своей актуальности. В статье можно увидеть и некоторые неточности, так, Глаголева считала, как и ее предшественники, что так называемая Девятая сатира Кантемира «На состояние сего света. К Солнцу» напи-

---

[4] См.: *Луцевич Л. Ф.* 1) Духовные стихотворения Антиоха Кантемира и Феофана Прокоповича // Луцевич Л. Ф. Псалтырь в литературе: учеб. пособие по спецкурсу. Кишинев, 2001. Ч. 2: Стихотворные переложения псалмов в русской поэзии XVIII века. С. 45–86; 2) Опыты обращения к псалтыри в первой половине XVIII в. (А. Кантемир и Ф. Прокопович) // Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 121–179; *Копаница Л. Н.* 1) К вопросу о реформе силлабического стихосложения в украинской и русской литературах XVIII столетия (на материале литературно-теоретического наследия Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира) // Вісн. Київськ. ун-ту. Укр. філологія, 1980. Вип. 22. С. 54–60; 2) Феофан Прокопович и Антиох Кантемир (К истории русско-украинских литературных связей): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1982; 3) Поэтика сатирических произведений Ф. Прокоповича и А. Кантемира и интермедии первой половины XVIII в. // Вопросы русской литературы. Львов, 1985. Вып. 1 (45). С. 30–36; *Довгий О. Л.* «И Кантемир, и Феофан…». Saarbrücken, 2015.

[5] См.: *Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 154–160. Ср.: *Николаев С. И.* Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 г.? (Об авторстве «Эпода утешительного») // Русская литература. 1989. № 2. С. 191–193.

сана им. Но только после смерти Глаголевой было установлено, что эта сатира не принадлежит Кантемиру. Напомню, что и в «Собрании стихотворений» 1956 г. эта сатира напечатана как безусловно принадлежащая Кантемиру.

После выхода в 1956 г. «Собрания стихотворений» Кантемира Глаголева оставила свои научные занятия, вероятно, не увидев перспектив для своей дальнейшей работы. Но о XVIII в. она продолжала размышлять, о чем еще в начале 1950-х гг. и писала в письмах к бывшей ученице по Высшим женским курсам Т. И. Немчиновой-Егоровой:

> Ну, а я сама живу по преимуществу в XVIII в.: сейчас даже не пишу, а все читаю, читаю вокруг и около Кантемира — воссоздаю просто для себя и политическую атмосферу, и личные взаимоотношения его молодости, сживаюсь с различными людьми и характерами, проникаюсь различными симпатиями и антипатиями, — словом, становлюсь современницей моего князя Антиоха. И, право, это интересней, чем общение с живым человечеством... <...> мне уже 66! И больше, в сущности, выдержки и тренировки, чем фактических сил. А потому если XVIII-ый век позволяет мне спать по ночам, оттягивая от тяжких дум и горечи утраты, то и благо ему! И может быть, в конце концов, комунибудь когда-нибудь и пригодится то, что созреет в свое время из этого погружения в прошлое. <...>
>
> Но вообще, говоря по совести, я довольно минорно настроена по отношению к своему творчеству: с Кантемиром я очень сжилась и представляю себе вполне отчетливо его характер, привычки, склонности, словом, чувствую человека, но к оценке его литературного значения что-то ничего нового прибавить не могу. Но сделать работу так или иначе хочу: терпеть не могу ничего незавершенного, да и как-то осмыслить собственное существование надо. <...>
>
> Ну, ехать я, конечно, никуда не поеду: первое — монет таковых не имеется, второе — К<антеми>р не только не готов, но и вообще неведомо когда будет готов, пот<ому> что учиться и узнавать гораздо интереснее, чем выложить, в более или менее приличной одежке, то, что, в сущности, уже давно известно и признано: о самобытности содержания Кантемировских сатир, о его просветительской деятельности, его значении и проч. и проч.[6]

Известие о докладе 1923 г. было опубликовано в отчете о деятельности Общества.[7] После кончины Глаголевой в 1962 г. П. Н. Берков, работавший тогда над своей книгой «Введение в изучение истории русской литературы XVIII века», в которой упомянул и Глаголеву, собирался

---

[6] ОР РНБ. Ф. 273. № 294. Л. 11 об.–12; 22–22 об.; 29 об.–30.

[7] См.: Краткий отчет о деятельности Общества любителей древней письменности и искусства за 1917–1923 гг. Л., 1925. С. 4.

познакомиться с ее архивом. О смерти Глаголевой ему, видимо, сообщил Н. К. Пиксанов, с которым Глаголева вместе преподавала на женских курсах. Ознакомиться с архивом П. Н. Беркову не удалось, тем не менее он составил небольшую биографическую заметку о Глаголевой со списком опубликованных работ, которая публикуется после доклада. Сам же архив поступил в рукописный отдел Пушкинского Дома только в феврале 1972 г., т. е. после смерти П. Н. Беркова.

Доклад Т. М. Глаголевой публикуется по машинописи, хранящейся в РО ИРЛИ, вместе с заметкой П. Н. Беркова, которая хранится в том же архиве. Для настоящей публикации библиографические описания проверены и приведены в соответствие с современными нормами оформления библиографических ссылок.

Т. М. ГЛАГОЛЕВА-БЕРХЕН

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (1681–1736) И КН. АНТИОХ КАНТЕМИР

(к вопросу о литературном влиянии)

Вопрос, составляющий содержание настоящей статьи, не нов: резко бросающееся в глаза сходство между сатирами кн. Антиоха Кантемира и проповедями Феофана Прокоповича, которые по своему полемическому тону зачастую сбивались на сатиру, заставило еще Дудышкина в 1848 г.[1] по поводу смирдинского издания сочинений Кантемира[2] говорить об общности тем у обоих авторов и произвести ряд сопоставлений текстов.

Чистович в своем исследовании о Феофане Прокоповиче, ссылаясь на Дудышкина, говорит о том, что «между проповедями и сатирами можно провести довольно полную параллель».[3]

Наконец, наиболее серьезно коснулся этой темы П. О. Морозов[4] и на основании сличений текстов упомянул уже не только об общности тем и параллелизме, но и о влиянии Феофана Прокоповича на его младшего современника. Конечный вывод, к которому пришел Морозов, это предположение, что Кантемир, «может быть, именно последнему (Фео-

---

[1] См.: *Д-н [Дудышкин С. С.]*. Сочинения Кантемира. Издание А. Смирдина. СПб., 1847 // Современник. 1848. № 12. Отд. 3. С. 1–40.

[2] См.: *Кантемир А.* Сочинения. СПб., 1847.

[3] *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 619.

[4] *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.

© Т. М. Глаголева-Берхен, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-342-355

фану Прокоповичу. — *Т. Г.-Б.*) обязан тем, чем стал он для русской литературы».[5]

Все указанные исследователи цитировали Кантемира или по испорченному смирдинскому тексту, или по второй, позднейшей, редакции сатир,[6] где в значительной мере сглажены следы всех литературных влияний вообще, какие отразило на себе творчество Кантемира.

Наша небольшая задача — пересмотреть заново вопрос о влиянии Феофана Прокоповича на Кантемира, пользуясь текстом сатир в их первоначальной редакции, т. е. в том виде, в каком они имели фактическое распространение в России в виде рукописных сборников и дополнив его некоторыми еще не указанными сопоставлениями аналогичных текстов, и указать, какое место среди литературных учителей Кантемира принадлежит знаменитому пастырю-сподвижнику Петра.

Биографические данные с полной несомненностью устанавливают связь между интересующими нас лицами; обычно историю их взаимоотношений начинают с приветствия Феофана Прокоповича, направленного к анонимному автору сатиры «К уму своему», т. е. с конца 1729 г. На наш взгляд, ее надо начинать значительно раньше, приблизительно с 1725–26 гг.; правда, точных документальных данных о личном знакомстве в эти годы не имеется, но некоторые штрихи из жизни обоих дают возможность строить соответствующие предположения.

Начать с того, что с раннего детства Кантемир, вероятно, не раз слыхал упоминание имени Прокоповича: приведение к присяге на русское подданство отца его кн. Дм. Кантемира сопровождалось проповедью начинавшего входить в ту пору в силу Феофана (27-го июня 1711 г.).[7]

К 1720 г., т. е. когда кн. Антиоху было 12 лет, относится «Первое учение отрокам» Прокоповича и возражение на него кн. Дм. Кантемира. Феофан Прокопович, ответив своему критику письменно, препроводил этот ответ, как предполагают, Афанасию Кондоиди — домашнему наставнику молодых Кантемиров.[8] Нет ничего невероятного, что любознательный, много читавший и занимавшийся мальчик познакомился

---

[5] Там же. С. 383.

[6] 5-я сатира была переделана в 1737 г. в Лондоне, остальные — в 1739–1740 гг. в Париже. Ср. письмо к Хр. Гроссу 1-го мая 1740 г.: *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 159.

[7] См.: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. С. 15.

[8] Там же. С. 54.

с этой полемикой своего отца, если не в момент ее появления, то несколько позже.

В 1725 г., когда была основана Академия наук, кн. Антиох записался в число первых ее учеников. Известно, как много внимания уделял Академии Феофан; весьма возможно, что, благодаря малому количеству учеников,[9] он знал их всех лично; первая встреча кн. Антиоха с Феофаном Прокоповичем могла даже произойти на самом открытии Академии, — торжественное заседание 26-го декабря 1725 г., — на котором оба присутствовали.[10]

И Кантемир, и Феофан Прокопович примыкали к одной и той же среде высшей русской аристократии; не исключена возможность, что, при общности знакомых, они встречались в различных домах; так, например, Феофан Прокопович был большим другом кн. Д. М. Голицына, приходившегося Кантемиру родственником, и о посещениях его дома кн. Антиох упоминает в своем сохранившемся дневнике за 1728 г.[11] Далее: мы знаем, что старший сверстник и, по-видимому, друг детства молодых князей Кантемиров — П. Д. Апостол (сын гетмана), вернувшийся снова в Петербург после жизни в Малороссии, в 1725 г. постоянно посещавший «молдавских князей»,[12] также бывал у Феофана Прокоповича.[13]

Бывший наставник кн. Антиоха, Афанасий Кондоиди, с которым юноша поддерживал отношения,[14] также личный знакомый Прокоповича. Наконец, молодой академический профессор Христиан Гросс,

---

[9] В 1726–1727 гг. в Академии наук всего числилось 13 студентов: Материалы для истории Академии наук. СПб., 1887. Т. 1. С. 386; Т. 4. С. 443.

[10] «К десяти часам утра в одну из зал этого дома собрались все значительнейшие лица города. В числе их был герцог Голштинский, муж старшей дочери Петра Великого. Из высшего духовенства присутствовал покровитель многих из академиков Феофан Прокопович», см.: *Пекарский П.* История имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 1. С. XXXIX. — О присутствии кн. Антиоха: «Я присутствовал при речах, которые держали профессора, недавно прибывшие из Германии. Оттуда отправился обедать к M-r Mathieu вместе с молдавскими князьями», см.: Дневник Петра Даниловича Апостола // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 7. С. 128.

[11] См.: *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 2. С. 344–349.

[12] Дневник Петра Даниловича Апостола. С. 124–129.

[13] Там же. С. 124: «Вечером отправились в дом Прокоповича, который принял нас очень любезно».

[14] Там же. С. 128.

не только учитель, но и большой приятель кн. Антиоха, одновременно находится в дружеских отношениях с Феофаном Прокоповичем, и последний называет его в переписке «frater carissime».[15]

Таким образом, нитей, связывающих Кантемира со знаменитым проповедником, было немало; если прибавить к этому, что у Феофана Прокоповича была прекрасная библиотека, которую он охотно предоставлял на пользование желающим и что на вечерах у Феофана происходили живые литературные и научные беседы,[16] — трудно предположить, чтобы кн. Антиох, при своей любознательности, не постарался воспользоваться этими культурными благами и не попросил друзей ввести его в дом Прокоповича.

Но, естественно, в силу разности возраста (Прокоповичу в 1725 г. около 45 л., Кантемиру — 17 л.) и положения, каких-либо прочных личных отношений, до выявления таланта Кантемира, установиться не могло. В то же время широкая образованность Кантемира, отмечавшаяся даже европейцами,[17] общий уклад его натуры и идейных симпатий представляли благодарную почву, на которой легко могло привиться влияние такой характерной личности, как Прокопович, и постепенно созревать под впечатлением частых проповедей Феофана и различных событий, развертывавшихся вокруг него.

1727–28 гг. в жизни Прокоповича наполнены борьбой с Георгием Дашковым, который стремился к восстановлению патриаршества, и неприятностями, связанными с изданием «Камня веры» Стефана Яворского. Вообще, конец царствования Петра II, отмеченный господством верховников, был как для Прокоповича, так и для его приверженцев — партии петровской реформы — исключительно тяжелой эпохой; свои настроения Феофан Прокопович выразил в известном стихотворении «Плачет пастушок в долгом ненастии» (1729 г.). И вот на эту лириче-

---

[15] Тридцать четвертое, и последнее присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 25 Июня 1865 года. СПб., 1866. С. 139. Об их дружеских отношениях см. также в переписке Гросса с Байером 1729–1731 гг., см.: *Пекарский П.* История имп. Академии наук. Т. 1. С. 216–217.

[16] *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. С. 88.

[17] Янсенист Жюбэ считал кн. Антиоха единственно образованным из всех русских: *В. Т.* Сношения России с папским престолом в исходе 17 и первой половине 18 века // Русская старина. 1908. № 12. С. 592. См. еще: Сб. Русского исторического общества. СПб., 1889. Т. 66. С. 392.

скую жалобу Кантемир откликается своей «Epodos consolatoria»[18] — характерный факт, указывающий на уже завязавшуюся близость.

Кн. Антиох в 1729 г. тоже пережил много тяжелого в связи с лишением отцовского наследства:[19] впервые ему, жившему мирно среди своих книг, пришлось, как страдательному лицу, столкнуться с действительной жизнью, и этот толчок послужил импульсом к проявлению творчества: 1-я сатира и несколько мелких лирических стихотворений знаменуют собой этот период. Установить точную последовательность в написании этих произведений невозможно, — хронологические данные чересчур скудны, и предшествует ли «Epodos consolatoria» 1-й сатире или следует за ней, — мы не знаем, но вернее предположить последнее.

Известна история 1-й сатиры и приветственных стихов Феофана Прокоповича, кто был приятель, показавший без ведома автора его труд, — по нашему предположению, Хр. Гросс или кто-либо другой, в данном случае неважно. Важен тот факт, что Прокопович усмотрел в известном ему уже гвардейском поручике видную литературную силу и идейного единомышленника и постарался немедленно вовлечь его в ряды своих партийных приверженцев. Политические события, предшествовавшие вступлению на престол Анны Иоанновны, помогли этому; Феофан, как известно, был душой партии восстановления самодержавия, и Кантемиру, примкнувшему к заговору уже в самом конце, была предоставлена довольно видная, соответствовавшая его возрасту и литературным способностям роль: он составлял текст адреса от дворянства и объезжал гвардейские полки, собирая под ним подписи; в момент подачи императрице адреса он был в числе лиц, подносивших его, и сам читал его вслух.

Феофану Прокоповичу Кантемир был нужен как человек даровитый и полезный, как лишнее орудие пропаганды его взглядов посредством сатир, быстро распространявшихся в списках, и, вероятно, Феофан сумел искусно мало-помалу вводить его в круг своего идейного влияния, постепенно подчинить себе молодой ум. А влияние идейное тесно связывалось и с чисто литературным: Кантемиру, начинавшему свое литературное поприще и искавшему образцов везде, совершенно естественно

---

[18] См.: *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 283–288.

[19] Подробней об этом см.: *Стоюнин В.* Князь Антиох Кантемир // Кантемир А. Д. Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. XL–XLI.

было обратиться к проповедям и другим произведениям Прокоповича, — воспользоваться единственным материалом, подходящим к его направлению и выбранному литературному жанру, из всей книжной литературы, существовавшей дотоле в России.

Посвящением Феофану Прокоповичу III-й сатиры Кантемира заканчиваются сведения об их взаимоотношениях: 1-го января 1732 г. Кантемир выехал за границу и больше уже не возвращался на родину; сношения с Феофаном до смерти последнего выразились всего в трех письмах, да и то делового характера, — по поводу перехода в православие пастора Милярда.[20]

Это лишний раз подчеркивает, что отношений личных, дружеских между Прокоповичем и Кантемиром не было — связь их базировалась исключительно на общности политических взглядов и всего мировоззрения вообще, и на почтении юноши Кантемира к «дивному первосвященнику».

Все сказанное подводит нас к положению, что влияние Прокоповича отразилось на сатирах Кантемира в нескольких формах; прежде всего, приходится отметить:

1) ту же общность тем, которая указывалась другими исследователями, именно — защита и оправдание просвещения и петровских реформ вообще, доказательство необходимости культуры и вред от недостаточности и неправильного понимания ее недоучками;

2) у Кантемира мы встречаемся с художественным развитием темы Феофана, данной схематически или в краткой характеристике того или иного типического лица, этот вид влияния представляется нам наиболее интересным, так как показывает литературную манеру, в какой Кантемир претворял заимствованное извне;

3) формальные заимствования отдельных слов и выражений Прокоповича, и наконец

4) частные выпады по адресу личных недругов Феофана.

Мы не будем останавливаться на первом положении, о котором говорилось многократно и для подтверждения которого достаточно беглого знакомства с творчеством обоих рассматриваемых авторов; приведем в ряде параллельных текстов отрывки из сатир, подтверждающие второе положение: развитие заимствованной темы и художественная

---

[20] См.: *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. С. 21–25.

(поскольку этот термин вообще приложим к литературной деятельности Кантемира) ее обработка.

В одной из своих проповедей 1717 г. Феофан Прокопович говорит о различных видах лицемерия, — Кантемир создает из его схемы живые бытовые характеристики.

Прокопович. Слово 12-е:

> <...> кольми паче другое оное дебелое мерзско есть. Се же есть, егда <...> нарочно притворяем ухищренный вид святости <...>. То творим, егда пред людми воздержницы быти показуемся, опрятаемся от ястия и пития, аще и мернаго, аще и благочестию не противнаго, и помрачаем лица (а есть хитрость на тое), да видими будем пред человеки постящеся; смежаем очи, умильно осклабляемся, главы прекривлены носим, плач явити тщимся, хотя не текут слезы; употребляем часто онаго лжеучительства: «Не коснися, ниже вкуси, не осяжи», ни мало радяще, яко сие от апостола укоренно есть. И куды взошло лукавство сие? Сония и видения божественныя притворяют святии сии идоли, дабы прельстити к себе сердца незлобивых и снискати честь и имение.[21]

Кантемир. Сат. III, ст. 119–142:

Бледн лицом, не расчесан, в лоскутах одежды,
Как сын млад, когда отца видит без надежды
На смертном суща одре, сердцем унывает,
И сколь тяжка его скорбь — вид лица являет.
Так сей тих, смирен, молчлив, как в палату войдет —
Всем низко поклонится, к всякому подойдет,
Та же, в угол скрывшися, очи в землю втупит;
Чуть слыхать, как говорит; чуть — как ходит, ступит.
Спросишь ли, что у него — покорно чрез меру,
Не отвещав на вопрос, похваляет веру;
Как священные отцы в пустынях трудились,
Как молилися долго, как много постились,
Как красив тот весь устав, что в церковну славу
Уставил обычаи, дал пользу тем здраву
Душам, великолепные учинил храмы.
К чему слово, можете догадаться сами:
О доходах говорить церковных склоняет;
Кто дал, чем он жиреет, того похваляет,
Другое всяко не столь угодно есть Богу
Действо; тем только может достать всяк мзду многу.
Когда где зван за столом — и мясо противно,
И пить много не может, да то и не дивно:

---

[21] *Феофан Прокопович.* Слова и речи. СПб., 1760. Ч. 1. С. 217.

Дома съел целый каплун, да на жир и сало
Бутылки венгерского с нуждой запить стало.[22]

Прокопович:

Тонкое нарицаю лицемерие, когда самих себе прельщаем, мнящеся быти боголюбцы, а от любве божией далече отстояще. Се же бывает, егда внешный некий вид святыни имеюще, доволяемся тем, ни мало внутренняго ищуще исправления. Например, постится некто телесне, а не духовне; молитвы творит многословием, а не духом и умом; велеречит о нестяжании, а сам и крадет; славит милостыню, а сам и ограбляет и сим подобная.[23]

Кантемир. Сат. IX, ст. 127–137:

Смотри: купец украшен в пояс бородою,
В святом и платье ходит, только не с клюкою,
Во всем правдив, набожен: прийдет до иконы —
Пол весь заставит дрожать, как кладет поклоны!
И чаял бы ты, что он весь в правости важен;
Погляди ж завтре аж где? — в тюрьме уж посажен.
Спросишь: «За что тут муж сидит святой и старый?» —
Воровством без пошлины провозил товары.
Эдакой святец вот что делает, безгрешный!
К Богу лицемер, к власти вор и хищник спешный![24]

Менее удалось Кантемиру изображение льстеца, являющееся также развитием темы Прокоповича из той же проповеди; оно находится во 2-й редакции III-й сатиры, которая, как и все творчество Кантемира позднего периода, сильно утратила в своем бытовом колорите.

Прокопович:

Хвалит все, что-либо у любимаго видит, аще и воспоминания, не точию похвалы не есть достойное. Хвалит и природная, и случаемая: «Как изрядный ход! Как пригожее платие!» Найдет, чаю, как бы похвалити и кашель господский».[25]

Кантемир. Сат. III, ст. 279–300:

Трофим, надсажаясь, все хвалит без разбору, —
Прирастет число глупцов. Веру даем скору

---

[22] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 231–232.
[23] *Феофан Прокопович.* Слова и речи. Ч. 1. С. 215.
[24] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 183.
[25] *Феофан Прокопович.* Слова и речи. Ч. 1. С. 221.

Похвалам мы о себе, и, в сердце вскользая,
Истребят до корени, буде в нем какая
Крылась к добродетели ревность многотрудна.
Самолюбием душа ни одна не скудна,
И одним свидетелем совершенно чаем
Хвальными себя, затем в пути унываем.
Не успев Тит растворить уст, Трофим дивится
Искусной речи его; прилежно трудится
И сам слушать, и других слушать принуждает,
Боясь чихнуть иль дохнуть, пока речь скончает,
Котору мне выслушать нельзя, не зевая.
У Тита на ужине, пальцы полизая,
Небесным всякий зовет кусок, хоть противен
Ему гадит. Нигде он не видал столь дивен
Чин и столько чистоту. Все у Тита чудно
В доме, и сам дом почесть раем уж не трудно.
Если б Титова жена Парису знакома
Была, — Менелаева пряла б пряжу дома.
Все до облак Титовы дела возвышает,
Тит и нос сморкнуть кривой весьма умно знает.[26]

Чрезвычайно в сатире «К солнцу» (условно и неправильно считающейся IX-й сатирой) развитие темы Феофана о религиозных недоучках, опасных в особенности тем, что способствуют укоренению суеверий.

Прокопович. Слово 17-е:

И жалостно и смешно видети, когда человек пером только пачкати и нечто по книгам слепати навыкший, в богословская дела вступив, учнет вракати и сказывати о Бозе, о ангелах, о бесах, и что любо, и что не любо Богу, и что хранити надобно к щастию, и что ко обережению от чаров, и кия дни к таковому, и кия дни к другому делу угодныя, и которыя псалмы или молитвы силнейшия и прочия безместныя басни; да о всем том так смело и дерзновенно пустословит, будто он восхищен был до третияго небесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминает священная писания, а думает о тетрадках Аввакумовых или других подобных.[27]

Кантемир. Сат. IX, ст. 55–69:

Кто ж опишет, которы по грамоте бродят?
Те-то суеверие все в народе родят;

[26] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 73.
[27] *Феофан Прокопович.* Слова и речи. Ч. 2. С. 245–246.

От сих безмозглых голов родятся расколы;
Всякий простонародной в них корень крамолы;
Что же вянет, то у них в самом живом цвете.
Тая-то вещь и мне мнится всех смешнее в свете.
Ну-тко скажи такому, что всяк день воскресный
Не в пьянстве должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше б в учениях церковных медлети,
Неж на кабаках пьяным бесчинно шумети, —
То уж он то понесет представлять резоны,
Что с ума тя собьет, хоть ты как будь ученый.
Вынет тебе с сундука тетради цвелые,
Предложит истории все сполна святые,
Не минет и своего отца Аввакума.[28]

Наконец, даже в V-й сатире «На человека», самой слабой из всех написанных Кантемиром до отъезда за границу, являющейся почти сплошным пересказом сатиры Буало аналогичного названия,[29] опять-таки находим развитие темы Феофана, затронутой в слове на коронацию имп. Анны Иоанновны. Любопытно, что «Слово» произнесено 27-го апреля 1731 г., V-я же сатира относится к августу того же года; очевидно, она писалась, так сказать, по свежим следам проповеди Прокоповича. Полагаем поэтому, что идейным вдохновителем сатиры, заронившим искру определенной мысли в голову Кантемира, — явился именно Феофан, Буало же послужил литературным образцом для самой конструкции сатиры.[30]

Но, в противоположность ранее приведенным примерам, здесь Кантемир не создал бытового эскиза, а наоборот, раздробил мысль Прокоповича, выраженную в одном связном абзаце, и развивает ее в разных местах сатиры.

Прокопович:

О окаянный человече! Какова стыда наполнишися, естьли тебе с одним зверем соразсудити: во всяком скоте и звере двоих оных злонравий гордости и любоимения не ищи, а тии то наипаче человеческим родом, аки ветры морем, колеблют: сластолюбие некое имеет зверь, да нужное и в году одновременное, а в человеце нет тому определения; не нападает зверь на однородных себе; че-

[28] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 180.

[29] См. об этом: *Глаголева Т. М.* К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира — влияние Буало и Лабрюйера. СПб., 1913. С. 13–16.

[30] Об общем характере влияния Буало на Кантемира см.: Там же. С. 43–44.

ловек не имеет вражды разве на человека; нападает и зверь на зверя инороднаго, да до окончания нужды: сиесть орел гладный на слабейшую птицу <...> а по насыщении и не мыслит того. <...> Единому человеку ничего до сытости не находится, но и что имеет, то за неимеемое почитает: достиг, чего желает, желает другаго, получив и то, простирается еще ко множайшему и не может дойти туды, где бы сказал: полно уже![31]

Кантемир. <Сат. V>, ст. 15, 17, 107–109, 116, 120–122, 125–130, 161–162, 322–323, 359–360:

Пройди ж землю из края до другого края, <...>
Не найдешь зверя столько, как человека, злобна <...>.
Сам человек не весть, что хотеть, теперь тое
Хвалит, а потом сие; с одно на другое
Премeняет мысль свою, <...>
Как иными, так собой всегда недоволен. <...>
Когда лев на льва или медведь свирепеет
На медведя? Кто слыхал, чтобы тигры войною
На тигров же поднялись? <...>
Всякий зверь, хотя как лют, в другом почитает
Звере подобность свою и пределы знает
Злости своей полагать с тем, в ком род свой видит.
Один другого добру никогда завидит.
Человек только в злобной ярости честь чает,
Когда человека съесть может и желает. <...>
Сверх того зверь, когда зол, пользу свою чает,
Пищу ищет себе волк, как овцу терзает
(следуют примеры гордости, сластолюбия и прочих пороков). <...>
... ин себя прославил
изнуренными силы на Венерином поле. <...>
(Звери же) Время знают к похоти и обжорством тело
Не вредят.[32]

Такого же типа заимствование, не возвышающееся до уровня бытового образа, представляет и следующий отрывок из I-й сатиры.[33]

Прокопович. «Разговор гражданина с селянином»:

Отцы де наши не умели письма, но хлеб довольный ели, и хлеб тогда лучше родил Бог, нежели ныне, когда письменных и латынников помножилося.

---

[31] *Феофан Прокопович.* Слова и речи. Ч. 3. С. 77–78.

[32] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 257, 259, 260, 264, 265.

[33] Отмечен П. О. Морозовым: *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. С. 153.

Кантемир. Сат. I, ст. 61–64:

Живали мы, — говорит, — не зная латине
Преж сего, хотя просты, лучше, нежли ныне;
В невежестве гораздо больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.[34]

Таковы отрывки сатир, развивающие заимствованную у Прокоповича тему; как видим, здесь налицо самостоятельное претворение чужой мысли — некоторые образы развиты, много черт внесено совершенно заново творчеством самого Кантемира; словом, мы имеем дело с обычной формой литературного воздействия, переживаемого почти каждым писателем в молодости.

Что касается формальных заимствований, то они выражаются, как это было вообще принято в XVIII в., в буквальном перенесении чужих слов; отметим некоторые еще не указанные заимствованные стихи.

Прокопович. «Духовный регламент»:

Многие говорят, что учение виновно есть ересей.[35]

Кантемир. Сат. I., ст. 33:

Ереси и расколы суть науки дети.[36]

Прокопович. Слово 2-е:

Не удивляемся солнцу того единого ради, что по вся дни на оное смотрим, хотя так дивное есть, что никогда довольно удивитися возможно.[37]

Кантемир. Сат. IX, ст. 1–2:

Солнце! Хотя существо твое столь есть чудно,
Что ему вовек довольно удивиться трудно.[38]

В «Истинном оправдании» Феофан Прокопович говорит о «мужицкой» философии и богословии, — у Кантемира читаем: «Мужик, который соху оставил недавно <...> Он ти воротит богословские речи».[39]

---

[34] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 191.

[35] *Верховский П. В.* Учреждение духовной коллегии и «Духовный регламент». К вопросу об отношении церкви и государства в России. Ростов н/Д, 1916. Т. 2. С. 51.

[36] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 190.

[37] *Феофан Прокопович.* Слова и речи. Ч. 2. С. 22.

[38] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 177.

[39] Сат. IX, ст. 11, 15 (*Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 178).

Если к вышеприведенному прибавить еще такие общеизвестные заимствования, как «губы помазал в латину»,[40] выпады Кантемира против Георгия Дашкова, Меншикова, Стефана Яворского и других личных врагов Прокоповича, осмеивание противников чтения библии, перевод которой на русский язык был сделан Феофаном, нетрудно прийти к выводу, что дух «дивного первосвященника» властно господствует в творчестве молодого сатирика.

Кантемир внес в свои сатиры вообще много чужого, что честно признавал и сам,[41] но когда он пользуется иностранными образцами, его заимствования у разных авторов или формальны (Гораций,[42] Ювенал, Буало[43]) или представляют собой только канву для создания собственных характеристик (Теофраст, Лабрюйер[44]), для насыщения их русским содержанием.

С Феофаном Прокоповичем дело обстоит совершенно иначе: не литературные формы, а именно бытовые особенности и характерные явления русской современной ему жизни подсказываются молодому автору речами многоопытного, умного и зоркого пастыря.

Характерно, что сильнее всего влияние Прокоповича сказывается в лучших сатирах Кантемира «К уму своему» и «К солнцу» — ничего равного им по меткости и сжатой силе Кантемир не написал и во всю свою последующую жизнь.

По своей природе, меланхолической и созерцательной, Кантемир был, в сущности, склонен к философской иронии, а не к острой злободневной сатире: негодованию в его душе не было места, что и сказалось за границей, когда, предоставленный собственным литературным интересам, он писал не столько сатиры, сколько философские рассуждения.[45]

---

[40] Сат. IV, ст. 145 (*Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 251). У Прокоповича: «токмо губы помазал латиною» («Разговор гражданина с селянином»), см.: *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. С. 154.

[41] См. Эпиграмма I (*Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 189).

[42] Гораций, кроме того, оказал сильное влияние на все мировоззрение Кантемира.

[43] См.: *Глаголева Т. М.* К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира — влияние Буало и Лабрюйера.

[44] См.: Там же.

[45] «Об истинном блаженстве» (Сатира VI), «О воспитании», (Сатира VII), «На бесстыдную нахальчивость» (Сатира VIII), см.: *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 138–176.

Конечно, лучшим учителем, направлявшим перо Кантемира и напаивавшим его несвойственной нашему сатирику желчью, — была сама русская жизнь со всеми ее язвами, общими и частными, но примером, которому можно и должно было подражать в самом отношении к этой русской действительности, был уважаемый пастырь, олицетворявший в глазах кн. Антиоха столь понятное и близкое его высокой культурности дело Петрово. Он, этот пастырь, человек активного темперамента, не только своими речами будил молодую мысль, но и направлял ее, фиксировал внимание на определенных темах, подсказывал образы. Эти темы и образы требовали какого-то иного литературного воплощения, чем практиковавшиеся дотоле кн. Антиохом небольшие лирические стихотворения — романсы,[46] форма которых также была подсказана ему Прокоповичем, и когда первая конкретная попытка нащупать для них литературное выражение вылилась в форму I сатиры, — она получила горячее одобрение и благословение Феофана Прокоповича:

...течи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,
И пером смелым мещи порок явный.[47]

Путь был избран раз и навсегда, но яда и желчи хватило ненадолго: не было больше властной, направляющей вдохновение руки, не было истинного учителя.

Таким образом, мы подошли к тому же выводу, который несколько нерешительно был высказан П. О. Морозовым: без Феофана Прокоповича русская литература не имела бы в лице Кантемира сатирика-реалиста, сатирика-бытовика. А только этими чертами и ценно творчество Кантемира (чуткости к форме поэтической речи у него, как известно, не было), и потому, не умаляя значения первого русского сатирика, мы считаем, однако, что одновременно с его именем должно всегда вспоминаться имя его умного и тонкого наставника — Феофана Прокоповича.[48]

---

[46] См.: *Глаголева Т. М.* Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1906. Т. 11. № 2. С. 115–117.

[47] *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 23.

[48] РО ИРЛИ. Ф. 723. Коробка 1. Папка 1. Машинопись.

П. Н. БЕРКОВ

Т. М. ГЛАГОЛЕВА, ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Изучение русской литературы XVIII в. лишь в начале текущего столетия обособилось в самостоятельную область литературной науки: до того к ней — изредка и мимоходом — обращались историки древнерусской литературы или литературы пушкинского периода. Первый русский литературовед, целиком сосредоточившийся на разработке истории литературы XVIII в., проф. В. В. Сиповский, прекрасный лектор, талантливый ученый и довольно плодовитый литератор, легко увлекал слушателей и читателей этой далекой эпохой и у некоторых из них пробудил даже исследовательский интерес к ней. Однако из учеников В. В. Сиповского только Т. М. Глаголева оставила след в литературоведении, внеся в изучение Кантемира и Ломоносова небольшой по объему, но ценный по характеру вклад, дающий ей право на наше благодарное внимание.

В составе венгеровского «собрания автобиографий», хранящегося в настоящее время в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, находится короткое жизнеописание Т. М., писанное ее рукой и датированное 8 марта 1913 г. Оно представляет ответ на биографическую анкету, рассылавшуюся проф. С. А. Венгеровым лицам, от которых он желал получить сведения для своего «Критико-биографического словаря». Вопросами венгеровской анкеты определяются некоторые особенности автобиографии, публикуемой ниже и сопровождаемой дополнительными примечаниями:

© П. Н. Берков, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-356-358

Глаголева, Татьяна Матвеевна, родилась 9 января 1885 г. в г. Варшаве. Родители — православного вероисповедания; отец — корпусной врач 6-го армейского корпуса, доктор медицины Харьковского университета, сотрудничал в журн. «Врач»;[1] мать — урожденная Нелидова, старого дворянского рода, ведущего начала от XIII в.[2] Известное лицо в роду — знаменитая фаворитка имп. Павла I-го — фрейлина Екат. Ив. Нелидова.[3] Бабушка (тоже с материнской стороны) — урожд. кн. Коланчукова[4] — в родстве по женской линии с Г. Р. Державиным и Д. В. Григоровичем.

До 10 лет получила воспитание домашнее, под руководством матери (отец умер в 1887 г.); затем с 1895 по 1901 г. училась в Василеостровской женской гимназии в СПб. С 1901 по 1907 г. была на Высших женских курсах, по окончании которых была оставлена при кафедре новой русской литературы; с осени 1909 г. утверждена преподавательницей русской литературы В. Ж. К. Кроме того, с осени 1907 г. состоит преподавательницей русской литературы на Историко-литературных В. Ж. К. Н. П. Раева.

Педагогическая деятельность Т. М. Глаголевой продолжалась до 1918 г., когда ВЖК вошли в состав университета. В дальнейшем, насколько мне удалось установить на основе опросов лиц, знавших Т. М., она нигде больше не служила и занималась литературной деятельностью.

В печати Т. М. выступила в 1906 г. со статьей «Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира», опубликованной в «Известиях Отделения русского языка и словесности ИАН» (список ее важнейших печатных работ см. ниже). Немногочисленные статьи Т. М. в основном посвящены Кантемиру и Ломоносову. В них, как и в статье о В. Г. Бенедиктове, Н. Ф. Щербине и А. А. Фете («Раб, эллин и жрец»), Т. М. стоит на методологических позициях своего учителя В. В. Сиповского, отчасти используя импрессионистические приемы критика

---

[1] Глаголев, Матвей Федорович (1828 — 30 авг. 1887), сын священника, штабной доктор 6 армейского корпуса с 1877 г. Л. Ф. Змеев: а) Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 1. С. 65; б) Второе дополнение к книге «Русские врачи-писатели», 1892, стр. 9; С. А. Венгеров: а) Материалы для Словаря русских писателей и ученых. СПб., 1900. Т. 1. С. 766; б) Критико-биографический словарь... / Изд. 2-е. Пг., 1915. Т. 1. С. 181.

[2] О роде Нелидовых см.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 138–165.

[3] Годы жизни: 1758–1839. О ней см.: Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11: Нааке-Накенский — Николай Николаевич. С. 218–224.

[4] Правильное написание — Кулунчаковы. См.: Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Пг., [1915]. Т. 23: Котошихин — Ламберт. С. 627. К роду князей Кулунчаковых принадлежал по матери А. И. Куприн.

Ю. А. Айхенвальда. С 1913 г. в течение нескольких лет Т. М. писала рецензии и небольшие статьи по литературе в газ. «День». Ее работы по Кантемиру обратили на себя внимание научной общественности (см. книгу проф. Е. В. Петухова «Русская литература. Новый период». Юрьев, 1912), и проф. С. А. Венгеров, заведовавший отделом литературы в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, поручил ей статью о первом русском сатирике. В советское время Т. М. Глаголева жила в Москве и опубликовала ряд статей о писателях XVIII века в «Литературной энциклопедии», а также сотрудничала в литературных журналах.

Умерла Т. М. Глаголева 12 января 1962 г.

Список важнейших печатных работ Т. М. Глаголевой

1. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. 1906. Т. 11. Кн. 1. С. 177–217; Кн. 2. С. 98–143. — И отд. отт.: СПб., 1906. 86 с.

2. К жизнеописанию князя Потемкина. Повесть о Гардарике, князе Цимбрском // Русский архив. 1910. Кн. 2. № 5. С. 49–77.

3. Отзывы современников и потомства о литературной деятельности М. В. Ломоносова // М. В. Ломоносов. 1711–1911: Сб. статей / Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911. С. 150–185.

4. К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира. Влияние Буало и Лабрюйера // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. 1913. Т. 18. Кн. 2. С. 143–187 и отд. отт.: СПб., 1913. 45 с.

5. Кантемир, Антиох Дмитриевич // Новый энциклопедический словарь, изд. Брокгауза и Ефрона. 1913. Т. 20. С. 757–760.

6. Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века // Филологические записки. 1914. Вып. 3. С. 398–421; Вып. 4. С. 489–503.

7. Ломоносов как гражданин // Филологические записки. 1915. № 2. С. 205–222 и отд. отт.: Воронеж, 1915. 18 с.

8. Раб, эллин и жрец. В. Г. Бенедиктов, Н. Ф. Щербина, А. А. Фет // Русская мысль. 1917. № 2. С. 26–39.

Т. М. Глаголевой принадлежит ряд переводов с польского и французского. Газетные статьи иногда подписывала «Т. Г.», «Вл. Смальский», статьи в «Литературной энциклопедии» — Т. Берхен-Глаголева.[5]

---

[5] РО ИРЛИ. Ф. 723. Коробка 1. Папка 1. Машинопись (не первый экз.).

А. О. ДЁМИН

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ЛИБРЕТТО ДЖ. БОНЕККИ «СЕЛЕВК» (1744)

Предмет предлагаемой публикации — русский перевод оперного либретто Дж. Бонекки «Селевк» (Il Seleuco), в первый и единственный раз напечатанный в 1744 г.[1] Исследователей истории русской литературы в этом переводе интересуют 23 отрывка, выполненные силлабо-тоническими стихами, один из ранних образцов этой системы стихосложения в России. В ранних историко-литературных работах этот перевод некритически приписывался А. В. Олсуфьеву.[2] В некоторых трудах по истории русского театра этот перевод приписывается А. П. Сумарокову, однако без достаточных документальных оснований.[3]

---

[1] Частичные перепечатки из него см.: Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника. 1741–1750 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2003. Вып. 2. Ч. 1. С. 67–75; *Левитт М.* Перевод «Селевка» в творческой биографии Сумарокова // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени. С. 196–204.

[2] См.: *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях <...> СПб., 1772. С. 158; *Евгений <Болховитинов>, митр.* Словарь русских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России <...>. М., 1845. Т. 2. С. 106. Эта атрибуция отвергается на том основании, что Олсуфьев в 1744 г. отсутствовал в России (см.: *Степанов В. П.* Олсуфьев Адам Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 386).

[3] См.: *Морков В. И.* Исторический очерк русской оперы с самого начала по 1862 год. СПб., 1862. С. 2 (здесь Сумароков назван автором «Селевка», а не переводчиком, дата представления обозначена в следующем году после «Альцесты», то есть в 1759 г.; очевидно, автор представлял излагаемую материю лишь приблизительно); *Стасов В. В.*

© А. О. Дёмин, 2024
DOI: 10.31860/0130-075X-359-404

И. З. Серман, а затем М. Левитт выдвинули ряд убедительных косвенных историко-литературных доказательств в пользу принадлежности его Сумарокову.[4]

Предлагаемая публикация призвана, во-первых, уточнить некоторые сведения относительно подготовки издания 1744 г., важные для рассмотрения вопроса об авторстве русского перевода; во-вторых, она дает представление о полном переводе музыкальной драмы и о том месте, которое занимают стихотворные отрывки в ее композиции. Кроме того, публикация имеет целью привлечь внимание к творчеству Дж. Бонекки, создававшего свои драматические произведения непосредственно для русского двора, тем самым участвуя в российском литературном процессе рубежа 1740–1750-х гг.

Бонекки служил в итальянской труппе при российском дворе с 1742 по 1752 г. В его обязанности входило сочинение стихов для музыкально-театральных постановок, отмечавших наиболее значимые события в жизни двора. Это были празднества по случаю дня восшествия императрицы Елизаветы Петровны на престол, дня коронации, дня тезоименитства, а также бракосочетания наследника, великого князя Петра Федоровича с великой княгиней Екатериной Алексеевной.[5] По-види-

---

Русские и иностранные оперы, исполнявшиеся на императорских театрах в России в XVIII-м и XIX-м столетиях. СПб., 1898. С. 35 (ссылка на труды Я. Штелина в этом списке не подтверждается de visu, указанное авторство либретто А. Дзено (Зено) также не соответствует истине; Р.-А. Мозер в 1948 г. еще отвергает эту атрибуцию как ошибочную и придерживается мнения Новикова и Евгения Болховитинова, см.: *Mooser R.-A.* Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIe siècle. Génève, 1948. T. 1: Des origines à la mort de Pierre III. P. 215. (примеч. 6)); *Гуревич Л. Я.* История русского театрального быта. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 42; *Гардзонио Ст.* Бонекки (Bonecchi или Bonechi) Джузеппе // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. СПб., 2000. Т. 1: XVIII век. Кн. 1: А–И. С. 144–146; *Ахметшина З.* «Селевк» Ф. Арайи и ее рукописи в библиотеке Санкт-Петербургской консерватории // Opera musicologica. 2014. № 3. С. 48–49.

[4] См.: *Серман И. З.* Ломоносов и придворные итальянские стихотворцы 1740-х годов // Международные связи русской литературы. М., 1963. С. 112–134; *Левитт М.* Перевод «Селевка» в творческой биографии Сумарокова // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени. С. 184–204.

[5] Сведения о его биографии и творчестве до настоящего времени разрозненны и часто требуют уточнения. Например, биографические справки о Бонекки в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона и в «Русском биографическом словаре», бедны сведениями и пестрят фактическими ошибками. Началом систематического

мому, первыми его работами для российского двора были: похвальный сонет на коронацию Елизаветы Петровны (1742) и серенада по случаю мира между Российской империей и шведской короной (1743).[6]

«Селевк» стал первым крупным сочинением Бонекки на русской службе. Поводом для спектакля была вторая годовщина коронации императрицы Елизаветы Петровны и годовщина окончания Русско-шведской войны 1741–1743 г.[7] Драма должна была уместным образом

исследования биографии Бонекки в России следует считать работу: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театр в России при императрице Елисавете Петровне / Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. Сост., подгот. текста, послесл. В. А. Харламовой. СПб., 2003, содержащую ряд документированных сведений о его жизни и творчестве при дворе. Книга была написана в 1912 г., но увидела свет лишь в 2003. В печати впервые развернутый биографический очерк о Бонекки с учетом материалов, к которым обращался также Всеволодский-Гернгросс и со значительными дополнениями появился в книге: *Mooser R.-A.* Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIe siècle. Génève, 1948. T. 1: Des origines à la mort de Pierre III. P. 203–206; Наиболее точны и основаны на документах следующие справочные статьи: Bonechi Giuseppe // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1969. T. 11. P. 741–743 (статья не подписана, пока не удалось установить ее авторство); См. также: *Гардзонио Ст.* Бонекки (Bonecchi или Bonechi) Джузеппе // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. СПб., 2000. Т. 1: XVIII век. Кн. 1: А–И. С. 144–146. Отдельные аспекты жизни и творчества Бонекки российского периода см. также: *Russo F. P.* Festa teatrale: repraesentatio maiestatis in eighteenth-century Russia // Musik am russischen Hof. Vor, während und nach Peter dem Großen (1650–1750) / Hrsg. von L. Erren. Berlin, 2017. S. 191–203; *Дёмин А.* 1) «Подлое звание театрального стихотворца»: А. П. Сумароков и Дж. Бонеки // Tyry twórczości literackiej: od mistrza pióra do grafomana = Виды литературного творчества: от мастера пера к графоману / Pod redakcją. E. Sadzińskiej i A. Szymańskiej. Łódź, 2018. S. 55–63 (Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 2018 No. 11); 2) «Прибежище Тишины» Дж. Бонекки в весеннем Петербурге 1748 года // Все тревоги мира: беспокойство в литературе и искусстве: Сб. ст. СПб.; М., 2023. С. 69–81 (Неканоническая эстетика. Вып. 10).

[6] Сонет сохранился в сборнике стихов Бонекки в НИОР БАН Ф. 28. № 123. Л. 3. Серенада известна по нескольким источникам. Ее французский перевод опубликован: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театр в России при императрице Елисавете Петровне... С. 33–34 со ссылкой на хранение: РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 114. В русском переводе с французского языка опубликовано в том же году: Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника. 1741–1750 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2003. Вып. 2. Ч. 1. С. 76–78 со ссылкой на другое место хранения: РГАДА. Госархив. Разряд IX. Оп. 5. Д. 37. Л. 616–618. Итальянский текст находится в сборнике стихов Бонекки: НИОР БАН Ф. 28. № 123. Л. 3 об.–4. Музыкальная часть серенады, созданная Ф. Арайя, пока не обнаружена.

[7] З. М. Ахметшина полагает, что постановка была приурочена к третьей годовщине коронации и двадцать третьей годовщине окончания Северной войны (см.: *Ахметшина З.*

намекнуть на эти знаменательные события. Бонекки пришлось работать в сотрудничестве с театрально-постановочным коллективом придворной итальянской труппы и удовлетворить требования придворного капельмейстера Ф. Арайя, художника-декоратора Дж. Валериани, балетмейстера А. Ринальди (Фоссано), а также певцов-виртуозов: среди которых выделялся недавно прибывший кастрат Л. Салетти, уже блиставший в Венеции, Мадриде и Риме.

Бонекки создал фантазийный авантюрный сюжет, полный жгучих низменных страстей, ненависти и вероломства, любовных и родственных переживаний, покушений на убийство, трогательных семейных и героических сцен, включавший сценические баталии, военные триумфы, живописное обрушение стен осажденного города и явление Славы на облаках, обращавшейся с похвальным словом к императрице.[8] Сценические события отдаленно напоминали некоторые известия из сирийской истории времен династии Селевкидов,[9] однако их легко было соотнести с событиями недавней русско-шведской войны, политическими интригами третьих стран, требованиями российской стороны к шведскому престолонаследию и взаимными территориальными притязаниями.

Постановка предназначалась для московского оперного дома, возведенного Ф. Б. Растрелли в 1742 г. на территории бывшей усадьбы Ф. А. Головина и тогда же открытого оперой «Милосердие Титово». Императрица присутствовала на генеральной репетиции «Селевка»,

---

«Селевк» Ф. Арайи… С. 41), однако в 1744 г. прошло только два года со дня коронации (1742) и год после событий, означавших окончание последней на тот момент войны со Швецией: подписания Уверительного акта, подтверждающего условия Ништадского мира 1721 г., объявления мира со стороны Швеции, подписание Абоского мирного договора и обмен ратификациями.

[8] Эпилог с явлением Славы продолжал традиции итальянского жанра «licenza» («вольность»), дополнительной сцены в конце спектакля, где мифологический или аллегорический персонаж обращался непосредственно к зрителям с похвальными словами и арией в адрес заказчика спектакля. Бонекки, по-видимому, придавал особое значение этому фрагменту, поскольку включил его в сборник своих стихов в раздел, посвященный Елизавете Петровне (см.: НИОР БАН. Ф. 28. № 123. Л. 4 об.–5).

[9] См.: *Ахметшина З. М.* «Селевк» Ф. Арайи… С. 46–47. С легкой руки Р.-А. Мозера, в научной литературе некоторое время держалось мнение о том, что «Селевк» является плагиатом либретто А. Дзено «Антиох», однако оно убедительно опровергнуто (см.: Там же. С. 47–48).

распорядилась о распределении мест для зрителей, в том числе для духовенства, российских министров и иноземных послов. И, наконец, после представления «Санкт-Петербургские ведомости» подробно сообщали о полном успехе спектакля во всех его частях, и в том числе об удачном либретто.[10]

Для распространения среди зрителей либретто «Селевка» было напечатано в трех версиях: итальянский оригинал, французский перевод и русский перевод. Каждая из трех версий печаталась отдельной книжкой в типографии Академии наук, находившейся в Москве.[11] Словесный приказ к производству был дан генерал-прокурором Правительствующего сената Н. Ю. Трубецким. Набор был начат 8/19 апреля 1744 г., а завершен для русской части 23 апреля / 4 мая, а для итальянской и французской 24/5 мая.[12] Спектакль состоялся 26 апреля / 7 мая 1744 г. В день окончания печати либретто (23 апреля / 4 мая) от Михаила Яковлева, подмастера находящейся при Сенате типографии Академии наук, в Канцелярию Академии наук был подан рапорт с прошением о выплате денег. Дело о выплате начато 2/13 мая 1744 г. Либретто на итальянском языке было напечатано в количестве 250 экземпляров, на французском — 180, на русском — 600, и все они были переданы в придворную контору переводчику Петру Малье.[13] П. Малье с женой с июня

---

[10] Подборку документальных свидетельств о постановке см.: Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника. 1741–1750… С. 64–66.

[11] Описания их см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963. Т. 1: А–И. С. 120. № 689 (русская версия); Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984. Т. 1: A–G. С. 141. № 466 (итальянский оригинал); С. 142. № 468 (французская версия). В примечании к записи Сводного каталога русской книги говорится, что указание Москвы в качестве места печатания ошибочно, так как типография Академии наук находилась в Петербурге. Однако в рассматриваемом ниже рапорте о печатании либретто отмечено, что он подается в Канцелярию от типографии, находящейся в Москве. Кроме того, указанные в рапорте даты изготовления экземпляров не оставляют времени для их перевоза из Петербурга в Москву к началу представления. В московской типографии Академии наук печаталось также либретто оперы П. Метастазио «Милосердие Титово» для коронационной постановки 1742 г. (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2: К–П. С. 237. № 4187).

[12] Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника. 1741–1750… С. 65. № 10.

[13] Приведенные сведения содержатся в документе: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 87. Л. 4–5 об., за указание которого приношу благодарность Л. М. Стариковой.

1743 г. состоял учителем французского языка в придворной балетной труппе и служил переводчиком между балетмейстером Ж.-Б. Ланде и его российскими учениками.[14] Во французской версии «Селевка» Малье обозначен как переводчик: «Tout l'Opéra est traduit en françois par P. Mailliu (так! — *А. Д.*) M. <aître> de langues au service de S.<a> M.<ajesté> I.<mpériale>» [P. 4 ненум.]. — «Вся опера на французский переведена П. Малью, языков учителем на службе ее императорского величества».

Сравнение русской и французской версии «Селевка» показывает ряд существенных сходств: реплики персонажей даны в кратком изложении от третьего лица, а не переведены в виде драматических диалогов. Переводческие решения во французской и русской версии сходны, например: Mutazioni di scene — Changements de décorations — Перемены в украшениях; Farnace — Pharnace — Фарнас; и др. Кроме того, во французской и в русской версии при переводе авторского предисловия пропущена одна и та же фраза:

> La necessità in cui si è trovato l'autore d'introdurre nel breve giro di questo dramma molti spettacoli l'ha obbligato a dispensarsi dall'osservanza di alcuni dei precetti della tragica i quali per altro egli non ignora.
>
> *Пер.:* Необходимость, в коей автор очутился, ввести в краткое обращение сей драмы многие зрелища, обязала его от соблюдения некоторых предписаний трагедии отказаться, о коих, впрочем, ему известно.

Наконец, хор, находящийся в Д. 3. Явл. 12, а затем завершающий оперу, во французской и русской версии пропущен, а в финале представлен как полное повторение хора из Д. 1. Явл. 3, между тем в итальянском оригинале текст этих хоров различается, за исключением первых двух строк: Viva l'illustre e forte / Felice vincitor.

Таким образом, уместно утверждать, что русский перевод либретто, скорее всего, делался с французской версии, и поскольку набор всех трех версий, согласно рапорту Михаила Яковлева, начался одновременно, то перевод делался не с издания, а с рукописного материала для него. Следует отметить также, что во французской версии тексты арий, хоров и квартета в финале Д. 2 располагались в две колонки с итальян-

---

[14] О нем см.: *Старикова Л. М.* 1) Первая русская балетная школа // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология: Ежегодник 1985. М., 1987. С. 107 (примеч. 32); 2) Театр и зрелища российских столиц в XVIII веке: Историко-документированные очерки. М., 2018. С. 191.

ским оригиналом, что могло позволить русскому переводчику обращаться и к оригиналу, и к подстрочнику.

«Селевк» исполнялся несколько раз в течение 1740-х гг., а 1761 г. был возобновлен при малом дворе великого князя Петра Федоровича в оперном театре Ораниенбаума. Для этой постановки либретто было вновь напечатано, на этот раз в типографии Кадетского корпуса в количестве 200 экземпляров. Это было двуязычное итало-французское издание.[15] Для набора итальянской части, по-видимому, использовался текст издания 1744 г., который затем был сокращен: был убран эпилог с обращением Славы к императрице, а также упоминания балетов в конце первого и второго действия.[16] При этом в предисловии сохранено указание на день коронации Елизаветы Петровны как на повод к представлению этой драмы, а также на указание славного и полезного мира, водворенного в империи, хотя постановка предполагалась еще в годы Семилетней войны, ведшейся, впрочем, за пределами российских земель, но точная дата спектакля неизвестна.

Соответственно, титульный лист и сведения об исполнителях отражают реалии ораниенбаумской постановки, где капельмейстером выступал В. Манфредини, художником — Ф. Градицци, а роли исполняли: Максим Березовский (Селевк), Мария Манфредини (Артеника), Аннунциата Гарани (Исмена), Мария Фаринелла (Вологез), Джузеппе Милико (Димитрий)[17] и Габриеле Мессиери (Гиркан). От ораниенбаумской постановки сохранилась также музыкальная партитура и оркестровые

---

[15] Описание его см.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984. Т. 1: A–G. С. 142. № 467 (итальянский оригинал); № 468 (французский перевод). Номер 468 включает описания двух разных изданий: отдельного издания 1744 г. на французском языке и французской половины двуязычного издания 1761 г.

[16] В экземпляре Государственной публичной исторической библиотеки (шифр: ОИК 43593) хорошо видно, что текст ремарок закрашен, хотя просматривается на просвет: P. 54–55: <Ballo d'Ussari — Ballet d'Hussars> (пер.: Балет гусарский); P. 106–107: <Ballo di Maschere di diverse Nazioni — Balet de Masques de différentes nations> (пер.: Балет разных народов в масках). А. Л. Порфирьева утверждала, что либретто для постановки 1761 г. было сокращено до одного действия (см.: *Порфирьева А. Л.* Музыкальные развлечения Великого князя Петра Федоровича в Ораниенбауме // Ораниенбаум: страницы истории. СПб., 2008. С. 53–78), однако следы такой сокращенной редакции не обнаружены.

[17] Для кастрата Дж. Милико служба при российском дворе была началом европейской карьеры, включавшей сотрудничество и близкую дружбу с К. В. Глюком.

партии, которые ныне находятся в Санкт-Петербургской государственной консерватории, стихотворный итальянский текст либретто в них совпадает с текстом печатного либретто.[18] Для издания 1761 г. был сделан новый французский перевод либретто. От перевода 1744 г. его отличает передача реплик в форме прямой речи. Авторство этого перевода пока с точностью не установлено, хотя, по предположению Р.-А. Мозера, он был выполнен В. К. Тредиаковским.[19]

Полное и отчетливое представление о двух совокупностях материалов, несущих информацию о тексте либретто «Селевка», позволяет избежать некоторых ошибок и неточностей в рассуждении о нем.[20] Кроме того, рассмотрение русского перевода в его полноте ставит вопрос о его авторстве. Следует ли признать авторство Сумарокова для всей совокупности текста или отнести его только к стихотворной части? Будут ли данные сопоставительного анализа стилистики столь же убедительны на материале прозы, как на материале стихов? Стоит также вспомнить о необычайном разнообразии стихотворных решений, отсылающих к излюбленным метрическим находкам не только Сумарокова, но и В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова.[21] Тредиаковский и Ломоносов по долгу академической службы могли привлекаться к переводу либретто для придворных постановок. Для Тредиаковского это была обычная практика в 1730-е гг., к которой ему пришлось нехотя вернуться во второй половине 1740-х гг., когда ему были заказаны переводы либретто Бонекки: «Митридат» (1747) и «Беллерофонт» (1750).[22]

---

[18] Об этих материалах см.: *Ахметшина З.* «Селевк» Ф. Арайи и ее рукописи в библиотеке Санкт-Петербургской консерватории // Opera musicologica. 2014. № 3. С. 38–62.

[19] См.: *Mooser R.-A.* Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIII. Génève, 1945. P. 126.

[20] Так, например, З. М. Ахметшина не упоминает французское и итальянское издание либретто 1744 г. в перечне материалов своей работы, а М. Левитт делает ошибочные выводы, полагая, что русский перевод 1744 г. не зависит от французской версии и что в итальянском оригинале отсутствует сцена с монологом Славы (см.: *Ахметшина З.* «Селевк» Ф. Арайи… С. 42; *Левитт М.* Перевод «Селевка» в творческой биографии Сумарокова… С. 185–186 (примеч. 8); С. 203 (примеч. 37)).

[21] См.: *Гардзонио С.* Стих русских поэтических переводов итальянских оперных либретто XVIII века // Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA. Columbus, 1989. P. 114; *Левитт М.* Перевод «Селевка» в творческой биографии Сумарокова… С. 187–189.

[22] О поручении перевода некой оперы Тредиаковскому в апреле 1747 г. см.: *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 119.

Ломоносов привлекался к переводу пролога Я. Штелина «Россия по печали паки обрадованная» для коронационной оперы «Милосердие Титово» (1742).[23] К 1742–1744 гг. относятся эксперименты Ломоносова с силлабо-тонической метрикой в переводах, подражаниях и оригинальных стихах, отраженные в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия». Наконец, в 1743 г. между Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым состоялось обсуждение смысловых оттенков употребляемых ими стихотворных размеров, которое вылилось в публикацию брошюры «Три оды парафрастические псалма 143» (1744).[24] Как представляется, перевод «Селевка» лежит в русле художественных поисков и отчасти служебных обязанностей всех трех первопроходцев на поприще создания силлабо-тонической системы русского стихосложения. Большое разнообразие эмоциональных состояний и драматических ситуаций, передаваемых вокальными номерами, открывает широкое поле для стилистических и метрических экспериментов, которые и можно наблюдать в переводе. Особенно показателен в этом отношении квартет, завершающий второе действие. В драматургии оперы это кульминация конфликта, сталкивающая основных участников событий.[25] Селевк, чья армия наголову разбита, а столица взята приступом, гневается на своего победителя полководца Вологеза, на влюбленную в него свою дочь Артенису и на питающего к нему дружеские чувства своего сына Димитрия. Вологез, Артениса и Димитрий пыта-

---

Скорее всего, это был «Митридат», который ставился в этом году. К сожалению, единственный известный экземпляр русского перевода (РНБ. 18.154.1.13) является дефектным. «Прибежище Тишины» (L'Asìlo della Pace) ставилось в 1748 г. и не имело французской и русской версии. Документы Канцелярии Академии наук от начала ноября 1750 г. содержат сведения о том, что перевод оперы («Беллерофонта») был изначально поручен Тредиаковскому, но тот отказался под предлогом сочинения трагедии («Деидамии») по устному повелению императрицы, предложив передать перевод К. Ф. Модераху, однако затем выбор пал на И. С. Горлицкого (см.: Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника. 1751–1761 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2011. Вып. 3. Кн. 1. С. 271–272. № 882).

[23] *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге... Т. 2. С. 323–324.

[24] Литературу об этом событии и его месте в истории русской культуры см.: *Шишкин А. Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 232–246.

[25] См. настоящее изд. С. 394. В перепечатке М. Левитта не приведен.

ются склонить Селевка к миру увещеваниями и мольбами, но он остается непреклонен в своей ярости. В оригинале все 22 строки квартета написаны семисложниками, которые вызывают ассоциации с русским трехстопным ямбом, и этот размер возникает в некоторых строках перевода. В русском переводе видим настоящее сражение хореических и ямбических строк различной длины, которое наглядно передает противопоставление двух групп персонажей: Димитрий, Вологез и Артениса произносят хореические стихи; Селевк отвечает им ямбами. Общие возгласы всех четверых, выражающие горе и жалобы на судьбу, переданы хореическими строками. В партиях Артенисы и Димитрия есть по одной строке, где они переходят от хорея к ямбу, сохраняя при этом выражение мольбы и увещевания; и один раз Селевк в своих жестоких словах употребляет не ямб, а хорей. Как представляется, полиметрический перевод квартета может служить наглядной иллюстрацией экспериментального поиска выразительности ямбических и хореических стоп, занимавшего всех троих реформаторов русского стиха в 1744 г.

Приведенные сведения, как представляется, могут служить основанием для дальнейшего исследования с целью ответить на вопрос об авторстве русского перевода оперного либретто Дж. Бонекки «Селевк», а также о принципах и приемах перевода музыкально-драматических произведений для русского двора XVIII в. Приводимая ниже публикация может служить в этом подспорьем. Также она позволит более детально рассмотреть либретто Бонекки в историко-литературной перспективе и затем обратиться к его итальянскому оригиналу 1744 г. и к переработке 1761 г.

Экземпляры русского перевода либретто Дж. Бонекки «Селевк» (1744) выявлены в Библиотеке Академии наук, Российской национальной библиотеке, Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке, Российской государственной библиотеке и Государственной публичной исторической библиотеке. Экземпляры РНБ и СПб ГТБ имеют цифровые копии, доступные в сети Интернет.[26] Для предлагаемой публикации были просмотрены и сверены экземпляры БАН, РНБ, СПб ГТБ и ГПИБ.

---

[26] URL: https://vivaldi.nlr.ru/bx000016737/view/#page=7 (обращение: 22.08.2023) (эта копия доступна также на сайте Национальной электронной библиотеки: URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_7051/ (обращение: 22.08.2023)); URL: http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/12328 (обращение: 22.08.2023).

При передаче текста применялись следующие принципы. Из типографских особенностей набора, в котором изобилуют шрифты разных кеглей, фигурное расположение строк, курсивы, фигурные скобки и др., сохранено написание имен персонажей заглавными буквами и с абзацным отступом в тексте, кратко передающем содержание их реплик, приближающее прозаический пересказ реплик к драматургической форме изложения.

Пунктуация и словоделение внутри фразы, а также употребление строчных и прописных букв и написание звонких и глухих согласных в приставках приведены в соответствие с современными правилами.

Регулярные замены в тексте, представленные неединичными случаями:

Конечный ъ в словах не воспроизводится;

Буквы *і*, *ѣ*, *θ* заменяются буквами *и*, *е*, *ф*;

Безударные окончания прилагательных мужского рода единственного числа родительного падежа *-аго / -яго* заменяются окончанием *-ого / -его;* единственный случай с ударением *меньша́го* сохранен в тексте;

Окончания множественного прилагательных числа *-ыя / -ия* заменяются окончанием *-ые / -ие;*

Безударные окончания *-ой / -ей* прилагательных мужского рода единственного числа именительного падежа заменяются формами с окончанием *-ый / -ий*;

Формы сравнительной степени *вящший, наивящший* передаются формами *вящий, наивящий;*

Окончание множественного числа дательного падежа *солдатом — солдатам*;

Корень *-щаст-* передается написанием *-счаст-*;

Корень *-лутч-* передается написанием *-лучш-*;

раждает, раждается — рождает, рождается;

ея / нея — ее / нее

судба — судьба;

египецкий — египетский;

каль — коль;

серце — сердце;

выласка — вылазка;

гарячесть — горячесть;

Единичные случаи:

Окончание единственного числа творительного падежа *принцом — принцем*;

Форма существительного *истинна — истина*;

злова — злого;

ково — кого;

мерсска — мерзка;
дерскіе — дерзкие;
притчина — причина;
притти — прийти;
отчаен — отчаян;
ззади — сзади;
прозьбы — просьбы.

Очевидные опечатки исправлены в тексте, в сноске под строкой приведены исправляемые написания.

Селевк, опера, представленная при российском императорском дворе в высочайший день коронования ее императорского величества великия государыни Елисаветы Петровны, императрицы и самодержицы всероссийския, и при всенародном торжествовании заключенного между ее императорским величеством и шведскою короною вечного мира.

Стихи сочинял доктор Иозеф Бонекки, флорентинец, стихотворец ее императорского величества всероссийского.

Музыка сочинена от Франциска Арайи, неаполитанца, капельмейстера ее императорского величества.

В Москве, в типографии императорской Академии наук, апреля 25 дня, 1744 года.

Содержание оперы

Селевк царь Сирский, прозванием Жестокий, имел у себя трех сынов, Димитрия, Антиоха и Фарнаса, которые принцы, поистине весьма лучшего отца достойны были. Селевк, имея безмерную любовь к своему второму сыну, объявил его, мимо старшего его брата, наследником своего престола, хотя Димитрий был принц весьма храбрый и великими добродетелями украшенный, но против которого отец уже издавна такую ненависть неправедно восприял, что после Антиоховой смерти предпочел ему и меньшего своего сына Фарнаса, издетства при египетском дворе воспитанного. Однако ж Димитрий по долговременном и великодушном претерпении неправедного утеснения от своего отца напоследок помощию Вологеза, царя парфянского, которого он полюбил сестру именем Исмену, паки со славою получил свое праведное наследство.

Вологез во время своего пребывания при сирском дворе, куда он от отца своего царю Селевку на помощь против римлян посылан был,

влюбился смертельно в принцессу Артенису, дочь оного Селевка, и просил ее себе в супружество, которая ему и обещана была чрез формальное о том объявление.

Но когда время к брачному сочетанию уже приближалось, то Селевк по неправедному подозрению, которое он принял по наущению Вологезова генерала и фаворита Гиркана, переменил вдруг свое намерение и явно в прежде данном своем обещании отказал.

Сей неверный министр, который потаенно любил невесту своего государя, желая всеми мерами удержать, чтоб принцесса Артениса за него не была выдана, внушил Селевку сие наизлостнейшее оклеветание, якобы Вологез по восшествии по смерти своего отца на парфянский престол с римлянами особливый мир заключит, и якобы он хотел, согласясь с ними, новую войну противу него воздвигнуть. Сего уже довольно было царю сирскому, яко непримиримому неприятелю римского имени, чтоб своего обещания не исполнить и в том совершенно отказать.

Вологез, будучи таким озлоблением наичувствительнейше оскорблен и побужден любовию, которую он имел к принцессе Артенисе, после всех способов, которыми он старался того тирана успокоить и привести в познание, принужден был напоследок употребить оружие и ему объявить войну, чрез которую он его лишил почти всего его владения и осадил его в самой его столице.

Селевк учинил против осаждающих храбрую вылазку, однако ж прогнан был с великим уроном, а к наивящему своему несчастию потерял он на сей баталии и любезного своего Антиоха, который убит на месте, а Димитрий взят в полон.

(Отсюда начинается опера)

Между тем Вологез, который вместо всего воздаяния за свои победы ничего больше не требовал, как токмо любезной своей Артенисы, даровал тотчас свободу принцу Димитрию и, отослав его назад к отцу, велел ему предложить, что он намерен возвратить ему все его владение, ежели он только за него отдаст дочь свою принцессу Артенису.

Но сей бесчеловечный царь, хотя уже побежден и всех своих земель лишен был, однако ж едва токмо услышал о смерти своего сына, которого он любил с такою горячестию, то вместо принятия от своего победителя мирных предложений, клялся наижесточайшими клятвами, что до того времени не оставит оружия, пока или жизни своей не лишится, или убивства Антиохова смертию Вологезовою не отмстит.

Печаль, которою Артениса себя сокрушала, как по должности к ее отцу, так и по горячести к своему любовнику; неукротимая ярость Селевкова, который, не имея надежды учинить победителю своему отмщения, сам себя наибесчеловечнейшим образом жизни лишает; верность Исменина, которая как своего брата, так и любовника от сетей Селевковых и от измены Гиркановой свобождает; великодушие Вологезово в прощении своего неприятеля и в возвращении Димитрию завоеванного им престола; и героичная храбрость Димитриева, который напоследок над несправедливостию и изменою торжествует, подают материю сея оперы, которая учинена для вящего прославления высочайшего дня коронации нашей всемилостивейшей монархини, восстановившей дарованием подданным своим славного и полезного мира совершенное спокойство в своей империи.

Действие отправляется в Селевкии, столице сирской, или в окрестностях сего города.

Историческое содержание сея оперы взято из авторов истории сирской, а в прочем учинено многое прибавление.

Действующие лица

Селевк, царь сирский
Филипп Джоджи, римлянин;
Артениса, дочь Селевкова, любовница Вологезова
Роза Рувинетти[1] Бон;
Исмена, сестра Вологезова, любовница Димитриева
Катерина Мазани;
Вологез, царь парфянский, любовник Артенисин
Катерина Джорджи;
Димитрий, сын Селевков, любовник Исменин
Лаврентий Салетти, флорентинец;
Гиркан, генерал армии Вологезовой и потаенный любовник его невесты
Доменик Крики, болонезец;

Которые все музыканты камерной музыки ее императорского величества.

---

[1] *В изд.:* Руниветти.

Балеты изобретал и сочинял Фоссано, балетмейстер ее императорского величества.

Перемены в украшениях

В первом действии

Место баталии в непорядке,[2] на котором шатры, палатки и военные припасы, а в проспекте виден город Селевкия.

Храм внутрь двора царей сирских, в средине которого жертвенник, а на нем образ богини Немезисы.

Во втором действии

Великий шатер царя Вологеза, чрез который видно пространное поле, и на нем в ордере баталии стоящая парфянская армия.

Часть королевского гульбища между городом и морем, при котором с одной стороны виден фонтан Аполлинов,[3] лавровыми деревьями обсаженный, а с другой стороны густой лес, Аполлину ж посвященный.

С одной стороны видны стены города Селевкии с городскими воротами, которые после затворятся, а с другой стороны лагерь армии парфянской с военными припасами, которая, подшед к градским стенам, некоторую часть оных разрушает.

В третием действии

Королевские покои, весьма богато убранные.

Большая площадь города Селевкии, украшенная для триумфа Вологезова, из которой видны престол, скипетр, корона и царские украшения.

По окончании оперы опускается сверху машина, изображающая храм Славы на облаках. Внутрь оного храма находятся поставленные по порядку изображения меньших богов и славнейших в древности героев, посреди которых на высочайшем и знатнейшем месте виден портрет ее императорского величества.

Все вышеписанные украшения и машины изобретены от Иозефа Валериани, римлянина, театрального архитекта и живописца ее императорского величества.

---

[2] *В изд.:* непорятке.

[3] *В изд.:* Апполинов.

Действие I
Явление 1

Театр представляет место баталии в непорядке, на котором видны шатры, палатки и военные припасы; а в проспекте показан город Селевкия, столица сирская.

При поднятии занавеса слышен звук многих военных инструментов, и видны печальные остатки учиненной от Селевковых солдат против Вологезовой армии вылазки, на которой сириане разбиты и спасаются бегством.

Потом, как с театра сходят, является один СЕЛЕВК с обнаженною шпагою в руке.

СЕЛЕВК, жалуяся в превеликой горести на худой успех в своем предприятии, показывает крайнее на себе беспокойство о несчастии своих детей, а особливо о любезном Антиохе; будучи же о нем в безизвестии и не видя при себе никого, идет сам о том проведывать, и в то ж время

Явление 2
Является АРТЕНИСА

СЕЛЕВК радуется, увидев свою дочь, и сказывает ей, что он весьма опасался, чтоб по разбитии всей его армии не попалась она в руки победителю; но сия радость печальною оною ведомостью тотчас уничтожилась, которую она ему сказала, что его второй сын Антиох, которого он любил паче всего на свете и которого было определил наследником своего престола, по несчастию убит на месте, а старший сын Димитрий взят в полон.

СЕЛЕВК приходит от такой ведомости в несносную печаль, страх и отчаяние.

АРТЕНИСА советует Селевку от того места отойти и не давать себя больше в такую опасность; увещевает его принять неоднократно от Вологеза предложенный мир и приводит ему на память, что все оные несчастия на него пришли от одного токмо неисполнения его обещания.

СЕЛЕВК приходит в превеликую ярость и ее слушать не хочет, объявляя, что первое и главнейшее его попечение есть отмстить смерть любезного своего сына на изменнике Вологезе и что он о мире ничего слышать не хочет; потом поет следующую арию:

О ты, дражайшая любезна сына тень!
Не отступающа ни на единый день!
Оставь, оставь твой страх, еще днесь подтверждаю,
Что только о тебе пекусь и помышляю.

Прежде нежели кончится ария, слышен звук военных инструментов.

АРТЕНИСА видит, что то к ним неприятели идут.

СЕЛЕВК, взяв ее за руку, отходит с великим поспешением, чтоб для безопасности города учинить надлежащую осторожность.

Явление 3
Триумф ВОЛОГЕЗОВ

ВОЛОГЕЗ едет на торжественной колеснице, которую везут пленники. Пред ним идет его победоносное войско, за ним взятые в плен сириане, а по сторонам знатнейшие из его армии офицеры.

Во время марша хор поет следующее:

Живи, цвети в победах. Не счастием слепым
Враги твои валятся; одним плечом твоим.
И самый больший страх
Есть мал в твоих глазах.

ВОЛОГЕЗ, сходя с торжественной колесницы, повелевает, чтоб при полученной сей победе не было никакого своевольства, и побежденным бы не делали обиды; чтоб всяк шел к своим знаменам и последовал бы в воздержании его примеру.

Явление 4

Между тем приходит ГИРКАН и сказывает ему, что принц Димитрий взят в полон, что Селевк спасся бегством и что Антиох найден убит на месте баталии.

ВОЛОГЕЗ показывает о сем случае великую печаль, ведая, что то в исполнении его желания новое препятствие учинит.

ГИРКАН втайне очень тому радуется, надеясь, что Артенсиа, которую он любит, для того за Вологеза не будет отдана.

ВОЛОГЕЗ повелевает пленного принца привести пред себя.

Явление 5

ДИМИТРИЙ приходит скован и без оружия, выговаривает Вологезу с героичною смелостию, что он причиною его несчастия, и приводит ему в память, как они прежде против римлян совокупно воевали, в то время, когда он, Вологез, от отца своего Селевку на помощь прислан был, а что теперь принужден уже он явиться пред ним яко пленник.

ВОЛОГЕЗ отвещает ему, что одно токмо Селевково упрямство принудило его восприять оружие, который обещал прежде торжественным образом отдать ему в супружество принцессу Артенису, потом против всех прав ему в том отказал.

ДИМИТРИЙ в оправдание своего отца представляет, что Селевк имел причину отказать ему в прежнем своем обещании, потому что он, Вологез, союз, который был между ими, сам прежде нарушил, соединясь против него с римлянами.

ВОЛОГЕЗ в том не признавается и спрашивает у него, чем бы он то мог доказать.

ГИРКАН тайно веселится, что он таким от себя вымышленным обманом Вологеза в печаль привел.

ДИМИТРИЙ отвещает, что он ему никакого доказательства на то учинить не может, но что отец его, Селевк, весьма в том уверен и притом порицает его неверностию и убивством своего брата.

ВОЛОГЕЗ удивляется, что он о брате своем так много говорит, ведая, что Селевк определил было его наследником престола в предосуждение тем правам, которые имеет на то Димитрий; и что ежели боги допустили, что Антиох умер, то он, Димитрий, имеет чрез тот способ вступить паки в оное наследство, которого было отец его лишил неправедно.

ДИМИТРИЙ говорит против того, что не ему надлежит рассуждать о определении его отца, и ежели он престола достоин, то не много о том тужит, будет ли он когда владеть или нет.

ВОЛОГЕЗ, удивляясь его героичной добродетели, приказывает принести его меч и шишак и, оные отдав ему купно с совершенною свободностию, просит, чтобы он к своему отцу возвратился и объявил бы ему, что он с ним паки желает учинить мир и отдать все завоеванные у него земли, ежели только он захочет выдать за него Артенису; а потом повелевает Гиркану за сим принцем следовать.

ГИРКАН думает сей случай употребить в свою пользу и предупредить Селевка, чтоб он сего представления не принимал и тем свою ненависть против Вологеза изъявляет.

ВОЛОГЕЗ объявляет дружбу свою к Димитрию, просит его, чтоб он впредь неприятелем его не называл.

ДИМИТРИЙ отвещает ему, что он того еще весьма рано требует и поет следующую арию:

Несчастна брата зрак во дни и темной ночи
Всегда мне предстает пред омоченны очи,
Всегда в моих ушах и жалобный, ах! глас,
Отмщения прося меня по всякий час,
И открывает мне, колики язвы даны
Вопящему: отмсти, отмсти кровавы раны.

Потом вместе с Гирканом отходит.

Явление 6
ВОЛОГЕЗ и ИСМЕНА

ИСМЕНА спрашивает у брата своего, что сделалось с Димитрием, для того что она слышала, что он на баталии взят в полон.

ВОЛОГЕЗ сказывает ей, что он ему даровал свободу и послал назад к его отцу.

ИСМЕНА тужит, что она не имела удовольствия его видеть; объявляет, что она его с того времени полюбила, как он присылан был от Селевка просить у ее отца помощи; признавается, что она во всех военных походах следовала за братом своим для того только, чтоб иметь одно то увеселение, дабы своего любовника увидеть; и что, следовательно, она весьма сокрушается, что он не допустил ее до того счастия.

ВОЛОГЕЗ, ее утешая, сказывает, что он в своей любви еще гораздо несчастливее; а понеже Исмена удивляется, что он, будучи победителем, ей то говорит, то поет он следующую арию:

Коль сердцем ты прозря, болезнь могла познати,
И ты бы, ах! и ты днесь стала сострадати.
Победа и престол, владычество и слава
В мучениях моих бессильная забава.
Сие величество, что днесь мя окружает,
Еще мою печаль стократно умножает.

Отходит.

Явление 7

ИСМЕНА не может выразуметь, к чему склоняются разговоры ее брата, просит богов о защищении ее невинной любви и верности и, жалуяся на свое несчастие, поет следующую арию:

Я, ждущая конца толь бедствии пространных,
Прельщалась на конец печалей несказанных
Увидеть, что люблю; но сердце утомленно
По таковых бедах уж и того лишенно.
Лишилася всего, дрожу лишь и немею,
Но, ах! уж никакой надежды не имею.

Отходит.

Явление 8

Театр показывает храм внутрь двора царей сирских, в средине которого жертвенник, а на нем образ богини Немезисы.

СЕЛЕВК и АРТЕНИСА,
а за ними солдаты

СЕЛЕВК, имея непременное намерение, чтоб всеми мерами отмстить Вологезу смерть своего сына, приказывает служителям оного храма на жертвеннике зажечь огонь и принесть к себе чашу и сосуд золотой, в которую налив питья и учиня обыкновенные церемонии отплескиванием из оной чаши несколько того питья на огонь, достальное выпивает и против Вологеза (не взирая на то, как Артениса его ни просила, чтоб он того не делал) произносит преужасную клятву и принуждает то ж делать и свою дочь.

АРТЕНИСА от того долго отговаривается и признавается перед ним, что она не в состоянии клясться о погибели такого принца, которого с такою горячестью любит и которого по сие время (по его приказу) почитала за будущего своего супруга.

СЕЛЕВК, будучи в своей жестокости непреклонен, приказывает ей с великим угрожением исполнить свое повеление.

АРТЕНИСА произносит напоследок со слезами сию ужасную клятву и, не могши снести своего сердечного сокрушения, упадает на землю почти в беспамятстве.

СЕЛЕВК, рассуждая сам с собою, каким бы образом оное отмщение произвести в действо, вздумал употребить на то вместо орудия

Гиркана, потому что он его неверность к Вологезу уже усмотрел, когда он ему объявил о заключенном между Вологезом и римлянами союзе, чего ради надеется и в сем случае иметь от него пользу.

Явление 9
Между тем приходят ДИМИТРИЙ и ГИРКАН

СЕЛЕВК, увидя их обоих в городе, удивляется, понеже он думал, что они еще в парфянском лагере.

ДИМИТРИЙ уведомляет его о причине их к нему прибытия и, отправя порученное себе от Вологеза дело, похваляет весьма великодушие[4] сего принца; но Селевк о мире не хочет слышать и, озлобившись на своего сына, показывает на себе гордый и раздраженный вид и хочет от них идти прочь.

ГИРКАН подходит к нему и, говоря с ним на одине, уверяет его, что он имеет ему объявить великое намерение для награждения всей поныне понесенной траты и для вспомоществования ему в учинении Вологезу отмщения.

СЕЛЕВК является тем несколько успокоен и под видом, якобы он хотел с Гирканом говорить о мирных предложениях, зовет его в свой кабинет, а Артенисе и Димитрию приказывает, чтобы за ним не ходили; после чего они оба отходят.

Димитрий просит Гиркана, чтоб склонил его отца к принятию мира; Гиркан ему то обещает и отходит к царю Селевку.

Явление 10
АРТЕНИСА и ДИМИТРИЙ

АТЕНИСА, думая всегда о своем несчастии, сказывает брату о том, каким образом отец ее принудил учинить клятву.

ДИМИТРИЙ, удивляяся тому, старается ее уговорить и представляет ей ту надежду, которую они имеют, что все еще может перемениться.

АРТЕНИСА сказывает ему, что в несчастливом своем состоянии она уже ничего не может надеяться, и поет следующую арию:

Немилосердый рок все сердце мне расшиб,
Пропала днесь вся мысль, и разум мой погиб.

---

[4] *В изд.:* виликодушие.

Хочу изобразить болезнь мученья злого,
Но не могу сказать ни одного, ах, слова.
Сия несносна скорбь уста мне затворяет
И очи во слезах неволей погружает.
Судьба! о зла судьба несчастныя души,
Лишив меня всего, и жизни уж лиши.

Отходит.

Явление 11
ДИМИТРИЙ, а потом СЕЛЕВК и ГИРКАН

ДИМИТРИЙ говорит, что он еще гораздо несчастливее в рассуждении той неправедной ненависти, какую на него имеет отец, и что он лишился любезной своей Исмены; а как он хочет прочь идти, то приходит отец и сказывает ему, что он по совету Гирканову свое намерение переменил и к принятию предложенного ему от Вологеза мира уже склонился.

ДИМИТРИЙ той ведомости сердечно радуется и похваляет Гирканов разум, что он умел так изрядно уговорить Селевка.

СЕЛЕВК приказывает сыну своему идти в парфянский лагерь и, объявя там Вологезу о своем намерении, предложить ему, чтоб он для свидания с ним и для постановления мирных договоров был в королевское гульбище, которое близ фонтана Аполинова.[5]

ДИМИТРИЙ удивляется, что отец ему то поручил, и представляет ему, чтоб лучше было отправить с тем предложением Гиркана, а особливо что сей победитель может несколько усумниться, чтоб себя так отважить.

СЕЛЕВК отвещает ему, что Гиркану надлежит остаться при нем, и что он ему для некоторых советов еще надобен; а что касается до безопасности Селевковой, то он в том дает свое царское слово, которое свято содержать имеет; потом поет следующую арию:

Ступай отсель, что медлишь доле?
Ступай и возвратися в поле.
Мирюся, только не пременен,
В победах ли когда, иль пленен.

---

[5] *В изд.:* Апполинова.

(Потом говорит сам про себя)
О тень любезнейшего сына,
Всея мне горести причина!
О сын, кого я толь любил!
Не мни, чтоб я тебя забыл.
Поверь, что смерть твоя отмстится,
И твой убийца истребится.

Отходит.

Явление 12
ДИМИТРИЙ и ГИРКАН

ДИМИТРИЙ благодарит Гиркану за его старание, которое он имел в успокоении гнева его отца.

ГИРКАН отвещает ему, что он то сделал, чего Димитрий, может быть, и не надеялся, и обнадеживает его, что действительное оного исполнение, может быть, удостоверит его о искренних его намерениях, а притом просит, чтобы он как наискоряе поспешал в лагерь, дабы желаемый плод от сего старания видеть можно было.

ДИМИТРИЙ намеряется туда идти, однако ж слышит в себе некоторый тайный ужас, которого причину знать не может.

ГИРКАН увещевает его оные внутренние движения преодолеть и без причины себя не беспокоить; потом поет следующую арию:

Часто слабый человек в мыслях путь теряет,
Сердце несогласные страсти в нем рождает.
Утоплен в надежде страх, в гневе сожаленье,
И смешеньем таковым делают мученье.

Отходит.

Явление 13
ДИМИТРИЙ

ДИМИТРИЙ говорит, что он довольно знает причину тому, откуда оный ужас в нем происходит; что оный рождается от единой токмо нечаянной перемены его отца; что его беспокойство в нем так умножилось, что ему не что иное как печальные и ужасные виды себя представляют, и что он в сердце своем никаких движений не чувствует кроме страха и ужаса; потом поет следующую арию:

Как, путь свой потеряв, младенец в темной нощи,
Преходит во слезах, блудя, густые рощи,
Боится водных струй, шумящих древ, трепещет
И беспорядочно повсюду очи мещет,
Кричит, бросается, не знает, что зачати,
Сокрыться ль где ему, бежать или стояти,
Подобно и во мне так сердце возмущенно
И вечно своего спокойствия лишенно.

Конец первого действия

Балет гусарский

Действие II
Явление 1

Театр представляет великий шатер царя Вологеза, чрез который видно пространное поле и в нем в ордере баталии стоящая парфянская армия.

ВОЛОГЕЗ, ИСМЕНА и ДИМИТРИЙ

ВОЛОГЕЗ, выслушавши оные предложения, которые ему Димитрий учинил от стороны отца своего Селевка, соглашается на то, чтоб быть в показанное место.

ИСМЕНА, удивившись, что ее брат так скоро поверил слову побежденного от себя царя, старается ему то отговорить.

ВОЛОГЕЗ отвещает ей, что Селевк дал ему в том свое царское слово и что он не имеет причины от него опасаться.

ИСМЕНА старается еще всеми мерами оное намерение отвратить и советует ему взять с собою для охранения часть своего войска или удержать в своем лагере принца Димитрия аманатом.

ДИМИТРИЙ, утверждая его в восприятом намерении, представляет, что такое недоверие могло бы в заключении мира учинить новое препятствие и имело бы раздражить его отца, который свое слово хранит ненарушимо так, как и правы народные.

ВОЛОГЕЗ просит свою сестру, чтоб она ему о том не говорила, потому что он уже твердо принял свое намерение, и потом поет следующую арию:

Я днесь уже достиг по таковых бедах,
Чтоб то, что я люблю, иметь в своих глазах,
А ты меня еще быть нудишь во слезах.
Коль верность мя стрежет, тогда отходит страх.

Отходит.

Явление 2
ДИМИТРИЙ и ИСМЕНА

ДИМИТРИЙ, изготовившись к отшествию с Вологезом, остается на время, чтоб Исмене засвидетельствовать, сколько он, увидя ея, обрадовался, и просит, чтоб она о своей с ним прежней любви вспомнила.

ИСМЕНА говорит ему, что она весьма оную помнит, и сказывает, как тягостно ей было его отсутствие; а между тем объявляет ему, что она не в состоянии теперь от него слушать любовных разговоров, как долго будет находиться в страхе о жизни своего брата, и для того просит, чтоб Димитрий как наискоряе за ним следовал и защитил бы его от тех сетей, которые для него, может быть, приготовлены.

ДИМИТРИЙ крайне удивляется оным ее словам и обнадеживает, что он весьма не уповает, чтоб отец его не содержал своего слова; а ежели бы он захотел в том учинить какое коварство, то он, Димитрий, имеет за Вологеза стоять до излияния последней капли своей крови и его защищать, и обещает ей поступать всегда таким образом, дабы она о его всегдашней и искренней к себе любви могла быть совершенно уверена.

Отходит.

Явление 3

ИСМЕНА не может преодолеть внутреннего оного чувствия, по которому она аки бы наперед слышала, что тут есть какая-нибудь тайная измена, и для того принимает великодушно намерение следовать за своим братом и быть везде при нем; и тако, призвав в свой шатер несколько офицеров, приказывает за собою идти одной части войска к королевскому гульбищу, надеясь тем способом избавить своего брата от приуготовляемого ему коварства. Потом поет следующую арию:

Я чувствую в себе сладчайшую надежду,
Которая мой дух печальный ободряет,

Сулит моей души желанье совершити,
И мой потерянный покой отдать возвратно.
Вложив невинный гнев, о вы превечны боги!
Откройте все пути и помощь вашу дайте.

Отходит.

Явление 4

Театр представляет часть королевского гульбища между городом и морем. С одной стороны оного виден фонтан Аполлинов, обсаженный лавровыми деревьями, а с другой густой лес, Аполлину ж посвященный.

АРТЕНИСА одна

АРТЕНИСА, удивившись незапной премене своего отца, не может понять, каким образом он от прежнего своего жестокого гнева так скоро к дружелюбному примирению склонился, и для того, не объявляя ему ничего, идет, чтоб из потаенного некоего места можно было ей видеть, что будет делаться. Между тем как она о том размышляет, слышит вдруг некоторый шум, который ее устрашает, и видит, что ее отец идет с некоторым числом вооруженных людей, а опасаясь, чтоб он на нее не осердился, хочет от него скрыться. Идучи дорогою, подходит она к Аполлину и просит его о защищении ее невинной любви и о сохранении ее отца и любовника, а потом входит между лавровых деревей, оный фонтан окружающих.

Явление 5
СЕЛЕВК и ГИКАРН
в провождении некоторого числа вооруженных людей

СЕЛЕВК говорит Гиркану, что он скоро увидит плод своего старания и что к нему от Вологеза прислана ведомость о его немедленном сюда прибытии. Веселится тем, что он свой гнев так изрядно мог скрыть, что Вологез сам приходит на жертву, которая за успокоение сына его принесена быть имеет. Потом повелевает своему войску скрыться в лесу, находящемся по другую сторону оного места.

Между тем временем объявляет Гиркан Селевку о своей любви, которую он имеет к дочери его Артенисе, и просит, чтоб он ему в награж-

дение его показанных услуг отдал ее в супружество, на что Селевк и соизволит.

АРТЕНИСА оказывается несколько из того места, где она скрылась, и слыша оные разговоры, в крайнюю приходит печаль.

ГИРКАН, не имея столько смельства, чтоб быть при том действии, которого они ожидают, отходит, дабы скрыться между лавровым деревьями того фонтана, а вшед туда, видит Артенису.

СЕЛЕВК, заставши против чаяния своего Артенису в таком месте, где ей быть не надлежало, приходит против ее в несказанную ярость, но Гиркан советует ему ее не раздражать; а для того, что она все их разговоры слышала и может их намерение уничтожить, то представляет он, чтоб ее отослать прочь и отвести чрез их солдат в безопасное место.

АРТЕНИСА, обратившись на Гиркана, начала поносить и порицать его наижесточайшим образом за учиненную своему государю измену и неверность.

ГИРКАН, не опасаясь с своей стороны ничего, поет ей следующую арию:

Любя достойную моей супругой быти,
Люблю ее всегда, хотя и презирает,
Из уст ее и гнев противен быть не может.
Упорности ее любовный жар сугубят,
Все чувствы днесь мои с душой и сердцем любят.

Отходит.

СЕЛЕВК приказывает солдатам дочь свою оттуда вывести.

АРТЕНИСА, залившись слезами, просит его для всего, что за наисвятейшее почитается, иметь о ней и о ее любви сожаление. Но сей бесчеловечный царь напоминает ей учиненную ее клятву и, увидя издали парфянского царя, приказывает немедленно исполнить свое повеление. Между тем

Явление 6
приходит ВОЛОГЕЗ

ВОЛОГЕЗ, по толиких несчастиях увидев впервые дражайшую свою Артенису, которую он нашел в толь жалостном состоянии, ужаснулся и спрашивает у нее с удивлением о причине того приключения. Арте-

ниса хотела ему оную сказать, но в слезах не могла ни одного слова выговорить и, будучи в руках у одного из тех солдат, которые хотели ее отвести в другое место, упала в обморок.

ВОЛОГЕЗ хотел было за нею идти, но Селевк его удержал и, кликнув скрытых в лесу вооруженных людей, показал чрез то, что уже пришло время к учинению ему отмщения.

ВОЛОГЕЗ ужаснулся, увидев такое над собою коварство, и стал его порицать изменением данного слова, не надеясь, чтоб Димитрий и Гиркан могли его обмануть.

СЕЛЕВК сказал ему, что он не должен был вверять себя такому принцу, которого он лишил не токмо всего владения, но и любезного сына, в котором он полагал все свое веселие; что Димитрий и Гиркан в том никакого участия не имеют, но что он сам хотел таким отмщением удовольствовать свое желание, и в то ж время приказывает своим солдатам на него напасть и его убить.

ВОЛОГЕЗ начинает себя защищать, а между тем

Явление 7
Приходит ДИМИТРИЙ

ДИМИТРИЙ, увидев все в таком бедственном состоянии и не могши своего отца никаким рассуждением от того удержать, принимается напоследок за свое оружие, чтоб Вологеза защитить; но видя, что Селевка и тем от злого его намерения удержать не можно, стал он пред парфянским царем и сказал своему отцу, что он должен чрез него отворить себе путь к отмщению.

СЕЛЕВК, почитая сына своего за такого ж неприятеля, приказывает солдатам повеление свое исполнить, и как они хотели на него напасть, то в самое то время

Явление 8

Приходит ИСМЕНА с частию своего войска, которое, увидев государя своего в толь великой опасности, бросясь на Селевковых солдат, оных прогнало; и таким образом все вдруг переменилось.

СЕЛЕВК проклинает свое несчастие и неверность своего сына.

ВОЛОГЕЗ восхваляет несравненное великодушие Димитриево и разум его сестры.

ИСМЕНА благодарит богов, которые вложили ей толь нужное намерение, чтоб следовать за братом.

ДИМИТРИЙ веселится тем, что он своей Исмене учиненное обещание мог исполнить, и просит отца, дабы он извинил его предприятие, которое от него учинено токмо для защищения справедливости и для его чести; но сей бесчеловечный царь, обратив на него весь свой гнев, сказал, что он не без причины выключил его от наследства, потому что худой его нрав ему был уже известен; но чтоб он не надеялся для смерти своего брата получить себе владение, потому что у него есть еще Фарнас, которого он ему предпочесть, и вскоре возвратя из Египта, сирским царем учинить имеет; потом приказывает, чтоб он больше пред ним не являлся и что иным способом не может он прощения получить, как только тем, когда принесет к нему главу Вологезову.

ДИМИТРИЙ вместо ответа поет следующую арию:

Я все тобой терплю и все терпеть готов,
И лишь осталось мне сокрыться от тебя.
Родительск гнев всегда найдет свою причину,
И без вины вину взложить несчастну сыну.
Унынье ж мерзко мне, и мерзок есть обман,
От естества в крови гнев праведный мне дан.

Отходит.

Явление 9
СЕЛЕВК, ВОЛОГЕЗ и ИСМЕНА

СЕЛЕВК порицает беспрестанно сего бессчастного сына и приносит жалобу богам, которые отняли у него такого сына, которого он любил, а сохранили сего, которого столь ненавидит и проклинает.

ВОЛОГЕЗ говорит ему, чтоб он его более не раздражал, но рассуждал бы о том состоянии, в котором он находится, и понеже он еще имеет время опамятоваться и прийти в чувство, то советует он ему употребить то свою пользу.

СЕЛЕВК, не убавляя гордости своей ни в чем, отвещает ему, что он хочет насытиться его крови, и хотя ему то не удалось теперь, однако ж сделает он то и после; что он клялся его погубить и что не может его ничто от рук его спасти.

ИСМЕНА, видя толь неукротимую гордость, приходит в превеликое сердце.

ВОЛОГЕЗ, слыша такое поношение и грозы, говорит ему, что понеже он презирает его милость, то заставит он его довольно чувство-

вать праведный свой гнев, и для того пойдет опять к своей армии, а он бы знал, как себя в то время защищать.

СЕЛЕВК отвещет ему, что он возвратится в город для защищения оного и что не вовсе он побежден, но надеется всегда найти способ к своему отмщению, а потом поет следующее:

Я чувствую теперь терзающ гнев мне сердце,
Отмщение спешит, и грудь твоя пронзится;
Хотя ж и умереть мя должность привлечет,
То знай, что не моя одна кровь потечет.

А ты, о варвар злой, спокойствие отъемлешь
И беспокойный дух мученьем мучишь вечным.

Явление 10
ВОЛОГЕЗ и ИСМЕНА

ВОЛОГЕЗ, разговаривая с сестрою своею о бесчеловечии Селевковом, говорит, что коли он сам хочет своего несчастия, то надлежит его удовольствовать, что он тому уже не виновен и что отмщения более удержать не может.

Отходя оттуда, вспомнил он о Гиркане и, не видев, чтоб он в таком опасном случае пришел к нему на помощь, спрашивает о нем у Исмены.

ИСМЕНА отвещает ему, что она больше ничего не ведает, как только что он остался при Селевке, когда Димитрий прислан был от отца с предложением, чтоб быть Вологезу для разговора в сие место, и что он, может быть, возвратился уже в лагерь и не ведает, что между тем сделалось.

ВОЛОГЕЗ говорит напротив того, что он опасается, не согласился ли он с Селевком, и, желая подлиннее ведать о его верности, приказывает Исмене возвратиться в лагерь и, ежели она там его застанет, то велеть его арестовать.

ИСМЕНА объявляет, что она от него отстать не хочет; но Вологез говорит, чтоб она ничего не опасалась, а себе приказывает для безопасности оставить половину из тех людей, которые пришли с нею, потому что он, не видав любезной своей Артенисы, весьма не хочет возвратиться; и что плачевное оное состояние, в котором он ее оставил, принуждает его наведаться о том, что с нею сделалось; а межу тем, чтоб Исмена пошла наперед и велела бы генералам его армии войско учре-

дить к баталии, понеже он, возвратясь в лагерь, намерен тотчас идти к городу на приступ.

ИСМЕНА просит его, чтоб более не давался в обман и не подвергал бы себя какой новой опасности, а напоследок чтоб рассудил, сколь полезны ему были ее женские советы и предосторожность; после чего она отходит, оставя при брате своем некоторую часть войска для его охранения.

Явление 11
ВОЛОГЕЗ, потом ГИРКАН и ДИМИТРИЙ

Между тем как Вологез рассуждал, куда бы ему идти надлежало, чтоб увидеть любезную свою Артенису, то ГИРКАН, вышед с противной стороны и увидя, что его государь еще жив, показывает о том втайне великое удивление, не ведая, каким образом то могло случиться, а потом отходит опять в прежнее свое место.

ДИМИТРИЙ встречается на дороге с Вологезом.

ВОЛОГЕЗ, увидя его издали, бежит к нему, чтоб его обнять и засвидетельствовать бы свою радость, которую он чувствует, его видя, а притом чтоб и благодарить ему за сохранение его жизни.

ДИМИТРИЙ объявляет ему, что он к нему приходит яко сын Селевков в том только намерении, чтоб той ссоре, которая между им и отцем его продолжается, учинить конец поединком.

ВОЛОГЕЗ, удивляяся такому[6] предложению, говорит, что ему то весьма непонятно, как он его может вызывать на поединок, употребив себя и прежде так великодушно на его защищение.

ДИМИТРИЙ отвещает ему, что он его защищал для чести и славы своего отца, не хотя того видеть, чтоб отец учинил так бесчестное коварство; но что ныне сыновняя должность обязывает его всю от отца понесенную трату наградить своею храбростию; после чего вынимает он свою шпагу и говорит Вологезу, чтоб и он то ж сделал, а солдатам бы своим велел отступить прочь и излиянием крови которого-нибудь из них пощадил бы неповинную кровь толикого множества людей, которая при случае генеральной баталии имела бы напрасно пролита быть.

ГИРКАН, показавшись опять из того места, в котором он находился, принимает намерение сей случай употребить в свою пользу и то дей-

---

[6] *В изд.:* токому.

ство произвести, о чем он с Селевком согласился, а потом паки скрывается.

ВОЛОГЕЗ, будучи о намерении Димитриевом чувствителен, биться с нм весьма не хочет, сказывая, что он не желает того слышать, чтоб весь свет порицал его неблагодарностию к такому человеку, который спас его жизнь.

ДИМИТРИЙ объявляет ему, что ежели он с ним биться не захочет, то будет он его почитать робким и подлого сердца человеком.

ВОЛОГЕЗ, принявши то за особливую досаду, приказывает своим солдатам отступить, а потом, принимаяся за шпагу, говорит ему, что он то делает только для уверения Димитрия, что он никакой подлой робости в себе не имеет, и потом выходит против его на поединок.

ГИРКАН, вышед тогда с великим поспешением из оного места, в котором он, скрывшись, сидел, бежит сзади с шпагою в руках на Вологеза, бьющегося с Димитрием.

ДИМИТРИЙ, увидев оную неверность, оставляет вдруг свой поединок и, наступая на Гиркана, оного прогоняет; и так они оба уходят, а Вологез остается один.

ВОЛОГЕЗ весьма удивляется толь чрезвычайному приключению и, видя с одной стороны особливое великодушие своего неприятеля, а с другой — явную измену своего подданного, догадывается напоследок, что Гиркан всему оному злу причиною; чего ради принимает он намерение того ж часа возвратиться в свой лагерь, дабы получением совершенной и полной победы наказать продерзость тех людей, от которых произошло его несчастие; но в то самое время, когда он хочет идти,

Явление 12
Приходит АРТЕНИСА

АРТЕНИСА, будучи в великом страхе, сказывает ему, что она ушла для избежания ярости своего отца, который хочет ее убить за то, что она нейдет за Гиркана замуж; что сей изменник, который в нее влюбился, обманув ее отца, требовал от него, чтоб он ему то обещал в награждение его Вологезу оказанной неверности, и что она, не зная никакого способа, как бы от того свободиться, принуждена была напоследок уйти, а опасаясь, чтоб ее отец к ним не пришел, просит Вологеза, дабы он ее долго не удерживал.

ВОЛОГЕЗ, будучи окружен толикими несчастиями и видя любезную свою Артенису в толь великой опасности, пришел в такое смуще-

ние, что не знает, что делать; с одной стороны, ярость приводит его к отмщению, а с другой, удерживает его любовь.

АРТЕНИСА, которая не в меньшем находится страдании нежели он, рассуждает с одной стороны должность, которую она имеет к своему отцу, а с другой стороны горячесть к своему любовнику, и так в одно время и о своем отце, и о Вологезе сокрушается; чего ради просит она Вологеза, чтоб он Селевку не мстил и берег бы его, сколько можно, а между тем желает, чтоб он возвратился в свой лагерь, будучи в том месте не без опасности.

ВОЛОГЕЗ на то склоняется, а когда он отходит, то поет Артениса следующую арию:

Посреди войны и гнева
Вспомяни свою любезну.
Вспомни, чья я дочь несчастна,
Вспомни, как с тобой прощалась,
С какой горестью просила.
Но сердечного мученья
Не могу изобразити,
Только слезы то являют,
Как зло горестному сердцу.

Отходит.

Явление 13
ВОЛОГЕЗ

ВОЛОГЕЗ, будучи приведен жалостными словами любезной своей Артенисы в особливое чувствие, обещает ей, говоря один с собою, что он так неблагодарен не будет (когда ее брат двожды спас его жизнь), чтоб он о Селевке не имел сожаления; что он при своих победах таким образом поступать имеет, что она им будет довольна; потом, чувствуя в себе различные движения, поет следующую арию:

Возврати мое спокойство,
О немилосерда доля!
И престань, престань смущати
Толь несчастливую душу.
Может ли вместити сердце
Много толь страстей различных!

Ах! и есть ли что на свете
Больше моея печали!

Явление 14

Театр представляет стены города Селевкии с градскими воротами, которые после затворяются, а вдали виден лагерь парфянской армии с военными припасами, которая, подшед к градским стенам, некоторую часть оных разрушает.

СЕЛЕВК и ДИМИТРИЙ в провождении солдат.

СЕЛЕВК приходит в великую ярость против своего сына за то, что он, не взирая на его запрещение, дерзает перед ним являться; порицает его тем, что он помешал Гиркану убить Вологеза и что он при самых его глазах на сего министра нападал.

ДИМИТРИЙ отвещает на то, что он готов действительно показать к нему свою верность; и хотя он Вологеза защищал, однако ж имел столько сердца, чтоб его вызвать на поединок, и буде бы неверность Гирканова в его намерении ему не воспрепятствовала, то, может быть, чтоб он уже и учинил Вологезу храброе отмщение; ведая же, что парфяне намерены город брать приступом, пришел он для сохранения своего отца и для защищения отечества, за которых он готов кровь свою излить до последней капли, но на подлую измену не может он никогда согласиться и оной подтвердить.

Между тем как отец хотел ему на то отвечать, услышали сигнал в Вологезовом лагере. Тогда учинилось между ими вдруг великое движение; Селевк обнажил свою шпагу, которому и все присутствующие последовали; потом затворили тотчас градские ворота и ничего не оставили, что к храброму принятию ожидаемого неприятеля и к доброй обороне города потребно было.

Парфяне, идучи на приступ, везут с собой военные машины для разбития градских стен и напоследок градские ворота оными машинами сокрушают, а как победительные пафяне с поспешением в город входить стали, то сириане, учинив из других ворот вылазку, нападают на них с одного крыла. При том виден Селевк, который при помощи Гиркановой всеми силами старается неприятеля отогнать.

ДИМИТРИЙ с другой стороны сражается с Вологезом, и баталия становится уже генеральная, стены градские разрушаются, сириане обращаются в бегство, будучи гонимы от своих победителей, а как они

все с театра сходят, то является Селевк безоружен, ведущий Артенису за руку.

СЕЛЕВК говорит своей дочери, что понеже он потерял все, и счастие явно склонилось к стороне его неприятеля, то по последней мере не допустит он до того, чтоб она досталась в добычу победителю, и, вынимая кинжал, хочет сию невинную принцессу принести в жертву своей ярости; но прежде нежели он мог сие варварское намерение исполнить

Явление 15

приходит к ним ВОЛОГЕЗ и, ухватив его за руку, оный книжал у него отнимает, повелевая солдатам своим взять его за караул.

СЕЛЕВК, дышущий яростию, заключается в оковы. В то ж время приводят солдаты Димитрия и Гиркана, плененных на баталии.

ВОЛОГЕЗ, увидя сего изменника и производителя всем оным несчастиям, приказывает его оковать наитяжчайшими оковами и, ввергнув в жесточайшую темницу, держать в оной до того времени, пока он рассудит за потребно учинить над ним достойную казнь за его преступление; после чего, обратясь к Селевку, говорит ему, что теперь пришло время, в которое он может ему отмстить за все учиненные от него озлобления.

СЕЛЕВК отвещает на то, чтоб он только приказал его умертвить, и чем скоряе он то учинит, тем скоряе избавит его от ужасного мучения.

АРТЕНИСА просит Вологеза, чтоб он не позабыл прежней ее наиприлежнейшей просьбы.

ВОЛОГЕЗ уверяет Артенису, что он весьма не забыл своего обещания и того, что он ей должен, и что она чрез самое действие о том будет удостоверена. Потом говорит Селевку с великою приятностию и, забыв свой гнев, просит его, чтоб он склонился на его предложении; и хотя счастие все обратило в его пользу, однако ж готов он привесть его совершенно в прежнее состояние, а сам от него ничего больше не требует, как токмо исполнения того обещания, которое он ему уже давно учинил; потом приказывает снять с него оковы и отдает ему его шпагу; но сей в жестокосердии своем непременный царь оныя не принимает и по неслыханному бесчеловечию лучше хочет умереть, нежели отдать дочь свою за сего храброго и великодушного царя. Тогда все во-

пиют против нерассудной гордости сего тирана и поют на четырех голосах следующие речи:

ДИМ. Уступи, ах! уступи части и погибели.
ВОЛ. Полно умножать печаль, полно общую напасть.
СЕЛ. Молчи, неблагодарный сын, предатель и изменник.
АРТ. Вспомяни мое мученье.
СЕЛ. Хочу отмщения иль смерти.
ВОЛ. ДИМ. Умягчи твой гнев и ярость.
СЕЛ. Хочу со славой умереть иль грудь твою пронзити.
АРТ. Увы! свирепа часть.
ВСЕ. О! жестокое мученье.

ВОЛ. Приими престол и мир.
СЕЛ. Хочу отмщения иль смерти.
ДИМ. Хоть раз взгляни приятно.
АРТ. Сжалься, видя дочь свою.
СЕЛ. Прочь ступай от глаз моих.
ВОЛ. ДИМ. О, колико ты жесток, ежели не сжалишься.
АРТ. О свирепство!
ДИМ. О мученье!
СЕЛ. О неверность!
ВОЛ. Злая гордость!
ВСЕ. О ты варварство сурово!

Второе действие оканчивается балетом,
состоящим из людей разных народов,
которые все в масках.

Действие III

Явление 1

Театр представляет королевские покои, весьма богато убранные

ДИМИТРИЙ один

ДИМИТРИЙ говорит, что по великодушию Вологезову, который отдал ему его шпагу и возвратил совершенную свободность, может он в замке ходить везде; но что сия милость ему тем чувствительнее, что

ему кажется, будто бы он на всем, на что ни взглянет, видел изображенные свои мучении; потом жалуется на неутолимую и неправедную против себя ненависть отца и на его жестокосердие в отвержении учиненных ему от победителя мирных предложений, что его всей надежды лишает, чтоб получить любезную свою Исмену; а чувствуя в себе от толь многих трудов великую слабость, садится отдыхать и поет при том следующую арию:

Лиши, приятный сон, моей печали,
Чтоб очи хоть на час лить слезы перестали.

Потом засыпает.

Явление 2
ГИРКАН и ДИМИТРИЙ спящий.

Между тем как Димитрий спит, приходит туда тайно Гиркан и говорит, что по счастию, которого он себе и не чаял, ушел он из темницы подземным проходом, показанным ему от Селевка, который об оном знал только один, и что сею незнамою дорогою пришел он в сей замок; но понеже для крепких везде Вологезовых караулов не может он никак уйти, то намерен жизнь свою по последней мере, не дешево отдать, и краткое оное время, которое ему еще осталось, употребить таким образом, чтоб потомство могло видеть довольные знаки его ярости.

Отходя оттуда, увидел он Димитрия спящего и, вспамятовав, что царь парфянский им спас свою жизнь и поныне; и когда он его хотел убить, то Димитрий ему в том помешал: вынув свой кинжал, хотел вонзить ему в груди и таким образом оное ему отмстить; но в самое то время, как он сие бесчеловечное убивство намерен был исполнить

Явление 3

ИСМЕНА, пришед, Гиркана до того не допускает и будит Димитрия.

ДИМИТРИЙ пробуждается тотчас и, увидя нечестивого Гиркана, не может себе представить, каким образом ушел он из своей темницы; чего ради, вынув шпагу, хочет его казнить за толь многие его преступления.

ГИРКАН, ухватя Исмену с великою наглостию за руку, говорит Димитрию, что ежели он хотя малое что ему захочет сделать и к нему по-

дойдет, то он Исмену тотчас тем кинжалом пронзит, который он имеет в руке.

ДИМИТРИЙ находится от того в великом ужасе и смущении и хотел бы броситься на сего бесчеловечного изменника, но явный страх, в котором он видит любезную свою Исмену, удерживает его против воли.

ИСМЕНА, будучи к нему в непременной верности, говорит, что она с радостию умереть готова, для того что потерянием своей жизни могла спасти своего любовника.

Между тем, как все сие толь сожалетельным образом происходит,

Явление 4

является ВОЛОГЕЗ в провождении следующих за ним солдат.

ВОЛОГЕЗ отнимает у Гиркана кинжал и приказывает солдатам своим опять на него наложить оковы, а притом обратясь к сему изменнику, спрашивает, каким образом мог он уйти и обмануть караульных солдат.

ГИКАН, видя свою совершенную погибель и не чая уже никакого себе спасения, отвещает, что он, будучи по случаю посажен в старинную темницу в оном замке, нашел там подземный ход в те покои, где они теперь; что Селевк, ведая только один об оном проходе, прислал к нему ночью тайно одного из своих служителей, который, сняв с него оковы, проводил его в сие место; что он намерен был всем тем отмстить, которые причиною были его злоключений, но что неправедные боги намерение его уничтожили.

Все присутствующие ужасаются о такой его злой неверности, а Вологез приказывает тотчас его казнить.

ГИРКАН говорит ему, что смерть его не устрашает, потому что он своею хитростию Вологеза также несчастливым сделал, каков он сам; после чего признавается он пред Вологезом во всех своих преступлениях и сказывает, что, имея к Артенисе потаенную любовь, искал всеми мерами учинить в том препятствие, чтоб сия принцесса за него не была отдана и для того объявил ложно Селевку, якобы Вологез заключил против него союз с римлянами; что Селевк по его наущению своего обещания не захотел исполнить и в том Вологезу отказал, и что от того отказа произошли все оные злоключения.

ВОЛОГЕЗ, ужасаясь, слыша такое признание, и видя, что Селевк, будучи чрез Гиркана обманут, не во всем том виновен, что он ему при-

писывал, просит Димитрия, чтоб пошел он в те покои, где содержится его отец, и привел бы его к ним, дабы он сам мог от того изменника слышать о его злодействе.

ДИМИТРИЙ, не меньше тому удивляясь, нежели Вологез, принял то на себя с радостию в надеянии, что его отец, узнав подлинное состояние дела, ярость свою оставит, и отходит.

Явление 5
ВОЛОГЕЗ, ИСМЕНА и ГИРКАН

ИСМЕНА надеется, что боги напоследок сжалятся о их невинности.

ВОЛОГЕЗ приказывает отложить казнь Гирканову до того времени, пока он пред Селевком сам во всех своих злодействах не признается.

ГИРКАН рассказывает далее свои дела и проклинает жестокий свой рок, который не дал ему насытиться кровию Вологезовою.

ВОЛОГЕЗ повелевает ему молчать и говорит, что он за его неверность выговаривать ему не хочет, ведая, что его сердце никакого чувствия совести иметь уже не может и что он, Гиркан, его гнева недостоин. Между тем…

Явление 6

ДИМИТРИЙ, возвращаясь, сказывает им в печальном и страха исполненном виде, коим образом отец его сам себя отравил.

ВОЛОГЕЗ и Исмена, будучи такою ведомостию несказанно опечалены, просят, чтоб он им рассказал обстоятельно.

ДИМИТРИЙ сказывает, что, как Селевк услышал о Гиркановой неудаче в его предприятиях, на которого полагал он в учинении отмщения последнюю свою надежду, то принял он отраву для избавления себя тем от праведного гнева победителева, что он, Димитрий, пришел к нему уже после того, и так в том не мог ему помешать, и что он от отца с превеликою яростию выгнан, и никогда пред него появиться уже не смеет.

ГИРКАН, не имя более ни в чем умеренности, веселится о том, как о каком знатном от него учиненном действии и говорит Вологезу, что вот крайнее препятствие в исполнении его, Вологезовых, желаний.

ВОЛОГЕЗ, не могши более стерпеть наглости сего изменника и не имея причины его беречь, приказывает его взять и учинить над ним за злые его дела достойную казнь.

ДИМИТРИЙ просит Вологеза иметь попечение о его отце, потому что он сам не может того учинить в рассуждении оного запрещения, чтоб более пред ним никогда не являться; а между тем как Вологез хочет ему отвещать,

Явление 7
Приходит СЕЛЕВК

ДИМИТРИЙ, ИМЕНА и ВОЛОГЕЗ, став около его, тужат о восприятом от него так отчаянном намерении; но Селевк, будучи всегда таков же, как и прежде, и не отложив он прежней своей гордости ничего, не взирая на свое бедственное состояние, говорит, что по великих его несчастиях, не мог он ничего иного сделать для избавления себя честным образом от того бедствия, которое его ожидало, и что таким способом ему уже нечего стало ни надеяться, ни опасаться от тиранской власти своего победителя; и что он предупредил то отмщение, которое бы ему Вологез учинить мог.

ВОЛОГЕЗ, будучи сими разговорами крайне озлоблен, приводит ему в память, сколько раз и с каким великодушием предлагал он ему мир, и как часто Селевк отметал оный недостойным образом, а притом порицает его нарушением прав народных и своего царского слова.

СЕЛЕВК, прервав его речь, говорит, что он то самое слышал о нем, а именно когда Вологез, будучи его союзником, учинил тайный мир с римлянами и вступил против него в союз.

ВОЛОГЕЗ оправдывает себя от оного оклеветания, сказывая то самое, в чем признался пред ним Гиркан, нечестивый оный изобретатель сея лжи.

ИСМЕНА и ДИМИТРИЙ оное подтверждают, сказывая, что они сами слышали то Гирканово признание, и просят Селевка, дабы он напоследок к справедливости и к самой истине склонился.

Но сей жестокосердый и бесчеловечный царь, как жил, так желая и умереть, вместо того чтобы ему успокоиться, приходит в отчаяние и говорит, что когда уже до того дошло, то он Вологеза ненавидит, хотя он винен или нет, и будет его ненавидеть всегда; что он клялся его умертвить, и ежели бы можно было видеть ему его пред своими ногами многими ранами[7] уязвленного и убитого, то употребил бы он на то наи-

[7] *В изд.:* раными.

ужаснейшие злодеяния, чтоб только получить сие увеселение, но понеже он того по несчастию своему лишен, то хотя сие удовольствие иметь будет, что Вологез дочери его никогда не получит; потом, злословя сего храброго и великодушного принца, проклинает свой бессчастный рок и добродетель своего сына, который не допустил его исполнить оного злого намерения.

ДИМИТРИЙ не может от великого ужаса произнести ни одного слова.

ИСМЕНА, не стерпя более толь страшного вида, отходит.

ВОЛОГЕЗ лишается напоследок своей терпеливости и говорит Селевку, что он в сих печальных приключениях признавает явное правосудие божие, и теперь потаенные причины всех в тот день случившихся несчастий довольно понимает; что понеже Селевк всегда был ужасным примером человеческой неверности, то боги захотели напоследок наказать его за все такие злодеяния, и для того, дав пристрастиям его свободное течение, оставили при нем его ярость, которая всегда ближе приводила его к пагубе; что он сам себе ископал оный ров, в который впал; что потомству будет он между тиранами великим примером, и что смерть его пришла на него весьма праведно, потому что сие есть достойное предателям наказание.

СЕЛЕВК отвещает ему, что он умирает яко герой, для того что он от своей собственной руки умирает, и что впредь имеют смерть его все признавать с удивлением.

ВОЛОГЕЗ говорит ему, что он напротив того умирает, яко нечестивый и отчаянный; что его дела у всего потомства будут в презрении, и его память мерзка и ненавистна будет всему свету; потом поет следующую арию:

Умри, мучитель злой, и сниди в ад с бесчестьем.
О, можно ль где сыскать такую в свете ярость!
Когда ты приключил толикую нам горесть.
Умри без помощи, нам жалости не будет.

Отходит.

Явление 8
СЕЛЕВК, ДИМИТРИЙ, а потом АРТЕНИСА

ДИМИТРИЙ, опамятовався несколько от своего удивления, подходит к отцу и просит его, чтоб он хотя жестокость свою против него

оставил, но Селевк, оттолкнув его от себя с гордостию, говорит, что он не может при нем спокойно умереть и что вся печаль, которую он от потеряния царства своего имеет, состоит только в том, что он не может его лишить оного по своей воле.

АРТЕНИСА, пришед, плачет неутешно, видя отца своего в таком бедственном состоянии, просит его, чтоб он при смертном оном часе возымел об ней сожаление; однако ж и она склонить его не может; потом Димитрий и Артениса, припав к его ногам, наичувствительнейшими и сильнейшими словами просят его, по последней мере, хотя пред смертию обратиться к ним с отеческою своею любовию и рассудить то, в каком состоянии он бессчастных своих детей оставляет.

Сим жалостным позорищем неукротимая Селевкова гордость начинает помалу отменяться. Дети его стараются при том для них счастливом часе совершенно обратить к себе его сердце; но в то время, когда Селевк начинает склоняться, то и сила отравы, начиная с большею жестокостию действовать, отнимает у него чувствия и приводит в забвение. Селевк, видя, что его конец уже приближается, поет следующую арию:

Скрывает небеса от глаз густая тень,
И мерзнет в жилах кровь, преходит, ах! мой день.
Се адский муж зовет преплыти мрачну бездну
И вопит мне: оставь, оставь днесь жизнь любезну.
Какие виды мне пред глазми предстоят
И темным пламенем смущенный взор палят?
Я чувствую… увы! язык мой омлевает.
Лишаюся[8] ума, и чувство погибает.

Потом падает на руки тем солдатам, которые его привели.

Явление 9
АРТЕНИСА и ДИМИТРИЙ

Множество пришедших в тот день на них несчастий низлагает всю прежнюю их бодрость.

ДИМИТРИЙ, рассуждая следствие бедности человеческой, говорит, что он впредь всю свою жизнь оставляет на волю своей судьбине, которой он во всем имеет последовать, и поет следующую арию:

---

[8] *В изд.:* лишаюся.

Вручаюся судьбе, как корабельщик в море,
Носимый по волнам и ждущий смерти вскоре,
Все снасти потеряв и погубив правило,
Куды б его корабль по ветрам ни носило,
Отчаян живота, о нем уж не печется
И только, ждущ конца, к погибели несется.

Отходит.

Явление 10

АРТЕНИСА, чувствуя бесчисленное множество различных страданий, которые терзают ее сердце, просит богов, чтобы они смертию окончали ее несчастия. Воспоминание учиненной клятвы, к которой ее принудил отец, наичувствительнейшее лишение всего, что ей приятно ни было, и жестокая сила любви, которой она преодолеть не может, производят в ней несказанные смущения, чего ради поет она следующую арию:

Душа моя страстьми свирепо возмущенна,
И нежная любовь днесь стала разделенна,
Любовник и отец мне оба в сердце тверды.
О боги, что за казнь! как вы немилосерды!

Нельзя уже, нельзя слез горьких отереть,
К спокойствию одно осталось умереть.

Отходит.

Явление 11

Театр представляет великую площадь города Селевкии, украшенную для триумфа Вологезова, на которой видны престол, скипетр, корона и царские украшения.

ВОЛОГЕЗ и ИСМЕНА

В сопровождении главнейших офицеров из его армии и знатнейших людей Сирского царства, призванных для учинения ему присяги.

ВОЛОГЕЗ говорит Исмене, что чрез перехваченное Селевково письмо уведомился он, коим образом Селевк хотел возбудить египетского царя к тому, чтобы он прислал к нему меньшàго его сына Фарнаса с сильною армиею для нападения на завоеванное Вологезом Сир-

ское царство, дабы таки способом отнять у Димитрия всю надежду, которую он о получении праведного своего наследства иметь может; но что он, Вологез, такое учреждение против того учинил, что им с той стороны бояться нечего. Потом порицает он неслыханное варварство сего тирана, которого без ужаса и отвращения не может вспамятовать, и говорит притом, что понеже боги определили ему такой бедственный конец, то надлежит его позабыть, что теперь надлежит ему учинить Димитрию ту справедливость, которой он лишен был от своего отца, и что для того велел он собрать всех знатных оного царства, дабы они Димитрия признали за своего законного государя и учинили бы ему присягу во всегдашнем хранении ненарушимой к нему верности.

Потом хочет свою сестру в награждение ее верности и показанных услуг выдать за сего принца и для того приказывает призвать Димитрия.

ИСМЕНА благодарит брату своему за такую милость, которой она и не чаяла, а притом говорит, что боги, как она несомненно надеется, имеют сие его великодушие наградить защищением его любви.

ВОЛОГЕЗ отвещает ей, что до того касается, то по его несчастию нечего ему надеяться. Между тем…

Явление 12
Приходит ДИМИТРИЙ

ВОЛОГЕЗ просит сего принца успокоиться от своей печали; потом, взошед на престол и приняв царские клейнодии, говорит к знатным особам оного царства, что не должно сомневаться, чтоб Сирское царство по праву завоевания до него не принадлежало, однако ж надеется он, что та особа, которая от него избрана для правления Сирского престола, им приятна будет, а потом, показав им принца Димитрия, отдает ему царские знаки, приказывает его в народе объявить царем и сам за сирского царя его признавает, учинив ему совершенное возвращение всех его земель.

ДИМИТРИЙ, удивляясь такому несказанному великодушию, благодарит за то Вологезу и по соизволению сего принца дает руку Исмене для заключения с нею супружества. По окончании сей церемонии…

Явление 13
Приходит АРТЕНИСА

ДИМИТРИЙ и ИСМЕНА сказывают ей о том, что Вологез для них учинил, и просят, чтоб она своею печалью не смущала общей их радости.

ВОЛОГЕЗ говорит, что он о своей любви предлагать ничего не смеет, ведая оное препятствие, которое не позволяет ей того слушать.

АРТЕНИСА отвещает на то, что она умеренности его довольно похвалить не может, удивляется его добродетели и великодушию и что она наивящее почтение к нему всегда иметь будет, но в рассуждении того, что с нею случилось, просит, чтоб он более ничего от нее не требовал.

ВОЛОГЕЗ сказывает, что он не будет противен ее повелению, однако ж надеется, когда самое время несколько утолит жестокость ее печали, то что она придет о нем в сожаление.

ВСЕ похваляют храбрость и великодушие сего победителя.

ВОЛОГЕЗ говорит, что он не хочет своих побед употреблять иным образом.

Хор поет опять следующие речи:

Живи, цвети в победах. И проч.

Потом опускается на облаках машина, представляющая храм Славы. Внутрь оного храма показаны по порядку изображения меньших богов и славнейших в древности героев, посреди которых на возвышенном и знатнейшем месте виден портрет ее императорского величества.

Слава поет следующее:

Не можно тя, императрица
Героям[9] прежним уподобить,
Твое величество и храбрость,
Твои победы и щедроты
Их честь и память омрачают.
Театр, явив похвальна князя,
Явил тебе не для примеру,
Но только лишь к твоей забаве.
Ни действие, ни стихотворство,
Глас звонкий жительниц парнасских
Тебе подобия не сыщет.
Похвальней, такову тя видя,
Молчать и молча удивляться.

[9] *В изд.:* Героем.

Молчите, дерзкие языки,
Хвалить ее не ваше дело,
Единой только мне удобно,
Питающей мужей великих,
Ее служительнице верной,
Гласить ее вселенной имя.
Краса! краса всея природы,
Пример живых и честь бессмертных,
Хвала текущего днесь века,
В тебе святая добродетель,
Всегдашне сонмище имеет,
Твое превосходяще имя
До самых вышних звезд восходит
И тя, о матерь! отделяет
Твоими мудрыми делами
От человеческой природы;
А ты, толику честь имуща,
Прими днесь имени драгому
И твоему незлобну нраву
Хвалу достойную по праву.

Ариа

Кто очи обратит на тя, императрица,
Познает без труда, величество увидев,[10]
Какой ты похвалы вовеки быть достойна.

И зря тебя, богам подобну,
Почувствует в горящем сердце
Утеху, страх, любовь, почтение и верность.

Опера оканчивается балетом героев, последующих за Славою.

---

[10] *В изд.:* увидив.

БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ КОНСТАНТИНА ЮРЬЕВИЧА ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

1981

Роль реалий природы в системе рифм Блока // Тезисы всерос. студенч. конференции «Человек и природа в советской литературе». Сыктывкар, 1981. С. 37–38.

1986

План постепенного освобождения крестьян в главе «Хотилов» «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси, 1986. С. 79–81.

1987

К 90-летию со дня рождения П. Н. Беркова // Русская литература. 1987. № 3. С. 249–251.

1988

Литературная деятельность Н. А. Львова: Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Л., 1988. 24 с.;

Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы) // Русская литература. 1988. № 2. С. 135–142;

Неизвестные стихи А. М. Бакунина // Проблемы развития русского фольклора и литературы XII–XX веков: Тезисы науч. конф. молодых ученых и специалистов 6–7 апреля 1988 года. Л., 1988. С. 29–30;

DOI: 10.31860/0130-075X-405-430

Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И):
Воронцов Александр Романович. С. 176–177;
Воронцов Артемий Иванович. С. 178;
Воронцов Семен. С. 178.

1989

К вопросу о творческом становлении Н. А. Львова (по материалам черновой тетради). Приложение: [Публикация стихотворений и переводов Н. А. Львова] // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 256–270;

К вопросу о рецепции событий Великой французской революции в России 1790-х годов (В. В. Капнист и его ближайшее окружение) // Русская литература. 1989. № 3. С. 49–56.

1990

Глеб Струве — историк литературы // Русская литература. 1990. № 1. С. 99–107;

К истории русских переводов из Ф. Петрарки в XVIII столетии // 4-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России: Век Просвещения». Ленинград. 11–13 декабря 1990 г.: Тезисы докладов. Л., 1990. С. 78–79;

А. Д. Алексеев: [Некролог] // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. Кн. 181. Декабрь. С. 343;

Публ.: Автобиографическая проза М. С. Альтмана / Подгот. текста В. [А.] Д[ымшица] и К. [Ю.] Л[аппо]-Д[анилевского]; предисл. и примеч. К. [Ю.] Л[аппо]-Д[анилевского] // Минувшее: исторический альманах. Paris, 1990. [Вып.] 10. С. 205–239;

Публ.: А. М. Бакунин, В. В. Капнист, Ф. П. Львов, Н. А. Львов, М. Н. Муравьев // Русская литература — век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 355–462, 688–696, 706.

1991

Из истории знакомства с Петраркой в России // Русская литература. 1991. № 3. С. 68–75;

Неизвестное стихотворное посвящение В. И. Майкова // XVIII век. Л., 1991. Сб. 17. С. 159–161;

Работа Н. А. Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона // Там же. С. 190–202 (совм. с С. Р. Долговой);

Научно-теоретический семинарий «Из истории отечественной книжной культуры», посвященный 125-летию со дня рождения Вяч. Иванова // Русская литература. 1991. № 3. С. 198–200;

Публ.: *Майков В. И.* «Фемист и Иеронима»; *Ржевский А. А.* «Подложный Смердий» // Русская литература — век XVIII. Трагедия. М., 1991. С. 215–314, 700–703.

1992

Новонайденный конспект выступления Н. С. Гумилева в редакции журнала «Аполлон» 5 апреля 1911 г. // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы науч. конф. 17–19 сент. 1991 г. СПб., 1992. С. 101–104;

Публ.: П. Б. Струве. Статьи о русских писателях / Предисловие К. Ю. Лаппо-Данилевского, коммент. М. Д. Эльзона // Русская литература. 1992. № 3. С. 81–83;

Der «Goethe der Slaven» im Licht der Forschung. Internationales Kolloquium in Genf über V. Iwanow // Gießener Allgemeine. 1992. № 133. 16. Juni. S. 8.

1993

Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 93–113;

Об итальянском путешествии Е. Р. Дашковой 1781 г. // Воронцовы — два века в истории России: К 250-летию Е. Р. Дашковой. СПб., 1993. С. 22–23;

Эпизод биографии Г. Р. Державина и комическая опера Н. А. Львова «Милет и Милета» // Г. Р. Державин: Личность, творчество, современное восприятие: Тезисы междунар. конф., посвященной 250-летию со дня рождения поэта. Казань, 1993. С. 33–35;

Юбилейные торжества, посвященные 250-летию со дня рождения Е. Р. Дашковой // Русская литература. 1993. № 2. С. 241–242;

Новые книги о русской эмиграции // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 316–319.

1994

Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. 422 с., 32 с. илл. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, Neue Folge. Bd. 7 (22)).

Рец.:

Вильк Е. А. Был обласкан сильными мира сего и удивительно быстро забыт потомками // Час пик (СПб), 1995. № 128 (399). 19 июля; *Шубинский В.* Где надобен был сад // Русская мысль = La Pensée Russe (Paris). 1995. № 4084. С. 12; *Эльзон М. Д.* // Нева (СПб), 1995. № 11. С. 207; *Эльзон М. Д.* Звездный час Николая Львова // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Russian Studies. 1995. Т. 1. № 4. С. 379–383; *Скороходов М.* Архитектор, геолог и... поэт // Книжное обозрение (Москва). 1995. № 7. 4 июля. С. 15; *Mayor A. G.* // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter (Cambridge). 1995. № 23. November. P. 50–54; *Иванова Т. И.* Его рукой водили музы // Книжное обозрение (Москва). 1996. № 47. 26 ноября. С. 23; *Майофис М. Л.* // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 385–386; *Rossi L.* // Ricerche slavistiche. 1996. Vol. 43. P. 632–636; *Тимофеев Л. В.* «Нарисуй тут что-нибудь, что Бог на сердце положит...» // Невское время (СПб.). 1997. № 192 (1595). 21 октября. С. 3.

Публ.: Из литературного наследия А. М. Бакунина // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 94–117;

Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. 35 (1–2). Janvier-juin. P. 401–412;

Вячеслав Иванов о Гумилеве (по материалам бесед с М. С. Альтманом) // Н. Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 605–616;

Лаппо-Данилевская Надежда Александровна // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: (К–М). С. 289–290;

Рец.: Eine Gesellschaft ohne gemeinsames Territorium: «Laßt mich nach Rußland heim!» — Neues Buch über die russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1945 [*Dodenhoeft B.* «Laßt mich nach Rußland heim»: Rus-

sische Emigranten in Deutschland von 1918–1945. Frankfurt am Main, 1993. 338 s.] // Gießener Allgemeine. 1994. № 163. 16. Juli. S. 9;

Рец.: Europäischer Kulturphilosoph aus Rußland. Sonderband über V. Ivanov beleuchtet interkulturelle Beziehungen [Vjačeslav Ivanov: russischer Dichter, europäischer Kulturphilosoph: Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums, Heidelberg, 4.-10. September 1989 / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg: Winter, 1993. VII. 384 p. (Beiträge zur slavischen Philologie; Bd. 3)] // Gießener Allgemeine. 1994. № 287. 10. Dezember. S. 8;

Lappo-Danilevskaia Nadezhda Aleksandrovna // Dictionary of Russian Women Writers / ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal, M. Zirin. Westport, Con.; London, 1994. P. 363–366 (англ.).

1995

Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост., подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. 384 с., илл.

Рец.:

Баршт К. А. Разговоры с Вячеславом Ивановым // Русская литература. 1996. № 3. С. 264–268; *Вахтель М.* Новое о Вячеславе Иванове // Новый журнал (Нью-Йорк). 1996. № 202. С. 315–322; *Золотоносов М.* Ивановский прорыв: Новое осмысление русского символизма // Московские новости. 1996. № 7 (822). 18–25 февр. С. 36; *Зубарев Л. Д.* Диалоги со «славянским Гёте»: Смог ли юный секретарь стать глубже мэтра? // Независимая газета (Москва). 1996. № 37 (1116). 24 февр. С. 7; *Кацис Л. Ф.* В те баснословные года // Сегодня (Москва). 1996. 27 марта; *Черашняя Д. И.* «А мы благословили нашу встречу...» // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Russian Studies. 1996. Vol. 2. № 3. С. 496–501; *Шубинский В. И.* // Итоги. 1996. № 9. 9 июля. С. 77; *Эльзон Мих.* // Нева. 1996. № 7. С. 210–211; *Bird R.* // Slavic and East European Journal. 1996. Vol. 40. № 4. P. 759–760; *Göbler F.* // Osteuropa: Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. 1996. № 12. S. 1259–1260; *Шубинский В. И.* Гнев живых на живых // Звезда (Петербург). 1997. № 4. С. 213–218; *Davidson P.* // Slavic Review. 1997. Summer. Vol. 56. № 2. P. 382–384; *Cheron G.* // Russica Romana. 1997. Vol. 4. P. 332–334.

Итальянский дневник Н. А. Львова // Europa Orientalis (Salerno). 1995. Vol. 14. № 1. P. 57–93;

Итальянский маршрут Н. А. Львова в 1781 году // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 102–113;

L'vov Nikolai Aleksandrovich // Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries / ed. by M. C. Levitt. Detroit, Washington, D. C.; London, 1995. P. 222–227 (англ.);

Neledinsky-Meletsky Yurii Aleksandrovich // Ibid. P. 240–243 (англ.).

1996

Струве Г. П. Русская литература в изгнании: 3-е изд., испр. и доп.; *Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю.* Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Общ. ред. В. Б. Кудрявцева и К. Ю. Лаппо-Данилевского; сост. и вступ. статья К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж; М., 1996. 448 с.

Рец.:

Леонидов В. «Родина! Мы виделись так мало...» // Русская мысль = La Pensée Russe (Paris). 1997. № 4170. 17–23 апр. С. 13; *Иванова С.* // Итоги (Москва). 1997. № 29 (62). 22 июля; *Фролов В.* «За границей Россия — Русь...» Тема эмиграции требует научного подхода // Ex libris НГ. 1997. № 10. С. 7 [Прилож. к «Независимой газете» от 03.07.1997]; *Kasack W.* 1) // Osteuropa. 1997. № 10–11. S. 1129; 2) Informationsmittel für Bibliotheken. Besprechungsdienst und Berichte. 1997. Nr. 5 (3/4). S. 584–587; *Ларин Б.* Групповой портрет в переплете // Новый мир. 1997. № 11. С. 237–241; *Либерман А.* // Новый журнал (Нью-Йорк). 1998. Кн. 212. С. 341–346; *Полчанинов Р.* // Записки Русской академической группы в США. 1998. Т. 29. С. 504–506; *Штейн Э.* Из России, но без особой любви... // Книжное обозрение. 1998. № 17. 28 апр. С. 22; *Seemann K.* // Zeitschrift für Slavistik. 1999. № 1. S. 109–111.

Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» и традиции русской любительской сцены // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 95–113;

Набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182–190;

Рец.: Прими собранье пестрых глав [Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire / Rassemblés par Aminadav Dykman et Jean-Philippe Jaccard. Lausanne, 1995. 433 p.] // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Russian Studies. 1996. Т. 2. № 1. С. 418–421;

Рец.: Русско-немецкие литературные взаимосвязи — в кавычках и без: Новая немецкая славистическая серия [Deutsch-Russische Literaturbeziehungen: Forschungen und Materialien. Bd. 1–6] // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 339–342;

Рец.: Традиция и хаос: Новая книга о Вяч. Иванове [*Wachtel M.* Russian Symbolism and Literature Tradition: Goethe, Novalis, and Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison; L., 1994. 248 p.] // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 369–370;

Юбилей Е. Р. Дашковой в Петербурге // Е. Р. Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 5–12 (совм. с Е. А. Ивановой и Э. А. Троппом).

1997

О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132–144;

«Не было таланта, к которому он был бы равнодушен» // Невское время (Петербург). 1997. 12 нояб. С. 3;

Рец.: В память о скифе [Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Сборник статей по материалам конференции «Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре». Царское Село. 16–17 марта 1996 г.». / [Ред.-сост. В. Г. Белоус]. СПб., 1996] // Русская мысль = La Pensée Russe (Paris). 1997. 20–26 марта. № 4166. С. 12;

Рец.: Вячеслав Иванов на рубеже двух столетий [*Davidson P.* Viacheslav Ivanov: A Reference Guide. New York, 1996. XLII, 382 p.] // Русская литература. 1997. № 4. С. 215–216;

Рец.: [*Scharf K.* Katharina II, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1996] // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 411–412;

Рец.: [L'Est Europeo e l'Italia: Immagini e rapporti culturali: Studi in onore di Piero Cazzola / Raccolti da E. Kanceff e L. Banjanin. Moncalieri, 1995. XL, 580 p. (Biblioteca del viaggio in Italia. Vol. 51)] // Zeitschrift für slavische Philologie. 1997. Bd. 56. Heft 2. S. 425–427 (нем.);

Рец.: Neues Licht auf eine kosmopolitische Monarchin [*Scharf K.* Katharina II, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1996] // Gießener Allgemeine. 1997. 18. September. № 217. S. 9;

Пер.: *Ахингер Г.* Пушкин и Сент-Бёв (Лирика Сент-Бёва в оценке Пушкина) // Романтизм в литературном движении: Сб. науч. трудов. Тверь, 1997. С. 81–103 (с нем.).

См. также ниже за 1998 г.

1998

L'vov N. A. Italienisches Tagebuch = Итальянский дневник / Hrsg. und kommentiert von K. Ju. Lappo-Danilevskij; übers. aus dem Russischen von Hans Rothe und Angelika Lauhus. Köln; Weimar; Wien, 1998. 250 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, Neue Folge, Bd. 13);

Рец.:

Garzonio S. // Russica Romana. 1998. Vol. 5. P. 290–292; *Балаш А. Н.* // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter (Cambridge). 1999. № 27. November. P. 63–70; *Mayor A. G., Klima C. A.* // Slavic and East European Journal. 1999. Vol. 43. № 3. P. 553–555; *Майофис М. Л.* // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 371–372; *Вильк Е. А.* «Итальянский дневник» Н. А. Львова // Русская литература. 2000. № 2. С. 217–219; *Brogi Bercoff G.* // Zeitschrift für slavische Philologie. 2000. Bd. 59. Heft 2. S. 441–446.

Рец.: Об «издании» «Итальянского дневника» Н. А. Львова [*Никитина А. Б.* Н. А. Львов. Итальянский дневник. 1781 г. (Путевые замечания) // Памятники культуры. Новые открытия. 1994 г. / сост. Т. В. Князевская. М., 1996. С. 249–276)] // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Russian Studies. 1996 (1998). Т. 2. № 4. С. 547–558;

Лаппо-Данилевская Надежда Александровна // Русские писатели: XX век: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. М., 1998. Ч. 1: А–Л. С. 732–733;

Rasumovskys in Russland — Aufstieg und Untergang // Gießener Allgemeine. 1998. 13. November 1998. № 264. S. 11;

Über den Anfang der russischen Winckelmann-Rezeption // Bulletin der Deutschen Slavistik. 1998. № 4. S. 14–15;

Пер.: *Ахингер Г.* Пушкин и Сент-Бёв (Лирика Сент-Бёва в оценке Пушкина) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1998. № 1. С. 23–38 (с нем.).

См. также выше за 1997 г.

1999

Об источниках художественной аксиологии Н. А. Львова // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 282–295;

Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П):

Капнист Василий Васильевич. С. 21–28 (совм. с Г. Н. Моисеевой);

Кашинцов Павел. С. 57;

Крыжановский Захарий Антонович. С. 157;

Кунин Николай Алексеевич. С. 168;

Львов Николай Александрович. С. 242–249 (совм. с Н. И. Глинкой);

Мейер Андрей Казимирович. С. 279–280;

Нечаев Петр Осипович. С. 347–348;

Павлов Николай. С. 397–398;

Die Anfänge der Winckelmann-Rezeption in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. 1999. Bd. 58. Heft 2. S. 293–311;

Eine Erwähnung Winckelmanns durch Puškin // Zeitschrift für Slavistik. 1999. № 1. S. 88–92;

Рец.: [Archivio italo-russo / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Trento, 1997] // Zeitschrift für slavische Philologie. 1999. Bd. 58. Heft 1. S. 193–195 (нем.);

Рец.: [Russian Literary and Ecclesiastical Life in Manchuria and China from 1920 to 1952: Unpublished Memoirs of Valerij Pereleshin / Ed. by Th. Hauth. The Hague, 1996; *J. P. Hinrichs.* Valerij Perelešin (1913–1992): Catalogue of his Papers and Books in Leiden University Library. Leiden, 1997] // Zeitschrift für Slavistik. 1999. № 3. S. 365–366 (нем.);

Рец.: [*Schruba M.* Studien zu den burlesken Dichtungen V. I. Majkovs. Wiesbaden, 1997] // Новое литературное обозрение. 1999. № 2 (36). С. 381–383;

Пер.: *Pome X.* «Избрал он совсем особый путь...»: (Державин с 1774 по 1795 г.) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 247–259 (с нем.).

2000

Об источнике одной «цитаты» (Пушкин и Винкельман) // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб., 2000. Вып. 2. С. 247–252;

Последнее стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. 2000. № 2. С. 146–158;

Deržavins letztes Gedicht // Die Welt der Slaven. 2000. Bd. 45. S. 221–232;

Labyrinthe der Intertextualität (Schiller und Vjač. Ivanov) // Zeitschrift für slavische Philologie. 2000. Bd. 59. Heft 2. S. 317–346;

Рец.: [*Винкельман И. И.* История искусства древности. Малые сочинения / Изд. подгот. И. Е. Бабанов. СПб., 2000] // Новая русская книга. 2000. № 6. С. 21–22;

Рец.: [*Винкельман И. И.* История искусства древности. Малые сочинения / Изд. подгот. И. Е. Бабанов. СПб., 2000] // Mitteilungen der Winckelmann-Gesellschaft. 2000. № 63. S. 21–22 (нем.).

2001

Лессинг и Винкельман в «Журнале изящных искусств» В. И. Григоровича // Русская литература. 2001. № 2. С. 105–116;

Несколько дополнений к библиографии Н. А. Львова, составленной Г. Д. Злочевским // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования. Тверь, 2001. Сб. 2. С. 234–243;

О первой публикации «Жатвы» А. М. Бакунина // Там же. С. 219–221;

Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1: А–М:

Винкельман Иоганн Иоахим. С. 176–177 (совм. с Е. Б. Мозговой);

Воронцов Александр Романович. С. 203–204;

Львов Николай Александрович. С. 565–566;

Львовско-державинский кружок. С. 567–568;

Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 2: Н–Я:

Тейльс Иван Антонович. С. 384;

Рец.: [*Мицкевич А.* Пан Тадеуш, или Последний наезд на Литве: Шляхетская история 1811–1812 годов в двенадцати книгах стихами / Пер. с польск., послесловие и коммент. С. Свяцкого; предисл. Ч. Милоша. СПб., 1998] // Kritikon Litterarum. 2001. Heft 1/2. S. 123–124 (нем.);

Winckelmann und L'vov // Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825). Berlin, 2001. S. 83–105.

2002

Идеи И. И. Винкельмана и Петербургская Академия художеств в XVIII столетии // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 155–179 (совм. с Е. Б. Мозговой);

Публ.: Отрывки об искусствах М. Н. Муравьева // Там же. С. 347–357;

Пифон или Тифон? (Из комментария к стихотворению Державина «Любителю художеств») // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 132–150;

Публ.: Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание Н. А. Львову // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 33–42;

Шевырев и Винкельман (статья первая) // Русская литература. 2002. № 2. С. 3–27;

Шевырев и Винкельман (статья вторая) // Русская литература. 2002. № 4. С. 61–88;

Рец.: Путеводитель... и не только [*Бокариус М. В.* Путеводитель по библиотеке Всероссийского музея А. С. Пушкина. СПб., 2000] // Русская литература. 2002. № 1. С. 257–259;

A. Mickiewiczs Gedicht «Polały się łzy me...» als Übersetzungsproblem // Slavica litteraria: Festschrift für Gerhard Giesemann zum 65. Geburtstag / Hrsg. von U. Jekutsch und U. Steltner. Wiesbaden, 2002. S. 65–68;

Der Schiller-Artikel Vjačeslav Ivanovs und seine Lyrik // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998. Frankfurt am Main; Berlin; Bern et al., 2002. С. 23–48.

2003

Miscellanea Lvoviana // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 115–125;

«Геро и Леандр» Шиллера в переводе Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы международной науч. конф. 9–11 сентября 2002 г. Томск; М., 2003. С. 61–66;

Рец.: О «публикации» итальянских дневников С. П. Шевырева [*Медовой М. И.* «Вечно обязан Риму». Искания С. П. Шевырева (1829–1831) // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. 3. № 3. С. 102–131; *Шевырев С. П.* Дневник [1829, 1830, выписки из книг] / подгот. текста, публикация и примеч. М. И. Медового // Там же. С. 132–236] // Russica Romana. 2003. Vol. 10. P. 191–195;

Рец.: [Russian Literature and its Demons / ed. by P. Davidson. New York; Oxford, 2000] // Kritikon litterarum. 2003. Heft 3/4. S. 128–129 (нем.).

2004

К истории русских переводов «Писем об Италии в 1785 году» Ш.-М. Дюпати // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 255–272.

2005

Публ.: *Лаппо-Данилевский А. С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. М. Ю. Сорокиной; подгот. текста М. Ю. Сорокиной при участии К. Ю. Лаппо-Данилевского. Köln; Weimar; Wien, 2005. XXXIV, 462 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A: slavische Forschungen, Bd. 51);

Рец.:

Knorpp E. // Historische Literatur. 2006. Bd. 4. Heft 4. S. 371–372; *Малинов А. В.* // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 180–181; *Pospíšil I.* Potrebná edice o ruském myšlení // Slavica Litteraria. 2006. Vol. 9. [Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. X: Řada literárněvědné slavistiky. 2006. Roč. 55. Č. X9]. S. 326–327; *Bartlett R.* // The Slavonic and East European Review. 2008. October. Vol. 86. № 4. P. 725–727.

«В Риме, — говорил я, уезжая из России, — хочу умереть!» Первые годы эмиграции Вячеслава Иванова // Russische Emigration im 20. Jahrhundert. Literatur — Sprache — Kultur / hrsg. von Frank Göbler unter Mitarbeit von Ulrike Langer. München, 2005. S. 241–256;

Лаппо-Данилевская Надежда Александровна // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3 т. М., 2005. Т. 2: З–О. С. 399–400;

Gogol' und sein «vergessener Winckelmann» // Tusculum slavicum: Festschrift für Peter Thiergen / hrsg. von E. von Erdmann, A. Isaakjan, R. Marti, D. Schümann. Zürich, 2005. S. 500–530 (Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas. Bd. 14).

2006

Комедия «Дон Педро Прокодуранте» и ее автор // Основание национального театра и судьбы русской драматургии. СПб., 2006. С. 119–131;

О словаре художников, задуманном Н. А. Львовым // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 193–205;

Bedeutende «Historische Poetik». Russische Komparatistik feiert ihren «Vater» Alexander Veselovskij // Gießener Allgemeine. 2006. 8. Oktober. № 251. S. 8;

Podražanija Goraciju // Der russische Gedichtzyklus: Ein Handbuch / hrsg. von R. Ibler unter Mitarbeit von A. Uhlig und V. Beikel. Heidelberg, 2006 (Beiträge zur slavischen Philologie. Bd. 14). S. 17–19 (нем.).

Рец.: [Capri: mito e realità nelle culture dell'Europa Centrale e Orientale / A cura di Michaela Böhmig. Salerno; Napoli, 2005] // Zeitschrift für Slavistik. 2005/2006. Bd. 64. Heft 1. S. 195–197 (нем.);

2007

Gefühl für das Schöne. J. J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007. XII, 496 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A: slavische Forschungen, Bd. 57).

Рец.:

Garzonio S. // Russica Romana. 2007. Vol. 14. P. 137–138; *Böhmig M.* // Europa Orientalis. 2008. Vol. 27. P. 429–436; *Décultot É.* // Études germaniques. 2012. № 4. P. 668–669; *Dudek A.* // Slavia Orientalis. 2008. № 3. S. 411–415; *Gerigk H. G.* // Mitteilungen der Winckelmann-Gesellschaft. 2008. № 71. S. 51–52; *Jekutsch U.* // Kritikon Litterarum. 2010. Heft 3/4. S. 224–228; *Toriyama Yu.* // Bulletin of Japan Association for the Study of Russian Language and Literature. 2008. № 40. P. 114–116; *Смирнов А.-А.* // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2009. № 1. С. 109–111.

Рец.: Из двух углов Европы (Вячеслав Иванов и С. М. Боура) [*Davidson P.* Vyacheslav Ivanov and C. M. Bowra. A Correspondence from two Corners on Humanism. Birmingham, 2006] // Русская литература. 2007. № 3. С. 232–233.

2008

Вяч. Иванов о наследии Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа // Античность и русская культура Серебряного века: XII Лосевские чтения: к 85-летию А. А. Тахо-Годи (по материалам юбилейной международной конференции, состоявшейся 15–18 октября 2007 г. и организованной Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы», Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева», Научным советом «История мировой культуры» РАН) / Отв. ред.: д-р филол. наук Е. А. Тахо-Годи, канд. филол. наук М. Ю. Эдельштейн., сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2008. С. 77–84;

См. также ниже за 2010 год.

Европейский гуманизм как живая сила (Вяч. Иванов о научном наследии Виламовица-Мёллендорфа) // Символ. 2008. № 53/54. С. 168–185;

Кружки, салоны… Как и что изучать? // Von Wenigen = От немногих. СПб., 2008. С. 59–76 [подпись: бвДКЛлХ];

Отклик Вяч. Иванова на книгу Теодора Хеккера «Красота. Этюд» (1936) // Символ. 2008. № 53/54. С. 220–225 (совм. с С. Д. Титаренко);

План постепенного освобождения крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 206–232;

Винкельман Иоганн Иоахим // Русско-европейские литературные связи: Энциклопедический словарь. Статьи. СПб., 2008. С. 41–42 (совм. с Е. Б. Мозговой);

Рец.: Поэтика в союзе с историей (о сборнике статей Стефано Гардзонио) [*Гардзонио С.* Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006] // Русская литература. 2008. № 3. С. 215–216;

Рец.: [*Тахо-Годи Е. А.* Художественный мир прозы А. Ф. Лосева. М., 2007] // Новое литературное обозрение. 2008. № 92. С. 347–349;

M. N. Murav'ev, J. G. Buhle und die erste russische Kunstzeitschrift aus dem Jahre 1807 // Göttinger und Moskauer Gelehrte und Publizisten im Spannungsfeld von russischer Historie, Reformimpulsen der Aufklärung

und Petersburger Kulturpolitik / hrsg. von G. Lehmann-Carli, S. Brohm, H. Preuß. Berlin, 2008. S. 153–178 (Ost-West-Express. Kultur und Übersetzung / hrsg. von Jekatherina Lebedewa und Gabriela Lehmann-Carli. Bd. 6);

Пер.: *Иванов Вяч.* Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Виламовица // Символ. 2008. № 53/54. С. 185–219 (с нем.).

2009

Группа по изданию сочинений Вячеслава Иванова: первые шаги // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 436–443 (совм. с Г. Р. Монаховой);

Идеи Винкельмана и русская культура // Художественный вестник. 2009. № 3. С. 3–11;

М. Н. Муравьев и львовско-державинский кружок (критические заметки) // Г. Р. Державин и его время: Сб. научных статей / Отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2009. Вып. 5. С. 29–35;

О рукописной кантате Н. А. Львова 1775 года // Русская литература. 2009. № 4. С. 85–90;

Публ.: *Львов Н. А.* Кантата на три голоса / подгот. текста К. Ю. Лаппо-Данилевского // Милюгина Е. Обгоняющий время. М., 2009. С. 129–132.

2010

Вячеслав Иванов: исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. 840 с.

Рец.:

Meyer-Fraatz A. // Kritikon Litterarum. 2012. Heft 1/2. S. 68–70;

Мних Р. // Die Welt der Slaven. 2012. Heft 1. S. 189–193.

От составителей // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред.: К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 5–8 (совм. с А. Б. Шишкиным);

Примечательные метаморфозы (Вяч. Иванов о европейском гуманизме) // Там же. С. 99–121;

См. также ниже за 2016 год.

Вяч. Иванов о наследии Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа // Античность и русская культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Та-

хо-Годи / [Отв. ред., сост. Е. А. Тахо-Годи]. Научный совет «История мировой культуры» РАН. Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы», Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева». М., 2010. С. 132–138;

См. также выше за 2008 год.

О филэллинизме Н. М. Карамзина // Художественный перевод и сравнительное изучение культур (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 223–231;

Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я):

Раевский Василий Семенович. С. 29–31;

Раевский Илья Ильич. С. 31;

Ржевская Александра Федотовна. С. 41–42;

Ржевский Алексей Андреевич. С. 42–48;

Романовский Яков Иванович. С. 61–62;

Савицкий Степан (Стефан) Васильевич. С. 85–86;

Серебренников (Серебряков) Авраам Никитич. С. 116–118;

Созонович Василий Иванович. С. 142–143;

Сырейщиков Евгений Борисович. С. 211–213;

Тейльс Иван Антонович. С. 224–225;

Тейльс Игнатий Антонович. С. 225–228;

Теряев Андрей Михайлович. С. 237–238;

Тимковский Иван Федорович. С. 238–239;

Тимковский Илья Федорович. С. 239–241;

Титов Павел Николаевич. С. 244–245;

Трубецкая Варвара Александровна. С. 272–273;

Трубецкой Николай Никитич. С. 273–276;

Трубецкой Петр Никитич. С. 276–277;

Хемницер Иван Иванович. С. 339–344;

Хмельницкий Иван Парфентьевич. С. 364–365;

Цветаев Лев Алексеевич. С. 378–380;

Чаадаев Иван Петрович. С. 388–389;

Чаадаев Яков Петрович. С. 389–390;

Чекалевский Петр Петрович. С. 395–397;

Челищев Петр Иванович. С. 397–401;

Черкасов Иван Иванович. С. 401–402;

Чертков Василий Алексеевич. С. 404–405;

Яковлев Иван. С. 460;

Яновский Николай Максимович. С. 467–468;

Пер.: *Иванов Вяч.* К Пеллегрини // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред.: К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб., 2010. Вып. 1. С. 121 (с итал.);

Пер.: [Переписка Вяч. Иванова с Я. Гоммесом] // Там же. С. 465–468 (с нем.).

2011

К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» (1789) // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 203–220;

О метрическом репертуаре лирики Н. А. Львова // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из Зарубежья. СПб., 2011. С. 242–255;

Еще раз об отклике Вяч. Иванова на книгу Теодора Хеккера «Красота. Этюд» (1936) // Культурный палимпсест: Сб. статей к 60-летию В. Е. Багно. СПб., 2011. С. 325–335;

К истории библиотеки Вяч. Иванова // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 224–239;

О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева // Русская литература. 2011. № 4. С. 66–79;

Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия: Исслед. и материалы. СПб., 2011. С. 96–110;

Пер.: *Иванов Вяч.* Эхо. Из письма к Карлу Муту // Культурный палимпсест: Сб. статей к 60-летию В. Е. Багно. СПб., 2011. С. 332–335 (с нем.).

2012

Ред.: *Дэвидсон П.* Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949 / Под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2012. 340 с.

Рец.:

Тахо-Годи Е. А. Серебряный век в судьбах и лицах // Соловьевские исследования. 2012. Вып. № 3 (35). С. 178–185; *Федотова С. В.* // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка.

2013. № 3. С. 70–73; *Дзуцева Н. В.* «Отдаю вам светлость щедрую мою…» // Соловьевские исследования. 2013. Вып. № 4 (40). С. 203–206; *Pyman A.* // The Slavonic and East European Review. 2013. Vol. 91. № 4 (October). P. 878–879; *Dudek A.* // Slavia Orientalis. 2014. № 1. S. 135–138;

Правила оформления библиографии // Дэвидсон П. Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949 / Под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2012. С. 179–196;

К истории текста поэмы Н. А. Львова «Добрыня» // Litterarum fructus: Сб. статей в честь Сергея Ивановича Николаева / Под ред. Н. Ю. Алексеевой и Н. Д. Кочетковой. СПб., 2012. С. 271–288;

Мемуар А. Ф. Лосева о В. О. Нилендере // Созидающая верность: К 90-летию А. А. Тахо-Годи / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2012. С. 283–294 (Спецвыпуск Бюллетеня Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». Вып. 16).

2013

Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. С. 121–153;

Из истории одной мистификации: «Песня П<етра> С<еменовича> Львова» // Русская литература. 2013. № 1. С. 78–90;

«Песня моей Пашиньке». Или «Песня моей Катеньке?». Н. А. Львов или М. Л. Магницкий? // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2013. Вып. 8. С. 37–44;

Н. А. Львов — посвятитель, меняющий маски // Аониды: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой / Под ред. Н. Ю. Алексеевой и А. А. Костина. М.; СПб., 2013. С. 115–125;

Описание Аполлона Бельведерского из «Истории искусства древности» И. И. Винкельмана и его русская судьба // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: Сб. статей / Сост. и науч. ред. Д. В. Токарев. М., 2013. С. 245–255;

К истории текста Первой Пифийской оды в переводе Вячеслава Иванова // Musenalmanach: В честь 80-летия Ростислава Юрьевича Данилевского. СПб., 2013. С. 86–105 (совм. с С. А. Завьяловым);

Римские поэты в трактате Данте «Монархия»: неизвестные переводы Вячеслава Иванова // Русская литература. 2013. № 2. С. 173–179;

Семья А. С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // Клио. 2013. № 12. С. 78–96;

Мемуар А. Ф. Лосева о В. О. Нилендере // Симпосион: К 90-летию со дня рождения А. А. Тахо-Годи / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2013. С. 169–178.

2014

Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // Русская литература. 2014. № 1. С. 178–205;

Ранее неизвестные переводы Вячеслава Иванова из древних поэтов / Вступ. статья и подгот. текстов К. Ю. Лаппо-Данилевского, коммент. С. А. Завьялова // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России: альманах. СПб., 2014. Вып. 5. С. 331–365;

Рец.: Воплощения Диониса [*Ivanov Vjačeslav.* Dionysos und die vordionysischen Kulte / Hrsg. von Michael Wachtel und Christian Wildberg. Tübingen, 2012. 416 S.] // Русская литература. 2014. № 3. С. 229–235.

2015

«Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 177–235;

«Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.) // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / Под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. СПб., 2015. С. 119–131;

Из наблюдений над рукописями переводов Вяч. Иванова // Petra Philologica: профессору П. Е. Бухаркину ко дню шестидесятилетия / Отв. ред.: Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева. СПб., 2015. С. 358–370 (Литературная культура России XVIII века; вып. 6);

«Antike und Klassizismus — Winckelmanns Erbe in Russland». Exkursion und Tagung in St. Petersburg // Mitteilungen der Winckelmann-Gesellschaft. 2015. № 77. S. 4–9 (совм. с Э. Хофштеттер).

2016

Пер., ред.: *Гериг Х.-Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2016. 320 с., ил.

Анакреонтические оды М. М. Хераскова // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 4. С. 347–360;

О третьем издании стихов Алкея и Сапфо в переводе Вяч. Иванова // Русская литература. 2016. № 1. С. 134–159;

Примечательные метаморфозы (Вяч. Иванов о европейском гуманизме) // Вяч. Иванов: pro et contra, антология / Сост.: К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина, коммент. коллектива авторов. СПб., 2016. Т. 2. С. 503–519.

См. также выше за 2010 год.

2017

Ред.: Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России = Antike und Klassizismus — Winckelmanns Erbe in Russland: Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September — 1. Oktober 2015 / Hrsg. von M. Kunze und K. Lappo-Danilevskij. Mainz; Ruhpolding; Petersberg, 2017. 296 S., 201 Abb. (Cyriacus. Studien zur Rezeption der Antike; 10);

Рец.:

Garzonio S. // Russica Romana. 2017. Vol. 24. P. 220–222; *Дмитриева Е. Е.* Классика, классицизм, Винкельман и Россия: историческая метафизика прекрасного // Новое литературное обозрение. 2019. № 155. С. 370–383; *Moormann E. M.* // Babesch. Annual Papers on Mediterranean Archeology. 2018. № 93. P. 268–269; *Skodock C.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (jgo.e-reviews). 2018. Heft 3. S. 58–62. *Wünscher C.* // Kritikon Litterarum. 2018. Bd. 45. Heft 1–2. S. 88–91.

Предисловие // Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России = Antike und Klassizismus — Winckelmanns Erbe in Russland: Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September — 1. Oktober 2015 / hrsg. von M. Kunze und K. Lappo-Danilevskij. Mainz;

Ruhpolding; Petersberg, 2017. (Cyriacus. Studien zur Rezeption der Antike; 10). S. 8;

Russische Winckelmann-Rezeption: Chronologie und Spezifika = Русская рецепция идей И. И. Винкельмана: хронология и специфика // Ibid. S. 11–38;

Русская анакреонтическая ода (размышления в связи со статьей Г. А. Гуковского 1927 года) // XVIII век. СПб., 2017. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века. С. 112–134;

«Анакреонтические песни» Г. Р. Державина и традиция русской анакреонтической оды XVIII века // Литературный факт. 2017. № 5. С. 155–185;

«Анакреонтические песни» Г. Р. Державина (проблемы интерпретации) // Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2017. Вып. 13. С. 16–23;

Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // Литературный факт. 2017. № 3. С. 201–214;

К биографии поэта-песельника С. М. Митрофанова // Русская литература. 2017. № 2. С. 220–222;

Пер.: *Вейтман П.* Барон Людвиг Генрих Николаи и Винкельман о греческой скульптуре IV в. до н. э. // Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России = Antike und Klassizismus — Winckelmanns Erbe in Russland: Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September — 1. Oktober 2015 / hrsg. von M. Kunze und K. Lappo-Danilevskij. Mainz; Ruhpolding; Petersberg, 2017. S. 233–236 (Cyriacus. Studien zur Rezeption der Antike; 10). (с нем.);

Пер.: *Кефер М.* Речь о Винкельмане Карла Моргенштерна (1803) в контексте восстановления Дерптского университета Александром I // Ibid. S. 262–268 (с нем.);

Пер.: *Кунце М.* Начальные редакции «Мыслей о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре» в петербургском манускрипте // Ibid. S. 58–67 (с нем.);

Пер.: *Хеенес Ф.* Иоганн Фридрих Рейфенштейн (1719–1793), агент по приобретению предметов искусства, антиквар и надворный советник, и его многообразные связи с Санкт-Петербургом // Ibid. S. 246–252 (с нем.);

Пер.: *Шаде К.* Лео Кленце и статуя Винкельмана в фасаде Нового Эрмитажа в контексте портретных статуй // Ibid. S. 289–294 (с нем.).

2018

Литературные досуги графа А. А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой / ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, отв. ред.: А. Ю. Веселова, А. О. Дёмин. М.; СПб., 2018. С. 194–213;

Переводы Вяч. Иванова из Шандора Петёфи // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Сост.: С. В. Федотова, А. Б. Шишкин. М., 2018. Вып. 3. С. 446–450;

«Стихотворения Сафы, лесбийския стихотворицы» (1792) И. И. Виноградова и их французский источник // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 1. С. 14–26;

Львов Николай Александрович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2018. Т. 3: Краинский — О. С. 292–299;

Пер.: <Отзыв Т. Моммзена на диссертацию Вяч. Иванова, 24.12.1895> // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Сост.: С. В. Федотова, А. Б. Шишкин. М., 2018. Вып. 3. С. 306–307 (с нем.).

2019

Публ.: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 3-е изд., перераб. / Науч. ред., сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского, коммент. С. А. Завьялова. СПб., 2019. LXIV, 398 с., илл.

Рец.:

Орлицкий Ю. Б. // Новый мир. 2020. № 5. С. 208–215; *Davidson P.* // Slavonic and East European Review. 2021. Vol. 99. № 1. P. 162–165.

Переводы Вячеслава Иванова из Алкея и Сапфо // Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. 3-е изд., перераб. / Науч. ред., сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского, коммент. С. А. Завьялова. СПб., 2019. С. V–LXIV;

«Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи» в русской поэзии XVIII века // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 384–402;

Анакреонтические стихотворения И. Ф. фон Палтена и Х. Ф. Вейсе в русских переводах XVIII века // Русская литература. 2019. № 2. С. 37–41;

Поэтика дружеских посланий Н. А. Львова // Литературный факт. 2019. № 13 (3). С. 183–222;

Львовский канон русской анакреонтики // Литературная культура России XVIII века / Под ред. П. Е. Бухаркина и Е. М. Матвеева. СПб., 2019. Вып. 8. С. 340–363;

Неосуществленное издание книги И. И. Виноградова «Анакреон и Сафо с присовокуплением всеногтных и других стихотворений» // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 1. С. 3–15;

Семья А. С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции (вторая дополненная редакция статьи) // Академик А. С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: [сб.] / Отв. ред. В. В. Козловский, А. В. Малинов. СПб., 2019. С. 675–774;

Западная Европа в письмах А. С. Лаппо-Данилевского к жене (1896–1913 гг.) // Там же. С. 775–845;

О дате рождения математика И. А. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 870–875.

2020

Н. И. Новиков — издатель поэзии А. П. Сумарокова // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 304–342;

«Сумароковский канон» анакреонтической оды в русской поэзии XVIII века // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени. С. 17–41;

«Петропольский Тацит» в изгнании: книга о Н. И. Ульянове // Русская литература. 2020. № 2. С. 216–220;

Федор Корбя — поэт, шпион, филолог, дипломат // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 1–2. С. 19–41;

Семья Александра Александровича Лаппо-Данилевского // Александр Лаппо-Данилевский. 1898–1920. Бенита Эссен. 1893–1974: Рисунки, акварели, печатная графика, театральные работы, архивные материалы, воспоминания современников. К 100-летию со дня смерти А. А. Лаппо-Данилевского: [Каталог выставки] / Сост.: К. В. Ремезова, В. В. Левшенков; авторы статей: Н. Г. Звенигородская, В. В. Левшенков, К. Ю. Лаппо-Данилевский, И. А. Соколова. СПб., 2020. С. 28–39;

Уточнения и исправления заглавных сведений о лицах, вошедших в «Словарь русских писателей XVIII века» // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2020. Вып. 4: Указатели. С. 391–396 (совм.

с Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной, С. И. Николаевым, А. Ю. Соловьевым, И. Ю. Фоменко);

Львов Николай Александрович // История фольклористики и этномузыкологии (конец XVIII — XIX век): Учебное пособие. СПб.; Саратов, 2020. С. 287–294;

Winckelmann in Russland Abriss einer Rezeption // Johann Joachim Winckelmann (1717–1768): Ein europäisches Rezeptionsphänomen = Johann Joachim Winckelmann (1717–1768): Fenomeno europeo della ricezione: Akten des Vorlesungszyklus. Rom 2017/2018 / Hrsg. von O. Dally, M. Gazzetti und A. Nesselrath. Petersberg, 2020. S. 113–124 (Cyriacus. Studien zur Rezeption der Antike; Bd. 15);

Zur Rezeption von Winckelmanns Freiheitskonzept in Russland // Kunst und Freiheit. Eine Leitthese Winckelmanns und ihre Folgen. Internationale Tagung der Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Mainz und der Winckelmann-Gesellschaft Stendal, Berlin 13.-14. Juni 2018 / Hrsg. von Adolf H. Borbein und E. Osterkamp. Mainz; Stuttgart, 2020. S. 327–341.

2021

И. И. Виноградов — переводчик Сапфо, Анакреонта и эллинистической анакреонтики // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 1. С. 17–56;

Публ.: Два письма Е. Д. Лаппо-Данилевской к А. И. Андрееву 1939–1940 гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1 (29). С. 170–180;

«Подражания древним» Н. Ф. Эмина и их французский источник // Philologia Classica. 2021. Т. 16. № 2. С. 322–337;

«Перевод-истолкование» в понимании Вяч. Иванова // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019 / Отв. ред. Н. Сегал-Рудник; ред.-сост.: Д. Сегал, О. Левитан, А. Шишкин, М. Вахтель. М., 2021. С. 346–366;

Иванов Вячеслав Иванович // Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в 3 т. / Редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. / Bibliotheca classica Petropolitana, Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2021. Т. 1. С. 299–306 (совм. с. Л. Л. Ермаковой);

Рец.: Вячеслав Иванов и его немецкоязычные издатели [Vjačeslav Ivanov und seine deutschsprachigen Verleger / hrsg. von M. Wachtel und Ph. Gleissner. unter Mitwirkung von V. Janzen. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien, 2019. 374 S., 22 Abb. (Russian Culture in Europe. Vol. 14)] // Русская литература. 2021. № 2. С. 257–259;

Рец.: Литературный трансфер Н. М. Карамзина [*Кафанова О. Б.* Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб., 2020. 356 с.] // Slověne. 2021. Vol. 10. № 2. С. 353–361;

Рец.: Ein Schritt zur Selbsterkenntnis der Petersburger Altertumswissenschaft [Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: В 3 т. / Редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. СПб., 2021] // Mitteilungen der Winckelmann-Gesellschaft. 2021. № 83. S. 30–33.

2022

Андрей Александрович Тейльс — писатель, который все-таки существовал // Slověne. 2022. Vol. 11. № 2. С. 125–148;

Переводы Вячеслава Иванова из «Новой жизни» Данте // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 292–315;

В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков в споре о сапфической строфе // Philologia Classica. 2022. Vol. 17. Fasc. 2. С. 300–320;

Эпиграммы из Греческой антологии и поэма «Ночное празднество Венеры» в переводе И. И. Виноградова // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 1. С. 37–60;

Рец.: Культурный универсум переводов Н. М. Карамзина [*Кафанова О. Б.* Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб., 2020. 356 с.] // Русская литература. 2022. № 1. С. 271–273;

Рец.: Русская философия в Земле Израиля [Russian Philosophy in Exile and Eretz-Israel / Comp. and comment. by V. Khazan and V. Janzen; introd. to the ser. and to the vol. by V. Khazan. Jerusalem, 2019. Part 1: Nikolai Berdyaev and Yehoshua Shor: A Correspondence between Two Corners (1927–1946). 658 p.; Part 2: «The Marvelous Land of Palestine»: Around Lev Shestov's Vizit to Eretz Israel in 1936. 1082 p. (Eretz-Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Vol. 1. Part 1–2)] // Новое литературное обозрение. 2022. № 1 (173). С. 383–387.

2023

Бакинские лекции Вячеслава Иванова по поэтике как полемический текст // LI Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой. 14–21 марта 2023. Санкт-Петербург: Сб. тезисов. СПб., 2023. С. 138–139;

К биографии писательницы Н. А. Лаппо-Данилевской // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 3. С. 298–321;

Логаэды Г. Р. Державина // Вопросы языкознания. 2023. № 4. С. 96–116;

Вячеслав Иванов в диалоге со школой А. А. Потебни и утверждающимся формализмом // Летняя школа по русской литературе. 2023. Т. 19. № 1–2. С. 42–88;

Рец.: Петербургское антиковедение: шаг к самопознанию [Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в 3 т. / Редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. СПб., 2021] // Новое литературное обозрение. 2023. № 181. С. 345–352.

О К. Ю. Лаппо-Данилевском

Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 467 (см. также: С. 262–264, 385–386, 554);

Bulletin der Deutschen Slavistik. 2005. № 11. S. 45–47;

Кто есть кто в российском литературоведении: Биобиблиографический словарь-справочник. М., 2011. Стб. 192–194;

Интервью с Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским / Вступ. статья, примеч., расшифровка текста, публ. В. П. Корзун // Мир историка: Историографический сб. Омск, 2014. Вып. 9. С. 70–80;

Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энциклопедический словарь: в 3 т. / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. Т. 2. С. 436.

Составили: А. О. Дёмин, А. Ю. Соловьев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва)
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (С.-Петербург)
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
НИОР — Научно-исследовательский отдел рукописей
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР — Отдел рукописей
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
РАННГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Петербург)
РО — Рукописный отдел
СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
ТОДРЛ — Труды Отдела Древнерусской литературы
BNF — Bibliothèque nationale de France

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абайдулова А. Г. 318
Аблесимов А. О. 242
Аввакум (Петров) 350–351
Авиан Флавий 66–67, 88
Автухович Т. Е. 339
Адрианова-Перетц В. П. 69, 87, 107
Айхенвальд Ю. А. 358
Аламбер Ж. ле Рон д' 137
Александр Арчилович, имеретинский царевич 33
Александр Македонский, царь 42, 71, 209–210
Александр I, имп. 180, 184, 276–277, 280–288, 290, 304, 307, 425
Александров П. А. 334
Алексеев А. Д. 406
Алексеев М. П. 111, 153
Алексеева Н. Ю. 69, 91, 167–168, 171, 268, 422
Алексей Михайлович, царь 157
Алексей Петрович, царевич 36, 49–50, 53, 58
Алекссева Н. Ю. 422
Алкей, 423, 424, 426
Альбрехт Э. Г. 175
Альтман М. С. 406, 408–409
Альтшуллер М. Г. 202, 284
Анакреонт (Анакреон) 174–175, 187, 258–259, 407, 423, 426–428
Андреев А. В. 65
Андреев А. И. 428
Анисимов Е. В. 29–30, 34–35, 43, 46, 48, 53, 56–57, 59–60
Анна Иоанновна, имп. 128–129, 346, 351
Антоний (Знаменский) 33
Антоний (Стаховский) 60
Апостол П. Д. 344
Апраксин М. П. 44, 49
Апраксин Ф. М. 49–50, 53–54
Аптекман М. 269
Арайя Ф. 360–361–362, 366, 370
Аржанухин С. В. 268
Арзуманова М. А. 155
Ариосто Л. 17
Аристотель 42
Арндт Б. Ф. 234
Аронсон М. 262
Архангельская А. В. 108
Архенгольц И. В. фон 214
Арчил II, имеретинский царь 53
Астемио Л. (Бевилаква) 67
Аткинсон Дж. О. 333–334
Афанасий (Кондоиди) 343–344
Афтоний Антиохийский 88
Ахингер Г. 412–413
Ахметшина З. М. 360–362, 366

Баарланд А. ван 67
Бабанов И. Е. 414
Бабкин Д. С. 254–255
Бабрий Валерий 86, 88, 92–93, 102–104, 107
Багно В. Е. 421
Багрянский М. И. 299–300
Баджен Д. *см.* Budgen D.
Базарова Т. А. 35
Байер Г. З. 345
Бакмейстер Л. И. 88
Бакунин А. М. 240, 255–256, 258, 405–406, 408, 414–415
Бакунин П. В. Меньшой 233, 250
Балабин И. Т. 215
Балаш А. Н. 412
Балкис Л. Б. *см.* Balkis L. B.
Бандоль А. де *см.* Бодуэн Ж.
Бантыш-Каменский Н. Н. 300
Барб Ф. 92
Барклай Дж. 112
Барков И. С. 88, 328
Барсков Я. Л. 293, 299, 301
Барсов Е. В. 6
Бартелеми Ж.-Ж. 171
Бартенев П. И. 306
Баршт К. А. 409
Басин Я. И. 3–4, 308–336
Баттистини М. 20
Батюшков К. Н. 272
Башилов С. С. 148
Бевиус А. 224
Беггров К. П. 335

Безотосный В. М. 286
Белова О. В. 21–22
Белоус В. Г. 411
Бельгард Ж. Б. М. де 65
Бельмонти Дж. 170
Бенедиктов В. Г. 357–358
Бентон Ф. А. 223
Бердяев Н. А. (Berdyaev N.) 429
Березовский М. С. 365
Берков П. Н. 92, 114, 120, 122–123, 126, 155, 172, 194, 240, 328, 338, 340–341, 356, 405
Бестужев-Рюмин А. П. 169
Бешенковский Е. Б. 132, 135, 144, 145–146, 149
Биль К. Ф. *см.* Beall K. F.
Бильбасов В. А. 161
Биржакова Е. Э. 18, 87
Благодаров Я. И. 310
Блок А. А. 338, 405
Блудов Д. Н. 232
Бобрищев-Пушкин С. П. 217
Боброва Л. Е. 228, 243
Богданович И. Ф. 253
Богомолов Н. А. 421
Бодмер И. Я. 195
Бодуэн Ж. (Антуан де Бандоль) 88, 138, 298, 303
Бодэн Р. (Baudin R.) 4, 128, 298
Бокариус М. В. 415
Боккалини Т. 147
Болотина Н. Ю. 35
Болотов А. Т. 3–4, 207–227
Болотов М. М. 207
Болотов Матвей Петрович 211
Болотов Михаил Павлович 215, 217–218
Болотов П. А. 215, 217–218
Болотов Т. П. 209–210
Болотова Е. А. 215
Болотова М. Ф., урожд. Ошанина 217
Бомарше П.-О.-К. 236
Бонар А. 321
Бонар Н. 321
Бонекки Дж. 4, 359–368, 370
Бонне Л. М. 321, 323
Бонне Ш. 174, 177, 179–180–181, 291
Бордериу К. 134
Борис, пономарь 43
Боровиковский В. Л. 263
Бортнянский Д. С. 241, 263
Босс А. 321
Боура С. М. 418
Брагоне М. К. 3, 63, 87, 102
Брайко Г. Л. 233–234, 237, 242–243
Браччолини П. 67
Брокгауз Ф. А. 185, 290, 357–358, 360
Брокман И. Ф. И. 112
Буало-Депрео Н. де 113, 338, 351, 354, 358
Булгарис Е. 141, 258
Бурсо Э. 92
Бухаркин П. Е. 423, 427
Буше Ф. 321, 325, 331
Быкова Т. А. 63–64
Бычков А. Ф. 184

Вавассер Ф. 71
Ваксель П. Л. 256
Валериани Дж. 362, 373
Валькович А. 133
Варда А. 193
Варсонофий, казначей Соловецкого монастыря 43
Вахтель М. 409, 411, 423, 428–429
Вацуро В. Э. 181, 243
Вачева А. 129, 133, 143
Вейсе Х. Ф. 291, 426
Вейтман П. 425
Венгеров С. А. 185–186, 308, 338, 356–358
Венецианов А. Г. 334
Вербицкая Л. А. 430
Веревкин М. И. 242
Вернадский Г. В. 268, 294, 305
Верховский П. В. 353
Веселова А. Ю. 4, 172, 207, 215, 217, 220–222, 225–226, 228, 303, 329, 426
Веселовский А. Н. 6–7, 9, 15, 417, 421
Виланд К. М. 234
Вилламовиц-Мёллендорф У. фон 418–419
Вильданова Р. И. 410
Вильк Е. А. 408, 412

Виниус А. А. 63, 88, 93–94, 100–102
Винкельман И. И. 413–415, 417–418, 422, 424–425, 428
Виноградов В. В. 300
Виноградов И. И. 3–4, 174–192, 426–429
Виноградов М. И. 192
Вишленкова Е. А. 325
Владыкин И. А. 242
Вознесенская И. А. 29–30, 32, 38
Войнова Л. Л. 18
Волков В. К. 166
Волков М. А. 47
Волков Ф. Г. 125
Волконский М. Н. 162
Волчков С. С. 3, 63–88, 91–93, 102
Вольтер Ф. М. А. 129, 134, 139, 141, 143, 157, 165, 171, 174, 178, 215, 236–237, 252
Воронцов А. И. 406
Воронцов А. Р. 293, 406, 414
Воронцов М. И. 144
Воронцов М. С. 294
Воронцов С. 406
Воронцов С. Р. 293–295
Воронцова-Вельяминова А. А., урожд. Болотова 217, 219
Востриков А. В. 337
Всеволодский-Гернгросс В. Н. 121, 361
Второв Н. И. 189
Вяземский П. А. 257
Вяземский П. П. 6–7

Габлер А. 324
Гавриил (Домецкий) 43, 58, 61
Гавриил (Шапошников) 117
Гаврилов А. К. 428–430
Галич А. И. 272
Галченков Ф. А. 175
Гамалея С. И. 299
Ганнибал Барка 42
Ганнибал А. П. 211
Гарани А. 365
Гардзонио С. 360, 366, 412, 417–418, 424
Гаспаров М. Л. 90, 92, 102–103, 186, 271, 274
Гаттенбергер (Хаттенбергер) Ф. И. 315–321
Гейслер Х. Г. Г. 313–314, 318–319, 324–325, 332–333
Геллерман С. 181, 295
Геллерт Х. Ф. 195–196, 204
Геннади Г. Н. 185, 308
Георгиевский Г. П. 282
Георгий (Дашков) 345, 354
Геригк Х.-Ю. 417, 424
Гершкович З. И. 326
Геснер С. 195, 236
Гете И. В. 175, 192, 278, 409, 411
Гибнер И. 10
Гиллельсон М. И. 257
Гиллен С. 322
Гиппиус, издатель 223
Гиртаннер К. 214
Гистер М. А. 10–11, 14
Глаголев М. Ф. 357
Глаголева О. М. 210
Глаголева Т. М. (Глаголева-Берхен) 337–342, 351, 354–358
Глинка Н. И. 413
Глинка С. Н. 234
Глумов А. Н. 229–230
Глюк К. В. 365
Гнедич Н. И. 282
Гоголь Н. В. 330, 417
Годар д'Окур К. 133
Годби Дж. 333
Годунов Борис, царь 158–159, 162–164, 172
Годунов Иван 159
Годунов Семен 159
Годунова Ксения, царевна 161–162
Гозвинский Ф. 63, 88, 90, 100, 105
Голиков М. С. 239
Голицын А. М. 132
Голицын Д. М. 344
Головин Ф. А. 362
Головко С. И. 325
Голубков А. В. 9
Голубцов В. В. 357
Гольберг Л. 113
Гомер 129

Гоммес Я. 421
Гораций Квинт Флакк 233, 237–238, 258–259, 266, 271–275, 354, 417
Гордон Дж., епископ Абердинский 89
Горлицкий И. С. 367
Горчаков Д. В. 178, 258
Гофман И. А. 65
Градицци Ф. 365
Грасиан-и-Моралес Б. 65
Грёз Ж.-Б. 243, 253
Гренвиль У. 293
Гречаная Е. П. 11
Григорович В. И. 414
Григорович Д. В. 357
Гринберг М. С. 110–112
Громова Т. Н. 256
Гросс Х. 343–346
Гросф Помпей 275
Грот Я. К. 117, 229–230, 232–233, 252, 255, 260–262, 265–267, 269–273, 276, 280, 282, 289–290, 303
Грубер И. Г. 313, 319–320, 332
Губертус С. 210
Гуковский Г. А. 92, 136, 138, 154, 166, 172, 229, 244, 272, 279, 425
Гумилев Н. С. 407, 408
Гуревич Л. Я. 360
Гуревич М. М. 63–64
Гуссейн-бек 131–132
Гуськов Н. А. 154, 329, 423

Давиденкова А. 271
Давыдов С. И. 255
Даль В. И. 72
Дальстен А. 325, 331
Дамаскин Чудовский 42–43
Данилевский И. Н. 65
Данилевский Р. Ю. 253
Данилевский Р. Ю. 422
Данте А. 423, 429
Дарда А. 55
Дациаро И. Х. (Дацияро) 335–336
Дашкова Е. Р. 253, 407, 411
Дейш М. 324
Де-Лу А. 310
Демидов П. Н. 345
Демидов С. С. 65
Демидова Д. А. 121
Демидова Х. Г. 24
Дёмин А. О. 25, 154, 359, 361, 426, 430
Демосфен 42
Денисов М. 40
Дергачева И. В. 270
Дергачева-Скоп Е. И. 210
Державин Г. Р. 3–4, 117, 228–290, 357, 407, 413–415, 419, 421–422, 425, 430
Державина Д. А., урожд. Дьякова 255, 282
Державина Е. Я., урожд. Бастидон 230, 260
Десницкий В. А. 138
Деций Публий Мус 150
Дзено (Зено) А. 360, 362
Дзомпини Г. 322
Дзуцева Н. В. 422
Дзюбанов С. Д. 252
Ди Сальво М. 140
Дидро Д. 137, 148
Димитрий Ростовский 32–34, 36, 57, 59–60
Дирин П. П. 178–179
Дмитревский И. А. 121–122, 126
Дмитриев И. И. 4, 177–178, 180–181, 184, 186–192, 252, 256–258, 262, 291, 303
Дмитриев М. А. 178, 180–181, 188
Дмитриев П. В. 423
Дмитриева Е. Е. 424
Дмитрий Иоаннович, царевич 155
Довгий О. Л. 339
Долгова С. Р. 407
Долгоруков И. М. 177–179
Домашнев С. Г. 236
Дора К.-Ж. 231, 251
Доре Г. 105
Досифей (Немчинов) 43
Достоевский Ф. М. 408, 424
Драницына Н. И. 121
Дудышкин С. С. 342
Дунина-Борковская С. А. 250
Дуппа Б. 194
Дымшиц В. А. 406, 409
Дьякова А. А. *см.* Капнист А. А.
Дьякова Д. А. *см.* Державина Д. А.

Дьякова Е. А. 240
Дьякова М. А. *см.* Львова М. А.
Дэвидсон П. 409, 411, 416, 418, 421–422
Дюпати Ш.-М. 416

Евгений (Болховитинов) 43, 176, 184, 359–360
Евгений (Булгарис) 141, 258
Евдокимова Л. В. 193
Евстифеева Р. А. 65
Егоров А. Е. 261, 263
Езоп, *см.* Эзоп
Екатерина Алексеевна, вел. кн. *см.* Екатерина II, имп.
Екатерина II, имп. 65, 98, 112, 115, 117–118, 120, 123, 126, 128–129, 131, 133–134, 140–141, 143–144, 147, 165–169, 180, 183–184, 189, 197, 233, 238, 253, 261, 268, 276, 280, 285, 289, 292, 294, 297, 301, 304–305, 315, 360, 411–412
Екимов П. Е. 129
Екуч У. 415, 417
Елагин И. П. 116–117, 119
Елеонский С. Ф. 6–7, 16
Елизавета Алексеевна, имп. 280, 282
Елизавета Петровна, имп. 109, 112–115, 133, 280, 359–363, 365, 367
Ельницкая С. И. 229
Ельницкая Т. М. 112, 126
Ермакова Л. Л. 428
Ермакова-Битнер Г. В. 178
Ермолов А. П. 183
Ефремов П. А. 338, 344
Ефрон И. А. 185, 290, 357–358

Жанлис С.-Ф. Дюкре де Сент-Обен, де 175, 291
Жарова Е. Ю. 252
Живов В. М. 60
Жирмунский В. М. 175
Жиродо К. 105
Жокур Л. 148
Жуковский В. А. 181
Жюбэ Ж. 345

Забелин И. Е. 6
Заборов П. Р. 134, 171, 266–267
Завадовский П. В. (Заводовский) 183–184
Завьялов С. А. 422–423, 426
Зайцев Д. А. 57
Замиров С. 121
Занович С. 145
Западов В. А. 228, 236, 240, 245–246, 249
Заусцинский К. А. 91–93
Звенигородская Н. Г. 427
Зеленцов К. А. 334
Зиновьев В. Н. 293
Златопольская А. А. 176
Злочевский Г. Д. 414
Змеев А. А. 216
Змеев Л. Ф. 357
Золотоносов М. 409
Золотухин М. И. 217
Зорин А. Л. 129, 143, 328
Зотов Н. М. 53
Зубарев Л. Д. 409
Зульцер И. Г. 223, 226

Иванов А. И. 49
Иванов Вяч. И. 407–411, 415–416, 418–419, 421–424, 426, 428–430
Иванов И. А. 261
Иванова Е. А. 411
Иванова Е. Ф. 125
Иванова С. 410
Иванова Т. Г. 426
Иванова Т. Г. 426
Иванова Т. И. 408
Иванов-Разумник Р. В. 411
Ивинский А. Д. 238, 247
Игнатий, патриарх Московский 156, 160–161
Игнатьев Р. Г. 34–35
Иерузалем И. Ф. В. 223
Имбер *см.* Эмбер Б.
Имендёрфер Е. (Х.). 69, 87–89, 93, 100, 327
Иоанн (Доброзраков) 43
Иоанн (Максимович) 59
Иоанн IV Васильевич, Грозный, царь 157–158, 164
Иоанн V, царь 55
Иоасаф (Кроковский) 59

Иов, митрополит Велико-Новгородский 3, 28–62
Иов, патриарх Московский 159
Ионин Г. Н. 261
Иосиф (Римский-Корсаков), митрополит Псковский 47
Исупова К. Г. 424
Иткина Е. И. 319

Йонг *см.* Юнг Э.

Калидаса 302
Калинин И. А. 171
Кальер Ф. де 92
Камалова А. А. 325
Каменев Г. П. 189
Каменский А. Б. 158
Камерарий И. 66, 91
Кантаровский Я. И. 242
Кантемир А. Д. 4, 238, 271, 326, 330, 337–340, 342–358
Кантемир Д. К. 149, 343
Канунова Ф. З. 181
Капнист А. А., урожд. Дьякова 254
Капнист В. В. 231–233, 241–244, 246–251, 253–256, 258–261, 263, 406, 413
Капнист Г. В. 243
Карамзин Н. М. 4, 131, 178, 180–181, 188–189, 191, 257–258, 287–288, 291–307, 329–330, 420, 429
Карева Н. В. 3, 5
Карион (Истомин) 32
Карл-Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский 344
Карраччи А. 322
Катулл Гай Валерий 285
Кафанова О. Б. 181, 292, 302, 429
Кацис Л. Ф. 409
Кашинский П. 63, 88, 92, 100, 102, 105, 107
Кашинцов П. 413
Кашкин Е. П. 214
Кветницкий Ф. 90
Квинт Фабий Максим Кунктатор 150
Кейлюс А.-К.-Ф. де 321
Кельх Х. 210
Кефер М. 425
Кибиров Т. Ю. 421
Китина А. Д. 229
Клаудий Х. А. 311
Клейн И. 4, 7, 129, 141, 143, 154, 168, 172, 190, 265, 271, 273–274, 277, 280, 289, 292, 297
Кленце Л. 425
Климент VIII, папа римский 161
Климент XIV, папа римский 234
Клушин А. И. 189, 258
Книппер К. П. 121
Княжнин Я. Б. 147, 233–237, 239–241, 248, 328–329
Княжнина Е. А., урожд. Сумарокова 237
Князевская Т. В. 412
Кожевников А. П. 232
Кожин П. Н. 309
Козельский Ф. Я. 242
Козицкий Г. В. 117, 165–166, 171–172
Козловский В. В. 427
Козодавлев О. П. 180–181, 257–258
Кокорев А. В. 231
Колле де Мессин Ж.-Б. 134
Колмаков А. В. 181
Колман Дж., младший 195
Кольман К. И. 334–335
Комелова Г. Н. 314, 319
Кононко Е. Н. 233, 269, 276–277
Константин Павлович, вел. кн. 180, 277
Копанев Н. А. 133
Копаница Л. Н. 339
Копиевский И. 63–64, 88
Коплан Б. И. 240, 256
Корбя Ф. 427
Коренева М. Ю. 88
Корзун В. П. 430
Корнель П. 235
Коровин В. И. 179
Коровин В. Л. 280, 285
Коронелли В. М. 147
Корш Ф. Е. 423
Костин А. А. 69, 202, 257, 422
Котельников С. К. 114
Коттеньес Л. *см.* Cottegnies L.

Кочеткова Н. Д. 4, 69, 87, 126, 140, 163, 171, 256–257, 268, 291, 300, 303, 308, 422, 426, 428
Кошелева О. Е. 65
Кравцов Н. 209
Кропотов А. Ф. 196
Кросс Э. Г. 268, 294
Кругликов А. 141
Кругликов Н. А. 217
Кругликов С. Н. 217
Крузий (Крузиус) Х. А. 208, 213, 215
Крутицкий А. М. 121
Крученых А. Е. 408
Крыжановский З. А. 413
Крылов А. О. 57
Крылов И. А. 189
Крюк Е. 64
Кубачева В. Н. 133
Кудрявцев В. Б. 410
Кузмин М. А. 423
Кузнецова Н. В. 179
Кукушкина Е. Д. 3–4, 86, 109, 116, 428
Кулакова Л. И. 234, 236, 240–241, 245
Кулунчаковы (Колончаковы) 357
Кунин Н. А. 413
Кунце М. 424–425
Куприн А. И. 357
Куприянов И. К. 28–29, 38
Куракин А. Б. 226
Курышева Л. А. 3, 5, 7, 17, 24, 26
Кутина Л. Л. 18
Кутузов А. М. 266, 268, 292, 295–296, 298–301
Кутузов М. И. 277

Ла Перрьер Г. де 104
Ла Фейль Д. де 104
Лабрюейр Ж. де 338, 351, 354, 358
Лаврентьев А. М. 24, 423
Лавров А. В. 423
Ламберт Е. 105
Лангле-Дюфренуа Н. 148
Ланде Ж.-Б. 364
Лаплас П.-А. 111
Лаппо-Данилевская Е. Д. 428
Лаппо-Данилевская Н. А. 408–409, 412, 416, 430
Лаппо-Данилевский А. А. 427
Лаппо-Данилевский А. С. 416, 423, 427
Лаппо-Данилевский И. А. 427
Лаппо-Данилевский К. Ю. 4, 174–175, 191, 228, 232, 246, 252, 256, 405–430
Ларин Б. 410
Ларкович Д. В. 228, 244, 287
Ларун М. 323
Лауэр Р. *см.* Lauer R.
Лафатер И. К. 291–292
Лафонтен Ж. де 14, 88, 91–93, 105, 107, 257, 327
Лебедев В. Я. 195
Леблон Г. 148
Лебше́ К. А. 335
Левин Ю. Д. 133, 171, 194–197, 420
Левитан О. 428
Левитт М. 93, 166, 268, 300, 359–360, 366–367, 410
Левицкий А. А. 262, 268
Левицкий Д. Г. 253, 263
Левшенков В. В. 427
Лёвшин В. А. 7
Леман-Карли Г. 291, 419
Леместр де Саси И.-Л. 175
Лемешев К. Н. 57
Леонар Н. Ж. 247
Леонидов В. 410
Лепехин М. П. 176
Лепренс Ж.-Б. 325, 331–332
Лесников С. В. 189
Лессинг Г. Э. 414
Лестрейндж Р. *см.* Летранж Р.
Лесюэр Э. 11
Летранж Р. (Лестрейндж Р.) 64–70, 73, 76, 86–108
Лжедмитрий I, царь 154–156, 159, 161–163, 165, 170
Либерман А. 410
Лигон Р. 194–196
Лихачев Д. С. 227, 232, 408
Лихуд И. 30–32, 45–46, 50–51, 54–55, 57–58, 62

Лихуд С. 30, 33–34, 45–46, 49–51, 54–55, 57–58, 62
Лобанов-Ростовский А. Б. 178
Лобанов-Ростовский Я. И. 35, 44
Логинова К. Ф. 121
Ломоносов М. В. 90, 97, 110–111, 114–115, 129, 144, 150, 226, 233, 235, 238, 244, 274, 289, 293, 337, 356–358, 360, 366–367
Лонгинов М. Н. 118, 180, 301
Лопе де Вега Ф. 187–188
Лопухин И. В. 292, 304–305
Лосев А. Ф. 418, 420, 422–423
Лосенко А. П. 238
Лотман Л. М. 173
Лотман Ю. М. 11, 291, 293–296, 298, 302, 330
Лоцман А. В. 196
Луар А. А. 336
Лужецкая Н. Л. 294
Луцевич Л. Ф. 339
Львов Н. А. 3, 191, 228–264, 405–408, 410–415, 417, 419, 421–422, 426–428
Львов Н. А. 405–408, 410–415, 417, 419, 421–422, 426–428
Львов П. С. 422
Львов Ф. П. 252–253, 255, 406
Львова А. П. 246
Львова Е. Н. 253, 255–257
Львова М. А., урожд. Дьякова 234, 240, 251
Люстров М. Ю. 9, 300
Ляпин Д. А. 158
Ляпунов И. П. 179, 181

Магницкий М. Л. 422
Магомет 140–141
Мадариага И. де 147
Майков В. И. 144, 407, 413
Майков Л. Н. 343, 347
Майофис М. Л. 408, 412
Макарий (Миролюбов) 29–30, 35
Макаров А. В. 31
Макаров М. Н. 177–180, 185, 192
Макарова А. В., урожд. Писарева 178
Макогоненко Г. П. 261, 299, 329
Малеин А. И. 172
Малинов А. В. 416, 427
Мальбранш Н. 133
Малье (Малью) П. 363–364
Мануков Ф. С. 40
Манфредини В. 365
Манфредини М. 365
Марана Дж. П. 133
Марино Дж. Б. 237
Мария (Марфа) Федоровна Нагая, царица 162
Мария Ильинична, царица 270
Мария Федоровна, имп. 280–282, 287, 290
Маркина Г. К. 29, 31, 35
Марков Н. 125
Мартынов И. И. 258
Мартынов И. Ф. 234, 241, 243, 304
Марченко Н. А. 291, 329
Массийон Ж. Б. 192
Матвеев Е. М. 16, 423, 427
Медовой М. И. 416
Мей Ж. *см.* May G.
Мейер А. К. 413
Мельцин М. О. 179
Менелас А. Л. 263
Меншиков А. Д. 29, 33, 35, 53, 326, 354
Мерзляков А. Ф. 281, 287–288
Мессиери Г. 365
Метастазио П. 363
Мещерский А. И. 4, 265–266, 269–270, 272–273, 275–276
Милико Дж. 365
Миллер Г.-Ф. 155–158, 162, 172, 234
Милош Ч. 414
Милюгина Е. 419
Милярд, пастор 347
Мителли Дж. М. 322
Митрофанов С. М. 263, 425
Михаил Федорович, царь 156
Михайлов А. Д. 193
Михайлова А. М. 125
Михайлова И. М. 88
Мицкевич А. 415–414
Мних Р. 419

Мнишек Марина 162
Модерах К. Ф. 367
Мозговая Е. Б. 414–415, 418
Мозер (Моозер) Р.-А. 134, 360–361, 366
Моисеева Г. Н. 19, 157, 163, 413
Мольков Г. А. 189
Моммзен Т. 426
Монахова Г. Р. 419
Моргенштерн К. 425
Морков В. И. 359
Морозов А. А. 209, 268
Морозов П. О. 339, 342, 352, 354–355
Морозова Н. П. 257, 419
Москотильников С. А. 189
Мотонис Н. Н. 117
Муравьев М. Н. 232, 234, 237–238, 240–242, 245–249, 406, 415, 418–419
Муравьев-Апостол И. М. 256
Мусин-Пушкин А. А. 256, 426
Мусин-Пушкин И. А. 38, 48–50, 53, 61
Мустафа III, султан 134
Мут К. 421
Мутонне де Клерфон Ж.-Ж. 176

Навуходоносор II, царь 71
Наполеон I, имп. 166, 280, 283–288
Наталья Алексеевна, царевна 37
Невелет И. Н. 88
Нейгоф И. 213
Нейком С. 290
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 410
Нелидова Е. И. 357
Немчинова-Егорова Т. И. 340
Несмелова О. О. 228
Нечаев П. О. 413
Никитина А. Б. 412
Николаев С. И. 4, 69, 87, 113, 193, 265, 306, 326, 337, 339, 422, 428
Николаи Л. Г. 425
Николев Н. П. 189–190, 242, 258
Никольский Н. М. 8
Никулина Н. И. 230
Нилендер В. О. 422–423
Ницше Ф. 408
Новиков И. В. 196–200, 202–205
Новиков Н. И. 3–4, 91, 113, 122, 171, 223–225, 234, 251, 291–307, 328, 359–360, 427
Носов Б. В. 166
Носов И. С. 126

О'Маллэй Л. Д. *см.* O'Malley L. D.
Обатнина Е. Р. 337
Обресков А. М. 144
Огарев Н. П. 305
Озанам Ж. 211
Оленин А. Н. 229, 254, 260–262
Олсуфьев А. В. 359
Ольга Павловна, вел. кн. 265
Онуа М.-К. д' (М.-С. d'Aulnoy) 3, 5–27
Орлицкий Ю. Б. 426
Орлов А. Г. 145
Орлов А. С. 172
Орлов В. Г. 118
Орлов Г. Г. 119, 145, 166, 169
Орлов Ф. Г. 265
Орловский А. О. 333, 335
Осетров Е. 325
Осипов Н. П. 231
Осман Шехеди Эфенди 134–135

Павел I, имп. 112, 184, 282, 285, 287, 303, 309, 357
Павлов В. А. 202
Павлов Н. 413
Палиссо де Монтенуа Ш. 174
Палладио А. 254
Паллас П. С. 332
Палтен И. Ф. фон 426
Панин Н. И. 167–169
Панин П. И. 171
Панофски Г. 296–297
Панченко А. М. 8, 227
Панченко О. В. 40
Паперно И. 265
Пашкуров А. Н. 228
Пекарский П. П. 31, 344–345, 366–367
Пеллегрини А. 421
Пермский М. 195
Перфильев С. В. 239, 266, 269, 273–275
Песков А. М. 178

Петёфи Ш. 426
Петр Матвеевич, адресат митрополита Иова 53
Петр Федорович, вел. кн. *см.* Петр III, имп.
Петр I, имп. 9, 18, 31, 34–35, 42–44, 46, 49–50, 55, 57, 60, 88, 115, 129, 238, 269, 280, 343–344
Петр II, имп. 345
Петр III, имп. 168, 292, 294, 360, 365
Петрарка Ф. 21, 187, 406
Петров А. А. 180–181, 295, 297, 306
Петров А. В. 305
Петров В. П. 143
Петров И. 125–126
Петрова Е. Н. 261–262
Петухов Е. В. 358
Пиксанов Н. К. 341
Пикте Ф. П. 215
Пиндар 233, 285
Пинчук А. Л. 273
Писарев Д. В. 178
Питт У. 293
Плавильщиков В. А. 334
Плавильщиков П. А. 329
Плануд Максим 71
Платон (Лёвшин) 182–183, 192
Платон 42
Платонов С. Ф. 337
Плессов М. *см.* Plessow M.
Плещеев А. А. 181
Плещеева Н. И. 300
Плюшар А. А. 177, 184, 334
Погодин М. М. 257
Погодин М. П. 180, 288, 300
Подгаецкая И. Ю. 17
Подчертков В. К. 40
Подшивалов В. С. 201, 204
Поликарпов Ф. 18, 32, 39, 54
Полонский И. Г. 216
Полторацкая А. П. 252
Полторацкий Д. М. 252
Полчанинов Р. 410
Полякова Л. Н. 228
Помей Ф. А. 174, 182
Пономарева М. В. 423
Попкова Н. А. 65
Попов Н. И. 114–115
Поповский Н. И. 238
Портнова И. А. 270
Порфирьева А. Л. 365
Потебня А. А. 430
Потемкин Г. А. 277, 301, 358
Потемкин П. С. 143, 169
Прач И. Г. 255, 263
Привалова Е. П. 292
Прийма Ф. Я. 326
Приимков-Ростовский Ю. Д. 159
Приказчикова Е. Е. 287
Прилежаев Е. М. 31, 38
Прозоровский А. А. 301–302, 305
Проскурина В. Ю. 129, 143–144, 150
Пугачев Е. И. 170
Пуссен Н. 13
Пушкин А. С. 140, 173, 260, 272, 330, 412–414, 421
Пыляев М. И. 316
Пыпин А. Н. 8, 296

Рабинович М. Б. 123–124, 126
Рагузинский-Владиславич С. Л. 55
Радищев А. Н. 405, 418
Раев В. П. 357
Раев Н. П. 421
Раевский В. С. 420
Раевский И. И. 420
Разумовский А. Г. 111
Разумовский К. Г. 109–111
Рак В. Д. 144, 147, 198
Раншен Ж. 237
Расин Ж. 154
Раскин Н. М. 256
Растрелли Ф. Б. 362
Ратников К. В. 144
Рейзин М. В. 294
Рейналь Г.-Т.-Ф. 196–205
Рейсер С. А. 262
Рейфенштейн И. Ф. 425
Ремезов К. В. 427
Реньяр Ж.-Ф. 240

Репнин Н. В. 167
Репнин Н. И. 28
Ржевская А. Ф. 420
Ржевский А. А. 172, 268, 407, 420
Ридигер Х. 223–225
Римский-Корсаков Я. Н. 33, 37, 40, 44, 55–56, 58
Ринальди А. (Фоссано) 362, 373
Рихтер И. 333
Ровинский Д. А. 254, 322, 327–328
Рогожин В. Н. 309–312
Розе, фактор типографии Академии наук 114
Рок Ж. Э. 65
Романовский Я. И. 420
Ромодановская Е. К. 26
Ропацкая Л. А. 229
Росси Л. 245–247, 249, 408
Роте Х. 228, 270, 412–413
Роуз Дж. Б. 105
Рубан В. Г. 242
Рукье Ладен 131
Руммель В. В. 357
Румовский С. Я. 114
Румянцев П. А. 143
Руссо Ж.-Ж. 176
Рутап А. 422
Руф Курций Квинт 209–210
Рябов А. Н. 43

Савари А.-Ж.-М.-Р. 282
Савватий, уставщик 45
Савицкий С. В. 420
Садовников В. С. 335
Сажин В. Н. 328
Сазонова Л. И. 12, 270
Саид Э. 142, 152
Саккини А. 240
Салетти Л. 362, 372
Салмина М. А. 156
Салоников Н. В. 3, 28
Салтыков И. П. 309
Салтыков Н. И. 179–181
Салтыков П. С. 120, 165
Самарин А. Ю. 65, 76
Сапов Н. 328
Сапфо (Сафо) 174–175, 231, 238, 423–424, 426–428
Сапченко Л. А. 306
Сарти Дж. 255, 263
Сахаров И. П. 35, 178
Свешников А. 90
Свиньин П. П. 334
Свистунов П. С. 133–134
Свифт Дж. 171
Святкий С. 414
Севеленж Ш. Л. (Севелинг) 192
Сегал Д. 428
Сегал-Рудник Н. 428
Седакова О. А. 15
Семевский М. И. 209, 215, 218
Семенников В. П. 110, 118
Семенов В. 335
Семенов Н., справщик 51
Семенов-Головин Н. 32
Сент-Бёв Ш.-О. 412–413
Сергий, келарь Соловецкого монастыря 43
Серебренников (Серебряков) А. Н. 420
Серков А. И. 293–294
Серман И. З. 138, 229, 360
Серракаприола А. 334
Силина А. С. 90
Сильвестр (Холмский) 45, 49, 59, 61
Симанков В. И. 175, 292
Симеон Полоцкий 49–51, 270
Синицин П. 7
Сионова С. А. 228
Сиповский В. В. 133, 138, 295, 337–338, 356, 358
Скабичевский А. М. 109, 114–115
Скаррон П. 175, 177
Скороходов М. 408
Скюдери М. де 16
Слепецкой А. 425
Слепецкой А. *см.* Бакунин А. М.
Сменцовский М. Н. 57–58
Смирдин А. Ф. 189, 342
Смирнов А. А. 417
Смирнов Н. С. 196–197, 201–205
Снегирев И. М. 177, 308

Соболев А. Л. 338
Созонович В. И. 420
Соколов И. Я. 122
Соколова И. А. 427
Соловьев А. Ю. 4, 153, 428, 430
Соломатина Н. Н. 312, 319
Соломеин А. Ю. 5
Сопиков В. С. 310
Сорокина М. Ю. 416
Соснина О. 133
Софья Алексеевна, царевна 9
Спащанский А. Н. 132
Сперанский М. М. 288
Сперанский М. Н. 8
Станислав II Август Понятовский, король 166, 168
Старикова Л. М. 122, 125–126, 359, 363–364
Стасов В. В. 359
Стегний П. В. 166, 168–169
Стенник Ю. В. 95, 115, 163, 166
Степанов В. П. 98, 106–107, 110, 132, 135–136, 144–145, 148, 155, 169–170, 178, 185, 242, 359
Степанов Н. Л. 98, 241, 243
Стефан (Прибылович) 56–57
Стефан (Яворский) 13, 32–33, 40, 44, 49–50, 53, 56, 59–60, 62, 345, 354
Стиль Р. 195
Стоюнин В. Я. 346
Стояновский Н. И. 254
Страхов П. И. 176
Строганов А. С. 144
Строганов М. В. 246, 252
Строев А. Ф. 9, 145
Струве Г. П. 406, 410
Струве П. Б. 407
Стэдмен А. *см.* Stadman A.
Сумароков А. П. 3–4, 91–107, 109–127, 153–173, 215, 234–236, 241, 244, 268, 278, 289, 326–327, 359–361, 366–367, 427, 429
Сурат И. З. 178
Суслов Н. 121
Суториус К. В. 3, 28, 57
Сушков М. В. 138
Сушкова М. В. 141, 267
Суэйн Дж. 333
Сырейщиков Е. Б. 420
Сытин И. Я. 179
Сэндби П. 323

Таки В. 141
Тальман П. 11
Тараканова, кн. (Владимирская Е.) 145
Тарковская Л. Р. 63, 88, 94, 100, 102, 105
Тарковский Р. Б. 63, 88, 90, 94, 100, 102, 105
Тассо Т. 17, 234
Татаринов А. В. 232, 408
Татищев В. Н. 156
Тауберт И.-К. 114
Тахо-Годи А. А. 418–419, 422–423
Тахо-Годи Е. А. 418, 420–423
Тейльс Иван А. 414, 420
Тейльс Игнатий А. 420
Тейльс А. А. 429
Теофраст 354
Теряев А. М. 420
Теста П. 76
Тименчик Р. Д. 338
Тимковский Иван Ф. 420
Тимковский Илья Ф. 420
Тимофеев Л. В. 229, 408
Титаренко С. Д. 418
Титов П. Н. 420
Тихон (Воинов) 55, 59
Тихонравов Н. С. 306–307
Тогоева О. И. 65
Токарев Д. В. 422
Толстой Д. А. 183
Томашевский Б. В. 138
Томашевский Н. Б. 31
Томсон Дж. 291
Топорков А. Л. 145
Топоров В. Н. 11
Тревогин И. И. 145
Тредиаковский В. К. 11, 91, 93, 110–113, 366–367, 429
Троицкий Н. А. 284, 286–287

Тропп Э. А. 411
Тростин Д. П. 65
Трубецкая В. А. 420
Трубецкой Н. Н. 299, 301, 420
Трубецкой Н. Ю. 363
Трубецкой П. Н. 420
Тургенев И. П. 297
Туссен-Лувертюр Ф.-Д. 234
Тютчев Ф. И. 144, 272

Убиган А. Г. 334
Угри Ж.-Б. 105
Ульянов Н. И. 427
Ульяновский В. И. 161
Ундольский В. М. 6–7
Уокер Дж. 333–334
Успенский Б. А. 110–112, 291, 329

Фавар Ш. С. 134
Фальконе Э. М. 165
Фаринелла М. 365
Фаустов А. А. 291
Федор (Феодор) Иоаннович, царь 156–157
Федоров Д. 56
Федоровская Л. А. 255
Федосеева Т. В. 228
Федотова М. А. 36, 59–60
Федотова С. В. 421, 426
Федр 66–67, 86, 88, 92–93, 102
Федюкин И. И. 5, 12
Фельдберг А. 154
Фенелон Ф. 210
Феодосий Хутынский (Яновский) 39, 51–52
Феодосий, казначей 54
Феофан (Прокопович) 4, 58, 238, 337, 339, 342–355
Феофанов А. М. 179
Феофилакт (Лопатинский) 55–56, 58
Фет А. А. 357–358
Филарет, ризничий 45, 54
Филипп II Македонский 42
Фирс, священноархимандрит Соловецкого монастыря 36, 43
Флориан Ж.-П. 252
Флоридов А. А. 291
Фок М. А. 133
Фоменко И. Ю. 175, 428
Фоменко И. Ю. 428
Фомин Е. И. 263
Фонвизин Д. И. 123, 252
Фонтен Н. 175
Фонтенель Б. ле Бовье, де 271
Фоссано *см.* Ринальди А.
Фраанье М. Г. 138
Фрамери Н.-Э. 240
Фридрих Вильгельм III, король 284
Фролов В. 410
Фрэнгер В. 327
Фрязиновский А. Н. 242

Харламова В. А. 361
Харрис Дж. 267
Хвостов А. С. 230, 232, 242, 252
Хвостов Д. И. 177–178, 327
Хеенес Ф. 425
Хейман Г. Д. 323
Хеккер Т. 418, 421
Хемницер И. И. 228, 230–234, 240–241, 243–254, 259–260, 263–264, 420
Херасков М. М. 138, 143, 239, 258, 267–268, 424
Хипписли Э. 270
Хмельницкий И. П. 420
Ходасевич В. Ф. 230, 423
Холшевников В. Е. 270
Хофштеттер Э. 423
Храповицкий А. В. 256

Цветаев Л. А. 420
Цезарь Гай Юлий 42

Чаадаев И. П. 420
Чаадаев Я. П. 420
Чалкова Т. Ф. 26
Чеботарев Х. А. 305
Чекалевский П. П. 420
Челищев М. Л. 40
Челищев П. И. 420
Чемесов Е. П. 238
Черашняя Д. И. 409
Черкасов И. И. 420

Черняев П. Н. 65
Чертков В. А. 420
Чистович И. А. 29, 38, 42–43, 45, 48, 57–62, 342–343, 345
Чулков М. Д. 137–138, 325–326

Шаде К. 425
Шамрай Д. Д. 113–114, 118
Шамфор С.-Р. Н. 195–196
Шапен К. *см.* Chapin C.
Шатров Н. М. 188–189, 257
Шаховской А. А. 186
Шевырев С. П. 415–416
Шекспир У. 111–113, 129, 153–154, 172–173
Шёнберг Х. Г. 318, 320, 332
Шестов Л. И. (Shestov L.) 429
Шиллер Ф. 414–415
Шильдер Н. К. 112, 284, 286–288
Шишкин А. Б. 367, 412–413, 419, 424, 426, 428
Шишков А. С. 177–178
Шлецер А. Л. 149
Шляпкин И. А. 35
Шмидт Э. А. *см.* Schmidt E. A.
Шово Ф. 105
Шруба М. 4, 308, 328, 413
Штарк И. А. 296–299
Штейн Э. 410
Штелин Я. 360, 367
Шубинский В. И. 408–409
Шувалов И. И. 115, 183, 226, 239
Шуйский В. И. 153, 156, 159, 161–164, 172
Шульман Ф. М. 316
Шумейко Ю. Е. 229
Шумский Я. Д. 125
Шутов Г. С. 90

Щербатов М. М. 157–160, 162
Щербина Н. Ф. 357–358
Щербинин А. Е. 216
Щербинин Е. А. 216
Щукин А. Я. 48, 53

Эббингхаус А. 265
Эберт А. А. 266
Эдельштейн М. Ю. 418
Эзоп (Езоп, Эссоп) 3, 63–98, 100, 102, 104–105, 107, 260
Эккерман И. П. 278
Эльзон М. Д. 407, 409
Эмбер Б. (Имбер) 92
Эмин Н. Ф. 428
Эмин Ф. А. 3–4, 128–152
Эссоп *см.* Эзоп
Эсхил 104
Эткинд Е. Г. 229

Ювенал Децим Юний
Юнг Э. (Йонг) 234, 266–274
Юсупов Н. Б. 127

Языков Д. И. 177, 184–186
Яковлев Михаил, подмастер типографии Академии наук 363–364
Яковлев И. 420
Яновский Н. М. 420
Ясмин Н. *см.* Jasmin N.
Яхонтов И. К. 42–43
Яхонтов Н. П. 263

Almedingen M. E. 282, 286
Alzati V. 6
Anacréon *см.* Анакреонт
Ariès P. 270
Avcioglu N. 133

Baer S. L. 171
Balkis L. B. 152
Banjanin L. 411
Bankowski M. 181
Bartlett R. 268, 416
Baudin R. *см.* Бодэн Р.
Beall K. F. (Биль К. Ф.) 314, 321, 331–336
Beikel V. 417
Bennett S. S. 229
Berdyaev N. *см.* Бердяев Н. А.
Bertaud M. 12
Bion 174
Bird R. 409
Blanvalet H. 16
Bogatyrev E. 336

Bogatyrev S. 274
Böhmig M. 417
Borbein A. H. 428
Boucher F. *см.* Буше Ф.
Brang P. 181
Brednich R. W. 323
Brogi Bercoff G. 412
Brohm S. 419
Bruckmuller-Genlot D. 21
Budgen D. 133
Buhle J. G. 418
Busch W. 273

Camerlengo L. 335–336
Carpentier L. J. M. 12–13, 16
Castillo S. 194
Cazzola P. 411
Chapin C. 128
Chardin J. S. 331
Cheron G. 409
Coehrke C. 181
Cottegnies L. 66, 69, 73
Cross A. G. *см.* Кросс Э. Г.

Dąbrowska M. 203
Dally O. 428
Davidson P. *см.* Дэвидсон П.
Décultot É. 417
Defrance A. 5, 12, 14
Delumeau J. 267, 270
Deržavin *см.* Державин Г.Р.
Derzhavin G. R. *см.* Державин Г. Р.
Didot F. 334
Dixon S. 274
Dodenhoeft B. 408
Drouin S. 12
Dudek A. 422
Dunan-Page A. 66
Dykman A. 411

Erdmann E. von, 417
Erren L. 361
Evstifeeva R. *см.* Евстифеева Р. А.
Evstratov A. 134

Favre R. 273
Fedyukin I. *см.* Федюкин И. И.
Fietta E. 336
Fournel V. 320
Francillon R. 12
Fulińska A. 193

Garrard J. 137, 148
Garzonio S. *см.* Гардзонио С.
Gay J. 66
Gazzetti M. 428
Geissler Ch. G. H. *см.* Гейслер Х. Г. Г.
Gellermann S. *см.* Геллерман С.
Gerigk H. G. *см.* Геригк Х. Ю.
Gevrey F. 12
Giesemann G. 415
Gleissner Ph. 429
Göbler F. 409
Gogol' *см.* Гоголь Н.В.
Gruber J. G. *см.* Грубер И. Г.
Guiraud P. 322

Hartley J. M. 274, 284
Haydn W. 133
Hermann J. M. 335
Horaz *см.* Гораций Квинт Флакк

Ibler R. 417
Imendörffer H. *см.* Имендёрфер Е. (Х.)
Ingen F. van 270–271, 273, 276
Isaakjan A. 417
Ivanov V. I. *см.* Иванов Вяч. И.

Jaccard J.-Ph. 411
Janzen V. 429
Jasmin N. 5, 23
Jekutsch U. *см.* Екуч У.

Kanceff E. 411
Kasak W. 410
Katarina II. *см.* Екатерина II, имп.
Kemball R. 181
Kessman J. 16
Keymer T. 66
Khazan V. 429
Kinnard G. 333
Kislova E. 64–65
Kitchin G. 66
Klein J. *см.* Клейн И.
Klíma C. A. 412

Knorpp E. 416
Koningsbrugge H. van 300
Krasser H. 274
Kubicka E. 64
Kudrjavceva T. V. 315
Kunze M. *см.* Кунце М.
Kytzler B. 274

L'vov N. A. *см.* Львов Н. А.
Lappo-Danilevskij K. Yu. *см.* Лаппо-Данилевский К. Ю.
Lauer R. 237
Lauhus A. 412
Lebedewa E. 419
Ledkovsky M. 409
Leezenberg M. 149
Lefèvre E. 275
Lehmann-Carli G. *см.* Леман-Карли Г.
Levitsky A. *см.* Левицкий А. А.
Levitt M. C. *см.* Левитт М.
Lewis J. E. 66
Lieven D. 284, 286
Ljustrov M. *см.* Люстров М .Ю.
Lüthi M. I. 315
Lynch B. 66

Maeder E. 315
Majkov V. I. *см.* Майков В. И.
Margolin J.-Cl. 20
Marker G. 304
Marti R. 417
Massin R. 321
Matton S. 20
Mayor A. G. 408, 412
Menant S. 274
Meyer-Fraatz A. 419
Mickiewicz A. *см.* Мицкевич А.
Moorman E. M. 424
Mooser R.-A. *см.* Мозер Р.-А.
Morris M. A. 166
Moschus 174
Mucha B. 203
Murav'ev M. N. *см.* Муравьев М. Н.

Neledinsky-Meletsky Yu. A. *см.* Нелединский-Мелецкий Ю. А.
Nesselrath A. 428
Nivat G. 411
Novalis, 411

O'Malley L. D. 129
Orme E. 333
Ospovat K. 128, 166
Osterkamp E. 428
Otwinowska B. 193

Palmer A. 282, 286–287
Palmer M. D. 6
Panofsky G. *см.* Панофски Г.
Patterson A. 66
Pereleshin V. 413
Perfetti A. 20
Plessow M. 66
Pluchart A. *см.* Плюшар А. А.
Pospíšil I. 416
Potthoff W. 409
Prange Ch. F. 311
Preuß H. 419
Puškin *см.* Пушкин А. С.

Raeff M. 288
Rasmussen K. 268
Rey M.-P. 284, 287
Richardson S. 66
Rizzi D. 413
Robert R. 5, 12
Rosenthal Ch. 409
Rossi L. *см.* Росси Л.
Rothe H. *см.* Роте Х.
Russo F. P. 361

Sadzińska E. 361
Scharf K. 411–412
Schiller F. *см.* Шиллер Ф.
Schmidt E. A. 274
Schruba M. *см.* Шруба М.
Schümann D. 417
Schweitzer A. 194
Seemann K. 410
Segebrecht W. 276, 278
Shishkin A. *см.* Шишкин А. Б.
Shor Ye. 429
Skodock C. 424
Stadman A. 12, 14

Steinitz W. 320
Steltner U. 415
Storer M. E. 5
Stroev A. *см.* Строев А. Ф.
Syndikus H. P. 274
Szymańska A. 361

Tarchanova E. M. 315
Thiergen P. 417
Toriyama Yu. 417
Treuttel J. G. 334

Uhlig A. 417
Ulrich S. 64

Vacheva A. *см.* Вачева А.
Vandal A. 282
Venditti M. 289
Veselovskij A. *см.* Веселовский А. Н.

Wachtel M. *см.* Вахтель М.
Waegemans E. 300
Weimar K. 276
Wicker C. V. 268
Wildberg Ch. 423
Winkelmann J. J. *см.* Винкельман И. И.
Wünscher C. 424
Wurtz, libraire 334
Wustmann G. 314, 318–319

Zirin M. 409

АННОТАЦИИ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, БИБЛИОГРАФИЯ

Л. А. Курышева, Н. В. Карева

«Гистория о принце Адолфе»: ранняя русская версия галантной сказки М.-К. д'Онуа

Статья посвящена раннему русскому переводу сказки «L'Île de la Félicité» М.-К. д'Онуа — рукописной «Гистории о принце Адолфе». К исследованию привлечено шесть списков. Существенное внимание уделяется лексическим особенностям списков в сопоставлении с французским оригиналом, исследованию семантических сдвигов, возникших в русских версиях сказки, представленных в трех редакциях «Гистории». В целом, русский перевод не удалился от оригинала, но пронизывающие сказку д'Онуа культурные аллюзии, — элементы поэтического языка европейской культуры, — своеобразно интерпретируются переводчиком и переписчиками. По-своему в «Гистории» переданы и значимые жанровые характеристики — сказочная география и волшебство. Предпринятое в статье рассмотрение пропусков и переосмыслений в «Гистории» относительно французского текста позволяет проследить процесс освоения нового литературного жанра и его адаптацию к существующей в России традиции словесности.

Ключевые слова: рукописная литература, М.-К. д'Онуа, литературная сказка, «Гистория о принце Адолфе», русско-французские литературные связи.

L. A. Kurysheva, N. V. Kareva

The Story of Prince Adolphus: an early Russian version of the M.-C. d'Aulnoy's fairy tale

The article is devoted to the early Russian translation of the fairy tale *L'Île de la Félicité* by M.-C. d'Aulnoy – the handwritten *The Story of Prince Adolfus*. The study involves six manuscripts. Significant attention is paid to the lexical features and semantic changes in the Russian tale's «versions» in comparison with the French original. The authors conclude that, in general, the Russian translation closely follows the original. However, the cultural allusions of the French fairy tale, as well as important genre characteristics — fabulous geography and magic — are interpreted in a specific way. The *Story*'s cases of lack and rethinking by comparison with the French text are examined in the article. The undertaken study allows the authors to trace the process of mastering a new literary genre in Russia and its adjustment to the actual literature tradition.

Key words: handwritten fiction, M.-C. d'Aulnoy, fairy tale, The Story of Adolphus, Russian-French literary contacts.

Библиография

Баттистини М. Астрология, магия, алхимия в произведениях изобразительного искусства / Пер. с итал. С. И. Козлова. М.: Омега, 2007.

Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2011.

Биржакова И. Э., Войнова Л. Л., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.

Веселовский А. Н. Из истории русской переводной повести XVIII в. Mme d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite и лубочная сказка о принце Адольфе // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1888. Т. 43. № 2.

Гистория о принце Адолфе / Подгот. Л. А. Курышевой // Курышева Л. А., Карева Н. В., Федюкин И. И., Соломеин А. Ю. Культурный импорт «политичных обхождений»: Русско-европейские контакты и переводная беллетристика в Петровскую эпоху. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2022.

Гречаная Е. П. У истоков русской литературы на французском языке: В. К. Тредиаковский // Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языка (XVIII — первая половина XIX века). М.: ИМЛИ РАН, 2010.

Елеонский С. Ф. Старинные переводные повести в русских народных пересказах // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 44. Вып. 8: Русская литература.

Голубков А. В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017.

Гистер М. А. Мари-Катрин д'Онуа и литературная сказка: у истоков жанра // Мадам д'Онуа. Кабинет фей / Изд. подгот. М. А. Гистер. М.: Ладомир; Наука, 2015.

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Курышева Л. А. О новонайденной Повести о некоем царе и о дщери его // XVIII в. М.; СПб., 2017. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века.

Курышева Л. А. Сказка мадам д'Онуа об Острове Блаженства в русской рукописной и печатной традиции XVIII в. // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия: Исследования и материалы. СПб., 2011.

Лотман Ю. М. «Езда в остров Любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

Люстров М. Ю. Лапландско-мальтийская война и королевская игра «копием». Текстуальные трансформации в русских переводных повестях XVII–XVIII вв. // Летняя школа по русской литературе. Т. 16. № 1–2.

Матвеев Е. М. О проекте словаря антропонимов в русской панегирической поэзии // Материалы мстаязыкового семинара ИЛИ РАН. СПб., 2020. Вып. 3 / Отв. ред.: Волков С. С., Карева Н. В., Матвеев Е. М.

Панченко А. М. Скоморошина о чернеце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21.

Петрарка Ф. Лирика / Вступ. статья, сост. и примеч. Н. Томашевского. М.: Худож. лит., 1980.

Повесть о Лабеле и Звере: Электронное издание перевода Х. Г. Демидовой (1758) / Подгот. Л. А. Курышевой и А. М. Лаврентьевым = La Belle et la Bête: Edition numérique de la traduction russe / Par Kh. G. Demidova (1758) / Édité par L. Kurysheva et A. Lavrentiev. URL: https://txm-ihrim.huma-num.fr/txm/?command=Documentation&path=/LABELLE, дата обращения 25.04.2021.

Подгаецкая И. Ю. Перевод в системе исторической поэтики // Подгаецкая И. Ю. Избранные статьи. М.: ИМЛИ, 2009.

Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888.

Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994.

Сазонова Л. И. Освоение языка куртуазности и науки галантного поведения (Carte du Tendre) // Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991; Вып. 7–22. СПб.: Наука, 1992–2019.

Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.

Стефан Яворский. Проповеди блаженной памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского. М.: Синодальная тип., 1804–1805. Т. 1–3.

Топоров В. Н. У истоков русского поэтического перевода («Езда в остров Любви» Тредиаковского и «Le voyage de l'isle d'Amour» Талемана) // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: XVIII — начало XIX в.

Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985.

Bruckmuller-Genlot D. Peinture et civilisation britanniques. Culture et représentation. Paris: Editions Ophrys, 1999.

Carpentier L. J. M. Le Gradus Français, ou Dictionnaire de la langue poétique / 2ème éd. Paris: A. Johanneau, 1825. T. 1–2.

Defrance A. Les contes de fées et les nouvelles de Madame d'Aulnoy (1690–1698). L'imaginaire feminin à rebours de la tradition. Genève: Librairie Droz, 1998.

Le Dictionnaire de l'Académie Française / Dédié au Roy. Paris: Jean-Baptiste Coignard, 1694. T. 1–2.

Le Dictionnaire de l'Académie Française / 4ème éd. Paris: chez la Veuve de Bernard Brunet, 1762. T. 1–2.

Drouin S. Pèlerinages pour Cythère au siècle des Lumières: Anthologie de textes. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2013.

Gevrey F. Saturne libertin. La peur du temps dans les contes du XVIIIe siècle // Travaux de littérature. Genève: Librairie Droz, 2003. № 16: Les Grands Peurs. 1. Diables, fléaux, etc. / Bertaud M. (dir. sceint.).

Fedyukin I. Lost in Translation: Trediakovskii's «Journey to the Island of Love» and Its Courtly Context // Slavonic and East European Review. № 97 (4). 2019.

Femmes-Poètes de la France: Anthologie / par H. Blanvalet. Genève: Librairie allemande de J. Kessmann, 1856.

Francillon R. Les Fées au chevet du roman // Saggi et Ricerche di letteratura francese. 1983. Vol. XXII.

Jasmin N. Naissance du conte féminin. Mots et merveilles: les contes de fées de Mme d'Aulnoy, 1690–1698. Paris: H. Champion, 2002.

L'Île de la Félicité // Voyages imaginaires, songes, visions et romans cabalistiques. Ornés de figures. Amsterdam, Paris: rue et hôtel Serpente, 1788. T. 27.

L'Île de la Félicité de Mme d'Aulnoy: Le premier conte de fées littéraire français du roman *Histoire d'Hypolite, comte du Duglas* // Merveilles & contes. Vol. 10. № 1 (May 1996).

Mercure galant / dédié à Monsieur le Dauphin. Lyon: chez Thomas Amaulry, rue Mercière, 1689. Mars 1689 (première partie).

Perfetti A. Aristotélisme et alchimie dans l'anonyme *Trilogio della transmutatione de' metalli* // Alchimie et philosophie à la Renaissance: Actes du Colloque International de Tours (4–7 décembre 1991) réunis sous la direction de J.-Cl. Margolin et S. Matton. Paris, 1993.

Robert R. Le conte de fées littéraire en France de la fin du XVIIe à la fin du XVIIIe siècle. Nancy: Presses Universitaires de Nancy, 1982.

Stadman A. D'Aulnoy's *Histoire d'Hypolite comte de Douglas* (1690): A Fairy-Tale Manifesto // Marvels & Tales. Vol. 19. 2005. № 1.

Storer M. E. La mode des contes de fées (1685–1700). Un épisode littéraire de la fin du XVIIe siècle. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1928.

Stroev A. Le conte merveilleux et l'image de la Russie // Le Conte merveilleux au XVIIIe siècle: Actes du colloque, Grenoble, 21–23 septembre 2000. Editions Kimé, 2002.

Н. В. Салоников, К. В. Суториус

Переписка Новгородского митрополита Иова за 1700–1715 гг.: источниковедческие и текстологические проблемы

Статья посвящена источниковедческому и текстологическому анализу интересного, но малоизученного памятника отечественной эпистолографии начала XVIII в. — корреспонденции Новгородского митрополита Иова (письма самого митрополита, письма ему адресованные и письма людей, которых современники рассматривали как лиц особенно для митрополита значимых, например братья, Лихуды). Этот памятник не рассматривался с источниковедческой и текстологической точки зрения. Помимо уже известных сборников писем из Софийского собрания, хранящихся в ОР РНБ, авторы привлекают к исследованию ранее не известные источники из фонда Духовного ведомства РГАДА или не использовавшиеся теми, кто обращался к эпистолярному творчеству митрополита из фонда Новгородской духовной семинарии ОР РНБ. В ходе исследования удалось установить, что сборник РГАДА является частью собрания корреспонденции, которое начало формироваться еще при жизни митрополита и хранилось в Софийском соборе. Сборник из фонда Новгородской духовной семинарии, хотя и переписан в начале XIX в., однако представляет письма в том виде, в каком они были получены адресатами, а в софийских сборниках содержится правка, сделанная уже после отправки писем. В статье поставлен вопрос об авторстве писем, отправленных от имени митрополита Иова. На основе текстологического анализа и особенностей почерка митрополита авторы приходят к выводу, что он был высокообразованным человеком, знакомым с правилами эпистолярного этикета, но достоверно утверждать то, что он писал письма самостоятельно или за него это делали другие, например братья Лихуды, нет достаточных оснований. В статье приведены примеры, характеризующие отношение митрополита Иова к представителям киевского ученого монашества, ко-

торое, вопреки сложившемуся в историографии мнению, было столь же теплым и приветливым, как и с представителями великорусского духовенства.

Ключевые слова: Новгородский митрополит Иов, петровское время, источниковедение, текстология, эпистолография, латинствующие.

N. V. Salonikov, K. V. Sutorius

Correspondence of Metropolitan Job during 1700–1715:
Source Studying and Textological challenges

The article is dedicated to source studying and textological analysis of an extremely interesting, but yet poorly studied monument of native epistolography of the 18th century — correspondence of Metropolitan Job of Novgorod (letters composed by the Metropolitan himself, letters addressed to him and letters composed by the people that the contemporaries considered to be extremely significant to the Metropolitan, for example, the Leichoudes brothers). Although this monument has on several occasions already become the research subject for native historians, it has never been considered from source study and textological point of views. Alongside already known collections of letters from St. Sophia Cathedral, safekept at the Manuscripts Department of the National Library of Russia, the authors are also studying the previously unknown sources from the fund of the Department of the Religious Affairs of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) or sources from the fund of Novgorod Theological Seminary, Manuscripts Department of the National Library of Russia, that have not been used by those studying the epistolary work of the metropolitan. During the course of work the authors managed to ascertain that the RGADA collection is a part of correspondence collection that had started to form in the Metropolitan's lifetime and had been safekept in St. Sophia Cathedral. The collection from the fund of Novgorod Theological Seminary, although copied at the beginning of the 19th century, presents the letters in the same state as they had been received by the addressees, while the collections from St. Sophia Cathedral contain corrections that had been introduced after the letters had been sent. The article questions authorship of the letters, sent on behalf of Metropolitan Job. Following the textological analysis and handwriting peculiarities of the Metropolitan, the authors conclude, that he was a highly educated person, acquainted with the rules of epistolary etiquette, but there is not enough evidence to conclude that he had been composing his letters himself or gotten help from the others, for example, the Leichoudes brothers. In the article there are examples characterizing the relation of Metropolitan Job to the representatives of Kyivan monkhood that, despite the opinion existing in historiography, had been as warm and friendly as towards the representatives of the Great Russian clergy.

Keywords: Metropolitan Job of Novgorod, Petrine period, source studying, textology, epistolography, Roman Catholics.

Библиография

Анисимов Е. В. Митрополит Иов, Петр Великий и Новгород // «Москва и Новград едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. Великий Новгород, 2009.

Великий Новгород в эпоху петровских преобразований: конец XVII — начало XVIII в.: Сб. документов / Сост. Е. В. Анисимов, Т. А. Базарова, Н. Ю. Болотина. Великий Новгород, 2007.

Вознесенская И. А. История Новгородской школы в письмах митрополита Иова // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. / Отв. ред. В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001.

Доброзраков И. Нечто к дополнению биографии Новгородского митр. Иова // Странник. 1861. Октябрь.

Досифей (Немчинов). Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 3.

Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1.

Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004.

Зайцев Д. А. Киево-Могилянская школа в ее влиянии на русскую религиозно-философскую мысль второй половины XVII в.: Автореф. дис. <...> канд. филос. наук. М., 2010.

Крылов А. О. Московские знакомые митр. Димитрия Ростовского и «киевская ученость»: восприятие западной образованности великорусской церковной элитой на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8.

Куприянов И. Материалы для истории училищ в России // Журнал для воспитания. 1857. Т. 2. № 7.

Лемешев К. Н. Латинский источник риторики Софрония Лихуда // Русская литература. 2015. № 3.

Макарий (Миролюбов). Письма русских государей, великих князей и других особ к новгородским архиереям, хранящиеся в новгородском Софийском соборе // Чтения Императорского московского общества истории и древностей Российских. 1860. Кн. 3. Отд. 5: Смесь.

Маркина Г. К. Письма митрополиту Иову // Чело. 2010. № 1 (46).

«Москва и Новград едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. / Сост., вступ. ст., коммент. Е. В. Анисимова. Великий Новгород, 2009.

Панченко О. В. О чудовском иеродьяконе Иове, авторе книги «Сад спасения» // Труды Отдела Древнерусской литературы. СПб., 2020. Т. 67. С. 376–429.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.

Преосвященнаго Новгородского митрополита Иова наставление воеводе на случай осады Новгорода от шведов, данное в 1700 году, декабря 17 // Литературная газета. 1842. № 7.

Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4.

Рябов А. Н. Иов, митр. Новгородский, уроженец с. Катунки Нижегородской обл. Н. Новгород, 2008.

Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899.

Суториус К. В. Преподавание братьями Лихудами философии в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1692–1694 годах по материалам рукописных источников // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2017. Вып. 20.

Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: Исследования и тексты. М., 2005.

Чистович И. Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль.

Яхонтов И. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб., 1883.

М. К. Брагоне

Эзоп в России XVIII века
Несколько наблюдений над переводом С. С. Волчкова (1747)

Перевод басен Эзопа (1747) выполнен С. С. Волчковым на основе немецкого перевода (1717) сборника басен, составленного Р. Летранжем. Внимание в статье сосредоточено, с одной стороны, на характере сборника Летранжа как средства для выражения религиозных, нравственных и политических соображений составителя. Перевод Волчкова знакомит русских читателей с новым образом морализирующего и религиозного Эзопа. Перевод Волчкова в основном представляет пересказ текста басен из сборника Летранжа, дополняемый объяснениями и ссылками на русскую действительность.

Ключевые слова: Русская литература, XVIII век, перевод, басня, Эзоп, Р. Летранж, С. С. Волчков.

M. C. Bragone

Aesop in the XVIII century Russia
Some obseravtions on the traslation by S. Volchkov (1747)

The article discusses Sergei Volchkov's translation of Aesop's fables (1747), based on the German translation of Roger L'Estrange's collection of Aesop's fables (1717). L'Estrange's collection is characterized by personal reflections on religion, moral and politics by the author. Volchkov's translation therefore introduces Russian readers to a new, moralizing and religious version of Aesop. Volchkov's translation in general is a retelling of L'Estrange's texts of the fables with additional explanations and references to Russian reality.

Key words: Russian literature, XVIII century, translations, fable, Aesop, R. L'Estrange, S. S. Volchkov.

Библиография

Адрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // Известия АН СССР. Отделение русского языка и словесности. 1929. Т. 2. Кн. 2.

Биржакова Е. Э. Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И).

Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955.

Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689 — январь 1725 г. М.; Л., 1958.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1: (А–З).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2: (И–О).

Евстифеева Р. А. Адъективные сочетания с лексемой «человек» в «Придворном человеке» Сергея Волчкова (1741) и их соответствия во французском и испанском оригиналах // II Международная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур»: Материалы конференции: Краков. Польша 17–21 декабря 2015 г. М., 2015.

Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа. СПб., 1747.

Кошелева О. Мирское счастье или христианское благочестие? (Наставления юношеству западных моралистов в переводах Сергея Волчкова сер. XVIII столетия) // Ретроспективная информация: образы и реальность: Сб. статей / Отв. ред.: О. И. Тогоева, И. Н. Данилевский. М., 2013.

Крюк Е. Переиздание «Притч Эссопа» Ильи Копиевского в 1712 году // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav) 16 / Hrsg.: S. Ulrich, E. Kislova, E. Kubicka. München; Berlin; Washington (D. C.), 2013. (Die Welt der Slaven. Sammelbände = Сборники, 49).

Николаев С. И. «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой / Под ред.: Н. Ю. Алексеевой, А. А. Костина. М.; СПб., 2013. С. 7–16.

Попкова Н. А. Сергей Саввич Волчков — переводчик XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Самара, 2007. Вып. 13.

Самарин А. Ю. Творчество академического переводчика С. С. Волчкова: самооценка и мнения современников // Институт истории и естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция 2018: Сб. ст. / Ред.: А. В. Андреев, С. С. Демидов. М., 2018.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3: Р–Я.

Серман И. З. Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973.

Словарь Академии Российской. СПб., 1789, Ч. 1: От А до Г.

Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1: А–Безпристрастие.

Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005.

Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II. Воронеж, 1906.

Cottegnies L. The Art of Schooling Mankind: The Uses of the Fable in Roger L'Estrange's *Aesop's Fables* (1692) // Roger L'Estrange and the Making of Restoration Culture / Ed.: A. Dunan-Page, B. Lynch. London; New York, 2007.

Esopi Fabeln mit Herrn Roger l'Estrange Lehren und Anmerckungen aus dem Englischen übersetzt. Leipzig, 1714.

Evstifeeva R. Лексикология и переводоведение: лексика интеллектуальных качеств человека в *Вояжировом лексиконе* С. С. Волчкова (1755?–1764) // L'analisi linguistica e letteraria. Anno 28 (2020). № 2. P. 73–84.

Fables of Aesop and other Eminent Mythologists with Morals and Reflections. London, 1692.

Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Wiesbaden, 1998. T. 1.

Keymer T. Pamela's Fables: Aesopian writing and political implication in Samuel Richardson and Sir Roger L'Estrange // Sillages critiques. 2001. №. 2.

Kitchin G. Sir Roger L'Estrange: A Contribution to the History of the Press in the Seventeenth Century. London, 1913.

L'Estrange, Sir Roger // Dictionary of National Biography / ed. S. Lee. New York, 1885. Vol. 33: Leighton-Lluelyn.

Les fables d'Esope, et de plusieurs autres excellens mythologistes, accompagnées du sens moral et des réflexions de Monsieur le Chevalier Lestrange. Amsterdam, 1714.

Lewis J. E. The English Fable. Aesop and Literary Culture, 1651–1740. Cambridge, 1996.

Patterson A. Fables of Power. Aesopian Writing and Political History. Durham; London, 1991.

Plessow M. Geschichte der Fabeldichtung in England bis zu John Gay (1726). Berlin, 1906.

Е. Д. Кукушкина

Басни Роже Летранжа в русских стихотворных переложениях

В статье рассматривается судьба книги Р. Летранжа «Езоповы басни» (1692) переведенной в 1747 г. на русский язык. Прозаические басни Летранжа перелагали сапфической строфой семинаристы. Сумароков по-новому раскрывал выразительные возможности басен Летранжа в своих притчах, придавая им актуальный сатирический смысл. В 1770–1780-е гг. некоторые сюжеты из книги Летранжа, легли в основу стихотворных жарт и получили популярность в демократической среде.

Ключевые слова: Эзоп, Р. Летранж, А. П. Сумароков, басни, притчи, сюжет.

E. D. Kukushkina

Fables by Roger L'Estrange in Russian Verse paraphrases

The article discusses the fate of R. L'Estrange's book «Aesop's Fables» (1692) translated into Russian in 1747. The prose fables of L'Estrange's were transcribed in sapphic stanzas by the seminarians. Sumarokov revealed in a new way the expressive possibilities of L'Estrange's fables in his parables, giving them an actual satirical meaning. In the 1770s

1780s. some plots from L'Estrange's book formed the basis of verse sketches and gained popularity in a democratic environment.

Key words: Aesop, R. L'Estrange's, A. P. Sumarokov, fable, parable, paraphrase, plot.

Библиография

Адрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // Известия ОРЯС АН СССР. Л., 1929. Т. 2. Кн. 3.

Алексеева Н. Ю. Комментарии // Василий Тредиаковский. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009.

Античная басня / Пер. с греч. и лат., состав., предисл. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1991.

Архангельская А. В. Люди и звери в баснях и фацециях: параллели, трансформации и метаморфозы // Риторика бестиарности: Сб. ст. М., 2014.

Афанасьев А. Н. Народная русская сказка: изд. 3-е. М., 1897. Т. 2.

Биржакова Е. Э. Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И).

Виниус А. А. Зрелище жития человеческого // Тарковский Р. Б. Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005.

Гаспаров М. Л. Избранные труды. О поэтах. М., 2018.

Заусцинский К. А. Басни Сумарокова // Варшав. унив. известия. 1884. № 3–5.

Коренева М. Ю., Михайлова И. М. К вопросу о европейских источниках «Зрелища жития человеческого» (1674) // Скандинавская филология. 2016. Т. 14. Вып. 1.

Крюк Е. Переиздания «Эссоповых притч» Ильи Копиевского как отражение языковой политики Петра I // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния. 1689–1727: Коллективная монография. Париж; СПб., 2020.

Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 43–59.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 8.

Николаев С. И. «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. ст. в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013.

Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977 (Б-ка поэта. Больш. серия).

Силина А. С. Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28.

Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985.

Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 7.

Тарковский Р. Б. Переводчик Эзопа Петр Кашинский (Из истории древнерусского перевода) // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 46.

Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975.

Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005.

Федр, Бабрий. Басни / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М., 1962.

Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabel in 18. Jahrhundert. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Wiesbaden. 1998. Teil 1. S. 108–109.

Е. Д. Кукушкина

Цензурная, авторская и режиссерская правка театральных сочинений А. П. Сумарокова

Цензура, возникшая в России до появления авторского права, создавала конфликтные ситуации, влиявшие на литературное творчество Сумарокова. В 1740–1750-е гг. конфликты определили памфлетный характер его комедий. Редактура пьес, проделанная Сумароковым в 1760-е гг., отчасти продиктованная личными обстоятельствами, адаптировала их к новым жизненным и литературным реалиям. Деятельность Сумарокова как постановщика драматических произведений способствовала формированию театральной режиссуры в России. И. А. Дмитревский, готовя для сцены комедии Сумарокова в 1780-е гг., внес в их тексты свои коррективы. Он стал первым официальным режиссером русского театра.

Ключевые слова: А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, И. А. Дмитревский, комедия, трагедия, театр, цензура, режиссура.

E. D. Kukushkina

Censorship, copyright and director's editing theatrical works by A. P. Sumarokov

The censorship, that arose in Russia before the advent of copyright, created conflict situations that influenced Sumarokov's literary work. In the 1740s and 1750s., conflicts determined the pamphlet character of his comedies. The editing of the plays done by Sumarokov in the 1760s, partly depending on personal circumstances, adapted them to new life and literary realities. Sumarokov's activities as stage director contributed to the formation of theatrical stage direction in Russia. I. A. Dmitrevsky, preparing for the scene of Sumarokov's comedies in the 1780s, made his own corrections to their texts. He became the first official stage director of the Russian theater.

Key words: A. P. Sumarokov, V. K. Trediakovsky, I. A. Dmitrevsky, comedy, tragedy, theater, censorship, stage direction.

Библиография

Алексеев М. П. Первое знакомство с Шекспиром в России // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965.

Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Елисавете Петровне. СПб., 2003.

Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов. М., 2001.

Державин Г. Р. Сочинения / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1866. Т. 3.

Драматический словарь. М., 1787.

Ельницкая Т. М. Репертуар драматических трупп // История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1: От истоков до конца XVIII века.

Исторические бумаги XVIII века / Публ. М. Н. Лонгинова // Русская беседа. 1860. Кн. 2. Отд. 2.

История русской музыки: в 10 т. М., 1985. Т. 3: XVIII век. Ч. 2.

Кукушкина Е. Д. Комедии А. П. Сумарокова «Чудовищи» и «Приданое обманом»: редакции текстов // Вестник РФФИ: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4.

Николаев С. И. Комментарии к комедии «Тресотиниус» // Собрание сочинений А. П. Сумарокова. Комедии (готовится к печати).

Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

Рабинович М. Б. Сценический вариант комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец» // Театр и драматургия: Труды Гос. ин-та театра, музыки и кинематографии. Л., 1959.

Русская комедия и комическая опера XVIII века / ред. текста и вступ. ст. П. Н. Беркова. М; Л., 1950.

Семенников В. П. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. СПб., 1913.

Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II: На основании документов архива Конференции Императорской Академии наук СПб., 1914.

Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. 1700–1863. М., 2011.

Собственноручные записки Екатерины II на комедию Сумарокова «Лихоимец» // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10.

Старикова Л. М. Театр и зрелища Российских столиц в XVIII веке. М., 2018.

Стенник Ю. В. Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964 (XVIII век. Сб. 6).

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений <...> / Собр. и изд. Н. И. Новиковым: в 10 ч. М., 1781–1782.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений <...> / Собр. и изд. Н. И. Новиковым: в 10 ч. М., 1787.

Шамрай Д. Д. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Вып. 2.

Шамрай Д. Д. К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3.

Шамрай Д. Д., Берков П. Н. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5.

Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901.

Р. Бодэн

Турецкая тема и ее эволюция в творчестве Ф. А. Эмина

Данная статья посвящена изучению дискурса Ф. А. Эмина об Османской империи в 1760-е гг. Этот дискурс развился как в публичном поведении писателя, так и в его творчестве, сначала в его первом романе «Непостоянная фортуна, или Похождение

Мирамонда» (1763), а после начала русско-турецкой войны 1768–1774 г., в его трактате «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты» (1769). Изучение этого дискурса позволяет выявить тройную эволюцию: эволюцию афишированной идентичности Эмина, от члена османской социальной элиты к янычару; эволюцию литературного дискурса писателя — от романа к трактату; и эволюцию его социального статуса — от авантюриста и возможного шпиона к эксперту по турецким делам. Сопоставляя картину турецкого мира, предложенную «Непостоянной фортуной» и «Кратким описанием», исследование также выявляет ее упрощение, от амбивалентности, присущей романному жанру к монологизму, свойственному как научному тексту, так и одическому жанру, к которым относится «Краткое описание». Параллельно, исследование уточняет социальные стратегии Эмина в России, его манеру использовать интерес публики к турецкому миру в разных ключах в зависимости от обстоятельств и специфику его трактата о Порте на фоне специализированной литературы иностранного происхождения, доступной в России в годы первой русско-турецкой войны царствования Екатерины II.

Ключевые слова: русская литература, Ф. А. Эмин, Оттоманская Порта, роман, ода, политическая литература, ориентализм.

R. Baudin

The Turkish theme and its evolution in Fyodor Emin's works

The paper focuses on F. A. Emin's discourse on the Ottoman Empire in the 1760s. Emin's discourse developed in both his public behavior and his work, starting from his 1763 novel «Inconstant Fortune, or the Adventures of Miramond» to his 1769 «Short Description of the Ancient and Present State of the Ottoman Empire», a treatise he wrote after the outbreak of the Russian-Turkish war of 1768–1774. The study of Emin's Ottoman discourse helps identifying a triple shift in the writer's life and work: an identity shift, from member of the Ottoman social elite to janissary; a shift in Emin's choice of literary genres, from the novel to the treatise and a shift in the writer's social status, from adventurer to expert on the Ottoman Empire. Comparing the image of the Ottoman Empire provided by «Inconstant Fortune» and the «Short description», the paper also reveals how Emin's move from the novel to the treatise genre simplified this image by dropping the ambivalence characteristic of the novel genre in favour of the monologic discourse typical of scientific texts and the ode genre, two aesthetic traditions to which the «Short description» belong on various accounts. Additionally, the paper focuses on Emin's social strategies in Russia, on how he used the interest of the Russian public in the Ottoman empire in various ways, according to political circumstances and on the specificity of his «Short description», regarding the foreign specialized literature available in Russia in the years of the first Russian Turkish war of the reign of Catherine the Great.

Key words: Russian literature, Fyodor Emin, Ottoman Empire, novel, ode, political literature, orientalism.

Библиография

Бешенковский Е. Б. Жизнь Федора Эмина // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11.

Бодэн Р. Нормативная критика и романное чтение в России середины XVIII века // Reading in Russia. Practices of reading and literary communication 1760–1930. Milan, 2014.

Бордериу К. Платье императрицы: Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016.

Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999.

Гуковский Г. А. Эмин // История русской литературы. М.; Л., 1947.

Ди Сальво М. Латинские стихи Эмина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. СПб., 2018.

Заборов П. Р. Свистунов Петр Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я).

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Ирои-комическая поэма / ред. и примеч. Б. Томашевского, вступ. статья В. А. Десницкого. Л., 1933.

История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1: Проза.

Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М.; Л., 1964.

Клейн И. Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века // Slověne. 2018. № 1. С. 174–210.

Копанев Н. А. Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории / Под ред. С. П. Луппова. Л., 1986.

Коронелли В. М. Записки историогеографические о Мореи, покоренной оружием венецианским, о царстве Негропонтском и о прочих близ лежащих местах... / Пер. с итал. языка Я. Княжнин. СПб., 1769.

Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5.

May G. Le dilemme du roman au XVIIIe siècle. Paris, 1963.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

Пушкин А. С. Домик в Коломне // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1950. Т. 4: Поэмы, сказки.

Рак В. Д. Итальянские впечатления Феридата. (Об одном источнике романа Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда») // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23.

Рак В. Д. Ф. А. Эмин и его журнал «Адская почта» // Эмин Ф. Адская почта. СПб., 2013.

Ратников К. В. Русские реки: поэзия и политика. Идеологический компонент гидронимных образов в лирике от Ломоносова до Тютчева // Вестник Челябинского университета. 2004. Сер. 2. № 1 (15).

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1963–1967.

Серман И. З. Становление и развитие романа в русской литературе XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX веков. М.; Л., 1959.

Сиповский В. В. Из истории русского романа и повести: Материалы по библиографии, истории и теории русского романа. СПб., 1903. Ч. 1: XVIII век.
Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2: «Беспристрастный — Вейэр».
Спащанский А. Н. «Турецкий стиль» в русском искусстве второй половины XVIII века (URL: http://history-gatchina.ru/article/turkey.htm (дата обращения: 15.03.2021)).
Статьи из Енциклопедии, принадлежащие к Турции / Перевел Семен Башилов. СПб., 1769. Т. 1–2.
Степанов В. П. Эмин Федор Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я).
Строев А. «Те, кто поправляет фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017.
Фраанье М. Г. Прощальные письма М. В. Сушкова: (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19.
Эмин Ф. А. Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты. СПб., 1769.
Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. СПб., 1763.

Avcioglu N. Turquerie and the politics of representation, 1728–1876. Farnham, 2011.
Balkis L. B. Defining the Turk: Construction of Meaning in Operatic Orientalism // International Review of the Aesthetics and Sociology of Music. Vol. 41. № 2.
Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de Lettres. Nouvelle édition. Genève, 1778. T. 18.
Evstratov A. Les spectacles francophones à la cour de Russie (1743–1796). L'invention d'une société. Oxford, 2016.
Garrard J. Mixail Čulkov: An Introduction to his Prose and Verse. The Hague; Paris, 1970.
Haydn W. Turquerie: an Eighteenth-century European fantasy. London, 2014.
Leezenberg M. The Oriental Origins of Orientalism: The Case of Dmitrie Cantemir // The Making of the Humanities. Amsterdam, 2012. Vol. 2.
Mooser R.-A. L'opéra comique français en Russie au XVIIIe siècle. Genève; Monaco, 1954.
O'Malley L. D. The Dramatic works of Catherine the Great: Theatre and politics in eighteenth-century Russia. Aldershot, 2006.
Ospovat K. Terror and Pity. Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia. Boston, 2016.
Said E. Orientalism. New-York, 1978.
Vacheva A. The Russo-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia // Power and Influence in South-Eastern Europe 16th–19th Century. Zürich, 2013.

А. Ю. Соловьев

Из исторического комментария к трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец»

В статье приводятся сведения для комментария к трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» в контексте интереса писателя к теме подлинной русской исто-

рии, а также современным ему внешнеполитическим событиям. Прослеживаются связи между сюжетом и отдельными образами сумароковской трагедии и сведениями, содержавшимися в «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства...». С этим источником Сумарокова мог познакомить Г. Ф. Миллер, который в 1760-е гг. возглавил московский архив Коллегии иностранных дел. Также указываются детали пьесы, наличие которых могло быть вызвано конкретными эпизодами русско-польских отношений, предшествовавшими разделу Речи Посполитой.

Ключевые слова: А. П. Сумароков, «Димитрий Самозванец», русская драматургия XVIII в., «Летопись о многих мятежах...», Г. Ф. Миллер, разделы Польши.

A. Yu. Solovev

From the historical commentary
to A. P. Sumarokov's tragedy
«Demetrius the Pretender»

The paper discusses A. P. Sumarokov's historical interests when creating the tragedy «Demetrius the Pretender». They included the issue of true Russian history, as well as contemporary foreign affairs events. The paper shows correlations of subject and characters of Sumarokov's tragedy to data contained in «Letopis' o mnogikh miatezhakh i o razorenii Moskovskogo gosudarstva...». G. F. Müller, who headed the Moscow archive of the Collegium of Foreign Affairs in the 1760s, could report this source to Sumarokov. The paper also details the idea that tragedy reflects the features of the ideological confrontation in Russian-Polish relations in the late 1760s — early 1770s that preceded the partition of Rzeczpospolita.

Keywords: A. P. Sumarokov, «Demetrius the Pretender», Russian dramaturgy of the 18th century, «Letopis' o mnogikh miatezhakh...», G. F. Müller, Partitions of Poland.

Библиография

Алексеева Н. Ю. Значение дружбы с Н. И. Паниным для творчества А. П. Сумарокова // XVIII век. СПб., 2017. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века.

Алексеева Н. Ю. Переложение-переосмысление А. П. Сумароковым 83 псалма // Аониды: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2013.

Берков П. Н. Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру (1767–1769) и четыре записки последнего к Сумарокову // XVIII век. Л., 1962. Сб. 5.

Бильбасов В. Письмо Лжедмитрия Клименту VIII // Русская старина. 1898. № 5.

Веселова А. Ю. Об исторической основе поздних трагедий А. П. Сумарокова // Словесность и история. 2022. № 1.

Гуковский Г. А. Расин в России / Пер. с фр. и примеч. А. О. Дёмина // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века.

Гуськов Н. А. Жанровое своеобразие драматургии писателей сумароковской школы // Язгулямский сборник. 2: Язык. Литература. СПб., 1997.

Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер, XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.

История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) / Институт российской истории РАН. М., 1998 (сер.: История внешней политики России).

Калинин И. А. «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался». Самозванцы и диалектика Империи: Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2020. № 6.

Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996.

Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010.

Клейн И. Любовь и политика в трагедиях Сумарокова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.

Клейн И. Сумароков и Ржевский. «Димитрий Самозванец» и «Подложный Смердий» // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.

Кочеткова Н. Д. А. П. Сумароков и масонство // Русская литература. 2022. № 1.

Левин Ю. Д. Раннее восприятие творчества Джонатана Свифта // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990.

Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году / Собрано из древних тех времен описаний; изд. М. М. Щербатовым: СПб., 1771; 2-е изд. М., 1788.

Ляпин Д. А. «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии Российского государства середины XVII в. // Новое прошлое. 2016. № 2.

Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2004.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2.

Письма А. П. Сумарокова / Публ. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов // Русская историческая библиотека. СПб., 1891. Т. 13.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб., 2009. Т. 7.

Русская литература — век XVIII. Трагедия / Сост., подгот. текстов и коммент. П. Е. Бухаркина, Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной и др.; отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 1991.

Салмина М. А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 15.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.

Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981.

Степанов В. П. Сумароков Александр Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я).

Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Сумароков А. П. Ответ на критику // Сумароков А. П. Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова; при участии А. Малеина, П. Беркова и Г. Гуковского. Л., 1935 (сер.: Библиотека поэта).

Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 6.

Ульяновский В. И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб., 2021.

Фельдберг А. Трагедия Сумарокова как риторический текст: Диссертация на соискание ученой степени magister artium по русской литературе. Тарту, 1996.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен / Соч. князь Михайлом Щербатовым. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2: Царствования Лжедимитрия и Василья Иоанновича Шуйского.

Baer S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, 1991.

Levitt M. C. Sumarokov's Russianized «Hamlet»: Texts and Contexts // Levitt M. C. Early Modern Russian Letters: Texts and Contexts. Boston, 2009.

Morris M. A. Writing the Time of Troubles: False Dmitry in Russian Literature. Academic Studies Press. [Boston], 2018.

Ospovat K. The (Dis)empowered People: Kingship, Revolt and the Origins of Russian Tragic Drama // Acta Slavica Estonica VI. Tartu, 2014 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia; XIV: Russian National Myth in Transition).

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Из наблюдений над биографией и литературной позицией И. И. Виноградова

В статье анализируются скудные источники биографии И. И. Виноградова (1765–1801), плодовитого переводчика и поэта конца XVIII в. В рассмотрение впервые включены его произведения, выпадавшие до сих пор из поля зрения исследователей: идиллия и сонет в сборнике московской Славяно-греко-латинской академии (1782), посвященном архиепископу Платону (Левшину), а также его послание И. И. Дмитриеву (1794), впервые опубликованное в 1808 г.

Ключевые слова: И. И. Виноградов, И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, литературная борьба.

K. Yu. Lappo-Danilevsky

Observations on the Biography and Literary Position of Ivan Vinogradov

This article investigates the meager sources for the biography of Ivan I. Vinogradov (1765–1801), a prolific translator and poet of the end of the 18th century. For the first time

it treats several poems, until now out of sight of researchers: an idyll and a sonnet in a collection of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy (1782) dedicated to Archbishop Platon (Levshin), as well as a friendly epistle addressed to Ivan I. Dmitriev (first published in 1808).

Keywords: I. I. Vinogradov, I. I. Dmitriev, N. M. Karamzin, literary polemics.

Библиография

Второв Н. И. Гаврила Петрович Каменев (посвящается другу его С. А. Москотильникову) // Вчера и сегодня: литературный сборник, / сост. гр. В. А. Соллогубом, изд. А. Смирдиным. СПб., 1845. Кн. 1.

Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях / 2-е изд. М., 2001.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих: метрика и ритмика. М., 1974.

Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Изд. подгот. В. И. Коровин. М., 1997.

Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... / Изд. подгот.: Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин. СПб., 2004–2005. Т. 1–2.

Дмитриев И. И. Сочинения / Сост. и коммент. А. М. Пескова и И. З. Сурат; вступ. статья А. М. Пескова. М., 1986.

Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1982.

Златопольская А. А. Жан-Жак Руссо в России XVIII — первой четверти XIX века. (Библиографический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) // Петербург на философской карте мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 209–239.

Канунова Ф. З., Кафанова О. Б. Карамзин и Жуковский. (Восприятие «Созерцания природы» Ш. Бонне) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 187–202.

Кафанова О. Б. Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800 гг.) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16.

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Неосуществленное издание книги И. И. Виноградова «Анакреон и Сафо с присовокуплением всенощных и других стихотворений» // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 1.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Поэтика дружеских посланий Н. А. Львова // Литературный факт. 2019. № 3 (13).

Лепехин М. П. Виноградов Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И).

Сводный каталог русской книги: 1801–1825. М., 2013. Т. 3.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. 1: А–И.

Сводный каталог сериальных изданий России. СПб., 1997. Т. 1: Журналы: (А–В).

Сводный каталог сериальных изданий России. СПб., 1997. Т. 4: Журналы: (Н–П).

Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления. Образцы статей. Словник / Сост. В. П. Степанов. Л., 1975.

Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели: 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3: К–М.

Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale. Paris, 1914. T. 58: Gaulthier de Rumilly–Genthe.

Gellerman S. Karamzine à Geneve. Notes sur quelques documents d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe // Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von: M. Bankowski, P. Brang, C. Coehrke, R. Kemball. Basel; Frankfurt am Main, 1991.

А. Варда

Две русские обработки сюжета об английском путешественнике и индианке

Темой настоящей статьи является проблема подражания в русской литературе XVIII в., которая рассматривается на примере двух произведений русских авторов конца этого столетия — «О купецком сыне и о американской девушке» И. В. Новикова и «Зара» Н. С. Смирнова. Образцом для них послужил эпизод из произведения Г.-Т.-Ф. Рейналя «История обеих Индий», под названием «Бесчеловечие одного Англичанина против Индиянки, его благодетельницы» (1770). Каждый из русских авторов обработал этот прототип по-своему, применяя приемы, характерные для избранного ими жанра. Новиков создал на его основе приключенческую повесть, а Смирнов переработал его в духе сентиментальной повести. Новиков при этом не назвал источника своего произведения, а Смирнов, хотя, несомненно, мог знать написанное за девять лет до возникновения его повести, очень популярное произведение Новикова, назвал в комментариях к своему тексту лишь французский прототип.

Ключевые слова: подражание, сентиментальная повесть, авантюрная повесть, русская литература XVIII в., Г.-Т.-Ф. Рейналь, Р. Лигон, И. В. Новиков, Н. С. Смирнов.

A. Warda

Two Russian remakes of the Story about an English Traveller and an Indian Maiden

The topic of this article is the problem of imitation in Russian literature of the 18th century, which is examined on the example of two works by Russian authors of the end of the century — «About a Merchant's Son and an American Maiden» by I. V. Novikov and «Zara» by N. S. Smirnov. The model for them was an episode from the work of G.-Th.-F. Raynal «A philosophical and political history of the settlements and trade of the Europeans in the East and West Indies», entitled «The inhumanity of an Englishman against an Indian woman, his benefactress» (1770). Each of the Russian authors remade this prototype in their own way, using techniques specific to the chosen genre. Novikov created an adventure story, and Smirnov reworked it in the shape of a sentimental story. Novikov did not name the source of his work at all, and Smirnov, although he undoubtedly knew the very popular work by Novikov written nine years before the appearance of his story, indicated only the French prototype in the comments to his text.

Key words: imitation, sentimental story, adventurous story, Russian literature of the 18th century, G.-T.-F.-Reynal, R. Ligon, I. V. Novikov, N. S. Smirnov.

Библиография

Альтшуллер М. Г. Крепостной поэт и переводчик Николай Смирнов // Французский ежегодник, 1967. М., 1968.

Костин А. А., Павлов В. А. Смирнов Николай Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я).

Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исслед. и материалы. Л., 1990.

Левин Ю. Д. Инкл и Ярико в России // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова.

Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.

Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23.

Новиков И. Похождения Ивана, гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1786. Ч. 2.

Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения / Ред.: Л. В. Евдокимова. А. Д. Михайлов. М., 2002.

Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. № 23.

Рак В. Д. Материалы к изучению сборника И. В. Новикова «Похождение Ивана, гостиного сына, и другие повести и сказки» // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22.

Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008.

Рейналь Г.-Т.-Ф. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях / Сочиненная Аббатом Рейналем. СПб., 1834. Ч. 5.

Dąbrowska M. Rosyjska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2003.

Fulińska A Naśladowanie i twórczość. Renesansowe teorie imitacji, emulacji i przekładu. Wrocław, 2000.

Mucha B. Rosyjscy pisarze pańszczyźniani // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Littararia Rossica. Łódź, 1999. № 1. S. 25–45.

Otwinowska B. Imitacja // Problemy literatury staropolskiej. Wrocław, 1973, Ser. 1.

Warda A. Od imitacji do plagiatu // Slavia Orientalis. 2005. № 4. S. 515–526.

Warda A. «Przypadki Iwana, syna kupieckiego» Iwana Nowikowa: Analiza monograficzna na tle kultury literackiej rosyjskiego Oświecenia. Łódź, 1996.

А. Ю. Веселова

Творчество А. Т. Болотова в контексте традиции рукописной и печатной книги

Русская литература XVIII столетия во многом носила переходный характер, успешно совмещая предшествующую, допетровскую традицию отношения к книге и писатель-

скому труду, с новыми формами их существования и восприятия. Эту ее особенность хорошо иллюстрирует творчество А. Т. Болотова, одного из самых известных русских мемуаристов XVIII в. и весьма плодовитого писателя. Хорошая сохранность обширного архива Болотова и высокий уровень его писательской рефлексии, нашедшей отражение в многочисленных текстах автобиографического характера, позволяет на его примере показать, как сосуществовали старая и новая традиция отношения к книге. С одной стороны, Болотов был активно печатающимся автором нового типа, получавшим неплохие гонорары и сотрудничавшим с лучшими книгоиздателями своего времени. В то же время, он был активным продолжателем рукописной традиции, с которой познакомился в ранней юности. Его рукописные сочинения, в том числе мемуары, предназначавшиеся для определенного круга читателей, оформлены как книги, а его отношение к писательскому труду как к ритуалу, в котором процесс может быть важнее результата, напоминает позицию книжника предшествующей эпохи.

Ключевые слова: Русская литература XVIII в., А. Т. Болотов, рукописная книга, писательский тип, мемуары, книгоиздание.

A. Yu. Vesselova

Work of Andrey Bolotov
in context of handwritten and printed book culture

Russian literature of the 18th century in regarding to books and writing, successfully combined the previous, pre-Petrine tradition with new forms. This can be well illustrated by the work of A. T. Bolotov, one of the most famous Russian memoirists of the 18th century. On the one hand, Bolotov was an author of a new type, receiving good royalties and collaborating with the best book publishers of his time. At the other, he followed the handwritten tradition. His handwritten works, and his attitude to writing as a ritual in which the process can be more important than the result is reminiscent of the position of the scribe of the previous era. So, Bolotov's works allows us to see how the old and new traditions coexisted.

Keywords: Russian Literature of the 18th century, handwritten book, manuscript, memoirs, writer's type, book publishing.

Библиография

[*Бевиус А.*] Генриетта, или Гусарское похищение; происшествия, происходившие во время недавно бывшей последней войны у пруссаков с цесарцами / Пер. с нем. А. Б. Ч. 1–3. М., 1782.

[*Болотов А.Т.*] Безумие идущих против воли Божией и не верующих его провидению... // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 1. С. 1–42.

[*Болотов А. Т.*] Время созревания плодов // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 15. 1797.

[*Болотов А. Т.*] Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М., 1776–1779. Ч. 1–2.

[*Болотов А. Т.*] Краткие и на опытности основанные замечания о электрицизме и о способности электрических махин к помоганию от разных болезней: С изображением и описанием наипростейшего рода махин и разных способов, употребляемых при врачевании ими болезней. СПб., 1803.

[*Болотов А. Т.*] Несчастные сироты. М., 1781.

[*Болотов А. Т.*] Оканчивающаяся зима // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 13. 1797.

[*Болотов А. Т.*] Песнь к Вездесущему // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 11. 1796.

[*Болотов А. Т.*] Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного. М., 1784. Ч. 1–3.

[*Болотов А. Т.*] Утреннее расположение духа // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 13. 1797.

[*Болотов А. Т.*] Чувствования христианина при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу / Соч. одного россиянина. М., 1781.

Болотов А. Т. Автобиография // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1757 / Сост.: А. Ю. Веселова, М. П. Милютин. СПб., 2021. Т. 1. Кн. 2.

Болотов А. Т. Детская философия / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 2012.

Болотов А. Т. Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских... / Публ. Е. Бронниковой // Российский архив: М., 1992. Т. 2–3.

Болотов А. Т. Избранное / сост. А. К. Демиховский (статьи, текстология, коммент.). Псков, 1993.

Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г. // Русская старина. 1873. Т. 8. Ноябрь.

Буланин Д. М. Предисловие // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1 (XV — первая половина XIV в.).

Веселова А. Ю. Журналы А. Т. Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин»: история издания // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 5.

Веселова А. Ю. Сатира в сборниках А. Т. Болотова «Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов» // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени.

Веселова А. Ю., Милютин М. П. Жизнь и приключения счастливого человека // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1757 / Сост.: А. Ю. Веселова, М. П. Милютин. СПб., 2021. Т. 1. Кн. 2.

Веселова А. Ю., Милютин М. П. Мемуары А. Т. Болотова: история создания // Русская литература. 2020. № 3.

Веселова А. Ю., Милютин М. П. О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова // Русская литература. 2020. № 1.

Гецен И. М. Иоанна Мельхиора Гецена рассуждение о начале и конце нынешнего и состоянии будущего мира / Пер. с нем. А.[ндрея] Б.[олотова]. М., 1783.

Глаголева О. Е. А. Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988.

Глаголева О. Е. Библиотека А. Т. Болотова // Книга в России XVI — середины XIX вв.: Книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987.

Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. Тула, 1992.

Дергачева-Скоп Е. И. Рукописные книги в хранилищах Свердловска // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Обработка текста и примеч. И. Кравцова и А. Морозова. М.; Л., 1930.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. / Вступ. ст. С. Н. Ронского, коммент. П. Л. Жаткина. М.; Л., 1931.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1870–1873. Т. 1–4.

Жизнь и странные приключения умершего в 1788 г. Карла Эдуарда, претендента Великобритании и французской короны / Пер. с нем. М., 1794.

Записки А. Т. Болотова // Сын Отечества. 1839. Т. 8. № 4; Т. 9. № 5.

Козлов С. А. Русская провинция в дневниках Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006.

Кфинт Курций Руф. Квинта Курция история о Александре Великом царе македонском с дополнениями Фрейнсгейма и примечаниями / Пер. с лат. языка вторично Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. СПб., 1750. Т. 1–2.

Описание жития и дел принца Эвгения Савойского и генералиссимуса над армиями его римского цесарского величества и всея империи <...>. СПб., 1740.

Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999.

Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761) / Публ. А. Ю. Веселовой (подгот. текста, коммент., вступ. ст.) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013.

Фенелон Ф. Похождение Телемака, сына Улиссова / Соч. г-ном Фенелоном, учителем детей короля французского, бывшим потом архиепископом Камбрейским, и князем Римския империи. [Пер. А. Ф. Хрущева]. СПб., 1747. Ч. 1–2.

Fénelon F. Les Aventures de Télémaque <...>. Paris, 1699.

Girtanner Chr., Buchholz F. Historische Nachrichten und politische Betrachtungen über die französische Revolution. Berlin, 1791–1804. 17Bände.

Hubert S. Stratagema oeconomicum, oder Ackerstudent, Denen jungen ungeübten Ackerleuten in Liefflandzum nöhtigen Unterricht vermittelst vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellet <...> / Von Salomone Guberto <...> 3 Aufl. Riga, 1688.

Kelch Chr. Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs- und Friedensgeschichte Esth- Lief- und Lettlandes <...> biss auffs 1690. Jahr <...> von Christiano Kelchen <...>. Revall, 1695.

Ozanam J. Traité de fortification, contenant les méthodes anciennes et modernes pour la construction et la défense des places. Paris, 1694.

Ozanam J. La Géométrie pratique. Paris, 1684.

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Львовско-державинский литературный кружок
(участники, хронология)

В статье на основании архивных и печатных материалов реконструируется история львовско-державинского кружка. Устанавливается состав участников в течение трех периодов существования кружка, который возник весной 1779 г., согласно свидетельству Г. Р. Державина.

Первый период: частые встречи Г. Р. Державина, Н. А. Львова, И. И. Хемницера и В. В. Капниста в первый период существования кружка с весны 1779 г. по октябрь 1784 г. были отмечены обсуждениями произведений участников кружка. Также и Ф. П. Львов, попробовавший свои силы в поэзии позже, нередко бывал на этих собраниях. Журнал «Санкт-Петербургский вестник» (1778–1781) стал первой трибуной участников кружка.

Второй период: с 1784 по 1789 г. Капнист покинул Петербург после женитьбы в 1780 г. и переселился в Малороссию. Хемницер получил назначение в Измир, где скончался в марте 1784 г.; в 1784 г. Державин стал олонецким губернатором. Обильное эпистолярное наследие поэтов хорошо документирует их дружеские и творческие контакты в это время.

Третий период: после возвращения в Санкт-Петербург в 1789 г. Державин широко открыл двери своего дома для старых и новых друзей. В последующие годы Капнист нередко наезжал в Петербург и подолгу жил здесь. Так восстановилась традиция дружеских собраний, которые продлились до смерти Н. А. Львова в 1803 г. В 1790-е гг. участники кружка публиковали свои произведения в журналах и альманахах Н. М. Карамзина, в «Музе» И. И. Мартынова и других печатных органах. В эти годы совместными усилиями готовились к печати иллюстрированные издания сочинений Хемницера и Державина; А. Н. Оленин и Н. А. Львов приняли живейшее участие в изобретении и изготовлении гравюр для них.

Ключевые слова: Русская литература XVIII в., львовско-державинский кружок, Г. Р. Державин, Н. А. Львов, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, М. Н. Муравьев, Ф. П. Львов, А. Н. Оленин, «Санкт-Петербургский вестник» (1778–1781), литературная полемика.

K. Yu. Lappo-Danilevskii

The L'vov-Derzhavin literary circle
(participants, chronology)

The article reconstructs the history of the L'vov-Derzhavin circle, one of the most famous literary societies in late eighteenth-century Russia, on the basis of archival and printed sources. It establishes the composition of participants during the three periods of the existence of the circle, which according to Gavriil Derzhavin came into being in spring 1779.

I. The first period of the L'vov-Derzhavin literary circle is characterized by frequent meetings from spring 1779 to October 1784, in which Gavriil Derzhavin, Nikolai L'vov,

Ivan Khemnitser, and Vasilij Kapnist engaged in animated discussions of their poems. Fedor L'vov, a young cousin of Nikolai L'vov, who later began to write poetry, also attended those meetings. The review «Sankt-Peterburgskii vestnik» (1778–1781) became the circle's first venue.

II. The second period, from 1784 to July 1789, was less intensive: Kapnist left the capital after his wedding and moved to Malorossiia; Khemnitser was appointed to a diplomatic post in Izmir, where he died in March 1784; in May 1784 Derzhavin became the governor of Olonets. A rich epistolary legacy of the poets documents their friendly and creative contacts at this time.

III. Having overcome his workplace conflicts and returned to St. Petersburg in July 1789, Derzhavin opened his house to old and new friends. In these years Kapnist often visited the Russian capital. The tradition of friendly literary meetings was restored, which continued until Nikolai L'vov's death in 1803. In the 1790s the members of the circle published their works in N. M. Karamzin's periodicals, in Martynov's «Muza» and other journals. They also prepared illustrated editions of works by Khemnitser and Derzhavin; in these undertakings Aleksej Olenin was involved, helping Nikolai L'vov to devise and to print engravings for these books.

Keywords: eighteenth-century Russian Literature, the L'vov-Derzhavin circle, Gavriil Derzhavin, Nikolai L'vov, Ivan Khemnitser, Vasilij Kapnist, Yakov Kniazhnin, Michail Murav'ev, Fedor L'vov, Aleksej Olenin, «Sankt-Peterburgskii vestnik» (1778–1781), literary polemics.

Библиография

Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII век. М.; Л., 1952.

Боброва Л. Е. К вопросу о месте И. И. Хемницера в львовско-державинском литературном кружке // Сб. статей Барнаульского пед. ин-та. 1958. Вып. 3.

Веселова А. Ю. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24.

Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: жизнь и творчество. Л., 1969.

Глумов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980.

Громова Т. Н. Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Капниста // Русская литература. 1974. № 1.

Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927.

Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова. М., 1987.

Дзюбанов С. Д. «Вельяминов, лир любитель, богатырь, певец в кругу...» (неопубликованные письма друга Г. Р. Державина в контексте его биографии) // Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2017. Вып. 13.

Дзюбанов С. Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2008. [Вып. 4].

Западов В. А. Державин и Муравьев // XVIII век. Л., 1969. Сб. 7.

Западов В. А. «Львовский кружок» и Г. Р. Державин // XXI Герценовские чтения. Филол. науки. Л., 1968.

Западов В. А. Муравьев Михайла Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П).

Ивинский А. Д. Из эпистолярного наследия М. Н. Муравьева: письма 1778 года к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. 2018. № 154 (6).

Ивинский А. Д. М. Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 2.

Китина А. Д. Литературное окружение Державина // Известия Воронежского пед. ин-та. 1948. Т. 10. Вып. 3.

Кокорев А. В. «Труды разумных общников» (рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86. Вып. 7.

Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3.

Коплан Б. И. Из литературных исканий конца XVIII — начала XIX в. (А. М. Бакунин и В. В. Капнист) // Материалы Общества по изучению Тверского края. 1928. Вып. 6.

Коплан Б. И. К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Известия АН СССР. 1927. № 7–8.

Кулакова Л. И. М. Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 33. Вып. 4.

Кулакова Л. И. Муравьев // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4.

Кулакова Л. И. Новиков в письмах Муравьева // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11.

Кулакова Л. И. Творчество Н. А. Львова 1770-х — начала 1780-х гг. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму. Л., 1974. Вып. 1.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Литературные досуги графа А. А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой. СПб., 2018.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Львовско-державинский кружок // Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1: А–М.

Лаппо-Данилевский К. Ю. О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // Литературный факт. 2017. № 3.

Лаппо-Данилевский К. Ю. Miscellanea L'voviana // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3.

Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания: монография. Екатеринбург, 2011.

Ларкович Д. В. Становление авторского сознания Г. Р. Державина и сумароковская поэтическая традиция // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15).

Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994.

Львова А. П. Арпачевские находки // Николай Львов: прошлое и современность: Материалы научно-практической конференции. 16–17 мая 2005 г.: Сб. статей. СПб., 2005.

Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12.

Морозова Н. П. Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин. Материалы к истории литературных отношений // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2008. Вып. 4.

Раскин Н. М. А. А. Мусин-Пушкин — вице-президент Берг-коллегии, химик и минералог, 1760–1805. Л., 1981.

Ропацкая Л. «Пристанище художникам всякого рода». О кружке Н. А. Львова // Сов. музыка. 1980. № 2.

Росси Л. М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг.: к характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII в. // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3.

Росси Л. Что такое «перепутаж?» (Державин, Муравьев и одна литературная легенда) // Новое литературное обозрение. 1997. № 27.

Серман И. З. Державин в кругу друзей-поэтов // Гаврила Державин, 1743–1816 / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфилд, 1995.

Сионова С. А. Г. Р. Державин и «львовский кружок» // Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: Материалы Юбилейной международной конференции 14–16 сент. 1993 г. / Отв. ред. Л. Н. Полякова. Тамбов, 1993.

Степанов В. П. Из истории литературных полемик XVIII века («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978.

Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: дом А. Н. Оленина. Л., 1983.

Федосеева Т. В. Поэты львовско-державинского кружка о народной песне // Гавриил Державин в зеркале эпох и культур / под ред. О. О. Несмеловой, А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань, 2016.

Федоровская Л. А. Композитор Степан Давыдов. Л., 1977.

Федоровская Л. А. Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова: (Статья 1) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2005. Вып. 2.

Федоровская Л. А. Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова: (Статья 2) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2007 [Вып. 3].

Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья Н. Л. Степанова, сост. Л. Е. Бобровой, подгот. текста и примеч. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацуро. М.; Л., 1963.

Ходасевич В. Ф. Державин. Париж, 1931.

Шумейко Ю. Е. Кружок Львова (малоизвестная страница русской культуры XVIII в.) // Анналы: Научно-публицистический альманах. Донецк, 1990. Вып. 1.

Bennett S. S. The Derzhavin-L'vov Circle: A Literary Society in Eighteenth-Century Russia. Berlin, 2011.

Derzhavin G. R. Poetic Works: A Bilingual Album / Ed. with Introduction and Commentary by Alexander Levitsky. Providence, 2001.

Lauer R. Gedichtform zwischen Schema und Verfall. Sonett, Rondeau, Madrigal, Ballade, Stanze und Triolett in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. München, 1975.

И. Клейн

Memento mori:
Ода Державина «На смерть князя Мещерского»

Эта ода Державина — не епикидион, то есть не окказиональное стихотворение о смерти определенного человека, а дидактическое произведение о смерти и о страхе

смерти. Речь в ней идет не о Мещерском, а о лирическом субъекте, который приходит в ужас от столкновения со смертью. Осмысляемая как дидактическое стихотворение, эта ода позволяет автору позиционировать себя по отношению к современному культу смерти. Этот культ характерен не только для Э. Юнга и его «Ночных размышлений о жизни, смерти и бессмертии», к которым стихотворение Державина текстуально очень близко, но также и русским масонам. Юнг описывает смерть не как близкого друга, а как страшного врага; резкие слова, которыми описывается ужас смерти, напоминают о традиции барокко. Державин выступает против «любви к смерти», опираясь на классическую традицию, как она выражена горацианской формулой «carpe diem»: жизнь является не долиной слез, а прекрасным, но недолговечным подарком небес. Предлагаемая статья завершается мыслями о понятии «окказиональной поэзии» и ее значении для понимания державинской поэзии.

Ключевые слова: окказиональная поэзия, эпикидион, масонство, Э. Юнг, Г. Р. Державин.

J. Klein

Memento mori:
Derzhavin's ode «On the Death of Prince Meshcherskii»

Derzhavin's ode is not really an epicedium, not an occasional poem on the death of a certain person, but rather a didactic poem about death and the fear of death. Its center of attention is, after all, not Meshcherskii, but the lyrical subject terrified by his encounter with death. Viewed as a didactic poem, the Meshcherskii-ode allows Derzhavin to position himself against a contemporary cult of death. This cult was practiced not only by Edward Young and his *Night Thoughts,* to which Derzhavin's poem is very close textually, but also by the Russian masons. Derzhavin depicts death not as a friend who liberates man from the burden of earthly life, but as a terrifying enemy; the drastic terms he uses to describe the horror of death harken back to the baroque tradition. Derzhavin confronts Young's and the masons' 'love of death' by resorting to the classical tradition as represented by the Horatian formula *carpe diem*: life is not a vale of tears, but a wonderful if only temporary gift from heaven. The article closes with a reflection on the concept of 'occasional poetry' and its relevance for understanding Derzhavin's poetic achievement.

Keywords: occasional poetry, epicedium, freemasonry, E. Young, G. R. Derzhavin.

Библиография

Алексеева Н. Ю. Стихотворение А. П. Сумарокова «На суету человека» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2018.

Аптекман М. Державин и масоны // Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения. Нортфильд (Вермонт), 1995.

Аржанухин С. В. Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург, 1995.

Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964.

Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., [1917].

Гуковский Г. А. Г. Р. Державин // Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1947.

Давиденкова А. Державин и барокко // Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения. Нортфильд (Вермонт), 1995.

Дергачева И. В. Русская и европейская танатологические парадигмы XIV–XVII вв. в сравнительном аспекте // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68).

Державин Г. Р. Сочинения / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. СПб., 1868. Т. 1.

Державин Г. Р. Стихотворения / Ред. и примеч. Г. А. Гуковского. Л., 1933.

Заборов П. Р. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964 (XVIII век. Сб. 6).

Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры / Пер. с лат., ред. пер., вступ. статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1970.

Клейн И. Чувство природы у Державина: «Водопад» // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. М.; СПб., 2018.

Кононко Е. Н. Примечания на сочинения Державина (продолжение) // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 1 (23).

Морозов А. А. Судьбы русского классицизма. // Русская литература. 1974. № 1.

Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина // Уч. зап. Томского гос. ун-та. 24 (Вопросы литературоведения). Томск, 1955.

Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга... СПб., 1799. Ч. 2.

Портнова И. А. «На смерть князя Мещерского» Г. Р. Державина // Анализ одного стихотворения: межвуз. сб. / Под ред. В. Е. Холшевникова. Л., 1985.

Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1 (Библиотека поэта. Большая сер. Второе изд.).

Примечания на сочинения Державина / Публ. и коммент. подгот. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып 2 (22).

Примечания на сочинения Державина. Часть II / Публ. подгот. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. Львов, 1975. Вып. 1 (25).

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977. Т. 1.

Симеон Полоцкий. Рифмологион: Собр. придворно-церемониальных стихов / Подгот. текста, статья и коммент.: Э. Хипписли, Х. Роте и Л. И. Сазоновой. Вена; Кельн; Веймар, 2017. Т. 2.

Творения Хераскова, вновь исправленные и дополненные. München; М., 2009. Ч. 7: Разные сочинения.

Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987.

Харрис Дж. Державин и Эдвард Юнг: (К вопросу о влиянии переводов на литературный процесс) // Гаврила Державин. Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения. Нортфильд (Вермонт), 1995.

Ariès P. L'homme devant la mort. Paris, 1977.

Busch W. Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964.

Delumeau J. Le péché et la peur. La culpabilisation en Occident. XIIIe–XVIIIe siècles. Paris, 1983.

Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Jena, 1908.

Favre R. La mort dans la littérature et la pensée françaises au siècle des Lumières. Lyon, 1978.

Horaz. Sämtliche Werke. Lateinisch und Deutsch. München, 1957.
Ingen F. van. Vanitas und Memento mori in der deutschen Barocklyrik. Groningen, 1966.
Klein J. «Совсем особый путь»: Державин между Ломоносовым и Горацием // History and Literature in Eighteenth-Century Russia / Ed.: S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Hartley. London, 2013.
Klein J. Державин и религия. Ода «Успокоенное неверие» // Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. Vol. 2 (2014).
Kytzler B. Horaz. Eine Einführung. Stuttgart, 1996.
Lefèvre E. Horaz, Dichter im augusteischen Rom. München, 1993.
Levitsky A. Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry <...> // Russia and the World of the Eighteenth Century / Ed.: R. Bartlett, A. Cross, K. Rasmussen. Columbus / Ohio, 1986.
Levitt M. C. The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia. De Kalb (Illinois). 2011.
Menant S. Horace et les poètes français du XVIIIe siècle // Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden / Hrsg.: H. Krasser, E. A. Schmidt. Tübingen, 1996.
Schmidt E. A. Horaz und die Erneuerung der deutschen Lyrik im 18. Jahrhundert // Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden / Hrsg.: H. Krasser, E. A. Schmidt. Tübingen, 1996.
Segebrecht W. Gelegenheitsgedicht // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft / Hrsg.: K. Weimar et al. Berlin; New York, 1997. Bd. 1.
Segebrecht W. Goethes Erneuerung des Gelegenheitsgedichts // Goethe Jahrbuch. Weimar, 1991. Bd. 108.
Syndikus H. P. Die Lyrik des Horaz. Eine Interpretation der Oden. Darmstadt, 1990. Bd. 1.
Wicker C. V. Edward Young and the Fear of Death. A Study in Romantic Melancholy. Albuquerque (New Mexico), 1952.
Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden / Hrsg.: H. Krasser, E. A. Schmidt. Tübingen, 1996.

И. Клейн

Державин и Тильзитский мир

Ода Державина на Тильзитский мир фундаментально отличается от тех торжественных стихотворений, которые были написаны раньше по таким поводам, поскольку Тильзитский договор завершил не выигранную, а проигранную войну. Критика политики Александра I, которая выражается в державинском стихотворении, соответствовала оппозиционному настроению и широкой публики, и придворных кругов. То же самое настроение проявляется и в переложениях псалмов, написанных Державиным в 1807 г.: эти библейские тексты могли пониматься как комментарии о бедственном состоянии русской жизни после Тильзита.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, торжественная ода, Тильзитский мир, переложения псалмов.

J. Klein

Derzhavin and the Treaty of Tilsit

Derzhavin's ode to the Treaty of Tilsit of 1807 differs markedly from earlier poems that celebrated peace treaties in line with Russia's long history of military glory. The Treaty of Tilsit, however, did not terminate a war that Russia had won, but one it had lost. The criticism of Tsar Alexander I's policies, implied in Derzhavin's poem, reflected a strong mood of political opposition not only in the general population, but also at court. The same mood is expressed in Derzhavin's poetic paraphrases of the psalter written in 1807: Under the given circumstances the biblical wording of these poems could be — and was — read as a commentary on life in Russia in the wake of the Treaty of Tilsit.

Key words: G. R. Derzhavin, Treaty of Tilsit, panegyric ode, paraphrases of psalms.

Библиография

Альтшуллер М. «Беседа любителей русского слова». У истоков русского славянофильства. М., 2007.

Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014.

Георгиевский Г. П. Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского архива // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1914. Т. 91. № 2.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997.

Державин Г. Р. Записки Державина. Cambridge, 1973.

Державин Г. Р. Сочинения: 2-е академ. изд. / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1869. Т. 2.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Клейн И. Державин и Фортуна // Клейн И. При Екатерине: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2021.

Коровин В. Л. Г. Р. Державин и Отечественная война 1812 года: Опыт истолкования «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 12. № 6.

Коровин В. Л. Как старик Державин лиру передавал (о «младых певцах» и «юном царе» в «Гимне лиро-эпическом») // Новгородский державинский сборник (к 200-летию со дня смерти поэта). Великий Новгород, 2016.

Ларкович Д. В. Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г. Р. Державина // «И вечной памятью двенадцатого года...»: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отеч. войны 1812 г., Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г. / Под общ. ред. Е. Е. Приказчиковой. Екатеринбург, 2013.

Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Т. 2.

Троицкий Н. А. Александр и Наполеон. М., 1994.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: 2-е изд. СПб., 1904. Т. 2.

Almedingen M. E. The Emperor Alexander I. New York, 1964.
Hartley J. M. Alexander I. London; New York, 1994.
Lieven D. Russia against Napoleon. The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009.
Palmer A. Alexander I: Tsar of War and Peace. London, 1974.
Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. Den Haag, 1957.
Rey M.-P. Alexandre Ier. [Paris], 2009.
Vandal A. La cour de Russie en 1807–1808 // Revue d'histoire diplomatique. 1890. № 4.
Venditti M. Il poeta e l'ineffabile. Gavrila Romanovič Deržavin. Le odi spirituali. Napoli, 2010.

Н. Д. Кочеткова

Н. И. Новиков в жизни и творчестве Н. М. Карамзина

В статье прослеживается роль Новикова в становлении Карамзина как писателя, история их личных и творческих отношений. При всем различии литературных и общественных позиций, их сближало многое: интерес к нравственным проблемам, стремление к творческой независимости, уважение к литературному труду, участие в приобщении русской публики к чтению. Филантропическая деятельность Новикова получила отражение в раннем поэтическом творчестве Карамзина (стихи «Мишеньке»). В «Письмах русского путешественника» немаловажное значение имеет эпизод с поездкой Карамзина к И. А. Штарку, сочинения которого переводились участниками новиковского кружка И. П. Тургеневым и А. А. Петровым. Несостоявшаяся встреча с А. М. Кутузовым во время путешествия Карамзина способствовала его отходу от масонского кружка, но дружеская связь писателя с подвергнутым гонениям Новиковым не прерывалась, о чем свидетельствует не только ода «К Милости», но и другие публикации. После освобождения Новикова Карамзин первым выступил в печати с высокой оценкой книгоиздательской деятельности Новикова. Взаимное уважение писателей друг к другу, несмотря на различие их убеждений, проявилось и в их переписке 1816 г.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, Н. И. Новиков, масонство, русская литература, XVIII век.

N. D. Kochetkova

N. I. Novikov in the life and work of N. M. Karamzin

The article traces the role of Novikov in the formation of Karamzin as a writer, the history of their personal and creative relationships. For all the differences in literary and social positions, they were brought together by many things: interest in moral problems, the desire for creative independence, respect for literary work, participation in familiarizing the Russian public with reading. Philanthropic activity of Novikov was reflected in the early poetry of Karamzin (poem «Mishenka»). In «Letters of a Russian Traveler», the episode with Karamzins trip to I. A. Stark, whose works were translated by members of the Novikov circle, I. P. Turgenev and A. A. Petrov, is of no small importance. The failed meeting with

A. M. Kutuzov during Karamzin's trip contributed to his exit from the Masonic circle, but the writer's friendly relationship with the persecuted Novikov was not interrupted, as evidenced not only by the ode «To Grace», but also by other publications. After the release of Novikov, Karamzin was the first to appear in press with a high assessment of Novikov's book publishing activities. The mutual respect of writers for each other, despite the difference in their convictions, was also manifested in their correspondence in 1816.

Keywords: N. M. Karamzin, N. I. Novikov, Freemasonry, Russian literature, XVIII century.

Библиография

Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915.

Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 2-е, исправленное и расширенное / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999.

Виноградов В. В. Неизвестные сочинения Н. М. Карамзина // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

Дмитриев И. И. Сочинения / ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2.

Записки сенатора И. В. Лопухина. 1859. Лондон: Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 70 (Сер.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева).

Карамзин Н. М. Избр. соч.: в 2 томах. М.; Л., 1964.

Карамзин Н. М. Письма к Н. И. Новикову // Русский архив. 1890. Кн. 3. № 11.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984.

Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966.

Карамзин Н. М. Сочинения / Под ред. и с примеч. В. В. Сиповского. Пг., 1917. Т. 1: Стихотворения.

Кафанова О. Б. Образ «чувствительной» и мудрой Индии в «Московском журнале» Н. М. Карамзина // Карамзин-писатель. СПб., 2018.

Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб., 2020.

Клейн И. «Письма русского путешественника как документальный источник // Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105).

Клейн И. «Письма русского путешественника как документальный источник // Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105).

Клейн И. Между Аполлоном и Фортуной: Карамзин-писатель в социологической перспективе // Клейн И. При Екатерине: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2021.

Кочеткова Н. Д. Багрянский Михаил Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И).

Кочеткова Н. Д. Читательские отклики на публикации Карамзина в России XVIII века // A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven 2014 /

Ed. by E. Waegemans H. van Koningsbrugge, M. Levitt and M. Ljustrov. Groningen, 2015.

Кросс Э. Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб., 1996.

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000.

Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в.

Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.

Николаев С. И. Поэтологический контекст «Меланхолии» Н. М. Карамзина // Карамзин-писатель. СПб., 2018.

Новиков Н. И. Избранные сочинения / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1954.

Петров А. В. «Опыт исторического словаря о русских писателях» Н. И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина // Русская литература, 2007. № 3.

Письма Н. И. Новикова / [Сост.: А. И. Серков, М. В. Рейзин. Коммент.: А. И. Серков]. СПб., 1994.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / С примеч. и указ. Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866.

Погодин М. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам, отзывам современников. М., 1866. Ч. 1.

Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма.

Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916.

Сапченко Л. А. «Религия выше философии...». (Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Новикову) // Вестник Московского обл. ун-та, 2014. № 1 (URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/532 (дата обращения: 18.10.2021)).

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1985. Т. 2: H–R.

Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.

Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28.

Baudin R. Nikolaï Karamzin à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.

Cross A. G. Count Semen Vorontzov's Library of Russian Books in London // Solanus. International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies. New Series. 1989. Vol. 34.

Lehmann-Carli G. Nikolaj Michajlovic Karamzin als «Bruder Ramsay» im Kreise der Moskauer Freimaurer und Aufklärer und seine Affinität zu Johann Caspar Lavater // Antropologische Konzepte in der russischen Kultur und Literatur (18.–19. Jh.) = Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.) / Hrsg.: A. Фаустов, G. Lehmann-Carli. Halle (Saale), 2008.

Panofsky G. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts. Wiesbaden, 2010.

М. Шруба

Вокруг книги Я. И. Басина «Национальные изображения промышленников» (1799)

В статье представлена биография Я. И. Басина и описано содержание его книги «Национальные изображения промышленников» (М., 1799). Установлен иноязычный источник, как иллюстраций, так и текстов в книге. Это издание «Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer, zur Erklärung der darauf abgebildeten Figuren» (St. Petersburg: Carl Lissner, 1794. Heft 1–3), которое осуществили немецкие художники Х. Г. Шёнберг и Х. Г. Г. Гейслер (в описании книги Басина в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» указан неверный источник); последние четыре изображения в книге являются копиями гравюр швейцарского художника Ф. И. Гаттенбергера. Иллюстрированные издания подобного рода принадлежат к жанру «cris» («зазывал»): серийных изображений торговцев вразнос, весьма распространенных в Западной Европе XVII–XVIII вв. В статье дан также беглый обзор упоминаний разносчиков в русской литературе XVIII в. от А. Д. Кантемира до Н. М. Карамзина. В приложении приводится библиографический список из 16 серийных изданий с изображениями русских торговцев вразнос, созданных (как в России, так и заграницей) с 1750-х гг. вплоть до середины XIX в.

Ключевые слова: Я. И. Басин, Х. Г. Г. Гейслер, торговцы вразнос, русская книжная культура конца XVIII в.

M. Schruba

Around Ia. I. Basin's book «National depictions of peddlers» (1799)

This article displays Ia. I. Basin's biography and describes the content of his book «National depictions of peddlers» (Moscow, 1799). It detects the foreign-language source of the illustrations as well as of the texts in the book: this is, mainly, the edition «Beschreibung der unter dem Titel: St. Petersburgische Hausierer herausgegebenen Kupfer, zur Erklärung der darauf abgebildeten Figuren» (St. Petersburg: Carl Lissner, 1794. Heft 1–3), carried out by the German artists Ch. G. Schönberg and Ch. G. H. Geissler (the description of Basin's book in the «Cumulative catalogue of the Russian 18th century Civil Script books» indicates a wrong source); the last four depictions in the book are copies of engravings created by the Swiss artist J. F. X. Hattenberger. Illustrated editions of such type belong to the genre of «cries»: serial depictions of itinerant traders, very widespread in Western Europe of the 17th and the 18th centuries. The article gives also a brief survey of the peddler motif in 18th century Russian literature from A. D. Kantemir to N. M. Karamzin. An appendix contains a list of 16 serial editions with Russian itinerant traders, created (both in Russia and abroad) since the 1750ies to the mid 19th century.

Key words: Ia. I. Basin, Ch. G. H. Geissler, «cries», itinerant trades, Russian late 18th century book culture.

Библиография

Абайдулова А. Г. «...Alles liebte damals das Russische»: О немецко-русских разговорниках художника Х. Г. Г. Гейслера 1813 г. // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII — XX века). Биографический аспект. СПб., 2016. Вып. 10.

Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1: А–Л.

Барков И. С. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Сажина. СПб., 2004 (Сер.: Новая библиотека поэта).

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1: Аарон — Гоголь.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1891. Т. 2.

Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

Гейслер Х. Г. Г. Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков / Вступ. ст. Е. И. Иткиной. М., 2015.

Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Берлин, 1876. Т. 1: А–Е.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [в 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.], 1938. Т. 3: Повести.

Головко С. И. «Волшебный фонарь» как уникальное издание в истории российского книгопечатания // Библиография и книговедение. 2018. № 3 (416).

Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подгот. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992.

Камалова А. А. «Волшебный фонарь» как опыт издания журнала нового типа в российской журналистике // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2.

Кантемир А. Д. Собрание стихотворений / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот.: Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1987 (Сер.: Лит. памятники).

Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1.

Княжнин Я. Б. Комедии и комические оперы / Изд. подгот. А. Ю. Веселова и Н. А. Гуськов. СПб., 2003.

Комелова Г. Н. Серия гравюр 1791–1792 гг. работы Х. Г. Гейслера и К. Г. Шенберга с изображением петербургских разносчиков // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1970. Т. 11: Русская культура и искусство. 2.

Комелова Г. Сцены русской народной жизни конца XVIII — начала XIX веков. Л., 1961.

Осетров Е. Рождение и жизнь «Волшебного фонаря» // Волшебный фонарь, или Зрелище <...>: Прилож. к факс. изд. М., 1988.

Полевая фортификация, или Искусство, каким образом строить шанцы и разные укрепления. М., 1798.

Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах / Коммент. Ю. М. Лотмана. М., 1991.

Пыляев М. И. Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1 (СОРЯС. Т. 23).

Рогожин В. Н. Дела «московской цензуры» в царствование Павла I как новые материалы для русской библиографии и словаря русских писателей. СПб., 1902. Вып. 1: 1797 год.

Русский биографический словарь. СПб., 1900. [Т. 2:] Алексинский–Бестужев-Рюмин.

Русский биографический словарь. СПб., 1914. [Т. 4:] Гааг–Гербель.

Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951.

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984. Т. 1: A–G.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963. Т. 1: А–И.

Сводный каталог русской книги. 1801–1825. М., 2000. Т. 1: А–Д.

Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 1997; Т. 1: Журналы (А–В); СПб., 2006. Т. 3: Журналы (З–М). С росписью содержания.

Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: (А–И); СПб., 1999. Вып. 2: (К–П); СПб., 2010. Вып. 3: (Р–Я); СПб., 2020. Вып. 4: (Указатели).

Снегирев И. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением. М., 1838. Т. 1: А–Г.

Соломатина Н. Мотивы, стили и манеры в графике о жизни в России второй половины XVIII — начала XX века // Из русской жизни XVIII — начала XX века: рисунок, акварель, гравюра, фарфор, скульптура / Русский музей. СПб., 2010.

Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1815. Ч. 3: Е–Н.

Сопиков В. С. Опыт российской библиографии / Ред., примеч., доп. и указатель В. Н. Рогожина. СПб., 1904. Ч. 3.

Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч.: 2-е изд. М., 1787. Ч. 7.

Фрэнгер В. Немецкие образцы русских лубков XVIII века // Народная картинка XVII — XIX веков: материалы и исследования. СПб., 1998.

Чулков М. Д. Пересмешник / Сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. В. П. Степанова. М., 1988.

Шруба М. Русская обсценная эпиграмма XVIII века (переводы с французского) // Russian Literature. 2002. Vol. 52. № 1–3.

Anweisung in drey Stunden ein Mahler zu werden, und die Werke der größten Meister auszumahlen, ohne Unterricht im Zeichnen gehabt zu haben / Aus dem Französischen übersetzt. 5. Auflage. Halle, 1795.

Beall K. F. Kaufrufe und Straßenhändler: Eine Bibliographie = Cries and Itinerant Trades: A Bibliography. Hamburg, 1975.

Camerlengo L. Un secolo al museo. La raccolta Daziaro tra Ottocento e Novecento // Paesaggi lontani e meravigliosi. Далекие и удивительные пейзажи. L'antica Russia nelle stampe tesine del Museo Puškin di Mosca / A cura di E. Bogatyrev, L. Camerlengo. Trento, 2013.

Fietta E. Un secolo di presenza dei Daziaro in Russia // Paesaggi lontani e meravigliosi. Далекие и удивительные пейзажи. L'antica Russia nelle stampe tesine del Museo Puškin di Mosca / A cura di E. Bogatyrev, L. Camerlengo. Trento, 2013.

Fournel V. Les Cris de Paris. Types es physiognomies d'autrefois. Paris, 1886.

Guiraud P. Dictionnaire érotique. Paris, 1993.

Heumann G. D. Der Göttingische Ausruff von 1744 / Neu hrsg. und kommentiert von R. W. Brednich: Zweite verbesserte Aufl. Göttingen, 2021.

Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabel. Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Wiesbaden, 1998.

Kudrjavceva T. V. Jean-François-Xavier Hattenberger: Direktor der kaiserlichen Porzellanmanufaktur, Künstler und Technologe // Schweizer in Sankt-Petersburg / [M. I. Lüthi; E. Maeder; E. M. Tarchanova]. SPb., 2003.

Massin [R.]. Les cris de la ville. Commerces ambulants et petits métiers de la rue. Paris, 1985.

Prange Ch. F. Die Schule der Mahlerey <...> Nebst einem Anhang von der Kunst in drey Stunden ein Mahler zu werden, und die Werke der berühmtesten Meister in Farben zu setzen, ohne die Zeichnungskunst erlernt zu haben / aus dem Französischen übersetzt: 2. Ausgabe. Halle, 1782.

Steinitz W. «Les cris de Paris» und die Kaufdarstellung in der Druckgraphik bis 1800. Salzburg, 1971.

Wustmann G. C. G. H. Geißler der Zeichner der Leipziger Völkerschlacht. Leipzig, 1912.

С. И. Николаев

Из истории изучения русской литературы XVIII века в 1920-х гг.
(Статья Т. М. Глаголевой о Феофане Прокоповиче и А. Кантемире)

Одной из первых женщин-исследовательниц, посвятивших себя изучению русской литературы XVIII в., была Т. М. Глаголева (1885–1962), в центре внимания которой было творчество Антиоха Кантемира. Статья посвящена работам Т. М. Глаголевой о Кантемире и публикуется ее доклад 1923 г., в котором она анализирует творческие связи Феофана Прокоповича и Кантемира. Публикацию доклада сопровождает биографическая заметка П. Н. Беркова о Глаголевой, в которой приведен список ее важнейших работ о русской литературе XVIII в.

Ключевые слова: Антиох Кантемир, Феофан Прокопович, литературные влияния, история литературоведения.

S. I. Nikolaev

From the history of the study of Russian literature
of the XVIII century in the 1920s.
(Article by T. M. Glagoleva about Feofan Prokopovich and A. Kantemir)

One of the first female researchers who devoted herself to the study of Russian literature of the XVIII century was T. M. Glagoleva (1885–1962), whose focus was the work of Antio-

chus Cantemir. The article is devoted to the works of T. M. Glagoleva about Kantemir and her report of 1923 is published, in which she analyzes the creative connections of Feofan Prokopovich and Kantemir. The publication of the report is accompanied by a biographical note by P. N. Berkov about Glagoleva, which contains a list of her most important works on Russian literature of the XVIII century.

Keywords: Antioch Kantemir, Feofan Prokopovich, literary influences, history of literary criticism.

Библиография

Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой.

Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964. Ч. 1: Очерк литературной историографии XVIII века.

В. Т. Сношения России с папским престолом в исходе 17 и первой половине 18 века // Русская старина. 1908. № 12.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь...: Изд. 2-е. Пг., 1915. Т. 1.

Венгеров С. А. Материалы для Словаря русских писателей и ученых. СПб., 1900. Т. 1.

Верховскпй П. В. Учреждение духовной коллегии и «Духовный регламент». К вопросу об отношении церкви и государства в России. Ростов н/Д, 1916. Т. 2.

Глаголева Т. М. К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира — влияние Буало и Лабрюйера. СПб., 1913.

Глаголева Т. М. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1906. Т. 11. № 2.

Д-н [Дудышкин С. С.]. Сочинения Кантемира. Издание А. Смирдина. СПб., 1847 // Современник. 1848. № 12.

Дневник Петра Даниловича Апостола // Киевская Старина. 1895. Т. 50. № 7.

Довгий О. Л. «И Кантемир, и Феофан...». Saarbrücken, 2015.

Змеев Л. Ф. Второе дополнение к книге «Русские врачи-писатели». [СПб.], 1892.

Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. СПб., 1886. Вып. 1.

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Кантемир А. Сочинения. СПб., 1847.

Кантемир А. Д. Соч., письма и избр. переводы / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867–1868. Т. 1–2.

Копаница Л. Н. К вопросу о реформе силлабического стихосложения в украинской и русской литературах XVIII столетия (на материале литературно-теоретического наследия Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира) // Вісн. Київськ. ун-ту. Укр. філологія, 1980. Вип. 22.

Копаница Л. Н. Поэтика сатирических произведений Ф. Прокоповича и А. Кантемира и интермедии первой половины XVIII в. // Вопросы русской литературы. Львов, 1985. Вып. 1 (45).

Копаница Л. Н. Феофан Прокопович и Антиох Кантемир. (К истории русско-украинских литературных связей): Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Киев, 1982.

Краткий отчет о деятельности Общества любителей древней письменности и искусства за 1917–1923 гг. Л., 1925.

Луцевич Л. Ф. Духовные стихотворения Антиоха Кантемира и Феофана Прокоповича // Луцевич Л. Ф. Псалтырь в литературе: учеб. пособие по спецкурсу. Кишинев, 2001. Ч. 2: Стихотворные переложения псалмов в русской поэзии XVIII века.

Луцевич Л. Ф. Опыты обращения к псалтыри в первой половине XVIII в. (А. Кантемир и Ф. Прокопович) // Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.

Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903.

Материалы для истории Академии наук. СПб., 1887. Т. 1.

Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.

Николаев С. И. Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 г.? (Об авторстве «Эпода утешительного») // Русская литература. 1989. № 2.

Обатнина Е. Р. XXII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома // Русская литература. 2020. № 2.

Пекарский П. История имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 1.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2.

Русская интеллигенция: Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб., 2002. Т. 1: А–Л.

Русский биографический словарь. Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11: (Нааке-Накенский–Николай Николаевич).

Сборник Русского исторического общества. СПб., 1889. Т. 66.

Соболев А. Л., Тименчик Р. Д. Венеция в русской поэзии. 1888–1972: Опыт антологии. М., 2019.

Тридцать четвертое, и последнее присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 25 Июня 1865 года. СПб., 1866.

Феофан Прокопович. Слова и речи. СПб., 1760–1765. Ч. 1–3.

Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

А. О. Дёмин

Русский перевод либретто Дж. Бонекки «Селевк» (1744)

Публикуется русский перевод оперного либретто Дж. Бонекки «Селевк» (Il Seleuco), выполненный для первой постановки в Москве в 1744 г., где и был отпечатан. Установлено авторство французского перевода П. Малье (Малью), учителя французского и итальянского языка при итальянской придворной труппе. Установлено, что русский перевод делался с французской версии, однако для перевода стихов, возможно, привлекался итальянский оригинал. Для повторной постановки в 1761 г. итальянское либретто было изменено, и был сделан его новый французский перевод. Вопрос об авторстве русского перевода либретто нуждается в дальнейшем рассмотрении в контексте полемики о выразительности хореических и ямбических метров между Сумароковым, Тредиаковским и Ломоносовым. Либретто Бонекки заслуживает самостоятельного историко-литературного изучения.

Ключевые слова: опера, драматургия, Дж. Бонекки, П. Метастазио, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский перевод, русско-итальянские связи.

A. O. Demin

Russian translation of the libretto by G. Bonecchi «Seleucus» (1744)

The Russian translation of G. Bonecchi's opera libretto «Seleucus» (Il Seleuco), made for the first production in Moscow in 1744, where it was printed, is republished. The authorship of the French translation by P. Mal'e (P. Mailliu), a teacher of French and Italian at the Italian court troupe, has been established. It has been established that the Russian translation was made from the French version, however, the Italian original may have been involved in the translation of the verses. For the re-staging in 1761 the Italian libretto was changed and a new French translation was made. The question of the authorship of the Russian translation of the libretto needs further consideration in the context of the controversy about the expressiveness of trochaic and iambic meters between Sumarokov, Trediakovsky and Lomonosov. Bonecchi's libretto deserves independent historical and literary study.

Key words: opera, dramaturgy, G. Bonecchi, P. Metastasio, M. V. Lomonosov, A. P. Sumarokov, V. K. Trediakovskij, translation, Russian-Italian relations.

Библиография

Ахметшина З. «Селевк» Ф. Арайи и ее рукописи в библиотеке Санкт-Петербургской консерватории // Opera musicologica. 2014. № 3.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Елисавете Петровне / Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. Сост., подгот. текста, послесл. В. А. Харламовой. СПб., 2003.

Гардзонио С. Стих русских поэтических переводов итальянских оперных либретто XVIII века // Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA. Columbus, 1989.

Гардзонио Ст. Бонекки (Bonecchi или Bonechi) Джузеппе // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. СПб., 2000. Т. 1: XVIII век. Кн. 1: А–И.

Гуревич Л. Я. История русского театрального быта. М.; Л., 1939. Т. 1.

Дёмин А. «Подлое звание театрального стихотворца»: А. П. Сумароков и Дж. Бонеки // Туру twórczości literackiej: od mistrza pióra do grafomana = Виды литературного творчества: от мастера пера к графоману / pod redakcją. E. Sadzińskiej i A. Szymańskiej. Łódź, 2018. S. 55–63 (Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 2018 No. 11).

Дёмин А. О. «Прибежище Тишины» Дж. Бонекки в весеннем Петербурге 1748 года // Все тревоги мира: беспокойство в литературе и искусстве: Сб. ст. (в печати).

Евгений <Болховитинов>, митр. Словарь русских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России <...> М., 1845. Т. 2.

Левитт М. Перевод «Селевка» в творческой биографии Сумарокова // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени.

Морков В. И. Исторический очерк русской оперы с самого начала по 1862 год. СПб., 1862.

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях <...> СПб., 1772.

Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2.

Порфирьева А. Л. Музыкальные развлечения Великого князя Петра Федоровича в Ораниенбауме // Ораниенбаум: страницы истории. СПб., 2008.

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984. Т. 1: A–G.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963. Т. 1: А–И.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2: К–П.

Серман И. З. Ломоносов и придворные итальянские стихотворцы 1740-х годов // Международные связи русской литературы. М., 1963.

Старикова Л. М. Первая русская балетная школа // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология: Ежегодник 1985. М., 1987.

Старикова Л. М. Театр и зрелища российских столиц в XVIII веке: Историко-документированные очерки. М., 2018.

Стасов В. В. Русские и иностранные оперы, исполнявшиеся на императорских театрах в России в XVIII-м и XIX-м столетиях. СПб., 1898.

Степанов В. П. Олсуфьев Адам Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П).

Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника. 1741–1750 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2003. Вып. 2. Ч. 1.

Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Документальная хроника. 1751–1761 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2011. Вып. 3. Кн. 1.

Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте.

Bonechi Giuseppe // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1969. T. 11.

Mooser R.-A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIe siècle. Génève, 1948. T. 1 : Des origines à la mort de Pierre III.

Mooser R.-A. Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIII. Génève, 1945.

Russo F. P. Festa teatrale: repraesentatio maiestatis in eighteenth-century Russia // Musik am russischen Hof. Vor, während und nach Peter dem Großen (1650–1750) / Hrsg. von L. Erren. Berlin, 2017. S. 191–203.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Статьи

Л. А. Курышева, Н. В. Карева (Новосибирск, С.-Петербург). Гистория о принце Адолфе: ранняя русская версия галантной сказки М.-К. д'Онуа 5

Н. В. Салоников, К. В. Суториус (Великий Новгород, С.-Петербург). Переписка новгородского митрополита Иова: источниковедческие и текстологические проблемы 28

М. К. Брагоне (Павия). Эзоп в России XVIII века: несколько наблюдений над переводом С. С. Волчкова (1747) 63

Е. Д. Кукушкина (С.-Петербург). Басни Роже Летранжа в русских стихотворных переложениях 86

Е. Д. Кукушкина (С.-Петербург). Цензурная, авторская и режиссерская правка театральных сочинений А. П. Сумарокова 109

Р. Бодэн (Париж). Турецкая тема и ее эволюция в творчестве Ф. А. Эмина 128

А. Ю. Соловьев (С.-Петербург). Из исторического комментария к трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» 153

К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). Из наблюдений над биографией и литературной позицией И. И. Виноградова 174

А. Варда (Лодзь). Две русские обработки сюжета об английском путешественнике и индианке 193

А. Ю. Веселова (С.-Петербург). Творчество А. Т. Болотова в контексте традиции рукописной и печатной книги 207

К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). Львовско-державинский литературный кружок (участники, хронология) 228

И. Клейн (Беркли). Memento mori: ода Державина «На смерть князя Мещерского» 265

И. Клейн (Беркли). Державин и Тильзитский мир 280

Н. Д. Кочеткова (С.-Петербург). Н. И. Новиков в жизни и творчестве Н. М. Карамзина 291

М. Шруба (Милан). Вокруг книги Я. И. Басина «Национальные изображения промышленников» (1799) 308

Публикации

С. И. Николаев (С.-Петербург). Из истории изучения русской литературы XVIII века в 1920-х гг. (Статья Т. М. Глаголевой о Феофане Прокоповиче и А. Кантемире) 337

Т. М. Глаголева-Берхен. Феофан Прокопович (1681–1736) и кн. Антиох Кантемир (к вопросу о литературном влиянии) 342

П. Н. Берков. Т. М. Глаголева, одна из первых исследовательниц русской литературы XVIII века 356

А. О. Дёмин (С.-Петербург). Русский перевод либретто Дж. Бонекки «Селевк» (1744) 359

Библиография

Хронологический список трудов Константина Юрьевича Лаппо-Данилевского. *Составили: А. О. Дёмин, А. Ю. Соловьев* 405

Список сокращений 431

Указатель имен 432

Аннотации, ключевые слова, библиография 449

Научное издание

XVIII ВЕК

Сборник 31

Издание утверждено к печати Ученым советом Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, протокол № 2 от 26 июня 2023

Ответственные редакторы:
Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург, набережная адм. Макарова, 4

Регистрирующий орган:
Роскомнадзор, регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-64919
от 24 февраля 2016 г.

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Корректор *А. Н. Сидоров*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 29.07.2024. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 34,0. Усл. печ. л. 31,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 1056.

ИП Новикова О. Л.
ОГРНИП 319784700175460
194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано в ООО «Контраст».
192171, Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20

Издание предназначено для читателей старше 14 лет

ДЛЯ ЗАМЕТОК